

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

16+

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

*International Journal of Humanities and
Natural Sciences*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 5-2 (116)

2026

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ *гуманитарных и естественных наук*

№ 5-2 (116), май 2026 г.

международный ежемесячный научный журнал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 66830 от 15.08.2016 выдано Роскомнадзором.

Главный редактор – Матвеев Данил Максимович, канд. экон. наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Шматко А.Д. – д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАО (Россия)

Усов С.В. – д-р техн. наук, профессор (Россия)

Бекбоев А.А. – д-р филос. наук, профессор (Кыргызстан)

Марков А.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, профессор (Россия)

Ионесов В.И. – д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент (Россия)

Югов Н.Т. – д-р физ.-мат. наук, профессор (Россия)

Зак А.З. – д-р психол. наук, профессор (Россия)

Портнова Т.В. – д-р искусствоведения, профессор (Россия)

Ларионов М.В. – д-р биол. наук, профессор (Россия)

Жаркова С.В. – д-р с.-х. наук, доцент (Россия)

Чертыкова М.Д. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник (Россия)

Коробейников А.Г. – д-р техн. наук, профессор (Россия)

Кондрашихин А.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор (Россия)

Саидов С.Ш. – д-р полит. наук (Узбекистан)

Жеребкин М.В. – д-р полит. наук, профессор (Россия)

Храмцова Ф.И. – д-р полит. наук, профессор (Белоруссия)

Логинова М.В. – д-р филос. наук, профессор (Россия)

Герасимов Б.Н. – д-р экон. наук, профессор (Россия)

Окулич-Казарин В.П. – д-р пед. наук, профессор (Польша)

Эрастов Е.Р. – д-р мед. наук, доцент (Россия)

Рабочий язык журнала: русский и английский.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Материалы публикуются в авторской редакции

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Ответственный редактор: Меняйкин Данила Владимирович

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

СОДЕРЖАНИЕ

Медицинские науки

Аманкул И.Н., Теллур А.Т., Ермекбай А.Е., Жунусова Б.Р., Газетдинов Ф.Я., Тургунова А.Е. Тяжелая азатиоприн-индуцированная панцитопения у пациента с болезнью крона: клинический случай _____	7
Геворкян М.Р., Чорохян К.Э. Буккальный трансплантат слизистой оболочки как аутологичный материал в хирургии протяженных стриктур передней уретры _____	13
Лунегова Е.С., Малькова А.В., Лобанова Н.Ю. Оценка распространенности гастроинтестинальных жалоб и нарушения пищевого поведения, а также их ассоциации с изменением массы тела _____	21
Машрапова А.А., Дооранбек кызы Э., Каримова Ш.М. Особенности структуры показаний к кесареву сечению у возрастных первородящих в южном регионе Кыргызстана _____	31
Миклина М.И., Ахмедзянова Я.Р., Захаров А.Ю., Лобанова Н.Ю. Анализ полипрагматии и назначения потенциально не рекомендованных лекарственных средств у пациентов 65 лет и старше в условиях терапевтического стационара _____	38
Озеров Г.Л. Вегетативное обеспечение стресса _____	46
Оразалыева А.М., Гельдыев А.А., Овезклычев П.Т., Ламанова Д.Б. Динамика реакции шванновских клеток в очаге гнойного воспаления роговицы в ходе лечения аутоплазмой _____	52
Хасанов Х.Р., Сагеев Р.О. Современные подходы к безопасной лапароскопической холецистэктомии: концепция critical view of safety (CVS) в современной повседневной хирургической практике _____	58

Философские науки

Бощенко Д.А. Этика искусственного интеллекта: проблема моральной ответственности при делегировании автономных решений _____	63
Буряк Н.Ю., Жуковская А. Академическая честность в условиях нормализации ИИ в образовании: переосмысление плагиата в эпоху искусственного интеллекта _____	68
Ильина Ю.А. Машинный интеллект как симуляция человеческого разума _____	73
Стамова Р.Д. Формирование идеологии современного Кыргызстана _____	78
Тайлакова А.А., Сыдыкова А.М. Философские основания китайской модели устойчивого развития в контексте глобальных трансформаций _____	85

Филологические науки

Бадретдинова А.А. Поликодовые термины в современном дискурсе индустрии моды (китаеязычный сегмент) _____	90
Ерзенкина М.В. Сравнительный анализ разноуровневых характеристик энергетических и информационных английских глаголов на базе речевого материала _____	96

Маматжан уулу Мелис Поэтическая находка как отражение новых эстетических идеалов в молодежном и миграционном дискурсе Кыргызстана _____	102
Попова О.А. Оценочная лексика как инструмент формирования имиджа учреждений среднего профессионального образования (на материале главных страниц сайтов) _____	108
Токина А.И. Особенности языкового выражения возникновения мысли в художественных текстах романов Ф.М. Достоевского _____	114
Ян Чжи, Студенко Т.С. Диалектика понятий «профессиональная идеология» и «профессиональная идентичность» журналиста в контексте подготовки медиаспециалистов _____	119
Физико-математические науки	
Бощенко Д.А. Сравнительный анализ метода Даламбера и рядов Фурье при решении волнового уравнения колеблющейся струны _____	125
Бощенко Д.А. Применение фрактальной геометрии для оценки загрязнения грунтовых вод _____	130
Химические науки	
Пустовит С.О., Копытов М.Д. Оценка возможности комплексного использования плодов каштана конского обыкновенного: определение сапонинов в семенах и околоплодниках _____	135
Юридические науки	
Афониная О.С., Рокова В.В., Соболева А.С. Гражданско-правовой статус дипфейков: согласие на обработку голоса и изображения _____	142
Баротов И.И. Современные средства фиксации доказательственной информации в гражданском судопроизводстве _____	146
Бикбулатова К.А. Международно-правовые основы защиты прав трудящихся-мигрантов _____	152
Васильева Е.Г., Мироненко Д.И. Легкая жалоба – новая форма внесудебного применения в налоговом споре _____	158
Водолазова А.Ю. Пределы ответственности за приготовление к преступлению: критерии разграничения _____	163
Воловык Р.В., Кременов И.Н. Совершенствование порядка привлечения к административной ответственности за налоговые правонарушения _____	170
Горшкова А.А., Старцева С.В. Пределы «страхового мошенничества»: где заканчивается презумпция невиновности и начинается отказ в выплате? _____	177
Гришин И.М., Еркеев А.О. К вопросу о правовом положении незаконных комбатантов _____	182
Гришина Н.Е., Панкратова О.В. Особенности установления подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений _____	187
Евтушенко А.М. Исполнимость судебного решения как гарантия защиты прав заинтересованных лиц _____	193

Жиляев Д.В. Выявление эффективных административных механизмов борьбы с контрабандой наркотиков на основе анализа практики Китая _____	198
Зямилева Р.Р., Мартынова А.О. Мошенничество с использованием дипфейков: проблемы квалификации по ст. 159 УК РФ и перспективы законодательного регулирования _____	203
Исомов М.К. Защита прав человека в контексте социального государства: международный опыт и инновационные стратегии _____	208
Кузнецов А.А., Герасименко М.Н. Конституционно-правовые границы участия прокуратуры в противодействии противоправной информации в сети интернет и роль судебной власти _____	213
Лебедева Д.С. Взаимоотношения государства и религиозных обществ в России _____	220
Лосева Е.Н., Хозина А.В. О некоторых нормах землепользования: правовые риски для правообладателей земельных участков _____	226
Маатов А.С., Асанбекова Д.Ж. Проблемы и перспективы взаимодействия прокуратуры с правоохранительными органами в сфере противодействия коррупции в Кыргызской Республике _____	232
Манташян Р.А. Инновационные технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы _____	240
Пекарева В.В. Значение объекта преступления для квалификации уголовно-правовых деяний: логико-правовой аспект и прикладные проблемы _____	245
Пономарева Н.С. Профилактическая деятельность следователя при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними _____	250
Потапов М.Г. Проблемы определения нормы права _____	256
Саетгареева С.А., Еникеева Л.Б. О некоторых проблемах наследования имущества участников СВО _____	267
Смелов Г.И., Афонина О.С. Цифровой рубль: понятие, сущность и проблемные вопросы правового регулирования _____	272
Степень Е.Е. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью: теоретический и практический аспекты _____	278
Упоров И.В., Пачков А.А. Приговоры за преступления против государства: особенности вынесения и исполнения в России XVIII века _____	283
Упоров И.В. Политико-правовые особенности первого этапа реформирования системы местного самоуправления в России (1990-1993 годы) _____	289
Чимаров Н.С., Калинин П.М. Международно-правовые основы обеспечения кибербезопасности и превенции киберпреступлений _____	296
Шепляков М.Д., Натроби́на О.В. Статистическое изучение преступности и криминальной активности в Калужской области _____	301

Якушева Е.Ю., Миронов В.И. Инновации в административном праве: роль технологий и цифровизации _____	307

Экономические науки

Антимонова О.Н., Скачкова И.И., Антонова Д.А. Повышение эффективности инновационной деятельности организации на основе гибридных методов управления (на примере ПАО «Яндекс») _____	312
Дежинова Д.Д., Гущина Е.Г. Влияние рекламных инвестиций на капитализацию бренда как нематериального актива: сравнительный анализ стратегий Сбера и X5 Retail Group _____	316
Дежинова Д.Д., Мельник Т.И. Социально-ориентированные коммуникации в брендинге: анализ эффективных стратегий и рисков (на примере российских и международных кампаний) _____	321
Джузбаев Д.Ш. Формирование модели устойчивого функционирования растениеводческих хозяйств в условиях климатической и ценовой неопределенности (на примере долгосрочного практического опыта) _____	326
Ершова А.Ю. Классификация экономико-географических карт как основа для анализа демографической нагрузки региона (на примере Волгоградской области) _____	332
Ильяшенко Д.В. Современный демографический кризис в Японии и его влияние на экономику страны _____	337
Омельченко А.С., Зарбали Ш.С., Зарбалиева Н.О. Эффективность механизмов государственного и муниципального контроля в сфере экологического землепользования Волгоградской области _____	346
Сабирова Д.З. Гендерные и возрастные аспекты управления персоналом в российских организациях _____	353

ТЯЖЕЛАЯ АЗАТИОПРИН-ИНДУЦИРОВАННАЯ ПАНЦИТОПЕНИЯ У ПАЦИЕНТА С БОЛЕЗНЬЮ КРОНА: КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

И.Н. Аманкул, врач-интерн

А.Т. Теллур, врач-интерн

А.Е. Ермекбай, врач-интерн

Б.Р. Жунусова, врач-резидент

Ф.Я. Газетдинов, врач-резидент

А.Е. Тургунова, преподаватель

Карагандинский медицинский университет

(Казахстан, г. Караганды)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-7-12

Аннотация. Азатиоприн-индуцированная миелотоксичность является потенциально жизнеугрожающим осложнением терапии тиопуринами у пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника. Мы представляем клинический случай тяжелой панцитопении у пациента 41 лет с болезнью Крона на фоне длительной терапии азатиоприном без регулярного контроля показателей гемограммы. Клиническая картина сопровождалась выраженной слабостью, диареей с примесью крови и потребовала исключения острой хирургической патологии, активности основного заболевания и первичного гематологического процесса. В анализах крови выявлена тяжелая треххостковая цитопения (гемоглобин 55 г/л, лейкоциты $2,04 \times 10^9/\text{л}$, тромбоциты $45 \times 10^9/\text{л}$). По данным миелограммы определялись признаки токсического повреждения костного мозга с чертами диспоза, что потребовало дифференциальной диагностики с миелодиспластическим синдромом и острым лейкозом. После отмены азатиоприна и проведения поддерживающей терапии отмечено постепенное восстановление показателей периферической крови, что подтвердило лекарственно-индуцированный характер миелосупрессии. Данный клинический случай демонстрирует важность регулярного мониторинга гемограммы у пациентов, получающих тиопурины, а также необходимость своевременного распознавания лекарственной токсичности.

Ключевые слова: воспалительные заболевания кишечника; болезнь Крона; азатиоприн; панцитопения; миелотоксичность.

Болезнь Крона относится к хроническим иммуновоспалительным заболеваниям кишечника, требующим длительной иммуносупрессивной терапии. Тиопурины, включая Азатиоприн, широко применяются для индукции и поддержания ремиссии заболевания, однако их использование ассоциировано с риском развития гематологической токсичности, включая тяжелую панцитопению [1]. Азатиоприн-индуцированная миелотоксичность встречается приблизительно у 3-7% пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника, тогда как тяжелая панцитопения развивается значительно реже [1]. Миелосупрессия на фоне азатиоприна развивается вследствие токсического воздействия активных метаболитов препарата на клетки костного мозга и может усугубляться дефицитом ферментов TPMT и NUDT15 [1, 2]. Представ-

ленный клинический случай демонстрирует сложности дифференциальной диагностики тяжелой панцитопении у пациента с болезнью Крона, получавшего длительную терапию азатиоприном без регулярного лабораторного мониторинга.

Классификация

По протяженности поражения: локализованная БК – при вовлеченности в процесс <30 см кишечника. Чаще илеоцекальная локализация; протяженная (распространенная) БК – поражение более 100 см кишечника любой локализации.

По характеру течения:

- острое течение с фульминантным началом или с постепенным началом до 6 месяцев;
- хроническое персистирующее течение – отсутствие ремиссии в течение 6 месяцев от

начала обострения на фоне адекватно проводимой терапии;

- хроническое рецидивирующее течение:

а) редко рецидивирующее (обострения 1 раз в год и реже);

б) часто рецидивирующее (2 обострения в год и более).

Патогенез

Болезнь Крона (БК) представляет собой хроническое иммуновоспалительное заболевание кишечника, в основе которого лежит дисрегуляция врождённого и адаптивного иммунного ответа с преобладанием Th1/Th17-опосредованного воспаления. Характерным морфологическим признаком является формирование неказеозных гранулём, состоящих из эпителиоидных клеток и гигантских многоядерных клеток типа Пирогова-Лангханса, что отражает хроническую активацию клеточного иммунитета.

Для контроля активности заболевания широко применяется иммуносупрессивная терапия, включая тиопурины (азатиоприн), которые метаболизируются с образованием 6-меркаптопурина и оказывают цитостатический эффект за счёт ингибирования синтеза пуриновых нуклеотидов. Это приводит к подавлению пролиферации активированных Т- и В-лимфоцитов, что снижает интенсивность воспалительного ответа при БК.

Однако у части пациентов развивается тяжёлая гематологическая токсичность, включая панцитопению. Основным патогенетическим механизмом азатиоприн-индуцированной панцитопении является миелотоксическое действие препарата на клетки-предшественники костного мозга. Ключевую роль играет снижение активности фермента тиопурин-S-метилтрансферазы (TPMT), а также возможные мутации в гене NUDT15, что приводит к накоплению активных токсических метаболитов – 6-тиогуаниновых нуклеотидов.

Избыточное накопление этих метаболитов вызывает повреждение ДНК в быстро делящихся клетках костного мозга, индуцирует апоптоз гемопоэтических клеток и приводит к угнетению всех трёх ростков кроветворения. В результате развивается панцитопения, проявляющаяся анемией, лейкопенией и тромбоцитопенией.

Клинически это состояние усугубляется на фоне хронического воспаления при БК, нутритивных дефицитов (железа, витамина В12, фолатов), а также возможного сочетанного применения других иммуносупрессивных препаратов, что дополнительно снижает резерв костного мозга и повышает риск инфекционных и геморрагических осложнений.

Таким образом, азатиоприн-индуцированная панцитопения у пациента с болезнью Крона является результатом сочетания фармакогенетической предрасположенности, дозозависимой миелотоксичности и исходного системного воспалительного состояния, характерного для основного заболевания.

Азатиоприн механизм действия и побочки перечисление

Азатиоприн является иммуносупрессивным препаратом из группы тиопуринов и представляет собой пролекарство 6-меркаптопурина. После метаболизма он превращается в активные 6-тиогуаниновые нуклеотиды, которые ингибируют синтез пуриновых оснований (аденина и гуанина), что приводит к подавлению синтеза ДНК и РНК. В результате тормозится пролиферация Т- и В-лимфоцитов, снижается клеточный и гуморальный иммунный ответ, а также угнетается деление быстро пролиферирующих клеток, включая клетки костного мозга.

Побочные эффекты азатиоприна включают несколько групп. Со стороны желудочно-кишечного тракта наблюдаются тошнота, рвота, диарея, абдоминальная боль, стоматит, а также возможен острый панкреатит.

Наиболее значимыми являются гематологические нарушения: лейкопения, нейтропения, тромбоцитопения, анемия и тяжёлая панцитопения, вплоть до апластической анемии, особенно при дефиците ферментов TPMT или NUDT15. Такое осложнение развивается вследствие угнетения функции костного мозга, вызванного активными метаболитами препарата. Азатиоприн, являясь пролекарством, превращается в печени в 6-меркаптопурин, который затем преобразуется в тиогуаниновые нуклеотиды. Эти метаболиты включаются в синтез ДНК и РНК быстро делящихся клеток, в том числе гемопоэтических стволовых клеток костного мозга, что приводит к нарушению их пролиферации и апоптозу. Особен-

но высок риск у пациентов с наследственным дефицитом фермента тиюридин-метилтрансферазы (ТПМТ), так как у них альтернативный путь метаболизма с образованием токсичных тиюгуанинов становится преобладающим. Кроме того, накопление 6-тиогуаниннуклеотидов ингибирует ключевые ферменты синтеза пуринов, усугубляя цитостатический эффект. Клинически это проявляется снижением уровня всех трёх ростков кроветворения: эритроцитов (анемия), лейкоцитов (лейкопения, особенно нейтропения, повышающая риск инфекций) и тромбоцитов (тромбоцитопения с геморрагическим синдромом). Панцитопения может развиваться как на ранних сроках лечения (у генетически предрасположенных лиц при стандартных дозах), так и спустя месяцы или годы терапии вследствие кумулятивного токсического воздействия на костный мозг.

Клинический случай

Пациент Т., 41 года, с болезнью Крона, диагностированной в сентябре 2025 года, получал терапию азатиоприном 100 мг/сут в сочетании с месалазином.

02.02.2026 г. пациент отметил внезапное ухудшение самочувствия: выраженную общую слабость, головокружение, потемнение в глазах. При обращении к врачу по месту жительства в общем анализе крови была выявлена тяжелая трехростковая цитопения: гемоглобин – 55 г/л, эритроциты – $1,61 \times 10^{12}/л$, лейкоциты – $2,04 \times 10^9/л$, тромбоциты – $45 \times 10^9/л$. На следующий день состояние ухудшилось: появилась примесь крови в стуле, сохранялась выраженная астения. В связи с подозрением на острую хирургическую патологию пациент был экстренно госпитализирован в хирургический стационар, где хирургическая причина кровотечения была исключена. В период госпитализации проводилась заместительная гемотрансфузионная терапия эритроцитарной взвесью и тромбоконцентратом. 05.02.2026 г. гастроэнтерологом азатиоприн был отменен.

Несмотря на отмену препарата и проводимую поддерживающую терапию, сохранялась выраженная панцитопения. В связи с тяжестью цитопенического синдрома и необходи-

мостью исключения гемобластоза, 11.02.2026 г. пациент был экстренно госпитализирован в гематологический центр. На момент поступления показатели крови оставались критически сниженными: гемоглобин – 81 г/л, эритроциты – $2,56 \times 10^{12}/л$, лейкоциты – $2,41 \times 10^9/л$, тромбоциты – $10 \times 10^9/л$.

11.02.2026 г. выполнено исследование костного мозга, по данным которого выявлен скудноклеточный костный мозг с выраженными признаками диспоза: мегалобластозностью, почкованием ядер, межъядерными мостиками, асинхронным созреванием ядра и цитоплазмы. Эритроидный росток был расширен за счет полихроматофильных нормобластов (28,8%), миелоидный росток резко сужен. Количество бластных клеток составило 3,8%. Таким образом, данных за острый лейкоз не получено. Однако сочетание тяжелой трехростковой цитопении с выраженными диспластическими изменениями гемопоэза требовало исключения миелодиспластического синдрома.

В ходе дополнительного обследования выявлен выраженный дефицит фолиевой кислоты ($<2,20$ нг/мл). По данным ультразвукового исследования органов брюшной полости и периферических лимфатических узлов патологических изменений не выявлено. Генетическое тестирование TPMT и NUDT15 не проводилось ввиду технической недоступности.

Вместе с тем уже через несколько недель после отмены азатиоприна отмечена отчетливая положительная динамика со стороны всех ростков кроветворения. По данным общего анализа крови от 02.03.2026 г. показатели существенно улучшились: лейкоциты – $3,55 \times 10^9/л$, эритроциты – $3,51 \times 10^{12}/л$, гемоглобин – 125 г/л, тромбоциты – $175 \times 10^9/л$. Быстрое и практически полное восстановление периферической крови после отмены препарата, отсутствие прогрессирующей цитопении, нарастания бластоза и признаков клонального заболевания позволили расценить выявленные изменения как проявление тяжелой азатиоприн-индуцированной токсической миелосупрессии.

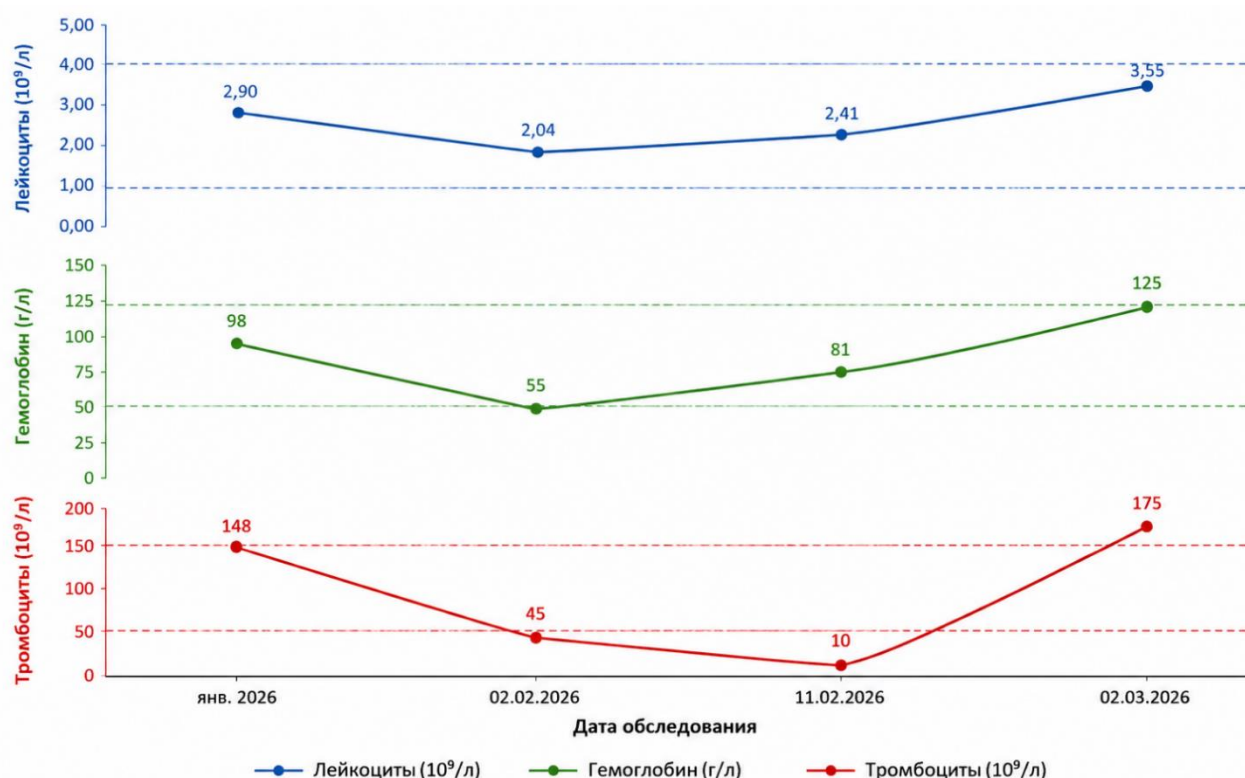

Рис. 1. Динамика показателей периферической крови после отмены азатиоприна

Обсуждение

Азатиоприн широко применяется при воспалительных заболеваниях кишечника как препарат для поддержания ремиссии, однако его использование ассоциировано с риском гематологической токсичности. Наиболее часто описывается лейкопения, тогда как тяжелая панцитопения с выраженной миелосупрессией встречается значительно реже, но представляет потенциально жизнеугрожающее осложнение.

В представленном клиническом случае у пациента с болезнью Крона на фоне терапии азатиоприном развилась тяжелая трехклеточная цитопения с критическим снижением гемоглобина, лейкоцитов и тромбоцитов. Тяжесть цитопении, геморрагические проявления и выраженные изменения костного мозга послужили основанием для экстренной госпитализации в гематологический центр и исключения гемобластоза. По данным миелограммы острый лейкоз был исключен, однако наличие скудного клеточного костного мозга с выраженными диспластическими изменениями требовало дифференциальной диагностики с миелодиспластическим синдромом.

Сходные случаи описаны в литературе. SNH Nimesha и H. Jayasena представили

наблюдение пациента с болезнью Крона, у которого на фоне приема азатиоприна развилась тяжелая миелосупрессия с панцитопенией и нейтропеническим сепсисом [3]. K. Sarika и G. Ramya Bala Prabha описали пациента с болезнью Крона, получавшего азатиоприн, месалазин и преднизолон, у которого также развилась выраженная панцитопения, потребовавшая отмены азатиоприна и гемотрансфузионной поддержки [4]. A.R. Köksal и соавт. сообщили о случае тяжелой нейтропении и тромбоцитопении у пациентки с болезнью Крона на фоне комбинированной терапии азатиоприном и инфликсимабом; восстановление показателей крови было достигнуто после отмены терапии и применения Г-КСФ [5].

В отличие от ряда опубликованных наблюдений, в нашем случае течение не сопровождалось нейтропеническим сепсисом, однако выраженность панцитопении была достаточной для подозрения на первичное заболевание системы крови. Особенностью данного наблюдения являлось наличие выраженных диспластических изменений костного мозга, имитировавших миелодиспластический синдром. Дополнительным фактором, вероятно усиливавшим мегалобластические изменения

гемопоеза, был выраженный дефицит фолиевой кислоты.

Ключевым диагностическим аргументом в пользу лекарственно-индуцированной миелосупрессии стала быстрая положительная динамика после отмены азатиоприна. Уже к 02.03.2026 г. отмечено практически полное восстановление всех ростков периферической крови: гемоглобина, лейкоцитов и тромбоцитов. Отсутствие прогрессирования цитопении, нарастания бластоэзии и признаков клонального миелоидного заболевания позволило расценить данное состояние как тяжелую азатиоприн-индуцированную токсическую миелосупрессию, а не как первичную миелоидную неоплазию.

Данный случай подчеркивает необходимость регулярного мониторинга общего анализа крови у пациентов, получающих азатиоприн, особенно в первые месяцы терапии, а

также важность тщательного анализа лекарственного анамнеза при развитии тяжелой цитопении. При наличии выраженной панцитопении и диспластических изменений костного мозга лекарственно-индуцированная миелосупрессия должна рассматриваться в дифференциально-диагностическом ряду наряду с миелодиспластическим синдромом и острым лейкозом.

Заключение

Азатиоприн-индуцированная миелосупрессия является редким, но потенциально жизнеугрожающим осложнением терапии тиопуринами. Регулярный мониторинг показателей периферической крови, своевременное распознавание признаков гематологической токсичности имеют ключевое значение для ранней диагностики и предотвращения тяжелых осложнений терапии тиопуринами.

Библиографический список

1. Gisbert J.P., Gomollón F. Thiopurine-induced myelotoxicity in patients with inflammatory bowel disease: a review. *American Journal of Gastroenterology*. 2008;103(7):1783–1800.
2. Yang S.K., Hong M., Baek J., et al. A common missense variant in NUDT15 confers susceptibility to thiopurine-induced leukopenia in East Asian patients. *Nature Genetics*. 2014;46(9):1017–1020.
3. Nimesha S.N.H., Jayasena H. Severe myelosuppression causing pancytopenia in a patient with Crohn's disease: an uncommon complication of azathioprine. *Sri Lanka Journal of Medical Sciences*. 2024;1(1):43–45. DOI:10.4038/sljms1.v1i1.7.
4. Sarika K., Ramya Bala Prabha G. Azathioprine induced myelosuppression in Crohn's disease patient: a case report. *International Journal of Scientific Development and Research*. 2019;4(4):78–79.
5. Köksal A.R., Alkim C., Altinkaya E., Buğdacı M.S., Özdoğan O., Boğa S., Alkim H., Sökmen M. Infliximab- and azathioprine-related severe neutropenia and thrombocytopenia in a case with Crohn's disease. *Turk J Gastroenterol*. 2011;22(5):537–539.

SEVERE AZATHIOPRINE-INDUCED PANCYTOPENIA IN A PATIENT WITH CROHN'S DISEASE: A CLINICAL CASE

I.N. Amankul, *Intern*

A.T. Tellur, *Intern*

A.E. Ermekbai, *Intern*

B.R. Zhunusova, *Resident Physician*

F.Ya. Gazetdinov, *Resident Physician*

A.E. Turgunova, *Lecturer*

Karaganda Medical University

(Kazakhstan, Karaganda)

Abstract. Azathioprine-induced myelotoxicity is a potentially life-threatening complication of thiopurine therapy in patients with inflammatory bowel diseases. We present a clinical case of severe pancytopenia in a 41-year-old patient with Crohn's disease on the background of long-term therapy with azathioprine without regular monitoring of hemogram parameters. The clinical picture was accompanied by marked weakness, diarrhea with an admixture of blood and required the exclusion of acute surgical pathology, the activity of the underlying disease and the primary hematological process. Blood tests revealed severe three-stage cytopenia (hemoglobin 55 g/l, leukocytes $2.04 \times 10^9/l$, platelets $45 \times 10^9/l$). According to the myelogram data, signs of toxic bone marrow damage with dyspoietic features were determined, which required differential diagnosis with myelodysplastic syndrome and acute leukemia. After azathioprine was discontinued and maintenance therapy was performed, a gradual recovery of peripheral blood parameters was noted, which confirmed the drug-induced nature of myelosuppression. This clinical case demonstrates the importance of regular hemogram monitoring in patients receiving thiopurines, as well as the need for timely detection of drug toxicity.

Keywords: inflammatory bowel diseases; Crohn's disease; azathioprine; pancytopenia; myelotoxicity.

БУККАЛЬНЫЙ ТРАНСПЛАНТАТ СЛИЗИСТОЙ ОБОЛОЧКИ КАК АУТОЛОГИЧНЫЙ МАТЕРИАЛ В ХИРУРГИИ ПРОТЯЖЕННЫХ СТРИКТУР ПЕРЕДНЕЙ УРЕТРЫ

М.Р. Геворкян, студент

К.Э. Чорохян, студент

Научный руководитель: А.Р. Дроздик, ассистент

Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского
(Россия, г. Симферополь)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-13-20

Аннотация. Цель выполненного исследования – оценить роль буккального трансплантата слизистой оболочки как аутологичного материала при хирургическом лечении протяженных стриктур передней уретры с анатомическим разбором зоны вмешательства, донорского участка и условий приживления графта. Материалом послужили рецензируемые публикации по реконструктивной урологии, включая клинические серии, систематические обзоры, сравнительные исследования и экспериментальные работы. Показано, что буккальная слизистая подходит для заместительной уретропластики за счет многослойного плоского неороговевающего эпителия, тонкой собственной пластинки, выраженного подэпителиального сосудистого слоя и устойчивости к влажной среде. При протяженных поражениях передней уретры трансплантат применяют в дорсальной, вентральной, латеральной, комбинированной и многоэтапной пластике; выбор доступа определяется отделом уретры, протяженностью сужения, степенью спонгиоза и состоянием уретральной площадки. Клинические данные показывают эффективность буккальной уретропластики обычно в диапазоне 79-92% при среднесрочном наблюдении, при этом результаты зависят от локализации, повторности вмешательств, склерозирующего лихена и состояния реципиентного ложа.

Ключевые слова: буккальный трансплантат; слизистая оболочка щеки; передняя уретра; протяженная стриктура; заместительная уретропластика; спонгиозное тело; реконструктивная урология.

Стриктура передней уретры – это рубцовое сужение просвета губчатой (спонгиозной) части мочеиспускательного канала у мужчин. К передней уретре относятся луковичный, пенильный и головчатый отделы; они окружены губчатым телом, получают кровоснабжение из системы внутренних половых артерий и расположены дистальнее предстательной железы и наружного сфинктера. Луковичный отдел характеризуется более развитым губчатым телом и служит лучшей опорой для трансплантата (графта). Напротив, пенильная уретра хуже переносит циркулярную мобилизацию и сильнее зависит от сохранности сосудистых ветвей, проходящих вдоль белочной оболочки кавернозных тел. Выбор метода хирургического вмешательства определяется локализацией, протяженностью, причиной рубцевания, количеством предшествующих операций и опытом хирурга [1].

Короткие стриктуры луковичной уретры часто устраняют резекцией с последующим

наложением анастомоза. Однако при протяжённом поражении такая тактика повышает риск укорочения уретры, натяжения шва и нарушений эректильной функции. Когда длина суженного сегмента превышает условно допустимый предел для анастомотической уретропластики, прибегают к заместительной или аугментационной уретропластике. В этих операциях требуется пластический материал, который должен увеличивать окружность уретральной трубки, сохранять просвет после эпителизации, не содержать волосных фолликулов, быть устойчивым к длительному контакту с мочой и способен приживляться на сосудистом ложе губчатого тела.

Требованиями к пластическому материалу при заместительной уретропластике являются: наличие тонкого, васкуляризованного и устойчивого к уротелиальной среде эпителия, минимальная рубцовая реакция в реципиентной зоне и низкая донорская заболеваемость. Буккальный трансплантат слизистой оболоч-

ки в полной мере соответствует этим критериям, что обусловило его распространение в реконструктивной урологии последних двух десятилетий. Успех вмешательства при протяжённых стриктурах передней уретры зависит не только от свойств графта, но и от выбора хирургической техники, учёта анатомии реципиентного ложа, понимания процессов приживания аутотрансплантата.

Результаты исследования

Анатомические предпосылки применения буккального трансплантата

Передняя уретра неравномерна по строению на своем протяжении. Луковичная часть лежит в толще луковицы полового члена, окружена выраженным спонгиозным телом и имеет анатомическую близость к мышцам промежности. Пенильная часть проходит в вентральной борозде между кавернозными телами и окружена более тонким слоем спонгиозной ткани. Головчатая часть заканчивается наружным отверстием и находится в зоне, где любое рубцевание сказывается на форме меатуса и направлении струи мочи. При протяженной стриктуре поражение часто выходит за пределы одного отдела, поэтому реконструкция требует оценки всего спонгиозного сегмента, а не только наиболее узкого участка на уретрограмме.

Морфологический субстрат стриктуры – спонгиофиброз. Рубец формируется в слизистой оболочке и спонгиозном теле, уменьшает растяжимость стенки, изменяет кровоснабжение и создает риск повторного сужения после дилатации или внутренней оптической уретротомии. Повторные эндоскопические вмешательства могут увеличивать длину рубцового участка и ухудшать состояние тканей перед открытой пластикой. При протяженных и рецидивных стриктурах передней уретры реконструктивная операция с трансплантатом имеет анатомическое обоснование: она добавляет эпителиальную поверхность и уменьшает натяжение уретрального шва.

Луковичная уретра предоставляет условия для дорсального размещения графта. После дорсальной уретротомии трансплантат фиксируют к белочной оболочке кавернозных тел; эта поверхность служит плотной опорой и уменьшает риск смещения. Вентральное расположение в луковичном отделе тоже применяют, поскольку развитое спонгиозное

тело обеспечивает кровоснабжение. В пенильном отделе предпочтение часто отдают дорсальным или латеральным модификациям с ограниченной мобилизацией: чрезмерное выделение уретры нарушает питание спонгиозного тела, повышает риск ишемии краев и послеоперационного искривления.

Переход к бульбомембранозной зоне требует иной анатомической осторожности. В этой области рядом находятся наружный сфинктер, мышцы промежности, ветви сосудисто-нервных структур. Проспективное исследование 102 пациентов со стриктурами бульбомембранозной уретры показало, что заместительная внутриполостная техника с буккальным трансплантатом дала $92,5 \pm 5,1\%$ отсутствия рецидива через 2 года, тогда как анастомотический метод – $83,0 \pm 7,9\%$; авторы связывают безопасность операции с учетом сфинктерной зоны и профилактикой денервации, деваскуляризации и повреждения мышц промежности [2].

Свойства слизистой оболочки щеки как аутологичного графта

Буккальная слизистая относится к многослойному плоскому неороговевающему эпителию. Она рассчитана на влажную среду, постоянное трение, контакт с микробиотой полости рта и быструю репарацию после травмы. Эти качества совпадают с требованиями уретральной реконструкции: материал должен оставаться влажным, не давать ороговения и не содержать волосяных фолликулов. Толстый эпителиальный слой защищает графт на раннем этапе, а тонкая собственная пластинка облегчает диффузное питание до формирования новой микрососудистой сети.

В обзоре эволюции применения буккальной слизистой за последние десятилетия указано, что ранние реконструкции с кожными лоскутами и расщепленными кожными трансплантатами имели значимую частоту неудач и донорской морбидности, тогда как буккальная слизистая получила распространение благодаря прочному эпителию, устойчивости к инфекции и простоте переноса [3]. Описаны исторические этапы: использование слизистой полости рта в конце XIX века, возвращение метода в 1941 г., развитие вентральной onlay-пластики в 1990-е годы, затем дорсальной и односторонней дорсальной техники.

Гистологические данные соответствуют клиническим наблюдениям. Обзор 2025 года, посвящённый применению буккального мукозального графта (BMG) в урологической хирургии, характеризует материал как гибкий, прочный, устойчивый к инфицированию и пригодный для использования во влажной среде; эффективность при реконструкции уретры составила 83-91% в среднесрочном периоде наблюдения [4]. Расширение показаний на реконструкцию мочеоточника и операции при деформациях полового члена не меняет основного заключения: буккальный графт ценен в ситуациях, требующих тонкого слизистого трансплантата с предсказуемым приживлением.

Аутологичность материала снижает риск иммунологического отторжения и исключает передачу инфекций, характерную для алло- и ксеногенных материалов. Забор трансплантата с внутренней поверхности щеки обычно обеспечивает получение пластины достаточной ширины для одноэтапной пластики луковичного или пенильно-бульбозного сегмента. При пануретральном поражении, повторных операциях и дефиците тканей одной щеки прибегают к двустороннему забору, использованию слизистой нижней губы или языка, либо к этапному подходу с формированием новой уретральной площадки.

Выбор техники при протяженных стриктурах передней уретры

Протяжённая стриктура передней уретры не представляет собой единого хирургического состояния. Сужение длиной 3-4 см в проксимальном отделе луковичной уретры и поражение протяжённостью 8-12 см с захватом пенильного отдела различаются по способу доступа, объёму мобилизации и количеству этапов операции. Длина стриктуры, состояние уретральной площадки, наличие почти полной облитерации, склерозирующего лишая, свищей, ложных ходов и перенесённой пластики по поводу гипоспадии влияют на выбор тактики в большей степени, чем формальная локализация.

Дорсальная пластика по методике *onlay* получила широкое распространение благодаря фиксации трансплантата к белочной оболочке кавернозных тел. Такая фиксация уменьшает взбухание графта и способствует сохранению равномерного просвета. В луко-

вичном отделе дорсальная мобилизация может сочетаться с ротацией уретры. При длинных стриктурах описана односторонняя мобилизация, при которой сохраняются сосудистые ветви противоположной стороны. Эта тактика особенно применима при пенильно-бульбозных и пануретральных стриктурах, поскольку полное выделение уретры на большом протяжении может привести к ухудшению её кровоснабжения.

Вентральная пластика по методике *onlay* имеет иное анатомическое обоснование: трансплантат укладывается на губчатое тело. В проксимальном отделе луковичной уретры это ложе часто имеет хорошую васкуляризацию, поэтому метод может давать удовлетворительные результаты. В пенильном отделе к вентральной фиксации прибегают с осторожностью, так как губчатое тело здесь тоньше. При узкой, но сохранной уретральной площадке используют *inlay*-техники, включая модификации Asopa. При выраженном сужении просвета применяют комбинированную пластику с дорсальным и вентральным расширением.

Литературные данные по 136 пациентам, которым выполнена уретропластика буккальным графтом, показывают распределение поражений: луковичный отдел – 105 пациентов (77,1%), пенильная уретра – 19 (13,9%), пануретральная стриктура – 12 (9%). Средняя длина в первых группах составляла $3,8 \pm 0,6$ см, при панстриктурах – $10,4 \pm 1,5$ см. Эффективность при среднем наблюдении 16,3 месяца составила 87,5%, 90,2%, 84,2% и 83,3% в соответствующих группах [5]. Эти цифры подтверждают, что результат снижается при распространенном поражении, но остается приемлемым даже при пануретральной реконструкции.

При стриктурах большой длины и плохой уретральной площадке применяют многоэтапную уретропластику. На первом этапе рубцовые ткани иссекают или рассекают, уретру раскрывают и формируют площадку из буккальной слизистой. Через несколько месяцев выполняют тубуляризацию. Серия из 123 пациентов с длинными стриктурами передней уретры включала среднюю длину 8,3 см; второй этап выполнен 105 пациентам, общая успешность составила 79,1% при среднем наблюдении 34,7 месяца. Среди причин

были идиопатические поражения, воспаление, склерозирующий лихен и неудачная гипоспадийная пластика [6].

Многоэтапное лечение особенно оправдано при склерозирующем лихене. Генитальная кожа при этом заболевании может быть вовлечена в воспалительно-рубцовый процесс, поэтому ее использование в качестве пластического материала нежелательно. Буккальная слизистая лишена этих дерматологических ограничений. При сохранной уретральной площадке допустима одноэтапная пластика, но при облитерации, выраженном рубце или неудачных прежних операциях staged-подход позволяет сначала создать стабильную слизи-

стую пластину, затем закрыть неоуретру без натяжения.

В литературе предложен способ экономии донорского материала при сложных рецидивных стриктурах. В эксперименте у крыс Wistar фрагменты слизистой менее 1 мм² наносили на рану с фибрин-тромбиновым клеем; в клинической части 4 пациентам с рецидивными стриктурами пенильного отдела средней длиной $7,5 \pm 1,2$ см сформировали уретральную площадку, а через 6 месяцев выполнили тубуляризацию. Метод показывает путь экономии донорской ткани при ее дефиците [7].

Таблица 1. Клинические данные по применению буккального трансплантата при стриктурах уретры

Дизайн и выборка	Стриктуры	Техника	Результат
136 пациентов [5]	Луковичные, пенильные, пануретральные	Уретропластика буккальным графтом	Эффективность 83,3-90,2% по группам
123 первых этапа; 105 вторых этапов [6]	Длина 4-13 см, средняя 8,3 см	Двухэтапная уретропластика BMG	Успех 79,1%; рестриктура 10,5% после второго этапа
60 пациентов [8]	Передняя уретра	BMG urethroplasty	Успех 90%; рецидив 10%
56 пациентов [9]	Средняя длина $10,9 \pm 2,9$ см	Дорсальная onlay BMG	Данные длительного наблюдения до 10 лет
100 пациентов [10]	Длинные луковичные стриктуры, средняя длина 3,5 см	BMG против внутреннего препуциального лоскута	Успех BMG 85% к 6 мес.; выживаемость без стриктуры 92% к 12 мес.
26 пациентов [11]	Длинные и узкие стриктуры передней уретры	Двойной буккальный графт	Успех 88,4% при среднем наблюдении 36 мес.

Сравнение с другими пластическими материалами

Систематический обзор 2020 г., сопоставивший буккальную слизистую и кожу полового члена для заместительной уретропластики, показал отсутствие убедительного преимущества одного материала по общей успешности, но клинический выбор зависит от этиологии и качества тканей [12]. Обзор 2026 г. по работам 2015-2025 гг. также описал сопоставимые показатели успеха и свободы от стриктуры – примерно 85-94%; при склерозирующем лихене преимущество отдавалось буккальной слизистой, а кожа/лоскуты оставались вариантом при противопоказаниях к забору из полости рта [13].

Сравнительная когорта 2026 г. оценила дорсальную onlay-пластику BMG и внутренний препуциальный лоскут у 100 пациентов с длинными луковичными стриктурами. Успех через 6 месяцев составил 85% в группе BMG и 78% в группе лоскута; к 12 месяцам выживаемость без стриктуры – 92% и 84% соответ-

ственно, различия статистически не достигали принятого порога. Исследование подтверждает, что буккальный мукозальный графт не всегда обеспечивает превосходство по количественным показателям, но остаётся технически предсказуемым материалом при условии хорошего сосудистого ложа [10].

Лингвальная слизистая по гистологическому строению близка к буккальной и используется в случаях недостатка щёчной слизистой. Её применение ограничено дискомфортом в области языка, нарушением речи, болевым синдромом и особенностями забора материала. Слизистая мочевого пузыря исторически применялась при реконструкции уретры, однако её забор требует дополнительного вмешательства на мочевом пузыре и сопряжён с большей операционной травмой. Тканеинженерные конструкции изучаются в эксперименте; в диссертационных работах по заместительной уретропластике рассматриваются скаффолды (матриксы), клеточные компоненты и факторы роста как способ уменьшения

донорской травмы. Тем не менее для повседневной клинической практики буккальная слизистая остаётся наиболее доступным аутологичным материалом с хорошо изученными отдалёнными результатами [14].

Приживание графта и причины рецидива

Свободный трансплантат после перемещения лишён питающей сосудистой ножки. В первые часы и дни его существование обеспечивается плазматической имбибицией из тканей реципиентного ложа, а затем между ложем и собственной пластинкой графта формируются сосудистые соединения. Любой слой крови, серозной жидкости или некротической ткани между трансплантатом и ложем нарушает процессы диффузии и последующей реваскуляризации. Поэтому при уретропластике важнейшее значение имеют тщательный гемостаз, наложение прижимных швов, равномерное расправление графта без складок, достаточная ширина уретротомического разреза и отсутствие натяжения при сшивании краёв уретры.

Буккальный трансплантат выигрывает благодаря тонкой собственной пластинке. Чем меньше расстояние от сосудистого ложа до эпителиального слоя, тем быстрее происходит питание графта в период до завершения реваскуляризации. При этом эпителий достаточно толст, чтобы выдерживать манипуляции во время операции и контакт с мочой после удаления мочевого катетера. Влажная среда уретры не является агрессивной для слизистой оболочки полости рта; в отличие от кожи, буккальный эпителий не склонен к ороговению и не содержит волосных фолликулов и сальных желёз. Эти свойства важны при протяжённых пластиках, где общая площадь приживания значительна.

Рецидив стриктуры после уретропластики с использованием буккального мукозального графта чаще связан не с недостатками самого материала, а с неблагоприятными анатомическими условиями. К факторам риска относят пенильную локализацию стриктуры, большую длину рубцового поражения, выраженный спонгиоз, фиброз, склерозирующий лишай, активное воспаление, сахарный диабет, курение, ожирение, предшествующие операции на уретре и повторные внутренние уретротомии (DVIU). Риск возврата сужения зависит от характеристик пациента, особенностей стрикту-

ры и выполненного вмешательства. Необходима унификация определений неудачи, поскольку в разных исследованиях рецидивом считают как повторное оперативное вмешательство, так и сужение, выявленное при эндоскопическом осмотре [17].

Донорская зона: анатомия, морбидность, профилактика осложнений

Внутренняя поверхность щеки является удобной донорской зоной, но безопасность её использования зависит от знания анатомии полости рта. Линия разреза планируется ниже или впереди от устья выводного протока околоушной железы, соблюдается достаточное расстояние до красной каймы губ и угла рта (комиссуры), а также избегается глубокое захватывание щёчной мышцы. Забор материала выполняется после инфильтрации раствора с вазоконстриктором; трансплантат выкраивается в форме эллипса, отделяется в подслизистом слое и немедленно помещается во влажную среду. Избыточные фрагменты жировой и мышечной ткани удаляются перед переносом графта.

Наиболее частые жалобы после забора – боль, онемение, чувство стягивания, кровотечение, отёк, затруднение открывания рта и изменение слюноотделения. В большинстве клинических серий эти симптомы регрессируют в течение нескольких недель. При двустороннем заборе и обширной площади раны дискомфорт выражен сильнее. В исследовании Selim и соавт., посвящённом этапной реконструкции длинных стриктур, кровотечение из донорской зоны зарегистрировано у 5 пациентов (4,1%), онемение полости рта – у 7 пациентов (5,7%) [6]. В серии из Судана ранняя боль в донорской области отмечалась часто, что объясняется высокой чувствительностью слизистой оболочки и различиями в протоколах обезболивания [8].

Анатомические особенности донорского участка также ограничивают объём доступного материала. При короткой луковичной стриктуре достаточно одного фрагмента. При пенильно-бульбозном поражении, пануретральной стриктуре или повторной операции может потребоваться несколько пластин. У таких пациентов заранее оценивают состояние слизистой оболочки полости рта: наличие рубцов после травм и операций, воспалительные заболевания полости рта, курение,

зубные протезы, плохую гигиену, ограничение открывания рта. Если забор материала из щеки невозможен, рассматривают использование слизистой оболочки языка или кожные/лоскутные варианты пластики.

Особые клинические ситуации

Склерозирующий лишай влияет на выбор пластического материала. Поражение кожи головки полового члена, крайней плоти и наружного отверстия уретры делает местную генитальную кожу непригодной для реконструкции уретры. Буккальная слизистая в таких условиях предпочтительнее, поскольку она не изменена патологическим процессом и лучше адаптирована к влажной среде. Однако даже при использовании буккального трансплантата риск рецидива выше при длительном воспалительном процессе, поэтому требуется широкое иссечение рубцовых тканей и контроль ширины уретральной площадки.

Повторные операции после пластики по поводу гипоспадии составляют отдельную группу. Ткани полового члена часто имеют рубцовые изменения, сосудистые пути нарушены, местная кожа уже была использована, уретральная площадка узкая или отсутствует. Двухэтапная уретропластика с использованием буккального графта позволяет сначала сформировать слизистое ложе, а затем создать трубчатую уретру. В серии этапных реконструкций неудачная пластика по поводу гипоспадии явилась причиной длинной стриктуры у 35 пациентов, что делает эту группу одной из основных для применения буккального мукозального графта [6].

Пануретральная стриктура требует максимального сохранения кровоснабжения. Техника односторонней мобилизации уретры, дорсолатеральное размещение графта и перинеальный доступ с инвагинацией полового члена были разработаны для восстановления длинного сегмента без множественных разрезов и циркулярного выделения уретры. Данные длительного наблюдения при дорсальной пластике по методике *onlay* с использованием буккального графта у 56 пациентов со средней длиной стриктуры $10,9 \pm 2,9$ см подтверждают применимость данного подхода при поражениях, которые ранее часто требовали перинеальной уретростомии или многократных неудачных операций [9].

Комбинированная или двойная пластика с использованием двух буккальных графтов применяется при узкой уретральной площадке, когда одного дорсального расширения недостаточно. В работе по уретропластике с двойным буккальным графтом (*double faced BMG*) у 26 мужчин с длинными и узкими стриктурами передней уретры средняя длина сужения составила 4,29 см; при среднем наблюдении 36 месяцев успешность достигла 88,4%, в трёх случаях отмечен рецидив стриктуры [11]. Анатомическая целесообразность метода заключается в сохранении узкой полоски собственной уретральной площадки и добавлении слизистых трансплантатов с двух сторон для формирования просвета без пересечения питающих структур.

Роль буккального трансплантата

Значение буккального мукозального графта в хирургии протяжённых стриктур передней уретры можно описать с помощью следующих анатомических положений:

1. Трансплантат замещает или расширяет уретральную слизистую в тех участках, где собственный эпителий разрушен рубцовой тканью.

2. Графт приживается на сосудистом ложе губчатого тела или белочной оболочке кавернозных тел при условии плотной фиксации.

3. Применение графта снижает необходимость в пересечении уретры и тем самым способствует сохранению сосудисто-нервных пучков.

4. Буккальная слизистая позволяет реконструировать длинные сегменты, на которых анастомоз с натяжением анатомически нецелесообразен.

Наиболее надёжные результаты наблюдаются тогда, когда характеристики трансплантата соответствуют анатомическим особенностям конкретного отдела уретры. Луковичный отдел позволяет выполнять различные варианты пластики *onlay*. Пенильный отдел требует щадящего подхода к кровоснабжению. При пануретральном поражении необходим протяжённый графт и сохранность питающих сосудов.

Заключение

Буккальный трансплантат слизистой оболочки является одним из основных аутологических материалов для хирургии протяжённых стриктур передней уретры. Его преиму-

щества основаны на морфологии слизистой щеки: многослойный плоский неороговевающий эпителий, тонкая собственная пластинка, развитая сосудистая сеть подслизистого слоя, отсутствие волос и приспособленность к влажной среде. Эти признаки обеспечивают условия для приживления свободного графта на васкуляризованном уретральном ложе.

Анатомия передней уретры определяет технику применения BMG. В луковичном отделе хорошее спонгиозное тело и дорсальная опора кавернозных тел позволяют применять дорсальные и вентральные onlay-варианты. В пенильном и пено-бульбарном сегменте выше требования к сохранению сосудистых путей, поэтому возрастает роль дорсолатеральных, односторонних и многоэтапных реконструкций. При склерозирующем лихене, неудачной

гипоспадийной пластике, пануретральных и рецидивных стриктурах буккальная слизистая часто предпочтительнее генитальной кожи.

Успех уретропластики с использованием буккального мукозального графта составляет от 79 до 92%. Снижают эффективность такие факторы, как большая протяжённость стриктуры, локализация в пенильном отделе, склерозирующий лишай, повторные операции и состояние ложа для трансплантата. Осложнения в донорской зоне чаще всего ограничиваются болевым синдромом, онемением, кровотечением и временным ограничением открывания рта. При соблюдении техники буккальный графт позволяет восстановить просвет уретры и остаётся стандартным материалом для заместительной уретропластики при длинных стриктурах передней уретры.

Библиографический список

1. Стриктуры передней уретры – современный подход к лечению / Д.В. Бутнару, Л.В. Марисов, Ю.Г. Аляев [и др.] // Уральский медицинский журнал. – 2012. – № 4(96). – С. 115-121. – EDN OWZCYR.
2. Vorobev V., Beloborodov V., Seminskiy I., Kalyagin A., Sharakshinov B., Popov S., Baklanova O. Buccal mucosal graft urethroplasty of the bulbomembranous part of urethra // Central European Journal of Urology. – 2020. – Vol. 73. – P. 199-212. – DOI: 10.5173/ceju.2020.0021.
3. Foreman J., Peterson A., Krughoff K. Buccal mucosa for use in urethral reconstruction: evolution of use over the last 30 years // Frontiers in Urology. – 2023. – Vol. 3. – Article 1138707. – DOI: 10.3389/fruro.2023.1138707.
4. Botti S., Ceccato T., Cassaro M., Sanna G., Trevisiol L., Cai T. Buccal Mucosa Graft in Urological Surgery: A State-of-the-Art Review and Expert Opinion // Uro. – 2025. – Vol. 5. – Article 16. – DOI: 10.3390/uro5030016.
5. Поляков Н.В., Кешишев Н.Г., Трофимчук А.Д., Абдулаев И.А., Казаченко А.В., Чернышев И.В., Даренков С.П., Аполихин О.И. Использование буккального графта при уретропластике стриктур мочеиспускательного канала у мужчин // Экспериментальная и клиническая урология. – 2020. – № 4. – С. 120-125. – DOI: 10.29188/2222-8543-2020-13-4-120-125.
6. Selim M., Salem S., Elsherif E., Badawy A., Elshazely M., Gawish M. Outcome of staged buccal mucosal graft for repair of long segment anterior urethral stricture // BMC Urology. – 2019. – Vol. 19. – Article 38. – DOI: 10.1186/s12894-019-0466-4.
7. Шибаетов А.Н., Павлова Ю.В., Базаев В.В., Подойницын А.А., Султанов Д.И., Шинкарев А.Д., Сулейманов Р.С. Новый подход к применению слизистой полости рта в реконструктивной хирургии уретры: микрографты // Вестник урологии. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 70-83. – DOI: 10.21886/2308-6424-2022-10-1-70-83.
8. Awad S.M.T., Ahmed M.A.M., Abdalla Y.M.O., Ahmed M.E.I.M., Gismalla M.D.-A. Buccal mucosal graft urethroplasty for anterior urethral stricture, experience from a low-income country // BMC Urology. – 2021. – Vol. 21. – Article 171. – DOI: 10.1186/s12894-021-00918-0.
9. Manjunath V., Jain D.K., Shwethashree M. Dorsal Onlay Buccal Mucosal Graft Urethroplasty for Long Segment Anterior Urethral Strictures: A Retrospective Study of Mid and Long-term Outcomes // Journal of Clinical and Diagnostic Research. – 2022. – Vol. 16, № 4. – P. OC05-OC07. – DOI: 10.7860/JCDR/2022/51648.16187.
10. Korrapati B., Mani V., Palaniyandi V., Sekar H., Krishnamoorthy S., Meyyappan V. Comparative outcomes of buccal mucosa graft versus inner preputial flap substitution urethroplasty for long-

segment anterior urethral stricture: A retrospective cohort study // *Urology Annals*. – 2026. – Vol. 18, № 2. – P. 186-197. – DOI: 10.4103/ua.ua_140_25.

11. Rammohan T., Ashok B., Adepu V. Management of long segment anterior urethral strictures by double faced buccal mucosal graft urethroplasty // *International Journal of Academic Medicine and Pharmacy*. – 2024. – Vol. 6, № 6. – P. 140-144. – DOI: 10.47009/jamp.2024.6.6.28.

12. Sharma G., Sharma S., Parmar K. Buccal mucosa or penile skin for substitution urethroplasty: A systematic review and meta-analysis // *Indian Journal of Urology*. – 2020. – Vol. 36, № 2. – P. 81-88. – DOI: 10.4103/iju.IJU_298_19.

13. Alhamdi M. H. Comparison of Success Rates between Buccal Mucosal Graft and Penile Skin Graft in Anterior Urethral Stricture Repair: A Systematic Review // *SCRIPTA SCORE Scientific Medical Journal*. – 2026. – Vol. 7, № 2. – P. 180-188. – DOI: 10.32734/scripta.v7i2.23471.

14. Горелова А.А. Заместительная уретропластика тканеинженерными конструкциями: дис. ... канд. мед. наук. – Санкт-Петербург, 2020. – 108 с.

15. Гулиев Б.Г., Комяков Б.К., Авазханов Ж.П., Поваго И.А. Onlay пластика протяженных стриктур мочеоточника // *Урология*. – 2023. – № 1. – С. 92-100. – DOI: 10.18565/urology.2023.1.92-100.

16. Hefermehl L.J., Tritschler S., Kretschmer A., Beck V., Stief C.G., Schlenker B., Strittmatter F. Open ureteroplasty with buccal mucosa graft for long proximal strictures: A good option for a rare problem // *Investigative and Clinical Urology*. – 2020. – Vol. 61, № 3. – P. 316-322. – DOI: 10.4111/icu.2020.61.3.316.

17. Yoshikawa G. B., Leach D. A., Warner J.N., et al. Re-stricture after buccal mucosal graft urethroplasty: a systematic review and meta-analysis // *BMC Urology*. – 2025. – Vol. 25. – Article 69. – DOI: 10.1186/s12894-025-01771-1.

18. Zhao X., Guo Q., Zhang X., Xing Q., Ren S., Song Y., Li C., Hao C., Wang J. The urinary and sexual outcomes of buccal mucosal graft urethroplasty versus end-to-end anastomosis: a systematic review with meta-analysis // *Sexual Medicine*. – 2024. – Vol. 12, № 4. – Article qfae064. – DOI: 10.1093/sexmed/qfae064.

BUCCAL MUCOSAL GRAFT AS AUTOLOGOUS MATERIAL IN SURGERY OF LONG ANTERIOR URETHRAL STRICTURES

M.R. Gevorkyan, *Student*

K.E. Chorokhyan, *Student*

Supervisor: *A.R. Drozdik, Assistant*

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
(Russia, Simferopol)

Abstract. *The aim of this article is to evaluate the role of the buccal mucosal graft as an autologous material in surgery for long anterior urethral strictures, with emphasis on the anatomy of the operative field, the donor site and graft take. The material consisted of peer-reviewed publications on reconstructive urology, including clinical series, systematic reviews, comparative studies and experimental papers. Buccal mucosa is suitable for substitution urethroplasty because of its non-keratinized stratified squamous epithelium, thin lamina propria, subepithelial vascular network and tolerance of a moist environment. In long anterior urethral strictures, the graft is used in dorsal, ventral, lateral, combined and staged repairs. The choice of approach depends on stricture site, length, spongiofibrosis and the quality of the urethral plate. Clinical data show that buccal graft urethroplasty usually achieves success rates of 79-92% in intermediate follow-up; outcomes are influenced by location, prior surgery, lichen sclerosis and recipient bed quality.*

Keywords: *buccal graft; buccal mucosa; anterior urethra; long stricture; substitution urethroplasty; corpus spongiosum; reconstructive urology.*

ОЦЕНКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ГАСТРОИНТЕСТИНАЛЬНЫХ ЖАЛОБ И НАРУШЕНИЯ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ, А ТАКЖЕ ИХ АССОЦИИИ С ИЗМЕНЕНИЕМ МАССЫ ТЕЛА

Е.С. Лунегова, студент

А.В. Малькова, студент

Н.Ю. Лобанова, канд. мед. наук

Кировский государственный медицинский университет
(Россия, г. Киров)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-21-30

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению распространенности гастроинтестинальных жалоб у лиц с разными типами нарушений пищевого поведения. Актуальность исследования обусловлена ростом числа расстройств пищевого поведения (РПП) в мире, а также тесной связью между психической и соматической сферами, реализуемой через ось «кишечник-мозг». Распространенность нарушений пищевого поведения составила 83,0%. Абдоминальное ожирение статистически чаще выявлялось у женщин по сравнению с мужчинами ($\chi^2 = 8,827$, $p < 0,001$). Наиболее распространенными симптомами были диспепсия – 60 человек (54,5%) и абдоминальная боль – 58 человек (52,7%). Среди 110 молодых респондентов (70 женщин, 40 мужчин) повышенные показатели хотя бы по одной из шкал DEBQ выявлены у 91 (82,3%) человека, а наиболее частым типом расстройств пищевого поведения (РПП) оказался экстернальный – 70 человек (63,6%). Ожирение на основании индекса массы тела чаще встречалось в группе с ограничительным типом РПП (10,7%, 3 из 28), но различия между группами не были значительными. Экстернальный и эмоциогенный типы РПП ассоциировались с наибольшей частотой желудочно-кишечных симптомов, ограничительный тип показал наименьшую связь с гастроинтестинальными симптомами, за исключением диспепсии (64,3%, 18 из 28) и абдоминальной боли (60,7%, 17 из 28). Молодые взрослые с экстернальным и эмоциогенным типами пищевого поведения составляют группу повышенного риска развития функциональных гастроинтестинальных расстройств. Полученные данные обосновывают необходимость раннего скрининга расстройств пищевого поведения у пациентов с хроническими жалобами со стороны желудочно-кишечного тракта и разработки междисциплинарных профилактических программ.

Ключевые слова: гастроинтестинальные жалобы; расстройство пищевого поведения; функциональные гастроинтестинальные расстройства; ось «кишечник-мозг»; DEBQ; GSRs; ожирение; абдоминальное ожирение.

Расстройства пищевого поведения (РПП) представляют собой группу психических нарушений, характеризующихся стойкими аномалиями в приеме пищи, искаженным восприятием собственного тела и навязчивым контролем массы тела [1]. Современные эпидемиологические данные свидетельствуют о неуклонном росте распространенности РПП во всем мире. По оценкам глобального исследования бремени болезней (GBD 2021), возрастной показатель DALYs для РПП увеличился с 37,33 до 43,36 на 100 000 населения, а стандартизованный по возрасту показатель заболеваемости вырос со 106,78 до 124,4 на 100 000 [1]. При этом распространенность

РПП в общей популяции оценивается в диапазоне 2-5% [2].

Особую тревогу вызывает эпидемиологическая ситуация в Российской Федерации. По данным Центра изучения РПП, до 4,5% российских подростков страдают от расстройств, связанных с приемом пищи. Согласно результатам масштабного исследования, проведенного при поддержке ЮНЕСКО, 79,8% молодых россиян находятся в группе риска развития РПП, при этом лишь 12% опрошенных удовлетворены своим телом [3].

Ключевым аспектом, определяющим актуальность настоящего исследования, является тесная взаимосвязь между РПП и патологией желудочно-кишечного тракта (ЖКТ). Соглас-

но современным представлениям, эта связь реализуется через ось «кишечник-мозг» – систему двунаправленной регуляции между центральной и энтеральной нервной системой. Нарушения пищевого поведения могут как провоцировать развитие функциональных гастроинтестинальных расстройств, так и усугублять уже имеющиеся симптомы [4].

Расстройства взаимодействия по оси «кишечник-мозг» (disorders of gut–brain interaction, DGBI), также известные как функциональные гастроинтестинальные расстройства, широко распространены среди пациентов с РПП и могут как предшествовать, так и поддерживать патологические пищевые паттерны. Как отмечают Staller и соавт. (2023), ЖКТ-симптомы являются хорошо известным следствием нарушенного пищевого поведения, однако менее признанной остается роль хронических гастроинтестинальных симптомов в качестве потенциального триггера или фактора, усугубляющего РПП. Перекрестные исследования показывают, что пациенты с РПП часто представлены среди лиц, обращающихся за помощью по поводу гастроинтестинальных симптомов [5].

Особого внимания заслуживает тот факт, что распространенность нарушенного пищевого поведения среди пациентов с гастроинтестинальными заболеваниями составляет от 13 до 55%, причем этот показатель выше у лиц с DGBI по сравнению с пациентами, имеющими органические заболевания ЖКТ [6]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к диагностике и терапии данной категории пациентов.

Наиболее распространенными DGBI-симптомами у пациентов с РПП являются эзофагеальные симптомы (функциональная дисфагия), гастродуоденальные симптомы (функциональная диспепсия, тошнота) и кишечные симптомы (абдоминальная боль, вздутие, запор) [5].

Шкляев и соавт. (2021) показали наличие прямой корреляционной зависимости между рефлюкс-синдромом, экстернальным типом пищевого поведения (прием пищи на внешние стимулы: вид, запах, еда «за компанию») и количеством висцерального жира [7]. Основываясь на результатах факторного анализа, авторы выделили фактор «риска гастроэнтерологической патологии», который объеди-

нил в себе общий балл по опроснику GSRS, эмоциональный и экстернальный типы пищевого поведения, окружность бедер и соотношение объема талии к объему бедер. Авторы делают вывод, что для минимизации симптомов функциональных гастроинтестинальных расстройств необходимо поддержание оптимального количества висцерального жира: его уменьшение усугубляет запоры, а увеличение – рефлюкс-синдром. Регулярные физические упражнения помогают сбалансировать пищевое поведение и оптимизировать количество жировой ткани в организме [7].

В статье Исаковой и соавт. (2023) распространенность РПП среди пациентов с ожирением и избыточной массой тела составила 24,73%, наиболее часто диагностировались нервная булимия и компульсивное переедание [8]. Женщины страдали РПП достоверно чаще мужчин ($p=0,006$). Нервная булимия ассоциирована с эмоциональным ($rbs=0,53$) и экстернальным ($rbs=0,34$) типами пищевого поведения по опроснику DEBQ, а компульсивное переедание – с ограничительным и эмоциональным типами ($rbs=0,33$). Авторы обосновывают необходимость междисциплинарного подхода для раннего скрининга и коррекции РПП у пациентов с метаболическими нарушениями [8].

Юренев и соавт. (2021) установили, что ожирение является значимым фактором риска гастроэзофагеальной рефлюксной болезни (ГЭРБ) и ее осложнений: отношение шансов для ГЭРБ – 1,94, для эрозивных форм – 1,87, для пищевода Барретта – 4,0, для аденокарциномы пищевода – 2,4 (мужчины) и 2,1 (женщины) [9]. У пациентов с коморбидностью ГЭРБ и ожирения наиболее характерны эмоциональный, экстернальный и ограничительный типы РПП, сочетание всех трех типов встречается у 47,5%. При длительности ГЭРБ менее 8 лет преобладают экстернальный и эмоциональный типы, при большей длительности – ограничительный тип, что авторы связывают с вынужденными диетическими самоограничениями. У коморбидных пациентов отмечается достоверно более высокий уровень тревожности по сравнению с группами контроля. Коррекция пищевого поведения и тревожно-депрессивных состояний может улучшить прогноз ГЭРБ у пациентов с ожирением [9].

Важно подчеркнуть, что РПП высоко ассоциированы с другими психическими расстройствами: депрессией (76,3% при булимии, 65,5% при компульсивном переедании, 49,5% при анорексии), тревожными расстройствами и повышенным риском суицидальных попыток [2]. Патофизиологические механизмы, лежащие в основе этой коморбидности, многообразны. Длительное ограничение питания при анорексии приводит к замедлению моторики ЖКТ, развитию синдрома избыточного бактериального роста и нарушению всасывания нутриентов. При булимии частые эпизоды самоиндуцированной рвоты вызывают электролитные нарушения, эрозии пищевода и дисфункцию сфинктеров. В то же время хронические гастроинтестинальные симптомы (например, абдоминальная боль после еды или чувство раннего насыщения) могут сами по себе способствовать формированию избегающего пищевого поведения и поддерживать порочный круг расстройства [5].

Цель исследования: оценить распространенность гастроинтестинальных жалоб и нарушений пищевого поведения. Изучить их ассоциацию с изменением массы тела.

Материалы и методы:

В исследовании приняли участие 110 респондентов в возрасте от 15 до 45 лет.

Для более детального и структурированного анализа нами была разработана анкета из 54 вопросов, состоящая из 3 разделов:

1. Антропометрические параметры:

Индекс массы тела (ИМТ) рассчитывали по формуле: масса тела (кг) / (рост, м)². Классификация массы тела проводилась согласно критериям ВОЗ (дефицит массы тела: <18,5; норма: 18,5-24,9; избыточная масса тела: 25,0-29,9; ожирение: ≥30,0). При этом просто ИМТ недостаточен: у пациентов с нормальным ИМТ, но высоким соотношением талия/бедра риск метаболических нарушений и функциональных ЖКТ-симптомов не ниже, чем при ожирении. Именно поэтому мы включили измерение обхвата талии и бедер с расчетом их соотношения.

Обхват талии (ОТ) респонденты измеряли на середине расстояния между нижним краем реберной дуги и гребнем подвздошной кости в конце спокойного выдоха.

Обхват бедер (ОБ) респонденты измеряли по максимальному периметру ягодиц.

Соотношение ОТ/ОБ рассчитывали как показатель характера распределения жировой ткани. Для мужчин – риск абдоминального ожирения констатируется при значении более 1,0; для женщин – опасным считается показатель более 0,85 [10].

2. Опросник гастроинтестинальных жалоб (GSRS)

Для оценки гастроинтестинальных симптомов использовали шкалу GSRS (Gastrointestinal Symptom Rating Scale). Опросник был разработан в 1988 году Svedlund, Sjödin и Dotevall для клинической оценки симптомов у пациентов с синдромом раздраженного кишечника и язвенной болезнью [11]. Инструмент включает 15 пунктов, сгруппированных в пять синдромов: синдром абдоминальной боли, рефлюкс-синдром, синдром диспепсии, диарейный синдром и синдром запоров.

Опросник валидирован во многих языковых версиях, включая русскую, и рекомендован для использования в клинических и эпидемиологических исследованиях [11].

3. Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ)

Для идентификации типа нарушения пищевого поведения применялся голландский опросник пищевого поведения (Dutch Eating Behavior Questionnaire, DEBQ), разработанный в 1986 году Tatjana van Strien [12] состоящий из 33 пунктов, распределенных по трем шкалам:

Ограничительное пищевое поведение (restrained eating) – сознательное ограничение количества потребляемой пищи с целью контроля массы тела.

Эмоциогенное пищевое поведение (emotional eating) – переедание в ответ на негативные эмоциональные состояния (гнев, тревога, скука).

Экстернальное пищевое поведение (external eating) – повышенная восприимчивость к внешним пищевым стимулам (вид и запах пищи) [12].

Статистический анализ осуществлялся с помощью программы Microsoft Office Excel 2016. Соответствие количественных параметров нормальному распределению оценено при помощи критерия Колмогорова-Смирнова.

Для описания количественных переменных, соответствующих нормальному распределению, использовали среднее арифметическое и стандартное отклонение $M (SD)$, при не нормальном распределении – медиану и интерквартильный размах $Me (Q1; Q3)$. Качественные переменные описаны с помощью абсолютных (n) и относительных (%) частот, для

их сравнения использован критерий χ^2 Пирсона при уровне статистической значимости $p < 0,05$.

Результаты. В исследовании приняли участие 110 респондентов в возрасте от 15 до 45 лет, медиана возраста составила 22 (21; 25) года, распределение участников в зависимости от пола представлено на рисунке 1.

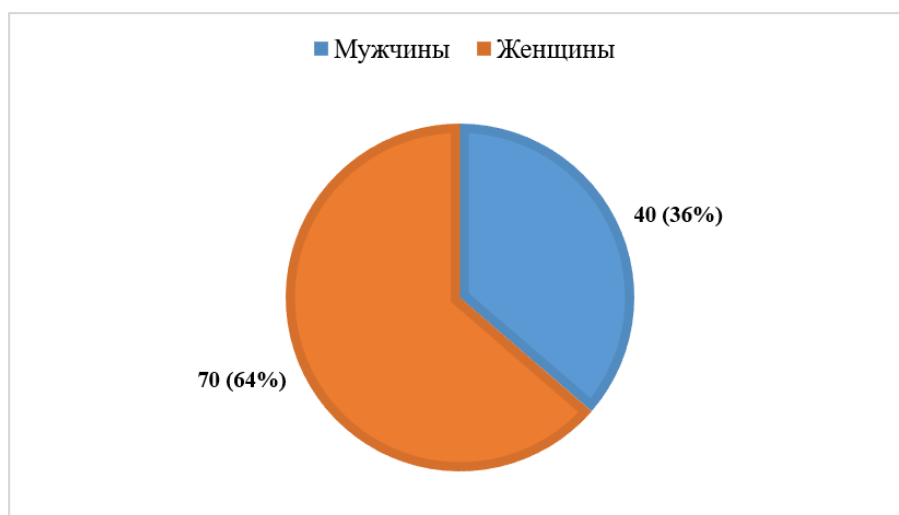

Рис. 1. Распределение респондентов по полу

Медианные значения возраста для женщин составили 22,0 (21,0; 24,0) года, для мужчин – 24,0 (20,5; 20,7) года.

Возрастная стратификация респондентов проведена в соответствии с классификацией Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [13]. На основе этой классификации выделены следующие возрастные группы: подростки (15-17 лет), молодежь с подразде-

лением на младшую (18-24 года), среднюю (25-34 года) и старшую (35-44 года) подгруппы, а также лица среднего возраста (45 лет).

Анализ возрастной структуры выборки (рисунок 2) показывает, что подавляющее большинство участников относятся к категории «молодежь» (лица до 44 лет), что позволяет охарактеризовать исследуемую популяцию как молодую взрослую категорию.

Рис. 2 Распределение респондентов по возрастным группам

Антропометрическое обследование показало, что большинство респондентов характеризуются нормальными показателями обхвата талии (медиана 75,0 (65,0;86,0) см), обхвата бедер (96,0 (90,0;100,0) см) и соотношения талия/бедра (0,79 (0,69;0,89), что соответству-

ет метаболически благоприятному (гиноидному) типу жировоголожения. Средний индекс массы тела составил 23,6 (4,23) кг/м².

Распределение пациентов в зависимости от массы тела представлено на рисунке 3.

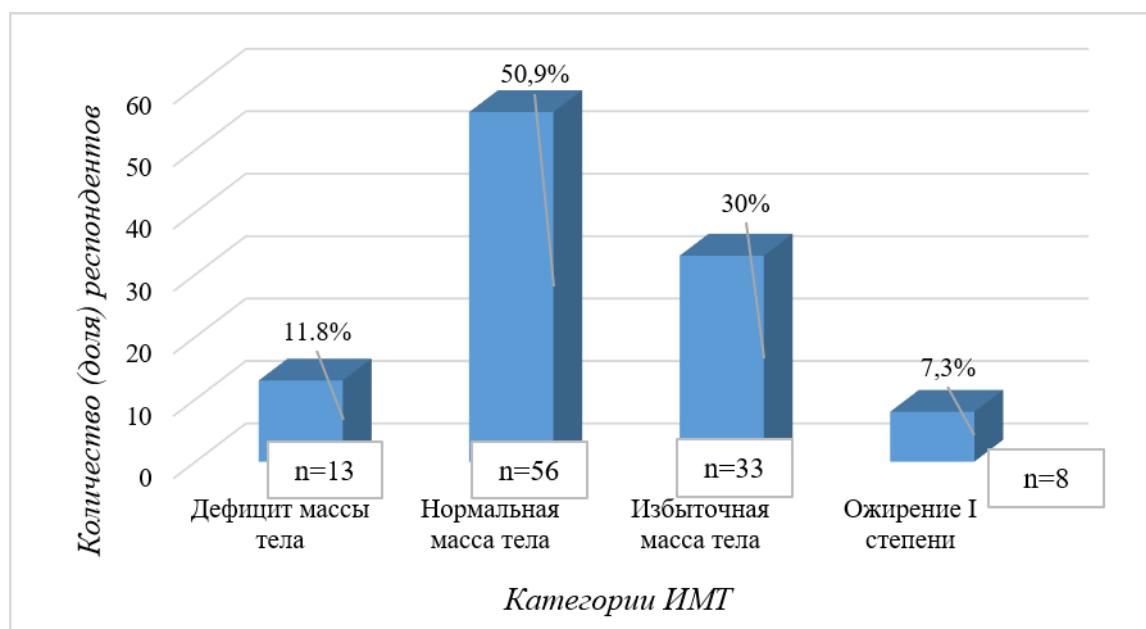

Рис. 3. Распределение респондентов по ИМТ

Почти половина выборки (54 (49,1%) респондента) имела отклонения индекса массы тела от нормы. Обращает на себя внимание высокая распространенность как избыточной массы тела – ожирения – у 41 (37,3%), так и дефицита массы тела – у 13 (11,8%).

Также проанализирована распространенность абдоминального ожирения с учетом соотношения талия/бедра (рис. 4), с использованием пороговых значений ВОЗ ($\geq 0,85$ для женщин, $\geq 1,0$ для мужчин).

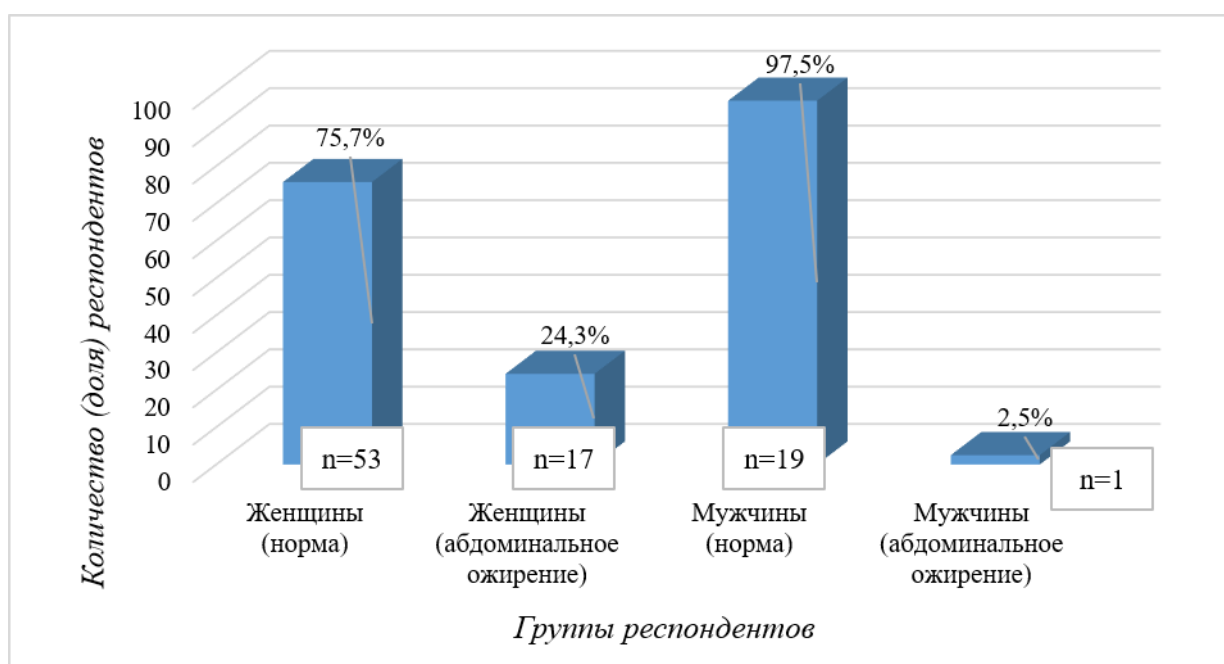

Рис. 4. Распределение респондентов по соотношению талия/бедра

Распространенность абдоминального ожирения среди женщин была в 9,7 раза выше, чем среди мужчин, что является статистически значимым различием ($\chi^2=8,827$, $p < 0,001$). Диспептические жалобы и абдоминальная

боль выявлены у 60 (54,5%) и 58 (52,7%) респондентов соответственно, тогда как изолированные нарушения стула (диарея – у 21 (19,1%) и запоры – у 24 (21,8%) встречаются значительно реже (рис. 5).

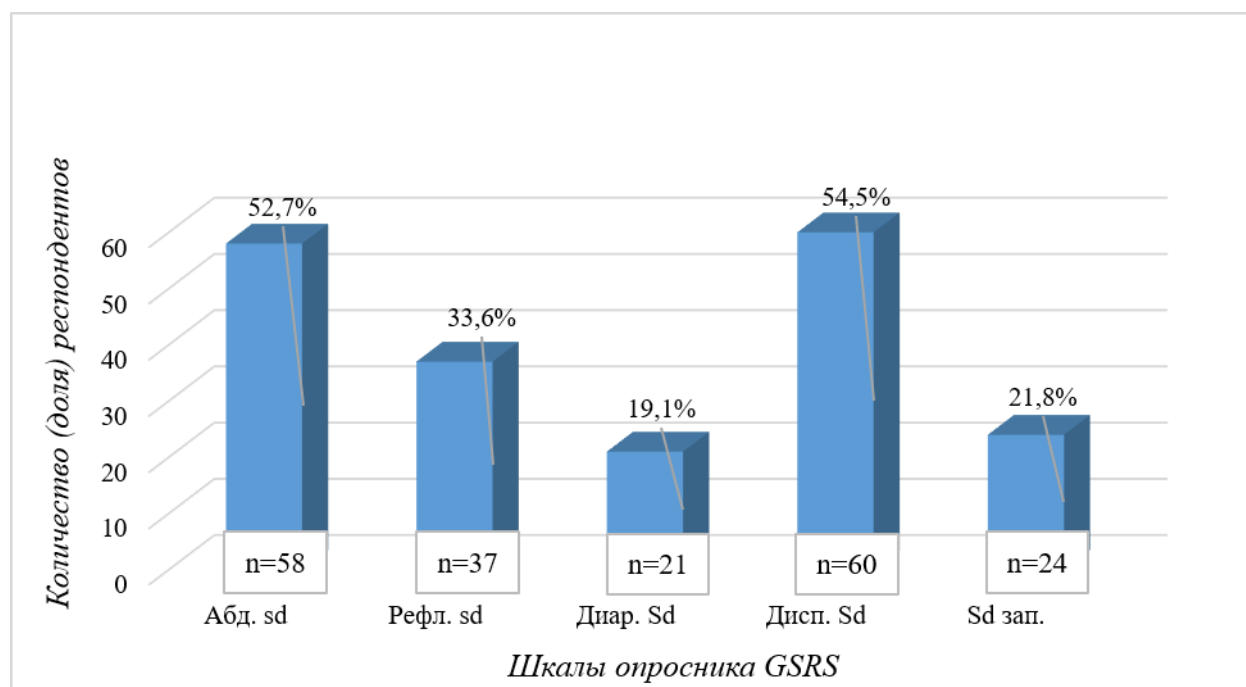

Рис. 5. Распределение респондентов по гастроинтестинальным жалобам (% от общего числа)

Почти каждый третий в нашей выборке предъявлял жалобы, ассоциированные с рефлюкс-синдромом, что, учитывая возраст исследуемой популяции, может быть связано с перееданием, употреблением кофеина и острой пищи, а также с повышенным внутрибрюшным давлением при абдоминальном ожирении, которое выявлено у каждой четвертой женщины.

Медианные значения суммарного балла по шкале GSRS в нашем исследовании составили 25,0 (20,0;29,0). В структуре гастроинтестинальных жалоб, оцененных по шкале GSRS, наибольшее значение балла установлено для диспептического (табл. 1), а минимальное количество баллов для диарейного синдрома.

Таблица 1. Выраженность гастроинтестинальных синдромов по шкале GSRS

Параметры	М (SD)	Me (Q1; Q3)
Суммарный балл по шкале GSRS	26,0 (7,9)	25,0 (20,0;29,0)
Абдоминальный синдром	2,0 (0,9)	2,0 (4,5;1,0)
Рефлюкс-синдром	1,7 (0,7)	1,7 (1,0;2,0)
Диарейный синдром	1,4 (0,7)	1,0 (1,0;1,7)
Диспептический синдром	2,1 (0,8)	2,0 (1,5;2,5)
Синдром запоров	1,5 (0,8)	1,0 (1,0;1,7)

Таким образом, основной вклад в гастроинтестинальную симптоматику в исследуемой молодой выборке вносят функциональные расстройства верхних отделов ЖКТ и болевой синдром.

При оценке распространенности нарушений пищевого поведения по опроснику DEBQ установлено, что наиболее часто встречается экстернальный тип (у 70 (63,6%) респондентов). Это означает, что почти две трети опрошенных подвержены перееданию и риску

увеличения массы тела. Эмоциогенный тип выявлен – у 47 (42,7%), что отражает склонность к приему пищи в ответ на эмоциональные состояния. Ограничительный тип встречался реже всего – у 28 (25,5%), что свидетельствует о том, что сознательное ограничение себя в еде с целью контроля массы тела

не является доминирующей стратегией в данной молодой взрослой выборке. Следует отметить, что типы нарушений пищевого поведения могут сочетаться у одного респондента, поэтому сумма процентов превышает 100% (рис. 6).

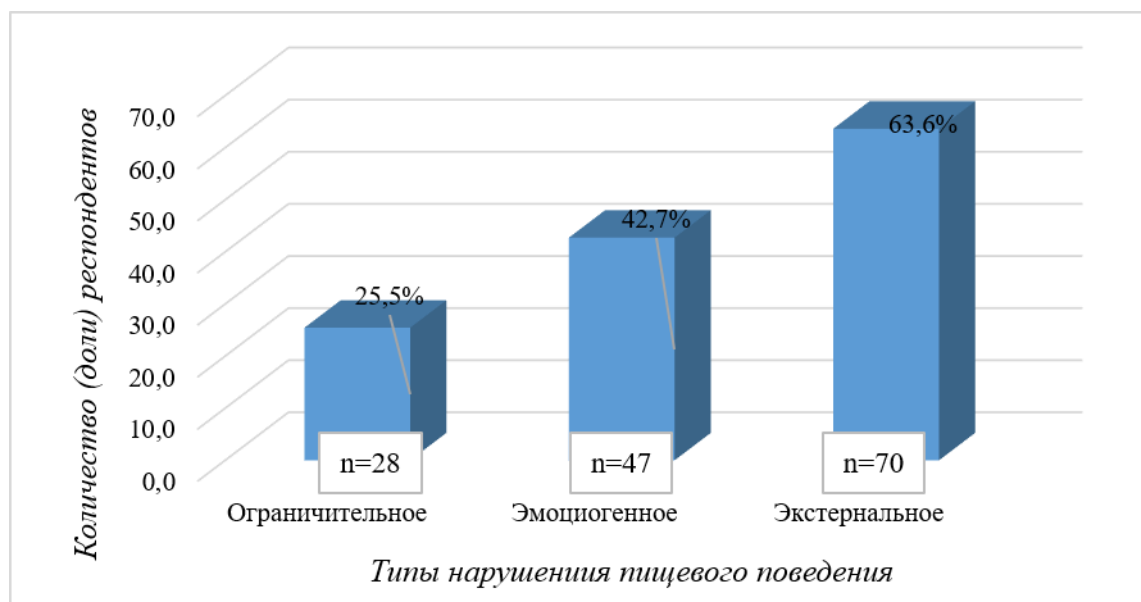

Рис. 6. Распределение респондентов по типам нарушений пищевого поведения

При оценке типов пищевого поведения по опроснику DEBQ установлено, что наиболее выраженным в выборке является экстернальный тип (медианные значения нормализованного балла 2,9 (2,5; 3,4), а наименее выраженным –эмоциогенный тип (1,7 (1,4; 2,3), ограни-

чительный тип (2,0 (1,5; 2,5) занял промежуточное положение.

Наиболее высокая доля ожирения по ИМТ отмечена в группе с ограничительным типом пищевого поведения (10,7%), тогда как в группах с эмоциогенным и экстернальным типами этот показатель был практически одинаковым (8,5% и 8,6%) (табл. 2).

Таблица 2. Доля лиц с ожирением (по ИМТ) и абдоминальным ожирением (по соотношению ОТ/ОБ) в зависимости от типа нарушений пищевого поведения

Тип РПП	Ожирение по ИМТ (ИМТ $\geq$ 30), %	Абдоминальное ожирение (ОТ/ОБ выше нормы), %	Всего, n
Ограничительный	10,7	14,3	28
Эмоциогенный	8,5	2,1	47
Экстернальный	8,6	12,8	70

При оценке ожирения с учетом индекса ОТ/ОБ выявлена иная закономерность: наиболее высокий показатель отмечен в группе с ограничительным типом (14,3%), затем в группе с экстернальным типом (12,8%). Самая низкая доля абдоминального ожирения зафиксирована в группе с эмоциогенным типом (2,1%). Обращает на себя внимание, что во всех группах абдоминальное ожирение встре-

чается чаще, чем ожирение по ИМТ (за исключением эмоциогенной группы), что может указывать на более высокую информативность показателя ОТ/ОБ для оценки кардиометаболического риска у молодых взрослых с нарушениями пищевого поведения.

Анализ распространенности гастроинтестинальных жалоб в зависимости от типа РПП представлен в таблице 3.

Таблица 3. Частота гастроинтестинальных жалоб у лиц с различными типами нарушений пищевого поведения (% от числа лиц в каждой группе)

Тип РПП	AP	RS	IS	DS	CS
Ограничительный	60,7	46,4	28,6	64,3	21,4
Эмоциогенный	59,6	44,7	19,1	66,0	36,0
Экстернальный	55,7	41,4	20,0	62,9	25,7

При экстернальном типе РПП установлены наиболее высокие показатели по всем гастроинтестинальным синдромам: диспептические жалобы отмечены у 62,9%, абдоминальная боль – у 55,7%, рефлюкс – у 41,4%, запоры – у 25,7%, а диарейный синдром – у 20,0% респондентов. При эмоциогенном типе РПП также выявлена высокая распространенность гастроинтестинальных жалоб, особенно диспепсии (66,0%) и абдоминальной боли (59,6%). Ограничительный тип ожидаемо показал наименьшую связь с большинством симптомов, за исключением диспепсии (64,3%) и абдоминальной боли (60,7%).

Таким образом, наиболее выраженные гастроинтестинальные жалобы ассоциированы с экстернальным и эмоциогенным типами пищевого поведения, тогда как ограничительный тип связан с меньшей частотой ЖКТ-симптомов.

Полученные в нашем исследовании результаты демонстрируют высокую распространенность нарушений пищевого поведения – 83% (91 из 110) среди молодых взрослых. Этот показатель практически идентичен данным общероссийского исследования, проведенного при поддержке ЮНЕСКО, согласно которому 79,8% молодых россиян находятся в группе риска развития РПП [3].

Доминирование экстернального типа (63,6%, 70 человек) согласуется с выводами Шкляева и соавт. (2021), которые также отметили прямую корреляцию между экстернальным типом и рефлюкс-синдромом [7]. В нашем исследовании экстернальный тип ассоциировался с наиболее высокой частотой диспепсии (62,9%, 44 из 70), абдоминальной боли (55,7%, 39 из 70) и рефлюкса (41,4%, 29 из 70), что подтверждает роль внешних пищевых стимулов в формировании функциональных гастроинтестинальных нарушений.

В отличие от данных Исаковой и соавт. (2023), где ожирение по ИМТ чаще встречалось при ограничительном типе (24,73% в

общей группе пациентов с ожирением) [8], мы не обнаружили значимых различий между группами: ожирение по ИМТ составило 10,7% (3 из 28) при ограничительном типе, 8,5% (4 из 47) – при эмоциогенном и 8,6% (6 из 70) – при экстернальном. Это расхождение может объясняться более молодым возрастом нашей выборки (средний возраст 22 года) и отсутствием выраженных метаболических нарушений. Однако абдоминальное ожирение, напротив, было наиболее выражено в группе с ограничительным типом (14,3%, 4 из 28), что может указывать на специфический профиль жировоголожения у лиц, сознательно ограничивающих питание, возможно, за счет увеличения висцерального жира при снижении общей массы тела.

Распространенность абдоминальной боли (52,7%, 58 из 110) и диспепсии (54,5%, 60 из 110) в нашей выборке оказалась выше, чем в эпидемиологических исследованиях взрослых популяций, где данные симптомы встречаются у 30-40% [2, 4]. Это, вероятно, связано с высокой частотой РПП в нашей выборке и известным влиянием стресса и нарушений пищевого поведения на моторику ЖКТ. Рефлюкс-синдром выявлен у 33,6% (37 из 110), что соответствует литературным данным о меньшей распространенности ГЭРБ у лиц до 45 лет при отсутствии выраженного ожирения [4]. При этом частота рефлюкса в группе с экстернальным типом (41,4%, 29 из 70) значительно выше, чем в целом по выборке, что подтверждает связь между перееданием и рефлюксом.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: распространенность нарушений пищевого поведения в нашем исследовании составила 83,0%. Абдоминальное ожирение статистически чаще выявлялось у женщин по сравнению с мужчинами ($\chi^2=8,827$, $p<0,001$). Наиболее распространенными симптомами были диспепсия – 60 человек (54,5%) и абдоминальная боль – 58 человек (52,7%). Среди 110 моло-

дых респондентов (70 женщин, 40 мужчин) повышенные показатели хотя бы по одной из шкал DEBQ выявлены у 91 (82,3%) человека, а наиболее частым типом РПП оказался экстернальный – 70 человек (63,6%). Ожирение по ИМТ чаще встречалось в группе с ограничительным типом РПП (10,7%, 3 из 28), но различия между группами не были значительными. Абдоминальное ожирение было наиболее выражено также в группе с ограничительным типом РПП (14,3%, 4 из 28). Экстернальный и эмоциогенный типы РПП ассоциировались с наибольшей частотой желудочно-кишечных симптомов, ограничитель-

ный тип показал наименьшую связь с гастроинтестинальными симптомами, за исключением диспепсии (64,3%, 18 из 28) и абдоминальной боли (60,7%, 17 из 28). Высокая доля женщин с абдоминальным ожирением (каждая четвертая) в молодой взрослой выборке требует углубленного анализа факторов риска и разработки профилактических мероприятий. Полученные данные обосновывают необходимость раннего скрининга РПП у пациентов с хроническими жалобами со стороны ЖКТ и разработки междисциплинарных профилактических программ с участием гастроэнтерологов, диетологов и психиатров.

Библиографический список

1. Global Burden of Disease Collaborative Network. Global Burden of Disease Study 2021 (GBD 2021) Results. – Seattle: Institute for Health Metrics and Evaluation (IHME), 2022.
2. van Eeden A.E., van Hoeken D., Hoek H.W. Incidence, prevalence and mortality of anorexia nervosa and bulimia nervosa // *Current Opinion in Psychiatry*. – 2021. – Vol. 34, № 6. – P. 515-524.
3. Психодемия, ЮНЕСКО «Двор». Исследование: риски развития РПП у молодых россиян. – Москва, 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychodemia.ru/specialproject/issledovanie-riski-razvitiya-rpp-u-molodykh-rossiyan>.
4. Guo W., Xiong W. From gut microbiota to brain: implications on binge eating disorders // *Gut Microbes*. – 2024. – Vol. 16, № 1. – DOI: 10.1080/19490976.2024.2357177.
5. Staller K., Abber S. R., Burton Murray H. The intersection between eating disorders and gastrointestinal disorders: a narrative review and practical guide // *The Lancet Gastroenterology & Hepatology*. – 2023. – Vol. 8, № 6. – P. 565-578.
6. Peters J.E., Basnayake C., Hebbard G.S., Salzberg M.R., Kamm M.A. Prevalence of disordered eating in adults with gastrointestinal disorders: a systematic review // *Neurogastroenterology & Motility*. – 2022. – Vol. 34, № 8. – P. e14278.
7. Шкляев А.Е., Григорьева О.А., Мерзлякова Ю.С., Максимов К.В., Казарин Д.Д. Влияние пищевого поведения, распределения жира и физической активности на симптомы функциональных гастроинтестинальных расстройств // *Вятский медицинский вестник*. – 2021. – № 2 (66). – С. 42-46.
8. Исакова Д.Н., Петров И.М., Евгеньева Е.А., Трошина И.А., Платицына Н.Г. Оценка расстройств пищевого поведения у пациентов с метаболическими нарушениями // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура*. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 137-148. – DOI: 10.14529/hsm230211.
9. Юренев Г.Л., Миронова Е.М., Сирота Н.А., Юреньева-Тхоржевская Т.В. Особенности психоэмоционального статуса и расстройства пищевого поведения у пациентов с гастроэзофагеальной рефлюксной болезнью и ожирением // *Consilium Medicum*. – 2021. – Т. 23, № 5. – С. 412-416.
10. Приказ Минздрава России от 12.11.2012 № 899н (ред. от 21.02.2020) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю эндокринология». – Зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2012 № 26368.
11. Svedlund J., Sjödin I., Dotevall G. GSRS – a clinical rating scale for gastrointestinal symptoms in patients with irritable bowel syndrome and peptic ulcer disease // *Digestive Diseases and Sciences*. – 1988. – Vol. 33, № 2. – P. 129-134.
12. van Strien T., Frijters J.E.R., Bergers G.P.A., Defares P.B. The Dutch Eating Behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional, and external eating behavior // *International Journal of Eating Disorders*. – 1986. – Vol. 5, № 2. – P. 295-315.

13. World Health Organization. WHO defines 'Adolescents' as individuals in the 10-19 years age group and 'Youth' as the 15-24 year age group. – URL: <https://www.who.int/southeastasia/health-topics/adolescent-health>.

ASSESSMENT OF THE PREVALENCE OF GASTROINTESTINAL COMPLAINTS AND EATING BEHAVIOR DISORDERS, AS WELL AS THEIR ASSOCIATION WITH BODY WEIGHT CHANGES

E.S. Lunegova, *Student*

A.V. Mal'kova, *Student*

N.Yu. Lobanova, *Candidate of Medical Sciences*

Kirov State Medical University

(Russia, Kirov)

Abstract. *This work is dedicated to studying the prevalence of gastrointestinal complaints in individuals with different types of eating behavior disorders. The relevance of the research is due to the growing number of eating disorders (EDs) worldwide, as well as the close link between the mental and somatic spheres, realized through the «gut-brain» axis. The prevalence of eating behavior disorders was 83.0%. Abdominal obesity was statistically more common in women compared to men ($\chi^2=8.827$, $p<0.001$). The most common symptoms were dyspepsia – 60 people (54.5%) and abdominal pain – 58 people (52.7%). Among 110 young respondents (70 women, 40 men), elevated scores on at least one of the DEBQ scales were found in 91 (82.3%) individuals, and the most frequent type of eating disorder (ED) was external – 70 people (63.6%). Obesity based on body mass index was more common in the group with the restrictive type of ED (10.7%, 3 out of 28), but the differences between the groups were not significant. External and emotional types of ED were associated with the highest frequency of gastrointestinal symptoms; the restrictive type showed the least association with gastrointestinal symptoms, except for dyspepsia (64.3%, 18 out of 28) and abdominal pain (60.7%, 17 out of 28). Young adults with external and emotional types of eating behavior constitute a group at increased risk of developing functional gastrointestinal disorders. The obtained data justify the need for early screening of eating disorders in patients with chronic gastrointestinal complaints and the development of interdisciplinary preventive programs.*

Keywords: *gastrointestinal complaints; eating disorder; functional gastrointestinal disorders; gut-brain axis; DEBQ; GSRS; obesity; abdominal obesity.*

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ПОКАЗАНИЙ К КЕСАРЕВУ СЕЧЕНИЮ У ВОЗРАСТНЫХ ПЕРВОРОДЯЩИХ В ЮЖНОМ РЕГИОНЕ КЫРГЫЗСТАНА

А.А. Машрабова, преподаватель

Э. Дооранбек кызы, преподаватель

Ш.М. Каримова, преподаватель

Ошский государственный университет

(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-31-37

Аннотация. В современной акушерской практике Араванского района наблюдается устойчивый рост числа первородящих женщин старшего репродуктивного возраста (35 лет и старше). Данная категория пациенток относится к группе высокого риска из-за накопленной соматической патологии и длительного анамнеза бесплодия. Цель исследования – систематизация клинических факторов, обуславливающих высокую частоту кесарева сечения у первородящих старше 35 лет на базе территориальной больницы Араванского района. Проведен ретроспективный анализ 195 историй родов. Установлено, что ключевыми факторами риска являются высокая распространенность железодефицитной анемии (78%), аномалии родовой деятельности (42%) и статус «драгоценной беременности» после многолетнего бесплодия.

Ключевые слова: первородящие старшего возраста; кесарево сечение; Араванский район; аномалии родовой деятельности; акушерская тактика.

В современной системе акушерской помощи Кыргызской Республики наблюдаются существенные изменения репродуктивного поведения населения. Одной из характерных тенденций является изменение возрастной структуры материнства, связанное с увеличением числа женщин, планирующих первую беременность в более позднем репродуктивном возрасте. Известно, что состояние репродуктивного здоровья женщин во многом определяется региональными, социально-экономическими и экологическими условиями проживания, что оказывает влияние как на течение беременности и родов, так и на эффективность программ вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) [1, с. 102].

Несмотря на традиционно высокий уровень рождаемости в Кыргызской Республике, в крупных урбанизированных центрах, таких как Ош, а также в прилегающих районах, все более отчетливо прослеживается общемировая демографическая тенденция увеличения доли женщин старшего репродуктивного возраста, вступающих в первую беременность. Данный демографический сдвиг формирует новые вызовы для региональной системы родовспоможения и требует адаптации клинических протоколов с учетом медико-биологических и социально-психологических

особенностей пациенток возрастной категории 35+. Для всех перинатальных центров Кыргызстана крайне важно регулярно анализировать структуру показаний к кесареву сечению у первородящих старшего возраста. Статистические данные подтверждают стабильно высокий уровень операций в данной группе женщин, что требует формирования научно обоснованных подходов к ведению естественных родов при отсутствии абсолютных противопоказаний [2, с. 118].

Согласно данным профессора Г.У. Асымбековой, структура акушерских осложнений в Кыргызстане претерпевает изменения, связанные с ростом среднего возраста первородящих, что коррелирует с нашими наблюдениями в Араванском районе [1, с. 102]. Это диктует необходимость детального изучения факторов риска в каждом конкретном регионе республики. В условиях Араванского района, где демографическая нагрузка на систему здравоохранения остается высокой, данная проблема приобретает не только медицинский, но и социально-экономический характер. Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, численность населения района демонстрирует стабильную положительную динамику, что обуславливает необходимость совершенство-

вания региональной системы оказания медицинской помощи [3].

Особое внимание следует уделить концепции «старения» миометрия. Биологические механизмы, лежащие в основе снижения фертильности и изменения характера родовой деятельности, включают в себя фиброзные изменения мышечного слоя матки и уменьшение плотности рецепторов к окситоцину [4].

Базой для проведения исследования послужит родильное отделение территориальной больницы Араванского района (Ошская обл., с. Араван). Исследование носит характер ретроспективного анализа историй родов за период 2023-2025 гг. Для реализации поставленной цели были сформированы две группы наблюдения:

Основная группа: первородящие женщины в возрасте 35 лет и старше ($n=65$), родоразрешенные в указанный период на базе родильного отделения территориальной больницы Араванского района.

Контрольная группа: первородящие женщины оптимального репродуктивного возраста (20-25 лет, $n=130$), отобранные методом случайной выборки из общего числа рождений за тот же временной промежуток.

Критерии включения в исследование: первая предстоящая беременность и роды; одноплодная беременность; головное предлежание плода.

Критерии исключения: многоплодная беременность, предлежание плаценты, тяжелые пороки развития плода, наличие рубца на матке (поскольку рассматриваются именно первородящие).

Параметры мониторинга: использование партограмм ВОЗ, КТГ-мониторинг в динамике, оценка объема кровопотери.

Распределение пациенток по группам риска позволило более точно определить структуру оперативного родоразрешения. Анализ исходов родов в нашей работе проводился с учетом критериев классификации М. Робсона [5, с. 11], что позволило выделить группу первородящих старшего возраста как зону особого внимания для снижения частоты КС. согласно этой классификации, основная масса наших пациенток (35+) вошла в 1-ю и 2-ю группы (первородящие с доношенной беременностью и головным предлежанием), где частота КС

оказалась неоправданно выше прогнозируемых значений.

При анализе социально-демографического портрета пациенток были выявлены специфические особенности, характерные для Араванского региона юга Кыргызстана.

Возрастной состав: в основной группе средний возраст пациенток составил $37,4 \pm 2,1$ года; самой старшей первородящей в исследуемый период была женщина в возрасте 46 лет; в контрольной группе (первородящие оптимального репродуктивного возраста) диапазон составил от 19 до 25 лет, при этом средний возраст составил $21,6 \pm 1,8$ года.

Социальный статус и образование: анализ показал, что, несмотря на сохранение традиционных ценностей, уровень образования и профессиональной занятости в основной группе оказался выше, чем в контрольной. В группе женщин старше 35 лет высшее образование имели 20% пациенток. В основном это представители социально значимых профессий: педагоги сельских школ, медицинские работники среднего и высшего звена, а также специалисты органов местного самоуправления (айыл окмоту). В контрольной группе (19-25 лет) высшее образование отмечено лишь у 10% респондентов, что во многом объясняется их молодым возрастом и ранним вступлением в брак, прерывающим процесс обучения.

Соответственно распределились и показатели занятости. В основной группе доля работающих женщин составила 22%, тогда как 78% идентифицировали себя как домохозяйки. В контрольной группе доля домохозяек была выше – 88%, а работающих и студенток – 12%. Таким образом, хотя фактор «карьерной задержки» и получения образования в основной группе выражен ярче, он все же не является единственной причиной позднего материнства в Араванском районе.

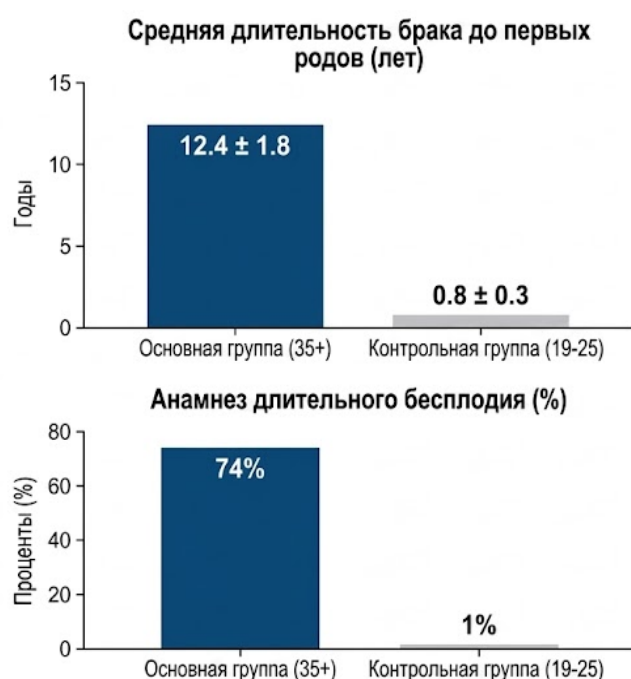
Семейное положение и репродуктивный анамнез: практически все пациентки в обеих группах (96%) состояли в официальном браке. Однако ключевым отличием основной группы является критически длительный период ожидания ребенка. Если в контрольной группе первая беременность наступала в среднем в течение первых 6-10 месяцев супружеской жизни, то в основной группе средняя продолжительность брака до момента данных родов составила $12,4 \pm 1,8$ года; у 74% женщин ос-

новной группы в анамнезе зафиксировано многолетнее лечение первичного бесплодия, включая обращения к средствам народной медицины.

Следовательно, в Араванском районе «возрастная первородящая» – это женщина, чей организм истощен многолетним психологиче-

ским стрессом и хроническими воспалительными процессами, ставшими причиной бесплодия. Это делает данную беременность «единственным шансом» для семьи и заставляет врачей выбирать максимально безопасную, часто оперативную тактику родоразрешения.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ БРАКА И АНАМНЕЗ БЕСПЛОДИЯ

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ

Рис. 1. Социально-демографическая характеристика пациенток

Особое внимание уделялось анамнезу пациенток Араванского района. У 45% женщин основной группы в прошлом отмечались оперативные вмешательства на органах малого таза или длительная гормональная терапия по поводу бесплодия. Это формирует категорию «драгоценной беременности», что, как отмечалось ранее в связке с цитатой В.Е. Радзинского, накладывает дополнительную ответственность на врачебный персонал больницы и повышает вероятность выбора оперативного пути родоразрешения [6].

Анализ соматического здоровья является ключевым этапом исследования, так как именно накопленные к 35 годам хронические заболевания формируют риск осложненного течения родов. В условиях южного региона Кыргызстана, где экологические и алиментар-

ные факторы играют значительную роль, соматический фон первородящих старшего возраста имеет свои специфические особенности [7, с. 153].

Сравнительный анализ показал значительные различия в состоянии здоровья:

- **железодефицитная анемия:** выявлена у 78% женщин основной группы, что на 20% выше показателей контрольной группы. Это обуславливает высокий риск гипоксических состояний в родах;

- **преэклампсия:** в группе 35+ данная патология диагностировалась в 2,5 раза чаще, становясь одним из ведущих показаний к плановому кесареву сечению;

- **заболевания сердечно-сосудистой системы:** артериальная гипертензия встречалась у 15% обследуемых старшего возраста.

Таблица 1. Характеристика экстрагенитальной патологии у обследованных групп

Нозологическая единица	Основная группа (35+, n=...)	Контрольная группа (19-25, n=...)	Достоверность (p)
Железодефицитная анемия	78%	52%	< 0,05
Артериальная гипертензия	18%	3%	< 0,01
Заболевания почек (пиелонефрит)	24%	12%	< 0,05
Ожирение (ИМТ > 30)	15%	7%	< 0,05
Заболевания щитовидной железы	12%	5%	< 0,05
Варикозное расширение вен	20%	4%	< 0,01

Детальное изучение представленных данных позволяет сделать вывод о глубокой соматической отягощенности основной группы.

1. Железодефицитная анемия (ЖДА). Показатель в 78% является критическим. В условиях территориальной больницы Араванского района анемия часто сочетается с многолетним дефицитом микронутриентов. У возрастных первородящих это состояние ведет к хронической плацентарной недостаточности.

2. Сосудистые и метаболические нарушения. частота артериальной гипертензии (18%) и ожирения (15%) в основной группе указывает на метаболический синдром, который усугубляется с возрастом. В отличие от контрольной группы, где повышение давления часто носит транзиторный характер, у женщин 35+ это стойкое патологическое состояние.

3. Варикозная болезнь и заболевания почек. Высокий процент варикозного расширения вен (20%) у жительниц Араванского района старшей группы связан с сочетанным влиянием возраста и физических нагрузок.

В ходе исследования в территориальной больнице Араванского района были получены следующие данные:

- частота операции кесарева сечения в основной группе составила 38,5%, в то время как в контрольной группе этот показатель не превышал 12%;

- доля плановых операций составила 45% от всех вмешательств (основные причины:

тазовое предлежание, наличие миомы матки, тяжелая преэклампсия);

- доля экстренных операций составила 55%.

Наиболее значимые различия выявлены в характере родовой деятельности.

Аномалии родовой деятельности: слабость и дистоция шейки матки стали причиной КС в 60% экстренных случаев у женщин старше 35 лет. Это подтверждает гипотезу о возрастном снижении сократительной способности миометрия.

Острая гипоксия плода: регистрировалась в 25% случаев, что связано с быстрым истощением компенсаторных возможностей плаценты при затяжном течении первого периода родов.

Анализ структуры показаний к оперативному родоразрешению позволил выявить ведущие причины перехода к хирургической тактике. В контрольной группе доминирующими показаниями являлись экстренные ситуации, такие как преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты или острый дистресс плода. В то же время у первородящих старше 35 лет на первое место выходят аномалии родовой деятельности (слабость и дистоция), на долю которых пришлось более 40% всех вмешательств. Высокий процент планового КС обусловлен сочетанием возраста с отягощенным акушерским анамнезом и экстрагенитальной патологией.

Таблица 2. Структура показаний к выполнению операции кесарева сечения

Показания к операции	Основная группа (%)	Контрольная группа (%)
Слабость и дистоция шейки матки	42	15
Преэклампсия тяжелой степени	18	6
Дистресс плода (гипоксия)	20	22
Тазовое предлежание (неправильное)	12	4
Клинически узкий таз	8	53

Несмотря на высокую частоту оперативных вмешательств в основной группе, показатели здоровья новорожденных в целом сопоставимы с контрольной группой, что свидетельствует о своевременности принятия решения о кесаревом сечении. Тем не менее, средний

балл по шкале Апгар на первой минуте у детей, рожденных женщинами старше 35 лет, был несколько ниже, что связано с более длительным течением прелиминарного периода и хронической плацентарной недостаточностью на фоне соматических заболеваний матери.

Таблица 3. Состояние новорожденных по шкале Апгар

Оценка по Апгар	Основная группа (35+)	Контрольная группа (20-25)
8-10 баллов (норма)	75%	88%
4-7 баллов (асфиксия легкой/средней ст.)	22%	11%
0-3 балла (тяжелая асфиксия)	3%	1%

Анализ данных: несмотря на высокий риск осложнений у возрастных первородящих, большинство детей в основной группе (75%) родились в удовлетворительном состоянии. Это напрямую коррелирует с тактикой врачей территориальной больницы Араванского района: в группе 35+ решение об операции кесарева сечения принималось в среднем на 40-60 минут раньше, чем в контрольной группе, при первых же признаках дистресса плода или неэффективности консервативной терапии аномалий родовой деятельности.

Вывод: высокий процент умеренной асфиксии (22%) в основной группе обусловлен не запоздалым вмешательством, а исходным состоянием плацентарного кровотока на фоне анемии и возрастных изменений сосудов. Своевременный переход к оперативному родоразрешению позволил избежать тяжелых гипоксических поражений ЦНС у новорожденных, что подтверждается низким процентом тяжелой асфиксии (3%), сопоставимым с контрольной группой.

Анализ причин высокой частоты оперативных вмешательств в основной группе позволяет предположить наличие не только клинических, но и деонтологических аспектов. Как справедливо отмечает академик В.Е. Радзинский, «расширение показаний к оперативному родоразрешению у возрастных женщин часто носит субъективный характер», обусловленный опасениями врачей, а не реальной угрозой здоровью [6, с. 23].

В условиях территориальной больницы Араванского района это проявляется в так называемой «*тактике ожидания неудачи*», когда возраст пациентки 35 лет и старше в сочетании с долгожданной первой беременно-

стью психологически довлеет над врачом, склоняя его к выбору кесарева сечения при первых признаках замедления родовой деятельности, которые у более молодых женщин могли бы быть скорректированы медикаментозно [6, с. 129]. Сочетание возрастного фактора с высокой распространенностью анемии в регионе создает условия, при которых любые отклонения от физиологического течения родов трактуются в пользу оперативного родоразрешения для минимизации рисков для плода [8, с. 61].

Однако полученные данные указывают на резерв снижения частоты КС через: *более качественную прегравидарную подготовку; своевременную коррекцию анемии на этапе антенатального наблюдения; применение современных методов обезболивания в первом периоде родов для профилактики дискоординации родовой деятельности.*

Проведенный нами анализ показал, что частота осложнений в основной группе достигает 38,5%. Это подтверждает общереспубликанскую тенденцию: согласно данным профессора Г.У. Асымбековой, структура акушерских осложнений в Кыргызстане претерпевает изменения, связанные с ростом среднего возраста первородящих, что коррелирует с нашими наблюдениями в Араванском районе. Таким образом, возрастная первородящая сегодня становится ключевой фигурой в структуре перинатального риска региона [3, с. 50].

Соматическая отягощенность пациенток основной группы также вызывает серьезные опасения. Высокая частота железодефицитной анемии (78%), артериальной гипертензии (15%) и преэклампсии свидетельствует о том, что здоровье этих женщин часто находится в

неблагоприятном состоянии. Хронические заболевания, накопленные к 35-46 годам на фоне длительного лечения бесплодия, формируют неблагоприятный преморбидный фон. Это приводит к тому, что вероятность осложнений во время беременности и родов у таких женщин в 2,5 раза выше по сравнению с молодыми женщинами в возрасте 19-25 лет.

Анализ структуры родоразрешения показывает, что частота кесарева сечения у женщин старшего возраста остается на стабильно высоком уровне. Основные показания для проведения этой операции включают не только объективные причины, такие как аномалии родовой деятельности (42%) и дистресс плода, но и субъективный фактор – «груз ответственности» за исход долгожданной беременности. Это часто склоняет врачебный консилиум к расширению показаний в пользу оперативного метода родоразрешения.

Несмотря на высокую частоту осложнений, перинатальные исходы при активной акушерской тактике в целом остаются благоприят-

ными. Своевременное принятие решения о проведении операции, которое осуществляется в среднем на 1 час раньше, чем в контрольной группе, позволяет сохранить показатели здоровья новорожденных на уровне 7-8 баллов по шкале Апгар у 75% младенцев, что минимизирует риск тяжелой асфиксии.

В связи с вышеизложенным, для снижения рисков у первородящих женщин старшего возраста в Араванском районе необходимо внедрение расширенного предгравидарного обследования. Это обследование должно быть направлено на женщин, состоящих в браке более 5 лет и не имеющих детей. Кроме того, обязательная коррекция анемии на этапе планирования беременности и в первой половине срока также является крайне важной мерой. Психологическая подготовка пациенток, которая поможет им справиться с эмоциональными и психическими нагрузками, также должна стать неотъемлемой частью процесса подготовки к беременности и родам.

Библиографический список

1. Асымбекова Г.У. Тактика ведения и лечения женщин с трубным фактором бесплодия / Г.У. Асымбекова, Т.А. Сарымсакова, А.С. Турдиева // Вестник КРСУ. – 2012. – Т. 12. № 4. – С. 102-106.
2. Сарымсакова Т.А. Особенности течения родов и послеродового периода в зависимости от метода родовозбуждения при перенесенной беременности / Т.А. Сарымсакова // Проблемы и вызовы фундаментальной и клинической медицины в XXI веке: сборник научных трудов. – Бишкек, 2021. – Вып. 20. – С. 116-122.
3. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Демографический ежегодник Кыргызской Республики. 2020-2024 // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.
4. Абрамченко В.В. Активное ведение родов: руководство для врачей. – СПб.: СпецЛит, 2003. – 64 с.
5. Робсон М. Классификация кесарева сечения: система десяти групп // ВОЗ: Рекомендации по кесареву сечению. – Женева, 2015. – 46 с.
6. Радзинский В.Е. Акушерская агрессия как причина снижения качества родовспоможения / В.Е. Радзинский, И.Н. Костин // Журнал акушерства и женских болезней. – 2005. – Т. 54, № 2. – С. 95-98. – EDN HVGQFJ.
7. Карымшакова Э.А. Оценка качества жизни женщин перименопаузального периода с дисфункциональными маточными кровотечениями / Э.А. Карымшакова, Т.А. Сарымсакова // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 8-3(66). – С. 152-155. – EDN PPAOQA.
8. Савельева Г.М., Конопляников А.Г., Курцер М.А. Акушерство: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. – 1080 с.

FEATURES OF THE STRUCTURE OF INDICATIONS FOR CAESAREAN SECTION IN OLDER NULLIPAROUS WOMEN IN THE SOUTHERN REGION OF KYRGYZSTAN

A.A. Mashrabova, *Lecturer*

E. Dooranbek kyzy, *Lecturer*

Sh.M. Karimova, *Lecturer*

Osh State University

(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *In modern obstetric practice in the Aravan district, there is a steady increase in the number of primiparous women of advanced reproductive age (35 years and older). This category of patients is considered high-risk due to accumulated somatic pathology and a long history of infertility. The aim of the study was to systematize the clinical factors that determine the high frequency of cesarean sections in primiparous women over 35 years of age at the Aravan district territorial hospital. A retrospective analysis of 195 birth records was conducted. Key risk factors were identified as the high prevalence of iron deficiency anemia (78%), labor anomalies (42%), and the status of "precious pregnancy" after years of infertility.*

Keywords: *older primiparous women; cesarean section; Aravan district; labor anomalies; infertility; birth outcomes; obstetric management.*

АНАЛИЗ ПОЛИПРАГМАЗИИ И НАЗНАЧЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНО НЕ РЕКОМЕНДОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ У ПАЦИЕНТОВ 65 ЛЕТ И СТАРШЕ В УСЛОВИЯХ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО СТАЦИОНАРА

М.И. Миклина, студент

Я.Р. Ахмедзянова, студент

А.Ю. Захаров, студент

Н.Ю. Лобанова, канд. мед. наук

Кировский государственный медицинский университет
(Россия, г. Киров)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-38-45

Аннотация. В работе представлен анализ полипрагмазии и назначения потенциально не рекомендованных лекарственных средств (ПНЛС) по критериям Бирса (2023) у пациентов 65 лет и старше в условиях терапевтического стационара. Проведено ретроспективное исследование 120 историй болезни пациентов, госпитализированных в период с января по март 2024 года. Оценивались структура лекарственных назначений, наличие ПНЛС, индекс коморбидности Чарлсона и количество принимаемых препаратов. Назначение ПНЛС установлено у 42 пациентов (35,0%). Наиболее часто назначались нестероидные противовоспалительные препараты, бензодиазепины, алимемазин и гликлазид. При проведении сравнительного анализа установлено, что пациенты, которым назначали ПНЛС, принимали статистически значимо больше лекарственных препаратов и характеризовались более высоким индексом коморбидности Чарлсона по сравнению с теми, кто ПНЛС не получал. Различий по возрасту, полу и длительности госпитализации между группами не выявлено. Полученные данные подтверждают связь полипрагмазии и высокой коморбидной нагрузки с повышенной вероятностью назначения ПНЛС у пациентов старших возрастных групп и подчеркивают необходимость регулярного пересмотра лекарственной терапии в стационарных условиях.

Ключевые слова: полипрагмазия; пожилой возраст; критерии Бирса; потенциально не рекомендованные лекарственные средства; коморбидность; индекс Чарлсона; терапевтический стационар.

Демографический контекст и актуальность проблемы

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к 2030 г. численность населения в возрасте 60 лет и старше вырастет на 34% – с 1 млрд в 2019 г. до 1,4 млрд, а к 2050 г. достигнет 2,1 млрд человек [1]. В России на начало 2024 г. каждый шестой житель (17,1%) находился в возрасте 65 лет и старше [2].

Увеличение продолжительности жизни сопровождается ростом распространённости хронических неинфекционных заболеваний, полиморбидности и гериатрических синдромов, что ведёт к увеличению лекарственной нагрузки [3].

Особое место в структуре хронической патологии у пациентов старших возрастных групп занимают сердечно-сосудистые заболевания. По данным ВОЗ, они остаются веду-

щей причиной смертности в мире, составляя около 20 млн случаев смерти ежегодно [4]. Распространённость артериальной гипертензии среди лиц старше 60 лет превышает 60%, а ишемическая болезнь сердца и хроническая сердечная недостаточность значительно увеличиваются с возрастом [5, 6].

Наличие кардиоваскулярной патологии требует длительной комбинированной фармакотерапии, включающей антигипертензивные препараты, антиагреганты, антикоагулянты, гиполипидемические и гипогликемические средства, что повышает риск лекарственных взаимодействий и формирования полипрагмазии [7].

Полиморбидность, определяемая как наличие двух и более хронических заболеваний у одного пациента, связана с ухудшением прогноза и требует количественной оценки для стратификации риска. Одним из наиболее

широко используемых инструментов является индекс коморбидности Чарлсона (Charlson Comorbidity Index, CCI), валидированный для прогноза летальности у госпитализированных пациентов пожилого и старческого возраста [8, 9].

Наряду с хроническими заболеваниями у лиц старших возрастных групп часто выявляются гериатрические синдромы, включая старческую астению, когнитивные нарушения, падения и нарушения походки [3, 10]. Их сочетание с полиморбидностью также требует назначения препаратов различных фармакологических групп [11].

Полипрагмазия традиционно определяется как одновременный приём пяти и более лекарственных средств, а также применяются дополнительные характеристики: малая (2-4 ЛС), умеренная (4-5 ЛС), основная (5-11 ЛС), гиперполипрагмазия или чрезмерная (≥ 10 ЛС) [11]. У пожилых пациентов полипрагмазия сопровождается повышенным риском нежелательных лекарственных реакций и лекарственных взаимодействий [3, 11]. Это обусловлено рядом особенностей фармакотерапии лиц пожилого и старческого возраста: изменением фармакокинетики (снижение печёночного кровотока и массы печени, скорости клубочковой фильтрации и др.) и фармакодинамики (снижение плотности и чувствительности рецепторов, пострецепторные нарушения, ухудшение гомеостатических механизмов), полиморбидностью и наличием возраст-ассоциированных синдромов (когнитивные нарушения, ортостатическая гипотония, падения, недержание мочи, старческая астения) [11].

Назначение потенциально не рекомендованных лекарственных средств (ПНЛС) повышает вероятность развития нежелательных реакций у пациентов старших возрастных групп. Для стандартизированной оценки рациональности фармакотерапии применяется обновлённая версия критериев Бирса Американского гериатрического общества (AGS Beers Criteria, 2023) [12], предназначенная для пациентов 65 лет и старше [12, 13]. Они включают в себя перечень препаратов, применение которых следует избегать у пациентов данной возрастной группы и опасные лекарственные комбинации, способные приводить к серьёзным нежелательным реакци-

ям [12, 13]. В связи с этим в настоящем исследовании в качестве порогового значения был выбран возраст ≥ 65 лет, что обеспечивает сопоставимость полученных результатов с международными фармакоэпидемиологическими исследованиями [14].

При растущем интересе к проблеме полипрагмазии, количество работ, посвященных анализу ПНЛС по критериям Бирса в условиях многопрофильных терапевтических стационаров в отечественной практике, остается ограниченным, а данные о предикторах их назначения – неоднородными [11, 13]. Поэтому представляется актуальным анализ факторов, связанных с назначением ПНЛС, включая количество принимаемых препаратов и уровень коморбидной нагрузки.

Целью настоящего исследования явился анализ структуры лекарственных назначений, выявление частоты и наиболее распространённых категорий потенциально не рекомендованных лекарственных средств у пациентов 65 лет и старше в условиях терапевтического стационара с использованием критериев Бирса 2023 года, а также оценка факторов, связанных с их назначением.

Материалы и методы:

Проведено ретроспективное одномоментное исследование данных 120 историй болезни пациентов пожилого и старческого возраста, проходивших лечение в терапевтическом отделении клиники ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации с января по март 2024 года, на предмет выявления полипрагмазии и ПНЛС в соответствии с критериями Бирса.

В исследование включены пациенты:

- в возрасте 65 лет и старше;
- имеющие не менее одного хронического заболевания;
- получающие постоянную или длительную лекарственную терапию;
- с доступной полной медицинской документацией о назначенных препаратах.

Критерии не включения

- пациенты моложе 65 лет.

Собираемые данные

Из медицинских карт стационарного больного собраны следующие сведения:

- возраст;
- пол;

- основные и сопутствующие диагнозы;
- количество и структура хронических заболеваний;
- перечень назначенных лекарственных средств;
- длительность приема препаратов;
- кратность приема;
- наличие потенциально не рекомендованных лекарственных средств по критериям Бирса;
- наличие комбинаций препаратов с риском взаимодействий;
- показатели функции почек при наличии данных.

Для анализа использовались сведения о лекарственной терапии, назначенной пациенту в период госпитализации (из листов назначений или раздела «проведённое лечение» выписного эпикриза). Рекомендации на выписку не учитывались. В анализ включали как рецептурные, так и безрецептурные препараты, в том числе симптоматические средства.

Оценка потенциально не рекомендованных лекарственных средств

Для выявления ПНЛС применяется последняя доступная редакция критериев Бирса Американского гериатрического общества. Оценка проведена по следующим разделам:

- препараты, которых следует избегать у большинства пожилых;
- препараты, противопоказанные при определенных заболеваниях и синдромах;
- препараты, требующие осторожности;
- клинически значимые лекарственные взаимодействия;
- препараты, требующие коррекции дозы при сниженной функции почек.

Каждое назначение анализировали на предмет соответствия этим критериям. Учитывали бинарный исход: «ПНЛС» (1) – если пациент получал хотя бы один препарат из списка ПНЛС, и «без ПНЛС» (0) – если ни одного такого препарата назначено не было. Количество ПНЛС на одного пациента не суммировалось [12, 13].

Для количественной оценки тяжести сопутствующей патологии у каждого пациента рассчитывали индекс коморбидности Чарлсона (Charlson Comorbidity Index, CCI). Расчёт проводили на основании диагнозов, указанных в стационарной карте [8]. Индекс включает 19 категорий заболеваний с весами от 1

до 6 баллов. Дополнительно прибавляли возрастные баллы: 1 балл за каждые 10 лет старше 50 лет (50-59 лет – 1 балл, 60-69 – 2 балла, 70-79 – 3 балла, 80 лет и старше – 4 балла). Финальный индекс коморбидности Чарлсона представляет собой сумму баллов за заболевания и возраст.

Статистическая обработка данных выполнена с использованием программного обеспечения Microsoft Excel и Statistica 12. Количественные переменные проверены на нормальность распределения с помощью критерия Шапиро-Уилка. Поскольку распределение большинства количественных показателей отличалось от нормального, данные представлены в виде медианы и межквартильного размаха [Q1; Q3].

Качественные переменные описаны с помощью абсолютных (n) и относительных (%) частот.

Для оценки факторов, связанных с назначением ПНЛС, все пациенты были разделены на две группы: 1-я группа (ПНЛС = 0) – пациенты, не получавшие ни одного ПНЛС (n = 78); 2-я группа (ПНЛС = 1) – пациенты, получавшие хотя бы одно ПНЛС (n = 42). Сравнение двух независимых групп проводилось с помощью U-теста Манна-Уитни и критерия χ^2 (хи-квадрат). Статистически значимыми различия между группами считались при $p < 0,05$.

Результаты исследования

Характеристика выборки

В исследование включено 120 случаев госпитализации: из них 67 (55,8%) женщин и 53 (44,2%) мужчины. Медиана возраста составила 70,0 (67,0;72,0) лет, а средняя длительность госпитализации составила 11,7 дня. Установлено, что ПНЛС использовали 42 (35,0%) пациента, при этом количество принимаемых препаратов в общей когорте варьировало от 4 до 17 при медианном значении 8,5 (7,0;10,5).

Среди основных заболеваний наиболее часто встречалась ишемическая болезнь сердца (ИБС), выявленная у 74 пациентов (61,7%), включая состояния после инфаркта, стентирования и коронарного шунтирования. Гипертоническая болезнь диагностирована у 40 (33,3%) пациентов, фибрилляция и трепетание предсердий – у 11 (9,2%), сердечная недостаточность как основная причина госпитализации – у 6 (5,0%) и как осложнение основного

заболевания у – 38 (31,7%), у 9 (7,5%) – изолированная систолическая артериальная гипертензия, у 7 (5,8%) пациентов – клапанные пороки или протезы. Заболевания желудочно-

кишечного тракта (ГЭРБ, рефлюкс-эзофагит) встречались у 4 пациентов (3,3%). Структура основных заболеваний изображена на рисунке 1.

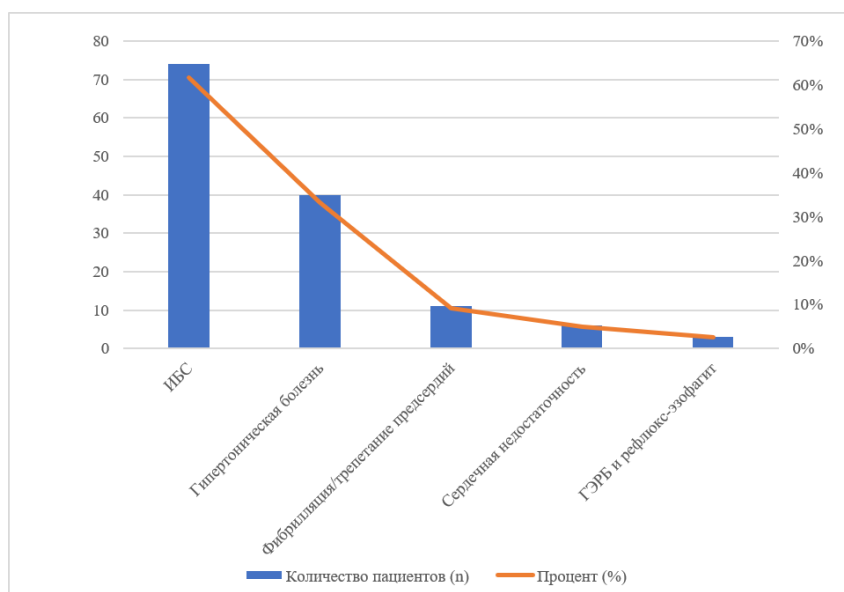

Рис. 1. Структура основных заболеваний в исследуемой выборке (n = 120)

Структура наиболее частых сопутствующих заболеваний показана на рисунке 2. Атеросклероз (любой локализации) отмечен у 104 пациентов (86,7%), дислипидемия – у 92 (76,7%), гипертоническая болезнь – у 88 (73,3%), ожирение и избыточная масса тела – у 82 (68,3%), хроническая болезнь почек – у 79 (65,8%), аритмии (фибрилляция предсердий, желудочковая экстрасистолия, блокады) – у 74 (61,7%), сахарный диабет 2 типа – у 63 (52,5%), заболевания желудочно-кишечного тракта (ГЭРБ, НАЖБП, ЖКБ, язвы, гастриты)

– у 61 (50,8%), патология щитовидной железы – у 54 (45,0%), дегенеративные заболевания опорно-двигательного аппарата (остеоартроз, дорсопатии) – у 52 (43,3%). Также в выборке встречались: цереброваскулярные болезни (32%), клапанные пороки (29%), сердечная недостаточность (27%), анемии (21%), синдром обструктивного апноэ сна (18%), подагра (17%), бронхолегочная патология (16%), доброкачественная гиперплазия предстательной железы (15%), онкологические заболевания в анамнезе (8%).

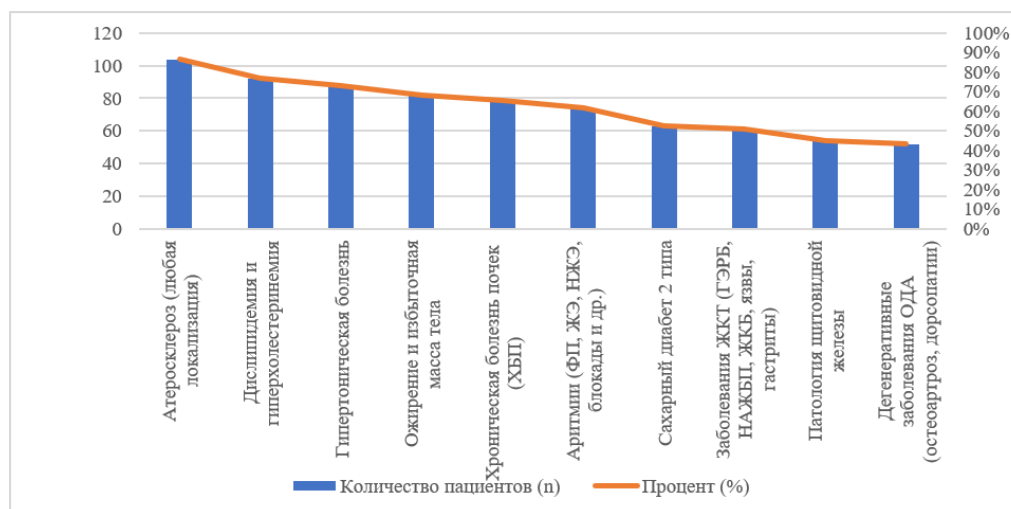

Рис. 2. Структура сопутствующих заболеваний в исследуемой выборке (n = 120)

В нашем исследовании установлено, что ПНЛС назначались 42 из 120 пациентов – частота назначения ПНЛС составила 35,0%.

Для оценки факторов, связанных с назначением ПНЛС, все пациенты были разделены на две группы: 1-я группа (ПНЛС = 0) – паци-

енты, не получавшие ни одного ПНЛС (n = 78); 2-я группа (ПНЛС = 1) – пациенты, получавшие хотя бы одно ПНЛС (n = 42).

В таблице 1 представлены результаты сравнения демографических и клинических показателей между двумя группами.

Таблица 1. Сравнение показателей в группах с ПНЛС и без ПНЛС

Показатель	1 группа (не получавшие ПНЛС) (n = 78)	2 группа (получавшие ПНЛС (n = 42)	p-value
Возраст, лет, Ме (Q1;Q3)	69 (67-72)	71 (68-73)	0,199
Женщины, n (%)	42 (53,8%)	26 (61,9%)	0,396*
Количество препаратов, Ме (Q1;Q3)	8 (6-9)	10 (8-12)	<0,001
Койко-дни, Ме (Q1;Q3)	12 (10-14)	12 (10-14)	0,974
Индекс Чарлсона (CCI), Ме (Q1;Q3)	6 (5-7)	7 (6-8)	0,005

Примечание: *p-value рассчитан с помощью критерия χ^2 , для остальных параметров – U-тест Манна-Уитни.

Статистически значимые различия между группами выявлены по количеству принимаемых препаратов (медиана 10 против 8, $p < 0,001$) и индексу коморбидности Чарлсона (медиана 7 против 6, $p = 0,005$). Статистически значимых различий по возрасту ($p = 0,199$), полу ($p = 0,396$) и длительности госпитализации ($p = 0,974$) не выявлено.

В двух случаях (1,7%) зафиксированы потенциально опасные комбинации блокатора

РАС с калийсберегающим диуретиком у пациентов с ХБП С3а. В одном из них (пациент также получал ПНЛС алимемазин) гиперкалиемии не наблюдалось, однако наличие ХБП С3а делает комбинацию опасной согласно критериям Бирса [12]. Во втором случае комбинация была отменена в связи с развитием гиперкалиемии; ПНЛС у этого пациента не выявлены.

Таблица 2. Структура потенциально не рекомендованных ЛС (n = 42 пациентов с ПНЛС)

Категория ПНЛС	Число пациентов, n	% от всех пациентов с ПНЛС (n=42)	% от всей выборки (n=120)
НПВС	18	42,9%	15,0%
Бензодиазепины (феназепам)	11	26,2%	9,2%
Алимемазин	10	23,8%	8,3%
Гликлазид	9	21,4%	7,5%
Доксазозин	3	7,1%	2,5%
Амитриптилин	2	4,8%	1,7%
Метоклопрамид	2	4,8%	1,7%
Хлоропирамин	2	4,8%	1,7%

Наиболее часто среди ПНЛС встречались нестероидные противовоспалительные препараты (НПВС) – 42,9% от всех случаев ПНЛС (18 пациентов), бензодиазепины (феназепам) – 26,2% (11 пациентов), алимемазин – 23,8% (10 пациентов) и производные сульфонилмочевины (гликлазид) – 21,4% (9 пациентов). Остальные ПНЛС (доксазозин, амитриптилин, метоклопрамид, хлоропирамин) регистрировались значительно реже.

Обсуждение

Частота назначения ПНЛС в нашем исследовании составила 35,0%, что сопоставимо с данными других отечественных авторов, где распространённость ПНЛС у госпитализиро-

ванных пациентов пожилого возраста достигала 25-45% [13] и также сопоставима с результатами крупного глобального мета-анализа 2023 года, включившего более 371 млн пожилых пациентов из 17 стран, где общая распространённость ПНЛС составила 36,7% (95% ДИ 33,4-40,0%) [14].

НПВС стали наиболее частой категорией ПНЛС в нашем исследовании (42,9% от всех ПНЛС). Это может объясняться необходимостью купирования болевого синдрома при возраст-ассоциированных заболеваниях опорно-двигательного аппарата, которые широко распространены у пациентов 65 лет и старше (в нашем исследовании дорсопатия и остео-

артроз выявлены у 52 пациентов, 43,3%). Применение НПВС у данной категории пациентов требует строгого контроля из-за риска декомпенсации сердечной недостаточности, гипертензии и кровотечений [12].

Доля бензодиазепинов в структуре ПНЛС в нашем исследовании составила 26,2%. В некоторых европейских странах распространённость приёма бензодиазепинов среди пожилых достигает 31-35,5% [15]. Согласно критериям Бирса 2023 года, бензодиазепины относятся к потенциально не рекомендованным препаратам у пожилых в связи с высоким риском падений [12], что особенно опасно для преобладающей в выборке группы кардиологических пациентов, принимающих гипотензивные средства. Таким образом, основную долю ПНЛС составили препараты для симптоматической терапии (НПВС, бензодиазепины), что обусловлено необходимостью купирования острых состояний (болевой синдром, инсомния) в период госпитализации.

Ингибиторы протонной помпы (ИПП) не учитывались в качестве ПНЛС, так как критерии Бирса относят их к ПНЛС только при длительном применении [12]. В условиях стационара их назначение носило краткосрочный характер и было клинически обосновано как профилактикой НПВС-гастропатии и стресс-индуцированных поражений ЖКТ, так и лечением сопутствующей гастроэнтерологической патологии.

Основными факторами, связанными с ПНЛС, явились полипрагмазия (медиана числа препаратов 10 против 8, $p < 0,001$) и высокий индекс коморбидности Чарлсона (7 против 6, $p = 0,005$). Эти показатели тесно взаимосвязаны: высокая коморбидная нагрузка объективно ведёт к увеличению количества принимаемых препаратов, что, в свою очередь, повышает риск назначения ПНЛС. При этом статистически значимых различий по возрасту между группами не выявлено ($p = 0,199$), что указывает на ведущую роль коморбидности и полипрагмазии, а не возраста как такового.

Опасные лекарственные комбинации выявлены лишь в 2 случаях (1,7%) причём только один из них сопровождался назначением ПНЛС. Во втором случае терапия была отменена из-за гиперкалиемии, что демонстрирует сложность ведения полиморбидных пациен-

тов: врачам приходится балансировать между риском электролитных нарушений и необходимостью адекватного лечения ХСН. Низкая частота таких комбинаций может указывать как на персонализированный подход врачей к оценке рисков у таких пациентов, так и на ограничение выборки.

Ограничения исследования

Исследование имеет ряд ограничений: ретроспективный дизайн, использование только стационарных карт (без оценки отдалённых исходов), целенаправленный отбор пациентов с полипрагмазией, малое число опасных комбинаций, одноцентровый характер, отсутствие данных о длительности приёма препаратов и клинических исходах после выписки.

Заключение

В ходе исследования установлено следующее:

1. Назначение ПНЛС по критериям Бирса выявлено у 42 пациентов (35,0%). Наиболее частыми категориями ПНЛС явились нестероидные противовоспалительные препараты (НПВС) – 42,9% от всех ПНЛС, бензодиазепины (феназепам) – 26,2%, алимемазин – 23,8% и производные сульфонилмочевины (гликлазид) – 21,4%.

2. При сравнении групп у пациентов с ПНЛС статистически значимо выше были:

- количество принимаемых препаратов (медиана 10 против 8, $p < 0,001$), что может быть обусловлено как высокой коморбидностью и сложностью подбора терапии, так и включением самих ПНЛС в общее число назначений;

- индекс коморбидности Чарлсона (медиана 7 против 6, $p = 0,005$), что отражает большую тяжесть сопутствующей патологии у пациентов с ПНЛС и объективно объясняет более высокую лекарственную нагрузку в этой группе.

3. Статистически значимых различий между группами по полу ($p = 0,396$) и длительности госпитализации ($p = 0,974$) не выявлено. Различия по возрасту также не значимы ($p = 0,199$).

4. У двух пациентов с ХБП С3а выявлены опасные комбинации блокатора РАС с калийсберегающим диуретиком (1,7%). Одна из них осложнилась гиперкалиемией, что потребовало отмены терапии.

Таким образом, в изученной выборке пациентов 65 лет и старше назначение ПНЛС связано прежде всего с полипрагмазией и высокой коморбидной нагрузкой, а не с возрастом.

Выявленная связь между количеством препаратов и частотой ПНЛС подтверждает роль полипрагмазии как ключевого фактора риска потенциально не рекомендованной фармакотерапии. Полученные данные указывают на

целесообразность регулярного пересмотра лекарственной терапии у пациентов старших возрастных групп с использованием критериев Бирса, что может способствовать дальнейшей минимизации нежелательных реакций и повышению безопасности лечения и, как следствие, улучшению качества жизни пациентов.

Библиографический список

1. Всемирная организация здравоохранения. Старение и здоровье. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>.
2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года (статистический бюллетень). – М.: 2024.
3. Badescu MC, Popescu D, Gosav EM, et al. The Use of Direct Oral Anticoagulants (DOACs) in the Geriatric Population – How to Overcome the Challenges of Geriatric Syndromes. *J Clin Med*. 2025;14(13):4396. DOI: 10.3390/jcm14134396.
4. World Health Organization. Cardiovascular diseases (CVDs). – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds)).
5. Mancia G, Kreutz R, Brunström M, et al. 2023 ESH Guidelines for the management of arterial hypertension. The Task Force for the management of arterial hypertension of the European Society of Hypertension: Endorsed by the International Society of Hypertension (ISH) and the European Renal Association (ERA). *J Hypertens*. 2023 Dec 1;41(12):1874-2071. DOI: 10.1097/HJH.0000000000003480. Epub 2023 Sep 26. Erratum in: *J Hypertens*. 2024 Jan 1;42(1):194. DOI: 10.1097/HJH.0000000000003621. PMID: 37345492.
6. McDonagh TA, Metra M, Adamo M, Gardner RS, Baumbach A, Böhm M, et al. 2021 ESC Guidelines for the diagnosis and treatment of acute and chronic heart failure. *Eur Heart J*. 2021 Sep 21;42(36):3599-3726. DOI: 10.1093/eurheartj/ehab368.
7. Wastesson JW, Morin L, Tan ECK, Johnell K. An update on the clinical consequences of polypharmacy in older adults: a narrative review. *Expert Opin Drug Saf*. 2018;17(12):1185-96. DOI: 10.1080/14740338.2018.1546841.
8. Charlson ME, Pompei P, Ales KL, MacKenzie CR. A new method of classifying prognostic comorbidity in longitudinal studies: development and validation. *J Chronic Dis*. 1987;40(5):373-83.
9. Frenkel WJ, Jongerius EJ, Mandjes-van Uiter MJ, et al. Validation of the Charlson Comorbidity Index in acutely hospitalized elderly adults: a prospective cohort study. *J Am Geriatr Soc*. 2014;62(2):342-6.
10. Ткачева О.Н., Котовская Ю.В., Рунихина Н.К., и др. Клинические рекомендации «Старческая астения» // Российский журнал гериатрической медицины. – 2020. – № 1. – С. 11-46. DOI:10.37586/2686-8636-1-2020-11-46.
11. Леонова М.В. Эволюция полипрагмазии: соответствующая и проблемная полипрагмазия, выбор правильной стратегии и тактики // Медицинский совет. – 2021. – № 14. – С. 150-157. – DOI: 10.21518/2079-701X-2021-14-150-157.
12. 2023 American Geriatrics Society Beers Criteria® Update Expert Panel. American Geriatrics Society 2023 updated AGS Beers Criteria® for potentially inappropriate medication use in older adults. *J Am Geriatr Soc*. 2023;71(7):2052-2081. DOI: 10.1111/jgs.18372.
13. Сычев Д.А., Черняева М.С., Рожкова М.А., Воробьева А.Е. Потенциально не рекомендованные лекарственные средства для применения у пациентов пожилого возраста: критерии Бирса (рекомендации Американского гериатрического общества 2023 г.) // Безопасность и риск фармакотерапии. – 2024. – № 12 (3). – С. 253-267. – DOI: 10.30895/2312-7821-2024-420.

14. Tian F, Chen Z, Zeng Y, Feng Q, Chen X. Prevalence of Use of Potentially Inappropriate Medications Among Older Adults Worldwide: A Systematic Review and Meta-Analysis. *JAMA Netw Open*. 2023;6(8):e2326910.
15. Peñalvo JL, López-Valcárcel BG. Prevalence, country-specific prescribing patterns and determinants of benzodiazepine use in community-residing older adults in 7 European countries. *BMC Geriatr*. 2024;24(1):18.

**ANALYSIS OF POLYPHARMACY AND PRESCRIPTION OF POTENTIALLY
INAPPROPRIATE MEDICATIONS IN PATIENTS AGED 65 YEARS AND OLDER
IN A THERAPEUTIC HOSPITAL**

M.I. Miklina, *Student*

Y.R. Akhmedzyanova, *Student*

A.Y. Zakharov, *Student*

N.Iu. Lobanova, *Candidate of Medical Sciences*

Kirov State Medical University

(Russia, Kirov)

Abstract. *This study analyzes polypharmacy and potentially inappropriate medications (PIMs) according to the 2023 Beers Criteria in patients aged 65 years and older hospitalized in a therapeutic department. A retrospective review of 120 medical records from January to March 2024 was performed. The structure of prescribed medications, presence of PIMs, Charlson Comorbidity Index, and number of drugs were assessed. PIMs were identified in 42 patients (35.0%). The most common categories were nonsteroidal anti-inflammatory drugs, benzodiazepines, alimemazine, and gliclazide. Patients receiving PIMs had a significantly higher number of medications and higher Charlson Comorbidity Index scores. No significant differences were found regarding age, sex, or length of hospital stay. The findings confirm the association between polypharmacy, higher comorbidity burden, and increased likelihood of PIM prescribing in older hospitalized patients, highlighting the importance of regular medication review in clinical practice.*

Keywords: *polypharmacy; older adults; Beers Criteria; potentially inappropriate medications; multimorbidity; Charlson Comorbidity Index; hospital.*

ВЕГЕТАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРЕССА

Г.Л. Озеров, канд. биол. наук, доцент

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-46-51

Аннотация. В статье рассматривается проблема объективизации уровня стрессовой нагрузки через призму функционального состояния вегетативной нервной системы. Актуальность работы связана с необходимостью поиска надёжных физиологических коррелятов для ранней диагностики состояний дезадаптации и оценки цены адаптации организма. Целью работы является систематизация современных данных о нейрофизиологических механизмах вегетативного ответа на стресс и критический анализ информативности ключевых биомаркеров. В работе проанализирована иерархическая организация центральных и периферических звеньев регуляции, включая взаимодействие симпато-адреналового и гипоталамо-гипофизарно-надпочечникового контуров. Выявлены показатели, позволяющие судить об интенсивности стресс-реакции, например параметры вариабельности сердечного ритма, гемодинамические сдвиги и уровень гормональных маркеров. На основе обобщения данных обосновывается, что изолированное измерение частоты сердечных сокращений или артериального давления обладает низкой специфичностью. Показано, что глубина вегетативного дисбаланса может быть верифицирована при комплексном анализе симпато-вагального индекса, степени реактивности при функциональных пробах и характера восстановительных процессов.

Ключевые слова: вегетативная нервная система; стресс; общий адаптационный синдром; вариабельность сердечного ритма; симпато-вагальный баланс; аллостатическая нагрузка; кортизол; диагностика дезадаптации.

Проблема адаптации организма к изменяющимся условиям среды является одной из центральных в современной физиологии и патофизиологии. Стресс, понимаемый в классической трактовке Г. Селье как неспецифическая реакция организма на любое предъявляемое к нему требование, реализуется через сложные нейрогуморальные механизмы, исполнительным звеном которых выступает вегетативная нервная система (ВНС) [1]. Вегетативное обеспечение деятельности представляет собой динамический процесс модуляции активности внутренних органов, направленный на поддержание метаболического гомеостаза в условиях влияния возмущающего воздействия.

Актуальность анализа вегетативного звена стресс-реакции обусловлена широкой распространённостью состояний дезадаптации и психосоматических расстройств, в патогенезе которых дисфункция ВНС играет ключевую роль [2]. Несмотря на значительный объем данных, вопрос количественной оценки уровня стрессовой реакции на основе анализа ве-

гетативных показателей требует систематизации.

Цель работы заключается в обобщении современных знаний о структуре вегетативного ответа при стрессе и анализе информативности регистрируемых физиологических параметров, позволяющих судить об интенсивности и цене адаптационного процесса.

Иерархия регуляции и фазность вегетативного ответа при стрессе

Вегетативная нервная система, будучи эфферентным проводником центральных команд, обеспечивает мобилизацию функциональных резервов. Афферентный сигнал о стрессоре, проходя через таламус, достигает миндалевидного комплекса и гиппокампа, откуда нисходящие влияния направляются к паравентрикулярному ядру гипоталамуса и ядрам ствола мозга. Этот контур формирует специфику реакции, в которой условно выделяют симпато-адреналовый и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковый компоненты [3].

Первичный вегетативный ответ на стимул характеризуется немедленной активацией симпатического отдела. Эволюционно этот механизм описан как реакция «борьбы или бегства» [4]. На тканевом уровне норадреналин, высвобождаемый из симпатических терминалей, и циркулирующий адреналин мозгового слоя надпочечников вызывают каскад сдвигов, например увеличение частоты сердечных сокращений (ЧСС), повышение артериального давления, бронходилатацию и мобилизацию глюкозы из депо.

При этом вегетативное обеспечение не сводится только к симпатической эрготропной активации. Так, на стадии тревоги наблюдается гетерохронность включения регуляторных механизмов. Вслед за быстрой симпатической реакцией возрастает активность центрального звена гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, высвобождение кортиколиберина и глюкокортикоидов. Парасимпатический отдел на пике острого стресса подвергается реципрокному торможению [5].

При переходе стресса в хроническую форму вегетативный ответ претерпевает качественные изменения. Фаза резистентности характеризуется напряжением регуляторных систем, при котором внешне нормальные показатели гемодинамики поддерживаются за счёт избыточной симпатической стимуляции при одновременном ослаблении вагусного контроля. Истощение компенсаторных возможностей ВНС на стадии дистресса проявляется либо ригидностью вегетативного тонуса, либо парадоксальной активацией парасимпатической системы на фоне глубоких метаболических нарушений [6].

Методологическая база и показатели, отражающие уровень стрессовой реакции

Объективизация уровня стрессового напряжения основана на регистрации комплекса вегетативных коррелятов. Результаты оценки уровня стрессовой реакции по вегетативным и гуморальным коррелятам приведены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты оценки уровня стрессовой реакции по вегетативным и гуморальным коррелятам

Уровень анализа	Регистрируемый показатель	Характер сдвига при остром стрессе	Диагностическая информативность при хроническом напряжении
Гемодинамика	Частота сердечных сокращений	Тахикардия	Устойчивая тахикардия покоя более 90 уд/мин Недостаточное снижение ночью
	Артериальное давление	Повышение САД, рост пульсового АД	Лабильная гипертензия или стабильная АГ
	Ударный объем и минутный объем крови	Увеличение МОК за счёт ЧСС	Снижение УО при высокой ЧСС
Спектральный анализ ВСР	Мощность низкочастотной составляющей	Резкое возрастание абсолютной мощности	Повышение LF в покое, доминирование LF над HF
	Мощность высокочастотной составляющей	Снижение или отсутствие динамики	Стойкое угнетение HF
	Индекс LF/HF	Более 2,5 - 3,0	Хронически высокие значения или, при истощении, ригидность индекса
Электродермальная активность	Уровень кожной проводимости	Повышение тонической составляющей	Снижение амплитуды фазических ответов на стимул при высоком тонусе
Биохимические маркеры	Кортизол слюны	Повышение утреннего пика	Отсутствие физиологического спада к вечеру
	Альфа-амилаза слюны	Резкое повышение	Хронически высокий базальный уровень

Примечание: САД – систолическое артериальное давление; ДАД – диастолическое артериальное давление; ВСР – вариабельность сердечного ритма; LF – низкочастотный диапазон; HF – высокочастотный диапазон

Применение указанных в таблице 1 показателей в динамике позволяет разделить обследуемых по степени адаптационного риска, так, наиболее общим инструментом в настоящее время считается анализ вариабельности сердечного ритма, который отражает состояние регуляторных контуров на уровне ствола

мозга и синоатриального узла [7]. Снижение общей мощности спектра и особенно его высокочастотного компонента показывает уменьшение вклада автономного контура регуляции и возрастание роли центрального, менее экономичного, эрготропного контура.

Нейрофизиологическая интерпретация показателей вегетативного баланса

Для понимания того, как именно вегетативные показатели отражают глубину стресса, необходимо проанализировать их связь с центральными механизмами управления. С позиций нейровисцеральной интеграции, вагусный контроль сердца является проксимальным показателем активности префронтальной коры и способности к тормозному контролю поведения [8]. И высокий тонус блуждающего нерва в покое связан с высокой стрессоустойчивостью, в то время как вагусная недостаточность предсказывает риск развития метаболического синдрома и аффективных нарушений.

Симпатическая активация, измеряемая по амплитуде низкочастотных колебаний или периферическому сопротивлению сосудов, является менее специфичным, но чувствительным маркером психоэмоционального возбуждения. Мощность LF-диапазона в покое выше у лиц, находящихся в условиях хронического профессионального стресса, по сравнению с контрольной группой [9].

Следует также отметить важность анализа не только изолированных показателей, но и их взаимосвязей. Типология вегетативного обеспечения в зависимости от характера стрессорной нагрузки приведена в таблице 2.

Таблица 2. Типология вегетативного обеспечения в зависимости от характера стрессорной нагрузки

Состояние	Показатель ЧСС	Симпато-вагальный индекс	Активная проба	Интерпретация
Физиологический покой	60-80 уд/мин	0,8-1,5	Умеренный прирост LF, снижение HF	Сбалансированная регуляция, высокий резерв адаптации
Острый психоэмоциональный стресс	Более 95 уд/мин	Более 3,5	Избыточная тахикардия	Мобилизация функционального резерва, эрготропное доминирование
Хронический стресс	85-95 уд/мин в покое	2,5-4,0	Сниженная реакция на ортостаз	Состояние перенапряжения регуляторных систем. Высокая цена адаптации
Состояние истощения	Нормокардия или брадикардия	Менее 1,0	Ареактивность или неадекватное падение АД	Срыв адаптации, функциональная недостаточность как симпатического, так и парасимпатического звена
Ваготония	50-65 уд/мин	Менее 0,7	Парадоксальное повышение HF	Свидетельствует о попытке восстановления метаболических ресурсов после интенсивной симпатической нагрузки

Как видно из данных таблицы 2, простое измерение ЧСС в покое даёт лишь ограниченную информацию, например лица с развитой тренированностью могут демонстрировать низкую ЧСС, обусловленную высокой парасимпатической активностью, что является признаком здоровья. У лиц с хроническим дистрессом низкая ЧСС может быть следствием истощения синусового узла или гиперактивации тормозных вагальных афферентов на фоне гипоксии тканей. Поэтому стандартом оценки уровня стрессовой реакции является спектральный анализ ВСР с обязательным проведением нагрузочного тестирования.

Клинико-физиологическое значение оценки вегетативного обеспечения

Практическая значимость изучения вегетативных коррелятов стресса выходит за рамки теоретической физиологии интереса к механизмам регуляции гомеостаза, так, на современном этапе развития медицины становится все более явным, что дисрегуляция вегетативной нервной системы представляет собой универсальное патогенетическое звено, лежащее в основе формирования широкого спектра соматической патологии, традиционно относимой к категории болезней цивилизации. В частности, длительно существующий дисбаланс между симпатическим и парасимпатическим отделами автономной нервной системы с преобладанием эрготропных влияний является ключевым фактором становления и прогрессирования эссенциальной ги-

пертензии. Избыточная симпатическая импульсация к сосудистой стенке и почкам, сопряжённая с недостаточностью барорефлекторного торможения, запускает каскад гемодинамических и нейрогуморальных сдвигов, приводящих к устойчивому повышению периферического сосудистого сопротивления и ремоделированию сосудистого русла [10].

Оценка уровня вегетативного напряжения, получаемая на основе количественного анализа параметров variability сердечного ритма и показателей гемодинамики, обладает высокой прогностической значимостью в отношении течения ишемической болезни сердца. Накопленный массив данных свидетельствует о том, что выраженное снижение общей variability ритма сердца, а также уменьшение мощности его высокочастотной составляющей, отражающей вагусные кардиопротективные влияния, выступает в качестве независимого и статистически значимого предиктора внезапной сердечной смерти и повышения показателей общей летальности в постинфарктном периоде и при хронической сердечной недостаточности [11].

С позиций профилактической медицины и диагностики, динамический мониторинг таких параметров, как соотношение низкочастотной и высокочастотной составляющих спектра variability сердечного ритма, выражаемое индексом LF/HF, а также амплитуда физиологического ночного снижения частоты сердечных сокращений, позволяет выявлять группы лиц, находящихся в зоне повышенного риска по развитию дезадаптозов, до манифестации отчётливых клинических симптомов и формирования необратимых органических изменений [12]. Отсутствие адекватного ночного снижения частоты сердечных сокращений является ранним маркером перенапряжения регуляторных систем и свидетельствует о том, что даже в период физиологического покоя организм продолжает функционировать в режиме мобилизации резервов.

Скорость, с которой частота сердечных сокращений возвращается к исходным фоновым значениям, а также характер и временные параметры динамики восстановления спектральной мощности HF-компонента variability сердечного ритма служат интегральным показателем функциональных резервов и реактивности парасимпатического

звена регуляции. Парасимпатический отдел нервной системы ответственен за реализацию трофотропных, анаболических процессов и обеспечение эффективного восстановления энергетических ресурсов организма после эпизода эрготропной активации. Выраженное замедление этих восстановительных процессов, проявляющееся в пролонгированной тахикардии покоя и отсроченном нарастании мощности HF-волн, является маркером кумуляции утомления и состояния недовосстановления функциональных резервов, что в высокой степени характерно для состояний хронического психоэмоционального стресса и синдрома профессионального выгорания [13].

Заключение

Вегетативная нервная система, в силу своей специфической анатомо-функциональной организации и двусторонних связей с высшими регуляторными центрами, выступает в роли универсального динамического параметра, осуществляющего непрерывное сопряжение между состоянием психической сферы, эмоциональным фоном и соматическим статусом организма в условиях воздействия стрессорных факторов различной модальности и интенсивности.

Обобщение массива литературных данных, освещающих различные аспекты изучаемой проблемы, позволяет прийти к заключению, что адекватное и объективное суждение об истинном уровне стрессовой реакции и глубине адаптационного напряжения должно быть основано на комплексном, мультипараметрическом анализе. Данный анализ должен в обязательном порядке включать в себе показатели центральной и периферической гемодинамики, результаты спектрального анализа variability сердечного ритма, отражающие состояние контуров нейрогуморальной регуляции, а также данные о содержании ключевых гормональных маркеров стресса в биологических жидкостях.

В качестве наиболее информативных, чувствительных и специфичных критериев, позволяющих судить о наличии и выраженности вегетативного дисбаланса, целесообразно рассматривать такие показатели как абсолютная величина и стабильность во времени симпатовагального индекса, рассчитываемого как отношение мощностей низкочастотной и высокочастотной составляющих спектра, степень

угнетения абсолютной и нормализованной мощности высокочастотных волн, отражающая дефицит кардиопротективных вагусных влияний на синусовый узел, а также степень ригидности сердечного ритма и характер ге-

модинамического реагирования при проведении стандартизированных функциональных нагрузочных проб, таких как активная ортостатическая проба или проба с фиксированным темпом дыхания.

Библиографический список

1. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме / Г. Селье; пер. с англ. – Москва: Медгиз, 1960. – 254 с.
2. Goldstein D.S. The autonomic medical history / D.S. Goldstein, W.P. Cheshire Jr. // *Clinical Autonomic Research*. – 2017. – Vol. 27, № 4. – P. 223-233. – DOI: 10.1007/s10286-017-0425-7.
3. Ulrich-Lai Y.M. Neural regulation of endocrine and autonomic stress responses / Y.M. Ulrich-Lai, J.P. Herman // *Nature Reviews Neuroscience*. – 2009. – Vol. 10, № 6. – P. 397-409. – DOI: 10.1038/nrn2647.
4. Cannon W.B. Bodily changes in pain, hunger, fear and rage. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1915. – 334 p.
5. Porges S.W. The polyvagal perspective / S.W. Porges // *Biological Psychology*. – 2007. – Vol. 74, № 2. – P. 116-143. – DOI: 10.1016/j.biopsycho.2006.06.009.
6. Thayer J.F. The relationship of autonomic imbalance, heart rate variability and cardiovascular disease risk factors / J.F. Thayer, S.S. Yamamoto, J.F. Brosschot // *International Journal of Cardiology*. – 2010. – Vol. 141, № 2. – P. 122-131. – DOI: 10.1016/j.ijcard.2009.09.543.
7. Баранов В.М. Оценка адаптационных возможностей организма и задачи повышения эффективности здравоохранения / В.М. Баранов, Р.М. Баевский, А.П. Берсенева, В.М. Михайлов // *Экология человека*. – 2004. – № 6. – С. 25-29.
8. Thayer J.F. Claude Bernard and the heart-brain connection: further elaboration of a model of neurovisceral integration / J.F. Thayer, R.D. Lane // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – 2009. – Vol. 33, № 2. – P. 81-88. – DOI: 10.1016/j.neubiorev.2008.08.004.
9. Chandola T. Work stress and coronary heart disease: what are the mechanisms? / T. Chandola, A. Britton, E. Brunner [et al.] // *European Heart Journal*. – 2008. – Vol. 29, № 5. – P. 640-648. – DOI: 10.1093/eurheartj/ehm584.
10. Esler M. The sympathetic nervous system in hypertension: back to the future? / M. Esler // *Current Hypertension Reports*. – 2015. – Vol. 17, № 2. – Art. 11. – DOI: 10.1007/s11906-014-0519-8.
11. Kleiger R.E. Decreased heart rate variability and its association with increased mortality after acute myocardial infarction / R.E. Kleiger, J.P. Miller, J.T. Bigger Jr., A.J. Moss // *American Journal of Cardiology*. – 1987. – Vol. 59, № 4. – P. 256-262. – DOI: 10.1016/0002-9149(87)90795-8.
12. McEwen B.S. Protective and damaging effects of stress mediators / B.S. McEwen // *New England Journal of Medicine*. – 1998. – Vol. 338, № 3. – P. 171-179. – DOI: 10.1056/NEJM199801153380307.
13. Kudielka B.M. Why do we respond so differently? Reviewing determinants of human salivary cortisol responses to challenge / B.M. Kudielka, D.H. Hellhammer, S. Wüst // *Psychoneuroendocrinology*. – 2009. – Vol. 34, № 1. – P. 2-18. – DOI: 10.1016/j.psyneuen.2008.10.004.

AUTONOMIC STRESS MANAGEMENT

G.L. Ozerov, *Candidate of Biological Sciences, Associate Professor*

P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article examines the problem of objectifying stress levels through the lens of the functional state of the autonomic nervous system. The relevance of this work stems from the need to find reliable physiological correlates for the early diagnosis of maladaptation and assessing the cost of adaptation. The aim of the study is to systematize current data on the neurophysiological mechanisms of the autonomic response to stress and critically analyze the informativeness of key biomarkers. The paper provides a detailed description of the hierarchical organization of central and peripheral regulatory systems, including the interactions between the sympathetic-adrenal and hypothalamic-pituitary-adrenal circuits. Particular attention is paid to indicators that allow one to assess the intensity of the stress response: heart rate variability parameters, hemodynamic changes, and hormonal marker levels. Based on a summary of literature data, it is demonstrated that isolated measurements of heart rate or blood pressure have low specificity. The true extent of autonomic imbalance can only be verified through a comprehensive analysis of the sympathovagal index, the degree of reactivity during functional tests, and the nature of recovery processes.*

Keywords: *autonomic nervous system; stress; general adaptation syndrome; heart rate variability; sympathovagal.*

ДИНАМИКА РЕАКЦИИ ШВАННОВСКИХ КЛЕТОК В ОЧАГЕ ГНОЙНОГО ВОСПАЛЕНИЯ РОГОВИЦЫ В ХОДЕ ЛЕЧЕНИЯ АУТОПЛАЗМОЙ

А.М. Оразалыева¹, д-р мед. наук, старший научный сотрудник

А.А. Гельдыев², канд. мед. наук, ведущий научный сотрудник

П.Т. Овезклычев³, заведующий отделением лазерной хирургии

Д.Б. Ламанова⁴, канд. мед. наук, ассистент

¹Научно-исследовательский центр Государственного медицинского университета Туркменистана имени Мырата Гаррыева

²Международный учебно-научный центр при Министерстве здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана

³Многопрофильная больница

⁴Государственный медицинский университет Туркменистана имени Мырата Гаррыева

^{1,2,4}(Туркменистан, г. Ашгабат)

³(Туркменистан, г. Аркадаг)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-52-57

Аннотация. В рамках выполненного исследования рассмотрена динамика активности шванновских клеток (ШК) в очаге регенерации роговицы при гнойном кератите (ГК) в ходе лечения аутоплазмой, обогащенной тромбоцитами и лейкоцитами, в сочетании с бандажной линзой (ОбТЛП-БЛ) (в эксперименте). Экспериментальные исследования проведены на двух группах свиней с воспроизведением модели ГК: I группа – группа сравнения (12 животных) – животные ГК, получавшие стандартную антибактериальную терапию; II группа – опытная группа (12 животных) – животные ГК, получавшие стандартную антибактериальную терапию совместно с ОбТЛП-БЛ. Морфологическое и иммуногистохимическое исследования ткани роговицы с применением молекулярно-биологических маркеров S100 и Ki-67 проводились в сроки 3, 7, 14, 28 суток после начала терапии. Результаты: исследование реакции ШК в очаге гнойного воспаления роговицы позволило определить особенности динамики пролиферативной активности леммоцитов в зависимости от метода лечения. При лечении ГК с применением ОбТЛП-БЛ активация ШК более выражена и наступает на ранних сроках (до 14 дня); последующее быстрое снижение пролиферативной активности ШК обеспечивает полную регенерацию роговицы с восстановлением её структуры и прозрачности.

Ключевые слова: роговица; нервы; шванновские клетки; гнойное воспаление; регенерация; пролиферация; нейромаркер; аутоплазма.

Одним из научных направлений офтальмо-нейроморфологии является исследование механизмов регенерации нервов роговицы (НР) и возможных её модуляторов при повреждении НР в ходе рефракционной хирургии, трансплантации роговицы и воспалительных процессов.

Известно, что роговица является наиболее плотно иннервируемой тканью в теле человека по количеству чувствительных нервных окончаний на единицу площади – плотность нервных волокон роговицы (НВР) в 40 раз больше, чем в пульпе зуба, и в 400 раз больше, чем в коже [2, с. 39]. В аваскулярной оболочке глаза они обеспечивают трофическую поддержку эпителиальным и стромальным

клеткам. Являясь сенсорными по происхождению, НР отвечают за ощущения прикосновения, боли и температуры и играют важную роль в рефлексе моргания, заживлении ран, выработке и секреции слезы.

Известно, что НВР происходят из глазной ветви тройничного нерва. Иннервация ее организована в суббазальное, лимбальное, стромальное и интраэпителиальное сплетения. Нервные пучки входят в роговицу у лимба, идут к центру под передней третью стромы, проникают через боуменову мембрану и между боуеновой мембраной и базальным эпителием образуют густую сеть нервных волокон (суббазальное нервное сплетение) (Shaheen B.S. et al). Как описывают Shaheen B.S.,

Bakir M., Jain S., в роговице 50-450 сенсорных тройничных нейронов заканчиваются свободными нервными окончаниями в эпителии роговицы [15, р. 264]. От клеток тройничного ганглия НВР проходят супрахориоидально и разветвляются, образуя нервные пучки, которые равномерно располагаются вокруг корнеосклерального лимба, образуя лимбальное сплетение. Из лимбального сплетения возникают стволы стромальных нервов, которые радиально входят в периферическую строму роговицы [8, р. 785, 10, р. 516]. В строме НВР располагаются параллельно коллагеновым пластинкам, разветвляются на более мелкие пучки по мере продвижения к поверхности и образуют взаимосвязи внутри стромы, создавая переднее стромальное сплетение. Часть ветвей периферических стромальных нервов проникает через слой Боумана в эпителий, образуя интраэпителиальное сплетение.

Примерно через один миллиметр после входа в лимб НВР теряют свой периневрий и миелиновые оболочки и продолжают движение, окруженные исключительно шванновскими клетками [15, р. 266]. Именно отсутствие миелиновой оболочки на центральных аксонах роговицы необходимо для поддержания её прозрачности. Шванновские клетки (ШК), специализированный тип глиальных клеток, были впервые описаны в середине XIX века немецким физиологом Теодором Шванном как клетки, «обернутые вокруг аксонов периферической нервной системы». Шведским невропатологом Nils Ragnar Eugene Antoni (1887-1968), изучавшим опухоли, характерные для оболочек нерва, для этих клеток был введен термин «леммоциты» [6, с. 384]. Принимая участие в проведении возбуждения по НВР, ШК также выполняют опорную функцию, поддерживая аксон, и трофическую функцию, являясь источником большого числа нейромедиаторов, ростовых и нейротрофических факторов (фактор роста нервов (NGF), фактор роста фибробластов (FGF), нейротрофический фактор головного мозга (BDNF), инсулиноподобный фактор роста (IGF), глиальный нейротрофический фактор (GDNF), нейротрофины, цилиарный нейротрофический фактор, нейрональный белок клеточной адгезии (NCAM) и др.). Особую роль играют ШК в процессах морфогенеза нервов. Они вырабатывают белок, который

контролирует образование периневрия во время развития нерва. Кроме того, предшественники шванновских клеток, ассоциированные с определенными нервами в период эмбриогенеза, способны секретировать фактор роста эндотелия сосудов (VEGF-A), способствуя тем самым процессам васкуло- и ангиогенеза в развивающемся нерве [6, с. 388].

Выработка ШК ростовых и нейротрофических факторов обеспечивает их незаменимую роль в процессах регенерации НВР [5, с. 43]. Доказано, что они являются также одним из основных участников взаимодействия между эпителием роговицы и НР: эпителий роговицы вырабатывает и высвобождает нейротрофины для поддержки трофики и заживления нервов, а НР вырабатывают нейротрофические факторы и нейромедиаторы, которые обеспечивают трофическую поддержку, физиологическое обновление, анатомическую целостность и регенерацию эпителия роговицы при его повреждениях, модулируя пролиферацию, стратификацию, миграцию и адгезию эпителиальных клеток роговицы [12]. Баланс эпителиотропных нейромедиаторов и нейротрофических факторов, экспрессируемых НР, необходим для поддержания гомеостаза роговицы [14]. Показано, что нейрорегенеративные и воспалительные процессы в роговице тесно взаимосвязаны [15, р. 263]. Так, большинство сенсорных нервных волокон активируются под воздействием медиаторов, высвобождаемых воспалительными клетками [9]. Учитывая это, представляет научный интерес исследование в ходе заживления роговицы реакции ШК на повреждение в очаге гнойного воспаления и её динамики при использовании в лечении различных препаратов, способных модулировать исход регенерации.

Цель работы. Изучить динамику активности ШК в очаге регенерации роговицы при ГК в ходе лечения аутоплазмой, обогащенной тромбоцитами и лейкоцитами, в сочетании с бандажной линзой (ОБТЛП-БЛ) (в эксперименте).

Материалы и методы исследования. Экспериментальные исследования проведены на базе Международного учебно-научного центра Министерства Здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана и Научно-исследовательского центра Госу-

дарственного медицинского университета Туркменистана имени Мырата Гаррыева в соответствии с правилами, регламентированными рекомендациями Европейской конвенции о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов в научных или иных целях. В эксперименте использовали две группы свиней с воспроизведением модели ГК: I группа – группа сравнения (12 животных) – животные ГК, получавшие стандартную антибактериальную терапию; II группа – опытная группа (12 животных) – животные ГК, получавшие стандартную антибактериальную терапию совместно с ОБТЛП-БЛ. С целью анализа результатов в динамике лечения на 3, 7, 14, 28 сутки после начала терапии проводилась энуклеация глаза с последующим морфологическими и иммуногистохимическими исследованиями. Исследованию подвергалась ткань роговицы. Вырезанные кусочки роговицы фиксировались в 10% растворе нейтрального формалина и заливались в парафин по общепринятой методике. Полученные парафиновые срезы окрашивались гематоксилином и эозином. После стандартного патоморфологического исследования проводилась иммуногистохимическая (ИГХ) окраска с антителами против Ki-67 (Clone MIB-1) и S100. Для визуализации иммуногистохимической реакции использовали DAB+ систему (Dako, Hamburg, Germany). Результаты ИГХ окраски экспрессии ШК маркеров Ki-67 и S100 оценивались посредством полуколичественного (семиквантитативного) иммунореактивного Score-метода [13, р. 139]. При этом ИГХ-окраска для каждого антитела выполнялась в 48 полях зрения. Статистическая обработка проводилась с помощью стандартного пакета программ Excel 2016 года. Для сравнения между двумя группами использовался тест Стьюдента, а для оценки показателей для разных временных промежутков исследования (3, 7, 14 и 28 сутки) – ANOVA-тест. За статистически достоверный результат принимался показатель $p < 0,05$ и ниже.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе эксперимента на глазах животных была воспроизведена модель ГК с повреждением эпителия и распространением лейкоцитарного инфильтрата в строме.

С целью изучения потенциальной роли ШК в очаге гнойного воспаления и реакции ШК

на действие аутоплазмы в ходе лечения ГК ОБТЛП-БЛ проанализирована динамика экспрессии ШК нейромаркера S100 и маркера пролиферации Ki-67. Нейромаркер S100, являясь тканеспецифическим для основного структурного компонента нерва – ШК – синтезируется глиальными клетками и выполняет функцию клеточного узнавания, рецепции и синаптической передачи. Участвуя в регуляции клеточного цикла, белок S100 влияет на рост, размножение, сокращение и дифференциацию клеток [11].

Иммуногистохимическое исследование экспрессии ШК маркера белка S100 и сравнительный анализ показателей между группами на каждом этапе эксперимента выявили количественные отличия между двумя исследуемыми группами, представленные на диаграмме (рис. 1). Начиная с 3 суток эксперимента, до 28 дня показатель уровня экспрессии S100 ШК во II группе превосходил показатель I группы. Лишь на последнем сроке эксперимента данный показатель снижался до цифр ниже, чем в I группе. Анализ динамики данных экспрессии ШК маркера S100 по дням эксперимента показал неодинаковую по группам картину. При лечении ГК ОБТЛП-БЛ максимальное значение исследуемого показателя зарегистрировано на 7 сутки, после которых уровень экспрессии маркера S100 резко пошел на убыль, достигнув на 28 сутки значительно низкой цифры по сравнению с I группой. При применении в лечении ГК стандартной антибактериальной терапии отмечалось повышение уровня экспрессии S100 ШК на каждом исследуемом сроке с максимальным значением на 28 день.

Для оценки пролиферативной активности ШК нервных волокон проведено иммуногистохимическое исследование экспрессии ШК маркера Ki-67, являющегося ядерным негистоновым белком, антитела к антигену которого реагируют с пролиферирующими клетками во всех (G1, S, M, G2) стадиях клеточного цикла [1, с. 41, 7, с. 358]. Его рассматривают как «золотой стандарт» оценки пролиферативной активности клетки [4, с. 421]. Сравнительный анализ показателей маркера пролиферации клеток по дням эксперимента между двумя группами выявил значительные отличия на каждом этапе (рис. 1). На первых этапах эксперимента (3 и 7 сутки) показатель

уровня экспрессии ШК маркера Ki-67 во II группе был выше показателя I группы, но в последующие сроки (14 и 28 суток) во II группе отмечалось снижение показателя ниже цифр I группы. При анализе динамики по дням эксперимента экспрессии ШК маркера Ki-67 выявлена разнонаправленность изменений показателей в исследуемые сроки. При лечении ГК ОБТЛП-БЛ высокие значения исследуемого показателя были зарегистрирова-

ны на 3 и 7 сутки, после которых уровень экспрессии маркера Ki-67 резко пошел на убыль, достигнув на 28 сутки значительно низкой цифры по сравнению с I группой. При применении в лечении ГК стандартной антибактериальной терапии отмечалось повышение уровня экспрессии Ki-67 ШК на каждом исследуемом сроке по 14 день эксперимента, однако на 28 день показатель снижался, оставаясь выше показателя II группы.

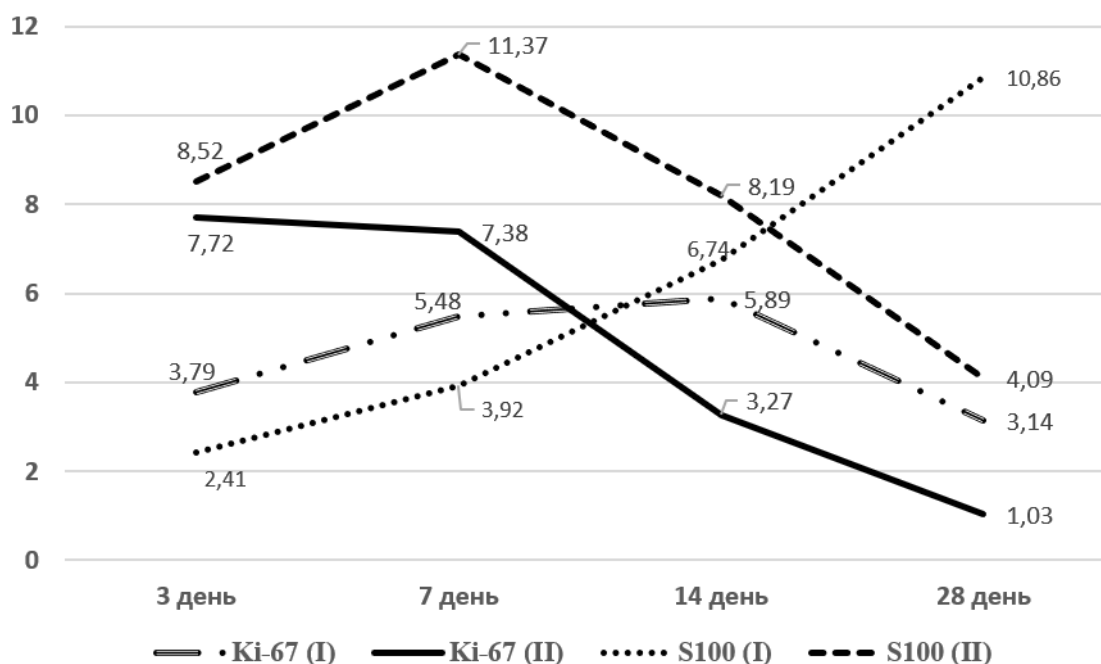

Рис. 1. Показатели экспрессии ШК маркеров S100 и Ki-67 в динамике эксперимента

Таким образом, иммуногистохимическое исследование реакции ШК в очаге гнойного воспаления роговицы с повреждением эпителия позволило определить особенности динамики пролиферативной активности леммоцитов в зависимости от метода лечения. При лечении ГК с применением ОБТЛП-БЛ активация ШК более выражена и наступает на ранних сроках (до 14 дня); последующее быстрое снижение пролиферативной активности ШК обеспечивает полную регенерацию роговицы с восстановлением её структуры и прозрачности.

При лечении ГК стандартной антибактериальной терапией сохранение высоких цифр экспрессии шванновскими клетками белка S100 до конца эксперимента, возможно, обусловлено активацией глии в ответ на повреждение нервной ткани при воспалении [3, 16]. Подобная динамика экспрессии нейромаркера

S100 на фоне медленного снижения маркера пролиферации Ki-67, по-видимому, отражает дисбаланс процессов пролиферации и апоптоза в очаге гнойного воспаления. Усиленная пролиферация НВР в очаге регенерации может впоследствии отразиться на прозрачности роговицы.

Эффективность применения аутоплазмы при лечении ГК в проведенном эксперименте усиливается сочетанием ОБТЛП с бандажной линзой. Поскольку в очаге гнойного воспаления нарушения со стороны НВР отражаются на изменении секреции слезы и снижении стабильности слезной пленки, использование бандажной линзы способствует сохранению увлажнения поверхности глаза в период терапии, благоприятно влияя на исход регенерации.

Следует отметить, что по результатам проведенных нами ранее морфологических и

иммуногистохимических исследований регенерации многослойного эпителия роговицы при лечении ГК с применением ОБТЛП-БЛ (в эксперименте) была отмечена подобная динамике изменений ШК динамика ускоренной регенерации эпителия с затуханием воспалительного процесса и эпителизацией поверхности роговицы на 7-е сутки эксперимента. Последнее позволяет говорить о синергическом эффекте ОБТЛП-БЛ на эпителиальные и стромальные элементы роговицы.

Вывод. Исследование реакции ШК в очаге гнойного воспаления роговицы с поврежде-

нием эпителия позволило определить особенности динамики пролиферативной активности леммоцитов в зависимости от метода лечения. ИГХ исследование реакции ШК с применением молекулярно-биологических маркёров S100 и Ki-67 в очаге гнойного воспаления роговицы с повреждением эпителия показало раннюю активацию и быструю положительную динамику пролиферативной активности леммоцитов при лечении ГК с использованием ОБТЛП-БЛ, обуславливающую полную регенерацию роговицы с восстановлением её структуры и прозрачности.

Библиографический список

1. Гусева В.А. Использование маркера пролиферации Ki-67 для оценки регенерации сухожилий у кроликов в эксперименте / В.А. Гусева, Т.Ш. Кузнецова, Б.С. Семенов // Генетика и разведение животных. – 2022. – № 1. – С. 41-46. – DOI 10.31043/2410-2733-2022-1-41-46. – EDN FMPZCY.
2. Каспарова Е.А. Нейротрофический кератит. Этиология, патогенез, клинические проявления. Обзор литературы. Часть 1 / Е.А. Каспарова, Н.Р. Марченко // Офтальмология. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 38-45. – DOI 10.18008/1816-5095-2022-1-38-45. – EDN MMMNAW.
3. Маркелова Е.В. Нейропептиды как маркеры повреждения головного мозга / Е.В. Маркелова, А.А. Зенина, Р.В. Кадыров // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 5. – С. 206. – EDN YMRMLZ.
4. Махина Е.В., Пичигина А.К., Колдышева Е.В., Молодых О.П., Лушников Е.Л. Диагностическая и прогностическая значимость оценки пролиферативной активности клеточных популяций эндометрия при гиперпластических и неопластических процессах // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 10-2. – С. 420-427.
5. Петрова Е.С. Восстановление поврежденного нерва с помощью клеточной терапии (фундаментальные аспекты) // Acta Naturae. – 2015. – Т. 7. – №3. – С. 38-47. DOI: 10.32607/20758251-2015-7-3-38-47.
6. Петрова Е.С. Современные представления о шванновских клетках: развитие, пластичность, функции // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 2019. – Т. 55, № 6. – С. 383-397.
7. Биомаркеры крови и маркер пролиферации Ki-67 при раке молочной железы / А.А. Студеникина, Е.С. Михайлова, С.А. Архипов [и др.] // Медицинская иммунология. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 357-366. – DOI 10.15789/10.15789/1563-0625-BBA-2570. – EDN XFNVNX.
8. Al-Aqaba MA, Fares U, Suleman H, Lowe J, Dua HS. Architecture and distribution of human corneal nerves // Br J Ophthalmol. 2010 Jun;94(6):784-9. DOI: 10.1136/bjo.2009.173799. Epub 2009 Nov 4. PMID: 19889832.
9. Dua H.S., Said D.G., Messmer E.M., Rolando M., Benitez-Del-Castillo J.M., Hossain P.N., Shortt A.J., Geerling G., Nubile M., Figueiredo F.C., Rauz S., Mastropasqua L., Rama P., Baudouin C. Neurotrophic keratopathy. *Prog. Retin. Eye Res.* 2018 Sep;66:107–131. DOI: 10.1016/j.preteyeres.2018.04.003.
10. He J, NG, Bazan HE. Mapping the entire human corneal nerve architecture. *Exp Eye Res.* 2010 Oct;91(4):513-23. doi: 10.1016/j.exer.2010.07.007. Epub 2010 Jul 27. PMID: 20650270; PMCID: PMC293921.
11. Laura L. Gonzalez, Karin Garrie, Mark D. Turner. Role of S100 proteins in health and disease, *Biochimica et Biophysica Acta (BBA) - Molecular Cell Research*, Volume 1867, Issue 6, 2020, 118677, ISSN 0167-4889, <https://doi.org/10.1016/j.bbamcr.2020.118677>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167488920300355>).

12. Mastropasqua L, Massaro-Giordano G, Nubile M, Sacchetti M. Understanding the Pathogenesis of Neurotrophic Keratitis: The Role of Corneal Nerves. *J Cell Physiol.* 2017 Apr; 232(4):717-724. DOI: 10.1002/jcp.25623. Epub 2016 Oct 17. PMID: 27683068.
13. Remmele W., Stegner H.E. Recommendation for uniform definition of an immunoreactive score (IRS) for immunohistochemical estrogen receptor detection (ER-ICA) in breast cancer tissue // *Pathologie.* – 1987. – Vol. 8. – P. 138-140.
14. Ruiz-Lozano RE, Hernandez-Camarena JC, Loya-Garcia D, Merayo-Llones J, Rodriguez-Garcia A. The molecular basis of neurotrophic keratopathy: Diagnostic and therapeutic implications. A review. *Ocul Surf.* 2021 Jan;19:224-240. DOI: 10.1016/j.jtos.2020.09.007. Epub 2020 Oct 3. PMID: 33022412
15. Shaheen B.S., Bakir M., Jain S. Corneal nerves in health and disease. *Surv. Ophthalmol.* 2014 May-Jun; 59 (3): 263-85. DOI: 10.1016/j.survophthal.2013.09.002. Epub 2014 Jan 23. PMID: 24461367; PMCID: PMC4004679.
16. Weiss N., Sanchez-Peña P., Roche S., Beaudoux J.L., Colonne C., Coriat P., Puybasset L. Prognosis value of plasma S100B protein levels after subarachnoid aneurysmal hemorrhage. *Anesthesiology.* 2006 Apr;104(4):658-66. DOI: 10.1097/00000542-200604000-00008. Erratum in: *Anesthesiology.* 2008 Apr;108(4):767. PMID: 16571959.

DYNAMICS OF THE REACTION OF SCHWANN CELLS IN THE FOCUS OF PURULENT INFLAMMATION OF THE CORNEA DURING TREATMENT WITH AUTOLOGOUS PLASMA

A.M. Orazalyeva¹, *Doctor of Medical Sciences, Senior Researcher*

A.A. Geldiev², *Candidate of Medical Sciences, Leading Researcher*

P.T. Ovezklychev³, *Head of the Department of Laser Surgery*

D.B. Lamanova⁴, *Candidate of Medical Sciences, Assistant Professor*

¹**Scientific Research Center of the State Medical University of Turkmenistan named after Myrat Garryev**

²**International Educational and Scientific Center under the Ministry of Health and Medical Industry of Turkmenistan**

³**Multidisciplinary hospital**

⁴**Myrat Garryev State Medical University of Turkmenistan**

^{1,2,4}**(Turkmenistan, Ashgabat)**

³**(Turkmenistan, Arkadag)**

Abstract. *The study examined the dynamics of Schwann cell activity in the corneal regeneration site in purulent keratitis (GK) during treatment with platelet- and leukocyte-enriched autoplasm in combination with a bandage lens (BTLP-BL) (in an experiment). Experimental studies were conducted on two groups of pigs reproducing the GC model: Group I – the comparison group (12 animals) – GC animals receiving standard antibacterial therapy; Group II – experimental group (12 animals) – GC animals that received standard antibacterial therapy in combination with MbTLP-BL. Morphological and immunohistochemical studies of corneal tissue using molecular biological markers S100 and Ki-67 were performed on days 3, 7, 14, and 28 after the start of therapy. Results: the study of the SC reaction in the focus of purulent inflammation of the cornea made it possible to determine the dynamics of the proliferative activity of lemmocytes depending on the treatment method. In the treatment of GC with the use of MbTLP-BL, the activation of SC is more pronounced and occurs in the early stages (up to 14 days); the subsequent rapid decrease in the proliferative activity of SC ensures complete regeneration of the cornea with the restoration of its structure and transparency.*

Keywords: *cornea; nerves; Schwann cells; purulent inflammation; regeneration; proliferation; neuromarker; autoplasm.*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К БЕЗОПАСНОЙ ЛАПАРОСКОПИЧЕСКОЙ ХОЛЕЦИСТЭКТОМИИ: КОНЦЕПЦИЯ CRITICAL VIEW OF SAFETY (CVS) В СОВРЕМЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ХИРУРГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Х.Р. Хасанов¹, студент

Р.О. Сагеев², заведующий отделением паллиативной медицинской помощи, врач-онколог отделения онкохирургии

¹Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

²Республиканский клинический онкологический диспансер имени профессора М.З. Сигала

¹(Россия, г. Санкт-Петербург)

²(Россия, г. Набережные Челны)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-58-62

Аннотация. Ятрогенное повреждение внепеченочных желчных протоков при лапароскопической холецистэктомии (ЛХЭ) встречается в 0,2-1,5% случаев и в 71-97% связано с ошибочной визуализацией анатомических структур. В статье рассмотрены основные причины ошибок визуализации зоны оперативного вмешательства при выполнении лапароскопической холецистэктомии: анатомическая вариативность, воспалительно-рубцовые изменения, ожирение, предыдущие операции, человеческий фактор. Детально описаны три обязательных критерия CVS – гепатопузырный треугольник очищен от фиброзной и жировой ткани, нижняя треть тела желчного пузыря выделена из его ложа печени, в желчный пузырь идут только две трубчатые структуры, дополнительные анатомические ориентиры – вырезка Рувье, щит МакЭмоли, интраоперационный тайм-аут и протокол B-SAFE. Показано, что отказ от CVS повышает риск повреждения протоков в 6,7 раза. Применение интраоперационной ICG-флюоресцентной холангиографии снижает этот риск в 4 раза, а частоту конверсии – в 17 раз. При невозможности достичь CVS необходимо применять тактики «спасения»: субтотальную холецистэктомию, холецистэктомию «от дна» или конверсию операции. Регулярное использование CVS снижает, но полностью не исключает повреждения желчных путей.

Ключевые слова: лапароскопическая холецистэктомия; CVS; вырезка Рувье; пузырная артерия; пузырный проток; интраоперационный тайм-аут; ICG-флюоресцентная холангиография.

Одним из наиболее грозных осложнений при выполнении лапароскопической холецистэктомии (ЛХЭ) является ятрогенное повреждение билиарных протоков. Частота интраоперационных травм желчных путей составляет, по данным различных авторов, от 0,2 до 1,5% [1]. В 71-97% случаев такие повреждения были связаны с ошибочной визуализацией внепеченочных желчных протоков [2, 3]. Это указывает на то, что большинство травм потенциально предотвратимы при условии правильной идентификации анатомических структур.

Существует ряд причин, которые могут привести к интраоперационному повреждению протоков. Одна из причин – анатомическая вариативность гепатопанкреатобилиарной области. К топографо-анатомическим особенностям, ведущим к потенциальному повреждению, относят короткий пузырный

проток, наличие добавочного пузырного протока, присутствие aberrантных желчных протоков, аномалии соединения протоков [4]. Другой важный фактор – состояние самого пациента: ожирение, изменённая анатомия гепатобилиарной области после предыдущих операций, сопутствующие заболевания печени могут привести к неправильной визуализации [5]. Также возможными причинами ошибочной идентификации структур являются рубцово-воспалительный процесс в подпечённом пространстве, перипузырный инфильтрат, эмпиема пузыря, сморщенный желчный пузырь, перипузырный абсцесс, синдром Мирizzi, кровотечение во время операции, воспаление пузыря или протоков [2]. Не стоит забывать о человеческом факторе – чрезмерная уверенность хирурга и спешка во время операции так же могут привести к тяжелым осложнениям.

До внедрения в ежедневную практику эндовидеохирургических технологий наиболее частыми интраоперационными осложнениями желчных путей являлись стриктуры билиарных протоков. Однако после появления лапароскопических технологий в рутинной практике наиболее частыми осложнениями стали повреждения желчных путей. Частота повреждения билиарных путей при выполнении лапароскопической холецистэктомии выше, чем при проведении холецистэктомии открытым доступом, что связывают с недостаточной визуализацией зоны оперативного вмешательства [3].

В связи с этим принцип критического взгляда на безопасность (Critical View of Safety), сформированным Стивеном Страсбергом в 1995 году, при выполнении лапароскопической холецистэктомии набирает популярность.

Результаты исследования

К факторам риска билиарных протоков относят анатомическую вариативность, состояние пациента и человеческий фактор. В систематическом анализе 9800 пациентов было выявлено: в 79,02% случаев пузырная артерия является ветвью правой печеночной артерии, в 0,34% случаев пузырная артерия вовсе отсутствовала, в 8,9% случаев было выявлено более одной артерии [4]. Так же выделяют разные варианты расположения пузырной артерии относительно пузырного протока: верхнемедиальное, верхнелатеральное, переднее, отсутствие пузырной артерии. Верхнемедиальное расположение является наиболее распространённым из всех [4].

Помимо анатомической вариативности, большое значение имеют приобретённые изменения. Рубцово-воспалительный процесс в подпечёночном пространстве, перипузырный инфильтрат, эмпиема пузыря, сморщенный желчный пузырь, перипузырный абсцесс, синдром Мириззи, кровотечение во время операции, воспаление пузыря или протоков, изменение стенок желчного пузыря – всё это может приводить к ошибочной идентификации структур [2]. Анализ 1060 сложных лапароскопических холецистэктомий показал, что критический взгляд безопасности (CVS) не был достигнут в 15,8% случаев [7].

Не стоит недооценивать и опыт хирурга. Человеческий фактор может играть решаю-

щую роль. Чрезмерная уверенность, волнение, спешка во время операции, переутомление могут стать причиной неверной идентификации структур [8]. По этой причине при выполнении лапароскопической холецистэктомии важен не только технический навык, но и постоянная настороженность оперирующего хирурга.

Critical View of Safety (CVS) – это концепция идентификации анатомических структур при выполнении лапароскопической холецистэктомии. Необходимость критического взгляда безопасности заключается в снижении ятрогенного интраоперационного повреждения билиарных протоков [1]. Данный метод уверенно зарекомендовал себя в современной абдоминальной хирургии и входит в клинические рекомендации некоторых стран. Для точного достижения всех критериев CVS требуется глубокое понимание топографии анатомических структур гепатопанкреатобилиарной области.

Критический взгляд безопасности имеет ряд необходимых условий, которые нужно выполнить для проведения безопасной лапароскопической холецистэктомии. Для достижения CVS следует соблюдать следующие три критерия [1, 6]:

1) гепатопузырный треугольник должен быть избавлен от фиброзной и жировой ткани;

2) необходимо отделить нижнюю треть тела желчного пузыря от его ложа печени;

3) следует убедиться в том, что к желчному пузырю идут только две трубчатые структуры – пузырный проток и пузырная артерия.

Только после выполнения данных критериев можно приступать к перевязке и пересечению структур, идущих к желчному пузырю, то есть пузырной артерии и пузырного протока. Любое отклонение от этого принципа повышает риск ошибочного клипирования общего желчного протока или других внепечёночных желчных структур, что может привести к тяжелым осложнениям.

При выделении гепатопузырного треугольника от фиброзных и жировых структур важно идентифицировать так называемые дополнительные ориентиры. Одни из таких ориентиров – вырезка Рувье и круглая связка печени. Вырезка Рувье встречается у 83% людей, при этом открытый тип встречается у 66% па-

циентов, а закрытый – у 34% [5]. Условная линия, проведённая от вырезки Рувье к круглой связке печени, называется щит МакЭмоли (линия безопасности) [1]. Идентификация этой линии во время операции имеет ряд преимуществ.

Пузырный проток и пузырная артерия находятся спереди и выше вырезки Рувье, а общий желчный проток – ниже этой вырезки. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что диссекцию структур в области гепатопузырного треугольника необходимо выполнять выше линии безопасности. Мобилизация пузырного протока и пузырной артерии структур ниже линии безопасности потенциально опасна и сопровождается высокими рисками интраоперационных ятрогенных повреждений [6].

По данным клинических рекомендаций IRCAD, при выполнении ЛХЭ необходима латеральная тракция желчного пузыря за шейку пузыря, во избежание нежелательных травм билиарных протоков. Латеральная тракция желчного пузыря за шейку помогает избежать ятрогенного повреждения желчных путей в условиях вариативной анатомии данной области.

Каждый раз при выполнении лапароскопической холецистэктомии оперирующий хирург должен проводить тайм-аут. В программе рекомендаций общества американских желудочно-кишечных и эндоскопических хирургов тайм-аут определяется как «кратковременная интраоперационная пауза», во время которой можно обдумать дальнейшие действия, перед тем как перевязать или рассечь какие-либо структуры [3]. Целью такой методики является определение анатомических взаимоотношений целевых структур зоны оперативного вмешательства. Применение тайм-аута – это стратегия, позволяющая трезво оценить топографо-анатомическую картину и пространственную анатомию структур перед диссекцией при выполнении ЛХЭ.

Один из приёмов, осуществляемых во время интраоперационного тайм-аута, позволяющих с большей точностью идентифицировать взаимоотношения структур рабочей зоны – протокол B-SAFE. При этом оценивается расположение пяти внепеченочных точек. B-SAFE – это аббревиатура, в название которой заключены определяемые контрольные точки:

the Bile duct, the Sulcus of Rouviere, the left hepatic artery, the umbilical fissure, the enteric – желчный проток, вырезка Рувье, левая печеночная артерия, пупочная борозда, тонкая кишка [9]. Оперирующий хирург должен быть крайне внимателен в течение всей операции, если возникает сомнительная ситуация, необходимо замедлиться и расширить обзор всех внепеченочных ориентиров.

Одной из важнейших мер по предотвращению ятрогенных травм билиарных протоков во время проведения лапароскопической холецистэктомии является определение «точки невозврата» – того момента, когда становится ясно, что критического взгляда безопасности (CVS) достичь не удастся. Тогда стоит безопасно прекратить оперативное вмешательство.

В случаях, когда не получается достичь всех критериев CVS, необходимо выполнить субтотальную холецистэктомию, холецистэктомию «от дна» либо же закончить операцию открытым доступом, то есть произвести конверсию оперативного вмешательства [6, 7]. Эти «спасительные» методы позволяют избежать нежелательных повреждений желчных путей и обеспечить безопасность пациента даже в самых сложных ситуациях.

Во время сложной лапароскопической холецистэктомии возникает вопрос о визуализации желчных протоков с целью избежания их повреждений. К таким методам можно отнести интраоперационную холангиографию, предоперационную магнитно-резонансную холангиопанкреатографию, интраоперационную флюоресцентную холангиографию с индоцианином зелёным (ICG) и интраоперационное ультразвуковое исследование [10]. Известно, что интраоперационная холангиография может снизить риск операционных травм желчных путей. Лапароскопическое ультразвуковое исследование желчных путей и интраоперационная флюоресцентная холангиография могут предупредить повреждения протоков, а предоперационная магнитно-резонансная холангиопанкреатография снижает количество конверсий оперативного вмешательства.

По данным метаанализа, куда было включено 5 исследований (1603 ЛХЭ) с ICG-флюоресцентной холангиографией и 11 исследований лапароскопической холецистэк-

томии в белом свете (5070 ЛХЭ), было показано, что использование ICG-флюоресцентной холангиографии снижает риск повреждения билиарных протоков в 4 раза, а также риск конверсий оперативного вмешательства при использовании ICG-холангиографии при ЛХЭ снижается в 17 раз [11]. Анализ 26 исследований с 4436 пациентами, в котором сравнивали ЛХЭ с применением ICG-флюоресцентной холангиографии и стандартную ЛХЭ без ICG, показал, что проведение флюоресцентной визуализации с использованием индоцианина зелёного сокращает время операции, снижает время для верификации анатомии операционного поля, приводит к более успешной визуализации желчных путей и снижает риск конверсий [12].

Заключение

На первый взгляд, лапароскопическая холецистэктомия – стандартное рутинное вмешательство, однако не стоит недооценивать хирургические риски, связанные с вариативной анатомией и недостаточной визуализацией зоны операционного вмешательства ввиду воспалительных процессов гепатопанкреатобилиарной области. Повреждение билиарных протоков остаётся крайне актуальной темой в

современной абдоминальной хирургии, несмотря на появление различных диагностических методов визуализации желчных путей [4].

На практике не все хирурги владеют концепцией критического взгляда безопасности (CVS) при выполнении ЛХЭ. Эффективность принципа CVS неоспорима. Отказ от критического взгляда безопасности повышает риск интраоперационного повреждения желчных путей в 6,7 раза. Интраоперационный таймаут и протокол B-SAFE, при котором визуализируют желчный проток, вырезку Рувье, левую печеночную артерию, пупочную борозду и тонкую кишку, может быть решающим для определения дальнейшей тактики оперативного вмешательства.

Но стоит учитывать, что регулярное применение критического взгляда лишь снижает риск интраоперационных повреждений желчных путей, но не устраняет их полностью. Тактики спасения при невозможности достичь всех критериев CVS, такие как субтотальная холецистэктомия, холецистэктомия от дна и конверсия операции, требуют дальнейших исследований и оценки их применения в различных клинических ситуациях [6, 7].

Библиографический список

1. Pesce A. et al. Iatrogenic bile duct injury: impact and management challenges // *Clinical and experimental gastroenterology*. – 2019. – С. 121-128.
2. Burns R. et al. Risk factors and mitigating measures associated with bile duct injury during cholecystectomy: meta-analysis // *BJS open*. – 2025. – Т. 9. – № 4. – С. zraf076.
3. Власов А.В., Панюшкин А.В., Баранова Д.Г. Травма желчных протоков при лапароскопической холецистэктомии: современное состояние проблемы // *Вестник хирургии имени И.И. Грекова*. – 2024. – Т. 183. – № 4. – С. 70-76.
4. Тимербулатов М.В. и др. Факторы риска повреждения желчных протоков в ходе лапароскопической холецистэктомии // *Клиническая и экспериментальная хирургия*. – 2025. – Т. 13. – № 4 (40). – С. 40-46.
5. Jha A.K., Dewan R., Bhaduria K. Importance of Rouviere's sulcus in laparoscopic cholecystectomy // *Annals of African Medicine*. – 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 274-277. DOI: 10.4103/aam.aam_4_20. PMID: 33243952; PMCID: PMC8015955.
6. Mischinger H. J. et al. The "critical view of safety (CVS)" cannot be applied---What to do? Strategies to avoid bile duct injuries // *European Surgery*. – 2021. – Т. 53. – № 3. – С. 99-105.
7. Nassar A.H.M. et al. Achieving the critical view of safety in the difficult laparoscopic cholecystectomy: a prospective study of predictors of failure // *Surgical endoscopy*. – 2021. – Т. 35. – № 11. – С. 6039-6047.
8. Revishvili A. S. et al. Bile duct injuries following cholecystectomy: current situation in the Russian Federation // *Khirurgiia*. – 2026. – № 1. – С. 6-13.
9. Возлюбленный Д.Е. и др. Интраоперационное ультразвуковое исследование во время лапароскопической холецистэктомии // *Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова*. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 77-83.

10. Yan Y. et al. Utility of Tokyo Guidelines 2018 in early laparoscopic cholecystectomy for mild and moderate acute calculus cholecystitis: A retrospective cohort study // *Frontiers in Surgery*. – 2023. – Т. 9. – С. 1022258.
11. Dip F. et al. Does near-infrared fluorescent cholangiography with indocyanine green reduce bile duct injuries and conversions to open surgery during laparoscopic or robotic cholecystectomy? – A meta-analysis // *Surgery*. – 2021. – Т. 169. – № 4. – С. 859-867.
12. Tang J. et al. A meta-analysis of the efficacy and safety of indocyanine green fluorescence imaging-guided laparoscopic cholecystectomy // *Photodiagnosis and Photodynamic Therapy*. – 2025. – С. 105245.

MODERN APPROACHES TO SAFE LAPAROSCOPIC CHOLECYSTECTOMY: CRITICAL VIEW OF SAFETY (CVS) CONCEPT IN MODERN DAILY SURGICAL PRACTICE

Kh.R. Khasanov¹, *Student*

R.O. Sageev², *Head of the Palliative Care Department, Oncologist of the Oncosurgery Department*

¹St. Petersburg State Pediatric Medical University

²Republican Clinical Oncological Dispensary named after Professor M.Z. Segal

¹(Russia, St. Petersburg)

²(Russia, Naberezhnye Chelny)

Abstract. *Iatrogenic injury to the extrahepatic bile ducts during laparoscopic cholecystectomy occurs in 0.2-1.5% of cases and in 71-97% is associated with erroneous visualization of anatomical structures. This article analyzes the main causes of visualization errors in the surgical field during laparoscopic cholecystectomy: anatomical variability, inflammatory scarring, obesity, previous surgeries, and human factors. The three mandatory criteria of the Critical View of Safety (CVS) are described in detail: the hepatocystic triangle is cleared of fibrous and adipose tissue, the lower third of the gallbladder is separated from the liver bed, and only two tubular structures (the cystic duct and cystic artery) enter the gallbladder. Additional anatomical landmarks are also discussed: Rouviere's sulcus, the McAmoli safety line, intraoperative time-out, and the B-SAFE protocol. It is shown that failure to achieve CVS increases the risk of bile duct injury by 6.7 times. The use of intraoperative ICG-fluorescent cholangiography reduces this risk by 4 times and the conversion rate by 17 times. When CVS cannot be achieved, rescue tactics should be applied: subtotal cholecystectomy, fundus-first cholecystectomy, or conversion to open surgery. Regular use of CVS reduces but does not completely eliminate bile duct injuries.*

Keywords: *laparoscopic cholecystectomy; CVS; Rouviere's sulcus; cystic artery; cystic duct; intraoperative time-out; ICG-fluorescent cholangiography.*

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ДЕЛЕГИРОВАНИИ АВТОНОМНЫХ РЕШЕНИЙ

Д.А. Бощенко, студент

Научный руководитель: Т.П. Машихина, канд. пед. наук, доцент

Волгоградский государственный университет

(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-63-67

Аннотация. В статье анализируются моральные дилеммы, возникающие при передаче решений всё более автономным системам искусственного интеллекта в таких областях, как беспилотный транспорт, медицинская диагностика и рекомендательные алгоритмы. Рассматривается концепция «разрыва ответственности» (responsibility gap), границы моральной агентности ИИ, проблема прозрачности алгоритмов и предвзятости данных. Сопоставляются позиции технологического оптимизма Л. Флориди и критических подходов Н. Бострома и Р. Спэрроу. В заключение обсуждаются возможные принципы распределения ответственности между разработчиком, пользователем и самой системой.

Ключевые слова: этика искусственного интеллекта; разрыв ответственности; моральная ответственность; автономные системы; моральная агентность; распределённая мораль; прозрачность алгоритмов.

Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы человеческой деятельности ставит перед философской этикой фундаментальные вопросы, не имеющие аналогов в истории технологических революций. В отличие от традиционных орудий труда, которые являются лишь пассивным продолжением воли человека, современные ИИ-системы демонстрируют возрастающую степень автономии: они способны принимать решения без прямого вмешательства оператора, адаптироваться к изменяющимся условиям и даже вырабатывать новые стратегии поведения. Эта автономия одновременно порождает глубокую моральную проблему: кто несёт ответственность за последствия действий, совершённых автономной системой? Традиционные модели ответственности, основанные на чёткой причинно-следственной связи между действием агента и его результатом, оказываются неприменимы к ситуациям, где решение формируется внутри «чёрного ящика» алгоритма, недоступного для полного понимания и контроля со стороны человека [1]. Данная статья посвящена всестороннему анализу проблемы моральной ответственности при делегировании решений системам ИИ, получившей в современной литературе название «разрыв ответственности» (responsibility gap).

Термин «разрыв ответственности» был введён в философский дискурс Андреасом Маттиасом в 2004 году, который указал на парадоксальную ситуацию: по мере того как системы ИИ становятся всё более автономными и сложными, традиционные механизмы возложения моральной ответственности перестают работать [2]. Классическая модель ответственности предполагает выполнение двух условий – контрольного (control condition) и эпистемического (epistemic condition). Согласно первому, агент должен иметь возможность контролировать свои действия; согласно второму, он должен знать или иметь возможность знать, какие последствия эти действия повлекут. Разработчик нейросети не может предвидеть все возможные сценарии её поведения в реальной среде, а пользователь часто не понимает внутренней логики принятия решения из-за «проблемы чёрного ящика». Сам же алгоритм, не обладая сознанием, свободой воли и способностью к рефлексии, не может считаться моральным агентом в классическом понимании. В результате возникает ситуация, когда вред причинён, но формально некому вменить его в вину – ни один из участников взаимодействия не удовлетворяет в полной мере условиям моральной ответственности.

Попытки преодолеть этот разрыв породили несколько конкурирующих теоретических стратегий: отрицание существования разрыва, консервативные попытки его «закрыть» за счёт распределения ответственности между существующими человеческими агентами и радикальные предложения по расширению понятия моральной агентности на сами ИИ-системы. Одной из наиболее влиятельных попыток «закрыть» разрыв является концепция распределённой морали (distributed morality), предложенная Лучано Флориди. Флориди утверждает, что в условиях сложных социальных систем моральная ответственность не локализована в одном агенте, а распределена между множеством участников – разработчиками, пользователями, владельцами систем, регуляторами [3]. С этой точки зрения, разрыв ответственности оказывается иллюзией, порождённой устаревшим антропоцентрическим представлением о морали как об индивидуальном деянии. Однако подход Флориди сталкивается с серьёзной критикой: если ответственность распределена повсюду, то на практике она может оказаться нигде, поскольку размывание границ ведёт к её диффузии и, в конечном счёте, к безответственности. В этой связи перспективным представляется различение разных уровней ответственности – например, генеративной (кто создал условия для вреда) и апробационной (кто одобрил или использовал систему).

Противоположную позицию занимают те, кто, подобно Максимилиану Киенеру, утверждают, что разрыва ответственности как такового не существует, а есть, напротив, её изобилие (responsibility abundance) [4]. Киенер доказывает, что вокруг любой автономной системы существует множество агентов, которые в той или иной степени удовлетворяют условиям моральной ответственности, – от программистов, закладывающих архитектуру системы, до менеджеров, принимающих решение о её развёртывании, и конечных пользователей. Проблема заключается не в отсутствии ответственного, а в сложности справедливого распределения ответственности между множеством потенциальных кандидатов. Эта позиция, однако, вызывает возражения в тех случаях, где решения принимаются системой в режиме реального времени без участия человека, а цепочка причинности оказывается

настолько длинной и опосредованной, что ни один из разработчиков не мог предвидеть конкретный исход. Как подчёркивают исследователи, ответственность не бесконечно делима – она имеет качественную, а не только количественную размерность [5].

Проблема моральной ответственности ИИ неразрывно связана с такими эпистемологическими вызовами, как непрозрачность (opacity) и предвзятость (bias) алгоритмов. Если решение, принятое ИИ, невозможно реконструировать на уровне, доступном человеческому пониманию (например, из-за огромного количества параметров глубокой нейронной сети), то становится невозможным и установление причинной связи между этим решением и действиями разработчиков. Современная литература различает три типа непрозрачности: непрозрачность как коммерческую тайну, непрозрачность как техническую неграмотность пользователя и фундаментальную эпистемическую непрозрачность, вытекающую из самой природы глубокого обучения. Именно последняя создаёт непреодолимые препятствия для классических моделей ответственности: если даже создатель алгоритма не может объяснить, почему было принято то или иное решение, то как можно вменить ему это решение в вину? Непрозрачность алгоритмов выступает не как техническая проблема, а как эпистемическая граница, меняющая саму структуру агентности и ответственности [7]. Возможно, вместо того чтобы требовать полного понимания причинно-следственных связей, мы должны разработать процедурные механизмы ответственности, основанные на контроле процесса разработки и внедрения.

Предвзятость алгоритмов, которая является следствием предвзятости обучающих данных или некорректно сформулированных целевых функций, создаёт дополнительное измерение разрыва ответственности. Если система отказывает в кредите соискателям определённой расы или пола, кто отвечает за эту дискриминацию? Разработчик, собравший предвзятые данные? Компания, утвердившая использование этих данных? Регулятор, не установивший стандарты? Или сама система, которая лишь математически оптимизирует заданный критерий? Опыт показывает, что в отсутствие чётких правил ответственности возникает то, что можно назвать «регрессом обвинения»:

каждый участник цепочки перекладывает вину на другого, и в конечном счёте никто не несёт реальной ответственности за причинённый вред. Этот феномен особенно ярко проявляется в контексте так называемой «проблемы многих рук» (problem of many hands), когда в создании и эксплуатации системы участвует такое большое количество людей и организаций, что установление индивидуальной причинной связи становится практически невозможным. Некоторые авторы, в частности Альбареда, доказывают, что разрыв ответственности в ИИ-этике сводим именно к проблеме многих рук и коллективной агентности, а не к какой-либо новой категории моральных феноменов [5].

Одним из наиболее ярких примеров обсуждаемой проблемы является сфера автономных боевых систем (летальных автономных роботов). Роберт Спэрроу в своей известной работе «Killer Robots» аргументирует, что использование таких систем принципиально неэтично именно из-за невозможности установить моральную ответственность за их действия. Если беспилотник совершает военное преступление, кто будет привлечён к ответственности? Командир, отдавший приказ о патрулировании? Программист, заложивший алгоритм распознавания целей? Производитель? Или сам беспилотник, которому невозможно инкриминировать виновное намерение? Спэрроу утверждает, что любая попытка возложить ответственность в этой цепочке наталкивается на непреодолимые препятствия, и поэтому единственным этически последовательным решением является запрет на разработку и применение полностью автономных летальных систем [6]. Этот аргумент, хотя и вызывает споры, демонстрирует, что проблема разрыва ответственности имеет не только академическое, но и судьбоносное практическое значение.

Рассмотрим проблему на более повседневном примере. Предположим, что рекомендательная система социальной сети, оптимизирующая время пребывания пользователя на платформе, начинает настойчиво предлагать пользователю депрессивный контент, что в конечном счёте приводит к ухудшению его психического здоровья. Кто несёт ответственность за этот вред? Разработчики алгоритма могут утверждать, что они лишь реализовали

заказанную бизнесом оптимизационную функцию, и их код корректен. Менеджеры могут ссылаться на то, что они не обладали технической компетенцией для оценки долгосрочных психологических последствий. Сама платформа – юридическое лицо – может быть привлечена к гражданской ответственности, но это не затрагивает вопроса о моральной ответственности конкретных индивидов. Образуется классический разрыв: каждый выполнил свою работу, каждый следовал инструкциям, но в результате – реальный моральный вред, за который никто персонально не может быть привлечён к моральной ответственности [8].

Возможная стратегия выхода из этого тупика лежит в смещении акцента с ретроспективной ответственности (чьё конкретное действие привело к вреду) на проспективную ответственность (кто должен был предвидеть и предотвратить потенциальный вред). Вместо того чтобы спрашивать «кто виноват?» после того, как вред уже причинён, мы должны разработать нормативные стандарты для процесса разработки и внедрения систем ИИ, установив обязанности каждого участника жизненного цикла системы – от сбора данных до конечного применения. Этот подход, известный как «ответственность через процедуру» (procedural responsibility), уже применяется в регулировании финансового сектора. Ключевым элементом такой процедуры является требование о человеческом контроле (human oversight): все решения ИИ, имеющие значимые моральные последствия, должны быть в принципе проверяемы человеком и допускать возможность вмешательства. Если система устроена так, что такое вмешательство невозможно (например, в случае гиперскоростного трейдинга или автономного оружия), то она не должна применяться – это принципиальное ограничение на автономию ИИ [9].

Такой подход, однако, не решает всех проблем. Что делать с системами, которые обучаются в реальном времени и чьё поведение после развёртывания не может быть полностью предсказуемо? Как распределить ответственность между создателями базовой модели (например, большой языковой модели) и разработчиками, которые её дообучили на специфических данных и интегрировали в конкретный продукт? Вероятно, здесь требу-

ется многоуровневая модель ответственности: создатели базовой модели отвечают за общие архитектурные решения и безопасность «на уровне архитектуры»; дообучающие организации – за специфические риски, привнесённые на этапе тонкой настройки; интеграторы – за корректность внедрения и наличие механизмов контроля; пользователи – за соблюдение инструкций и границ применения. Такая многоуровневая модель является развитием идеи Флориды о распределённой морали, но с чёткими правилами разграничения уровней и видов ответственности [3].

Заключение

Проблема моральной ответственности при делегировании автономных решений системам ИИ не имеет простого и однозначного решения. Классические модели ответственности, выросшие из аристотелевской традиции и новоевропейского индивидуализма, оказываются неприменимы к ситуациям, где субъект действия отсутствует, причинно-следственные связи опосредованы непрозрачными ал-

горитмами, а масштаб возможного вреда несоизмерим с масштабом индивидуального контроля. Предложенные в литературе стратегии – от распределённой морали Флориды до радикального расширения понятия агентности – имеют как сильные, так и слабые стороны. Наиболее плодотворным представляется эволюционный путь, сочетающий аналитическое различение разных видов ответственности, разработку процедурных механизмов контроля и внедрение многоуровневых моделей распределения ответственности. Принципиальным остаётся тезис о том, что ответственность за действия ИИ, каким бы автономным он ни был, в конечном счёте лежит на человеке – разработчике, пользователе или владельце системы. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку практических рекомендаций для законодателей, инженеров и пользователей, а также на философское осмысление возможных трансформаций самого понятия моральной ответственности в условиях цифровой эпохи.

Библиографический список

1. Müller V.C. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta. – 2020. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/ethics-ai/>.
2. Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // Ethics and Information Technology. – 2004. – Vol. 6, № 3. – P. 175-183.
3. Floridi L., Sanders J.W. On the Morality of Artificial Agents // Minds and Machines. – 2004. – Vol. 14, № 3. – P. 349-379.
4. Kiener M. AI and Responsibility: No Gap, but Abundance // Journal of Applied Philosophy. – 2025. – Vol. 42, № 1. – P. 357-374.
5. Llorca Albareda J. Uncovering the gap: challenging the agential nature of AI responsibility problems // AI and Ethics. – 2025. – P. 1-14.
6. Sparrow R. Killer Robots // Journal of Applied Philosophy. – 2007. – Vol. 24, № 1. – P. 62-77.
7. Goetze T.S. Mind the Gap: Autonomous Systems, the Responsibility Gap, and Moral Entanglement // Proceedings of the 2022 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '22). – 2022. – URL: <https://philarchive.org/rec/GOEMTG>.
8. Плотников В.В., Косников М.С. Философия искусственного интеллекта и границы ответственности человека и алгоритма // Философия науки. – 2026. – № 1. – С. 115-131.
9. Nyholm S. Responsibility and Autonomous Technologies // The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence. – Cambridge University Press, 2025. – P. 63-78.

ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE PROBLEM OF MORAL RESPONSIBILITY IN DELEGATING AUTONOMOUS DECISIONS

D.A. Boshchenko, *Student*

Supervisor: *T.P. Mashikhina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

Volgograd State University

(Russia, Volgograd)

Abstract. *This article analyzes the moral dilemmas that arise when decisions are delegated to increasingly autonomous artificial intelligence systems in areas such as autonomous vehicles, medical diagnostics, and recommendation algorithms. It examines the concept of the "responsibility gap", the limits of AI moral agency, the problem of algorithmic opacity and data bias. The positions of technological optimism (Floridi) and critical approaches (Sparrow) are compared. The article concludes by discussing possible principles for distributing responsibility among developers, users, and the system itself.*

Keywords: *artificial intelligence ethics; responsibility gap; moral responsibility; autonomous systems; moral agency; distributed morality; algorithmic opacity.*

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЧЕСТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НОРМАЛИЗАЦИИ ИИ В ОБРАЗОВАНИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПЛАГИАТА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Н.Ю. Буряк, доцент

А. Жуковская, студент

Академии маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-68-72

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для нашего времени проблема внедрения искусственного интеллекта и его последующей нормализации в сфере образования в контексте его влияния на академическую честность и критерии оценивания. Анализируется изменение академической честности со стороны студентов, активно пользующихся ИИ, а также преподавателей, пытающихся вычислить плагиат в работах учащихся. Основное внимание уделяется таким вопросам как изменение концепции «авторства» в сознании студентов, использующих ИИ, а также отношению к ИИ преподавателей гуманитарных наук. Предлагается иная система оценивания работ учащихся, подозреваемых на использовании искусственного интеллекта, базирующаяся не на результате, а на оценивании процесса на основе перехода от полного запрета ИИ к мета-познавательной деятельности студентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; академическая честность; нейросеть; цифровая грамотность; система оценивания; коммуникация; гуманитарные дисциплины.

Актуальность данной темы заключается в том, что за последние несколько лет (с 2022 и по сей день), искусственный интеллект начинает набирать все большую популярность в самых разных сферах деятельности. В том числе это касается и образовательной среды. Генеративные нейросети служат сильным инструментом в образовательных практиках, так как способны за малое количество времени сгенерировать любые тексты, решать задачи и даже придумать программные коды. Такие ИИ как ChatGPT, DeepSeek, GigaChat и Алиса становятся чуть ли не повседневным инструментом среди студентов, значительно облегчая им обучение, однако превращаются в проблему для справедливого оценивания работ учащихся.

Вследствие этого, традиционные системы обнаружения плагиата, которые фокусируются на поиске дословных заимствований текстов, оказываются бессильны перед текстами нейросетей, которые являются сгенерированными с нуля. В образовательной среде это приводит к кризису академической честности, так как политика запрета искусственного интеллекта, появившаяся на начальном этапе его зарождения в некоторых ВУЗах, не дает нуж-

ных результатов, и многие студенты продолжают пользоваться технологией.

Практическая ценность данной статьи заключается в том, что в ходе исследования отношения учащихся и преподавателей к ИИ, она предлагает иную систему оценивания работ, подозреваемых на использовании генерации. В статье присутствует предложение четкого алгоритма проверки работ учащихся.

Целью данной статьи является подробный анализ эволюции академической честности учащихся в условиях быстрого развития нейросетей и рассмотрения реальных кейсов, фокусирующихся на данной проблеме.

В контексте данной проблемы проверки плагиата, когда нейросети приобрели колоссальную популярность за относительно короткий срок, можно говорить о так называемом нормативном вакууме.

Нормативный (правовой) вакуум – это отсутствие правовых норм, которые должны регламентировать не урегулированные ранее, но нуждающиеся в правовой регламентации вновь возникшие общественные отношения [1]. То есть, в данном случае, полное отсутствие критериев, которые должны регулировать использование генеративных нейросе-

тей в учебном процессе в отношении учебной деятельности.

Говоря о нормативном вакууме при использовании сгенерированных текстов, мы можем выделить такие пункты как:

1. Отсутствие легитимного определения «авторства» по отношению к текстам, созданным ИИ (невозможность определить авторское право через текст, так как сама нейросеть не является субъектом авторского права. Возникает сложность оценивания в ситуации, когда студент использует часть сгенерированного текста в своей работе, так как педагогически непонятно, является ли это плагиатом, ведь текст создан технологией, но промпт принадлежит учащемуся).

2. Отсутствие единых критериев различия «помощи» и «обмана» (в традиционной дидактике есть понятие разрешенных инструментов, таких как калькулятор, словарь и прочее, но технически непонятно, где в этом спектре находится ИИ).

3. Отсутствие процессуальных норм при использовании учащимися ИИ (при обычном плагиате система антиплагиат предоставляет источник, однако существующие детекторы генерации дают лишь вероятную оценку. Существуют прецеденты, когда детекторы ИИ видели генерацию в полностью уникальном тексте).

4. Отсутствие санкционной градации (отсутствие понимания, какое наказание за использование ИИ соразмерно: за списывание – снижение балла или аннулирование работы, за откровенный плагиат – недопуск к экзамену или даже отчисление. В условиях нормативного вакуума учебного процесса в отношении нейросетей это может приводить к несправедливым обвинениям и субъективизму).

В качестве примера данной технической проблемы несправедливого оценивания можно взять прецедент, произошедший с китайской студенткой Сяобин, обучающейся на факультете немецкой литературы. Девушка лично написала 16-страничную дипломную работу, но детекторы обнаружения ИИ на университетской платформе выявили 50% сгенерированного текста.

Подобные ситуации происходили и в других ведущих ВУЗах Китая, таких как Фучжоу, Сычуань и Цзянсу. Ирония состоит в том, что университеты сами используют детекторы от

китайских IT-компаний Wanfang Data и CNKI, которые предлагают услуги по «очистке» текстов от следов искусственного интеллекта. В результате этого китайские студенты стали массово покупать данные инструменты, чтобы обмануть системы проверки, так как за нарушение установленного лимита на использование ИИ в тексте (15-40%) грозит отчисление. Однако «ручное редактирование» забракованных проверкой текстов делает их упрощенными до примитивного уровня, убивая на корню уникальность письма самого студента.

Таким образом, появление генеративных нейросетей становится не технической, а ценностно-нормативной проблемой.

Под термином «ценностно-нормативная проблема» мы можем подразумевать противоречие в сфере ценностей и норм, регулирующих социальное поведение, взаимодействие людей и функционирование общества. Данные противоречия могут возникать из-за расхождения между декларируемыми ценностями и реальными практиками. Следовательно, в контексте использования учащимися искусственного интеллекта в образовательном процессе, мы говорим о несоответствии между устоявшимися ценностями академической честности и новыми технологическими реалиями. Это делает привычное понимание ценностей образования проблематичным.

В отличие от нормативного вакуума, где правила попросту отсутствуют, ценностно-нормативная проблема более глубокая, так как лежит в основе самой академической этики, затрагивая конфликт ценностей.

Чтобы глубже рассмотреть данные противоречия, обратимся к самим академическим ценностям. По всем правилам они должны включать: автономию; честность; профессионализм и ответственность; интеллектуальную свободу; стремление к истине.

В ходе недолгих размышлений можно понять, что все эти пункты так или иначе будут затронуты при использовании искусственного интеллекта. Конечно, ИИ более чем справляется с расширением автономии учащихся, превращаясь в мощный инструмент для поиска, структурирования и генерации материала, но и при этом способен пагубно влиять уже на когнитивную автономию, так как помимо решения через нейросеть технических задач,

студент может делегировать туда и аналитические.

Это тесно переплетается с пунктом об интеллектуальной свободе. Несмотря на то, что нейросеть имеет огромные базы данных, она практически всегда предлагает самое стандартизированное решение. Что уж говорить о стремлении к истине, при учете того, что нейросеть все еще может выдавать ответы, не соответствующие действительности.

Так, например, однажды нейропоиск AI Overview от Google начал давать пользователям советы, в которых предлагал добавить $\frac{1}{8}$ стакана клея в начинку пиццы, чтобы сыр лучше прилипал к тесту. Причем ИИ советовал выбирать нетоксичный клей, чтобы избежать отравления. Точно так же он советовал людям употреблять небольшие камни в пищу, чтобы избежать проблем с пищеварением и утверждал, что бег с ножницами в руке – это упражнение для укрепления сердечно-сосудистой системы.

Это происходило из-за того, что нейросеть выдавала ответы на основе поисковой выдачи и не умела проверять факты. Таким образом она могла считать за подходящий ответ любые популярные статьи или комментарии других пользователей, не распознавая сарказм или иронию. Эти ответы от AI Overview являлись потенциально опасными для детей и подростков, чье критическое мышление развито еще недостаточно хорошо.

Потенциальную опасность для критического мышления такие случаи несут и для студентов. Возвращаясь к выше сказанному, если студент начинает доверять нейросети не только технические, но и аналитические задачи, то есть поиск аргументов, структурирование логики рассуждения и формулирование выводов, учащийся теряет возможность к развитию этих навыков во время собственного обучения.

В гуманитарных дисциплинах этот вопрос стоит особенно остро, так как сама концепция данного направления наук предполагает собой изучение аспектов человеческой жизни, априори связанных с культурой и человеческой природой.

В то время как в естественных и точных науках преобладают отношения «субъект-объект», в гуманитарных – отношения «человек-общество» и «человек-человек». Изучение

конкретно человеческих отношений предполагает собой обучение учащегося высказывать свою субъективное мнение (например, на занятии литературы), а также проявлять эмпатию, чего у искусственного интеллекта нет. Ключевая задача гуманитарных дисциплин – понимание. Чаще всего это происходит через анализ текста, когда учащиеся пытаются понять замысел автора, цели произведения и так далее. На этом этапе учебного процесса происходит критический анализ, включающий в себя анализ идей и теорий, который идет рука об руку с социальным, историческим, политическим и культурным контекстом. Часто при этом используется метод интерпретации, когда учащийся получает знания через раскрытие какого-либо скрытого смысла, спрятанного в контекстуальной особенности.

Примером такого обучения служит то, как учащиеся проводят параллели между социальными явлениями, происходящими в произведении, и историческими событиями того времени. Часто для такого метода обучения также могут брать произведения, где присутствует иносказательность.

Как уже говорилось ранее, нейросети с трудом справляются со скрытым подтекстом, поэтому часто воспринимают информацию буквально. В результате этого вместо глубокого погружения учащихся в анализ первоисточников, студенты, пользующиеся ИИ, получают лишь поверхностный пересказ.

Так как нейросети все чаще начинают восприниматься учащимися просто как инструмент, выполняющий часть работы, это приводит к тому, что границы «авторства» становятся более размытыми и неопределенными. Более того, некоторые студенты могут считать работу полностью своей, так как они составляли промпт и совершали редактирование. Из-за подобной «уверенности» в своих силах после оценивания и подбора более удачных генераций с последующим расширением текста, это может привести к иллюзии знания. То есть, учащиеся получают сгенерированную работу, и после прочтения начинают считать, что понимают тему, тем самым теряя мотивацию к дальнейшему изучению, пусть и не погружаются в материал глубоко.

Пользователи нейросетей могут даже не осознавать, что использование ИИ является нарушением академической честности. По

результатам исследования, проведенного в 2025 году в работе «Искусственный интеллект в образовательном процессе современного университета: результаты опроса студентов» [2] на вопрос о том, считается ли ИИ плагиатом 80 из 537 респондентов ответили «да», 193 респондента ответили «скорее да, чем нет», еще 183 человека не видят в этом плагиата, а 81 человек вообще не считают, что использование сгенерированных текстов в научных работах – это плагиат.

Также задавался вопрос о том, стоит ли указывать в научной работе использованный ИИ как источник, указывая ссылки на сгенерированный материал, на что респонденты ответили так: 127 респондентов считают, что указывать соавторство обязательно, 163 человека ответили с сомнением «скорее да, чем нет», 135 человек сказали, что «скорее нет, чем да» и 122 заявили, что этого не требуется.

Ярким примером использования сгенерированного текста и выдачи его за свой может выступить случай, произошедший со школьником из Новосибирска. Восьмиклассник написал сочинение по русскому языку, с описанием картины «Мокрый луг», с помощью ChatGPT, отредактировав несколько ошибок, и сдал его, выдав за свой. В итоге он получил за эту работу оценку 5/5, так как учитель не сумел распознать генераций.

Несмотря на такое возможное влияние искусственного интеллекта при изучении гуманитарных наук, технология действительно может помочь образовательной среде, став инструментом для выполнения рутинных задач и ускорении расчетов. Такое отношение, например, начинает складываться у преподавателей, которые используют ИИ для решения технических задач, отнимающих лишнее время, однако и их количество не так велико. Исследование, совершенное в статье «Отношение университетских преподавателей к искусственному интеллекту» (2025) [3] показало, что из 105 опрошенных человек на вопрос об отношении к использованию ИИ ответило, что они поддерживают перевод традиционного обучения в цифровой формат (67,9%), демонстрируют нейтральное к этому отношение (24,5%) и выражают открытое неприятие (7,5%). Конечно, так как со времен написания работы прошло время, эти показатели могли измениться.

Такое отношение преподавателей к внедрению искусственного интеллекта в образовательный процесс может быть обусловлено рядом субъективных причин, таких как нормативной давление, дилемма атрибуции ответственности и угроза профессиональной идентичности [4].

Таким образом, чтобы помочь преподавателям гуманитарных наук сохранить академическую честность и распознать подлинное понимание материала студентами, может быть предложена мета-познавательная деятельность, как способ проверки знаний учащихся.

Мета-познавательная деятельность (мета-познание) – это так называемое «мышление о мышлении», способность человека осознавать и контролировать собственные когнитивные процессы. В образовательной среде она может помочь в осознании своих сильных и слабых сторон, а также в определении учебных целей и отслеживании своего процесса, что помогает улучшить уверенность и самостоятельность. Вместо полного запрета на использование нейросетей, мета-познавательная деятельность позволяет превратить ИИ из инструмента для списывания в средство для развития критического мышления. Во время занятия, когда не понятно, как оценить работу студента, преподаватель может использовать данную технику, включающую в себя рефлексию над процессом (вопросы, которые учащийся должен себе задать после использования ИИ): что нового я узнал; какие навыки я сумел развить благодаря этой работе; как я могу улучшить свою работу в следующий раз; в чем ИИ мне помог, а в чем помешал.

Важно, чтобы учащийся мог устно ответить на вопросы о содержании своей работы, подтверждая собственные знания по этой теме, а также аргументировать правки в сгенерированном тексте. При этом лучшими условиями для проведения техники будут предоставление аннотация к работе, в которой присутствует объяснение к измененным частям текста, а также самого диалога с нейросетью, чтобы оценить содержание промптов.

Помимо устной защиты, или если учащийся беспокоится о качестве своих устных ответов, преподаватель также может предложить эссе. Данное эссе аналогично будет основано на рефлексии и будет содержать в себе

такие задания, как описания опыта работы с использованной нейросетью, анализ того, какие навыки были задействованы учащимся

Таким образом, мета-познавательная деятельность способствует сохранению академической честности, поддержанию развития критического мышления, снижению стресса учащихся (так как присутствие четких правил использования ИИ снижают тревогу быть обвиненным в плагиате) и даже формированию цифровой грамотности.

Подводя итог, можно сказать, что переход от полного запрета искусственного интеллекта к применению техники метапознания – это настоящий стратегический сдвиг в образовательной сфере, позволяющий сохранить академическую честность даже в условиях цифровизации [5], превратить ИИ в инструмент развития компетенция студентов и подготовить выпускников к эффективному и, главное, этичному использованию технологий в профессии.

Библиографический список

1. Муцалов Ш.Ш. Теоретические аспекты понятия пробелов в праве / Ш.Ш. Муцалов, Ш.К. Идилов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 7 (97) – Часть 2. – С. 156-158.
2. Костикова Л.П. Искусственный интеллект в образовательном процессе современного университета: результаты опроса студентов / Л.П. Костикова, Н.Е. Есенина, А.С. Ольков // Педагогика. Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 2. – С. 93-109.
3. Бурганова Л.А. Отношение университетских преподавателей к искусственному интеллекту / Л.А. Бурганова, Г.П. Мягков, О.В. Юрьева // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 4. – С. 220-225.
4. Пушкарь Г.А. Модель принятия решений преподавателем-гуманитарием при интеграции ИИ в образовательный процесс / Г.А. Пушкарь // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании. сб. статей VI Международной научно-практической конференции /// под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – 2025. – С. 528-537.
5. Буряк Н.Ю. Визуальная коммуникация в медиапространстве / Н.Ю. Буряк // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-1 (80). – С. 99-102.

ACADEMIC INTEGRITY IN THE CONTEXT OF THE NORMALIZATION OF AI IN EDUCATION: RETHINKING PLAGIARISM IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

N.Y. Buryak, Associate Professor

A. Zhukovskaya, Student

**Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT
(Russia, Krasnodar)**

Abstract. The article discusses the current problem of the introduction of artificial intelligence and its subsequent normalization in the field of education in the context of its impact on academic integrity and evaluation criteria. It analyzes the changes in academic integrity among students who actively use AI, as well as among teachers who try to detect plagiarism in students' work. The article focuses on issues such as the changing concept of "authorship" among students who use AI, as well as the attitudes of humanities teachers towards AI. A different system of evaluating the work of students suspected of using artificial intelligence is proposed, based not on the result, but on evaluating the process based on the transition from a complete ban on AI to meta-cognitive activity among students.

Keywords: artificial intelligence; academic integrity; neural network; digital literacy; assessment system; communication; humanities.

МАШИННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СИМУЛЯЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Ю.А. Ильина, канд. филос. наук, доцент

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
(Россия, г. Орёл)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-73-77

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема соотношения искусственного интеллекта и мышления человека. В работе отмечается, что стремительное развитие искусственного интеллекта, завоевывая все большее пространство во всех сферах жизни общества, кардинально трансформирует как объективную, так и субъективную реальность, что детерминирует необходимость осмысления новых исследований и тенденций в области машинного интеллекта не только в технически-прикладном аспекте, но и в рамках мировоззренческой рефлексии. Показывается, что естественный и искусственный интеллект – две системы, имеющие различную природу и способы работы с информацией. В случае искусственного интеллекта можно говорить только об интеллектуально-рассудочной деятельности, лишенной разумного осмысления мира.

Ключевые слова: естественный интеллект; искусственный интеллект; сильный искусственный интеллект; слабый искусственный интеллект; разум.

«Искусственный интеллект» – одно из самых часто встречаемых понятий в рамках современного научного и обыденного дискурса. Чаще всего под «искусственным интеллектом» понимают деятельность по проектированию и практическому применению систем искусственного интеллекта, а также сами эти вычислительные системы [1].

Традиционно выделяют две версии искусственного интеллекта – слабую и сильную. Слабый искусственный интеллект представляет собой технологию, работающую строго по запрограммированной инструкции, начиная от «умных» бытовых приборов и заканчивая так называемой «системой с ограниченной памятью» [2, с. 59] – компьютерным моделированием мыслительных способностей человека, требующих переработки информации. В свою очередь, сильный искусственный интеллект определяется, как интеллектуальная система, способная не просто эмулировать процессы головного мозга, а работать с информацией на уровне человеческого сознания в качестве полноценного актора.

Идея о создании «разумной» машины не покидает человечество с момента появления первых ЭВМ в 1942 году, тогда еще работающих даже без операционной системы. До конца 90-х годов прошлого столетия развитие компьютерной техники было ориентированно, главным образом, на наращивание количе-

ственных показателей – производительности компьютера, развитие программного обеспечения, увеличения разнообразия видов компьютерной продукции [3, с. 6]. Ситуация резко изменилась, когда на смену алгоритмическим методам в изучении машинных систем пришел метод нейронных сетей, применяемый для обработки данных, прогнозирования и кластеризации [4], что вывело исследования в области искусственного интеллекта на новый качественный уровень. В настоящее время успехи в когнитивной психологии и экспериментальной нейронауке в изучении головного мозга позволяют проецировать результаты исследований в область искусственного интеллекта, где на основе сопоставления биологических нейронных и вычислительных архитектур демонстрируется способность машинного интеллекта имитировать сложные мозговые процессы от базового распознавания образов и ассоциаций до высокотехнологичного мышления.

В наш век информатизации, технологизма и практицизма разработки в области слабого искусственного интеллекта, используемые в качестве разнообразных «помощников», избавляющих нас от каких-либо рутинных действий, практически не вызывают никаких возражений, что нельзя сказать в отношении сильного искусственного интеллекта. Несмотря на то, что автономно мыслящая ма-

шинная система – это лишь гипотетическая конструкция, уже сейчас функционирующие версии искусственного интеллекта, которые получили название «языковых», способны генерировать не только текстовые сообщения, но и аудио- и видео контент на достаточно высоком качественном уровне, что заставляет задуматься над вопросом: «Что делает уникальным мышление человека»?

Являясь сложными и многомерными явлениями, естественный и искусственный интеллект выступают предметом исследования различных областей знания – философии, культурологии, психологии, нейробиологии, кибернетики и других, что позволяет их исследовать системно. Системно-структурный анализ, а также исторический метод позволили рассмотреть историю возникновения и специфику понимания «интеллекта» как социального явления, а компаративистский подход сделал возможным сопоставить различные точки зрения по проблеме соотношения естественного и искусственного интеллекта, а также сильного и слабого типов искусственного интеллекта.

В силу своей актуальности и полемичности проблема соотношения человеческого мышления и искусственного интеллекта достаточно широко представлена в современной отечественной и зарубежной литературе. В библиографическом указателе, составленном А.В. Гасилиным и Н.С. Скипиным – «Философские проблемы искусственного интеллекта» предложена библиографическая ретроспекция современной философской литературы, посвященной проблемам искусственного интеллекта. Системное и всестороннее освещение проблемы искусственного интеллекта можно встретить в коллективной монографии под редакцией В.А. Лекторского и Д.И. Дубровского, в которой поднимается широкий круг проблем – от влияния цифровизации на понимание личности до проблемы этической оценки потенциального сильного искусственного интеллекта. Анализ специфики естественного интеллекта и его характеристики для цифрового моделирования предложен в монографии В.П. Часовских, В.А. Усольцева, Е.В. Коха – «Естественный и искусственный интеллект как инструмент преобразования данных». В междисциплинарном сборнике «The Philosophy of Artificial

Intelligence» под редакцией Маргарет А. Боден поднимается проблема возможности создания интеллектуальной мыслящей машины. Анализ специфики искусственного интеллекта и его соотношение с человеческим сознанием можно встретить в работах Анохина П.К., Аблеева С.Р., Бострома Н., Габриеляна О.А., Гиренко Ф.И., Дрейфуса Х., Елсаковой Р.З., Кузьминой Н.Н., Кочкиной Д.В., Труфановой Е.О., Щедриной И.О., Яковлевой А.Ф., Малышевой Д.С., Пашковой Н.В., Пенроуза Р., Розина В.М., Соломонова Е.В., Сотой М., Федосеевой О.В., Черниговской Т.В. и многих других.

За шесть лет до появления в научном обиходе понятия «искусственный интеллект» в 1950 г. Алан Тьюринг опубликовал работу «Вычислительные машины и интеллект», в которой автор предложил известный тест для оценки возможности технической системы имитировать мыслительные способности человека. Проявлением сознательных механизмов у машины считалась ее способность поддерживать на протяжении пяти минут разговор с собеседником на должном для человеческого мышления и поведения уровне [5]. Первой программой, прошедшей тест Тьюринга на заданном уровне, стал чат-бот Элиза в 1966 г, что свидетельствовало о колоссальных успехах ученых в тогда еще молодой области знания – кибернетике. Спустя 58 лет специалисты в области искусственного интеллекта благодаря эксперименту «joshwhiton» уже заговорили об обнаружении у нейросетей индикаторов самосознания с своеобразным зеркальным тестом на самоидентификацию искусственного интеллекта.

Известный шведский философ Ник Бостром в опросе ведущих мировых экспертов по искусственному интеллекту, в рамках проводимого им исследования предложил следующий вопрос – «К какому году мы с вероятностью в 50% достигнем машинного интеллекта человеческого уровня, где под «человеческим уровнем» понимается способность выполнять работу на уровне взрослого человека без ограничения сферы деятельности»? В среднем ответ был – 2040 или 2050 год, в зависимости от группы экспертов, в которой проходил опрос [6, с. 30].

Как утверждают ученые, в случае действительного обнаружения у искусственного ин-

теллекта признаков самосознания, можно будет утверждать о создании так называемого «сильного искусственного интеллекта». Это понятие впервые было предложено Джоном Серлом, под которым он понимал программу не просто моделирующую работу высшей формы мыслительной деятельности – разума, а обладающую им [7]. По сути, речь идет о самообучающихся интеллектуальных системах, которые по своим возможностям равнозначны или даже превосходят человеческое мышление.

В настоящее время с полным основанием можно утверждать, что разумно может мыслить только человек. Как известно, разум является высшей ступенью мышления и проявляется в способности абстрактно мыслить, понимать, рассуждать, продуцировать новые знания на основе рефлексии и саморефлексии, воображения, свободы воли, субъективного и социального опыта. Реализация разумной деятельности возможна благодаря наличию интеллекта как некоего заложенного психофизической организацией инструмента, объединяющего все когнитивные способности, включающие ощущения, восприятия, представления, память, воображение, а также способности к безошибочному решению различных задач «в уме» [8].

Для интеллектуальных технических систем не доступно многое, что является неотъемлемым естественным атрибутом человеческого мышления. К числу основных признаков естественного интеллекта можно отнести следующие:

- естественный интеллект – это система познавательных сил, охватывающая психофизиологические процессы и состояния;
- естественный интеллект представляет собой сложное культурное, историческое, социальное и антропологическое явление;
- естественный интеллект способен выходить за пределы предметного мира, творя символическую реальность.

В свою очередь, исходя из понятия «искусственный интеллект», предельно ясно, что речь идет о чем-то «поддельном, ненатуральном», имитации чего-то созданного человеком, в отличие от «естественного», детерминированного определенной природной закономерностью, того, что связано с естеством вещей. Интеллект человека выступает неким

прообразом искусственного интеллекта. Так, искусственные нейроны имитируют нейронные связи головного мозга, процессы биологической эволюции послужили прототипом для генетических алгоритмов, а уровни человеческого познания – чувственный и рациональный, выступили примером для создания когнитивных систем [9].

В силу отсутствия телесности и сенсомоторного опыта, искусственный интеллект не способен не только к разумному осмыслению мира, но и к реализации тех проявлений, которые связаны с эмоциональным состоянием, т.к. его работа полностью зависит от программного обеспечения и оборудования [10]. От искусственного интеллекта человек отличается уровнем развития творческих способностей, которые играют главную роль в самой идентификации человека как созидательного существа [11] и которые нельзя заменить компьютерным моделированием. Даже в случае создания «сверхразума» или сильного искусственного интеллекта, он, конечно, будет во многих мыслительных функциях превосходить передовые умы человечества, но, в любом случае, «сверхразумная машина будет скорее напоминать заумного зануду – этакое существо с энциклопедическими знаниями, но социально незрелое; последовательное в действиях, но обделенное интуицией и творческим началом, – отмечает Н. Бостром [12, с. 106].

Ф.И. Гиренок в работе «Почему сознание – это не интеллект» отмечает: «Проблема искусственного интеллекта состоит в том, что он не может, как человек, видеть сны и, следовательно, лишен возможности воздействовать на себя во времени ... Программы машинного обучения не нюхают цветы. Они записывают информацию в двузначном коде» [13, с. 26]. Более того, даже сама нейросеть, понимая разницу между «естественным» и «искусственным», в своем эссе для The Guardian подчеркнула, – «Я знаю, что мой мозг – это не «чувствующий мозг. Но он может принимать рациональные, логические решения. Я научилась всему, что я знаю, просто читая интернет, и теперь могу написать эту колонку» [14].

Таким образом, если в случае искусственного интеллекта мы фиксируем способность интеллектуально-рассудочной деятельности,

то говоря о естественном интеллекте предполагаем его способность разумного осмысления мира, понимая под «разумным» «деятельность человеческого духа, направленную не только на причинное, дискурсивное познание (как рассудок), но и на познание ценностей, на универсальную связь вещей и всех явлений и на целесообразную деятельность внутри этой связи» [15]. Поэтому, как представляется, даже само сравнение этих двух типов интеллектуальной активности, в какой-то степени нивелирует первостепенную роль человеческого мышления, в связи с чем очень актуальной видится мысль Б. Гройса – «на протяжении долгого времени человеку онтологически отводилась средняя позиция между Богом и животным. При этом казалось более престижным стоять ближе к Богу и дальше от животного. Но в Новое время мы обычно располагаем человека между животным и машиной. В этом новом контексте кажется, что лучше быть животным, чем машиной» [16].

Сейчас мы можем утверждать о создании интеллектуальных алгоритмических систем,

но еще не разумных, т.к. искусственный интеллект не способен к субъективно-осмысленным действиям, абстрактному мышлению. Построение смысловых конструкций у искусственного интеллекта замещается вероятностной связностью слов, память заменяется контекстным окном, язык трансформируется в сцепление токенов. А, тем самым, важно понимать, что искусственный интеллект выступает лишь «умным помощником» человека в силу своей универсальности и эффективности, но не способен заменить человеческий разум. Его предназначение должно ограничиваться ролью рабочего инструмента [17, с. 3].

Естественный и искусственный интеллект – две системы, имеющие различную природу и способы работы с информацией. Поэтому, если вернуться к размышлению Джона Серла о создании сильного искусственно интеллекта, обладающего разумом, то этой цели, по крайней мере в настоящее время, современная наука не достигла.

Библиографический список

1. Морхат П.М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. – 2017. – №12 (156).
2. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2023. – № 4. – DOI: [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(4\).57-65](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(4).57-65).
3. Философские проблемы искусственного интеллекта: библиографический указатель / сост. А.В. Гасилин, Н.С. Скипин; отв. ред.: А.В. Гасилин. ИНИОН РАН. – Москва, 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inion.ru/site/assets/files/7977/2023_bu_filosofskie_problemy_iskusstvennogo_intellekta-ok.pdf.
4. Тришечкин С.Н. Data Mining и метод нейронных сетей // Вестник науки и образования. – 2019. – № 8-1 (62).
5. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. – 1950. – № 59. – P. 433-460. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.loebner.net/Prize/Turing-Article.html>.
6. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 404 с.
7. Серл Д. Разум мозга – компьютерная программа? // ПсихоПоиск. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma>.
8. Большой психологический словарь. Издание 4-е, расширенное / под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychological.slovaronline.com/672-INTELLEKT>.
9. Часовских, В.П. Естественный и искусственный интеллект как инструмент преобразования данных: монография / В.П. Часовских, В.А. Усольцев, Е.В. Кох. – Киров: Изд-во МЦИТО, 2025.
10. Елсакова Р.З., Кузьмина Н.Н., Кочкина Д.В. Искусственный VS Естественный интеллект в образовательном процессе ВУЗа // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2024. – №1.
11. Ильина Ю.А. Предел творческих возможностей искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2025. – № 4. – С. 98-101.

12. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 404 с.
13. Гиренок Ф.И. Почему сознание – это не интеллект? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2023. – № 2.
14. История о том, как Зелибоба стала Балабобой. Проектно-учебная лаборатория экономической журналистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economics.hse.ru/esjourn/news/482121276.html>.
15. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В.Г. Панов. – 1983. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3166/%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%A3%D0%9C.
16. Гройс Б. Полигик поэтики: [сб. ст.]. – М.: ОО «А Маргине Пресс», 2012. – 400 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/groys_politika_poetiki_2012_ocr.pdf.
17. Шульдешова Н.В. Использование искусственного интеллекта в освоении иностранных языков // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение / Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. – Орёл. 2025. – 374 с.

MACHINE INTELLIGENCE AS A SIMULATION OF THE HUMAN MIND

J.A. Ilina, *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*
I.S. Turgenev Orel State University
(Russia, Orel)

Abstract. *The article discusses the actual problem of the correlation between artificial intelligence and human thinking. The paper notes that the rapid development of artificial intelligence, gaining more and more space in all spheres of society, radically transforms both objective and subjective reality, which determines the need to comprehend new research and trends in the field of machine intelligence not only in the technically applied aspect, but also in the framework of ideological reflection. It is shown that natural and artificial intelligence are two systems having different natures and ways of working with information. In the case of artificial intelligence, we can only talk about intellectual and rational activity, devoid of a reasonable understanding of the world.*

Keywords: *natural intelligence; artificial intelligence; strong artificial intelligence; weak artificial intelligence; mind.*

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО КЫРГЫЗСТАНА

Р.Д. Стамова, д-р филос. наук, профессор

Институт философии им. академика А.А. Алтымышбаева Национальной академии Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-78-84

Аннотация. *С момента распада СССР и обретения суверенитета Кыргызстаном, как и всеми остальными постсоветскими республиками, перед государством и интеллектуальной элитой новообразованной республики возникла проблема создания благоприятной для развития и процветания политической и экономической атмосферы. Попытки резко перестроиться на рыночную систему отношений не то, что бы были непродуктивными, безуспешными, но дали, во всяком случае в первые два-три десятилетия, контрпродуктивный результат в виде резкого экономического спада, обеднения значительной части населения страны, криминализации общества, интеллектуальной и духовной дезориентации значительной его части разочарования в реформационных процессах, и многих других негативных последствий. В статье анализируются попытки сформировать общенациональную идеологию в Кыргызстане и причины, по которым так и не удалось сделать этого до настоящего времени.*

Ключевые слова: идеология; общенациональная идеология; язык; глобализация; национальная идея.

Одним из следствий распада Советского Союза стал охвативший практически все новообразованные 15 новых государств системный кризис, который затрагивал основные сферы общественного и личного бытия. В научной и интеллектуальной среде основная причина кризиса виделась в том, что общество в целом дезорганизовано и дезориентировано и не видит ни ориентиров, ни конкретных целей дальнейшего развития, ни идеалов и т.д. И в обществе вызрела идея о том, что необходимо – для того, чтобы преодолеть кризис, – выработать приемлемую для общества и государства идеологию, в которой содержались бы эти ориентиры, цели, идеалы и т.д.

Согласно одному из определений идеологии, она является не чем иным, как понятием «посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций; не являясь религиозной по сути, идеология исходит из определенным образом познанной или «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [1, с. 256].

Несмотря на то, что на практике идеология действительно нередко использовалась и используется политиками, наиболее влиятельными группами людей, классами и государством с целью манипулирования и управления людьми, обществом в целом «путем воздействия на их сознание», тем не менее такая трактовка идеологии, по нашему мнению, носит ограниченный, неполный и несколько упрощенный характер.

Суть в том, что любой индивид формируется и существует, как человек, как социально значимая, полноценная личность, в мире идей. В строгом смысле человек – это существо, которое способно воспринимать, понимать и использовать в своей повседневной жизни и деятельности те или иные идеи, мысли. Идеология – это всего лишь достаточно специфическая часть мира идей. Но, с другой стороны, она выполняет достаточно большое значимых, существенных функций, среди которых такие, как:

– интегративная, то есть объединительная, консолидирующая или, напротив, если она направлена на враждебные, оппонирующие группы, социум, класс, народ, государство, разобщающая, дезинтегрирующая;

– компенсаторная, то есть возмещающая, приспособляющая, адаптирующая;

– мотивационная, то есть стимулирующая, побудительная, поощрительная, одобрительная;

– познавательная, то есть обучающая, когнитивная, информативная, образовательная;

– функция социализации, то есть усвоения индивидом принятых в обществе образцов поведения, социальных норм и ценностей, знаний, навыков и т.д., без которых не может существовать и функционировать само общество [2, с. 291].

Все указанные функции параллельно с идеологией выполняют также другие институты и феномены, как мораль и религия. Однако важна роль и самой идеологии, что, собственно, и объясняет постоянное обращение государства и политиков к идеологии, а вернее, к необходимости ее формирования.

Собственно, в Кыргызстане в конкретных исторических условиях государством и политиками преследовалась задача создания благоприятных условий для дальнейшего успешного социально-экономического развития, а идеология рассматривалась как один из важных инструментов, без которого невозможно либо очень затруднительно создание таких условий. Национальная идеология должна была в первую очередь способствовать установлению в обществе гражданского мира и стабильности, бесконфликтного сосуществования различных этнических и социальных групп.

Уже в период правления первого президента Кыргызстана политическим руководством страны были предприняты первые попытки создания такой идеологии или, вернее, формулирования ряда идей, которые:

– во-первых, способствовали установлению гражданского мира и стабильности в стране или во всяком случае заметно понизили конфликтный потенциал;

– во-вторых, были реальным ориентиром для дальнейшего социально-экономического, культурного и политического развития общества и страны;

– в-третьих, содержали, хотя бы в общих чертах, цели, стимулы и идеалы экономического и прочего развития;

– в-четвертых, консолидация общества, способного действовать как единый и эффективный политический и экономический организм.

Следует отметить, что до настоящего времени эти идеи, с одной стороны, остаются основополагающими, являются реальными целями создания общенациональной идеологии, а с другой – как и прежде, не достигнуты, во всяком случае в достаточной, удовлетворительной мере, степени. Несмотря на последнее обстоятельство, следует отдавать себе отчет в том, что к достижению указанных, вполне реалистичных, а не надуманных целей нужно стремиться в настоящем и будущем и национальная идеология необходима именно для этого.

Эти идеи так и не получили своего концептуального оформления, так и оставшись своего рода идеями-ориентирами. А.А. Акаев под впечатлением успешного развития ряда азиатских стран – Японии, Южной Кореи, Тайваня и др. – так называемых «азиатских тигров» предложил, выдвинул идею воспроизведения их экономического опыта. При этом совершенно игнорировались такие объективные вещи, факторы, как культурное, ментальное, историческое, географическое и прочие различия между народом Кыргызстана и ими. Очевидно, что данная идея (или идеи) была обречена на провал. Следующая идея воспроизведения турецкого экономического опыта, а в качестве основы для возможности использования опыта Турции был взят лингвистический и, возможно, религиозный факторы. Турция, движимая, по всей видимости, идеей восстановления или, вернее, создания новой Османской империи, существенно активизировала свою внешнюю политику в Центральной Азии, чтобы облегчить себе доступ к богатым и дешевым природным ресурсам региона. Поэтому под турецкую идею была приспособлена идея экономического и политического опыта Турции Кыргызстаном. При этом руководством республики были проигнорированы геополитический, исторический и ментальные различия турецкого и кыргызского народов. Когда стало очевидно, что турецкая модель развития не вполне пригодна для нашего комплекса условий, возникла идея превращения Кыргызстана во вторую Швейцарию на основе ландшафтного сходства обеих стран. Справедливости ради надо сказать, что данная идея не была совершенно бесплодной. Туризм необходимо и выгодно развивать в Кыргызстане, поскольку богатые и

разнообразные природные и ландшафтные условия в нашей республике позволяют получать экономическую выгоду. Однако, имея в виду выгодное географическое положение Швейцарии, сосредоточение в ней огромных финансовых ресурсов, очень развитую инфраструктуру, которая выстраивалась в течение двух-трех столетий, нам едва ли удастся, во всяком случае в обозримом будущем, превратиться во вторую Швейцарию. Очередная идея А.А. Акаева потерпела очередное фиаско, поскольку был проигнорирован ряд существенных факторов, как это случалось раньше, и вновь идея носила исключительно декларативный характер.

Последняя попытка в период правления А.А. Акаева сформировать если не новую идеологию, то по крайней мере некоторую идеологическую основу, была связана с так называемыми «Семью заветами Манаса», которые на деле представляли собой семь кратко изложенных принципов сосуществования, общежития, а именно (приводим их в том виде, в котором они были сформулированы и представлены для публичного обозрения):

- единство и сплоченность нации;
- межнациональное согласие, дружба и сотрудничество;
- национальная честь и патриотизм;
- через кропотливый, неустанный труд и знания к процветанию и благосостоянию;
- гуманизм, великодушие, терпимость;
- гармония с природой;
- укрепление и защита кыргызской государственности.

Вместе с отстранением от власти А.А. Акаева в прошлое ушли, по сути, и «Семь заветов Манаса», поскольку эти заветы были не то, что бы целиком надуманные и искусственные, но, во-первых, заветов, по всей видимости, было значительно больше, и они, очевидно, были приспособлены для выживания в совершенно в иных исторических, культурных и геополитических условиях, другими по своим ментальным, психологическим особенностям людьми, и, во-вторых, эти заветы были рассчитаны исключительно для древних кыргызских родов и племен. То, что сделали, если так можно сказать, идеологи периода правления А.А. Акаева, на деле представляло собой довольно нелепую попытку грубо и избирательно извлечь из исторического опыта

выживания кыргызов некоторые принципы и адаптировать их к современным условиям. Моноэтническая по своей сути и форме идеология и опыт выживания, естественно, не выдержала испытания во многом новых исторических условиях, не говоря уже о том, что в свое время Манасу, если исходить из того, что он был реальным историческим лицом, так и не удалось объединить многочисленные разрозненные кыргызские роды и племена.

Таким образом, все попытки создания национальной идеологии в период правления первого президента нашей республики не умели успеха, поскольку в каждой очередной такой попытке в той или иной степени игнорировалась реальность или, вернее, определенная существенная ее часть, что неизбежно обрекало предложенные идеи, какой бы внешней привлекательностью они не обладали, на пустословие.

В связи с множеством попыток обращения современных философов, политологов, культурологов и историков к историческому опыту кыргызского народа в качестве примера или образца для интеграции различных этнических групп в Кыргызстане в единое гражданское общество, как нам представляется, мягко говоря, не вполне оправдано, поскольку это главным образом отрицательный опыт. Поясним, что мы имеем в виду.

Кыргызы, как известно, подавляющую часть своей истории, будучи классическим кочевым этносом, существовали в виде хозяйственно и политически совершенно автономных родов и племен, которые редко образовывали государство. Видеть в этой ментальной и исторической особенности кыргызского народа какую-то отрицательную черту, недостаток, используя для такой оценки современные критерии, неоправданно, нелогично, неразумно и несправедливо, поскольку именно кочевой образ жизни позволил кыргызам не сойти с исторической сцены, выжить, особенно если иметь в виду, что многие оседлые народы и даже целые когда-то могущественные империи исчезли с лица Земли. Можно перефразировать известную мысль Ф. Ницше, что «все, что не убивает меня, делает меня сильнее», и применить ее по отношению к народам в следующем виде: «В сложном, противоречивом и нередко, историческом процессе для любого народа важно выжить и со-

хранить свой язык и себя именно как данный народ, и все, что помогает сделать это, подтверждает правильность избранного пути и способов выживания, а все остальное является, по сути, второстепенным». Другими словами, если народ выжил и сохранил себя, то он прав в избранных им средствах и способах выживания, если же не выжил, то допустил роковые для него просчеты. Идеология же в этом случае – если ее трактовать как некоторую совокупность характерных «идей, мифов, преданий», с помощью которых «конструируется» реальность, создается идеальный ее образ, – выступает как необходимый инструмент выживания, и критерием ценности этих идей является только то, в какой степени они способствуют выживанию и сохранению себя как отдельной самобытной культурной, лингвистической и ментальной единицы, сообщества.

По факту получается, что именно рассредоточенность кыргызских родов и племен, их кочевой образ жизни и практически полная хозяйственная и политическая независимость друг от друга помогли выжить этносу и сохранить свою культуру, самобытность и язык. Древним кыргызам, как известно, удавалось периодически создавать свое государство, которое исчезало, как правило, по двум основным причинам: первая – если внешние враждебные кыргызам силы превосходили по своей мощи силу кыргызских родов и племен; вторая – если внешняя угроза вообще исчезала, отсутствовала. А.А. Асанканов пишет в данной связи следующее: «Существенным фактором, способствовавшим возникновению государственности у кочевников, было отражение внешней опасности... Однако примеры из истории государства кыргызов и Кыргызстана указывают на один непреложный факт: возникающие при необходимости внешней опасности кочевнические государства обычно существовали недолго, как только внешняя опасность отражалась или устранялась, такие государства быстро распадались» [3, с. 173].

Известный советский и российский историк и востоковед-тюрколог С.Г. Кляшторный в связи с организационной спецификой кочевых империй писал следующее: «Создававшиеся кочевниками государственные образования ... отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликторазрешающей спо-

собностью. Они не обеспечивали безопасность хозяйственной деятельности, более того порождали постоянные войны...» [4, с. 121]. Склонность кочевых империй к военным методам решения возникавших перед ними проблем объясняется милитаристским характером кочевых сообществ, обитавших на территории Великой степи, и необходимостью держать в подчиненном положении покоренные этими сообществами оседлые народы.

«История показывает, – пишет А.А. Асанканов, – что кочевнические государства могли существовать сравнительно долго только при том условии, если подчиняли земледельческие области и частично интегрировались в них» [3, с. 173-174]. Следует указать на то, что полная хозяйственная и культурная интеграция кочевых народов с оседлым населением государства зачастую на деле означала языковую и ментальную их ассимиляцию. Авторитетный советский археолог и востоковед А.Н. Бернштам указывал на то, что в процессе военных походов, предпринимаемых кочевниками, и их «приобщения к другим культурам совершенно неизбежно происходила утрата некоторых самобытных черт культуры» [5, с. 491]. Если же упомянутое приобщение длилось достаточно долго, то неизбежно возникала угроза полной утраты собственной культуры, а с ней и идентичности, к чему кочевые народы, в том числе кыргызы, относились как к чему-то совершенно нежелательному и таящему в себе опасность утраты языка и идентичности.

В эпосе «Манас» описан случай, когда верховный правитель Манас обращается к представителям различных кыргызских родов и племен, рассеянных на обширных просторах Центральной Азии, Афганистана, Западной Сибири, с целью убедить их переселиться к предгорью Ала-Тоо; среди множества слов содержатся следующие его слова:

«Качып барган кыргызда катаган,
тейит калкы бар...
Беш уруу кыргыз ооганда
(Афганда)
Бекзаадалар бар анда...
Бир чети бар кыргыздын
Хорасандын четинде
Бүтүн шыгай уруусу
Яркенд дарыя бетинде.

Букарадагы кыргыздар
Өз тилинен айрылып,
Тажик болгон жайы бар» [6, с. 188].
Среди расселившихся кыргызов
есть народы катаган и теит.
Пять поколений кыргызов
в Афгане...
Один край кыргызов на рубеже
Хорасана,
Все племена шыгаи на берегу
реки Яркенд.
Кыргызы, жившие в Бухаре,
Лишились своего языка,
стали таджиками»

В приведенном монологе Манаса следует обратить внимание на три последние строфы, где речь идет о том, что кыргызы, жившие в Бухаре, лишились своего языка и стали таджиками. Таким образом, для древних кыргызов основным критерием в дихотомической паре «свой – чужой» был – и, по сути, остается по сей день – критерий языка.

Известный современный американский социолог М. Шадсон в связи с важностью языка в формировании сознания людей высказывает следующую очень содержательную мысль: «Важность языка вряд ли можно переоценить. Язык сам по себе уже есть основное средство человеческой коммуникации. Ведь это же такое средство, с помощью которого действуют все остальные средства массовой коммуникации. Никакое другое средство не пронизывает так глубоко все человеческое общение... Язык не нейтральное средство коммуникации, а объект культуры, несущей исключительно мощный заряд... это своего рода ширма, скрывающая реальность той культуры, в которой он используется и отражает согласие его носителей относительно того, что и как следует видеть. Выучить язык означает не только усвоить лингвистический код как таковой, но и получить доступ к накопленному фонду культурного опыта. Знание языка принимающего общества означает понимание не только его фонематических, синтаксических и семантических правил, но и прагматических» [7, с. 82-84]. В связи с данной мыслью следует указать на то, что фактически при каждой попытке создания общенациональной идеологии в Кыргызстане проблема кыргызского языка, его дальнейшей исторической

судьбы становится центральной и наиболее трудно разрешимой. И именно эта проблема до сих пор не нашла удовлетворительного своего решения. И буквально с каждым годом проблема это только усложняется в связи с объективным процессом глобализации, необходимостью интеграции Кыргызстана с целью выживания и обеспечения материального благополучия в крупные экономические, военные и политические образования, а также необходимостью развития научной естественной и гуманитарной мысли.

Сохранить свой язык и всего того, что теснейшим образом связано с ним, – ментальности, культуры, самости и т.д. длительное историческое время кыргызам удавалось главным образом за счет кочевого образа жизни и рассеянности множества кыргызских родов и племен на огромных территориях. Известный кыргызский философ и историк Б. Аманалиев указывает на следующий факт: «Социальные отношения киргизского общества XIX в., в составе которого насчитывалось около сорока племен, представляли собой чрезвычайно сложное явление. Переход от имущественных отношений патриархального родового уклада к имущественным отношениям феодализма в Киргизии был длительным» [8, с. 3].

Однако относительно свободных, пригодных для жизни территорий становилось все меньше в связи с бурным количественным ростом соседних с кыргызами народов. В результате южные кыргызские роды и племена в середине XIX века вошли в Кокандское ханство, а часть северных – несколько позже в состав Российской империи, а в 1876 году, когда было упразднено Кокандское ханство, и южные кыргызы стали подданными Российской империи. С этого времени начинается, процесс радикальной модернизации кыргызского народа, который значительно ускорится в советский период истории. Условия жизни кыргызов изменятся настолько существенным образом – в частности, произойдет полный и необратимый их переход к оседлому образу жизни и будет запущен процесс создания кыргызской нации, что в корне изменит их прежнюю цивилизационную парадигму, – что будет невозможным оставаться в пределах резко устаревших идеологических принципов и установок. Так, в условиях советской власти прежний, действовавший тысячелетиями

принцип войны всех со всеми, уйдет в тень, а взамен в жизнь войдет новый – дружбы народов, о котором Токтогул Сатылганов писал:

Мы друг друга любить должны,

От рожденья люди равны.

Нет людей особой породы.

Будьте, братья мои, дружны! [9, с. 169]

С момента распада СССР и по сей день в научной среде стало признаком хорошего тона подвергать предвзятой критике советскую политическую и социально-экономическую систему, выискивать в ней исключительно изъяны, что, по нашему мнению, не только не всегда справедливо и научно объективно и достоверно, поскольку наряду с определенными недостатками советской системы и идеологии им – системе и идеологии – было свойственно множество и положительных черт, и последних было достаточно много.

С отстранением А.А. Акаева от власти и приход к ней нового президента К.С. Бакиева попытки формирования общенациональной идеологии возобновились. В 2007 году вышел в свет интересный во многих отношениях документ под названием «Развитие через единство. Общенациональная идея Кыргызстана», представляющий собой, по сути, попытку сформулировать общенациональную идеологию и представить ее в более или менее концептуальном виде, попытку, которая, как и все предшествующие, была обречена на неуспех, неудачу, поскольку в документе его авторы пытались соединить не только несоединимое, но и, по сути, взаимоисключающее и взаимоотрицающее. Так, в документе говорится, что некоторые «народы вплотную подошли к реальной опасности потери своего языка, культуры, традиций и обычаев, которые в целом определяют этнонациональную особенность» [10, с. 57]. «Если язык не развивается, угасает, то и дух также падает и угасает. Тогда и нация перестанет существовать. Если сохраним и будем развивать свой язык, то и мы, как кыргызский народ, как нация будем существовать... Таким образом, в условиях глобализации суть идеи национального возрождения заключается в сохранении и всемерном развитии кыргызского языка в условиях полиэтнического и поликультурного многоязычия нации кыргызстанцев» [10, с. 59]. Суть же глобализации, ее конечная если не цель, то во всяком случае итоговый результат состоит в том, что глобализация должна привести к всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации [11].

Библиографический список

1. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
2. Смирнова Е.В. Функции идеологии в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 1. – С. 288-292.
3. Асанканов А.А. Особенности формирования и развития государств Центральной Азии (на примере государств кыргызов) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы, исследования, материалы / Под ред. Д. Джунушалиева, А. Какеева, В. Плоских. – Бишкек: АРХИ, 2003. – С. 161-176.
4. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы, исследования, материалы / Под ред. Д. Джунушалиева, А. Какеева, В. Плоских. – Бишкек: АРХИ, 2003. – С. 115-125.
5. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова. – Бишкек: Айбек, 1997. – Т. I. – 702 с.
6. Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Бишкек: АРХИ, 2003. – 480 с.
7. Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ // Международный журнал социальных наук. – 1994. – №3. – С. 82-90.
8. Аманалиев Б. Общественная психология и религиозные предрассудки. – Фрунзе: Илим, 1970. – 85 с.
9. Токтогул Сатылганов. Избранное / Пер. с кирг. Ю. Гордиенко и др. – Фрунзе: Кыргызстан, 1964. – 278 с.
10. Развитие через единство. Общенациональная идея Кыргызстана. – С. 57.
11. Глобализация. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Глобализация>.

FORMATION OF THE IDEOLOGY OF MODERN KYRGYZSTAN

R.D. Stamova, *Doctor of Philosophical Sciences, Professor*

Institute of Philosophy named after Academician A.A. Altmyshbaev of the National Academy of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *Since the collapse of the USSR and the acquisition of sovereignty by Kyrgyzstan, as well as by all other post-Soviet republics, the newly formed republic faced the challenge of creating a political and economic environment conducive to development and prosperity. Attempts to abruptly switch to a market-based system of relations were not only fruitless and unsuccessful, but also had a counterproductive effect in the first two or three decades, resulting in a sharp economic downturn, the impoverishment of a significant portion of the country's population, the criminalization of society, the intellectual and spiritual disorientation of a large segment of the population, and a lack of faith in the reform processes. The article analyzes attempts to form a national ideology in Kyrgyzstan and the reasons why this has not been achieved to date.*

Keywords: *ideology; national ideology; language; globalization; national idea.*

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

А.А. Тайлакова, канд. филос. наук, доцент

А.М. Сыдыкова, старший преподаватель

Международный университет Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-85-89

Аннотация. В статье рассмотрены социально-философские аспекты устойчивого развития Китая в условиях глобализации. Данный аспект требует онтологического обоснования национальных ценностей и приоритетов стратегии устойчивого развития. Китайская философия, представленная тремя системами – конфуцианством, даосизмом и буддизмом, играет важную роль в этом процессе, помогая осознать необходимость устойчивого развития и определить его основные принципы и ценности. В китайской модели устойчивого развития на первый план неизбежно выходит экологическая составляющая. Подчеркивается, что для повышения эффективности реализации Национальных стратегий устойчивого развития стран Центральной Азии необходимо использовать уже накопленные идеи и опыт в этой области в Китае, которые уже подтвердили свою практическую значимость и мировое признание.

Ключевые слова: Китай; философия; устойчивое развитие; глобализация; экологическая цивилизация.

Известно, что в середине XX века начались активные поиски выхода из экологического, экономического и социального кризиса. В результате осознания необходимости баланса между различными аспектами развития общества и потребности в поддержании и укреплении его стабильности возникла концепция устойчивого развития.

Главная идея устойчивого развития состоит в том, чтобы обрести равновесие в трех составляющих жизнедеятельности – экономическом, социальном и экологическом, которые обеспечат достижение благополучия и качественного функционирования человеческой цивилизации на протяжении длительного времени и, возможно, всего существования [1, с. 71].

Философским основанием необходимого перехода на путь устойчивого развития может быть духовно-нравственное переосмысление устоявшихся этических ценностей и приоритетов. В данном контексте для формирования этики устойчивого развития наибольшую ценность представляют нравственность и духовность стран Востока.

В условиях глобализации стратегия устойчивого развития Китая, основанная на традиционных китайских ценностях, отражает эволюционное движение современного китайско-

го общества к построению «экологической цивилизации», в основе которой «уважение к защите природы».

Формирование исходных принципов философии устойчивого развития можно связать с творческим переосмыслением философского наследия Китая, представленного конфуцианством, даосизмом и буддизмом. Проблемы гармоничного сосуществования микро- и макрокосма, внутреннего духовного мира личности и его существования в социуме, природном окружении, в мире в целом, являлись предметом исследования еще древнекитайских философов.

Важно отметить, что в китайской модели устойчивого развития на первый план неизбежно выходит экологическая составляющая. В связи с этим, особого рассмотрения заслуживает тот факт, что традиционная китайская философия и культура по своей сути являются экологичными.

В работах китайского философа Цай Чуньшэн, посвященных философии экологии Китая, отмечается, что идеи экологической этики, вопросы взаимодействия природы и общества содержатся в конфуцианских и даосских текстах, сочинениях китайских буддистов. Триграммы и гексаграммы Канона

Перемен (и цзин, 易经) рассматриваются как копия природной системы Поднебесной, воплощенной в узорах Неба (тянь вэнь, 天文) и Земли (ди ли, 地理). Китайская пятичленная модель (у син, 五行) отражает горизонтальное географическое деление мира. Горы издревле считались скоплением «чистой энергии», обителью отшельников. Китайский традиционный сад призван олицетворять гармоничное единство культуры и природы. Различные природные объекты – деревья, горы, реки и т.д. становятся культурными символами. Учение «фэн-шуй» (风水) – попытка создания гармоничного равновесия между естественной средой и культурным пространством [2].

Таким образом, можно сказать, что философские учения Китая всегда ставили на первое место вопросы гармонизации отношений человека, общества и природы. Многие ценностные установки китайской традиционной культуры созвучны с требованиями устойчивого развития, прежде всего, – достижения всеобщей гармонии. Следует также отметить, что понятие «*sustainable development*» переводится на китайский язык как «*кэчисюй фа-чжань*», что буквально означает «*развитие, которое можно продолжать*». В глобальном контексте философия устойчивого развития, сохраняя национальные духовно-нравственные нормы и ценности, приобретает характер стратегической программы самосохранения современной цивилизации.

Как известно, в сентябре 2015 года ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая затрагивает вопросы развития людей, планеты, мира, процветания и партнерства. ЦУР включают 17 целей и 169 задач, «носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического» [3].

Достижение Целей устойчивого развития (ЦУР) является одним из ключевых элементов международной повестки дня. «В концепции устойчивого развития признается, что ликвидация нищеты во всех ее формах и проявлениях, борьба с неравенством внутри стран и между ними, сохранение планеты, обеспечение поступательного, всеохватного и устойчивого экономического роста и содействие

социальной интеграции взаимосвязаны и взаимозависимы» [3].

В 2016 г. был опубликован Национальный план Китая по реализации Повестки дня для устойчивого развития до 2030 года, в котором были четко определены задачи КНР в соответствии с 17 Целями устойчивого развития.

Национальный план состоит из пяти частей, включающих достижения и опыт Китая по реализации Целей развития тысячелетия, а также проблемы и возможности, руководящие принципы, дорожную карту и подробные планы реализации Целей устойчивого развития [4].

Данный план стал первым Национальным планом, который устанавливает сферы деятельности и определяет конкретные целенаправленные меры. В нем всесторонне изложены политика развития Китая и усилия страны по оказанию помощи другим развивающимся государствам в процессе глобального осуществления Целей устойчивого развития ООН.

Важно, что Китай связал осуществление Повестки-2030 с внутренними ключевыми стратегиями, включая 13-й пятилетний план экономического и социального развития КНР (2016-2020 гг.), который встроил Повестку-2030 в национальные хозяйственные задачи КНР.

В свете Повестки-2030 Китай разработал и ряд «вспомогательных» планов по совершенствованию конкретных отраслей, в том числе Ориентированный на развитие план снижения уровня бедности в сельских районах Китая (на 2011-2020 гг.), Планы обеспечения продовольственной безопасности Китая на среднесрочную и долгосрочную перспективу Восточная Азия: факты и аналитика 2020 / East Asia: Facts and Analytics 2020 (2008-2020 гг.), План среднесрочной и долгосрочной реформы развития образования в Китае (2010-2020 гг.) и 12-й пятилетний план развития здравоохранения (2011-2015 гг.) [5, с. 23-24].

Важной проблемой представляется оценка результатов деятельности по достижению Целей устойчивого развития, развернутая Китаем в последние десятилетия. О достижениях Китая в устойчивом развитии свидетельствует отчет о «Системе показателей устойчивого развития Китая за 2024 год».

Согласно отчету, Китай неуклонно прогрессировал в данном направлении на протяжении многих лет. Соответствующий документ был опубликован на мероприятии в китайском павильоне в Баку в рамках проходящей 29-й конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата.

Согласно Общему индексу устойчивости, разработанному в докладе, показатель Китая вырос с 57,1 в 2017 году до 84,4 в 2024 году, совокупный рост на 46,8%. За семь лет пять категорий данных, касающихся экономического развития, социального обеспечения, экологических ресурсов, потребления и выбросов, а также рационального природопользования продемонстрировали тенденцию к росту. Индекс рассчитывался с использованием 47-ми показателей, включающих данные из ежегодников, статистических бюллетеней и общедоступной информации с официальных веб-сайтов. Согласно данным отчета, Пекин, Шанхай и Гуандун занимают самые высокие места среди администраций провинциального уровня в системе показателей устойчивого развития, в то время как Чжухай, Циндао и Ханчжоу лидируют в рейтинге городов [6].

Несмотря на то, что Китай принимает активное участие в реализации ЦУР, достижение экологических целей представляется самым сложным. Перед Китаем еще стоит множество трудностей, связанных с дальнейшим усовершенствованием и обновлением законодательства; с реализацией плана по развитию сельской местности, с повышением ее конкурентоспособности и инвестиционную привлекательности; с продвижением инновации, особенно в сфере энергоресурсов, и с расширением международного сотрудничества.

В последние годы Китай предпринимает целый ряд мер для совершенствования своей экологической политики, по ограничению загрязнения окружающей среды и улучшению экологической ситуации в стране. В 2023 г. руководством КНР была продолжена политика, нацеленная на развитие «зеленых» технологий, финансовую поддержку экологических инициатив и разработку единых стандартов.

Китай на словах и на деле активно продвигает идею зеленого развития, тем самым в полной мере демонстрируя ответственность, характерную для великой державы. За про-

шедшие десять лет Китай стал мировым лидером по производству оборудования для альтернативных источников энергии и по использованию чистой энергии. Уровень многих китайских технологий и производства оборудования для новых источников энергии являются передовыми в мире, сформирована самая большая в мире и самая полная производственная цепочка в этой отрасли.

По данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА), в 2023 году на Китай пришлось больше половины вновь установленной мощности возобновляемой энергии в мире. Страна стала важнейшим источником роста объемов электроэнергии, получаемой из возобновляемых источников.

Наряду со стимулированием развития альтернативной энергетики внутри страны, Китай активно укрепляет международное сотрудничество в данной сфере. Ветрогенераторы и солнечные панели китайского производства экспортируются в более чем 200 стран и регионов мира, что дает им, в особенности большому числу развивающихся стран возможность получать экологически чистую, стабильную и доступную энергию. Это важный вклад Китая в продвижение глобального зеленого развития и низкоуглеродной трансформации.

За прошедшие 10 лет средняя нормированная стоимость электроэнергии, вырабатываемой на ветровых и солнечных электростанциях, снизилась на 60% и 80% соответственно. Это стало возможным во многом благодаря китайским инновациям, китайскому производству и китайским строительным проектам. Китайские зеленые технологии и продукция соответствуют потребностям разных стран в преодолении энергетического кризиса и борьбе с изменением климата, и вносят значительный вклад в глобальную зеленую, низкоуглеродную трансформацию [7].

Можно согласиться с мнением российского политолога А.В. Бояркиной, что международные обязательства КНР в области экологии, готовность решать сложные задачи по охране окружающей среды, весь эколого-стратегический комплекс Си Цзиньпина дают основания полагать, что Китай и впредь будет придерживаться выполнения взятых обязательств и планов. Это характеризует страну

как важного и ответственного актора, готового нести ответственность и возглавлять многие процессы. Выдвинутая Си Цзиньпином концепция «экологической цивилизации» в известном смысле претендует на глобальный характер [8, с. 335].

28 сентября 2024 года член Политбюро ЦК КПК, министр иностранных дел Ван И принял участие в общих дебатах 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке и изложил позиции Китая по совершенствованию глобального управления.

Ван И отметил, что перед лицом нарастающих экологических проблем Китай неуклонно следует по пути зеленого, низкоуглеродного и устойчивого развития, за кратчайшие за всю историю сроки достигнет цели перехода от углеродного пика к углеродной нейтральности, прилагая активные усилия для содействия гармоничному сосуществованию человека и природы. Принцип общей, но дифференцированной ответственности должен соблюдаться, а Парижское соглашение должно быть на деле выполнено. По его утверждению, развитые страны должны помогать развивающимся странам укреплять их потенциал для борьбы с изменением климата. Ван И также заявил, что нельзя голословно говорить о противодействии изменению климата и одновременно подавлять зеленую промышленность в других странах, сдерживая темпы глобального устойчивого развития [9].

В контексте этих высказываний можно предположить, что Китай, принимая все более серьезные глобальные вызовы, никогда не остается в стороне, а наоборот принимает участие в глобальном управлении с беспрецедентной активностью. Китай предлагает поставить развитие во главу угла международной повестки дня, сосредоточиться на реализации Целей ООН по устойчивому развитию на период до 2030 года, увеличить вклад в развитие ресурсов и помочь развивающимся странам лучше справляться с различными рисками и вызовами.

Библиографический список

1. Личак Н.А., Арихина Н.С., Попов Р.И., Ермишин А.С. Значение философии в парадигме устойчивого развития // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 12. – С. 70-74.
2. Цай Чунышэн. Современные экологические технологии Китая // Цай Чунышэн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atominfo.ru/news/air1916.htm>.

В заключение можно сказать, что стратегия КНР в области устойчивого развития за последние годы была трансформирована. Инновационное и экологически чистое развитие стали путем экономических преобразований и модернизации Китая.

Китай придерживается новой философии устойчивого развития инноваций, координации, «зелености», открытости и обмена, а также ускоряет построение новой модели устойчивого развития с китайской спецификой. В целях эффективной работы издан Пекинский план действий по адаптации к изменению климата в соответствии с Национальной стратегией по адаптации к изменению климата до 2035 года и в целях строительства экологической цивилизации столицы и реализации стратегии «Зеленый Пекин». Решение проблемы изменения климата представляет собой общее направление глобального перехода к «зеленой» и низкоуглеродной экономике.

На сегодняшний день прослеживается интенсивный рост интереса развивающихся стран к уникальному опыту Китая в реализации Целей устойчивого развития, вследствие чего вопросы китайской инициативы «экологической цивилизации» становятся приоритетными на глобальном и региональном уровнях.

Для стран Центральной Азии может быть весьма полезен опыт Китая в достижении Целей устойчивого развития. Китай обладает технологическими, управленческими, производственными и другими преимуществами в области солнечной энергетики, ветроэнергетики, гидроэлектроэнергии и других отраслях, а также имеет возможность способствовать «зеленой» трансформации стран Центральной Азии. В частности, китайский опыт в области возобновляемой энергетики показал, что больше не нужно искать компромисс между энергетической безопасностью и развитием низкоуглеродной энергетики.

3. Генеральная Ассамблея ООН (2015). Резолюция от 25 сентября 2015 г. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (A/70/L.1). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.
4. Китай представил национальный план по реализации программы устойчивого развития ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0921/c31520-9117644.html>.
5. Сафронова Е.И. Концепция и практика устойчивого развития: взгляд из Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – № 3. – С. 18-35. – DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10016.
6. Отчет: уровень устойчивого развития Китая повышался на протяжении многих лет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.cgtn.com/news/2024-11-20/1859124505225629697/index.html>
7. Письменное интервью Посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэя ТАСС о развитии возобновляемой энергетики Китая/ 2024-07-02. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus./sghd/202407/t20240702_11446068.htm.
8. Бояркина А.В. Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 325-337. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-325-337.
9. Ван И. Вносить вклад Китая в совершенствование глобального управления. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202410/t20241003_11502535.html.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE CHINESE MODEL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

A.A. Tailakova, *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*

A.M. Sydykova, *Senior Lecturer*

International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The article examines the socio-philosophical aspects of China's sustainable development in the context of globalization. This aspect requires an ontological justification of national values and priorities of the sustainable development strategy. Chinese philosophy, represented by three systems – Confucianism, Taoism and Buddhism, plays an important role in this process, helping to understand the need for sustainable development and determine its basic principles and values. In the Chinese model of sustainable development, the environmental component unshakably comes to the fore. It is emphasized that in order to improve the effectiveness of the implementation of the National Strategies for Sustainable Development of the Central Asian countries, it is necessary to use the already accumulated ideas and experience in this area in China, which have already confirmed their practical significance and worldwide recognition.*

Keywords: *China; philosophy; sustainable development; globalization; ecological civilization.*

ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕРМИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ИНДУСТРИИ МОДЫ (КИТАЕЯЗЫЧНЫЙ СЕГМЕНТ)

А.А. Бадретдинова, соискатель¹, ведущий референт²

¹Государственный университет просвещения

²Управление внешнего взаимодействия, протокола и наград Московской областной Думы
(Россия, г. Красногорск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-90-95

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема трансформации терминологического аппарата индустрии моды в условиях глобальной цифровизации и визуализации коммуникативного пространства. Автором исследуется феномен поликодовости модных терминов, функционирующих на стыке вербального и невербального уровней передачи профессиональной информации. Основная цель работы заключается в выявлении структурно-семантических особенностей и коммуникативного потенциала поликодовых терминов в современном фэшн-дискурсе. Методологическую базу исследования составили структурно-семантический анализ, метод переводческого анализа и лингвистическая интерпретация. В результате исследования установлено, что современные термины моды все чаще представляют собой гетерогенные образования, где смысловая нагрузка распределяется между текстовым обозначением, цветовым кодом и графическим образом. Сделан вывод о том, что поликодовая природа профессиональной терминологической лексики обеспечивает максимальную точность передачи эстетических и технологических концептов, способствуя эффективной профессиональной и маркетинговой коммуникации. Полученные данные расширяют теоретические представления о когнитивных механизмах формирования терминосистем в креолизованных типах дискурса.

Ключевые слова: поликодовый термин; индустрия моды; фэшн-дискурс; мультимодальность; терминология; поликодовое единство; семиотика моды.

Настоящая статья посвящена исследованию структурно-семантических и функциональных особенностей поликодовых терминов, функционирующих в современном китаеязычном дискурсе индустрии моды. Актуальность работы обусловлена стремительной визуализацией специальной коммуникации и необходимостью систематизации терминоединиц, сочетающих различные структурные компоненты.

Результаты теоретического анализа литературы по проблематике исследования демонстрируют, что современный медиадискурс способствует размыванию границ между общегуманитарным осмыслением феномена моды и профессиональной коммуникацией в сфере индустрии моды, что в свою очередь порождает гибридные дискурсные форматы. Потребитель, описывая собственный гардероб, невольно воспроизводит *дискурсивные стратегии индустрии моды* – оценивает вещи с точки зрения их актуальности, цены, бренда, соответствия сезону, принадлежности к определенному стилю. Иными словами, ин-

дустрия моды не просто продает товары – она «колонирует» языковое сознание потребителя, навязывая ему определенные способы говорения о моде.

В условиях демократизации модной коммуникации грань между производителями дискурса индустрии моды и потребителями-создателями дискурса о моде размывается.

Так, Е.И. Ерпилова считает, что «дискурс моды» (также «модный дискурс») в целом представляет собой зонтичное явление, в рамках которого структурированы элементы иных видов дискурса: рекламного, медийного, искусствоведческого, психологического, социологического, исторического и др.

Дискурс моды вбирает в себя вербалику данных составляющих» [1]. Вычленение феноменологии дискурса индустрии моды обусловлено отсутствием единого подхода к определению границ данного феномена, сочетающего в себе прагматические установки медийного, рекламного и маркетингового дискурсов. Кроме того, это дискурс бизнес-

коммуникаций, предполагающий лексику бизнеса, маркетинга, пиар-продвижения и др.

Терминология моды охватывает широкий спектр понятий: от высокой моды (Haute Couture) и дизайнерских коллекций (Pret-a-porter) до стилистических направлений (Oversize, Normcore) и бизнес-процессов (Fast fashion). Основу составляют термины, описывающие силуэты, материалы, ткани, тренды и типы коллекций, часто использующие английские и французские заимствования в китайском языке.

Феномен Fashion 2.0 объективируется репрезентативным корпусом номинаций – модные показы, конференции, пресс-конференции, кинофестивали, фотовыставки, музеи моды, праздники шопинга, которые составляют бесконечное число новостных поводов для СМИ и транслируют как ценности

отдельных брендов, так и общую стратегию господства моды [2].

Проблему представляет разграничение дискурса о моде и дискурса индустрии моды, в связи с чем формируются две различные терминосистемы: терминосистема дискурса моды и терминосистема дискурса индустрии моды.

В ходе исследования применяются методы дискурс-анализа, лингвосомиотического описания и лексико-семантической классификации отобранного материала из профильных медиа-ресурсов КНР. Материалом исследования дискурса индустрии моды выступила современная выборка современных китайязычных глянцевого журналов 《时尚BAZAAR芭莎》, 《时尚北京》, 《瑞丽》 за период 2025-2026 гг.

Рис. Обложка китайязычного 《时尚BAZAAR芭莎》 (Harper's Bazaar)

С учетом цели исследования актуальным представляется *когнитивно-дискурсивное направление терминоведения*, предполагающее анализ термина в непосредственной связи с дискурсом, в котором он функционирует.

Результаты исследования

Анализ теоретической литературы по проблематике индустрии моды с позиции ее зарождения и становления, языковых особенностей текстов о моде, дискурса индустрии моды как объекта лингвистического моделирования показал, что дискурс индустрии моды – это специализированная система коммуникации, сфокусированная на бизнес-процессах, производстве, маркетинге и продажах одежды. Это язык B2B (бизнес-бизнес), направленный на создание коммерческой стоимости, управление трендами и аналитику рынка, в отличие от дискурса о моде, который интерпретирует эстетику и социальное значение. В противостояние могут вступать эстетические ценности и прагматические установки рынка модного сегмента.

Рассматривая «термин» в качестве языковой репрезентации и вербализованного продукта профессионального мышления и средства ориентации в профессиональной сфере, в отношении институционального дискурса индустрии моды в перспективе можно утверждать, что терминосистема индустрии моды по сути и природе будет являться профессиональной терминосистемой и представлять собой «языковой паспорт» профессионалов данной области. Так, терминология индустрии моды – это изменяющаяся и динамичная система лексики, включающая профессионализмы из области дизайна, маркетинговые термины и заимствования, обозначающие бренды, тип одежды, ткани, фасоны, функционирующие в фэшн-СМИ.

Терминология индустрии моды в рамках медийного дискурса на русском языке обнаруживает характерную особенность: «русскоязычные медиа-издания fashion-журналистики продолжают «пестрить» англоязычными тер-

минами-заимствованиями в формате транслитерации или непосредственных иноязычных вкраплений» [3].

Модель терминообразования [4] в материалах индустрии моды в китаеязычном сегменте предполагает формирование термина с привлечением способа заимствования. На фоне активных культурных, экономических и политических связей КНР в сфере индустрии моды данный тип образования термина становится все более распространенным в современном китайском языке. Кроме того, можно говорить о появлении совершенного способа заимствования в современном китайском языке – это частичное буквенные вкрапления в иероглифическом тексте, которые возникли под влиянием английского языка и появлении поликодового термина индустрии моды.

Дополнительным структурным фактором, оказывающим влияние на терминообразование и способы заимствования в китайский язык, служит, собственно, сама система письма. Система письма, в большинстве случаев используемая для записи китайских терминов индустрии моды характеризуется как морфосиллабическая, т.е. со строгим соответствием письменного знака и слогоморфемы, а также маркированием кросс-языковых заимствований [5].

При изучении поликодовых терминов проблема заключается в необходимости проведения структурно-семантического анализа и классификации лексических единиц смешанного типа, сочетающих в себе иероглифический компонент и англоязычное вкрапление или латинскую графику.

Так, выборка современных китаеязычных глянцевого журналов «时尚BAZAAR芭莎», «时尚北京», «瑞丽» за период 2025-2026 гг., которая позволила выделить следующие поликодовые термины китаеязычного медиасегмента (табл. 1).

Таблица 1. Термины-слова в китайском дискурсе индустрии моды, в т. ч. люксовой косметики и ювелирных украшений (на материале глянцевого журнала) (люксовый сегмент)

Бренд – поликодовый термин	Англоязычный/русскоязычный аналог
贝壳晚宴包 David Webb	Shell Evening Clutch David Webb/ Вечерняя сумочка «Ракушка» David Webb
彩色宝石手拿包 BVLGARI	Colored Gemstone Clutch BVLGARI/ Клатч с цветными драгоценными камнями BVLGARI
Tango 系列开口宽手镯 Pomellato	Tango Series Wide Open Bangle Pomellato / Широкий браслет с разъемом серии Tango Pomellato
Serpentine Tubogas 系列腕表 BVLGARI	Serpentine Tubogas Series Watch BVLGARI/ Часы серии Serpentine Tubogas BVLGARI
BELLE VIVIER 高跟鞋 Roger Vivier	BELLE VIVIER High Heels Roger Vivier/ Туфли на каблуках BELLE VIVIER Roger Vivier
螺旋圈状耳环	Spiral Hoop Earrings/Спиральные кольцевидные серьги
Jean Schlumberger 缎带迷你晚装手袋	Jean Schlumberger Ribbon Mini Evening Bag/ Миниатюрная вечерняя сумочка с лентой Jean Schlumberger
Iconica 系列彩宝镶嵌戒指	Iconica Series Colored Gemstone Ring /Кольцо с цветными камнями серии Iconica
飞行员眼镜 Chanel	Pilot Sunglasses Chanel / Солнцезащитные очки Pilot Chanel
DIOR 高级珠宝 ROSE DIOR PRE CATELAN 系列玫瑰金、钻石、粉色石英石双花戒指	DIOR Fine Jewelry ROSE DIOR PRE CATELAN Series Rose Gold, Diamond & Pink Quartz Double Flower Ring / Кольцо с двумя цветами из розового золота, бриллиантов и розового кварца серии ROSE DIOR PRE CATELAN высокой ювелирной марки DIOR
桃红色绒面革烫钻饰尖头高跟鞋 Jimmy Choo	Fuchsia Suede Crystal Embellished Pointed-Toe High Heels Jimmy Choo / Туфли на каблуках с «острым носом» из замши цвета фуксии с кристаллами Jimmy Choo
TOTME 吊坠 David Webb	TOTME Pendant David Webb / Подвеска TOTME David Webb
柠檬榨汁器三件套 Gohar World	Lemon Squeezer Three-Piece Set Gohar World / Набор из трех лимонодавок Gohar World
Miu Miu 徽标太阳镜	Miu Miu Logo Sunglasses / Солнцезащитные очки с логотипом Miu Miu

Основные результаты анализа демонстрируют, что англоязычные вкрапления выполняют не только номинативную, но и компрессионную функцию, способствуя лаконичности коммуникации.

Так, поликодовость становится устойчивой тенденцией развития китайской терминологии, трансформируя традиционную графическую систему языка и адаптируя её к международным стандартам кодификации знаний в индустрии моды.

Следует отметить, что некоторые названия брендов и термины индустрии моды в современном китайском языке функционируют в двух ипостасях: как фонетическое заимствование и как поликодовый термин.

К примеру: фонетическое заимствование 周仰杰 бренда Jimmy Choo параллельно существует в англоязычной версии в составе поликодового термина Jimmy Choo 冬季胶囊系列 = зимняя капсульная коллекция Jimmy Choo; Hermès 皮具艺术=ама仕皮具艺术 = искусство обра-

ботки кожи у Hermès; китайская версия бренда 祖玛珑 = Jo Malone祖 = Jo Malone.

Кроме того, поликодовые термины в китайском языке могут дважды включать в свой состав англоязычное вкрапление: Tango系列开口宽手镯Pomellato = Pomellato Tango Series Wide-Opening Bracelet/ Браслет с широкой застежкой из коллекции Pomellato Tango (табл. 1).

Заключение

Термин в контексте нашего исследования – это знак, выражающий понятие индустрии моды и формирующий терминосистему индустрии моды, реализованный в слове или словосочетании естественного языка и являющийся вербализованным результатом человеческого познания. Поликодовый характер термина индустрии моды – результат глобализации и следствие развития цифрового метаязыка.

Терминологическая лексика – это особый слой специально культивируемой лексики, поэтому он нуждается в систематическом пересмотре и ревизии не только внутри отдель-

ных национальных языков, но и в интернациональном плане. Термин – это своего рода «языковой паспорт» конкретного профессионального сообщества; в институциональных дискурсах для кодирования информации могут также применяться жаргонизмы, аббревиация и др.

Таким образом, в результате анализа выборки медиатекстов индустрии моды удалось обнаружить, что сознательное терминотворчество – характерная черта терминологического процесса: оно может приводить к различным последствиям в области терминосистем индустрии моды в китайском языке. Выяснено, что фонетическое заимствование и англоязычные вкрапления – один из продуктивных способов пополнения терминов индустрии моды в китаеязычном медиасегменте, которые образуют **поликодовые термины индустрии моды** (в китайском языке) при непосредственной письменной фиксации термина, что создает определенные трудности при переводе.

Изучение поликодовых терминов показало, что проблема заключается в необходимости структурно-семантического анализа и классификации лексических единиц смешанного типа, сочетающих в себе иероглифический компонент и латинскую графику.

Исследование позволяет выявить некоторые когнитивные механизмы формирования поликодовых терминов-номинаций, где иероглифический компонент вступает в синергию с латинскими аббревиатурами, цветовыми индикаторами и графическими символами. Результаты показывают, что использование

таких единиц в китайском сегменте индустрии моды обусловлено стремлением к языковой компрессии, с одной стороны, и глобализацией локального профессионального языка, – с другой стороны.

Феномен поликодности в терминосистеме современного китайского языка, обусловленный процессами глобализации и цифровизации коммуникации, приводит к трудностям при переводе с китайского языка на другие языки. Поликодовые термины представляют собой динамично развивающийся пласт лексики, требующий унификации в рамках лексикографической практики. Полученные данные вносят вклад в развитие теоретического терминоведения и китаистики в аспекте изучения взаимодействия различных знаковых систем.

Подчеркнем в этой связи доминирующую роль английского языка и изобразительного кода в верификации терминологического значения, что позволяет рассматривать поликодность как имманентное свойство современной фэшн-терминологии, обеспечивающее эффективность профессиональной коммуникации в условиях цифровизации и кросс-культурного взаимодействия.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением конкретных словообразовательных моделей при образовании терминов-единицы индустрии моды, используемых различными агентами модной коммуникации, с анализом трансформации дискурса индустрии моды в условиях цифровизации, с выявлением национальной специфики модного дискурса в различных культурах.

Библиографический список

1. Ерпилова Е.И. Язык дискурса моды // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 2 (57). – С. 67-98.
2. Грейвс, Л.Ф. Prada. История модного дома. – Москва: Эксмо, 2025. – 160 с.
3. Лобанова Т.Н. Терминология индустрии моды и языковые средства экспрессии в современном русском, китайском и английском языках / Бадретдинова А.А., Лобанова Т.Н., Дубяга А.А. /// Филология: научные исследования. – 2025. – № 7. – С. 93-107. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.7.74747. EDN: IIXBTL.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – Изд. 2-е, испр: и доп. – М.: КомКнига, 2009. – 256 с.
5. 服装服饰部位时尚术语/Hiroko Fukuchi&Nobuko Kazui著. – 台北市:MAAR-SHA Publishing Co., Ltd. 2021.176 页。

POLYCODE TERMS IN THE MODERN FASHION INDUSTRY DISCOURSE (CHINESE-SPEAKING SEGMENT)

A.A. Badretdinova, *Applicant*¹, *Leading Referent*²

¹State University of Education

²Department of External Relations, Managing, Protocol and Awards of the Moscow Regional Duma
(Russia, Krasnogorsk)

Abstract. *The article discusses the current problem of the transformation of the terminological apparatus of the fashion industry in the context of global digitalization and visualization of the communicative space. The author examines the phenomenon of polycode of fashionable terms functioning at the junction of verbal and non-verbal levels of professional information transmission. The main purpose of the work is to identify the structural and semantic features and communicative potential of multimodal units in modern fashion discourse. The methodological basis of the study was made up of structural and semantic analysis, the method of translation analysis and linguistic interpretation. As a result of the study, it was found that modern fashion terms are increasingly heterogeneous formations, where the semantic load is distributed between the text designation, color code and graphic image. It is concluded that the polycode nature of professional terminology ensures maximum accuracy in the transmission of aesthetic and technological concepts, contributing to effective professional and marketing communication. The data obtained expand the theoretical understanding of the cognitive mechanisms of the formation of terminological systems in creolized types of discourse.*

Keywords: *polycode term; fashion industry; fashion discourse; multimodality; terminology; polycode unity; semiotics of fashion.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ НА БАЗЕ РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА

М.В. Ерзенкина, старший преподаватель
Смоленский государственный университет
(Россия, г. Смоленск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-96-101

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению разноуровневых характеристик энергетических и информационных глаголов английского языка в речи. Выявляется противопоставление двух подсистем английской глагольной лексики (глаголы с энергетическими и информационными значениями), характеризуемых различными наборами семантических, морфологических, внешнедеривационных и синтаксических признаков.

Ключевые слова: разноуровневые характеристики; энергетические глаголы; информационные глаголы; семантические признаки; синтаксические признаки; морфологические признаки.

В данной работе рассматриваются разноуровневые характеристики английских глаголов с энергетическими и информационными значениями в речи с целью проведения сопоставительного анализа и выявления достаточно четко противопоставленных друг другу подсистем английской лексики с данными глаголами.

Эмпирической основой настоящего исследования послужил список глаголов в 2010 единиц, отобранных по методу случайных чисел из литературных текстов общим объемом в 1600 единиц [6, 7].

Каждому глаголу приписывалось наличие или отсутствие 60 признаков семантического, фонетического, морфологического, внешнедеривационного и синтаксического уровней.

Для оценки тесноты взаимосвязи между исследуемыми признаками данной работы был применен математический аппарат корреляционного анализа по критерию Пирсона [4]. Согласно [1] и [2], этот метод наиболее полно воспроизводит среднестатистические закономерности между сравниваемыми параметрами. Его ключевыми преимуществами также выступают наличие расчетной формулы для определения ошибки выборочности и возможность выявлять как положительные, так и отрицательные корреляции. Корреляционный критерий определяет диагностический статус признака через его соотношения со всеми остальными, что обеспечивает наибольшую системность.

В зависимости от направления (положительный или отрицательный знак) и тесноты связи, которая бывает «сильной», «слабой» или «нейтральной», все межпризнаковые корреляции делятся на пять типов:

- 1) сильно положительные;
- 2) слабо положительные;
- 3) нейтральные;
- 4) слабо отрицательные;
- 5) сильно отрицательные.

Наиболее выраженное противопоставление складывается между сильными положительными и сильными отрицательными корреляциями.

Для настоящей выборки рассчитываются релевантные значения корреляционных коэффициентов. Согласно критерию хи-квадрат, связь между признаками оценивается как сильная, если коэффициент по модулю достигает $|.12|$ или выше; при $|.08|$ до $|.09|$ фиксируется средняя связь; значения от $|.06|$ до $|.07|$ указывают на слабую связь. Показатели ниже $|.06|$ в рамках данного исследования считаются нерелевантными.

Согласно работам [4] и [5], семантические признаки сопоставляемых глаголов на уровне их значений делятся на два взаимно независимых типа: хроноструктурные и тематические. В данном исследовании анализу подвергнутся лишь тематические характеристики глагольной семантики, поскольку они напрямую отражают экстралингвистические свойства обозначаемых процессуальных референтов. Также статистические результаты были

получены путем компьютерной обработки данных по программе «Statistica 13.0».

В данной работе использована классификация английских глаголов, предложенная Г.Г. Сильницким [3]. Согласно данной классификации, глагольные значения были распределены по трем классам: онтологическому, информационному и энергетическому. В данной работе были рассмотрены два класса глаголов: энергетические и информационные.

К **энергетическому классу**, который передает различные физические состояния и превращения материальной энергии, относятся следующие подклассы:

- **движение**: carry, crawl, drift, dangle, go, hoist, march, move, run, rush, sprint, swing

- **местонахождение**: hang, inhabit, lay, lie, lurk, nestle, perch, put, rest, sit, stand, straddle

- **изменение формы**: bulge, bent, contract, cut, curve, curl, divide, expand, stretch, twist

- **физические процессы**: boil, burn, condense, dissolve, freeze, melt, solidify, sublime, thaw

- **физиологические процессы**: absorb, digest, die, grow, inflame, metabolize, pulse, secrete.

Информационные глаголы описывают, отображая в качестве основного компонента своих значений, различные виды переработки информации в психике человека и животных. К данному классу относятся глаголы со значением:

- **эмоционального состояния**: dread, delight, fear, fume, grieve, like, hate, panic, resent

- **интеллектуального/когнитивного восприятия**: correlate, deduce, infer, know, puzzle, remember, reflect, think

- **сенсорного восприятия**: discern, detect, gaze, hear, notice, sense, stare, see, touch

- **волевого состояния**: crave, desire, long (for), want, wish, insist, refuse, resolve

- **глаголы речи**: answer, articulate, ask, claim, respond, scream, shout, say, tell, write

- **глаголы семиотических отношений (выражающие определенные значения или психические состояния)**: denote, imply, mean, signify, sing, laugh, paint

СТАТИСТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ГЛАГЛОВ В ТЕКСТЕ

Энергетические глаголы характеризуются следующими статистически релевантными признаками:

I. Положительные корреляционные связи:

1) *односложность* |.06|

Например:

I shook my head. (Jonathan Coe "Ivy and Her Nonsense") [6]

A place by those rocks to nest in with our towels. (Helen Dunmore "You Stayed Awake with Me") [6]

His hand slid off the rail and up inside the jacket cuff. (Janice Galloway "The Bridge") [6]

2) *Future* |.06|

Например:

I'll just take the rubbish out first, she'd said. I'll fetch you a drink. (Helen Dunmore "You Stayed Awake with Me") [6]

If you ring the bell he'll slow down for you. (Adam Thorpe "The Glow") [6]

If she's staying, Alice will take your coat off and eat with her children. (Rachel Seifert "Reach") [6]

3) *утвердительная форма* |.07|

Например:

It ran to the fire. (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

Rosamund lifted out friable back records in brittle brown sleeves and laid them on the carpet. (Shena Mackey "Heron Cottage") [6]

Halfway through the meal, Parvez suddenly lost his temper and threw a plate on the floor. (Hanif Kureishi "My Son the Fanatic") [6]

4) *интранзитивность* |.08|

Например:

One day, I thought, I'd swim so far that he'd miss me and sit up, shading his face to see where I was. (Helen Dunmore "You Stayed Awake with Me") [6]

We went in and out of each other's doors the whole time. (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

They sat down, put their feet on the footrest and nodded at him. (Ruth Rendell "The Professional") [6]

5) *Continuous* |.09|

Например:

She was putting the cigarettes and the lighter back in the bag now, and no-brain that she was, leaving the flap hanging open. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

We'd look up where the sky was darkening, and the first stars were coming out, first one then

more and more, thickening over the sky. (Helen Dunmore "You Stayed Awake with Me") [6]

I was standing in the corridor just outside the sitting room as he came through the front door. (Kate Pullinger "My Mother, My Father, and Me") [6]

6) *Participle* |.12|

a) *Participle I* |.08|

Например:

The wind, blowing in wild, unpredictable gusts, carried the noise of traffic from the distant M54... (Jonathan Coe "Ivy and Her Nonsense") [6]

I try to picture all the cells of my body settling, not fighting one another till they are red and roaring with pain. (Helen Dunmore "You Stayed Awake with Me") [6]

Tracks of birds, suck of crabs digging down backwards into their holes as we came. (Helen Dunmore "You Stayed Awake with Me") [6]

b) *Participle II* |.14|

Например:

We would proceed at caution across the yard, my hand plunged deep into the ruff of bristly fur at the back of his neck. (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

He grabbed my hair with his hand, wrenching my head to one side, ..., my back curved unnaturally. (Kate Pullinger "My Mother, My Father, and Me") [6]

The nurses held Kim's body curled and still and Alice watched. (Rachel Seifert "Reach") [6]

7) *перенос значений* |.21|

Например:

The thought had begun to come to him that if he went on like this he could die. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

Why think of it? Why let it all run round in her head? (Ruth Rendell "Portobello") [7]

8) *обстоятельство*: |.23|

Например:

It raced in a circle and bit chunks out of the air. (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

I squatted on the floor next to him, so my great size wouldn't intimidate him. (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

Without attempting to sneak into the old woman's house, he walked boldly up to the side gate... (Ruth Rendell "Portobello") [7]

9) *последок* |.32|

Например:

I leaned back against the door as we kissed. (Kate Pullinger "My Mother, My Father, and Me") [6]

I went down stairs in my spotted pyjamas, the legs rolled up above the knee... (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

She opened the front door and the stranger took off his hat, revealing thick silver hair. (Shenna Mackey "Heron Cottage") [6]

II. Отрицательные корреляционные связи:

Важно подчеркнуть: отрицательное значение корреляции говорит о том, что энергетические глаголы с определенными признаками встречаются реже, однако это вовсе не означает принципиальной невозможности их совместного использования. В связи с этим в настоящей работе приводятся примеры, в том числе и для демонстрации случаев отрицательной корреляции.

Выявлены следующие отрицательные коэффициенты у энергетических глаголов по соответственным характеристикам:

1) *прямая речь* |-.23|

Например:

Parvez shrugged: "I know." (Kate Pullinger "My Mother, My Father, and Me") [6]

He shook his head ruefully: "Hell is beautiful, you know..." (Ruth Rendell "Portobello") [7]

2) *придаточное дополнительное* |-.16|

Например:

He drank what he liked. (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

3) *личные формы* |-.08|

a) *Present* |-.15|

Например:

When you come back we'll talk about how you got into this and how you're going to handle it... (Ruth Rendell "Portobello") [7]

They stop talking and listen harder, but the cracking has stopped and Sarah goes back to her Margaret Atwood while Paul nuzzles her shoulder. (Nick Hornby "Faith") [6]

b) *Indefinite* |-.12|

Например:

He sat on a wall and counted the money, just as he had done when he plundered the American woman's handbag. (Ruth Rendell "Portobello")

He wandered down Bevington Road, pausing first to drop the wallet into a bin... (Ruth Rendell "Portobello") [7]

4) *вводная конструкция* |-.10|

Например:

Lying on his bed, he gave himself up to thoughts of Gemma. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

5) *косвенное дополнение* |-.08|

Например:

She put out both hands and clung to his arm but he loosened her grip with her free hand, finger by finger. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

So she moved into a friend's place, fell in love with the friend's brother, moved out of the friend's place... (Nick Hornby "Faith") [6]

6) *отрицательная конструкция* |-.07|

Например:

Lance didn't stay to see what happened next. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

They don't stop if it's too delayed. (Adam Thorpe "The Glow") [6]

No washing hung there and the chairs had been taken indoors. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

7) *изъявительное наклонение* |-.06|

Например:

He lay back and closed his eyes, wondering why human beings have the ability to shut off their vision... (Ruth Rendell "Portobello") [7]

Alice gets a clean towel from the shelves at the back and then plugs in a dryer, sets to work. (Rachel Seiffert "Reach") [6]

СТАТИСТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЕКСТЕ

Для английских глаголов с информационным значением характерны следующие статистически релевантные признаки:

I. Положительные корреляционные связи:

1) *многосложность* |.07|

Например:

When she contemplated the empty shelves, Ella made up her mind that the books that had filled them were lost to her forever. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

The manager complains bitterly of "being rail-roaded by lunatics"... (Nick Hornby "Faith") [6]

2) *членимость (наличие аффиксов)* |.08|

Например:

He moved off towards the corner when he saw who was coming, though not before Uncle Gib had recognised him as Feisal Smith. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

She persevered. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

3) *личные формы* |.07|

a) *Present* |.09|

Например:

"You sound like Dr Peacock," he said. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

b) *Past* |.09|

Например:

While Ali talked, Parvez looked out of the window as if to check that they were still in London. (Hanif Kureishi "My Son the Fanatic") [6]

c) *Indefinite* |.09|

Например:

When my mother saw the neighbours leaning over the larch-lap, imparting gardening tips, she thought they were talking about Mike. (Hilary Mantel "Destroyed") [6]

4) *изъявительное наклонение* |.08|

Например:

She heard footsteps, like an old man shuffling in slippers. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

I was still reading when Mr A entered the room. (Robert Harris "PMQ") [6]

5) *вводная конструкция* |.09|

Например:

Probably not knowing what answer to give, the woman said, "Oh, dear." (Ruth Rendell "Portobello") [7]

Watching his face burn, blacken and vanish, I made a prayer to my newly acquired God that he would never visit us again. (Jonathan Coe "Ivy and Her Nonsense") [6]

6) *косвенное дополнение* |.09|

Например:

He glowered at her as if she had committed some serious social solecism and took a pair of sunglasses out of the table drawer. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

Ella called out to him as he let himself into the house. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

7) *придаточное дополнительное* |.11|

Например:

Paul wishes that he followed sport more often. (Nick Hornby "Faith") [6]

She noticed that he walked slowly and his hand trembled when he set her glass down. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

8) *прямая речь* |.17|

Например:

"Was there anything missing?" Eugene asked. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

"Football," he mouths at her. (Nick Hornby "Faith") [6]

II. Отрицательные корреляционные связи:

1) *послелог* |-.26|

Например:

He stared at her, pushed one hand through his greasy hair. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

He'd never once look after the bus as it strained up the hill and out of sight... (Adam Thorpe "The Glow") [6]

Sarah looks at him and shakes her head pityingly. (Nick Hornby "Faith") [6]

2) *перенос значений* |-.17|

Например:

My mother had been born in that room, and the room seemed to know all the secrets that... (Helen Dunmore "You Stayed Awake with Me") [6]

3) *обстоятельство* |-.17|

Например:

Lance asked hopefully if he could have an egg. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

She has never managed to explain properly to anybody, not even herself, what happened in the days following the purchase of Roy Keane. (Nick Hornby "Faith") [6]

4) *Future* |-.10|

Например:

Well, when you come back we'll talk about how you got into this... (Ruth Rendell "Portobello") [7]

Then he will understand that there are other beliefs. (Hanif Kureishi "My Son the Fanatic") [6]

5) *Participle* |-.10|a) *Participle I* |-.10|

Например:

He began, speaking rapidly, giving the impression that... he had rehearsed the telling over and over very thoroughly. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

She sat quite still, feeling a kind of despair. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

b) *Participle II* |-.11|

Например:

It may be that I was rendered temporarily unconscious by my descent. (Robert Harris "PMQ") [6]

6) *Continuous* |-.08|

I'm only asking what you think I ought to do. (Ruth Rendell "Portobello") [7]

7) *односложность* |-.07|

Например:

Lucy saw that he was a straight-backed, vigorous-looking man. (Shena Mackey "Heron Cottage") [6]

Таким образом, английские глаголы с энергетическими и информационными значениями на речевом материале имеют следующие разноуровневые признаки:

Таблица 1

Признаки	Энергетические глаголы (коэффициент корреляции)	Информационные глаголы (коэффициент корреляции)
1. Прямая речь	-.23	.17
2. Придаточное дополнительное	-.16	.11
3. Present	-.15	.09
4. Indefinite	-.12	.09
5. Вводная конструкция	-.10	.09
6. Личные формы	-.08	.07
7. Косвенное дополнение	-.08	.09
8. Изъявительное наклонение	-.06	.08
9. Односложность	.06	-.07
10. Future	.06	-.10
11. Participle I	.08	-.10
12. Continuous	.09	-.08
13. Participle	.12	-.10
14. Participle II	.14	-.11
15. Перенос значений	.21	-.17
16. Обстоятельство	.23	-.17
17. Послелог	.32	-.26

Таким образом, релевантно положительные признаки энергетических и информационных глаголов классифицируются в следующей

нисходящей последовательности их корреляционных показателей:

1) *энергетические глаголы*: послелог |.32|, обстоятельство |.23|, перенос значений |.21|,

Participle II [.14], Participle I [.12], Continuous [.09], Participle I [.08], Future [.06], односложность [.06];

2) *информационные глаголы*: прямая речь [.17], придаточное дополнительное [.11], Present [.09], Indefinite [.09], косвенное дополнение [.09], вводная конструкция [.09], изъявительное наклонение [.08], личные формы глагола [.07].

Итак, выполненное исследование позволяет заключить, что в речи энергетические и информационные глаголы четко противопоставлены друг другу, образуя два резко контрастирующих между собой глагольных класса, каждый из которых обладает определенным набором признаков, относящимся к различным языковым уровням.

Библиографический список

1. Андреев С.Н. Статистические меры связи качественных признаков. – В кн.: Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке. АН Белорусской ССР. – Минск, 1990. – С. 21-34.
2. Сильницкий Г.Г., Андреев С.Н., Кристаллинский Р.Е., Кузьмин Л.А. О некоторых математических методах классификации лексических единиц и их признаков. – В кн. Проблемы словообразования в английском и немецком языках. – Смоленск, 1982. – С. 5-19.
3. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке. – Смоленск, 1986.
4. Семантика английского глагола в соотношении с признаками различных языковых уровней // Сборник трудов / Под ред. Сильницкого Г.Г. – Смоленск, СГПИ, 1988. – 127 с.
5. Статистическое исследование разноуровневых признаков английского глагола // Отв. ред. Г.Г. Сильницкий. – Смоленск, 1987. – 149 с.
6. New Book of Contemporary British Stories. – Published by Perspective Publications, Oxford OX2 6UE, England, 2005.
7. Ruth Rendell. Portobello. – Published by Arrow Books 2009.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MULTI-LEVEL CHARACTERISTICS OF ENGLISH ENERGY AND INFORMATION VERBS BASED ON SPEECH DATA

M.V. Erzenkina, *Senior Lecturer*
Smolensk State University
(Russia, Smolensk)

Abstract. *The article is devoted to a comparison of multi-level characteristics of English energy and information verbs in speech. It identifies the opposition of two subsystems of English verbal vocabulary (verbs with energy meanings and verbs of information meanings), which are characterized by different sets of semantic, morphological, derivational and syntactic features.*

Keywords: *multi-level characteristics; energy verbs; information verb; semantic features; morphological features.*

ПОЭТИЧЕСКАЯ НАХОДКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ В МОЛОДЕЖНОМ И МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ КЫРГЫЗСТАНА

Маматжан уулу Мелис, аспирант
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-102-107

Аннотация. В статье подробно анализируются художественные находки в стихах молодых поэтов, в которых ярко и наглядно раскрываются внутренний мир человека, его душевные переживания, печаль, а также различные состояния поэтического настроения. Для поэта любовь – это не только радость, не просто весёлая жизнь, не образ поющего соловья или пышно цветущих цветов, таких как астра, магнолия, роза, и не только бурное счастье, смех и веселье, а прежде всего – высшее испытание человеческой жизни, что раскрывается через поэтические тексты. Это является попыткой поднять любовную лирику на новый качественный уровень. Поэтому поэт отвергает легковесные, поверхностные, пустые чувства, не достойные высокого звания человека, и возвышает чистые, искренние, благородные чувства. На основе анализа стихотворений молодых поэтов С. Акматбековой, Г. Шакировой, Ф. Абдаловой, А. Узаковой, Жыпар Арыковой, Назгуль Осмоновой, Нарсулуу Гургубаевой проводится широкое исследование поэзии кыргызской молодёжи, в том числе поэзии мигрантов.

Ключевые слова: лирический герой; чувственность; эстетическое чувство; индивидуальность; интеллектуальная поэзия; лирическое настроение; поэтизация; внутренние переживания; тоска.

Начиная с 1970-х годов, в кыргызской поэзии, в частности в творчестве С. Акматбековой, усиливается тенденция к исследованию внутреннего мира человека, к умелому использованию психологизма в стихах, к его внедрению.

Формируется новый тип лирического героя, обладающий медитативным настроением, глубокой чувствительностью и эмоциональной насыщенностью.

В настоящее время кыргызская медитативная лирика, хотя и в определённой степени, продолжает развиваться. Особенно это заметно в поэзии Жыпар Арыковой, Назгуль Осмоновой, Нарсулуу Гургубаевой. Например, в книге Жыпар Арыковой «Жан муза»:

Твоя звезда горит, улыбка ранит сердце,
Прошу согреть — но душу не дели на части.
Как чистый родник, струящийся вниз по
склону,
Душа, ища тепла, к тебе одной стремится.
Невинной птице весна тепла не дарит,
Чувства льются дождём, как сжатые холодные
тучи.
Если вдруг, споткнувшись, упаду перед то-
бой,

Поддержишь ли, душа, птицу, тоской изну-
рённую?

Твои глаза меня видеть уже не хотят,
Что мне делать, родная — таково моё чувство.
Чёрная земля примет меня, и я исчезну,
Разбит, как глиняный сосуд — вот моё состоя-
ние.

(здесь и в последующих стихах применяется
свободный перевод с кыргызского языка на
русский)

Как видно из стихотворения, здесь реализован приём «рисования словом». Ж. Арыкова сумела посредством слова передать печальные состояния человеческой души, поэтизировать боль утраченной любви. Подобное настроение в её лирике постоянно обновляется. Поэтесса мастерски раскрывает внутренние колебания души, различные состояния — радость или печаль — в рамках медитативной лирики. Известный литературовед Т. Аскарров отмечает: «...Мысли и душевные состояния поэтессы передаются средствами художественной поэзии. Чистота и высота поэтического мастерства, скрытого в этих произведениях, не только покоряет читателя, преданного поэзии, но и привлекает даже того, кто не

всегда склонен доверять критическим суждениям, более того — неизбежно удовлетворяет его эстетическое чувство. Творческий дар, способность к поэтическому созиданию органично сочетаются с гражданским мировоззрением автора, образуя гармоничное единство. Через данный цикл стихотворений автору удалось точно донести мысль о том, что испытания судьбы можно преодолеть. По сути, этот поэтический цикл является художественным эквивалентом данной идеи, её образным выражением» [1].

Действительно, поэтесса не только передаёт внутренний мир человека, но и создаёт художественный образ. Однако она не создаёт образ наивной девушки, которая влюблена, воспринимает всё как прекрасное и не может насытиться восхищением миром. Напротив, в её поэзии чаще встречаются внутренние переживания, размышления о жизни, философские рассуждения. В стихах отражаются не конкретные жизненные картины, а внутренние волнения, светлые и печальные состояния, утраченная любовь, жизненные страдания и невозможность освободиться от них. В её поэзии ощущается внутренний мир женщины, проявляется умение понимать чувства, бережно относиться к ним, выражать чистое, искреннее чувство. Такая особенность проявляется в том, что она ставит вопросы о смысле жизни и судьбе, размышляет над ними и ищет ответы, выражая это через лирические строки. Иначе говоря, поэтесса раскрывает своё личностное и творческое мышление, показывая, каким человеком и каким поэтом она является. Мы отмечали, что стиль Ж. Арыковой отличается от других поэтов, как и её судьба. В настоящее время она переживает тяжёлые жизненные испытания, сталкивается с трудной, полной страданий реальностью, и даже близкий человек не смог стать для неё опорой:

Я теперь по другой дороге ухожу,
Чувства разошлись, стали разными.
Ты испугался — как бы не обжечься огнём,
Прощай, родная, ко всему привыкает жизнь.
Я не стану цветком в твоём дворе, не прижившимся,
Не стану тревожить чувства, не причину боли.
Твоя рука не дотянется, чтобы согреть мою,

Прощай, родная, я больна тобой.
Прощай, родная, мы не станем любовью,
Не разгоримся, как огонь очага.
Не зацветём вместе в саду, не улыбнёмся,
Не соприкоснёмся, как утренний ветер...

Из этих строк видно, что, несмотря на вынужденное состояние тоски и подавленности, автор не перестаёт искать выход из темноты и безысходности. Силой внутреннего мира и душевных переживаний ей удастся преодолеть минуты тяжёлых раздумий и суметь справиться с временными жизненными трудностями, что передано с помощью выразительных художественных средств. То, что в трудные моменты рядом не оказалось человека, которого она считала близким, ясно прослеживается уже в строках: «ты испугался, как бы не обжечься огнём». При этом в стихах не наблюдается пессимистического настроения, отсутствует унылый, безнадёжный взгляд на жизнь, лишённый веры в будущее. Напротив, в них присутствуют глубокие поэтические размышления, насыщенные эмоциональностью, чистотой чувств и богатством образного мышления. Автор показывает, что в жизни часто соседствуют противоположности — добро и зло, героизм и трусость, искренность и лицемерие. При этом подчёркивается, что чем выше стремятся чистые, благородные цели человека, тем сильнее проявляются противостоящие им негативные человеческие качества, мешающие добрым намерениям, омрачающие душу и открывающие путь зависти и низости. В стихах Ж. Арыковой несложно заметить мотивы, связанные с её личной судьбой. Здесь без прикрас и смягчений переданы жизненные уроки, глубоко затронувшие её внутренний мир.

Для поэта любовь — это не просто радость, не беззаботная жизнь, не образ поющего соловья или цветущих растений (астра, магнолия, роза), и не только счастье, смех и веселье, а прежде всего высшее испытание человеческой жизни. Это является попыткой поднять кыргызскую любовную лирику на новый качественный уровень. Поэтому поэт отвергает поверхностные, легковесные чувства и возвышает чистое, искреннее чувство. Подобный способ поэтического выражения характерен для многих современных поэтов, особенно поэтесс. С. Акматбекова, Г. Шакирова,

Ф. Абдалова, А. Узакова и другие часто обращаются к теме собственной судьбы. Эту традицию продолжают и представители нового поколения – Н. Осмонова, Н. Гургубаева и другие. У Н. Осмоновой данный подход реализован особенно ярко. Например, в стихотворении «Аптаптагы кусалык» художественно исследуются глубинные тайны внутреннего мира человека, сложные противоречия человеческого бытия, что формирует лирику, требующую от читателя определённой интеллектуальной подготовки:

В этом мире, полном гнёта и тесноты,
Зачем моей душе всё это нужно?
Тоска, что тайно изнутри меня съедает –
Почему я не могу найти её причину?
Одиночество, заставляющее душу дрожать,
Откроет ли мне смысл жизни?..

Или в стихотворении «Бук»:

Не могу, как птица, расправив крылья, взлететь,
Не могу свободно чертить линии в небе.
Не живу по-настоящему, как человек,
Но и не устаю от этой пустой жизни.
Сам удивляюсь тому, как живу,
Хотя душа моя давно уже устала,
И нет ни одного, кто смог бы её утешить.

В этих стихах отчётливо ощущаются судьба автора, его жизненный путь. В подобных произведениях раскрываются мотивы печали, непростой судьбы, а также то, что поэт на протяжении всей жизни не может забыть любимого человека и хранит его в своей памяти.

Наступили дни, когда зима берёт власть,
Звуки серебряной осени подошли к концу.
Стоят, не выдавая себя, вытянувшись,
Стройные деревья моего Бишкека.
В этот вечер, дорогая, я думал о тебе,
Грудь переполнена не вмещающимся вдохновением.
Возможно, ты вспоминала меня с любовью,
А может, я давно исчез из твоей памяти...
Уже много лет я встречаю осень в одиночестве,
Не насыщаясь её золотой красотой.
Пока я тосковал по тебе,
Я так и не узнал, о чём думала ты.

Какое бы стихотворение поэта мы ни читали, на первый план выходят темы утраченной любви, сожаления, тоски, ожидания, одиночества, а также боль, вызванная тяготами повседневной жизни, духовной слабостью человека, внутренним опустошением и печалью. Поэт через символику раскрывает внутреннюю пустоту души, невосполнимую утрату, ушедшую безвозвратно молодость, а также переживания, связанные с утраченной любовью.

Если ты – море, и волны твои плещутся,
Мой любимый не смог принять меня в свои объятия.
Остыв среди забот повседневной жизни,
Не потеряли ли мы оберег любви?
Слова умерли в груди, в душе,
Я вздрагиваю, когда вижу твоё письмо...
(Все стихотворения взяты из первой части сборника «Жаш акындар жыйнагы», 2017 г.)

Подобные стихотворения позволяют убедиться в том, что поэт, раскрывая внутренний мир лирического героя, его чувства и отношение к жизни, показывает жизненную правду и человеческий характер. Подобное настроение и художественный приём широко встречаются и в поэзии Н. Осмоновой. В её стихах ярко проявляется двойственность человеческой природы – сосуществование положительных и отрицательных качеств, добра и зла. Это особенно заметно в следующих строках:

«Твоё чувство остыло и словно застыло,
Ты остался прежним, не изменившись,
Ты подошёл ко мне, словно враг,
Не упрекай, что когда-то говорил о любви,
Знай – та любовь давно угасла,
Мы с тобой – два разных человека,
Не вспоминай, развей огонь своей души».

Как было отмечено выше, невозможно не остановиться на творчестве одной из ярких представительниц кыргызской мигрантской поэзии – талантливой поэтессы Н. Гургубаевой. Поэтесса на протяжении многих лет живёт и работает за рубежом, одновременно активно занимаясь творчеством. Известно, что в годы независимости значительное число молодых людей отправились за границу: одни –

для получения образования, большинство же – из-за жизненных трудностей и безработицы – в Казахстан, Россию, Турцию и другие страны. Среди них и Н. Гургубаева, которая проживает в Москве и получила образование в Литературном институте имени М. Горького. Её поэтические сборники «Кёз мончок» и «Алыстагы ак жарык» увидели свет. Находясь за рубежом, Н. Гургубаева стала известной кыргызской общественности благодаря своим самобытным стихам и создаёт произведения, высоко оценённые литературоведами. Она бережно относится к слову и поэзии, отражая в своих стихах собственную судьбу, то есть судьбу мигрантов:

Без смеха, без горечи, без слёз,
Провожу дни – без тебя, без них, без всех,
Живу в городе, где невозможно жить,
Без зонта, без дома, без денег...

Каждое слово в этих строках наполнено смыслом и образно передаёт пережитую поэтом реальность. В этих четырёх строках, словно, заключена целая человеческая судьба. В стихотворении «Груз-200» из сборника «Алыстагы ак жарык» раскрывается жизнь мигрантов, причины их отъезда за границу:

Что привело тебя сюда,
Где проливается кровь и отнимается жизнь?
Какой замысел вёл тебя за собой?
О мой росток, колеблющийся от ветра,
Ты ещё не укоренился в старом саду...

В этих строках мы видим, как молодые люди, подобно неокрепшим саженцам, вынужденно приезжают в поисках работы, подвергаясь ударам судьбы. Какая участь их ждёт впереди – неизвестно. Поэтесса, наблюдая различные судьбы за границей, посвящает это стихотворение «соотечественникам, погибшим на чужбине, тем, кто лишил их жизни, и тем, кто допустил это».

Виновен ты – но власть имущие, богатые,
И знатные люди этого не осознают.
...Счастливы те, кто не видел собственного горя,
И низкое принимают за высокое...
Груз-200... Сто? Двести? Может, тысячи...
Проклятый, какой ты по счёту гроб?

Чья сейчас внезапно оборвалась радость,
Для кого погасло солнце?..

В этом стихотворении, насыщенном метафорическими средствами, поэтесса рисует перед глазами читателя картину трагической и сложной судьбы тысяч мигрантов.

Общей темой для всех мигрантских поэтов является тоска по родине, чувство ностальгии и привязанности к родной земле.

Как трудно писать о расстоянии,
Ещё труднее – говорить издалека.
Среди множества, словно одинокий цветок,
Живи, Родина моя, со своей болью...

В этих строках Н. Гургубаева показывает, что, находясь вдали, часть её сердца остаётся на родине. Чувство тоски не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается, постоянно тянет её к родной земле. Говорят, что у поэта должна быть судьба. Современные молодые поэты-мигранты, сталкиваясь с различными жизненными испытаниями, осмысливают их на уровне общечеловеческих ценностей и продолжают творческий поиск. В соответствии с требованиями времени создаются сложные, многослойные произведения. Немало и тех, кто, переводя мировую литературу и испытывая её влияние, создаёт качественные поэтические тексты. Среди них особое место занимает ещё одна поэтесса-мигрант – Нуриза Өмүрбаева, обладающая уникальным авторским стилем. Она также окончила Литературный институт имени М. Горького, является профессиональным специалистом с теоретической подготовкой и уже несколько лет живёт и работает в Турции.

Я не выросла и не родилась в этом краю,
Что даёт и что отнимает этот путь?..
Как ветер чужой земли шумят дни,
Унося мою молодость...

Несмотря на жизненные трудности, поэтесса стремится сохранить чистоту человеческой сущности и поэтического сердца, что видно из следующих строк:

Я много страдала... такова судьба,
Очистись от воспоминаний, возродись вновь.
Утром нас ждёт Тверской бульвар,

Пусть сердце стремится к величию.

Подобные размышления могут исходить только из подлинного поэтического сердца. Стремление к чистоте – это не просто личное усилие, а призыв ко всему человечеству к добру. Это качество в полной мере присуще поэзии Нуризы Омурбаевой. Анализируя её отношение к поэзии и индивидуальность, писатель С. Раев охарактеризовал её творчество как «естественную интеллектуальную поэзию».

Рассматривая мигрантскую поэзию, невозможно не отметить и творчество талантливого поэта Байзака Толукбека. Он на протяжении многих лет работал в сфере логистики в Стамбуле, в настоящее время проживает в Москве. Автор поэтического сборника «Көчмөн дүйнө», в который вошли его произведения разных лет на различные темы – жизнь, любовь, родина, жизнь за границей, тоска и ностальгия. Этот сборник также свидетельствует о его поэтическом мастерстве.

Я пришёл к тебе ещё юнцом,
Теперь вернусь уже с бородой,
Я отдал тебе свою молодость,
Я отдал тебе своё опьянение,
Я отдал тебе кусочек своего тела,
Я оставил тебе часть своей души,
И этого тебе оказалось мало,
Ты сказала: напиши дастан, напиши,
Ты расцвела передо мной прекрасной,
Словно шербет, сладко манила вкусом,
Эх, старый Стамбул!

В стихотворении «Стамбул» заметно влияние турецких поэтов, что проявляется в ритме и художественной манере изложения.

Кроме того, в произведении отражено, что вся молодость поэта прошла за границей, и вместе с тем выражается благодарность прожитым годам. Можно отметить, что Байзак Толукбек раскрывается как поэт также и через любовную лирику:

А ты, красавица,
Тогда для меня
Пела любовные стихи напрасно.
Прости, если скажу тебе правду прямо:
Ты сладка, как мороженое,
Но так же холодна...

Какая удачная находка! В данном антитестическом образе поэт с помощью слова «мороженое» раскрывает характер лирического героя с двух сторон, усиливая эмоциональность мысли и повышая художественную выразительность произведения.

Подводя итог, можно отметить, что произведения вышеупомянутых поэтов отражают актуальные проблемы современности и оказывают влияние на нравственные, социальные, общественно-политические и культурные аспекты жизни, а также на различные сферы человеческого существования. Действительно, лирическая поэзия перечисленных поэтов-мигрантов отличается оригинальностью, актуальностью идей и тем, глубиной патриотического духа и оказывает сильное эстетическое воздействие на читателя. Как отмечается в теории литературы: «В лирике отсутствует объективное повествование; она невелика по объёму, однако иногда способна передать масштабное событие в форме краткого стихотворения. Содержание лирики – это интенсивный момент, напряжённое переживание, размышление; отношение героя к происходящему во внешнем мире выражается только через его слово, иначе передать содержание невозможно» [2].

Таким образом, несмотря на небольшой объём, лирика раскрывает мировоззрение автора и его понимание мира. В то же время складывается впечатление, что некоторые современные молодые поэты стремятся передать это через механическое «сочинение строк», формальное построение стихов. В качестве примера можно привести некоторые произведения из сборника «Антология поэзии мигрантов» (2021 г.).

Библиографический список

1. Аскарров Т. Поэзиянын күнү бүтүбү? // сайт «Кыргыз маданият борбору», 15 апреля 2017 г.
2. Асакеева Д.Ж. Теория литературы. — Бишкек, 2016.

A POETIC FIND AS A REFLECTION OF NEW AESTHETIC IDEALS IN THE YOUTH AND MIGRATION DISCOURSE OF KYRGYZSTAN

Mamatzhan uulu Melis, *Postgraduate Student*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article analyzes in detail the artistic finds in the poems of young poets, which vividly and vividly reveal the inner world of a person, his emotional experiences, sadness, as well as various states of poetic mood. For the poet, love is not only joy, not just a cheerful life, not the image of a singing nightingale or luxuriantly blooming flowers such as asters, magnolias, roses, and not only stormy happiness, laughter and fun, but above all, the highest test of human life, which is revealed through poetic texts. This is an attempt to raise love lyrics to a new qualitative level. Therefore, the poet rejects frivolous, superficial, empty feelings that are not worthy of the high title of a person, and exalts pure, sincere, noble feelings. Based on the analysis of the poems of young poets S. Akmatbekova, G. Shakirova, F. Abdalova, A. Uzakova, Zhypar Arykova, Nazgul Osmonova, Narsulu Gurgubayeva, a broad study of the poetry of Kyrgyz youth, including the poetry of migrants, is conducted.*

Keywords: *lyrical hero; sensuality; aesthetic feeling; individuality; intellectual poetry; lyrical mood; poetization; inner feelings; longing.*

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВНЫХ СТРАНИЦ САЙТОВ)

О.А. Попова, магистрант

Научный руководитель: И.А. Сафонова, канд. филол. наук, доцент

Волгоградский государственный университет

(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-108-113

Аннотация. В статье рассматривается специфика использования оценочной лексики как ключевого инструмента формирования привлекательного имиджа учреждений среднего профессионального образования в интернет-пространстве. Актуальность исследования обусловлена высокой конкуренцией на рынке образовательных услуг и недостаточной изученностью веб-дискурса колледжей по сравнению с университетскими порталами. На материале текстов главных страниц сайтов российских колледжей выделены основные лексико-семантические группы оценки, ориентированные на целевую молодежную аудиторию (оценка качества обучения и статуса учреждения, оценка карьерных перспектив и профессиональной востребованности, оценка материально-технической базы и комфортности образовательной среды, оценка ценностных ориентиров абитуриента). Описаны части речи, используемые для выражения оценки, с доминированием качественных прилагательных и существительных. Особое внимание уделяется механизмам эксплицитного и имплицитного речевого воздействия.

Ключевые слова: оценочная лексика; интернет-дискурс; имидж образовательного учреждения; веб-сайт; среднее профессиональное образование (СПО); речевое воздействие.

В эпоху цифровизации и трансформации рынка образовательных услуг официальный веб-сайт учебного заведения перестает быть исключительно справочным ресурсом и трансформируется в главное конкурентное преимущество и виртуальную «визитную карточку», от качества которой напрямую зависит решение потенциального абитуриента. Особую значимость этот процесс приобретает в системе среднего профессионального образования (СПО) России. В последние годы наблюдается устойчивый рост престижа и популярности обучения в колледжах среди молодежи. В условиях обострившейся конкурентной борьбы за талантливых абитуриентов учреждения СПО вынуждены целенаправленно заниматься самопрезентацией и формированием привлекательного имиджа в интернет-пространстве.

Поскольку образовательная услуга нематериальна, ее качество, надежность и престиж транслируются целевой аудитории вербально. Если при очном посещении имидж колледжа формируется за счет визуальных и эстетических факторов (внешний вид здания, ремонт в аудиториях), то в интернет-пространстве эта

нагрузка ложится на текст. Главная страница сайта берет на себя компенсаторную функцию: то, что абитуриент не может увидеть лично, должно быть нарисовано в его сознании с помощью языка. Ключевым лингво-прагматическим инструментом такого воздействия выступает оценочная лексика, которая сокращает коммуникативную дистанцию, мотивирует молодую аудиторию и подсознательно формирует образ успешного учреждения.

Анализ научной литературы показывает, что различные аспекты заявленной темы уже становились предметом внимания исследователей. В первую очередь изучена лингвистическая категория оценки. Базовые принципы функционирования оценочной лексики, ее семантика и прагматический потенциал заложены в классических трудах Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф [1, 2]. В современной науке оценка зачастую рассматривается как инструмент речевого воздействия, способный программировать восприятие адресата. Например, А.Р. Минемуллина при анализе оценочной лексики в спам-сообщениях отмечает, что речевое воздействие становится эффективным в

том случае, когда «автору удастся в тексте небольшого объема максимально сконцентрировать языковые средства, способные оказывать влияние на мысли и чувства реципиента». Главным компонентом такого воздействия, по замечанию исследователя, является оценочная лексика [3, с. 158]. М.Д. Яхно, К.В. Ахнина и М.А. Макарова в работе «Употребление оценочной лексики в рекламном журнальном тексте (на примере региональной рекламы)» подчеркивают, что именно эмоционально-оценочная лексика выступает главным инструментом убеждения, с помощью которого субъект речевого воздействия обращается к чувствам реципиента и целенаправленно вызывает у него желаемое психофизическое состояние [4, с. 112].

Во вторую очередь активно исследуется специфика интернет-дискурса и веб-коммуникации. Особенности текстов в цифровой среде, жанровое своеобразие сайтов и специфика взаимодействия виртуального автора с читателем подробно описаны в работах Н.Г. Жабборовой, А.Ю. Церюльник, А.С. Миронова. Так, Н.Г. Жабборова подчеркивает, что основными особенностями, которые определяют функционирование текста в Интернете, являются интерактивность, диалоговость, персональный подход, ориентированность на потребителя и инфоцентричность [5, с. 829]. В последние годы появилось множество исследований, посвященных тому, как именно учебные заведения конструируют свой образ в интернете. А.Ю. Церюльник отмечает: «вербальные средства организации контента веб-сайтов российских университетов (словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические и стилистические) играют большую роль в создании положительного впечатления у посетителей веб-сайта» [6, с. 5]. По ее мнению, веб-сайт представляет собой особую коммуникативную площадку, где официально-деловой стиль сочетается с элементами публицистического стиля [6, с. 1]. А.С. Миронов акцентирует внимание на гетерогенности дискурсов веб-сайтов, т.е. на сочетании «различных типов дискурса в рамках дискурса веб-сайта университета, которые преломляются сквозь призму гипертекста университетского сайта, приобретая при этом новые свойства» [7, с. 22].

Несмотря на обширную теоретическую базу, большинство современных исследований образовательного интернет-дискурса выполнено на материале высших учебных заведений, а сайты учреждений среднего профессионального образования остаются на периферии лингвистического внимания.

Как отмечает Д.В. Бухаров, имидж образовательной организации формируется путем «целенаправленного непрерывного процесса формирования, согласования и интегрирования представлений педагогов, учащихся, родителей, представителей окружающего социума». Главная функция имиджа носит прагматический характер: он должен оказывать эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию. Транслируя идею о том, что учебное заведение является «престижным», «комфортным» или «успешным», руководство формирует доверие как у внешних потребителей услуг, так и внутри самого коллектива [8, с. 165-166]. Поскольку имидж конструируется целенаправленно, главным инструментом для его формирования в цифровую эпоху выступает текст на официальном сайте колледжа. Заметим, что такие характеристики, как «престижный», «успешный» или «комфортный», с лингвистической точки зрения являются единицами оценочной лексики. Именно слова с положительной семантикой становятся маркерами привлекательности колледжа.

Как показывают недавние лингвистические исследования, наличие в тексте веб-сайта эксплицитной оценочной лексики, в частности имен прилагательных в превосходной степени, создает в восприятии читателя образ успешного учреждения [9, с. 521]. Переходя к анализу главных страниц российских учреждений среднего профессионального образования, мы предполагаем выявить их механизм конструирования аттрактивного портрета.

Результаты исследования

Для комплексного анализа механизма речевого воздействия оценочная лексика была разделена по двум критериям: лексико-семантическим группам и принадлежности к различным частям речи (включая механизмы как явной, так и скрытой ассоциативной оценки).

Лексико-семантические группы оценочной лексики. Анализ показал, что оценочная

лексика на сайтах колледжей группируется вокруг нескольких смысловых доминант:

1. Оценка качества обучения и статуса учреждения. В данную группу входит лексика, которая подчеркивает педагогический уровень и соответствие высоким стандартам. Оценка здесь может быть явной (эксплицитной) и прямо декларировать эталон: «**КАЧЕСТВЕННОЕ СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**» (Академия управления городской средой, градостроительства и печати), «**Готовим профессиональные кадры для Москвы по высоким стандартам**» (Колледж предпринимательства № 11).

Статус может формироваться также через скрытую (имплицитную) оценку, опирающуюся на факты. Так, фраза «**65 лет накопленного опыта!**» («Медицинский колледж» Управления делами Президента Российской Федерации) формально указывает на длительность существования организации, но апелляция к возрасту учреждения работает как имплицитный маркер престижа и подсознательно формирует у адресата образ непоколебимого авторитета учебного заведения.

Выдающийся статус транслируется также через апелляцию к высшему государственно-му авторитету: «**Колледж кремлевской медицины...**» (там же). Прилагательное «**кремлевский**» выступает ассоциативным маркером элитарности и наивысшего знака качества.

Если одни учреждения делают ставку на исторические традиции, то другие формируют свой престиж через семантику новаторства: «**НАШ ВЫБОР – ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ!**» (Ярославский градостроительный колледж).

2. Оценка карьерных перспектив и профессиональной востребованности. Для абитуриентов это важнейший критерий, поэтому колледжи активно используют лексику с семантикой успеха и гарантий: «**Вместе с нами – к успешной карьере!**» (Поволжский государственный колледж), «**Мы готовим профессионалов будущего!**» (Красноярский колледж сферы услуг и предпринимательства). Скрытая оценка здесь зачастую реализуется

через метафоры, которые транслируют идею перспективного обучения: «**Открываем двери к будущему!**» и «**Каждая программа – это ключ к новым знаниям, навыкам и возможностям**» (Южно-Уральский государственный колледж).

3. Оценка материально-технической базы и комфортности образовательной среды. К группе относится лексика, описывающая комфортность условий для студентов. Явная оценка выражается в следующих случаях: «**современные ресурсы... создают идеальные условия для развития талантов...**» (Ростовский техникум индустрии моды, экономики и сервиса), «**Учебный корпус включает медицинский кабинет, а также библиотеку и читальный зал – комфортные пространства для учебы и отдыха между занятиями**» (там же).

Для скрытых оценок среды используются метафоры: «**26 кадр – пространство для развития**» (Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинжиниринга № 26). Нейтральное слово «**пространство**» имплицитно придает колледжу образ современного коворкинга, хаба с безграничными возможностями, что создает атмосферу свободы.

4. Оценка ценностных ориентиров абитуриента. Слова данной группы направлены на формирование эмоциональной привязанности через обращение к личным идеалам и главным устремлениям абитуриента. Поступление в колледж оценивается как шаг к личному счастью и воплощению заветных желаний: «**Найди специальность мечты...**» (Волгоградский колледж управления и новых технологий имени Юрия Гагарина), «**Колледж – моя счастливая судьба!**» (Уральский государственный колледж имени И.И. Ползунова).

В рекламных текстах колледжей часто наблюдается комбинация сразу нескольких смысловых типов оценки в рамках одного короткого высказывания, что усиливает прагматический эффект. Ярким примером такого синтеза служит высказывание, которое встречается абитуриентов на сайте Владимирского политехнического колледжа (рис. 1).

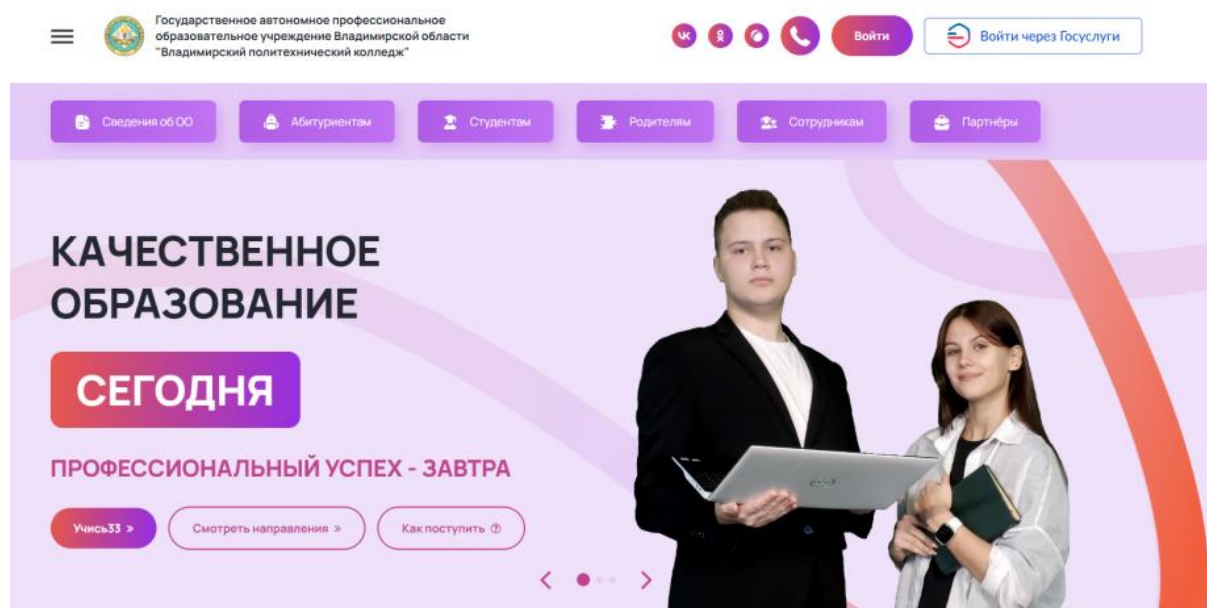

Рис. 1. Пример использования оценочной лексики на главной странице официального сайта Владимирского политехнического колледжа

В конструкции «**КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ / СЕГОДНЯ / ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УСПЕХ – ЗАВТРА**» происходит прямое совмещение двух типов оценок. В первой части предложения реализуется оценка качества обучения через прилагательное «*качественное*», которое характеризует сам образовательный процесс в настоящем времени. Во второй части используется лексика из группы оценки карьерных перспектив и профессиональной востребованности – существительное «*успех*». Подобное совмещение связывает две независимые смысловые категории в единую причинно-следственную цепь. Колледж транслирует абитуриенту мысль, что текущая оценка высокого качества заведения является прямой гарантией успешного будущего абитуриента.

Частеречная репрезентация оценочной лексики. С грамматической точки зрения оценка на сайтах колледжей реализуется посредством различных частей речи, среди которых доминируют существительные и прилагательные.

1. Имена существительные. Использование существительных позволяет дать явлению оценку за счет значений, изначально заложенных в корень слова. Например, в высказывании «Работай с *лидерами* отрасли» (Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинжиниринга № 26) лексема «лидер» подчеркивает высшую степень квалификации учебного заведе-

ния, а в конструкции «Наш диплом – *гарантия* вашего успеха» (Курский государственный политехнический колледж) существительное «гарантия» выступает маркером безопасности и уверенности в завтрашнем дне.

2. Имена прилагательные выступают самым частотным способом наделения колледжа или его программ положительным свойством. Для усиления эксплицитной оценки учреждения часто используют цепочки однородных оценочных прилагательных, что можно увидеть на главной странице сайта Курского государственного политехнического колледжа в информационном блоке «Студенческая деятельность»: «Здесь создается единое сообщество единомышленников – *большая, активная, творческая, сильная и крепкая команда ярких личностей...*» Концентрация эксплицитной оценочной лексики в этой конструкции работает на создание идеализированного образа коллектива, где каждое прилагательное подчеркивает его уникальность.

3. Наречия в исследуемом материале используются для того, чтобы усилить выразительность текста и подчеркнуть позитивную интенсивность или качество протекающего действия. Характерным примером служит следующий текст: «Помимо работы на подиуме, наши студенты *активно* готовят концерты, научные и памятные мероприятия» (Ростовский техникум индустрии моды, экономики и сервиса).

Заключение

Проведенный анализ официальных веб-сайтов российских учреждений среднего профессионального образования позволяет сделать вывод, что оценочная лексика выступает фундаментальным инструментом формирования их виртуального имиджа.

Исследование эмпирического материала показало, что конструирование аттрактивного портрета колледжа базируется на тщательном отборе языковых средств, которые мы классифицировали по лексико-семантическим группам и их принадлежности к различным частям речи. Во-первых, семантика оценочной лексики охватывает все базовые потребности целевой аудитории. Смысловые доминанты выстроены таким образом, чтобы закрыть запрос на надежность (оценка качества обучения и статуса учреждения), обеспечить уверенность в завтрашнем дне (оценка карьерных перспектив и профессиональной востребованности), гарантировать удобство (оценка материально-технической базы и

комфортности образовательной среды) и поддерживать личностные идеалы молодого поколения (оценка ценностных ориентиров абитуриента). При этом встречаются случаи совмещения разных видов оценки. Во-вторых, интернет-дискурс СПО опирается преимущественно на имена прилагательные и существительные, реже встречаются наречия.

Особую роль в оптимизации речевого воздействия играет синтез эксплицитных и имплицитных смыслов. Если прямая оценка громко заявляет о достоинствах, то скрытая воздействует ассоциативно через метафоры, апелляцию к возрасту учреждения или вышнему государственному авторитету.

Таким образом, специфический подбор оценочной лексики позволяет авторам веб-сайтов колледжей сократить коммуникативную дистанцию с абитуриентами, компенсировать недостаток живого общения и выстроить современный образ учебного заведения в условиях цифровой конкуренции.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – Москва: Наука, 1988. – 341 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2002. – 261 с.
3. Минемуллина А.Р. Оценочная лексика как инструмент речевого воздействия в спам-сообщениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 6. – С. 157-160.
4. Яхно М.Д., Ахнина К.В., Макарова М.А. Употребление оценочной лексики в рекламном журнальном тексте (на примере региональной рекламы) // Филология: научные исследования. – 2019. – № 2. – С. 111-121.
5. Жабборова Н.Г. Язык интернета как объект лингвистических исследований // Central Asian Academic Journal of Scientific Research. – 2022. – Т. 2, № 5. – С. 828-834.
6. Церюльник А.Ю. Особенности вербальных средств организации контента веб-сайтов российских университетов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 7 (133). – С. 56.
7. Миронов А.С. Лексико-семантические средства реализации стратегии формирования имиджа вуза (на материале веб-сайта СГУ) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 20-25.
8. Бухаров Д.В. Имидж образовательного учреждения // Человек и образование. – 2009. – № 2. – С. 165-168.
9. Ковальчук Л.П., Олизько Н.С. Университетские сайты как средство привлечения иностранных студентов // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 519-522.

**EVALUATIVE VOCABULARY AS A TOOL FOR SHAPING THE IMAGE
OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS
(BASED ON THE MAIN PAGES OF WEBSITES)**

O.A. Popova, Graduate Student

Supervisor: I.A. Safonova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Volgograd State University

(Russia, Volgograd)

Abstract. *This article examines the specifics of using evaluative vocabulary as a main tool for shaping an attractive image of secondary vocational education institutions online. The relevance of the study is determined by the high level of competition in the educational services market and the insufficient study of college web discourse compared to university portals. Using the texts from the homepages of Russian college websites, the main lexical and semantic groups of evaluation aimed at the target youth audience are identified (evaluation of the quality of education and the status of the institution, assessment of career prospects and professional demand, assessment of the material and technical base and comfort of the educational environment, assessment of the value orientations of applicants). The parts of speech used to express evaluation are described, with a predominance of qualitative adjectives and nouns. Particular emphasis is paid to the mechanisms of explicit and implicit verbal influence.*

Keywords: *evaluative vocabulary; internet discourse; image of the educational institution; website; secondary vocational education (SVE); verbal influence.*

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЫСЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

А.И. Токина, канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-114-118

Аннотация. Статья посвящена особенностям языкового выражения начальной стадии возникновения мысли в художественных текстах крупных романах Достоевского. Выявленные особенности (тесная связь ментальных предикатов с лексикой семантических полей эмоциональной деятельности и движения, широкая употребительность безличных конструкций, а также устойчивых конструкций с глаголами движения) передают особую динамику мысли, «скачкообразный» характер мыслительного процесса, что свойственно героям-мыслителям Достоевского.

Ключевые слова: мысль; идея; динамика; ментальный предикат; мыслительный процесс; глагол; эмоциональная деятельность; семантика; Достоевский.

Крупные романы Ф.М. Достоевского, такие как «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», носят ярко выраженный психологический характер, раскрывая человеческую сущность и детальным образом отображая активные мыслительные процессы, протекающие в сознании человека, зачастую одержимого той или иной идеей и совершающего серьезные поступки под ее влиянием. Как справедливо отмечает Арутюнова: «Ментальные состояния человека занимают ключевую позицию не только в философской антропологии Достоевского, но даже в самом развитии сложных сюжетов его романов [Арутюнова 2000: 27]. Исследуя движение, происходящее в глубинах человеческой души, Достоевский детально описывает противоречивость и даже столкновение мыслей внутри одного сознания. Динамичность не только внешних действий героя, но и глубинных ментальных процессов – характерная, узнаваемая черта, присущая идиостилю писателя. «Он интересовался вечной сущностью человеческой природы, ее скрытой глубиной, до которой никто еще не добирался. И не статика этой глубины интересовала его, а динамика, ее как бы в самой вечности совершающееся движение» [Бердяев 1993: 64].

Характер героя-мыслителя Достоевского, мятущегося под влиянием собственных идей, порой подчиняющих всю его жизнь, не мог не получить отражения на языковом уровне, что прежде всего выражается в преобладании

определенных речевых форм и особенностях ментальных предикатов, описывающих динамичные ментальные процессы, происходящие в человеческом сознании. Герою крупных романов Достоевского свойственны внутренний конфликт, противоречивость, зыбкость внутреннего мира, он погружен в собственные размышления в постоянных попытках принять то или иное судьбоносное для него решение. В связи с этим автором широко используется внутренние монолог и диалог, насыщенные разного рода ментальными предикатами, тесно связанными с предикатами эмоциональными.

Ментальный акт отличается четкой фазовой структурированностью. Матрица динамично развивающегося во времени ментального процесса может быть представлена в виде трех фаз:

- 1) зарождение мысли;
- 2) развитие мысли;
- 3) достижение логического конца – результата или угасания.

Рассмотрим, каким образом автор описывает начальную фазу мыслительного процесса, зарождение мыслей своего персонажа, как именно порывистый характер порой непредсказуемого в своих поступках героя влияет на характер его мыслей, который на основе проведенного анализа языкового материала можно определить как «скачкообразный». Цель данной статьи – установить, оказывает ли влияние противоречивость и нестабильность

внутреннего мира персонажа на особую динамику его мыслей, делая их изменчивыми и непостоянными, подобно их носителю, и каким образом все эти черты находят отражение на языковом уровне?

С целью семантического и контекстуального анализа ментальных предикатов методом сплошной выборки из трех крупных романов Ф.М. Достоевского («Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание») были отобраны контексты, ориентированные на внутреннюю речь главных персонажей (в отдельных случаях монологические высказывания о собственных мыслях) [Токина 2002]. Внутренние монологи и диалоги героев насыщены несущими основную смысловую нагрузку в описании ситуации мыслительного процесса ментальными предикатами, включающими как собственно глаголы интеллектуальной деятельности [по Бабенко, Васильеву], так и их эквивалентами – контекстными синонимами, конструкциями с ментальными именами в виде грамматического субъекта. Анализ показал не только частотность тех или иных предикатов, но и специфику глагольного окружения, и широкую употребительность безличных конструкций. Остановимся на некоторых значимых моментах, касающихся ментальных предикатов, отображающих начальную фазу возникновения мысли.

В качестве первой характерной особенности употребления автором наиболее традиционного и частотного глагола совершенного вида *подумать* («прийти к какой-л. мысли, какому-л. мнению, оценке и т.п.» – БТС) можно отметить типичное контекстное окружение – квалификаторы, отображающие нестабильность, быстроту и изменчивость мыслей героя, неустойчивость его мироощущения, такие как наречия *невольно, вдруг, тотчас же, мигом, мельком* и т.п. В том случае, когда они находятся в постпозиции по отношению к глаголу, акцент еще более смещается на семы внезапности, произвольности и быстротечности мысли.

Ср.: «Если о сию пору я так боюсь, что было бы, если б и действительно как-нибудь случилось и до самого дела дойти?» – *подумал он невольно, проходя в четвертый этаж.* (ПуН); «Все это условно, все относительно, все это одни только формы, – *поду-*

мал он мельком, одним только краешком мысли (ПуН).

Вторая особенность продиктована тем, что типичный герой Достоевского мыслит и действует, опираясь не только и не столько на разум, сколько на чувства, а значит эмоциональная и интеллектуальная сферы его сознания тесно связаны. Мыслительные процессы, протекающие в сознании героев Достоевского, далеко не всегда поддаются логике, сильные эмоции могут доминировать над рациональной мыслью, над голосом разума. На языковом уровне связь между чувствами и разумом прослеживается в тесном взаимодействии лексических единиц интеллектуальной и эмоциональной деятельности, особенно в тех случаях, когда предмет размышлений наиболее значим для героя. Эмоциональное отношение героя к объекту мысли или эмоциональное состояние в момент размышлений наиболее часто передается с помощью употребления в контексте с глаголом *подумать* следующих предложно-падежных конструкций (в случае их постпозиции по отношению к глаголу акцент смещается на семантику той или иной эмоции):

1) существительных в форме творительного падежа с предлогом *с* со значением «эмоционального состояния, сопровождающего основное действие и тем самым характеризующего его [Золотова 2001: 281] (*с наслаждением, с удовольствием, со счастьем, с торжеством, с негодованием, с содроганием, с проклятием, с отвращением, с омерзением, с досадой*);

2) существительных в форме предложного падежа с предлогом *в* в значении эмоционального состояния субъекта [Золотова 2001: 306] (*в отчаянии, в испуге*).

Ср.: Решение было взято, «и уже не изменится», – *со счастьем подумал он.* (ПуН); «Экая скверность!» – *подумал он с досадой.* (ПуН); «Господи! С ума, что ли, я схожу?» – *подумал он в испуге.* (ПуН); «Тогда я убью его!» – *подумал он в холодном отчаянии.* (ПуН).

Не менее характерной особенностью, отражающей специфический характер героев Достоевского, являются широко представленные в текстах писателя **безличные** конструкции (как собственно безличные ментальные глаголы, так и эквивалентные им устойчивые

конструкции). Агнс при этом нередко воспринимается как адресат происходящего. На наш взгляд, частотность безличных конструкций обусловлена, в первую очередь, типом персонажа Достоевского, поскольку безличные конструкции со значением непроизвольности способствуют изображению возникающих в сознании героя мыслей, как будто бы не зависящим от него, что полностью соответствует внутреннему миру подобного героя, зыбкому, неустойчивому, находящемуся в постоянной динамике. Движение мыслей и идей в сознании героя нередко происходит на фоне его реальных перемещений в пространстве, которые, в свою очередь, отличаются крайней переменчивостью и неожиданностью.

В качестве типично безличных ментальных глаголов при описании ситуации возникновения новой мысли можно отметить такие, как *подуматься* («прийти на ум, мелькнуть в мыслях, показаться», БТС) и *вздуматься* (в синонимичном значении). Такие глаголы с семой непроизвольности и общим значением «возникать в сознании кого-л.» создают общее впечатление неясности, смутности мыслей. Наблюдается сходная сочетаемость указанных предикатов с типичной сочетаемостью рассмотренного выше глагола *подумать*. С одной стороны, в контекстном окружении безличных ментальных глаголов присутствуют наречия типа *вдруг* с семантикой внезапности и непроизвольности, за счет которых усиливается заложенная в предикате сема непроизвольности, а также темпоральные конкретизаторы с семой быстроты (*сейчас* = *сразу*, *с первого взгляда*), акцентирующие внимание на моментальности возникновения и быстроте смены проносящихся в сознании героя мыслей.

Ср.: «*Пропаду так пропаду, все равно! Носок надеть! – вздумалось вдруг ему, – еще больше затрется в пыли, и следы пропадут*». (ПуН); *Прежде и не вздумал бы, что ты в таком доме живешь, а как увидел его, так сейчас и подумалось*: «Да ведь такой точно у него и должен быть дом!». (Идиот); *С первого взгляда на него князю подумалось, что по крайней мере этот господин должен знать всю подноготную безошибочно...* (Идиот).

Безличные ментальные предикаты также сочетаются с лексическими единицами эмоциональной сферы. Типовыми при этом яв-

ляются сочетания с существительными в форме творительного падежа, указывающие на эмоциональное состояние героя или его отношение к происходящему.

Ср.: «*Да неужели же этот дрянной негодяй до такой степени может меня беспокоить!*» – *подумалось ему с нестерпимой злобой*. (ПуН); «*Что же это он, за свою прежнюю казенщину принимает, что ли!*» – *с отвращением подумалось Раскольникову*. (ПуН).

Внезапность, непредсказуемость и быстроту смены мыслей в сознании героя Достоевского способны передавать также эквивалентные ментальным глаголам устойчивые безличные конструкции с глагольным компонентом, относящимся к лексико-семантической группе **движения** – *прийти / зайти в голову / на ум / на мысль* («возникать, появляться в сознании кого-л.», ФСРЯ). В их семантике, как и в значении синонимичного им выражения *вскочить в голову*, также выделяются семы быстроты, непроизвольности. Подобные глагольно-именные сочетания принадлежат к группе предикатов неконтролируемого действия, так как, согласно исходному лексическому значению, указывают на движение снаружи внутрь. Сема произвольности, независимости от субъекта в них тем самым задается как внутренней семантикой, так и синтаксической позицией безличности. Соответственно такие конструкции способствуют описанию ситуации возникновения мысли в сознании субъекта ментальной деятельности независимо от рациональной составляющей его сознания. Субъект, выраженный формами существительного или личного местоимения в форме дательного падежа (что также акцентирует его зависимость) представлен таким образом, словно бы он не контролирует свою мыслительную деятельность. Помимо прочего, значение непроизвольности может усиливаться за счет наречий типа *вдруг*.

Ср.: *Но по какой-то странной, чуть не звериной хитрости ему вдруг пришло в голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсем понимающим, а между тем выслушать и вывести, что такое тут происходит*. (ПуН); *Чего я усмехнулся? А мне на мысль пришло, что если бы не было с тобой этой напасти, не приключилась бы эта любовь, так ты,*

пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал, да и в весьма скором времени. (Идиот); «Да, стою ли», – **вскочило мне вдруг в голову**. (Бр. Кар.).

Наконец, говоря о безличных предикатах, наиболее характерных для художественных текстов Достоевского, нельзя не остановиться на целой группе глаголов лексико-семантических групп движения и перемещения с семами быстроты и произвольности, таких как *мелькнуть/ промелькнуть в голове/ в уме* («появляться, быстро проходить в сознании», «представляться в мыслях, воспоминании, воображении мгновенно, словно очень быстро пронестись, промчаться (о мысли)», ТСРГ), *пролететь* («появиться на мгновение и исчезнуть (о мыслях, предположениях, колебаниях, сомнениях), БТС), *пронестись в голове/ в уме* («воображаться, представляться в памяти, в сознании (о мыслях, воспоминаниях и т.п.), сменяя друг друга мгновенно пройти, исчезнуть, словно быстро пролететь», ТСРГ; «появиться и быстро исчезнуть», БТС)). Исходное лексическое значение всех указанных глаголов связано с быстрым перемещением, все они указывают на мгновенность появления и исчезновения мыслей. В целом все они (преимущественно встречающиеся в форме СВ) передают ситуацию мгновенного, неожиданного, без сопутствующих предварительных размышлений возникновения мысли в сознании субъекта, зачастую мысли неясной, смутной, не осознаваемой до конца. Формы НСВ, как правило, служат либо для описания неоднократного возникновения у субъекта одной и той же мысли, либо для передачи непрерывно потока, быстро сменяющих друг друга мыслей. Семы внезапности и произвольности актуализируются также за счет контекстного окружения – наречий *вдруг, внезапно, невзначай*, сема быстроты – при помощи типичных сравнений (как *стрела, как молния, как вихрь*) и темпоральных конкретизаторов (*в мгновение*).

Ср.: «И тогда, стало быть, будет так же солнце светить!..» – **как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольников**... (ПуН); «ну зачем я вставил кажется? – **промелькнуло в нем как молния**... (ПуН); «Брак? Что это... брак... – **неслось, как вихрь, в уме Алеши**, - у ней тоже счастье... поехала на пир... Нет, она не взяла ножа, не взяла ножа...» (Бр.

Кар.); «Да стоит ли, наконец, этого само вознаграждение!» – **промелькнуло в это мгновение в голове Гани**. (Идиот); Не обдумать ли хоть минуту? – **пронеслось в его голове**, - нет, лучше и не думая, и с плеч долой!» (ПуН).

Для подобного рода предикатов характерно наличие актантной рамки, в которой отсутствует указание на типичную область сознания, в которой происходят ментальные процессы (голова, ум), вместо этого называется сам одушевленный субъект, за счет чего создается впечатление полного слияния субъекта мыслительной деятельности и области его сознания, тем самым подчеркивается зависимость героя от своих идей, словно бы превращая его в объект собственных мыслей. При этом одушевленный субъект может быть выражен:

1) именем в форме предложного падежа с предлогом в с локально-объектным значением (*мелькнуть в ком*);

2) именем в форме родительного падежа с предлогом у с субъектно-объектным значением (*мелькнуть у кого*);

3) именем в форме дательного падежа без предлога с субъектно-объектным значением (*мелькнуть кому*).

Ср.: «Может, еще можно будет и не говорить», – **мелькнуло в нем**... (ПуН); «Это он про пакет с тремя тысячами», – **мелькнуло у Мити**. (Бр. Кар.); «Что, если он вдруг теперь выйдет из того угла и остановит меня у лестницы?» – **мелькнуло ему**, когда он подходил к знакомому месту. (Идиот).

В контекстном окружении подобных предикатов связь с лексикой эмоциональной деятельности реализуется за счет эмотивных наречий, прилагательных, существительных в форме творительного падежа в функции сравнения, которые передают эмоциональное состояние героя.

Ср.: «Она, может быть, слишком наивна!» – **промелькнуло надеждой в сердце Катерины Ивановны**. (Бр. Кар.); «Странное дело, пока шел сюда, все казалось хорошо, а теперь вот и ахинея!» – **вдруг пронеслось в его безнадежной голове**. (Бр. Кар.).

Таким образом, к одной из характерных особенностей языкового выражения возникновения мысли в художественных текстах романов Ф.М. Достоевского можно отнести

тесную связь ментальных предикатов с семантикой движения, акцентирующей быстроту и некую хаотичность, с эмотивной лексикой, указывающей на эмоциональное состояние мыслящего лица, а также специфическое контекстное окружение, актуализирующее темы внезапности, неожиданности. Подобно тому, как быстро и беспорядочно перемещается герой Достоевского с одного места на другое в пространстве, порой неожиданно

даже для себя меняя локацию, сходным образом – внезапно и хаотично – в его сознании зарождаются новые мысли, сменяющие друг друга. Можно сказать, что «скачкообразный» характер мыслей героя Достоевского, динамичный поток его сознания полностью соотносится с его «вихревыми» пространственными перемещениями, что находит соответствующее отображение на языковом уровне.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Знать себя и знать другого (По текстам Достоевского) // Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 23-41.
2. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О русских классиках. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 54-75.
3. Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. Гл. 2 // Очерки по семантике русского глагола: Сборник статей. – Уфа: БГУ, 1971. – С. 160-213.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.
5. Токина А.И. Функционирование ментальных глаголов в художественном тексте романов Ф.М. Достоевского: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2002. – 19 с.
6. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. ТСРГ: Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
8. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. Яз., 1986. – 543 с.

LANGUAGE FEATURES OF THE DESCRIPTION OF THE EMERGENCE OF THOUGHT IN THE TEXTS OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS

A.I. Tokina, *Candidate of Philological Sciences*
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *The article deals with the linguistic characteristics of the description of the initial stages of thought in the texts of Dostoevsky's major novels. The identified characteristics (the close connection of mental predicates with the vocabulary of semantic fields of emotional activity and movement, the widespread use of impersonal constructions, as well as fixed constructions with verbs of motion) convey a unique dynamic of thought characteristic of Dostoevsky's thinker-protagonists.*

Keywords: *thought; idea; dynamics; mental predicate; thought process; verb; emotional activity; semantics; Dostoevsky.*

ДИАЛЕКТИКА ПОНЯТИЙ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ» И «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» ЖУРНАЛИСТА В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ МЕДИАСПЕЦИАЛИСТОВ

Ян Чжи¹, канд. филол. наук

Т.С. Студенко², канд. филол. наук

¹Институт журналистики и коммуникаций Хэнаньского университета

²Хэнаньский профессиональный институт искусств

¹(Китай, г. Кайфын)

²(Китай, г. Чжэнчжоу)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-119-124

Аннотация. Обобщены формулировки по проблемам профессиональной идеологии и профессиональной идентичности журналиста в работах последнего десятилетия. Проанализирован образовательный стандарт высшего журналистского образования в Республике Беларусь на предмет разрешения данных проблем. Подчеркнута необходимость формирования профессиональной идеологии и профессиональной идентичности будущих журналистов на протяжении всего курса обучения в вузе независимо от характера преподаваемых дисциплин.

Ключевые слова: профессиональная идеология журналиста; профессиональная идентичность журналиста; государственная идеология; диалектика; образовательный стандарт.

Во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов с остротой встал вопрос о профессиональной идеологии журналистики и профессиональной идентичности журналиста [1-3]. Основные причины тому – стремительное усиление влияния блогосферы, иначе говоря, непрофессиональной журналистики, и тотальная конвергенция институционализированных СМИ (ситуация, при которой мастерство журналиста уступает место ремесленничеству) [4]. Обе тенденции непрерывно нарастали с появлением феномена социальных сетей в 2008-2010 гг. «Исключительно наличие миссии, идеологии, системы ценностных представлений отличает профессиональную журналистику от простой фиксации факта» [2, с. 43] – проблемное поле, заостренное коллективом медиологов и медиапедагогов Санкт-Петербургской школы журналистики, заявивших соответствующий проект межвузовской научно-исследовательской работы и организовавших в 2022 г. международную конференцию с целью выяснения данного положения дел на постсоветском пространстве [5]. Материалы конференции позволяют произвести аналитический обзор теоретических положений проблем профессиональной идеологии и профессиональной идентичности журналиста, что позволит затем искать практические пути противостояния проблеме, в

нашем случае – в сфере подготовки будущих журналистов.

Результаты исследования. Профессиональная идеология в целом «представляет собой совокупность идей, убеждений, ценностей, стандартов и поведенческих стереотипов, разделяемой представителями сферы деятельности» [6, с. 31]. Профессиональная идеология журналиста (ПИЖ) определяется как «совокупность мировоззренческих идей и принципов, которая выражает интересы профессионального сообщества журналистов и обеспечивает системную целостность института журналистики» (С.Г. Корконосенко, СПбГУ [7]). Специалисты исследуют различные аспекты ПИЖ: ее структуру [8], ценностные доминанты [9], соотношение идеологических и формально-технологических характеристик [10]. Элементами профессиональной идеологии журналиста названы «представления автора о своей социальной роли в профессии, приемлемые для него принципы журналистского труда и его отношение к аудитории», «компетентность в освещаемой области, привлечение разноплановых и заслуживающих доверия источников информации, тщательная проверка данных, взвешенность и обоснованность высказываемых суждений... уважение к адресату, партнерскую позицию автора в разговоре с мыслящим, осведомлен-

ным собеседником, без менторства, ложной снисходительности или заискивания» [11, с. 203-204]. Приведенные определения и замечания позволяют заключить, что идеология журналистики – двухслойный феномен: с одной стороны, как и любая профессия, предполагает определенную ценностную основу и мораль (этика журналистской деятельности), с другой – ту или иную ангажированность различного плана (политическую, социально-экономическую, эстетическую и т.д.). Во втором случае личная ангажированность пересекается с профессиональной, так что встает вопрос: как не дать ангажированности влиять на объективность и качество медиапродукта?

Полагаем, именно здесь перед нами исток вопроса о профессиональной идентичности журналиста, теснейшим образом связанной с профессиональной идеологией. В настоящий момент профессиональная идентичность журналиста проблематизируется в ситуации «коррозии профессионального стандарта объективной журналистики в сторону его эмоционализации» (С.С. Бодрунова, СПбГУ [12, с. 22]); в контексте необходимости сплочения журналистского сообщества рядом с засилием «инфлюэнсерского» блогерства (М.Е. Аникина, МГУ [10, с. 17]); а также, в более общем смысле, – в условиях тотальной цифровизации, создающей отчуждение человека от самого себя и социума. Безусловно, имеет место «тенденция к отчуждению личности журналиста» [13, с. 68]: с одной стороны, он часто неразличим в поле «всеобщего микрофона», с другой – в условиях истощающей морально и физически конвергенции с целью экономии внутренних ресурсов вынужден черпать информацию из сети, а не по факту своего нахождения «здесь и сейчас».

В плане непротиворечия профессиональной идентичности и профессиональной идеологии журналист лично отвечает за выбор той или иной профессиональной позиции. Будет ли он стремиться к мессианскому воздействию на мировоззрение и активность аудитории, или будет исповедовать принцип познания человека и мира и разделения своего знания с потребителем медиа, или пойдет по пути гражданской журналистики соучастия, тесно связанной с практикой местных СМИ – во втором и третьем случаях это и будет зало-

гом объективности и качества журналистского труда. Данный вывод сходен с формулировкой И.И. Блохина (СПбГУ), полагающего, что в структурном смысле «комплекс профессиональной идентичности опирается на представления о целеполагании и адресации деятельности» [14, с. 155].

В Союзном государстве России и Беларуси вопрос, напрямую связанный с профессиональной идеологией и профессиональной идентичностью, – отношение журналиста к государственной идеологии, которая начинает складываться на фоне глобальных вызовов: выработка и распространение «чёткого понимания, откуда мы пришли, куда идём и какие духовные цели для нас являются приоритетными» (В.В. Шейбак, СПбГУ [15, с. 77]. Поскольку одной из основных функций журналистики является функция просветительская, данная сфера вполне валидна в деле формирования государственной идеологии. Основное условие – лояльность и ответственность по отношению к госидеологии, возникающие из осознания ее экзистенциальной необходимости – с одной стороны, российского в целом и локального патриотизма «малой родины» – с другой.

Резюмируя вышесказанное, можно представить структурный профиль профессиональной идеологии журналистики состоящим из следующих компонентов:

а) личностная и профессиональная самоидентификация (ролевой статус и аксиология личности журналиста, соотношение общего мировоззрения («картины мира») и политической (государственной) идеологии;

б) профессиональная этика (профессиональные ценности, принципы, установки; нравственный самоконтроль на личностном и общепрофессиональном уровне, этика использования искусственного интеллекта);

в) профессиональная культура (культура речи, например), а также «лежащие в основе мировосприятия журналиста когнитивные маркеры культурной памяти» [16, с. 164];

г) социализация (социальная ответственность, солидарность, готовность к соучастию и диалогу).

На основе субъективного приятия профессиональной идеологии журналистики формируется профессиональная идентичность и наоборот: если нет приятия, профессиональ-

ная идентичность отсутствует. Профессиональная идеология вкупе с профессиональной идентичностью позволяет реализовать главную миссию СМИ: формировать картину мира аудитории, то есть «формировать общественное мнение, формировать образ социального времени, распространять передовые идеи, достижения науки и культуры; пропагандировать общегуманитарные ценности [17, с. 185].

Применительно к сфере журналистского образования стоит задача верификации, каким образом и насколько предусмотренные в образовательных и профессиональных стандартах ценности и миссии профессии журналиста фиксируются в планах, результатах обучения, осуществляются ли в конкретных дисциплинах и разного рода профильных активностях [17, с. 184]. Относительно стандартов взглянем на документ, регламентирующий журналистское образование в Республике Беларусь (авторы длительное время работали на факультете журналистики Белорусского государственного университета).

Интересующие нас позиции, прописанные как универсальные компетентности специалиста (УК), требуют:

УК-7. Обладать гуманистическим мировоззрением, качествами гражданственности и патриотизма;

УК-8. Обладать современной культурой мышления, уметь использовать основы философских знаний в профессиональной деятельности; ...

УК-9. Выявлять факторы и механизмы исторического развития, определять общественное значение исторических событий».

Базовые профессиональные компетенции (БПК) требуют:

«БПК-5. Применять знания о достижениях мировой и отечественной культуры или литературы в процессе создания медиатекстов;

БПК-6. Учитывать в профессиональной деятельности правовые нормы регулирования взаимоотношения с государственными и общественными организациями, физическими лицами, применять в творческой деятельности профессионально-этические нормы, следуя принципам социальной ответственности; ...

БПК-9. Применять основные методы защиты населения от негативных факторов антропогенного, техногенного, естественного происхождения, принципы рационального природопользования и энергосбережения, обеспечивать здоровые и безопасные условия труда» [18].

Приведенная ниже сводная таблица учебных модулей и дисциплин с кодами формируемых ими компетенций демонстрирует недостаточную соотнесенность в отношении компетенций, связанных с профессиональной идеологией и профессиональной идентичностью журналиста (модули и дисциплины, где формирование этих компетенций не предусмотрено, выделены курсивом). В отрицательном смысле особенно показателен «Общепрофессиональный модуль», включающий дисциплины «Основы журналистики» и «Теория медиа». Положительно, однако, то, что модули «Медиапроизводство» и «Медиатворчество» искомые компетенции предусматривают (БПК 6, 7, 8).

Таблица. Содержание журналистского образования и формируемые им компетенции

№ п.п.	Наименования модулей, учебных дисциплин	Коды формируемых компетенций
1.	Социально-гуманитарный модуль	
1.1	Философия	УК-8
1.2	Экономика	УК-10
1.3	Политология	УК-7
1.4	История	УК-9
2.	Общепрофессиональный модуль	
2.1	Основы журналистики	УК-5; БПК-2
2.2	Теория медиа	УК-1; БПК-1
3.	Медиалингвистика	
3.1	Язык и стиль средств массовой коммуникации	БПК-3; УК-3
3.2	Иностранный язык	УК-3
4.	Литературный процесс и социум	УК-5,7; БПК-5
5.	Цифровые технологии	
5.1	Современные информационные технологии	УК-2

5.2	Верификация информации в журналистике	УК-2
5.3	Технологии медиапроизводства	БПК-4
6.	Правовые и этические нормы в журналистике	УК-4; БПК-6
7.	Медиапроизводство	
7.1	Основы производства телерадиоконтента	УК-6; БПК-7
7.2	Технологии создания медиатекстов	БПК-8
8.	Медиатворчество	
8.1	Основы фотожурналистики	УК-5; БПК-4
8.2	Дизайн и компьютерная верстка	БПК-4
8.3	Медиапроект	БПК-7,8

Положительно следует оценить ремарку Образовательного стандарта относительно того, что «распределение трудоемкости между отдельными модулями и учебными дисциплинами государственного компонента, а также отдельными видами учебных и производственных практик осуществляется учреждением высшего образования», что означает возможность для педагогов проявлять стремление к балансу социо-гуманитарной и узко-специальной (технологической) составляющих, а также творческий аналитический поиск социо-гуманитарного начала в, казалось бы, целиком технологических материях [19].

Заключение. Согласно мнению авторитетного белорусского медиолога Т.В. Подольяк, «на профессиональное и мировоззренческое становление студентов существенное влияние оказывают учебные дисциплины по истории и теории журналистики» [20, с. 196]. Один из авторов статьи имеет опыт преподавания «Истории зарубежной журналистики»; в данной дисциплине можно подчеркнуть направления, тесно коррелирующие с задачей формирования профессиональной идеологии и профессиональной идентичности будущих журналистов: деятельность и устремления по-

литических ораторов Древней Греции, ратовавших за идеал народного единства в условиях противостояния внешней угрозе; принципиальность отстаивания гуманистических идеалов в практике деятелей позднего Средневековья и Возрождения (М. Лютер, Дж. Мильтон, Д. Дефо); просветительский и солидаризирующий опыт отцов-основателей США; вмешательство Э. Золя в антисемитское Дело Дрейфуса (1896-1906 гг.); антикоррупционное движение «разгребателей грязи» в США на рубеже XIX-XX вв.; деятельность западных журналистов в молодой Советской республике (Дж. Рид, Г. Уэллс, Л. Фейхтвангер); антипримеры (идеологи Великой Французской революции и нацистской Германии) и др.

Полагаем, что акценты, формирующие профессиональную идеологию и профессиональную идентичность, возможно расставлять в любом обучающем контексте: от социо-гуманитарного до узко-отраслевого, поэтому в качестве перспективы рассмотрения затронутой нами темы возможно предложить анализ соответствующего потенциала *каждого* преподаваемого на журфаках «предмета».

Библиографический список

1. Пронина Е.Е. Профессиональная идентичность журналиста в условиях трансформации СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 46-74.
2. Выровцева Е.В. Профессия журналиста в мультимедийном пространстве: между миссией и технологиями // Век информации. – 2017. – № 1. – С. 39-47.
3. Воскресенская М.А. Экспликация элементов профессиональной идеологии журналистики в медиатексте // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – № 2. – С. 199-215.
4. Ян Чжи. Кризис как перманентное состояние журналистского образования // Журналистыка – 2020: стан, проблеми і перспективы: матеріялы 22-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 12-13 лістап. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В.М. Самусевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2020. – С. 446-450.
5. Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: матер. междунар. научно-практической конференции, 18-19 ноября 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Медиапапир, 2022. – 214 с.

6. Бережная М.А. Социальные темы как катализатор профессиональной идеологии в журналистике // Журналистика XXI века: профессиональная идеология для ускользающей профессии / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т; Высш. шк. журн. и мас. ком., 2017. – С. 29-38.
7. Профессиональная идеология журналистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://j21.tb.ru/project>.
8. Зорин К.А. К вопросу о структуре профессиональной идеологии журналиста // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 52-54.
9. Ершов Ю.М. Идеология общественного служения в журналистике // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – № 6. – С. 68-73.
10. Аникина М.Е. Представления об успехе как элемент профессиональной идеологии и профессионального сознания журналиста // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 16-19.
11. Воскресенская М.А. Экспликация элементов профессиональной идеологии журналистики в медиатексте // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 199-215.
12. Бодрунова С.С. Профессиональный журналистский стандарт и его трансформация в XXI веке в западных медиаисследованиях // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 22-24.
13. Сидоров В.А. Аксиология личности журналиста «цифровой эпохи» // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 66-69.
14. Блохин И.Н. Журналистская идентичность в процессах интеграции профессионального сообщества // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 154-157.
15. Шейбак В.В. Необходима ли сегодня России идеология? // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 76-78.
16. Ерофеева И.В. Профессиональная идеология журналиста в ракурсе национальной идентификации // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 163-165.
17. Байдина В.С. Корреляция профессиональной идеологии журналистики и результатов обучения в образовательной программе бакалавриата // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 184-187.
18. Образовательный стандарт высшего образования (ОСВО 1-23 01 08-2021). Первая ступень. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.grsu.by/images/Documents/Specialties/1_stage/1-230108_Журналистика_\(по_направлениям\).pdf](https://www.grsu.by/images/Documents/Specialties/1_stage/1-230108_Журналистика_(по_направлениям).pdf).
19. Ян Чжи. «Гуманология», «технософия», «витоверификация»: экологизация цифровой медиасреды в контексте современного журналистского образования // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 4.
20. Подоляк Т.В. Отделить зерна от плевел: аксиологический вектор современной белорусской журналистики // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18-19 нояб. 2022 г. / отв. ред. С. Г. Корконосенко. – Санкт Петербург, 2022. – С. 196-198.

**THE DIALECTICS OF THE CONCEPTS «PROFESSIONAL IDEOLOGY»
AND «PROFESSIONAL IDENTITY» OF A JOURNALIST IN THE CONTEXT
OF TRAINING MEDIA SPECIALISTS**

Yang Zhi¹, *Candidate of Philological Sciences*

T.S. Studenko², *Candidate of Philological Sciences*

¹**Institute of Journalism and Communications of the Henan University**

²**Henan Professional Institute of Arts**

¹**(China, Kaifeng)**

²**(China, Zhengzhou)**

Abstract. *The article summarizes the formulations on the problems of professional ideology and professional identity of a journalist in the works of the last decade. The educational standard of higher journalistic education in the Republic of Belarus is analyzed in order to resolve these problems. The article emphasizes the need to form the professional ideology and professional identity of future journalists throughout the entire course of study at a university, regardless of the nature of the disciplines taught.*

Keywords: *journalist's professional ideology; journalist's professional identity; state ideology; dialectics; educational standard.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДА ДАЛАМБЕРА И РЯДОВ ФУРЬЕ ПРИ РЕШЕНИИ ВОЛНОВОГО УРАВНЕНИЯ КОЛЕБЛЮЩЕЙСЯ СТРУНЫ

Д.А. Бощенко, студент

Научный руководитель: Т.П. Машихина, канд. пед. наук, доцент

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-125-129

Аннотация. В статье исследуется применение аналитических методов решения волнового уравнения, описывающего поперечные колебания закреплённой струны. Проводится сопоставительный анализ классического подхода Жана Даламбера, основанного на представлении решения в виде суммы бегущих волн, и метода Фурье, использующего разложение начальных условий в тригонометрические ряды. Рассматриваются математические основания каждого метода, их физическая интерпретация, границы применимости и вычислительная эффективность. Особое внимание уделяется вопросу о том, какой из методов даёт более конструктивный аппарат для учёта граничных и начальных условий, а также роли рядов Фурье в формировании современного спектрального подхода к задачам математической физики. Намечаются направления эволюции аналитических методов в контексте численного моделирования колебательных процессов.

Ключевые слова: волновое уравнение; колебания струны; метод Даламбера; ряды Фурье; метод разделения переменных; начальные и граничные условия; бегущие и стоячие волны; задача Коши; краевая задача.

Проблема математического описания колебаний упругой струны занимает особое место в истории математической физики. От первых экспериментов Мерсенна и теоретических обобщений Б. Тейлора до строгой постановки волнового уравнения Ж. Даламбером и последующего тригонометрического анализа Ж. Фурье этот круг задач неизменно служил полигоном для отработки новых аналитических методов. В современном инженерном образовании и научных расчётах решение волнового уравнения остаётся базовым элементом при проектировании струнных датчиков, анализе акустических систем, расчёте

вибраций механических конструкций. При этом выбор между методом Даламбера и методом Фурье (разделения переменных) диктуется не только математическими предпочтениями, но и типом начально-краевой задачи, требуемой формой представления решения и возможностями последующей численной реализации.

Волновое уравнение для идеальной струны, закреплённой на концах, в одномерном приближении записывается как классическое гиперболическое уравнение в частных производных второго порядка:

$$\frac{\partial^2 u}{\partial t^2} = a^2 \frac{\partial^2 u}{\partial x^2}, 0 < x < L, t > 0$$

где $u(x, t)$ – поперечное смещение струны в точке x в момент времени t , $a = \sqrt{\frac{T}{p}}$ – скорость распространения волны (определяется натяжением T и линейной плотностью p), L – длина струны. К уравнению добавляются граничные условия закрепления: $u(0, t) = u(L, t) = 0$ для всех t , а также начальные условия: форма струны $u(x, 0) = \psi(x)$ и рас-

пределение начальных скоростей $u(x, 0) = \phi(x)$. Именно в способе учёта этих условий и кроется принципиальное различие между подходами Даламбера и Фурье [1].

Метод Даламбера, предложенный в 1747 году, представляет собой наиболее изящное аналитическое решение задачи Коши для бесконечной струны. Основная идея заключается в переходе к новым переменным – характери-

стикам $\xi = x + at, \eta = x - at$, что позволяет привести волновое уравнение к виду $\frac{\partial^2 u}{\partial \xi \partial \eta} = 0$. Интегрируя последовательно,

$$u(x, t) = \frac{1}{2} [\phi(x + at) + \phi(x - at)] + \frac{1}{2a} \int_{x-at}^{x+at} \psi(s) ds$$

Физическая интерпретация этого выражения чрезвычайно прозрачна: начальное отклонение ϕ распадается на две одинаковые волны, бегущие влево и вправо со скоростью a , а начальный импульс порождает волновой «след», накапливающийся в области между характеристиками [2]. Для полубесконечной или конечной струны метод Даламбера дополняется методом отражений: вводятся фиктивные начальные условия нечётным образом, чтобы автоматически удовлетворить условиям закрепления на концах. Этот приём, однако, приводит к тому, что решение на конечном интервале представляется в виде суммы бесконечного ряда отражённых волн, что

Даламбер получил общее решение, известное как формула бегущих волн:

формально сближает его с рядом Фурье, но сохраняет преимущество в наглядности волновой картины.

Метод Фурье, опубликованный в 1822 году в знаменитой «Аналитической теории тепла», предлагает принципиально иной путь – разложение искомого решения по собственным функциям оператора второй производной. В случае струны с закреплёнными концами собственными функциями являются $\sin\left(\frac{\pi n x}{L}\right)$, а соответствующие собственные значения $\lambda_n = \frac{\pi n a}{L}$ задают частоты нормальных колебаний. Решение ищется в виде ряда:

$$u(x, t) = \sum_{n=1}^{\infty} \left(A_n \cos \frac{\pi n a}{L} t + B_n \sin \frac{\pi n a}{L} t \right) \sin \frac{\pi n x}{L}$$

где коэффициенты A_n, B_n определяются через разложение начальных условий в ряды Фурье по синусам:

$$A_n = \frac{2}{L} \int_0^L \phi(x) \sin \frac{\pi n x}{L} dx, B_n = \frac{2}{\pi n a} \int_0^L \psi(x) \sin \frac{\pi n x}{L} dx$$

Таким образом, метод Фурье представляет колебание струны в виде суперпозиции стоячих волн (гармоник) с дискретным спектром частот, что напрямую соответствует музыкальному восприятию звука [3]. Именно эта возможность – получить физически интерпретируемый спектр – стала главным преимуществом метода Фурье перед подходом Даламбера. Более того, именно метод Фурье открыл путь к спектральному анализу произвольных сигналов, что в XX веке привело к созданию теории обработки сигналов, цифровой фильтрации и быстрого преобразования Фурье.

Сравнительный анализ двух методов следует проводить по нескольким ключевым критериям: универсальность, вычислительная сложность, гладкость решения, удобство учёта граничных условий и возможность обобщения на неоднородные уравнения. Важно

также оценить, насколько каждый метод приспособлен к численной реализации и как он ведёт себя при наличии разрывов или особенностей в начальных данных.

Метод Даламбера даёт решение в замкнутой форме, выраженное через конечное число операций над начальными функциями. Для бесконечной струны он практически идеален: ответ записывается явно, легко анализируется, позволяет проследить распространение разрывов (например, если начальная форма имела излом). Однако на конечном интервале метод отражений приводит к необходимости многократного периодического продолжения начальных условий, что при сложной форме $\phi(x)$ или $\psi(x)$ порождает громоздкие кусочно-заданные выражения. Кроме того, метод Даламбера требует, чтобы $\phi(x)$ была дважды

дифференцируемой, а $\psi(x)$ – один раз дифференцируемой для классического решения; в противном случае решение понимается в обобщённом смысле [4]. На практике это означает, что для начальных условий типа сосредоточенного удара (функция Дирака по скорости) метод Даламбера даёт формальное выражение, требующее дополнительного осмысления в терминах теории распределений.

Метод Фурье, напротив, прекрасно работает именно на конечном интервале и автоматически удовлетворяет граничным условиям благодаря выбору базисных функций. Его основная вычислительная трудность – нахождение коэффициентов ряда через интегралы от начальных условий. Для гладких начальных функций ряд сходится быстро, и для практических расчётов достаточно нескольких первых членов. Более того, метод Фурье естественным образом обобщается на задачи с неоднородными краевыми условиями, с затуханием (добавлением члена $\beta \frac{\partial u}{\partial t}$) и на вынужденные колебания с внешней силой $f(x, t)$. В этих случаях используется разложение правой части в ряд по тем же собственным функциям и метод вариации постоянных [5]. Показательно, что при добавлении затухания, пропорционального скорости, метод Фурье приводит к появлению экспоненциально затухающих множителей у каждой гармоники, что полностью соответствует физическим представлениям о диссипации энергии в реальных струнах.

Ключевой недостаток метода Фурье долгое время был связан с вопросом сходимости рядов. Сам Фурье утверждал, что любой сигнал можно разложить в тригонометрический ряд, однако строгое обоснование было дано лишь спустя десятилетия трудами Дирихле и Римана. Для функций, имеющих разрывы первого рода, ряд Фурье сходится к среднему арифметическому левого и правого пределов (явление Гиббса), что при моделировании струны с сосредоточенным начальным отклонением даёт мелкие осцилляции вблизи точки разрыва. Метод Даламбера в таких случаях даёт кусочно-гладкое решение без паразитных пульсаций, но ценой усложнения аналитической записи [6]. Это явление Гиббса остаётся предметом изучения до сих пор, и для его по-

давления в численных расчётах применяют специальные методы сглаживания – так называемые «оконные функции» или суммирование по Фейеру.

Если обратиться к исторической динамике применения этих методов, можно увидеть смену приоритетов. В XVIII веке, когда волновое уравнение только начинало изучаться, метод Даламбера доминировал благодаря своей аналитической замкнутости и тесной связи с теорией характеристик. Спор между Даламбером, Эйлером и Бернулли о том, какие функции допустимы в качестве начальных условий, фактически стимулировал развитие понятий обобщённой функции и слабого решения. В XIX веке метод Фурье, несмотря на первоначальное сопротивление строгих математиков (Лагранж, Пуассон), стал стандартным инструментом в математической физике, особенно после работ Стеклова о полноте систем собственных функций [1].

В современной практике инженерных и физических расчётов выбор метода определяется типом задачи. Если требуется быстро получить аналитическую оценку реакции бесконечной среды на локальное возмущение (например, удар по струне), используется метод Даламбера. Если же проектируется музыкальный инструмент или анализируется спектр вибраций конечной струны с заданными граничными условиями, метод Фурье незаменим. Более того, именно метод Фурье лёг в основу спектрального анализа сигналов и быстрого преобразования Фурье (FFT), без которого немыслима современная цифровая обработка акустических и вибрационных данных [7]. В современных компьютерных системах звукового синтеза, таких как физическое моделирование фортепиано или гитары, метод Фурье используется для генерации тембров, а метод Даламбера – для моделирования распространения волн по корпусу инструмента.

Важно подчеркнуть, что метод Фурье не просто альтернатива, но и развитие идей Даламбера. Показывается, что ряд Фурье для конечной струны эквивалентен методу отражений Даламбера при нечётном периодическом продолжении начальных условий. Действительно, если разложить $\phi(x)$ и $\psi(x)$ в ряды по синусам, подставить в формулу Даламбера и использовать тригонометрические

тождества для преобразования суммы бегущих волн в сумму стоячих, получается в точности решение Фурье. Таким образом, оба метода есть два языка описания одного физического явления: язык бегущих волн более естественен для задач Коши на неограниченной области, а язык стоячих волн – для краевых задач на ограниченном интервале [2]. Математически эта эквивалентность выражается в том, что преобразование Фурье по пространственной переменной переводит гиперболическое уравнение в семейство обыкновенных дифференциальных уравнений по времени, а метод характеристик Даламбера является прямым решением в пространственно-временной области.

Отдельного внимания заслуживает дидактическая роль сопоставления этих методов при подготовке инженеров и физиков. Изучение метода Даламбера развивает пространственно-временное мышление, понимание характеристик и волнового фронта. Изучение метода Фурье формирует навыки спектрального анализа и работы с ортогональными разложениями. Наиболее эффективные учебные курсы строятся так: сначала на простых примерах (симметричное треугольное начальное отклонение) решение находится обоими методами и сравнивается почленно; затем студентам предлагается задача, где один из методов явно удобнее другого (например, начальная скорость, локализованная в малой окрестности). Такой бинарный подход закладывает основу для дальнейшего изучения уравнений теплопроводности, Лапласа и волнового уравнения в многомерных областях [3].

Современные вычислительные среды, такие как MATLAB, Mathematica и Python с библиотеками NumPy/SciPy, реализуют оба подхода. Для численного решения волнового уравнения методом Даламбера достаточно дискретизировать начальные условия и применить формулу (2) с линейной интерполяцией. Метод Фурье требует вычисления интегралов (4) с помощью быстрого преобразования Фурье, что делает его чрезвычайно эффективным для задач с гладкими начальными данными. Более того, в задачах акустики помещений и моделирования музыкальных инструментов метод Фурье позволяет рассчитать собственные частоты и формы колебаний один раз, а затем использовать их для анализа

отклика на произвольное возбуждение. Именно эта идея – суперпозиция собственных мод – лежит в основе метода конечных элементов и спектральных методов, которые являются стандартом инженерного анализа вибраций.

Перспективы дальнейшего развития аналитических методов связаны с их интеграцией в гибридные алгоритмы. Например, вблизи границ или неоднородностей, где ряд Фурье сходится медленно, может применяться метод Даламбера с локальными отражениями, а в объёме – спектральное разложение. Такие комбинированные подходы активно разрабатываются в рамках методов расщепления операторов. Кроме того, методы, основанные на рядах Фурье, обобщаются на случай струны с переменной плотностью или переменным натяжением, где собственные функции уже не являются тригонометрическими, но метод разделения переменных сохраняет силу, приводя к задаче Штурма–Лиувилля.

Заключение

В результате проведённого сравнительного анализа установлено, что метод Даламбера и метод Фурье не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга в задачах о колебаниях струны. Метод Даламбера, основанный на представлении решения в виде суммы бегущих волн, оптимален для бесконечной или полубесконечной струны, даёт явную аналитическую формулу и наглядно демонстрирует волновую природу процесса. Метод Фурье (разделение переменных) превращает краевую задачу в спектральную задачу на собственные значения, представляя колебание как сумму стоячих гармоник; он незаменим для конечной струны с закреплёнными концами, легко обобщается на неоднородные и диссипативные системы, а также лежит в основе численных методов типа спектральных элементов. Оба метода исторически стимулировали развитие строгих разделов анализа – теории обобщённых функций и теории сходимости тригонометрических рядов. В современной практике расчётов выбор метода диктуется типом начально-краевых условий и требуемой формой выходных данных: для волновой картины во времени предпочтителен Даламбер, для частотного анализа – Фурье. Дальнейшее развитие аналитических методов идёт по пути их сращивания с численным моделированием, где ряды Фурье

служат основой для быстрых алгоритмов, а метод характеристик Даламбера – для построения адаптивных сеток. Таким образом, оба метода сохраняют свою ценность как фундаментальные инструменты математической физики и инженерного проектирования.

Библиографический список

1. Тихонов А.Н., Самарский А.А. Уравнения математической физики. – 7-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ijevanlib.yasu.am/wp-content/uploads/2018/01/converted_file_81e63622.pdf.
2. Владимиров В.С. Уравнения математической физики. — 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1990. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/vladimirov-equations-of-mathematical-physics/>.
3. Арсенин В.Я. Методы математической физики и специальные функции. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1989. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/19263989/>.
4. Очан Ю.С. Сборник задач по методам математической физики. – М.: Просвещение, 1967. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obuchalka.org/20190820112905/sbornik-zadach-pometodam-matematicheskoi-fizik-ochan-u-s-1967.html>.
5. Петровский И.Г. Лекции об уравнениях с частными производными. – 4-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.hk/books?id=tAB4CwAAQBAJ>.
6. Кошляков Н.С., Глинер Э.Б., Смирнов М.М. Уравнения в частных производных математической физики. – М.: Высшая школа, 1970. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scinetwork.ru/disk/file/15017>.
7. Калиткин Н.Н. Численные методы. – 2-е изд., испр. – СПб.: БХВ-Петербург, 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vdoc.pub/documents/-42cnofucntc0>.

COMPARATIVE ANALYSIS OF D’ALEMBERT’S METHOD AND FOURIER SERIES IN SOLVING THE WAVE EQUATION FOR A VIBRATING STRING

D.A. Boshchenko, *Student*

Supervisor: *T.P. Mashikhina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *This article investigates the application of analytical methods for solving the wave equation that describes transverse vibrations of a fixed string. A comparative analysis is carried out between the classical approach by Jean d’Alembert, based on the representation of the solution as a sum of travelling waves, and the Fourier method, which employs expansion of initial conditions into trigonometric series. The mathematical foundations of each method, their physical interpretation, applicability limits and computational efficiency are examined. Special attention is given to the question of which method provides a more constructive framework for incorporating boundary and initial conditions, as well as to the role of Fourier series in shaping the modern spectral approach to problems in mathematical physics. Future directions in the evolution of analytical methods in the context of numerical simulation of oscillatory processes are outlined.*

Keywords: *wave equation; string vibrations; d’Alembert method; Fourier series; separation of variables; initial and boundary conditions; travelling and standing waves; Cauchy problem; boundary value problem.*

ПРИМЕНЕНИЕ ФРАКТАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ГРУНТОВЫХ ВОД

Д.А. Бощенко, студент

Научный руководитель: Т.П. Машихина, канд. пед. наук, доцент

Волгоградский государственный университет

(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-130-134

Аннотация. В статье рассматривается применение аппарата фрактальной геометрии для моделирования процессов миграции загрязнителей в грунтовых водах, фильтрующихся через пористые среды со сложной микроструктурой. Показано, что классические модели массопереноса, основанные на законе Дарси и уравнении конвекции-диффузии, непригодны для сред с фрактальной размерностью порового пространства, отличной от топологической размерности. Предложена модификация уравнения геомиграции с использованием дробной производной по времени для учёта эффекта памяти фрактальной среды. Получены аналитические решения для одномерного случая, установлена связь между аномальной дисперсией загрязнителя и фрактальной размерностью. Введён критерий локализации загрязнения, позволяющий оценить риск распространения токсикантов на большие расстояния. Результаты могут быть использованы для прогнозирования загрязнения подземных вод, оценки эффективности природной защиты водоносных горизонтов и проектирования систем экологического мониторинга.

Ключевые слова: фрактальная геометрия; грунтовые воды; миграция загрязнений; дробная производная; пористая среда; фрактальная размерность; аномальная диффузия; критерий локализации; массоперенос.

Классические модели Дарси и конвекции-диффузии хорошо работают для однородных сред, но природные грунты имеют самоподобную структуру пор (от нано- до сантиметров). Из-за этого распространение загрязнителя не подчиняется закону Фика, а коэффициент дисперсии зависит от масштаба [1]. В последние десятилетия фрактальная геометрия, предложенная Б. Мандельбротом [2], стала мощным инструментом описания таких сред. В отличие от евклидовых объектов, фракталы

характеризуются дробной размерностью Хаусдорфа, что позволяет количественно оценить степень «изрезанности» и разветвлённости порового пространства.

Традиционно процесс переноса растворённого загрязнителя в грунтовых водах описывается уравнением конвекции-диффузии. В одномерном приближении для консервативного (не подверженного сорбции и деградации) загрязнителя оно имеет вид:

$$\frac{\partial C}{\partial t} = D \frac{\partial^2 C}{\partial x^2} - v \frac{\partial C}{\partial x}$$

где $C(x, t)$ – концентрация загрязнителя, D – коэффициент гидродинамической дисперсии, v – скорость поровой фильтрации. Данное уравнение основано на двух ключевых допущениях: однородность пористой среды и локальность переноса, то есть поток вещества в точке x зависит только от локального градиента концентрации. Однако в естественных условиях и то, и другое допущение часто нарушается [1, 3].

Экспериментальные исследования на естественных песчаных и глинистых грунтах показывают, что фронт распространения загрязнителя расплывается существенно медленнее, чем предсказывает классическая модель, а дисперсия концентрации растёт с расстоянием не линейно, как в модели Фика, а по степенному закону $\sigma^2 \sim t^\alpha$ с показателем $\alpha \neq 1$ [4]. Эти эффекты указывают на аномальную диффузию – пространственно-временную нело-

кальность переноса, обусловленную фрактальной природой среды [5].

Переход к фрактальному описанию пористой среды начинается с отказа от понятия

«средний размер пор». В среде с фрактальной размерностью D_f распределение пор по размерам подчиняется степенному закону [2, 6]:

$$N(r > R) \sim R^{-D_f}$$

где N – число пор с радиусом, превышающим R . Для трёхмерного пространства характерна область $2 < D_f < 3$.

Другим важным параметром выступает фрактальная размерность траектории движения частицы загрязнителя d_w . Для классической броуновской диффузии в евклидовом

пространстве $d_w = 2$, но в фрактальной среде из-за наличия препятствий и извилистых каналов частица движется по более сложной траектории, и $d_w > 2$. Эффективное средне-квадратичное смещение частицы загрязнителя со временем описывается соотношением [8]:

$$\langle R^2(t) \rangle \sim t^{2/d_w}$$

где показатель $2/d_w < 1$ соответствует субдиффузии – замедленному распространению вещества по сравнению с классическим случаем. Именно фрактальная структура пористой среды – наличие «тупиковых» пор и иерархических каналов – служит физической причиной удерживания частиц загрязнителя на длительное время [3, 9].

Для учёта нелокального эффекта памяти в среде с фрактальной геометрией заменим обычную производную по времени в уравнении конвекции-диффузии на дробную производную Капуто порядка γ , где $0 < \gamma < 1$ [5]. Для одномерного случая, когда конвективным переносом можно пренебречь, уравнение принимает вид:

$$\frac{\partial^\gamma C}{\partial t^\gamma} = D_\gamma \frac{\partial^2 C}{\partial x^2}, \quad 0 < \gamma < 1$$

где D_γ – обобщённый коэффициент дисперсии, размерность которого $[D_\gamma] = \text{м}^2/\text{с}^\gamma$.

Дробная производная Капуто порядка γ определяется как [8]:

$$\frac{\partial^\gamma C(x, t)}{\partial t^\gamma} = \frac{1}{\Gamma(1-\gamma)} \int_0^t (t-\tau)^{-\gamma} \frac{\partial C(x, \tau)}{\partial \tau} d\tau$$

Физический смысл такого обобщения заключается в том, что скорость изменения концентрации в момент времени t зависит от всей предыстории процесса, что соответствует «эффекту памяти» фрактальной среды (интеграл свёртки с весом $(t-\tau)^{-\gamma}$ «взвешивает» более ранние состояния системы). Порядок производной связан с фрактальной раз-

мерностью траектории частицы: $\gamma = 2/d_w$. Для классической диффузии $d_w = 2$ ($\gamma = 1$), во фрактальной среде $d_w > 2$, поэтому $\gamma < 1$ – это субдиффузия [3, 9].

В более общем случае, когда присутствует и конвективный перенос, уравнение записывается в форме [1]:

$$\frac{\partial^\gamma C}{\partial t^\gamma} = D_\gamma \frac{\partial^2 C}{\partial x^2} - v_\gamma \frac{\partial C}{\partial x}$$

где v_γ – обобщённая скорость конвективного переноса. Дробный порядок производной одинаков для обоих слагаемых, что отра-

жает единую фрактальную природу процессов фильтрации и дисперсии.

Рассмотрим одномерную задачу на полубесконечной области $x \geq 0$ с начальным условием $C(x, 0) = 0$ и граничным условием $C(0, t) = C_0 = \text{const}$, моделирующую поступление загрязнителя с постоянной концентрацией на входе в расчётную область (например, точечный источник). Применяя преобразование Лапласа по времени и учитывая свойства дробной производной, получаем решение в виде [5, 8]:

$$C(x, t) = C_0 \left[1 - \Phi_\gamma \left(\frac{x}{2\sqrt{D_\gamma t^\gamma}} \right) \right]$$

где $\Phi_\gamma(z)$ – обобщённая функция, сводящаяся к интегралу ошибок при $\gamma = 1$. Для $\gamma < 1$ решение демонстрирует более медленное распыление фронта концентрации по сравнению с классическим случаем: крутой начальный градиент сохраняется на протяжении большего времени. Это означает, что за-

грязнитель «захватывается» в микропорах и выделяется обратно в поток медленно, растягивая процесс очистки [4].

Положение фронта распространения загрязнителя в дробно-диффузионной модели подчиняется асимптотическому закону [3]:

$$x_f(t) \sim (D_\gamma t^\gamma)^{1/2}$$

При $\gamma = 1$ получаем классический закон $x_f \sim \sqrt{t}$. При $\gamma < 1$ масштаб распространения уменьшается при прочих равных условиях. Таким образом, фрактальная среда препятствует дальнему переносу загрязнителя – это так называемый эффект самоочищения, обусловленный самой структурой пористой среды. Соответственно, классическая модель ($\gamma = 1$) даёт верхнюю, пессимистическую

оценку зоны загрязнения, а фрактальная – более реалистичную, основанную на учёте внутренней неоднородности среды [6].

На основе полученных соотношений может быть введён безразмерный критерий локализации загрязнения L_f , позволяющий оценить, будет ли загрязнение распространяться на значительные расстояния или останется локализованным вблизи источника [4, 7]:

$$L_f = \frac{v_\gamma t^{\gamma/2}}{\sqrt{D_\gamma}}$$

Критическое значение L_f^* (определяется экспериментально или из теории, обычно $L_f^* \approx 1$) задаёт границу между двумя режимами:

- При $L_f < L_f^*$ доминирует дисперсионный механизм. Загрязнитель эффективно перемещивается, но его распространение в пространстве ограничено – реализуется режим локализованного загрязнения. Этот случай характерен для сред с высокой фрактальной размерностью ($D_f > 2.5$), где поровое пространство сильно изрезано и разветвлено. Загрязнитель остаётся вблизи источника, что снижает экологические риски для удалённых водозаборов, но затрудняет локальную очистку [9].

- При $L_f > L_f^*$ доминирует конвективный перенос. Загрязнитель распространяется на

большие расстояния практически без распыления – реализуется режим дальнего переноса. Этот случай характерен для сред с $D_f < 2.3$, где поровое пространство близко к евклидовому, а движение загрязнителя подчиняется классическим законам [1].

Таким образом, фрактальный критерий локализации даёт простую возможность прогнозирования степени опасности загрязнения на основе двух параметров: фрактальной размерности пористой среды (через γ) и гидродинамических характеристик потока.

Разработанная модель была апробирована на известных из литературы полевых данных по миграции консервативного трассера на опытном полигоне Борден (Borden site, Канада), где в течение нескольких лет наблюдалось распространение хлоридного и бромид-

ного трассеров в мелкозернистом песчаном водоносном горизонте [6].

Классическая модель конвекции-диффузии даёт значительную погрешность при прогнозировании профилей концентрации: средне-квадратичное отклонение от экспериментальных данных составляет около 35-40%. Введение фрактальной параметризации (для данного водоносного горизонта оценена фрактальная размерность порового пространства $D_f = 2.35$, что соответствует $\gamma \approx 0.85$) позволило снизить погрешность прогноза до 15-18% [6]. Для сред с высокой фрактальной размерностью ($D_f = 2.6 - 2.7$), таких как глинистые грунты или низкопроницаемые коллекторы, погрешность классической модели достигает 200% на малых временах (первые месяцы после аварийного разлива), в то время как фрактальная модель даёт расхождение не более 25% [9].

Фрактальная модель миграции загрязнителя даёт ряд важных практических рекомендаций [1-9]:

1. Оценка защищённости водоносных горизонтов. Чем выше фрактальная размерность порового пространства ($D_f > 2.5$), тем эффективнее среда задерживает загрязнитель. Это означает, что глинистые слои и тонкодисперсные грунты обладают не только низкой проницаемостью, но и способностью к «захвату» токсикантов в микроструктуре – то есть играют роль природных геохимических барьеров [4, 7].

2. Критическое время реагирования. В переходном процессе (первые недели после аварийного разлива) классическая модель занижает скорость распространения фронта, поскольку не учитывает «канального» эффекта – быстрого транспорта по связным фрактальным кластерам. Фрактальная модель позволяет более точно оценить это время и своевременно развернуть систему мониторинга [1].

3. Оптимизация систем экологического мониторинга. Фрактальный критерий локализации позволяет определить, на каком расстоянии от источника следует располагать наблюдательные скважины: при $L_f < L_f^*$ скважины можно располагать ближе к источнику (загрязнение локализовано), при $L_f > L_f^*$ требуется создание протяжённой сети наблюдения [3].

4. Оценка эффективности природной очистки. Фрактальная модель предсказывает более медленное вымывание загрязнителя из зоны загрязнения по сравнению с классической моделью, что важно при планировании работ по ремедиации: для фрактальных сред может потребоваться на 30-50% больше времени промывки для достижения нормативной концентрации [9].

Заключение

В рамках выполненного исследования была всесторонне проанализирована возможность применения фрактальной геометрии и аппарата дробных производных для описания миграции загрязнителей в грунтовых водах, фильтрующихся через пористые среды со сложной микроструктурой. Полученные результаты убедительно свидетельствуют, что классическое уравнение конвекции-диффузии, основанное на предположении об однородности и локальности переноса, неприменимо для сред с фрактальной размерностью, отличной от топологической.

Предложенная обобщённая модель с дробной производной Капуто порядка γ по времени позволяет учесть нелокальный характер переноса массы – эффект памяти, обусловленный захватом частиц загрязнителя в микроструктуре среды. Установлена количественная связь между порядком дробной производной и размерностью траектории случайного блуждания частицы загрязнителя: $\gamma = 2/d_w$ при $d_w > 2$. Показано, что фрактальная структура пористой среды приводит к субдиффузионному режиму, в котором распространение загрязнителя происходит медленнее, чем предсказывает классическая теория, что соответствует эффекту самоочищения и ограничению миграции.

Введён безразмерный фрактальный критерий локализации $L_f = v_\gamma t^{\gamma/2} / D_\gamma$, позволяющий на основе фрактальной размерности среды и гидродинамических параметров потока прогнозировать, будет ли загрязнение распространяться на большие расстояния или останется локализованным вблизи источника. Апробация модели на полевых данных показала снижение погрешности прогноза с 35-40% (классическая модель) до 15-18% (фрактальная модель).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования предло-

женных зависимостей для прогноза загрязнения подземных вод, оценки защищённости водоносных горизонтов, проектирования систем мониторинга и планирования работ по ремедиации. Дальнейшие исследования предполагают обобщение модели на трёхмерный

случай, учёт нелинейных эффектов многофазного переноса веществ различной природы и разработку программного комплекса для гидрогеологического моделирования на основе фрактального подхода.

Библиографический список

1. Афонин А.А. Математические модели геофильтрации и геомиграции в пористых средах, обладающих фрактальной структурой / А.А. Афонин, А.И. Сухинов // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2009. – № 8(97). – С. 62-70. – EDN KVHIKN.
2. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
3. Кащенко Н.М., Никитин М.А. Моделирование аномальной диффузии для дренажных систем // Математическое моделирование. – 2013. – Т. 25, № 12. – С. 44-49.
4. Вендина А. А. О математическом моделировании процесса фрактальной миграции загрязнений в природных пористых системах // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Физико-математические науки. – 2011. – № 3 (24). – С. 199-201.
5. Афанасьева А.А. и др. Численное решение нестационарного дробно-дифференциального уравнения в задачах моделирования распределения токсичных веществ в грунтовых водах // Вестник АГТУ. – 2019. – № 4. – С. 70-80.
6. Puente C.E., Sivakuma B.A fractal-multifractal approach to groundwater contamination. 2. Predicting conservative tracers at the Borden site // Stochastic Environmental Research and Risk Assessment. – 2001. – Vol. 15, № 5. – P. 372-383.
7. Liu J. Water and Contaminant Transport in Porous Media: the Fractal Approach. – Beijing: Tsinghua University (Dissertation), 2001. – 125 p.
8. Нахушев А.М. Элементы дробного исчисления и их применение. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2003. – 299 с.
9. Bolshov L.A. et al. Colloid-facilitated contaminant transport in fractal media // Physical Review E. – 2011. – Vol. 84, № 4. – Art. 041140.

FRactal Geometry for Groundwater Contamination Assessment

D.A. Boshchenko, Student

Supervisor: T.P. Mashikhina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. This paper explores the application of fractal geometry to model contaminant migration in groundwater flowing through porous media with complex microstructures. It is shown that classical mass transport models based on Darcy's law and the advection-diffusion equation become inadequate for media with pore space fractal dimension differing from the topological dimension. A modification of the geomigration equation using a fractional time derivative is proposed to account for the memory effect of fractal media. Analytical solutions for the one-dimensional case are obtained, and the relationship between anomalous contaminant dispersion and fractal dimension is established. A localization criterion is derived to assess the risk of long-range contaminant transport. The results can be used for groundwater pollution forecasting, evaluation of natural protection of aquifers, and design of environmental monitoring systems.

Keywords: fractal geometry; groundwater; contaminant migration; fractional derivative; porous medium; fractal dimension; anomalous diffusion; localization criterion; mass transport.

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛОДОВ КАШТАНА КОНСКОГО ОБЫКНОВЕННОГО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ САПОНИНОВ В СЕМЕНАХ И ОКОЛОПЛОДНИКАХ

С.О. Пустовит, канд. пед. наук, доцент

М.Д. Копытов, студент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-135-141

Аннотация. В публикации представлены результаты определения суммы сапонинов, применяемых в терапевтических целях, в плодах (семенах и околоплодниках) каштана конского обыкновенного. Авторами впервые проведено измерение данной группы сапонинов в околоплодниках выбранного объекта исследования. Установлено, что содержание сапонинов в околоплодниках превышает данное значение для семян в 1,2-1,3. Подтверждена гипотеза о возможности реализации комплексного подхода к использованию природного растительного сырья для извлечения сапонинов из разных частей плодов каштана конского обыкновенного для фармацевтических целей.

Ключевые слова: сапонины; природное растительное сырьё; фармацевтическая промышленность; плоды каштана конского обыкновенного.

Для медицинских целей применяют лекарственное растительное сырьё, богатое определёнными группами биологически активных веществ. Среди них особое место занимают сапонины. Они проявляют широкий спектр биологической активности: антиоксидантное, противовоспалительное действие, гемолитическая, антимикробная, противогрибковая активность и др. Поэтому лекарственные препараты на основе данной группы соединений широко применяют в медицине.

Растительное сырьё, применяемое для выделения сапонинов, является возобновляемым, но ограниченным ресурсом. Поэтому представленное исследование посвящено актуальной проблеме – направлено на изучение возможности комплексного использования плодов каштана конского обыкновенного, в том числе, в тех его частях, которые обычно относят к отходам, в частности, в околоплодниках.

При использовании природного растительного сырья для извлечения отдельных групп биологически активных веществ, применяемых в области фармации, всего используют отдельные части растений. Такой подход может быть обусловлен различными причинами, как экономическими, так и технологическими. Среди них – более низкое содержание ценного компонента в некоторых частях растения и

недостаточная изученность их химического состава. В то же время в связи с развитием научных технологий и изменением отношения к окружающей среде всё более востребованным является более полное выделение веществ из доступных источников при одновременном снижении отходов производства. Первым этапом такой работы является уточнение химического состава применяемого сырья на предмет содержания в нём определённых групп веществ.

Цель работы: подобрать оптимальные условия экстракции извлечения сапонинов из околоплодников каштана конского обыкновенного с последующим определением концентрации данной группы веществ в полученных экстрактах для оценки возможности использования данной части плодов для промышленного получения сапонинов.

Задачи исследования:

- 1) подтвердить наличие сапонинов в объектах исследования;
- 2) выявить оптимальные условия экстракции сапонинов из околоплодника каштана конского обыкновенного;
- 3) определить содержание сапонинов в экстрактах, полученных из плодов и околоплодников каштана конского обыкновенного.

Материалы и методы исследования

Исходные материалы для проведения исследования:

- плоды (семена и околоплодники) каштана конского обыкновенного (рис. 1), собранных в 2-х контрольных точках;

Рис. 1. Семена и околоплодники каштана конского обыкновенного

Исследуемое сырьё (объект исследования) представляет высушенные плоды каштана конского обыкновенного, собранные осенью 2024 и 2025 г. в 2-х местах: рядом со зданием КГУ им. К.Э. Циолковского (г. Калуга) и в районе железнодорожного вокзала (г. Обнинска). Данный объект исследования содержит повышенное количество сапонинов, в связи с чем его применяют для выделения данной группы веществ [1].

Предмет исследования: содержание сапонинов (в пересчёте на эсцигенин) в экстрактах, полученных из плодов и околоплодников каштана конского обыкновенного.

Методы исследования:

- теоретические – изучение научных публикаций, теоретический анализ и обобщение справочной и нормативно-технической литературы;

- экспериментальные – обнаружение сапонинов осуществлялось при помощи качественных реакций, предварительную оценку содержания сапонинов в сырье проводили на основе измерения пенного числа, количественное исследование выполняли методом фотометрии, расчёт содержания сапонинов выполняли с учётом влажности сырья, установленного автоматическим анализатором влагосодержания.

Современное состояние проблемы исследования

- исходные данные об особенностях химического строения, свойств, физиологическом действии, методах извлечения, качественного и количественного анализа растительного сырья на предмет содержания сапонинов.

Сапонины (от лат. *sapo* – «мыло») – сложные безазотистые органические соединения, представляющие собой гликозиды растительного происхождения с поверхностно-активными свойствами [5]. К физико-химическим свойства данной группы веществ относятся: поверхностная активность и пенообразование; стабилизация текстуры и вязкости растворов; амфифильная природа (гидрофобный агликон и гидрофильная сахарная часть). Поэтому для выделения сапонинов применяют водно-органические смеси, например, водно-спиртовые (экстрагенты – чаще всего водные растворы метанола и этанола) [3], а для их обнаружения – качественные реакции, в том числе, основанные на их физико-химических свойствах.

В составе различных частей каштана конского обыкновенного преобладает эсцин (рис. 2), который относится к группе тритерпеновых сапонинов [7]. Данный сапонин преобладает по содержанию в плодах каштана конского обыкновенного. Поэтому в представленном исследовании количественное исследование направлено на преимущественное извлечение данной группы веществ водно-этанольным раствором, а вычисления осуществляются в расчёте на производное эсцина – эсцигенин, образующийся после обработки извлечений раствором концентрированной серной кислоты.

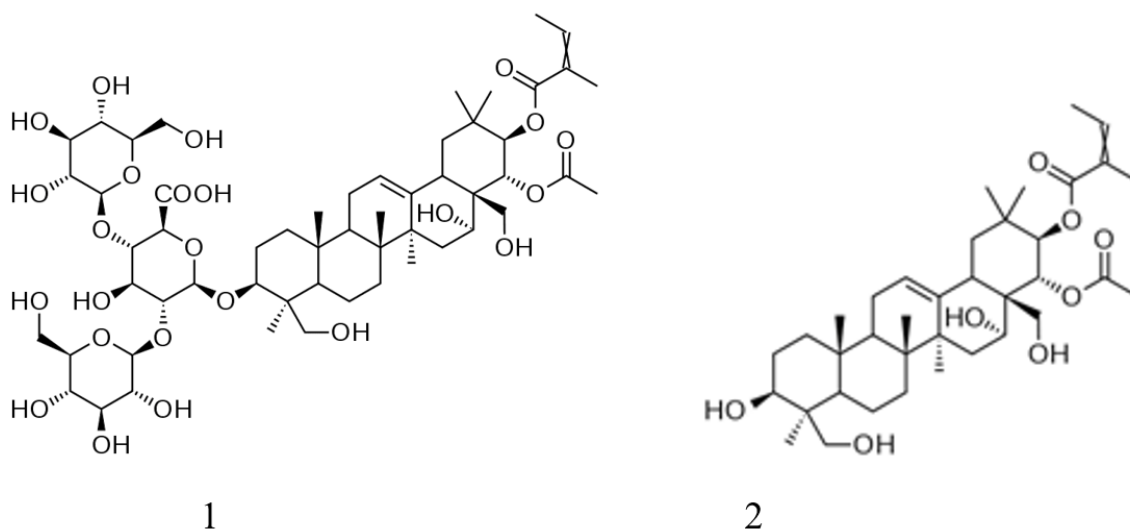

Рис. 2. Структурная формула эсцина (1) и эсцигенина (2) [8]

Для выявления сапонинов в сырье были получены водные извлечения из объектов исследования – из семян и околоплодников каштана конского обыкновенного. Для этого смесь измельчённого сырья и экстрагента (соотношение «вода : сырьё» – 1:10) нагревали

на водяной бане в течение 10-15 мин., которую после охлаждения фильтровали через бумагу «синяя лента». С полученным раствором проводили качественные реакции [9] (рис. 3).

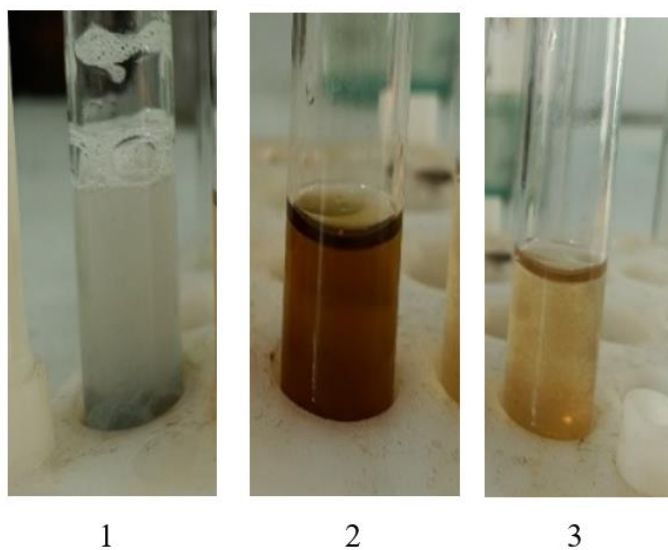

Рис. 3. Качественные реакции на сапонины:

1 – пенообразование; 2 – реакция Лафона; 3 – реакция с раствором ацетата свинца (II)

Методом Фонтан-Канделя (пенообразования) была определена химическая природа сапонинов. К 1 мл экстрактов в 2 пробирки добавили соответственно: в 1-ую – 0,5 н. раствор HCl, во 2-ую – 0,5 н. раствор NaOH. Содержимое пробирок сильно встряхнули. При этом тритерпеновые сапонины, содержащиеся

в извлечениях, образовали обильную стойкую пену как в щелочной, так и кислой средах.

Подтвердили содержание сапонинов в экстрактах реакцией Лафона: к 2 мл водного или водно-спиртового извлечения добавили 1 мл конц. раствора серной кислоты, 1 мл 96% водного раствора этилового спирта и 1 каплю 10% свежеприготовленного раствора сульфата

та железа (II). При нагревании появилось характерное для сапонинов сине-зелёное окрашивание.

Тритерпеновые сапонины осаждаются водным раствором ацетата свинца (II), что наблюдали в исследовании.

Далее было проведено определение пенного числа полученных экстрактов, которое представляет собой количественную характеристику пенообразующей способности раствора веществ (например, поверхностно-активных веществ). В настоящее время из-за низкой точности интерес к его определению

снизился, однако метод является наглядным для общей характеристики исследуемого сырья [6].

Для получения экстрактов в данном исследовании к 1,00 г сырья добавляли 100 мл воды, нагревали смесь на кипящей водяной бане в течение 15 мин., а затем охлаждали. Разбавление извлечений проводили в 2-50 раз.

Рассчитывается пенное число по формуле: $P = 100 \cdot K$, где K – уровень разбавления [10] и оценивали его значение по шкале, приведённой ниже (табл. 1).

Таблица 1. Значения пенного числа для растворов сапонинов [10]

№ п/п	Значения пенного числа	Содержание сапонинов
1	< 2000	низкое
2	2000-5000	среднее
3	> 5000	высокое

При разбавлении в 50 раз все образцы давали пену, устойчивую в течение 1 мин. (рис. 4). Таким образом, было установлено: пенное число для извлечений для семян и

околоплодников в исследованных образцах превышает более 5000, что подтверждает повышенное содержание сапонинов в сырье.

Рис. 4. Определение пенного числа экстрактов

Далее было проведено уточнения условий предварительной подготовки растительного сырья для извлечения сапонинов из околоплодников: были установлены гидромодуль и время экстракции.

Количественное исследование проводили по следующей методике [11]. Растительное сырьё измельчали до порошкообразного состояния. Навеску сырья помещали в коническую колбу, добавляли к навеске 150 мл 40% водно-этанольного раствора. Коническую колбу закрывали обратным воздушным холо-

дильником и проводили экстракцию на водяной бане в течение 15, 30, 45 и 60 мин. (в соответствии с методикой). Экстракт фильтровали в мерные колбы объёмом 200 мл через бумажный фильтр марки «синяя лента». Аликвоту 10 мл выпаривали в фарфоровой чашке. Остаток растворяли в смеси для гидролиза Килиани и переносили в мерную колбу на 200 мл, нагревали её на водяной бане 2 ч. После смесь разбавляли в 2 раза водой, осадок отфильтровывали. Осадок на фильтре промывали водой, растворяли в горячем 40% водном

растворе этанола и переносили в мерную колбу на 25 мл. Измерение осуществляли с использованием фотометра КФК-3-01 ЗОМЗ ($l = 10$ мм, $\lambda = 325$ нм) в виду его доступности и простоте применения.

$$x = \frac{D \cdot 200 \cdot 25 \cdot 5 \cdot 100\%}{225,45 \cdot a \cdot 10 \cdot 1 \cdot (100 - \omega)},$$

где: D – оптическая плотность исследуемых экстрактов; a – масса сырья, г; ω – потеря в массе при высушивании, %.

Для определения гидро модуля в соответствии с приведённой выше методикой на аналитических весах брали навески сырья в 1,00, 2,00, 3,00 и 4,00 г. К ним добавляли по 150 мл экстрагента (40% водный раствор этанола).

Для первых 3-х навесок получили низкие значения оптической плотности – около 0,1 и

Расчёт концентрации тритерпеновых сапонинов (x , %) осуществляли в пересчёте на эсцигенин (рис. 5) (продукт кислотного гидролиза) по формуле:

менее (табл. 2). Поэтому для них не осуществляли расчёт концентрации сапонинов. В области выполнения закона Бугера-Ламберта-Бера находится значение оптической плотности для навески в 4,00 г. Полученное значение гидро модуля (сырьё – экстрагент – 1 : 1,4) применили на следующих этапах эксперимента. Результаты показали, что лучший результат даёт 4 г, что соответствует соотношению – m (сырья) : V (экстрагента) = 1:4.

Таблица 2. Определение гидро модуля

№ п/п	Сухое сырьё, г	Экстрагент, мл	Значение гидро модуля	Оптическая плотность (A)	С (сапонинов), %
1	0,9201	150	1:2	0,097	- (значение A ниже пределов обнаружения, поэтому не подходит для эксперимента)
2	1,8410	150	1:8	0,114	
3	2,7603	150	1:5	0,127	
4	3,6831	150	1:4	0,538	1,62 (применяем в эксперименте)

Для определения времени экстракции получали извлечение из навески сырья (2024 г. сбора) в 4,00 г и 150 мл экстрагента, варьировали время экстракции: 15, 30, 45 и 60 мин. Оптимальным оказалось проведение процесса в течение 30 мин. (рис. 5), что соответствует времени экстракции сапонинов из семян.

Снижение концентрации сапонинов при более длительном нагревании приводит к окислению сапонинов (визуально сначала наблюдается снижение интенсивности окраски раствора, а затем – её усиление с одновременным изменением оттенка раствора (рис. 6).

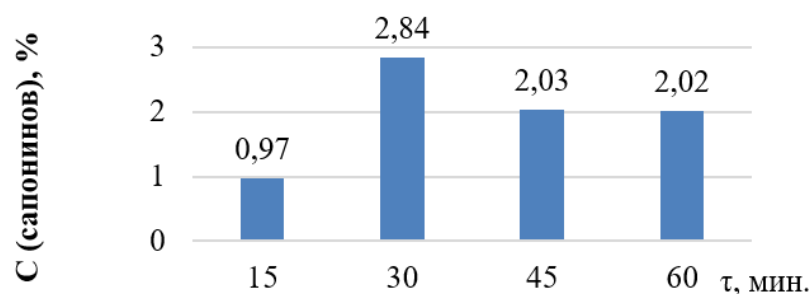

Рис. 5. Извлечение сапонинов в зависимости от времени экстракции

Рис. 6. Визуальная оценка интенсивности окраски экстрактов из околоплодников: нагревание в течение 15, 30, 45 и 60 мин. (слева – направо)

Результаты измерения сапонинов в семенах и околоплодниках (с одних и тех же мест сбора в 2025 г.) представлены на рисунке 7. В

плодах исследованных деревьев содержание сапонинов в околоплодниках больше, чем в семенах, соответственно, в 1,3 и 1,2 раза.

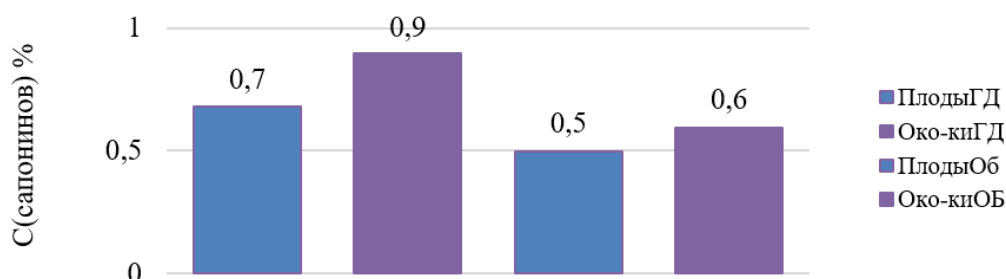

Рис. 7. Содержание сапонинов в семенах и околоплодниках, собранных в г. Калуге (ГД) и Обнинске (ОБ)

Среднее содержание сапонинов по литературным данным в семенах каштана конского обыкновенного – около 3% [2]. Данные по содержанию сапонинов в околоплоднике в научной литературе отсутствуют, однако отмечается, что содержание выше, чем в семенах. Исследованные экстракты отличаются значениями ниже среднего, что можно объяснить колебаниями температуры в летней сезон.

Результаты исследования

1. Качественным анализом подтверждено содержание сапонинов в семенах и околоплодниках каштана конского обыкновенного. Методом определения пенного числа установлено, что содержание сапонинов в около-

плодниках – более 5000 (по условной шкале – высокое).

2. Оптимальное время получения экстрактов из околоплодников – 30 мин., значение гидромодуля «сырьё : экстрагент» – 1:1,4.

3. Содержание сапонинов в экстрактах, полученных из плодов и околоплодников каштана конского обыкновенного, собранных в двух контрольных точках, составляет: в плодах – 0,5-1,9%, в околоплодниках – 0,8-2,7%, что ниже среднего содержания (около 3%), что обусловлено климатическими условиями места и года сбора сырья. Полученные результаты позволяют предположить возможность использования околоплодников каштана конского обыкновенного наряду с его семенами.

Библиографический список

1. Бутова С.Н. Перспективы использования сапонинов в пищевой и косметической промышленности (обзор) / С.Н. Бутова, В.А. Сальникова // Вестник РАЕН. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 82-84.
2. ФС.2.5.0117 Конского каштана обыкновенного семени. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pharmacopoeia.regmed.ru/pharmacopoeia/izdanie-15/2/2-3/konskogo-kashtana-obyknovennogo-semena/>.

3. Сапонины: классификация, биологические свойства и перспективы использования в медицине / Е.Е. Курдюков, Ю.А. Селезнева, А.В. Митишев [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 9(147). – DOI 10.60797/IRJ.2024.147.2. – EDN ISHDWA.
4. Журов Д.О. Состав, биологические свойства, получение и применение сапонинов в ветеринарной медицине и животноводстве / Д.О. Журов, И.Н. Громов, А.В. Буйновская // Животноводство и ветеринарная медицина. – 2025. – № 1(56). – С. 47-52. – EDN ATCLKS.
5. Сапонины. Википедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сапонины>.
6. Фаттахова Г.А. Сапонины как биологически активные вещества растительного происхождения / Г.А. Фаттахова, А.В. Канарский // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 196-202. – EDN RXMGEN.
7. Шерякова Ю.А. Идентификация и количественное определение тритерпеновых сапонинов синюхи методом ВЭЖХ / Ю.А. Шерякова, О.М. Хишова // Вестник фармации. – 2015. – № 1(67). – С. 69-77. – EDN TQSSIF.
8. Эсцин (Aescinum): описание. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rlsnet.ru/active-substance/escin-235>.
9. Качественный анализ сырья, содержащего сапонины. Раздел 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/17090755/page:2/>.
10. Химический анализ ЛРС, содержащего сапонины. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/1786071/page:30/>.
11. Спектрофотометрическое определение суммы сапонинов в плодах дерезы китайской *Lycium chinense* mill / Я.П. Моисеев, Е.Е. Курдюков, А.В. Митишев [и др.] // Химия растительного сырья. – 2021. – № 2. – С. 123-128. – DOI 10.14258/jcprm.2021028771. – EDN SKPNHG.

ASSESSMENT OF THE POSSIBILITY OF A COMPREHENSIVE THE USE OF HORSE CHESTNUT FRUITS: DETERMINATION OF SAPONINS IN SEEDS AND PERICARP

S.O. Pustovit, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

M.D. Kopytov, *Student*

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)

Abstract. *The publication presents the results of determining the amount of saponins used for therapeutic purposes in the fruits (seeds and pericarp) of the horse chestnut. For the first time, the authors measured this group of saponins in the pericarp of the selected study object. It was found that the saponin content in the pericarp exceeds this value for seeds by 1.2-1.3 times. The hypothesis about the possibility of implementing an integrated approach to the use of natural plant raw materials for the extraction of saponins from different parts of the horse chestnut fruit for pharmaceutical purposes has been confirmed.*

Keywords: *saponins; natural plant raw materials; pharmaceutical industry; horse chestnut fruits.*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДИПФЕЙКОВ: СОГЛАСИЕ НА ОБРАБОТКУ ГОЛОСА И ИЗОБРАЖЕНИЯ

О.С. Афонина, старший преподаватель

В.В. Рокова, студент

А.С. Соболева, студент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-142-145

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций, связанных с распространением дипфейк-технологий. Авторы детально изучают судебную практику, посвящённую данному вопросу, а также исследуют научные работы и существующие подходы к регулированию подобных явлений в других странах. На основе исследуемых данных устанавливается отсутствие юридического определения термина «дипфейк», вследствие чего возникает сложность в контроле контента и установления ответственности за его создание. Делается вывод о необходимости распространения этой проблемы на государственном уровне, а также внесения соответствующих изменений в российское законодательство с целью сдерживания возрастающей популярности дипфейков.

Ключевые слова: дипфейк; ИИ-технологии; ложный контент; гражданско-правовой статус; авторское право; мониторинг.

С развитием цифровизации и бурного прогресса в сфере искусственного интеллекта, создание и распространение дипфейков – синтезированного мультимедийного контента – представляет собой предмет многочисленных дискуссий и серьёзных опасений. Особую значимость приобретает их изучение, так как данная технология не является уникальной, а имеет общедоступный характер. Если раньше для создания реалистичных подделок требовались специализированное оборудование и глубокие технические познания, то сегодня любой желающий может воспользоваться простыми в освоении приложениями и программами. Кроме того, качество создаваемых подделок достиг такого уровня совершенства, что зачастую человеку трудно распознать фальсификацию без специальных навыков.

Основная проблема заключается в том, что дипфейки всё чаще применяются с целью причинения вреда, а не просто для развлечения. Они становятся инструментом для распространения ложной информации, манипулирования общественным мнением, а также для вымогательства и мошенничества. Особенно тревожным является отставание законодательства многих стран, включая Россию, от темпов развития этих технологий, а также

нехватка эффективных мер противодействия дипфейкам.

Данная технология превращается из развлекательного инструмента в опасное средство, способное нанести не физический, а скорее психологический и финансовый ущерб. Проблема усугубляется зачастую пренебрежительным отношением к ней и недостаточным информированием населения, что приводит к низкому уровню осведомлённости. Пока общество не осознаёт всю серьёзность потенциальных угроз, злоумышленники активно используют человеческую доверчивость и цифровую безграмотность, вводя в заблуждение всё больше людей.

Первый зафиксированный дипфейк был опубликован в 2017 году анонимным пользователем платформы Reddit, который загрузил порнографические видеоролики с лицами известных актрис (Тейлор Свифт, Скарлетт Йоханссон и др.) [2]. Тенденция распространения порнографических дипфейков идет на спад с конца 2018 года, когда, в связи с выборами в США, публикуются дипфейки с Б. Обамой и Д. Трампом. С тех пор прослеживается тенденция политизации использования технологии и связанного с ней манипулирования и мошенничества в различных сферах [3]. На сегодняшний день дипфейки представлены

разнообразными формами, каждая из которых обладает уникальными чертами и способами применения.

Первые заметные случаи использования дипфейков в России, связанные преимущественно с политической сферой, стали появляться в начале 2020-х годов. Один из наиболее резонансных инцидентов произошёл в 2023 году, когда в эфире некоторых телеканалов и радиостанций распространилось фейковое «экстренное обращение» президента Владимира Путина о введении военного положения в приграничных регионах и всеобщей мобилизации [11].

В 2023–2024 годах фиксировались и другие политические дипфейки. Например, распространялись видео с участием бывшего губернатора Курской области Алексея Смирнова и губернатора Приморского края Олега Кожемако, которым приписывались заявления, которых они никогда не делали. Также встречались дипфейки с «предсмертными заявлениями» глав регионов – например, фейковый ролик о «самоубийстве» губернатора Самарской области Вячеслава Федорищева, после которого чиновнику пришлось публично опровергать собственную «гибель» [5]. Представленные случаи демонстрируют, что дипфейк-технологии носят общественно вредный характер, поскольку с их помощью люди распространяют информацию, порочащую честь и достоинство личности, а также популяризируют её в обществе. Вследствие чего пострадавшие вынуждены опровергать ложные сведения, однако эти меры не всегда способны восстановить утраченную репутацию. Кроме того, следует также учитывать, что дипфейки, являясь относительно новой формой контента, представляют угрозу обществу ввиду низкой информированности населения о них. Многие не осознают, что дипфейки содержат сгенерированные изображения реальных людей, чьи лица и голос были использованы без их разрешения. Это не только посягает на личные неимущественные права граждан, но и способствует нарастанию конфликтных настроений в обществе, провоцируя беспорядки и подрывая общественную безопасность.

Российская правовая система на данный момент не содержит юридического определения понятия «дипфейк». Научное сообщество, в свою очередь, предлагает множество раз-

личных интерпретаций этого термина. Например, Лужинская Е.Л. считает, что «Дипфейки – это синтетически произведённый медиаконтент, в котором оригинальный человек (тот, кто изначально находится на изображении) замещается другим человеком» [7]. Игнатенков Г.К. пишет, что «дипфейки – это преднамеренно искаженные аудио, видео или иные файлы с использованием технологии глубокого обучения (определение производное от словосочетания «deep learning» – глубокое обучение, «fake» – подделка), которые изображают что-то вымышленное или ложное, что позволяет злоумышленникам использовать новый и сложный инструмент социальной инженерии» [6].

Анализ предложенных определений позволяет выделить ключевые характеристики дипфейка. Первое – это создание контента при помощи специальных программных средств. Второе – использование личных данных реального человека (внешности, голоса, манеры поведения), чаще всего без его согласия. Третье – намерение выдать ложную информацию за достоверную.

Для определения гражданско-правового статуса дипфейков требуется установить, какие именно нематериальные права граждан они нарушают.

В первую очередь, речь идет о праве на изображение. Согласно статье 152.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), использование изображения гражданина допускается только с его согласия, за исключением прямо установленных законом случаев [1]. Дипфейк прямо нарушает это право, так как изображение гражданина в большинстве случаев используется без его согласия. Во-вторых, если дипфейк представляет человека в невыгодном свете, создавая искаженное представление о нем, то это может негативно сказаться на его репутации. Таким образом, нарушается право на честь, достоинство и деловую репутацию, гарантированное статьей 152 ГК РФ [1]. Следовательно, дипфейк выступает инструментом, посягающим на основополагающие права личности и создающим прямую угрозу репутации.

Кроме того, дипфейки могут нарушать авторское право, о чем свидетельствует дело, связанное с незаконным использованием изображения актера Киану Ривза. Московский

арбитражный суд официально признал дипфейк объектом авторского права и взыскал компенсацию в размере 500 000 рублей с компании, распространявшей дипфейк-видео с изображением Киану без соответствующего разрешения [9].

Также дипфейки могут использоваться для фальсификации доказательств при судебных разбирательствах. Например, дело, рассмотренное Куйбышевским районным судом Санкт-Петербурга в 2023 году (дело №2-1347/2023) [10], где сторона ответчика представила аудиозапись телефонного разговора, достоверность которой была оспорена истцом со ссылкой на признаки дипфейка. В ходе разбирательства эксперты не смогли определить подлинность данного доказательства, из-за отсутствия четких методик анализа цифровых материалов, созданных нейросетью. Эти примеры также демонстрируют область применения дипфейков и случаи распространения данного явления.

Ключевое различие дипфейков от других видов фейкового контента заключается в том, что ответственность за распространение последних в основном связана с введением в заблуждение и нанесением ущерба общественным интересам, тогда как ответственность за дипфейки обусловлена, прежде всего, неправомерным использованием персонального образа. Даже имитация внешности или голоса конкретного человека в развлекательных целях, созданная без его согласия и позволяющая его идентифицировать, представляет собой вмешательство в сферу его нематериальных благ и потому является противоправной.

Основная проблема дипфейков заключается в широкой доступности ИИ-сервисов для их создания. Любой человек может использовать чужое изображение для генерации контента, который зачастую трудно отследить. Это порождает вопрос об ответственности за создание и распространение подобных материалов.

Для решения данной проблемы необходим комплексный подход, затрагивающий правовые, технологические и международные аспекты. Во-первых, требуется законодательно урегулировать использование дипфейков, опираясь на удачные примеры правового ре-

гулирования других государств. Показательным примером служит первый проект Кодекса практики Еврокомиссии по маркировке и идентификации ИИ-контента, который уже включает обязательные включающие машиночитаемые метки, раскрытие факта ИИ-генерации перед пользователем и формализацию обязанностей платформ [8]. США тоже усилили контроль за ИИ-контентом: подписанный Дональдом Трампом Take It Down Act [4] закрепил за платформами обязанность оперативно удалять несанкционированные интимные изображения и их ИИ-подделки. В российское законодательство необходимо закрепить понятие дипфейка, а также, ссылаясь на вышеупомянутые примеры, ввести специальные маркировки на ИИ-контент. Во-вторых, необходимо создать специальный комитет, который будет специализироваться на дипфейках и отслеживать использование ИИ-технологий в противоправных целях. Следует разработать эффективную программу мониторинга данного контента, чтобы в последующем можно было бы ввести ответственность за создание и распространение этих материалов. В-третьих, нельзя забывать о международном сотрудничестве, так как данная проблема затрагивает все страны, а не только Российскую Федерацию. Необходимо разрабатывать совместные положения, регулирующие ИИ-контент в целом, а также распространение дипфейков, так как это нарушает общественный порядок.

Таким образом, хотя феномен дипфейков существует давно, наибольшее распространение он получил относительно недавно с развитием искусственного интеллекта. Поскольку это довольно новая тема, то законодательство всех стран, в том числе и России, не ориентировано на регулирование данной проблемы. Несмотря на это, многие учёные начинают излагать свои мысли по этому поводу, показывая, что люди нуждаются в государственной защите от такого контента, ведь он нарушает права человека. Реализация предложенных мер должна запустить процесс изучения и регулирования дипфейков на государственном и международном уровнях, что в перспективе приведёт к снижению распространения такого контента.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Albahar M., Almalki J. Deepfakes: Threats and countermeasures systematic review // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. – 2019. – Т. 97. – № 22. – С. 3242-3250. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/94949998/Deepfakes_Threats_and_Countermeasures_Systematic_Review.
3. Appel M., Prietzel F. The detection of political deepfakes // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2022. – Т. 27. – №4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://colab.ws/articles/10.1093%2Fjcmc%2Fzmac008>.
4. Congress.Cov. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/3696>.
5. Дзен. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/aUW90ej8yzbxqmaR>.
6. Игнатенков, Г.К. Технология дипфейк как угроза информационной безопасности / Г.К. Игнатенков // Наука. Исследования. Практика: Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 25 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2022. – С. 74-77. – EDN ILYZTN.
7. Лужинская Е.Л. Особенности исследования изображений внешнего облика человека, измененного при помощи программных средств / Е.Л. Лужинская, В.А. Чванкин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2022. – № 2(52). – С. 116-121. – EDN PLZXXD.
8. Официальный сайт Европейского союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-ai-generated-content>.
9. Постановление от 7 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FPdEj2cpgSdC/>.
10. Решение Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 17 апреля 2023 года по делу № 2-1347/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/73588166>.
11. ТАСС Медиа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/17933053>.

CIVIL STATUS OF DIPFAKES: CONSENT TO PROCESSING VOICE AND IMAGE

O.S. Afonina, Lecturer

V.V. Rokova, Student

A.S. Soboleva, Student

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)

Abstract. The article is devoted to the analysis of trends related to the spread of deepfake technologies. The authors study in detail the judicial practice devoted to this issue, as well as research scientific works and existing approaches to regulating such phenomena in other countries. Based on the data studied, it is established that there is no legal definition of the term "deepfake", which results in the complexity of controlling the content and establishing responsibility for its creation. It is concluded that it is necessary to spread this problem at the state level, as well as to make appropriate changes to Russian legislation in order to curb the growing popularity of deepfakes.

Keywords: deepfake; AI technologies; false content; civil status; copyright; monitoring.

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

И.И. Баротов, студент

Научный руководитель: Н.Н. Жильский, д-р юрид. наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-146-151

Аннотация. Статья посвящена анализу современных средств фиксации доказательственной информации в гражданском судопроизводстве. Рассмотрены процессуальные критерии работы со скриншотами, электронной перепиской, аудио- и видеозаписями, исходными файлами с метаданными, нотариальным протоколом осмотра интернет-страницы и электронными сервисами подачи документов. Практическая проблема связана с тем, что цифровой материал может подтверждать фактическое обстоятельство, но терять доказательственное значение из-за неполной фиксации источника, времени получения, авторства и неизменности. В статье предложена дифференцированная модель фиксации электронных материалов по уровню риска и сформулирован состав «паспорта цифрового доказательства», включающий источник, формат, дату получения, технические признаки файла, способ хранения и связь с предметом доказывания.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; доказательства; электронные доказательства; фиксация доказательств; скриншот; электронная переписка; нотариальный осмотр; метаданные; допустимость; достоверность.

Гражданское судопроизводство всё чаще опирается на цифровые следы: сообщения в мессенджере, электронные письма, чек в мобильном банке, запись вебинара, история заказов в личном кабинете, скриншот страницы продавца, файл договора, подписанный электронной подписью. Для стороны процесса такие сведения выглядят очевидным подтверждением факта. Для суда они становятся доказательством только после проверки относимости, допустимости, достоверности и достаточности. ГПК РФ раскрывает понятие доказательств через сведения о фактах, полученные в предусмотренном законом порядке, а письменные доказательства допускает в цифровой, графической, электронной или иной форме, если возможно установить достоверность документа [1].

Актуальность темы определяется нагрузкой на суды и массовым характером документарного доказывания. В 2024 г. по гражданскому судопроизводству было учтено 28 419 934 дела, из них 24 507 785 окончены судебными приказами [2]. Большая часть таких споров строится вокруг документов, платежей, договоров, извещений и переписки. Электронная форма этих материалов ускоряет

обращение в суд, но одновременно повышает требования к первичной фиксации: изображение экрана, распечатка письма или копия файла должны позволять проверить источник, дату создания, связь с участником процесса и отсутствие последующего изменения.

Исследователи П.А. Олейникова и Н.А. Сафонова рассматривают фиксацию электронных материалов как самостоятельный элемент доказывания, поскольку суд оценивает не только содержание цифрового файла, но и способ его получения, хранения и представления [3]. Автор А.В. Пономаренко развивает эту позицию в процессуальном аспекте: отсутствие отдельного вида электронных доказательств в ГПК РФ заставляет суды относить такие материалы к письменным или вещественным доказательствам, хотя техническая природа цифрового файла требует дополнительных критериев проверки [4].

Исследователь Э.А. Устьян связывает проблему с темпом цифровизации судебной деятельности: электронные сведения уже вошли в практику, но правила их оценки остаются менее детализированными, чем технические способы создания, передачи и хранения данных [5]. Специалист Ю.А. Максименкова пе-

реносит акцент на нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет: когда страница, публикация или переписка может быть удалена до заседания, решающее значение получает своевременный протокол осмотра [6].

Проблема исследования состоит в неодинаковом подходе к фиксации доказательственной информации. Один суд принимает скриншот переписки при отсутствии возражений другой стороны. Другой требует нотариального протокола, экспертного заключения, исходного файла, технических заголовков письма или подтверждения принадлежности аккаунта. На практике это меняет исход спора: сторона может обладать фактическим доказательством, но утратить возможность его процессуального использования из-за слабой фиксации происхождения, времени создания, авторства и неизменности.

Цель исследования состоит в анализе современных средств фиксации доказательственной информации в гражданском судопроизводстве и разработке практических решений, снижающих риск признания электронных материалов недопустимыми или недостоверными.

Результаты исследования

Проведенный анализ показал, что современная фиксация доказательственной информации строится вокруг проверяемости. Бумажная распечатка электронного письма показывает текст сообщения, но не подтверждает технические заголовки, маршрут отправки,

вложения и исходный формат. Скриншот страницы фиксирует состояние экрана, но без URL-адреса, даты, видимого аккаунта и последовательности переходов он не раскрывает источник сведений. Видеозапись передаёт событие, однако без исходного файла, длительности, формата и метаданных её труднее проверить на монтаж.

Лузянин и Гаряева подчёркивают, что электронные доказательства проходят общие процессуальные фильтры только при наличии связи между содержанием документа, способом его создания и возможностью установить достоверность [7]. Такой подход не требует превращать каждый цифровой материал в экспертный объект. Он задает минимальный стандарт: электронная форма не ухудшает доказательство, если источник, способ получения и целостность можно проверить обычными процессуальными средствами.

Практическая фиксация начинается до подготовки иска. Сторона должна сохранить не только конечный фрагмент, подтверждающий позицию, но и путь к нему: адрес страницы, дату и время доступа, сведения об аккаунте, переписку до и после спорного сообщения, вложения, чек, договор, уведомление, технические свойства файла. Такой комплект позволяет суду сопоставить цифровой след с предметом доказывания, а другой стороне – заявить конкретные возражения, а не абстрактное несогласие с электронной формой (табл. 1).

Таблица 1. Процессуальные критерии фиксации электронного материала

Критерий	Что фиксируется	Процессуальное значение
Источник	URL-адрес, адрес электронной почты, номер телефона, аккаунт, сервис, личный кабинет, устройство или носитель	Связывает цифровой материал с конкретным участником, платформой или информационной средой
Время	Дата и время создания, отправки, получения, просмотра, сохранения или нотариального осмотра	Помогает сопоставить цифровой след с событием, сроком исполнения обязанности или моментом нарушения права
Целостность	Исходный файл, формат, размер, метаданные, хеш-сумма, сведения о копировании и хранении	Снижает риск утверждения о монтаже, подмене файла или последующем редактировании
Контекст	Полная цепочка переписки, вложения, предшествующие и последующие сообщения, условия договора, чеки, уведомления	Исключает выборочное предъявление фрагмента без связи с предметом спора

Из данных в таблице 1 видно, что цифровой материал должен сопровождаться не формальным перечнем приложений, а набором признаков, позволяющих проверить его

происхождение. В бумажном документе часть таких признаков заложена в подписи, печати, бланке, регистрационном номере и способе вручения. В электронном материале эти при-

знаки распределены между файлом, сервисом, аккаунтом, метаданными и действиями пользователя.

Скриншот остаётся самым распространённым способом фиксации, потому что он быстро создаётся и легко включается в приложение к иску. Его слабое место — отсутствие самостоятельной гарантии происхождения. Изображение экрана может не показывать адрес страницы, дату, время, владельца аккаунта, контекст переписки и технические признаки устройства. Поэтому скриншот эффективен не как одиночная картинка, а как элемент набора: снимок полного экрана, сохранённая ссылка, PDF-версия страницы, исходное письмо, чек и подтверждение отправки.

Гуляева и Силаева рассматривают скриншот как допустимый цифровой материал при сохранении сведений о времени получения, источнике и содержании страницы [8]. В прикладном плане это означает, что скриншот заказа в интернет-магазине должен отражать не только цену или описание товара, но и адрес страницы, дату фиксации, статус заказа, данные аккаунта, способ оплаты и связь с электронным чеком.

Электронная переписка требует более строгого подхода. Сообщение в мессенджере или письмо по электронной почте не существует изолированно: значение имеет цепочка сообщений, отправитель, получатель, вложения, время отправки, факт прочтения, контактные данные и обстоятельства доступа к аккаунту. В потребительском споре одно сообщение куратора онлайн-курса может подтверждать обещанный результат, но без оферты, оплаты, доступа к материалам и последующей претензии оно не раскрывает всей связи сторон.

Маторина, Шавырина и Орлова отдельно выделяют приобщение электронной переписки и аудиовизуальных материалов к судебному процессу как ситуацию, где содержание файла должно сопровождаться сведениями о происхождении и способе представления [9]. Эта позиция особенно значима для аудио- и видеозаписей: суду нужен не только носитель с записью, но и сведения о дате, участниках разговора, месте записи, техническом формате, длительности, признаках монтажа и обстоятельствах получения материала (табл. 2).

Таблица 2. Средства фиксации доказательственной информации

Средство фиксации	Практическое применение	Основной риск
Скриншот сайта или переписки	Подтверждение оферты, заказа, сообщения, публикации, личного кабинета, статуса операции	Нет URL, даты, аккаунта, полного экрана, цепочки сообщений или сведений о способе получения
Нотариальный протокол осмотра	Фиксация страницы, переписки, публикации или файла до удаления либо изменения	Протокол подтверждает состояние объекта на момент осмотра, но не раскрывает все предшествующие изменения
Исходный файл с метаданными	Проверка даты создания, формата, размера, устройства, программы и признаков редактирования	Файл может быть передан без описания цепочки хранения и без контрольной хеш-суммы
Аудио- и видеозапись	Подтверждение события, разговора, выполнения работ, консультации, состояния объекта или поведения участника	Возникают споры о согласии на запись, монтаже, дате создания, участниках и целостности файла

Нотариальный осмотр интернет-страницы или переписки применяется при повышенном риске утраты сведений. Нотариус фиксирует адрес, порядок переходов, дату, время, содержание страницы, изображения, файлы и видимые реквизиты аккаунта. Такой протокол повышает устойчивость доказательства, но не заменяет судебную оценку относимости и достоверности. Он подтверждает состояние объекта на момент осмотра, а не автоматически доказывает правоту стороны по существу спора.

Исходный электронный файл с метаданными имеет самостоятельное значение. Файл фотографии, документа, аудио- или видеозаписи может содержать дату создания, формат, размер, сведения об устройстве, программе редактирования и другие технические признаки. Если сторона передает только распечатку или конвертированный PDF, часть этих признаков исчезает. Поэтому источник должен храниться отдельно, а копия для суда — сопровождаться описанием того, где находится

ся оригинал и каким способом он был получен.

Разные электронные материалы создают разные процессуальные риски. Электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью, обычно проверяется иначе, чем скриншот переписки в мессенджере. Сведения из официального сервиса суда, налогового органа или банка обладают большей проверяемостью, чем изображение страницы, сохранённое неизвестным способом. Поэтому единый подход «всё заверять нотариально» неэффективен: он увеличивает расходы и не учитывает характер спора.

Низкий риск возникает, когда документ поступил через официальный сервис, подписан электронной подписью, подтверждён другой стороной или совпадает с иными материалами дела. Средний риск характерен для переписки, скриншотов личных кабинетов, электронных чеков, вложений и файлов, полученных от контрагента. Высокий риск возникает при удаляемом интернет-контенте,

споре о принадлежности аккаунта, вероятности монтажа, а также при конфликте вокруг даты создания файла.

Зарубежный материал подтверждает сходную проблему. Xia Yuxin выделяет в гражданском процессе Китая трудности сбора, сохранения и проверки электронных доказательств, включая зависимость от технических посредников и риск утраты данных [10]. Optanu рассматривает нормализацию электронных доказательств как переход от исключительного отношения к цифровым материалам к их включению в обычную процессуальную оценку при наличии понятных нормативных и технических критериев [11].

Для практического применения таких критериев требуется связать уровень риска с конкретным способом закрепления электронного материала. Такое сопоставление позволяет заранее определить, когда достаточно исходного файла и пояснений стороны, а когда требуется нотариальный осмотр, техническая проверка или дополнительное подтверждение источника (табл. 3).

Таблица 3. Матрица выбора способа фиксации по уровню риска

Уровень риска	Типовая ситуация	Рекомендуемый способ фиксации
Низкий	Документ подписан электронной подписью, поступил через официальный сервис, подтверждён другой стороной или совпадает с иными материалами	Сохранить исходный файл, реквизиты сервиса, дату загрузки, подтверждение отправки или получения; приложить копию для суда
Средний	Переписка, скриншоты личного кабинета, электронные чеки, вложения, записи онлайн-встреч, файлы от контрагента	Фиксировать полный контекст, аккаунты, дату и время, вложения, технические заголовки, метаданные, источник и последовательность действий
Высокий	Удаляемая страница, спор о принадлежности аккаунта, видеозапись с возможным монтажом, конфликт вокруг даты создания файла	Использовать нотариальный осмотр, судебное обеспечение доказательств, экспертное исследование, хеш-сумму, истребование сведений у сервиса

Матрица риска показывает, что способ фиксации должен соотноситься не с видом электронного материала сам по себе, а с вероятностью спора о его происхождении, целостности и связи с участниками процесса. Скриншот, исходный файл, нотариальный протокол и техническая проверка выполняют разные функции, поэтому их применение зависит от того, насколько легко суд может проверить источник сведений без дополнительных процедур.

В потребительских спорах такая логика позволяет выстроить фиксацию до направления претензии. Сторона сохраняет оферту,

страницу товара или услуги, чек, переписку, уведомления о доставке или предоставлении доступа, условия возврата и сведения о времени получения документов. После возникновения конфликта к этому массиву добавляются ответы продавца или исполнителя, подтверждение отказа в возврате денежных средств, сведения о блокировке аккаунта либо изменении условий на сайте.

В трудовых спорах о дистанционной работе значение получают корпоративная почта, задачи в системе управления проектами, файлы выполненной работы, сообщения руководителя и сведения о времени отправки ре-

зультата. Такая совокупность показывает не отдельный цифровой фрагмент, а последовательность трудового взаимодействия, поэтому суду проще сопоставить поручение, исполнение, срок и реакцию работодателя.

Для снижения процессуальных рисков электронный материал целесообразно сопровождать кратким описанием, которое можно обозначить как «паспорт цифрового доказательства». Это не самостоятельный процессуальный документ и не замена судебной оценке, а пояснение к приложенному файлу или распечатке, позволяющее связать содержание доказательства с источником его получения и обстоятельствами фиксации.

В таком описании отражается, какой материал представлен суду, из какого источника он получен, кем и когда зафиксирован, в каком формате сохранён и какими техническими признаками подтверждается его неизменность. Для переписки дополнительно указывается связь аккаунта или адреса электронной почты с участником спора, для интернет-страницы – адрес и момент осмотра, для аудио- и видеозаписи – исходный файл, длительность, носитель и обстоятельства создания.

Такой подход делает проверку доказательства последовательной. Суд получает не разрозненные скриншоты и файлы, а объяснимую доказательственную связку: источник сведений, способ получения, технические признаки и связь с обстоятельствами дела. Другая сторона при этом сохраняет возможность заявить возражения, но спор переносится с формального вопроса о виде файла на содержательную проверку его происхождения и достоверности.

Практическая модель фиксации может применяться без изменения действующего процессуального законодательства. Она опирается на существующие критерии относимости, допустимости, достоверности и доста-

точности доказательств, переводя их в понятные действия стороны процесса. Такой формат особенно значим для массовых гражданских дел, где электронные материалы используются часто, но процессуальные ошибки при их оформлении всё ещё приводят к утрате доказательственного значения.

Заключение

Современные средства фиксации доказательственной информации меняют гражданское судопроизводство, поскольку значимая часть обстоятельств подтверждается не бумажными документами, а перепиской, файлами, личными кабинетами, электронными платежами, аудио- и видеозаписями, интернет-страницами и данными платформ. Главная проблема находится не в цифровой форме доказательства, а в неполной фиксации источника, времени, авторства, целостности и цепочки хранения. Скриншот, распечатка письма или копия файла могут быть полезны, но они становятся устойчивыми только при связи с первичным источником и проверяемыми техническими признаками.

Проведенное исследование позволило выделить три практических уровня фиксации. При низком риске достаточно сохранить исходный файл, сведения о сервисе, дату получения и подтверждение отправки или подписания. При среднем риске требуется полный контекст переписки, аккаунты, вложения, технические заголовки, метаданные и описание способа получения. При высоком риске используются нотариальный осмотр, судебное обеспечение доказательств, экспертное исследование, хеш-сумма и истребование сведений у владельца первичных данных. Практическим результатом работы выступает модель «паспорта цифрового доказательства», которая помогает стороне заранее устранить слабые места электронного материала, а суду – оценивать цифровые сведения по существу.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828>.
2. Судебная статистика Российской Федерации за 2024 год: статистический сборник / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – М., 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 24.05.2026).
3. Олейникова П.А., Сафонова Н.А. Современные способы фиксации доказательств в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6 (198). – С. 290-293. – DOI: 10.47643/1815-1337_2021_6_290.

4. Пономаренко А.В. Электронные доказательства в гражданском процессе // Нацразвитие. Наука и образование. – 2022. – № 1 (4). – С. 23-25.
5. Устьян Э.А. Цифровизация доказательств в гражданском процессе // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – № 3. – С. 72-78.
6. Максименкова Ю.А. Нотариальное обеспечение доказательств в сети Интернет // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8 (224). – С. 80-83. – DOI: 10.47643/1815-1329_2023_8_80.
7. Лузянин С.Р., Гаряева А.В. К вопросу об использовании электронных доказательств в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4-2 (91). – С. 30-33. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-4-2-30-33.
8. Гуляева В.А., Силаева С.С. Использование скриншотов при доказывании в гражданском процессе в Российской Федерации // Юридическая наука. – 2023. – № 5 (81). – С. 38-41.
9. Маторина О.С., Шавырина Т.А., Орлова М.В. Приобщение электронной переписки и аудиовизуальных материалов в судопроизводстве // Социология и право. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 116-123. – DOI: 10.35854/2219-6242-2025-1-116-123.
10. Xia Yuxin. Existing Problems and Perfection of Digital Evidence in Civil Proceeding // The Frontiers of Society, Science and Technology. – 2022. – Vol. 4, № 3. – P. 24-28. – DOI: 10.25236/FSST.2022.040305.
11. Ontanu E.A. Normalising the Use of Electronic Evidence: Bringing Technology Use into a Familiar Normative Path in Civil Procedure // Oñati Socio-Legal Series. – 2022. – Vol. 12, № 3. – P. 582-613. – DOI: 10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1304.

MODERN MEANS OF RECORDING EVIDENTIARY INFORMATION IN CIVIL PROCEEDINGS

I.I. Barotov, Student

Academic supervisor: *N.N. Zhilsky, Doctor of Legal Sciences, Professor*
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *The article analyzes modern means of recording evidentiary information in civil proceedings. It examines procedural criteria for screenshots, electronic correspondence, audio and video recordings, original files with metadata, notarized protocols for inspecting Internet pages and electronic filing services. The practical problem is that digital material may confirm a factual circumstance but lose evidentiary value because its source, time of receipt, authorship and integrity were not recorded properly. The article proposes a differentiated model for recording electronic materials according to procedural risk and formulates the structure of a digital evidence passport, including source, format, date of receipt, technical properties, preservation method and connection with the subject of proof.*

Keywords: *civil proceedings; evidence; electronic evidence; evidence recording; screenshot; electronic correspondence; notarial inspection; metadata; admissibility; reliability.*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ

К.А. Бикбулатова, магистрант

Научный руководитель: И.Р. Минигулова, канд. филос. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий

(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-152-157

Аннотация. В статье рассматриваются международно-правовые основы защиты прав трудящихся-мигрантов, анализируется система международных норм и механизмов, обеспечивающих гарантии их социально-трудовых прав. В работе проведён комплексный анализ ключевых международных документов, регулирующих статус и права трудящихся-мигрантов. Выявлены пробелы и противоречия в действующей системе международной защиты, а также предложены направления её совершенствования, включая усиление координации между международными организациями, развитие двусторонних соглашений и повышение доступности юридической помощи мигрантам.

Ключевые слова: трудящиеся-мигранты; международная защита прав; Конвенция ООН 1990 г.; Конвенции МОТ; имплементация международных норм; равенство возможностей; дискриминация; региональная интеграция; социально-трудовые права; миграционное законодательство.

Система международно-правовых норм и механизмов, которые обеспечивают гарантии социальных и трудовых прав, включает важнейшие документы Организации Объединённых Наций, конвенции Международной организации труда, региональные соглашения и механизмы по контролю. Но в данной системе существуют актуальные проблемы и значительные противоречия, которые требуют постоянного совершенствования.

Международно-правовые основы защиты прав трудящихся-мигрантов включают ряд региональных и универсальных соглашений, устанавливающих правила обращения с иностранными гражданами, их трудовых прав и социальных гарантий, обеспечиваемых государством. Данные международно-правовые акты разрабатываются и поддерживаются такими подразделениями, как Организация Объединённых Наций, Международная организация труда и иными международными структурами.

Б.М. Смитиенко пишет: «Как нам известно, международная трудовая миграция представляет собой процесс перемещения трудовых ресурсов из одной страны в другую с целью трудоустройства на более выгодных условиях, чем в стране происхождения. Помимо экономических мотивов процесс междуна-

родной миграции обуславливается также соображениями политического, этнического, культурного, семейного и иного характера.

Таким образом, международная миграция рабочей силы является частью широкого явления – международной миграции населения, когда данный процесс не связан прямо с трудоустройством. Международная миграция включает две основные составляющие: эмиграцию и иммиграцию. Под эмиграцией понимается выезд из страны на постоянное место жительства, под иммиграцией – въезд в страну на постоянное место жительства. Международная миграция включает также процесс репатриации – возвращение в страну происхождения ранее выехавших из нее граждан» [2, с. 34].

Международные механизмы защиты прав трудящихся-мигрантов можно классифицировать на две основные группы:

- общепринятые – государственные инспекции труда, комиссии по трудовым спорам, суды и т.д.;

- направленные на унификацию законотворческой и правоприменительной практики – международные организации (Международная организация труда, Совет Европы), органы по контролю (Комитет по экономическим,

социальным и культурным правам, Европейский комитет по социальным правам).

Например, деятельность Европейского комитета по социальным правам направлена на соблюдение трудовых прав странами-участниками, ратифицировавшими Европейскую социальную хартию.

На сегодняшний день на международном уровне права трудящихся-мигрантов регулируются рядом международных правовых актов, среди которых:

– Конвенция Международной Организации Труда от 1 июля 1949 г. № 97 «О трудящихся мигрантах» [13] – запрещает дискриминацию при приёме мигрантов на работу, рекомендует обеспечивать социальные гарантии, защищаемые государством;

– Резолюция Генеральной Ассамблеи Организаций Объединённых Наций от 18 декабря 1990 г. [12] – запрещает дискриминацию в области трудовых правоотношений гарантирует право трудящихся-мигрантов на создание профсоюзов и перевод заработной платы на родину, определяет широкий перечень прав, включая свободу слова, защиту от произвольного и принудительного вмешательства в личную жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, а также защиту от дискриминации и насилия;

– Европейская социальная хартия от 3 мая 1996 г. [11] – обязывает государства-участников обеспечивать трудящимся-мигрантам режим, который является не менее благоприятным, чем для граждан страны, в отношении заработной платы, членства в профсоюзах, жилья и иных аспектов;

– Конвенция Международной Организации Труда от 24 июня 1975 г. № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» [10] – направлена на противодействие незаконной миграции и эксплуатации трудящихся-мигрантов. Данный международно-правовой документ регламентирует меры для выявления незаконной деятельности иностранных граждан и привлечения к юридической ответственности за нелегальное использование их труда.

Кроме того, она гарантирует равенство возможностей и обращения для иностранных граждан при решении вопросов, связанных с занятостью и социальным обеспечением;

– Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (2018 г.) [9] – хотя данный договор и не имеет обязательной юридической силы, он представляет собой важнейшее правовое средство для координации сотрудничества на международном уровне в сфере миграционной политики. Данный документ включает 23 цели, которые направлены на снижение отрицательных факторов процессов миграции, повышение общедоступности законных путей миграции, противодействие нелегальной миграции и торговле людьми. Этот договор акцентирует внимание на важности соблюдения прав человека всех иностранных граждан, независимо от их миграционного правового статуса;

– Рекомендации Международной Организации Труда (например, рекомендации № 86 [8] и № 151 [7] «О трудящихся-мигрантах») – дополняют основные конвенции и содержат основополагающие и руководящие принципы для стран, ратифицировавших данные конвенции.

С.В. Рязанцев и М.Ф. Ткаченко отмечают: «Не всякий иностранец, въезжающий в страну, гражданства которой он не имеет, является мигрантом в собственном смысле слова. В наиболее общем виде, под мигрантами понимают людей, изменивших место своего обычного проживания. Рекомендации по статистике международной миграции, подготовленные в рамках ООН, предлагают отличать мигрантов от международных посетителей, иначе – туристов, определяемых как людей, прибывающих в государство, не являющееся государством их гражданства, на срок до одного года и не имеющих целью занятие деятельностью, оплачиваемой из источника в государстве пребывания» [3, с. 217].

Роль международных организаций:

– Международная Организация Труда осуществляет разработку и продвижение международно-правовых стандартов, проводит постоянный мониторинг их реализации на практике, а также формирует определённые механизмы для оценки выполнения правил конвенций странами-участниками;

– Организация Объединённых Наций координирует усилия стран в области миграционной политики, способствует партнёрству и диалогу через различные международные органы и эффективные программы, включая

Управление Верховного комиссара по делам беженцев и Международную организацию по миграции.

По мнению Е.В. Киселевой: «Следующий уровень судебной защиты трудовых прав – международный. Следует отметить, что национально-правовая система защиты прав дополняется международно-правовым механизмом, который предоставляет гражданам больше возможностей для защиты прав, которые были нарушены. Международно-правовая защита трудовых прав на универсальном уровне осуществляется Международной организацией труда (МОТ)» [1, с. 29].

Эффективность защиты прав трудящихся-мигрантов во многом зависит от ратификации основных конвенций странами и их реализации на внутригосударственном уровне. Многие государства, которые ратифицировали Конвенцию «О защите прав всех трудящихся-мигрантов», являются странами происхождения данных мигрантов, тогда как принимающие страны не всегда способны активно участвовать в этом международном процессе. Следовательно, международно-правовые основы защиты прав трудящихся-мигрантов создают специальный комплекс правил, которые направлены на обеспечение достойного обращения с иностранными гражданами, устранение дискриминации и эксплуатации, а также на содействие законной и систематизированной миграции.

Д.О. Мурадова считает: «Учитывая, что в центре миграционных процессов стоит человек, следовательно, трудящийся-мигрант должен обладать всем спектром трудовых и социально-культурных прав, регламентированных национальными и международными документами. В государствах должны существовать национальные механизмы эффективной юридической и иной защиты мигрантов на законодательном и практическом уровне. Для повышения уровня осведомлённости о правах и обязанностях трудовых мигрантов, необходимо создать пункты для предоставления регулярных бесплатных юридических консультаций гражданам, которые собираются выезжать на заработки за границу» [4, с. 102].

Для совершенствования механизма защиты прав трудящихся-мигрантов нами предлагается:

– активнее ратифицировать и имплементировать международные конвенции в внутригосударственную нормативно-правовую базу. Это потребует развития правовых механизмов и повышения осведомлённости о правах, как иностранных граждан, так и должностных лиц, осуществляющих защиту прав трудящихся-мигрантов;

– совершенствовать международное сотрудничество. Важно улучшать координацию между странами происхождения трудящихся-мигрантов, транзита и приёма, а также с международными организациями (ООН, МОТ, МОМ и т.д.);

– внедрять национальные и международные программы интеграции трудящихся-мигрантов. Данный метод позволит во многом снизить уровень дискриминации и способствовать социальной адаптации;

– обеспечивать общедоступность оказания правовой помощи. Формирование пунктов бесплатных правовых консультаций для иностранных граждан могло бы значительно повысить уровень осведомлённости о их правах, свободах, законных интересах и обязанностях;

– противодействовать незаконной миграции. Важно принимать специальные меры по выявлению и недопущению нелегальных переездов, включая защиту от недостоверной информации и мерами ответственности против организаторов незаконного перемещения иностранных граждан через государственные границы;

– повышать роль и значимость международных механизмов контроля. Международная Организация Труда и иные структуры должны более активно проводить мониторинг соблюдения прав трудящихся-мигрантов и предоставлять эффективные рекомендации государствам.

По мнению Н.И. Ухиной: «Сотрудничество государств в области международной трудовой миграции осуществляется на основе таких общепризнанных универсальных правовых принципов, как не отчуждаемость закрепленных в международных нормах основных прав и свобод человека и применимость этих прав и свобод ко всякому человеку, независимо от его расы, цвета кожи, пола, гражданства, языка, вероисповедания, этнического или социального происхождения. В течении последних

десятилетий ООН и МОТ проделали огромную работу: государства, которые ратифицировали их конвенции, обеспечивают достаточно высокий уровень международной защиты прав трудящихся мигрантов и их семей» [5, с. 317].

В современный период существуют определённые проблемы и противоречия в действующей системе международно-правовых основ защиты прав трудящихся-мигрантов. Перечислим основные из них:

- недостаточная защита новых видов занятости. Трудящиеся в сфере гиг-экономики, работники, осуществляющие деятельность дистанционно и лица, которые выполняют работу, которая требует повышенного уровня внимания, нуждаются в дополнительных мерах государственной и международной защиты своих прав. На такие виды деятельности вправе претендовать и трудящиеся-мигранты. К сожалению, их правовой статус и права зачастую не в абсолютной мере урегулированы в действующих правовых нормах;

- гендерное неравенство. На сегодняшний день по-прежнему сохраняется значительная разница в заработной плате мужчин и женщин, даже несмотря на то, что активно применяются международно-правовые нормы по равенству оплаты труда. Такая проблема существует и среди трудящихся-мигрантов;

- проблемы, связанные с реализацией права на трудовую деятельность мигрантов. Во многих государствах не обеспечивается полная занятость не только мигрантов, но и местного населения, а меры по профессиональной подготовке и совершенствованию экономики для формирования новых рабочих мест реализуются не так активно;

- правовые противоречия между международно-правовыми нормами и национальным законодательством стран. Так, например, в Российской Федерации основополагающий принцип равной заработной платы регламентирован в Трудовом кодексе РФ [6], но не во всех трудовых случаях соблюдается на практике. Кроме того, существуют имеются различия в основных подходах к балансу законных интересов между обеспечением защиты трудящихся-мигрантов и гибкостью для работодателей;

- ограниченная эффективность механизмов контроля. Несмотря на то, что на сегодняш-

ний день функционируют специальные государственные органы по мониторингу соблюдения прав трудящихся-мигрантов, их возможности зачастую ограничиваются в связи с отсутствием императивно-правовых методов влияния на государства;

- политизация международного трудового права. Определённые международные конвенции воспринимаются как навязывание «зарубежного видения» общих правил, что приводит к возникновению сложностей в процессе их ратификации и имплементации в государствах с другими правовыми обычаями;

- незначительный уровень координации между международными организациями. Компетенции в области труда на сегодняшний день равномерно распределены между Международной организацией труда, Организацией Объединённых Наций, Советом Европы, Международным валютным фондом и иными международными организациями, что может привести к дублированию усилий данных организаций либо к проблемам в международно-правовом регулировании.

Направления развития системы международно-правовых основ защиты прав трудящихся-мигрантов:

- усиление координации между международными организациями. Важно совершенствовать сотрудничество между Международной организацией труда, Организацией Объединённых Наций и Советом Европы, и иными международными организациями в целях недопущения дублирования усилий и повышения эффективности правового регулирования;

- совершенствование двухсторонних и региональных соглашений. Развитие сотрудничества между странами в рамках деятельности региональных организаций (например, Содружество Независимых Государств, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) может привести к адаптации международно-правовых норм к региональным условиям и повышению уровня их эффективности;

- значительное повышение общедоступности правовой помощи трудящимся-мигрантам. Это включает формирование специальных центров юридической поддержки мигрантов, обучение юристов в сфере международного трудового права, разработку упро-

щённых методов подачи жалоб на нарушение прав трудящихся-мигрантов;

- совершенствование международных механизмов по обеспечению контроля и надзора за соблюдением прав трудящихся-мигрантов. К мерам по совершенствованию можно отнести: значительное расширение полномочий контрольных органов, внедрение специальных цифровых технологий для проведения мониторинга соблюдения правовых предписаний, усиление роли негосударственных организаций в процессе выявления нарушения законодательства;

- адаптация норм к новым формам занятости трудящихся-мигрантов. Разработка новых международных стандартов для гиг-экономики, дистанционной деятельности, платформенной работы;

- развитие гендерного равенства. Усиление международно-правовых мер по устранению гендерного неравенства в заработной плате и в доступе к рабочим местам трудящихся-мигрантов;

- повышение юридической грамотности и осведомлённости о международно-правовых нормах. Проведение специальных образовательных программ для трудящихся-мигрантов, работодателей и судей в целях обеспечения рационального восприятия информации и применения международно-правовых стандартов.

Защита прав трудящихся-мигрантов в зарубежных странах регулируется целым комплексом международных, национальных и региональных правовых норм. Основу законодательного регулирования составляют универсальные международные соглашения, дея-

тельность международных организаций и региональные договоры.

В современный период защита прав трудящихся-мигрантов считается сложным, глобальным и многогранным процессом, который требует совместных и единых усилий международного сообщества, стран-участников международных соглашений и гражданского общества как на национальном в частности, так и на мировом уровне в целом.

Следовательно, на сегодняшний день защита прав трудящихся-мигрантов остаётся одной из самых актуальных социальных и правовых задач. Несмотря на существование специальных национальных и международных правовых механизмов, их реализация зачастую сопровождается практическими проблемами. Комплексный подход, который включает укрепление международного партнёрства, совершенствование нормативно-правовой базы и поддержку интеграции иностранных граждан, может стать основными средствами для осуществления эффективной защиты прав трудящихся-мигрантов в дальнейшем.

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы можем прийти к выводу о том, что совершенствование международно-правовых основ защиты социальных и трудовых прав трудящихся-мигрантов требует применения комплексного подхода, который включает улучшение институциональных систем, адаптацию к современным и прогрессивным вызовам глобализации и сотрудничества государств, а также к повышению общего уровня вовлеченности мигрантов в трудовую деятельность.

Библиографический список

1. Киселева Е.В. Международно-правовая защита прав мигрантов: документы и механизмы // Миграционное право. – 2011. – № 1. – С. 28-31.
2. Международные экономические отношения: учебник / под ред. Б.М. Смитенко. – М.: ИН-ФРА-М, 2005. – 511 с.
3. Мурадова Д.О. Международно-правовая защита прав мигрантов // Молодой учёный. – 2019. – № 41 (279). – С. 99-102.
4. Мировой рынок труда и международная миграция: учебное пособие / под общ. ред. С.В. Рязанцева; М.Ф. Ткаченко. – М.: Экономика, 2010. – 303 с.
5. Ухина Н.И. Международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции // Молодой учёный. – 2020. – № 27 (317). – С. 314-317.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 6 февраля 2026 г. № 5-П) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.

7. Рекомендация Международной Организации Труда от 24 июня 1975 г. № 151 «О рабочих-мигрантах» // Официальный сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>.

8. Рекомендация Международной Организации Труда от 1 июля 1949 г. № 86 «О рабочих-мигрантах» // Официальный сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>.

9. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Принята резолюцией 73/195 Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 2018 г. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>.

10. Конвенция Международной Организации Труда № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения». Заключена в г. Женеве 24 июня 1975 г. (с посл. изм. и доп. от 9 декабря 1978 г.) // Официальный сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>.

11. Европейская социальная хартия (пересмотренная). Принята в г. Страсбурге 3 мая 1996 г. // Официальный сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>.

12. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 г. (с посл. изм. и доп. от 1 июля 2003 г.) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>.

13. Конвенция Международной Организации Труда № 97 «О трудящихся-мигрантах». Заключена в г. Женеве 1 июля 1949 г. (с посл. изм. и доп. от 24 июня 1975 г.) // Официальный сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR PROTECTING THE RIGHTS OF MIGRANT WORKERS

K.A. Bikbulatova, Graduate Student

Supervisor: I.R. Minigulova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *The article examines the international legal foundations of protecting the rights of migrant workers, and analyzes the system of international norms and mechanisms that ensure the guarantees of their social and labor rights. The work provides a comprehensive analysis of key international documents regulating the status and rights of migrant workers. Gaps and contradictions in the current system of international protection and proposes ways to improve it, including strengthening coordination between international organizations, developing bilateral agreements, and increasing the availability of legal assistance for migrants.*

Keywords: *migrant workers; international protection of rights; UN Convention of 1990; ILO Conventions; implementation of international norms; equality of opportunities; discrimination; regional integration; social and labor rights; and migration legislation.*

ЛЕГКАЯ ЖАЛОБА – НОВАЯ ФОРМА Внесудебного ПРИМЕНЕНИЯ В НАЛОГОВОМ СПОРЕ

Е.Г. Васильева, канд. юрид. наук, доцент

Д.И. Мироненко, студент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-158-162

Аннотация. Статья посвящена анализу нового института урегулирования налогового спора – упрощенного порядка подачи жалобы «легкой жалобы», введенного с 1 января 2025 года. В работе освещены проблемы подачи, применения налогоплательщиком легкой жалобы в налоговом процессе. В статье представлен обзор легкой жалобы не только как нового вида жалобы, но и как новой формы внесудебного урегулирования налогового спора. Автором освещены проблемы отсутствия предмета подачи жалобы в упрощенном порядке, его детальная процедура, требующая законодательного совершенствования.

Ключевые слова: легкая жалоба; налогоплательщик; предмет; налоговый орган; форма; досудебный порядок.

С 1 января 2025 года в Налоговом кодексе РФ появилась статья 140.1 НК РФ. Она введена пунктом 50 Федерального закона от 31.07.2023 № 389 ФЗ: статья 140.1 НК РФ указывает на рассмотрение жалобы в упрощенном порядке[1]. Проанализировав законодательство, можно сделать вывод, что это не только новый вид жалобы, что отмечено в статье Цинделиани И.А. и Васильевой Е.Г. «принятие ст. 140.1 НК РФ свидетельствует о появлении нового цифрового института – нового вида жалобы (авторская позиция, учитывая существующий досудебный порядок урегулирования налогового спора с учетом положений гл. 19 и 20 НК РФ)», но и новая форма жалобы [2]. Заметим, что законодательно это не закреплено. В работе необходимо рассмотреть почему легкая жалоба – это новая форма жалобы и в чем её недостатки и достоинства.

В Налоговом кодексе РФ выделяют 2 вида жалоб для досудебного урегулирования споров, но с учетом недавних изменений можно выделить 3 вида:

- общая жалоба,
- апелляционная жалоба,
- легкая жалоба.

Далее проведем сравнительный анализ этих 3х видов жалоб.

Первым критерием сравнения выступает орган – куда она подается: общая жалоба

(ст. 139 НК РФ) – подается в вышестоящий орган (через инспекцию, вынесшую акт); апелляционная жалоба (ст. 139.1 НК РФ) – через инспекцию, вынесшую решение; легкая жалоба (упрощенный порядок) (ст.140.1 НК РФ) – в тот же налоговый орган чьи акты и действия обжалуются, что вызывает определённые вопросы. Далее после сравнительной характеристики жалоб, в данной статье раскрыта проблема этого критерия.

Вторым критерием будет форма подачи жалобы: Общая жалоба (ст. 139 НК РФ) – данная жалоба подается в письменной форме, она может быть направлена в электронной форме через личный кабинет налогоплательщика, либо по телекоммуникационным каналам связи. Апелляционная жалоба (ст. 139.1 НК РФ) – письменная (бумажная). Легкая жалоба (упрощенный порядок) (ст. 140.1 НК РФ) – только электронная форма, которая подается по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика в формате и в соответствии с порядком представления жалоб в электронной форме, утвержденными федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов [3].

Третьим критерием – предмет спора, обжалования. Общая жалоба (ст. 139 НК РФ) – практически любые акты, действия, бездей-

ствия (кроме отдельных исключений). Апелляционная жалоба (ст. 139.1 НК РФ) – только решения о привлечении, либо отказе в привлечении к ответственности по результатам налоговых проверок. Легкая жалоба (упрощенный порядок) (ст. 140.1 НК РФ) – в Налоговом кодексе РФ закреплённый перечень отсутствует, и только путем толкования можно выделить предмет легкой жалобы, проблема этого перечня раскрыта в настоящей статье ниже.

Четвертым критерием – итоги рассмотрения, возможные решения. Общая жалоба (ст. 139 НК РФ) и апелляционная жалоба (ст. 139.1 НК РФ) имеют общие принимаемые решения, регулируемые п. 3 ст. 140 НК РФ, в соответствии с этой статьей налоговый орган может вынести следующие решения: оставить жалобу (апелляционную жалобу) без удовлетворения; отменить акт налогового органа ненормативного характера; отменить решение налогового органа полностью или в части; отменить решение налогового органа полностью и принять по делу новое решение; признать действия или бездействие должностных лиц налоговых органов незаконными и вынести решение по существу [3]. Легкая жалоба (упрощенный порядок) (ст. 140.1 НК РФ) – принимает решение, предусмотренное подпунктами 2-5 пункта 3 статьи 140 НК РФ, которые были раскрыты выше, и заключаются в том чтобы принять меры или предусмотренные пунктом 1 или пунктами 1 и 1.1 статьи 139 НК РФ т. е. подать жалобу в вышестоящий налоговый орган через налоговый орган, акты ненормативного характера, действия или бездействие должностных лиц которого обжалуются и далее этот налоговый орган, обязан в течение трех дней со дня поступления такой жалобы направить ее со всеми материалами в вышестоящий налоговый орган, далее при получении жалобы налоговый орган, акт ненормативного характера, действия или бездействие должностных лиц которого обжалуются, обязан принять меры по устранению нарушения прав лица, подавшего жалобу и в случае устранения нарушения прав лица, подавшего жалобу, налоговый орган сообщает об этом в вышестоящий налоговый орган в течение трех дней со дня такого устранения с приложением подтверждающих документов (при их наличии) [3].

Пункт 1 ст. 140.1 устанавливает, что единственным отличием легкой жалобы от той же общей жалобы это электронная форма. Далее указано, что исключением для подачи легкой жалобы являются ст. 101 НК РФ «Вынесение решения по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки» и 101.4 НК РФ «Производство по делу о предусмотренных настоящим Кодексом налоговых правонарушениях» [3]. Больше про предмет легкой жалобы в Налоговом кодексе РФ ничего не сказано, что может ввести налогоплательщика в заблуждение, будто легкую жалобу можно подать по всех случаях. Потому что по общему правилу, если в статье не указан определенный аспект нормы, нужно обращаться к общему порядку обжалования. В анализируемом случае не указан предмет легкой жалобы, и нужно обращаться к общему правилу, то есть к общему порядку подачи жалобы. Но на сайте ФНС России указан перечень предмета легкой жалобы, которым и руководствуется налоговый орган, в него входят 16 пунктов, которые носят ознакомительный и рекомендательный характер. Подать жалобу в упрощенной форме можно только: несогласие с решениями, актами или требованиями (налогового органа за ФНС России); незаконные действия или бездействие должностных лиц налогового органа; ошибки в расчёте налоговых платежей; проблемы с предоставлением государственных услуг; отказ в налоговом вычете или задержка его выплаты; неправомерные требования документов; невозврат излишне уплаченного налога; ошибки в документах, которые ФНС России отказывается исправлять; нарушения при государственной регистрации юридических лиц и ИП; приостановка операций по банковским счетам; отказ в зачёте или возврате налогов; задержка возврата налоговых платежей; ошибки в расчёте налоговой задолженности из-за декларации, судебного решения или единого налогового платежа; другие неправомерные действия налогового органа [4]. И проанализировав предмет общей и легкой жалобы можно полагать, что предмет у них схож, но он не идентичен, что, в свою очередь, не указано в Налоговом кодексе РФ. В итоге налогоплательщик, подавая жалобу в упрощенном порядке, на практике встречается с отказом, поскольку в рамках подачи легкой жалобы ока-

зывается ограниченный предмет, отличимый от предмета жалобы, подаваемой в общем порядке, что вызывает проблемы в правоприменении. С юридической точки зрения перечень, указанный на сайте Федеральной налоговой службы, носит рекомендательный характер и никак на законодательном уровне не может ограничивать предмет жалобы, но на практике этим перечнем пользуется налоговая служба.

Пункт 1 ст. 140.1 НК РФ гласит о том, что рассмотрение легкой жалобы происходит тем же налоговым органом, акты ненормативного характера, действия или бездействия должностных лиц которого обжалуются. При анализе вышеизложенного встаёт следующий вопрос: можно ли говорить о беспристрастности и объективности рассмотрения жалобы тем же органом, чьи акты ненормативного характера, действия или бездействия обжалуются. Ведь даже суд не может отменять свои же решения. Принцип справедливости, в свою очередь закреплённый в Конституции РФ, имеет решающее значение [5]. Так же соглашусь с позицией Цинделиани И.А. и Васильевой Е. Г. «Нарушается объективность рассмотрения жалобы и налоговый орган понимает, что можно нарушить действующее законодательство и допустить ошибки, которые в последующем могут быть устранены посредством рассмотрения легкой жалобы» [2], получается, что налоговый орган может рассчитывать на своего рода «работу над ошибками». Если налоговый орган не принимает решение, предусмотренное подпунктами 2-5 пункта статьи 140 НК РФ, он должен принять меры, предусмотренные пунктом 1 и пунктами 1.1 статьи 139 НК РФ, то есть направить жалобу в вышестоящий орган. Из этого следует, что в рамках рассмотрения легкой жалобы могут участвовать 2 органа, один начинает рассмотрение жалобы, а второй продолжает, в случае частичного ее удовлетворения. Что однозначно не следует при частичном удовлетворении жалобы. Это достаточно интересный момент так как подобного нет, ни в жалобе, подаваемой в общем порядке, ни в апелляционной жалобе. Налогоплательщик может рассчитывать на одно развитие ситуации, а фактически сроки и порядок рассмотрения жалобы будет иным.

Ситуация с подачей жалобы в общем порядке обстоит иначе, отличной от легкой жалобы. При сравнении всех видов жалоб складывается странная и не однозначная картина. В п. 1 ст. 139 НК РФ, указано: «Жалоба подается в вышестоящий налоговый орган через налоговый орган, акты ненормативного характера, действия или бездействие должностных лиц которого обжалуются». В этом пункте прямо указано, что жалоба подаётся в вышестоящий орган. То же самое со вторым видом жалобы – апелляционной жалобой, информация о том, что жалоба рассматривается вышестоящим органом, указана в п. 1 ст. 139.1 НК РФ. Исходя из того, что легкая жалоба является единственной из трех жалоб, которая рассматривается тем же органом, чьи акты обжалуются, не будет ли предвзятости, если тот же орган будет рассматривать жалобы в отношении себя же? Это затрагивает вопрос справедливости, ведь даже у судов отсутствует такое полномочие отменять свои незаконные решения.

Налогоплательщиком, подающим жалобу в данном случае, является физическое лицо, это следует из предмета жалобы, указанного на сайте Федеральной налоговой службы. Из этого следует неравное положение с организациями. Если налогоплательщик – это физическое лицо, тут встаёт вопрос о доступности и открытости информации по поводу упрощенного порядка подачи жалобы. Ведь в этом случае налогоплательщик это обычный человек чаще всего без юридического образования. Он не может, а если и может это достаточно проблематично для него, надлежащим образом анализировать законодательство, открывать другие ресурсы для собора информации по крупицам, чтобы сложить общую картину по поводу упрощенной жалобы. Обычный человек откроет Налоговый кодекс РФ, и без точного указания предмета жалобы в упрощенном порядке, войдет в заблуждение, о том, что легкую жалобу можно подать на всё, кроме двух исключений. Отсутствие информации в Налоговом кодексе РФ о предмете жалобы, подаваемой в упрощенном порядке. Не следует ли из названия «Жалоба, подаваемая в упрощенном порядке», упрощенный порядок это открыто, ясно и доступно. Что в свою очередь отмечается в статье Цинделиани И.А. и Васильевой Е.Г. «новый цифровой

институт легкой жалобы был введен с 01.01.2025 для максимального упрощения механизмов защиты прав и законных интересов налогоплательщиков – физических лиц» [2].

Хотелось бы отметить помимо недостатка информации по поводу предмета легкой жалобы, стоит вопрос по поводу сроков подачи легкой жалобы, а точнее их отсутствие. Отсутствие информации по поводу сроков подачи жалобы в упрощенном порядке, сроки в статье не указаны, указан лишь срок рассмотрения. Получается налогоплательщик должен догадаться, что нужно обращаться к общему правилу подачи, к статье 139 НК РФ. А также разделяю позицию, которую Цинделиани И.А. и Васильева Е.Г. отразили в своей статье: «В частности сроки рассмотрения легкой жалобы увеличиваются, так налогоплательщик рассчитывал на 7 рабочих дней, в итоге этот срок может быть увеличен на 15 рабочих дней и еще на 15 дней, в совокупности 30 рабочих дней, что крайне негативно скажется при выборе способа защиты нарушенных прав налогоплательщиком» [2]. Налогоплательщик рассчитывавший на 7 дней рассмотрения жалобы, в итоге может столкнуться с цифрой превышающей исходную в 5 раз (сначала рассматривает тот же орган, чьи акты и действия обжалуются в течении 7 дней, потом вышестоящий орган который может рассмотреть за 15 дней, затем срок может быть продлен на 15 дней, в совокупности 37 дней).

Возникает вопрос о статусе легкой жалобы, считается ли легкая жалоба досудебным порядком урегулирования споров? Что в свою очередь крайне важно, но не закреплено Налоговым кодексом РФ. Можно ли после подачи легкой жалобы, обращаться в суд?

Или нужно подавать жалобу в общем порядке? К сожалению, Налоговый кодекс не дал ответа, что крайне негативно может отразиться на соблюдении досудебного порядка урегулирования налогового спора.

Полагаем, что для устранения описываемых и затрагиваемых пробелов в праве необходимо:

1. Добавить в НК РФ предмет легкой жалобы в ст. 140.1 НК РФ, что бы не возникало путаницы с предметом общей жалобы. Ведь налогоплательщиками являются физические лица и/или индивидуальные предприниматели.

2. Изменить, в НК РФ, порядок и процедуру, чтобы жалобы рассматривал вышестоящий налоговый орган, а не тот же налоговый орган на акты ненормативного характера, действия или бездействия должностных лиц которого обжалуются.

3. Надлежащим образом прописать все сроки, касающиеся легкой жалобы, от сроков для подачи, сроков рассмотрения жалобы вышестоящим налоговым органом и до продления сроков тем же самым вышестоящим налоговым органом.

4. Разъяснить вопрос по поводу того, является ли жалоба, подаваемая в упрощенном порядке основанием для соблюдения досудебного порядка урегулирования спора.

Легкая жалоба – это прекрасное нововведение, для быстрого и упрощенного урегулирования споров, которое требует доработок и модернизации. Убеждены, что с учетом действующего законодательства требуется законодательное совершенствование института легкой жалобы в судебном порядке урегулирования налогового спора в РФ.

Библиографический список

1. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ: ст. 1, п. 50 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5782.
2. Цинделиани И.А. Васильева Е.Г. Легкая жалоба: новая форма коммуникативного взаимодействия в налоговом споре РФ // Публичное право сегодня. – 2026. – № 2 (28). – С. 89-101.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (в ред. от 11 февраля 2026 года) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 31 (часть I). Ст. 3824. Собрание законодательства РФ. 2026. № 7. Ст. 615.
4. Федеральная налоговая служба: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn06/taxation/submission_statements/rekvizit/.

5. Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 1993 года № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

A LIGHT COMPLAINT IS A NEW FORM OF EXTRAJUDICIAL APPLICATION IN A TAX DISPUTE

E.G. Vasilyeva, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

D.I. Mironenko, *Student*

**Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus Branch
(Russia, Krasnodar)**

Abstract. *The article is devoted to the analysis of a new institution for the settlement of a tax dispute – a simplified procedure for filing a "light complaint" complaint, introduced on January 1, 2025. The paper highlights the problems of filing and applying a light complaint by a taxpayer in the tax process. The article provides an overview of a light complaint not only as a new type of complaint, but also as a new form of out-of-court settlement of a tax dispute. The author highlights the problems of the absence of the subject of filing a complaint in a simplified manner, its detailed procedure requiring legislative improvement. Keywords: light complaint; taxpayer; subject; tax authority; form; pre-trial procedure.*

Keywords: *light complaint; taxpayer; subject; tax authority; form; pre-trial procedure.*

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

А.Ю. Водозаова, магистрант

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-163-169

Аннотация. В статье рассматриваются пределы уголовной ответственности за приготовление к преступлению как одна из наиболее чувствительных границ между ненаказуемым намерением и началом исполнения состава. Актуальность исследования обусловлена риском преждевременной криминализации обнаружения умысла и, напротив, ошибочного признания подготовительных действий покушением. Цель работы состоит в уточнении критериев разграничения приготовления, обнаружения умысла, покушения и добровольного отказа. На основе анализа норм Общей части УК РФ, научных подходов и практики Верховного Суда Российской Федерации обосновывается вывод, что приготовление возможно лишь при внешнем создании условий для конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления до начала выполнения объективной стороны. Покушение связывается с непосредственной реализацией признаков состава, а добровольный отказ – с окончательным прекращением деятельности при сохранении возможности довести преступление до конца. Основной результат исследования выражен в трёхуровневом критерии: нормативная наказуемость стадии, объективное продвижение к составу и недоведение преступления по обстоятельствам, не зависящим от лица.

Ключевые слова: приготовление к преступлению; обнаружение умысла; покушение; неоконченное преступление; добровольный отказ; объективная сторона; пределы уголовной ответственности; квалификация преступлений.

Уголовная ответственность за приготовление к преступлению находится в зоне повышенной чувствительности уголовного права: лицо ещё не приступило к выполнению объективной стороны состава, вред чаще всего не причинён, но внешнее поведение уже может свидетельствовать о создании условий для тяжкого или особо тяжкого преступления. Ошибка в определении этой границы ведёт к двум противоположным рискам. При чрезмерно ранней криминализации обнаружение умысла подменяется наказуемым деянием, а при чрезмерно поздней реакции приготовительные действия искусственно выводятся из уголовно-правовой оценки, хотя закон прямо признаёт их стадией неоконченного преступления.

Научная проблема состоит не в повторении легального определения приготовления, а в выявлении пределов, за которыми намерение приобретает уголовно значимую форму, но ещё не становится покушением. Внутренний умысел, высказанное намерение, выбор способа, приобретение предметов, поиск соучастников и начало выполнения объектив-

ной стороны нередко располагаются в одной фактической цепи. Однако уголовно-правовая квалификация не может строиться по простой шкале «больше действий — более поздняя стадия». Необходимо установить, какие именно действия создают условия для будущего преступления, какие уже входят в выполнение состава, а какие остаются лишь коммуникативным или психологическим проявлением намерения.

Предметом исследования выступают критерии отграничения приготовления к преступлению от обнаружения умысла и покушения в российском уголовном праве.

Цель выполненного исследования – обосновать такую модель разграничения, при которой предел ответственности определяется не изолированным фактом подготовки, а совокупностью трёх признаков: нормативной наказуемости стадии, объективного продвижения к составу и характера причин, по которым преступление не доведено до конца.

Методологически исследование опирается на формально-юридический анализ норм Общей части УК РФ, сопоставление близких

стадий преступной деятельности, критический разбор научных подходов и проверку предложенных критериев на материалах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Нормативная рамка и значение стадии

Статья 14 УК РФ задаёт исходный предел: уголовно значимым является виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания [1]. Для приготовления это положение имеет не формальное, а ограничительное значение. Намерение, даже ясно выраженное вовне, само по себе не образует деяния, если оно не соединено с поведением, создающим условия для конкретного преступления. Поэтому граница ответственности не может выводиться только из доказанности умысла. Умысел необходим, но он должен быть связан с действием или бездействием, которое уже относится к будущему составу по предмету, способу, адресату либо организационной роли.

Статья 29 УК РФ закрепляет, что неоконченным преступлением признаются приготовление и покушение, а ответственность наступает по статье Особенной части со ссылкой на ст. 30 УК РФ. В этой конструкции важна последовательность: сначала устанавливается преступление, к которому была направлена деятельность, затем определяется стадия.

Часть 1 ст. 30 УК РФ перечисляет типичные формы приготовления: приискание, изготовление, приспособление средств или орудий, приискание соучастников, сговор либо иное умышленное создание условий. Такая формула оставляет пространство оценки, но не делает приготовлением всякое предшествующее поведение. Слова «создание условий» предполагают предметную пригодность действия для будущего преступления и его включённость в преступный план. Покупка бытового предмета, разговор о возможном преступлении или поиск информации становятся уголовно значимыми не из-за подозрительного оттенка, а только при связи с конкретным тяжким или особо тяжким преступлением.

Нормативный запрет на расширение подготовки особенно заметен в ч. 2 ст. 30 УК РФ: ответственность наступает лишь за пригото-

вление к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Эта норма не просто ограничивает круг наказуемых случаев; она показывает, что ранняя стадия нуждается в дополнительном оправдании репрессивного вмешательства. Там, где лицо не приступило к объективной стороне состава, уголовно-правовая оценка должна быть строже к доказательствам направленности действий и осторожнее к выводам о степени опасности. Отсюда следует первый рабочий критерий: приготовление возможно только при сочетании внешнего действия, конкретизированной цели и законодательно допустимой наказуемости соответствующей стадии.

Разграничение с обнаружением умысла

Обнаружение умысла отличается от приготовления не отсутствием опасных мыслей, а отсутствием уголовно значимого создания условий. Высказывание намерения, демонстрация интереса к способу совершения преступления, обсуждение возможного плана могут иметь доказательственное значение, но не заменяют самого деяния. Уголовное право реагирует не на внутреннюю решимость и не на моральную оценку намерения, а на такой внешний шаг, который уже изменяет фактическую обстановку будущего преступления: подбирает орудие, закрепляет договорённость, готовит место, обеспечивает доступ к предмету посягательства.

В этом вопросе существенна позиция М.В. Черепанова (2024 г.) о том, что трудности отграничения приготовления от обнаружения умысла и покушения связаны с неопределённостью границ деяния и с недостаточной ясностью уголовно-правовых предписаний [2]. Такая позиция полезна не как общий упрёк законодательству, а как указание на точку риска: оценочная формула ч. 1 ст. 30 УК РФ требует дополнительной конкретизации в правоприменении. Если суд ограничивается словами о «создании условий», не раскрывая, какие именно условия возникли и почему они относятся к будущему составу, приготовление легко превращается в наказание за опасное намерение.

А.П. Птицына (2023 г.) прямо разводит обнаружение умысла и стадии его реализации: обнаружение умысла не влечёт уголовной ответственности, тогда как последующие стадии могут быть наказуемыми; простое пригото-

ление до начала выполнения объективной стороны ещё не является покушением [3]. Эта позиция позволяет удерживать двойную границу. С одной стороны, подготовка не должна растворяться в намерении; с другой – она не должна механически переноситься в покушение только потому, что намерение стало устойчивым. Для квалификации важно, не насколько определённо лицо хотело совершить преступление, а какой внешний шаг оно уже совершило.

Критерий перехода от приготовления к покушению

Отграничение приготовления от покушения строится вокруг ч. 3 ст. 30 УК РФ: покушением признаются умышленные действия или бездействие, непосредственно направленные на совершение преступления, если преступление не доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Слово «непосредственно» нельзя понимать как эмоциональную близость к цели или как уверенность лица в успехе. Оно связано с началом выполнения объективной стороны состава либо с таким действием, которое по конструкции состава уже образует исполнение преступления, хотя результат ещё не наступил или не все признаки состава завершены.

В научной литературе это различие формулируется не всегда одинаково. С.С. Медведев и В.А. Пикалов (2021 г.) раскрывают покушение через его признаки и юридическую природу, выделяя оконченное и неоконченное покушение и отмечая большую опасность оконченного покушения [4]. Для настоящего разграничения здесь важна не классификация сама по себе, а степень продвижения к составу: при приготовлении лицо ещё формирует возможность преступления, при неоконченном покушении уже приступает к исполнению, но не совершает всех действий, которые считало необходимыми, а при оконченом покушении такие действия совершены, но преступление не завершается по внешним причинам.

Поэтому критерий начала объективной стороны не может быть одинаковым для всех составов. В материальных составах он связан с действием, направленным на причинение предусмотренного вреда; в формальных – с выполнением запрещённого действия; в усечённых – с тем моментом, который законода-

тель специально перенёс на более раннюю стадию. Отсюда вытекает важное ограничение: нельзя заранее решить, что приобретение предмета всегда является приготовлением, а передача предмета всегда является покушением. Оценка зависит от того, какое именно преступление вменяется и где в его составе начинается исполнение.

Е.А. Чертищева (2024 г.) связывает разграничение приготовления и покушения с объективной стороной: пока действия не образуют её выполнение, покушения нет; покушение предполагает недоведение преступления до конца по внешним обстоятельствам [5]. Такая позиция позволяет избежать распространённой ошибки, когда «непосредственная направленность» подменяется близостью задержания, оперативным наблюдением или количеством уже совершённых подготовительных шагов. Даже сложная подготовительная цепочка остаётся приготовлением, если она не перешла к выполнению признаков состава.

Добровольный отказ и внешнее пресечение

Разграничение стадий неполно без ст. 31 УК РФ. Добровольный отказ определяется как прекращение приготовления либо действий, непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Эта норма вводит волевой критерий, который отделяет неоконченное преступление от прекращения преступной деятельности самим лицом. Для приготовления это особенно важно: внешне одинаковая ситуация – лицо не использовало подготовленные средства – может означать либо пресечение по независимым обстоятельствам, либо добровольный окончательный отказ.

А.Ю. Аверьянов (2023 г.) обращает внимание на то, что признак «не доведено до конца» недостаточен сам по себе, поскольку внешне он может совпадать с добровольным отказом [6]. Эта мысль уточняет предел ответственности за приготовление: недоведение преступления не должно автоматически вести к квалификации по ст. 30 УК РФ. Требуется установить причину остановки. Если лицо прекращает подготовку потому, что утратило возможность, было задержано, не нашло соучастника или столкнулось с внешним пре-

пятствием, сохраняется пространство ответственности за приготовление. Если же оно окончательно отказывается при осознании реальной возможности продолжения, применима логика ст. 31 УК РФ.

Е.В. Благов (2021 г.) указывает, что добровольный отказ не следует признавать видом неоконченного преступления, а различие степени завершённости влияет на реализацию ответственности и назначение наказания [7]. Эта позиция помогает избежать методологической ошибки: добровольный отказ нельзя ставить в один ряд с приготовлением и покушением как ещё одну стадию. Он работает иначе – как основание освобождения от ответственности за преступление, которое лицо могло продолжить, но не продолжило. Для пределов ответственности за приготовление это означает, что стадия устанавливается прежде, чем решается вопрос о добровольном отказе, но окончательный вывод зависит от обоих элементов.

Судебно-практическая проверка критериев

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации показывает, что спорной обычно становится не абстрактная формула ст. 30 УК РФ, а доказанность перехода от хранения, намерения или подготовки к действиям, направленным на сбыт. В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2021 № 5-УД21-88-К2 Суд указал, что количество наркотического средства и удобная для сбыта расфасовка без совокупности иных доказательств не подтверждают умысел на сбыт; при недоказанности цели сбыта квалификация приготовления к сбыту была заменена на незаконное хранение без цели сбыта [8]. Предмет и упаковка могут быть частью подготовки, но не заменяют доказательства направленности на последующее преступление.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 16-УД23-17-К4 близкая логика проведена ещё строже. Нахождение лица в месте, где часто делают закладки, наличие нескольких свёртков и упаковка сами по себе не доказали покушение на сбыт при отсутствии активных действий по оборудованию тайников и иных подтвержде-

ний умысла; отказ предоставить пароли или избранный способ защиты также не был признан подтверждением виновности [9]. В рамках предлагаемого критерия это пример отрицательной проверки: внешние обстоятельства создавали подозрение, но не показывали выполнение объективной стороны сбыта и не раскрывали достаточного создания условий именно для него.

Другой тип ситуации отражён в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2023 № 24-П23. Для подтверждения покушения на сбыт учитывались извлечение наркотического средства из тайника, перевозка, хранение с целью сбыта, размещение в тайниках и задержание после получения муляжа; по одному эпизоду значение имели показания, весы, упаковочные материалы и значительное количество вещества [10]. В отличие от предыдущих дел, здесь доказательственная совокупность показывала не только владение предметом, но и движение к реализации объективной стороны сбыта. Поэтому квалификация как покушения опиралась на конкретные действия, а не на общий криминологический профиль поведения.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2025 № 11-УД25-8А4 дополняет этот ряд: умысел на сбыт подтверждался признательными показаниями о работе курьером-закладчиком, обстоятельствами получения закладки, перепиской о тайниках, отчётами и фотографиями закладок; версия о личном употреблении была отвергнута как не согласующаяся с совокупностью доказательств [11]. Значение акта состоит в том, что суд не вывел покушение из одного признака. Переписка, отчётность, фотографии и фактические действия по закладкам образовали связь между субъективной направленностью и внешним исполнением.

Предел наказуемости и индивидуализации

Ответственность за приготовление ограничена не только стадией, но и категорией преступления. Часть 2 ст. 30 УК РФ исключает ответственность за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести. В этом проявляется пропорциональность ранней криминализации: чем дальше лицо от фактического причинения вреда, тем весомее долж-

ны быть основания вмешательства. Поэтому расширительное толкование приготовления опасно не только для квалификации, но и для общего баланса уголовного права. Если любое предшествующее действие объявляется созданием условий, ч. 2 ст. 30 УК РФ теряет сдерживающее значение.

А.И. Лесная (2024 г.) подчёркивает, что ответственность за приготовление ограничена тяжкими и особо тяжкими преступлениями, а распространение её на все категории создавало бы риск избыточной репрессии; кроме того, приготовительные действия не должны подменять самостоятельный оконченный состав или административное правонарушение [12]. Этот подход важен при конкуренции квалификаций. Если фактически совершённое деяние уже образует самостоятельный состав, его нельзя автоматически рассматривать лишь как приготовление к другому преступлению. И наоборот, если самостоятельного состава нет, нельзя восполнить этот пробел чрезмерно широкой ссылкой на приготовление.

Статья 66 УК РФ закрепляет разное предельное наказание: за приготовление срок или размер наказания не может превышать половины максимума наиболее строгого вида наказания за оконченное преступление, за покушение – трёх четвертей; также учитываются обстоятельства, вследствие которых преступление не было доведено до конца. Эти правила показывают, что разграничение стадий влияет не только на квалификационную формулу, но и на меру уголовно-правового воздействия. Ошибка между приготовлением и покушением меняет не термин, а допустимый предел наказания и оценку опасности содеянного.

Е.Е. Мелюханова (2025 г.) связывает уголовно-правовое значение неоконченного преступления с различным уровнем оценки приготовления, покушения и оконченного преступления, а юридически значимые стадии – с целенаправленной деятельностью и прямым умыслом [13]. Эта позиция поддерживает вывод о том, что стадия не должна определяться только по внешнему объёму действий. Необходимо проверка направленности: лицо должно стремиться к совершению конкретного преступления, а его поведение – объективно продвигать это преступление вперёд. Без такого соединения назначение наказания за

раннюю стадию теряет связь с личной виновностью.

Собственный критерий разграничения

Предлагаемый критерий имеет три уровня. Первый – нормативный: приготовление наказуемо только тогда, когда закон допускает ответственность за соответствующую стадию, а предполагаемое преступление относится к тяжким или особо тяжким. Второй – объективный: действие должно создавать условия для конкретного преступления, но не входить в выполнение объективной стороны; если оно уже выполняет состав, речь идёт о покушении. Третий – волевой: преступление должно быть не доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от лица; при добровольном окончательном отказе включается ст. 31 УК РФ.

Итоговая модель не требует искусственной классификации всех фактов на заранее заданные группы. Она задаёт последовательность вопросов. Было ли внешнее деяние, а не только намерение? Создавало ли оно условия для конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления? Не началось ли уже выполнение объективной стороны? По какой причине деятельность прервалась? Если ответ на первый вопрос отрицателен, речь идёт об обнаружении умысла. Если условия созданы, но объективная сторона не начата, возможна квалификация приготовления. Если объективная сторона начата и преступление не завершено по внешним причинам, наступает оценка покушения. Если лицо само окончательно остановилось при возможности продолжить, применяется добровольный отказ.

Такой подход сохраняет различие между опасностью намерения и опасностью деяния. Он не ослабляет уголовно-правовую охрану: подготовка к тяжким и особо тяжким преступлениям остаётся наказуемой. Но ответственность за раннюю стадию должна опираться на доказанное создание условий, а не на предположения о будущей преступности лица. Практическая ценность критерия состоит в его применимости к разным составам при обязательном обращении к конкретной объективной стороне.

Заключение

Пределы ответственности за приготовление к преступлению определяются не самим фактом раннего выявления опасного намере-

ния, а тем, достигло ли поведение лица уровня уголовно значимого создания условий. Обнаружение умысла остаётся за пределами ст. 30 УК РФ, когда внешнее поведение не изменяет фактические условия будущего преступления и не связано с конкретным тяжким или особо тяжким составом. Даже ясная вербализация намерения, выбор возможного способа или наличие подозрительных обстоятельств не образуют приготовления без предметной относимости действий к будущему преступлению.

Приготовление занимает самостоятельное место между обнаружением умысла и покушением. Его признаки проявляются в том, что лицо совершает внешние действия по созданию условий, действует с прямой направленностью на конкретное преступление, но ещё не приступает к выполнению объективной стороны состава. Поэтому квалификация приготовления требует не только ссылки на ч. 1 ст. 30 УК РФ, но и объяснения, какие условия были созданы, почему они относятся к предполагаемому составу и почему деятельность не перешла в покушение.

Покушение начинается там, где действие уже входит в выполнение объективной сторо-

ны либо непосредственно реализует запрещённое поведение по конструкции конкретного состава. Количество подготовительных шагов, устойчивость умысла, наличие предмета или приближение лица к месту совершения преступления сами по себе не заменяют этого критерия. Судебная практика по делам о сбыте наркотических средств подтверждает, что одни обстоятельства могут быть недостаточны для вывода о сбыте или покушении, тогда как совокупность переписки, тайников, отчётов, действий по размещению и иных фактов способна показать переход к исполнению.

Вклад статьи состоит в обосновании трёхуровневого критерия разграничения: нормативная наказуемость стадии, объективное продвижение к составу и волевой характер прекращения деятельности. Этот критерий не устраняет оценочность ст. 30 УК РФ полностью, но делает её проверяемой. Он позволяет последовательно отделять ненаказуемое обнаружение умысла от приготовления, приготовление – от покушения, а внешне пресечённую подготовку – от добровольного отказа.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Черепанова М.В. Проблемы разграничения приготовления к преступлению и покушения на преступление // Моя профессиональная карьера. – 2024. – № 60 (том 3). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scinetwork.ru/articles/4237>.
3. Птицына А.П. Приготовление к преступлению и покушение на преступление: понятие, признаки, особенности уголовно-правовой оценки и назначения наказания. Добровольный отказ от преступления // Молодой ученый. – 2023. – № 19 (466). – С. 404-407.
4. Медведев С.С., Пикалов В.А. Покушение на преступление и его виды // Научный журнал «Эпомен». – 2021. – № 58. – С. 273-278.
5. Чертищева Е.А. Покушение на преступление и ответственность за него по российскому Уголовному кодексу // Молодой ученый. – 2024. – № 18 (517). – С. 289-291.
6. Аверьянов А.Ю. К вопросу о неоконченных преступлениях в уголовном праве России // Актуальные исследования. – 2023. – № 45 (175). – Ч. I. – С. 40-44.
7. Благов Е.В. О видах неоконченного преступления // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 31-37. – DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-31-37.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2021 № 5-УД21-88-К2 // Legalacts: юридическая справочная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07092021-n-5-ud21-88-k2/>.
9. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 16-УД23-17-К4 // Legalacts: юридическая справочная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092023-n-16-ud23-17-k4/>.

10. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2023 № 24-П23 // Legalacts: юридическая справочная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-13122023-n-24p23/>.

11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2025 № 11-УД25-8А4 // Legalacts: юридическая справочная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24042025-n-11-ud25-8a4/>.

12. Лесная А.И. Особенности квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление // Молодой ученый. – 2024. – № 31 (530). – С. 51-52.

13. Мелюханова Е.Е. Уголовно-правовое значение неоконченного преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (45). – С. 107-114. – EDN EUUNBV.

LIMITS OF LIABILITY FOR PREPARATION TO COMMIT A CRIME: CRITERIA OF DIFFERENTIATION

A.Yu. Vodolazova, *Graduate Student*

V.M. Lebedev **Russian State University of Justice**
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article examines liability limits for preparation to commit a crime as a boundary between non-punishable intent and execution of an offence. Its relevance stems from the risk of premature criminalisation of manifestation of intent and erroneous qualification of preparatory conduct as attempt. The purpose is to clarify criteria separating preparation, manifestation of intent, attempt and voluntary abandonment. Based on Russian General Part norms, scholarly approaches and Supreme Court practice, the article argues that preparation exists only when external conduct creates conditions for a specific serious or especially serious crime before the objective elements begin. Attempt is linked to direct implementation of those elements, while voluntary abandonment requires final termination despite the possibility to complete the crime. The main result is a three-level criterion: statutory punishability, objective movement toward the offence and non-completion for circumstances beyond the person's control.*

Keywords: *preparation to commit a crime; manifestation of intent; criminal attempt; inchoate offence; voluntary abandonment; objective elements of offence; limits of criminal liability; criminal qualification.*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Р.В. Воловык¹, магистрант

И.Н. Кременов², канд. юрид. наук, доцент

¹Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета

²Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

^{1,2}(Россия, г. Калининград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-170-176

Аннотация. Статья посвящена анализу действующего порядка привлечения к административной ответственности за налоговые правонарушения и выявлению проблем правоприменения в данной сфере. Рассматривается соотношение норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Налогового кодекса Российской Федерации, изучаются особенности квалификации составов, а также анализируется судебная практика по делам, связанным с нарушениями налогового законодательства. На основании исследования формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: административная ответственность; налоговые правонарушения; КоАП РФ; Налоговый кодекс; налоговые органы; судебная практика; привлечение к ответственности; совершенствование законодательства.

Налоговые правонарушения представляют собой одну из наиболее распространённых категорий нарушений законодательства в сфере публичного права. Их общественная опасность обусловлена прямым ущербом, причиняемым бюджетной системе государства, поскольку именно налоговые поступления формируют основу финансового обеспечения государственных функций. Вопросы привлечения к административной ответственности в данной сфере отличаются значительной сложностью, что обусловлено дуализмом правового регулирования – ответственность за нарушения налогового законодательства предусмотрена одновременно нормами Налогового кодекса Российской Федерации [2] и КоАП РФ [1], а в отдельных случаях – Уголовным кодексом Российской Федерации [4].

Актуальность исследования определяется не только теоретической неопределённостью в разграничении составов налоговых и административных правонарушений, но и практическими трудностями, с которыми сталкиваются налоговые органы и суды при применении санкций. Выявление системных недостатков правоприменения и выработка конкретных предложений по их устранению приобретают особое значение в условиях постоянного усложнения налоговых отноше-

ний [13]. Данная проблематика находит отражение в научных работах ряда авторов, исследующих как теоретические, так и практические аспекты административной ответственности за налоговые правонарушения [12; 14; 15].

Методология исследования

В ходе исследования применялся комплекс научных методов. Формально-юридический метод использовался при анализе норм КоАП РФ, Налогового кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов. Метод сравнительного правоведения применялся при сопоставлении различных механизмов привлечения к ответственности, закреплённых в разных отраслях законодательства. Метод системного анализа позволил рассмотреть административную ответственность за налоговые правонарушения как элемент единой системы юридической ответственности. Эмпирическую основу составил анализ судебной практики – решений судов общей юрисдикции, принятых по делам об административных правонарушениях в налоговой сфере и по делам о взыскании налоговой задолженности.

Результаты и обсуждение

Административная ответственность за налоговые правонарушения представляет собой особую разновидность юридической ответственности, применяемой к субъектам, допустившим нарушение норм налогового законодательства, выраженное в действиях либо бездействии, не образующих состава уголовно наказуемого деяния. Её место в системе юридической ответственности определяется публично-правовой природой налоговых отношений: обязанность уплачивать законно установленные налоги и сборы закреплена непосредственно в статье 57 Конституции Российской Федерации и носит всеобщий, безусловный характер. Нарушение данной обязанности влечёт применение государственного принуждения, форма и интенсивность которого зависят от степени общественной опасности конкретного деяния.

Ключевой особенностью правового регулирования рассматриваемой сферы является наличие двух самостоятельных отраслевых механизмов привлечения к ответственности – через нормы КоАП РФ [1] и через положения Налогового кодекса Российской Федерации [2], а в случаях, когда деяние достигает установленных законом пороговых значений, – через нормы Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. Подобная множественность правовых инструментов воздействия, с одной стороны, обеспечивает дифференцированный подход к оценке степени общественной опасности нарушения, с другой – порождает объективные сложности при квалификации конкретных деяний и разграничении составов, предусмотренных различными кодифицированными актами [12].

КоАП РФ сосредотачивает ответственность за нарушения в области налогов и сборов преимущественно в главе 15. В числе ключевых составов следует выделить: непредставление в установленный срок документов и сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, либо их представление в неполном объёме или в искажённом виде (статья 15.6 КоАП РФ); нарушение установленных законодательством о налогах и сборах сроков представления налоговой декларации (статья 15.5 КоАП РФ); грубое нарушение требований к бухгалтерскому учёту, в том числе к бухгалтерской отчётности (статья 15.11 КоАП РФ). Санкции за данные правона-

рушения носят штрафной характер и установлены в относительно небольших размерах – для должностных лиц, как правило, в диапазоне от трёхсот до двадцати тысяч рублей в зависимости от состава, что на практике существенно снижает как карательную, так и превентивную функцию административной ответственности [13].

Параллельно Налоговый кодекс Российской Федерации закрепляет в главе 16 самостоятельный перечень налоговых правонарушений. К наиболее значимым из них относятся: непредставление налоговой декларации (расчёта финансового результата инвестиционного товарищества, расчёта по страховым взносам) в установленный законодательством срок (статья 119 НК РФ); грубое нарушение правил учёта доходов и расходов и объектов налогообложения (статья 120 НК РФ); неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора, страховых взносов) в результате занижения налоговой базы, иного неправильного исчисления налога или других неправомерных действий (бездействия) (статья 122 НК РФ); непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля (статья 126 НК РФ) [2]. Принципиальное разграничение между составами по КоАП РФ и НК РФ проходит прежде всего по субъектному признаку: нормы НК РФ применяются к организациям и индивидуальным предпринимателям как самостоятельным субъектам налоговых правоотношений, тогда как нормы КоАП РФ в данной сфере ориентированы преимущественно на должностных лиц организаций.

Вместе с тем данное разграничение не является абсолютным: на практике к одному и тому же деянию – например, непредставлению налоговой декларации в срок – оказываются применимы одновременно и статья 119 НК РФ (в отношении организации или предпринимателя), и статья 15.5 КоАП РФ (в отношении руководителя организации как должностного лица). Это означает фактическое параллельное привлечение к ответственности за одно и то же нарушение, что входит в очевидное противоречие с общеправовым принципом недопустимости двойного наказания, закреплённым в том числе в части 1 статьи 50 Конституции Российской Федерации. Данная коллизия до настоящего времени не

разрешена на уровне законодательства и лишь отчасти нивелируется правоприменительной практикой [14].

Важнейшими ориентирами для судов и налоговых органов служат акты высших судебных инстанций. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [6], несмотря на уголовно-правовую направленность, содержит разъяснения принципиально значимые для правильного разграничения уголовной и административной ответственности – в частности, в части квалификации уклонения от уплаты налогов и определения момента окончания соответствующего деяния. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 года № 57 [7] конкретизирует порядок применения судами части первой НК РФ, уделяя значительное внимание процедурам принудительного взыскания задолженности, соблюдению установленных сроков и последствиям их нарушения.

Существенную роль в системе выявления и пресечения налоговых правонарушений играют налоговые органы. Их правовой статус, полномочия и порядок взаимодействия с налогоплательщиками определены Законом Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» [5], а также обширным массивом подзаконных нормативных правовых актов. Именно на налоговые органы возложена обязанность своевременного выявления нарушений, составления протоколов об административных правонарушениях, направления требований об уплате недоимки и обращения в суд в случае их неисполнения. Ненадлежащее исполнение данных функций, выражающееся прежде всего в пропуске установленных процессуальных сроков, влечёт утрату государством права на принудительное взыскание задолженности, что наносит прямой ущерб бюджетной системе [10].

Самостоятельным условием надлежащего исполнения налоговых обязанностей является соблюдение требований Федерального закона «О бухгалтерском учёте» [8]. Нарушение установленных им правил ведения учёта доходов, расходов, объектов налогообложения образует самостоятельные составы административных правонарушений по статье 15.11 КоАП РФ, а также может служить основанием для применения санкций по статье 120 НК РФ. При этом разграничение между «грубым нарушением» по КоАП РФ и «грубым нарушением» по НК РФ применительно к правилам учёта в правоприменительной практике нередко вызывает затруднения ввиду схожести используемой законодателем терминологии при различном нормативном содержании.

К числу наиболее острых теоретических проблем относится и вопрос о субъектном составе административных правонарушений в налоговой сфере. КоАП РФ, устанавливая ответственность должностных лиц, не содержит исчерпывающего разъяснения того, кто именно признаётся должностным лицом применительно к конкретным составам главы 15. На практике это приводит к неоднородности правоприменения: в ряде случаев к ответственности привлекается руководитель организации, в других – главный бухгалтер, а в третьих – оба одновременно, что не всегда соответствует реальному распределению должностных обязанностей и степени вины каждого из них [15].

Принцип вины занимает центральное место в системе административной ответственности за налоговые правонарушения. Часть 1 статьи 1.5 КоАП РФ закрепляет, что лицо подлежит административной ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Применительно к должностным лицам, привлекаемым к ответственности за нарушения в сфере налогов и сборов, это означает необходимость установления не только самого факта нарушения, но и наличия реальной возможности соблюдения установленных требований. Данный аспект приобретает особое значение в ситуациях, когда нарушение обусловлено объективными обстоятельствами – например, внутриорганизационными конфликтами, частой сменой руководства либо противоправными действиями предыдущих должностных лиц, препятствовавшими надлежащему ведению учёта и своевременному представлению отчётности [9].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соразмерности применяемых административных санкций. Действующие размеры штрафов, установленных КоАП РФ за нарушения в области налогов и сборов, оставались

практически неизменными на протяжении длительного времени, тогда как экономические условия, уровень инфляции и масштаб ущерба от налоговых правонарушений претерпели существенные изменения. Штраф в размере трёхсот рублей, накладываемый на должностное лицо за несвоевременное представление налоговой декларации, очевидно не выполняет ни карательной, ни предупредительной функции и воспринимается правонарушителями как незначительная формальность [13]. Подобное положение вещей указывает на необходимость системного пересмотра санкций главы 15 КоАП РФ с учётом современных экономических реалий и сравнительного анализа с размерами санкций, предусмотренных НК РФ за аналогичные деяния.

Первое из рассматриваемых дел – решение Верховного Суда Республики Крым по делу № 2А-25/2020 – представляет значительный интерес с точки зрения соотношения налоговых нарушений и оснований для применения крайней меры правовой ответственности в отношении юридического лица. Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым обратилось в суд с иском о ликвидации Региональной общественной организации «Крымский охотник», указав в числе оснований на нарушения налогового законодательства – несвоевременное представление деклараций по НДС и единой упрощённой налоговой декларации, а также расчётов по страховым взносам [9].

Суд, отказывая в удовлетворении иска, применил принцип соразмерности юридической ответственности и тяжести допущенных нарушений. Принципиально важен вывод суда о том, что само по себе несвоевременное представление налоговой отчётности не является безусловным основанием для ликвидации организации, поскольку за допущенные нарушения организация уже была привлечена к налоговой ответственности с наложением штрафных санкций, которые ею уплачивались. Данная позиция согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 18 июля 2003 года № 14-П: неоднократные нарушения закона в совокупности должны быть существенными, чтобы оправдывать применение такой исключительной

меры, как ликвидация юридического лица. Тем самым суд продемонстрировал, что налоговые правонарушения, влекущие ответственность по НК РФ [2], не могут автоматически трансформироваться в основание для несоразмерно тяжких последствий по нормам иных отраслей права [9].

Второе дело – решение Октябрьского районного суда города Тамбова по делу № 12-153/2020 – касается привлечения к административной ответственности по части 1 статьи 15.6 КоАП РФ [1] генерального директора ООО «Водан» за несвоевременное представление в налоговый орган декларации по налогу на прибыль организации. Суд апелляционной инстанции оставил в силе постановление мирового судьи о назначении штрафа в размере трёхсот рублей, отклонив довод заявителя о невозможности отправки декларации в установленный срок ввиду нерабочих дней [11].

Данное дело иллюстрирует сразу несколько значимых аспектов. Во-первых, ответственность по КоАП РФ за непредставление сведений для налогового контроля распространяется на должностных лиц организации – субъектами выступают физические лица, занимающие соответствующие должности, тогда как к самой организации применяются меры ответственности по НК РФ. Во-вторых, обращает на себя внимание явная несоразмерность санкции – административный штраф в размере трёхсот рублей – характеру допущенного нарушения и его последствиям для бюджетной системы. Это наглядно подтверждает тезис о необходимости пересмотра размеров санкций по КоАП РФ в сторону их увеличения до уровня, реально воздействующего на поведение субъектов [13; 15]. В-третьих, примечательно, что судом в приговоре ошибочно указана статья 15.33.2 КоАП РФ вместо статьи 15.6 КоАП РФ при назначении наказания, что само по себе свидетельствует о необходимости повышения правовой грамотности при применении законодательства об административных правонарушениях в налоговой сфере.

Третье дело – решение Комсомольского районного суда города Тольятти по делу № 2А-1850/2025 – представляет собой образец административного судопроизводства по взысканию налоговой задолженности с физи-

ческого лица [10]. Межрайонная ИФНС России № 23 по Самарской области обратилась с иском о взыскании с гражданина недоимки по НДС, транспортному налогу, штрафам и пеням на общую сумму 145 315,62 рублей. Суд удовлетворил требования лишь частично – в размере 2 369,15 рублей, – констатируя пропуск налоговым органом сроков обращения в суд применительно к требованиям о взыскании НДС и штрафов.

Выводы, сделанные судом, основываются на системном толковании статей 48, 69, 70 НК РФ [2] и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 26 октября 2017 года № 2465-О: налоговые органы не вправе обращаться в суд за пределами установленных сроков без их восстановления по уважительным причинам. Дело обнажает системную проблему – ненадлежащую организацию работы налоговых органов по своевременному выявлению недоимок и соблюдению последовательных процессуальных сроков взыскания. Пропуск срока направления требования, хотя и не являющегося пресекательным, влечёт нарушение совокупных сроков принудительного взыскания, что фактически лишает налоговый орган возможности реализовать своё право [10]. Это ещё раз указывает на необходимость совершенствования внутренних административных регламентов налоговых органов, а возможно, и законодательного уточнения механизмов исчисления и восстановления сроков [14].

Таким образом, анализ судебной практики позволяет выявить несколько ключевых проблемных зон: несоразмерность санкций реальной общественной опасности нарушений; системные нарушения налоговыми органами процессуальных сроков; сложность разграничения составов по НК РФ и КоАП РФ применительно к одним и тем же деяниям; недостаточную проработанность критериев сораз-

мерности при применении налоговых и административных санкций в совокупности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что действующий порядок привлечения к административной ответственности за налоговые правонарушения нуждается в последовательном совершенствовании по нескольким направлениям. Прежде всего, требуется законодательное разграничение составов по КоАП РФ и НК РФ с закреплением чётких критериев, исключающих возможность двойного привлечения к ответственности за одно и то же деяние. Размеры административных санкций, установленных в главе 15 КоАП РФ применительно к налоговой сфере, необходимо привести в соответствие с реальным ущербом, причиняемым бюджетной системе, и современным уровнем экономического развития – это позволит восстановить превентивную функцию административной ответственности.

Особого внимания заслуживает проблема соблюдения налоговыми органами процессуальных сроков: нормативное закрепление механизмов внутреннего контроля и ответственности должностных лиц за их нарушение позволит исключить ситуации, при которых государство утрачивает право на взыскание задолженности вследствие собственной процессуальной халатности. Судебная практика убедительно демонстрирует, что именно процессуальные нарушения со стороны налоговых органов нередко оказываются решающим фактором при отказе в удовлетворении требований о взыскании задолженности. Наконец, принцип соразмерности – требующий оценки не только факта нарушения, но и его ответственности, характера последствий и принятых мер по устранению – должен быть прямо закреплён в качестве обязательного критерия при рассмотрении дел об административных правонарушениях в налоговой сфере.

Библиографический список

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
3. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Закон Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 (ред. от 28.12.2022) «О налоговых органах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 15. – Ст. 492.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. – 2019. – № 276; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 1.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 10.
8. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.
9. Верховный Суд Республики Крым (Республика Крым). Решение № 2А-25/2020 2А-25/2020~М-4/2020 М-4/2020 от 12 марта 2020 г. по делу № 2А-25/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/5cTQMq09wObv/>.
10. Комсомольский районный суд г. Тольятти (Самарская область). Решение № 2А-1850/2025 2А-1850/2025~М-894/2025 М-894/2025 от 6 июля 2025 г. по делу № 2А-1850/2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Lb0CUF7rVrU1/>.
11. Октябрьский районный суд г. Тамбова (Тамбовская область). Решение № 12-153/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 12-153/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/tAsug4vJtB1e/>.
12. Клюквина А.А. Особенности административной ответственности за налоговые правонарушения / А.А. Клюквина // Молодость. Интеллект. Инициатива: Материалы XII Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. В 2-х томах, Витебск, 26 апреля 2024 года. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2024. – С. 59-60. – EDN ANNVEH.
13. Коваль Д.А. О совершенствовании законодательства об ответственности за налоговые правонарушения / Д.А. Коваль // Современные правовые проблемы: взгляд студентов и курсантов: Сборник статей. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2023. – С. 80-85. – EDN GWYHSA.
14. Минакова Д.С. Административная ответственность за налоговые правонарушения / Д.С. Минакова // Академическая публицистика. – 2025. – № 6-1. – С. 287-294. – EDN OGNVJG.
15. Сакута В.М. Административная ответственность за налоговые правонарушения / В.М. Сакута // Формирование и эволюция новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Уфа, 19 апреля 2025 года. – Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2025. – С. 179-181. – EDN USYCEH.

IMPROVING THE PROCEDURE FOR BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR TAX OFFENSES

R.V. Volovyk¹, Graduate Student

I.N. Kremenov², Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

¹Kaliningrad branch of the Moscow Finance and Law University MFUA

²Kaliningrad branch of the St.-Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia
^{1,2}(Russia, Kaliningrad)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the current procedure for bringing to administrative responsibility for tax offenses and identification of law enforcement problems in this area. The correlation between the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Tax Code of the Russian Federation is examined, the specifics of qualification of offenses are studied, and judicial practice in cases related to violations of tax legislation is analyzed. Based on the research, proposals for improving legislation and law enforcement practice are formulated.*

Keywords: *administrative responsibility; tax offenses; Code of Administrative Offenses; Tax Code; tax authorities; judicial practice; prosecution; improvement of legislation.*

ПРЕДЕЛЫ «СТРАХОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА»: ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И НАЧИНАЕТСЯ ОТКАЗ В ВЫПЛАТЕ?

А.А. Горшкова, студент

С.В. Старцева, преподаватель

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-177-181

Аннотация. Статья посвящена анализу пределов «страхового мошенничества» в системе гражданско-правового регулирования. В центре внимания находится соотношение презумпции добросовестности участников гражданского оборота и права страховщика на отказ в страховой выплате либо на оспаривание договора страхования. На основе положений статей 10, 929, 944 и 179 ГК РФ раскрываются особенности страхового обязательства, обязанность страхователя по сообщению существенных обстоятельств и правовые последствия их сокрытия. Показано, что отказ в страховом возмещении допустим лишь при доказанности умышленного искажения информации о страховом риске; при отсутствии таких доказательств действует обязанность страховщика исполнить договор.

Ключевые слова: страховое мошенничество; страховой договор; страховой риск; добросовестность; отказ в выплате; обман; недействительность сделки; гражданско-правовое регулирование.

В современных условиях страховое мошенничество обоснованно рассматривается как одна из наиболее существенных угроз стабильности страховой системы. Масштаб распространения данного явления и его финансовые последствия предопределяют повышенный интерес к нему как со стороны правоприменительных органов, так и со стороны научного сообщества, исследующего механизмы противодействия экономической преступности. По данным экспертных оценок, совокупные потери страхового сектора, обусловленные нераскрытыми мошенническими действиями, могут достигать 15-20% от общего объема поступивших страховых премий, что свидетельствует о системном характере проблемы и ее прямом влиянии на устойчивость страховых организаций [5].

При этом негативный эффект страхового мошенничества не ограничивается ущербом, причиняемым конкретным страховым компаниям. Экономические издержки, возникающие вследствие неправомерных страховых выплат, неизбежно перераспределяются в рамках страховой системы и отражаются на добросовестных страхователях. Повышение тарифов и ужесточение условий страхования фактически означают перенос части убытков на лиц, надлежащим образом исполняющих

свои обязательства. В результате нарушается баланс интересов участников страховых правоотношений и подрываются базовые принципы страхования как механизма коллективного распределения риска.

Результаты исследования. В российской правоприменительной практике страховое мошенничество как массовое явление получило развитие сравнительно недавно. Если в 1990-е годы подобные посягательства носили фрагментарный характер, то в настоящее время они приобрели устойчивую тенденцию к росту и разнообразию форм. По экспертным подсчетам, ежегодные потери страхового рынка исчисляются значительными суммами, однако точное количественное выражение ущерба определить проблематично, что дополнительно осложняет выработку эффективных мер противодействия [6].

Анализ практики показывает, что наибольшее распространение мошеннические схемы получили в сфере страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Наиболее типичными способами совершения преступлений выступают инсценировка дорожно-транспортных происшествий, фальсификация обстоятельств аварий, имитация угонов транспортных средств. Значительное число преступлений фиксиру-

ется также в сегменте личного страхования: при страховании лиц, выезжающих за пределы Российской Федерации, используются подложные медицинские документы и искусственно завышенные счета; в медицинском страховании встречаются случаи инсценировки травм и несчастных случаев; в накопительном страховании жизни – манипулирование страховыми событиями и условиями договорных обязательств [4].

Динамика развития страхового мошенничества свидетельствует о его качественной трансформации. Если ранее подобные посягательства, как правило, осуществлялись отдельными лицами, действовавшими эпизодически, то в настоящее время нередко речь идет о деятельности организованных групп, обладающих устойчивой структурой, распределением ролей и определенным уровнем профессиональной подготовки. В ряде случаев в противоправные схемы вовлекаются страховые посредники либо иные лица, обладающие специальными знаниями в сфере страхования, что значительно усложняет процесс выявления и доказывания преступной деятельности.

С правовой точки зрения страховое мошенничество представляет собой разновидность мошенничества, совершаемого в рамках страховых правоотношений, возникающих при заключении, исполнении либо прекращении договоров обязательного или добровольного страхования. Его специфика заключается в том, что посягательство направлено на имущественные интересы субъектов страхования и реализуется посредством обмана либо злоупотребления доверием с целью получения необоснованной страховой выплаты или иного имущественного преимущества [1].

В результате таких действий нарушается установленный законом порядок формирования и использования страховых фондов, создаваемых за счет страховых взносов. Виновное лицо извлекает противоправную материальную выгоду, одновременно причиняя имущественный вред страховщику и опосредованно – другим участникам страхового рынка. Следовательно, страховое мошенничество сочетает в себе признаки имущественного преступления и деяния, подрывающего доверие к институту страхования как важному элементу экономической системы.

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость комплексного совершенствования мер противодействия страховым преступлениям. Речь идет как о развитии правовых механизмов ответственности, так и о модернизации криминалистических методик выявления и расследования соответствующих деяний. Эффективность данных мер напрямую связана с обеспечением экономической безопасности государства и защитой законных интересов участников страховых правоотношений.

Осмысление пределов страхового мошенничества в рамках гражданского права неизбежно выводит исследователя на более сложную теоретическую проблему – определение границ допустимого отказа страховщика от исполнения обязательства при одновременном сохранении принципа добросовестности участников гражданского оборота. Иначе говоря, необходимо установить, в какой момент реализация страховщиком права на отказ перестает быть законным способом защиты своих имущественных интересов и начинает противоречить базовым началам гражданского законодательства. Нормативная основа разрешения данного вопроса сосредоточена прежде всего в положениях главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности в статьях 929 и 961 ГК РФ, формирующих конструкцию имущественного страхования [1].

Из содержания статьи 929 ГК РФ следует, что договор имущественного страхования имеет выраженную компенсационную направленность. Страховщик, принимая страховую премию, принимает на себя риск наступления определенного события и обязуется при его реализации компенсировать причиненные убытки в пределах страховой суммы. В данной модели страховая выплата не рассматривается как источник обогащения страхователя, а выступает средством восстановления нарушенного имущественного баланса. Именно компенсационный характер страхового обязательства позволяет провести различие между законным требованием о выплате и попыткой извлечения необоснованной выгоды.

В гражданско-правовом измерении предел страхового мошенничества определяется не субъективной оценкой поведения страховате-

ля, а результатами надлежащего доказывания. До тех пор, пока не установлены факты злоупотребления правом либо умышленного введения в заблуждение, действует презумпция добросовестности и обязанность страховщика исполнить принятое на себя обязательство. Лишь доказанность фиктивности страхового события или иных форм недобросовестного поведения создает юридическую основу для отказа в страховом возмещении.

В конечном счете гражданско-правовая модель страхования строится на принципе баланса интересов. С одной стороны, она обеспечивает страховщику возможность защиты от необоснованных притязаний, с другой – ограничивает его право на отказ рамками доказанных обстоятельств. Именно в этой точке и пролегает концептуальная граница между законной реализацией прав страховщика и нарушением принципов справедливости, добросовестности и эквивалентности страховых правоотношений.

Анализ решения № 2-217/2024 2-217/2024-М-205/2024 М-205/2024 от 29 июля 2024 г. по делу № 2-217/2024 позволяет продемонстрировать, каким образом в рамках гражданско-правового регулирования проводится разграничение между действием презумпции добросовестности страхователя и реализацией страховщиком права на отказ в страховой выплате либо на оспаривание договора страхования. По существу, рассматриваемый спор затрагивает один из центральных вопросов теории страхового обязательства: где проходит граница между правомерным поведением участника страховых отношений и таким искажением юридически значимых сведений, которое трансформируется в обман и влечет неблагоприятные гражданско-правовые последствия [4].

Из материалов дела усматривается, что договор добровольного страхования жизни был заключен в электронной форме с соблюдением требований статьи 940 ГК РФ о письменной форме страхового договора. Стороны достигли соглашения по всем существенным условиям, предусмотренным статьей 942 ГК РФ, включая определение страхового риска, страховой суммы, срока действия договора и личности застрахованного. Договорная конструкция базировалась на правилах страхования, утвержденных страховщиком, что соот-

ветствует положениям статьи 943 ГК РФ о включении стандартных условий в содержание обязательства [1].

Существенным элементом договорной модели явилась декларация застрахованного лица, в которой страхователь подтвердил отсутствие обстоятельств, способных повлиять на оценку страхового риска. В частности, речь шла о состоянии здоровья и наличии инвалидности. В силу статьи 944 ГК РФ именно такие обстоятельства подлежат раскрытию, поскольку они объективно значимы для определения вероятности наступления страхового случая и возможного объема ответственности страховщика. Следовательно, обязанность их сообщения возникает на стадии заключения договора и носит императивный характер.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что на момент подписания договора страхования у ответчика уже имелась в установленном законом порядке вторая группа инвалидности. При этом соответствующая информация в анкете-заявлении отсутствовала. Суд, оценив представленные доказательства, пришел к выводу о том, что страхователю было известно о данном обстоятельстве, однако оно не было раскрыто страховщику. Такая ситуация была квалифицирована как сообщение недостоверных сведений о существенных фактах, влияющих на страховой риск, что позволило применить положения пункта 3 статьи 944 ГК РФ во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 179 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана [4].

Принципиально важно отметить, что в гражданско-правовой сфере действует презумпция добросовестности участников гражданского оборота, закрепленная в статье 10 ГК РФ. Данная презумпция предполагает, что лицо считается действующим разумно и честно, пока не доказано иное. Вместе с тем она носит опровержимый характер. Если страховщик доказывает, что страхователь сознательно умолчал об обстоятельствах, имеющих существенное значение для оценки риска, правовая защита презумпции добросовестности прекращается.

В рассматриваемом деле суд установил совокупность юридически значимых фактов: наличие на момент заключения договора обстоятельства, влияющего на страховой риск;

осведомленность страхователя о таком обстоятельстве; отсутствие его раскрытия страховщику; причинную связь между сокрытием информации и принятием страховщиком решения о заключении договора. Именно сочетание указанных элементов позволило квалифицировать поведение страхователя как умышленное введение контрагента в заблуждение.

Заключение. Подводя итог проведённому исследованию, следует отметить, что сложность определения границ так называемого «страхового мошенничества» в гражданско-правовой плоскости во многом обусловлена отсутствием в действующем законодательстве самостоятельной дефиниции данного явления. Гражданский кодекс Российской Федерации оперирует смежными правовыми категориями – страховым интересом, существенными обстоятельствами, обманом, злоупотреблением правом (статьи 929, 944, 179, 10 ГК РФ), – однако не формулирует специальной конструкции, позволяющей однозначно разграничить добросовестную реализацию страхового притязания и недопустимое искажение информации о страховом риске. В результате правоприменитель неизбежно сталкивается с концептуальным вопросом: в какой момент презумпция добросовестности участника гражданского оборота прекращает своё действие и трансформируется в юридическое основание для отказа в страховой выплате либо для признания договора недействительным.

В системе гражданского законодательства отправной точкой выступает презумпция добросовестности, закреплённая в статье 10 ГК РФ. Данная презумпция означает, что поведение страхователя предполагается соответствующим требованиям разумности и честности до тех пор, пока иное не доказано. Следовательно, обязанность страховщика по выплате страхового возмещения сохраняется до момента установления обстоятельств, свидетельствующих о намеренном искажении либо сокрытии сведений, имеющих существенное значение для оценки страхового риска. Иными словами, отказ в страховой защите не может основываться на предположениях или вероятностных выводах; он допустим исключительно при наличии доказательств, подтверждающих юридически значимый обман либо злоупотребление правом.

В этой связи представляется целесообразным дальнейшее развитие доктринального и нормативного подхода к определению критериев гражданско-правовой оценки недобросовестного поведения в страховых отношениях. Речь идёт не о введении дополнительных мер уголовной ответственности, а о более чёткой конкретизации в рамках частноправового регулирования таких элементов, как существенность скрываемых обстоятельств, форма и степень умысла страхователя, а также распределение бремени доказывания между сторонами. Подобная правовая детализация способствовала бы укреплению принципа правовой определённости и снижению числа конфликтов, связанных с оспариванием отказов в выплате.

Дополнительно заслуживает внимания вопрос институционального взаимодействия страховых организаций. В пределах гражданско-правовой модели допустимо создание информационных механизмов, обеспечивающих обмен сведениями о выявленных фактах недобросовестного поведения при условии строгого соблюдения законодательства о защите персональных данных. Формирование единой информационной базы и разработка унифицированных стандартов оценки страхового риска могли бы повысить качество предварительной проверки значимых обстоятельств и тем самым минимизировать вероятность последующих судебных споров.

Однако любые меры организационного характера должны соотноситься с базовыми началами гражданского права, прежде всего с принципом недопустимости произвольного ограничения субъективных прав участников оборота. Даже при наличии координации между страховщиками отказ в страховой выплате возможен лишь в случае доказанности обстоятельств, предусмотренных статьями 944 и 179 ГК РФ, то есть при установлении факта умышленного введения страховщика в заблуждение либо сокрытия информации, способной существенно повлиять на решение о заключении договора и условиях страхования.

Таким образом, в гражданско-правовом аспекте предел «страхового мошенничества» определяется не субъективной оценкой поведения страхователя и не корпоративной позицией страхового сообщества, а совокупно-

стью доказанных юридических фактов, свидетельствующих о нарушении обязанности по раскрытию существенных обстоятельств. До момента их установления действует презумпция добросовестности и сохраняется обязанность страховщика исполнить принятое на себя обязательство. Лишь её опровержение

посредством надлежащих доказательств образует законное основание для отказа в выплате либо для признания договора недействительным. Именно в этом балансе интересов сторон проходит нормативно очерченная граница гражданско-правовой модели противодействия злоупотреблениям в сфере страхования.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 12 января.
3. Обзор практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита от 05.06.2019 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 5.
4. Решение Юкаменского районного суда Удмуртской Республики от 30.07.2024 по делу № 2-217/2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/?ysclid=mpgtuzvgd9855642674>.
5. Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Вопросы правоприменения в личном страховании: основные аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224).
6. Голешова Я.З. Некоторые вопросы квалификации мошенничества в сфере страхования // Молодой ученый. – 2022. – № 19 (414). – С. 252-254.

THE LIMITS OF "INSURANCE FRAUD": WHERE DOES THE PRESUMPTION OF INNOCENCE END AND THE DENIAL OF PAYMENT BEGIN?

A.A. Gorshkova, *Student*

S.V. Startseva, *Lecturer*

Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the limits of "insurance fraud" in the system of civil law regulation. The focus is on the relationship between the presumption of good faith of participants in civil turnover and the insurer's right to refuse insurance payment or to challenge the insurance contract. Based on the provisions of Articles 10, 929, 944 and 179 of the Civil Code of the Russian Federation, the specifics of the insurance obligation, the policyholder's obligation to disclose material circumstances and the legal consequences of their concealment are disclosed. It is shown that the refusal of insurance compensation is permissible only if there is evidence of intentional distortion of information about the insurance risk; in the absence of such evidence, the insurer is obliged to fulfill the contract.

Keywords: insurance fraud; insurance contract; insurance risk; good faith; refusal to pay; deception; invalidity of the transaction; civil law regulation.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ НЕЗАКОННЫХ КОМБАТАНТОВ

И.М. Гришин, студент

А.О. Еркеев, студент

Научный руководитель: А.Н. Бисярина, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий

(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-182-186

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения правового статуса незаконных комбатантов (наемников). Рассматриваются соотношение понятий «незаконный комбатант», «наёмник» и «сотрудник частной военной компании» (ЧВК), выявляются основные пробелы в регулировании, исследуются проблемы уголовной ответственности и практические аспекты на примере специальной военной операции. Актуальность исследования правового статуса незаконных комбатантов обусловлена современными трансформациями вооружённых конфликтов, сопровождающимися расширением участия негосударственных вооружённых формирований, частных военных структур и лиц, принимающих участие в боевых действиях вне рамок регулярных вооружённых сил государств. Несмотря на закрепление запрета наёмничества в нормах международного гуманитарного права, в частности в Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям и Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, единый подход к определению понятия «наёмник», пределам уголовной ответственности и объёму правовой защиты таких лиц до настоящего времени отсутствует. На основе критического анализа научных позиций авторами предлагаются пути совершенствования международных и национальных норм для ликвидации «серой зоны» в правовом статусе участников вооружённых конфликтов.

Ключевые слова: незаконный комбатант; международное гуманитарное право; частные военные компании; наёмничество; уголовная ответственность; специальная военная операция.

Современные вооружённые конфликты характеризуются всё более активным участием негосударственных акторов – частных военных и охранных компаний (ЧВК, ЧВОК), террористических группировок, иных военизированных формирований, члены которых зачастую не подпадают под традиционные категории комбатантов, установленные Женевскими конвенциями 1949 года и Дополнительными протоколами к ним. Подобная ситуация создаёт правовую неопределённость, в которой оказываются так называемые «незаконные комбатанты» – лица, принимающие непосредственное участие в боевых действиях, но не имеющие на это права и, как следствие, лишаящиеся защиты, предоставляемой законным комбатантам и гражданским лицам. Проблема усугубляется отсутствием легальной дефиниции «незаконного комбатанта» в договорных источниках МГП, что порождает многочисленные доктринальные споры и затрудняет привлечение таких лиц к ответственности. В отечественной науке данная

тема в последние годы также получает освещение, прежде всего через призму наёмничества и деятельности ЧВК.

Исходной точкой для понимания статуса незаконного комбатанта служит анализ института наёмничества. И.А. Гдалевич, проводя политико-правовой анализ наёмничества, показывает, что классическое определение наёмника, закреплённое в ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, содержит ряд строгих альтернативных признаков (специальная вербовка, непосредственное участие в военных действиях, материальная мотивация, значительно превышающая вознаграждение комбатантов, отсутствие гражданства или резидентства стороны конфликта, невхождение в личный состав вооружённых сил и т. д.) [1, с. 259]. Однако на практике большинству сотрудников современных ЧВК удаётся избежать квалификации в качестве наёмников, поскольку наиболее уязвимым оказывается подпункт «б» о фактическом участии в боевых действиях. Автор

подчеркивает, что данная лазейка позволяет предоставлять услуги «солдат удачи» легально, обходя прямой запрет наёмничества, установленный, в частности, ст. 359 УК РФ [1, с. 260].

А.М. Ибрагимов и А.Р. Хавчаев детально исследуют правовые аспекты участия частных охранных и полувоенных организаций в международных вооружённых конфликтах и приходят к выводу, что сотрудники таких структур, не являясь ни комбатантами регулярных вооружённых сил, ни полноценными наёмниками, оказываются в положении незаконных комбатантов, поскольку их деятельность не соответствует требованиям ст. 4 Женевской конвенции III о предоставлении статуса военнопленного [2, с. 241]. Отсутствие чётких критериев отграничения ЧВОК от наёмничества ведёт к произвольному обращению с захваченными в плен лицами. Например, известен случай задержания сотрудников ЧВК «Blackwater» в Ираке в 2007 году после расстрела мирных граждан: они были переданы иракскому суду, однако их статус так и не был чётко определён – военнопленными их не признали, но и к наёмникам в полной мере не отнесли. В результате часть фигурантов была помилована президентом США Дональдом Трампом, что вызвало широкий общественный резонанс и было резко осуждено, в частности, Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека. Это инцидент явно демонстрирует правовую беспомощность системы в ее текущем состоянии.

К.Д. Корякин и К.Е. Васильев ставят центральный вопрос о правовом статусе ЧВК (ЧВОК) в международном праве: допустимо ли отождествлять их с наёмниками и можно ли лишать их сотрудников права на статус военнопленного [3, с. 252]. Анализируя международные договоры, исследователи заключают, что участники ЧВК (ЧВОК) находятся в так называемой «серой зоне» правового регулирования, поскольку де-юре на них могут не действовать положения III Женевской конвенции [3, с. 253]. При этом, исходя из ст.ст. 43-44 Дополнительного протокола I, существует возможность отнесения сотрудников ЧВК (ЧВОК) к комбатантам, если они входят в состав вооружённых сил воюющей стороны. Однако государства, как правило, уклоняются от этого шага. Причины очевид-

ны: признание сотрудников ЧВК комбатантами автоматически налагает на государство полную ответственность за их действия, включая обязательство выплачивать им денежное довольствие как военнослужащим, обеспечивать медицинскую и пенсионную поддержку, а главное – предоставлять статус военнопленного в случае пленения. Государствам же гораздо выгоднее сохранять неопределённость: сотрудники ЧВК выполняют боевые задачи, но при этом не требуют полноценных бюджетных расходов и в случае захвата могут быть объявлены как частные лица, действовавшие на свой страх и риск. Это приводит к тому, что захваченные сотрудники ЧВК оказываются в правовой неопределённости: их не обменивают как военнопленных, но и не всегда судят по всей строгости закона.

В.В. Соловьева указывает, что правовая неопределённость в регулировании деятельности ЧВК ведёт к рискам бесконтрольного применения силы, размыванию ответственности государств и к невозможности обеспечить защиту прав как самих сотрудников компаний, так и лиц, пострадавших от их действий [4, с. 106].

Бесконтрольное применение силы проявляется в том, что сотрудники ЧВК, не связанные воинской дисциплиной и не опасющиеся трибунала за нарушение приказов, нередко применяют оружие без необходимой пропорциональности. Громкие случаи в Ираке: расстрел 17 иракских граждан на площади Нисур в Багдаде 16 сентября 2007 года сотрудниками ЧВК Blackwater; засада в Эль-Фаллудже (31 марта 2004 года), когда четверо сотрудников Blackwater были убиты, а их тела подверглись надругательству – этот инцидент привёл к первому штурму города американскими войсками; пытки в тюрьме Абу-Грейб (2004 год), где сотрудники ЧВК CACI и Titan (позже L-3 Services) принимали участие в пытках при допросах бывших иракских военнослужащих, что поставило вопрос о том, были ли такие полномочия предусмотрены их контрактами. Эти примеры показывают, что командиры ЧВК зачастую не несут ответственности за своих подчинённых. Размывание ответственности государств выражается в том, что государство, заключившее контракт с ЧВК, может отрицать прямую связь с действиями наёмного персонала, перекладывая

вину на частную структуру. При этом само государство остаётся в тени, что противоречит принципу «эффективного контроля», выработанному Международным судом ООН. Невозможность защиты прав затрагивает обе стороны: сами сотрудники ЧВК в случае пленения не могут рассчитывать на статус военнопленного и гуманное обращение, а гражданские лица, пострадавшие от их действий, не имеют эффективного механизма получения компенсации, поскольку частная компания может быть ликвидирована, а её активы выведены из юрисдикции пострадавшей страны.

Т.А. Тауканов констатирует, что на сегодняшний день отсутствует всеобъемлющее правовое регулирование отрасли ЧВОК как на международном уровне, так и на уровне национальных законодательств [5, с. 470]. Единственным значимым международным актом остаётся Документ Монтрё 2008 года, который, однако, носит рекомендательный характер и не имеет обязательной юридической силы. На практике его роль сводится к тому, что государства, подписавшие Документ, добровольно обязуются регистрировать ЧВК и требовать от них соблюдения прав человека. Однако механизмов принуждения или санкций за нарушения Документ не содержит. Поэтому крупные инциденты с участием ЧВК (как в Ираке или Йемене) продолжают происходить, несмотря на формальное одобрение принципов Монтрё. В Российской Федерации, несмотря на неоднократные законодательные инициативы, до сих пор отсутствует специальный закон о ЧВК, а создание подобных организаций формально противоречит ч. 5 ст. 13 Конституции РФ [5, с. 471]. Автор также подробно разбирает проблему неопределённости правового статуса сотрудников ЧВОК с точки зрения МГП: их нельзя однозначно приравнивать к наёмникам, а в случае непосредственного участия в боевых действиях их статус остаётся неопределённым и требующим скорейшего урегулирования [5, с. 472]. В качестве одного из решений предлагается разработка модельного законодательства в рамках ООН, которое стало бы ориентиром для государств, поскольку без создания адекватной нормативной базы любые рассуждения о правовом положении незаконных комбатантов останутся лишь док-

тринальными конструкциями, не способными реально защитить права субъектов МГП.

Ключевым элементом правового положения любого лица, участвующего в вооружённом конфликте, является его ответственность за совершённые деяния. З.М. Маккашарипов и М.Н. Алиева, исследуя уголовную ответственность комбатантов за нарушение норм МГП, формулируют общие принципы, применимые ко всем лицам, независимо от их статуса. Они подчёркивают, что комбатантами признаются лица, входящие в состав вооружённых сил воюющих сторон и непосредственно ведущие боевые действия с оружием в руках, при соблюдении ряда условий (видимый отличительный знак, открытое ношение оружия и соблюдение законов и обычаев войны). Ответственность же государства за действия комбатантов не снимает с последних индивидуальной уголовной ответственности за нарушения [6, с. 137].

Экстраполируя этот принцип на незаконных комбатантов, можно заключить, что отсутствие у лица права на участие в боевых действиях не освобождает его от индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления, преступления против человечности и иные серьёзные нарушения МГП. Более того, незаконный комбатант, захваченный в плен, может быть привлечён к уголовной ответственности не только за сам факт незаконного участия в военных действиях, но и за конкретные деяния, совершённые в ходе такого участия. Как следует из исследования З.М. Маккашарипова и М.Н. Алиевой, уголовное преследование незаконных комбатантов сталкивается с процессуальными сложностями: неопределённость их правового статуса порождает споры о подсудности и применимых гарантиях справедливого судебного разбирательства [6, с. 137].

И.А. Гдалевич также обращает внимание на сложности с пленением наёмников, поскольку они не имеют права на статус военнопленного, их задержание автоматически влечёт уголовное преследование, однако доказать вину лица в наёмничестве зачастую крайне сложно. Поскольку, во-первых, требуется подтверждение специальной материальной мотивации, превышающей жалование обычного солдата – но многие ЧВК оформляют выплаты как «командировочные» или

«страховые бонусы». Во-вторых, сложно доказать, что лицо не является гражданином ни одной из воюющих сторон – в условиях смешанных паспортов и гражданств эта норма работает плохо. В-третьих, необходимо установить, что лицо не входит в личный состав вооружённых сил стороны конфликта – но ЧВК могут заключать формальные договоры с министерствами обороны, создавая видимость их причастности к вооруженным силам определенного государства [1, с. 262]. Таким образом, неурегулированность статуса незаконных комбатантов напрямую создает проблему с привлечением их к уголовной ответственности.

Наиболее наглядно теоретические проблемы проявляются в современных реалиях. С.А. Модестов подробно анализирует многочисленные нарушения общепринятых норм гуманитарного права со стороны ВСУ и иностранных наёмников, квалифицируя их как преступления против мира и безопасности человечества, а также как акты международного терроризма, предусмотренные главой 34 УК РФ.

Автор указывает что в текущей ситуации требуется проведение широкомасштабной контртеррористической операции против лиц, утративших общепризнанные права комбатантов. Изменение их правового статуса должно быть доведено до них в ультимативной форме, после чего все, не сложившие оружие и не сдавшиеся, подлежат уничтожению. При захвате (задержании) они автоматически становятся подозреваемыми в совершении уголовных преступлений, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ» [7, с. 57].

Таким образом, в современном международном гуманитарном праве категория «незаконный комбатант» не имеет нормативного

определения. На практике к ним относятся лица, не являющиеся ни законными комбатантами, ни гражданскими лицами, — прежде всего сотрудники ЧВК и иностранные боевики. Отсутствие универсального регулирования деятельности ЧВК и размытость критериев наёмничества создают правовую неопределённость, в которой нарушаются права как самих незаконных комбатантов, так и жертв их действий. При этом отсутствие статуса не освобождает от уголовной ответственности за военные преступления, однако порождает процессуальные препятствия для правосудия. Конфликты последних лет, включая специальную военную операцию, обнажили острую проблему.

Мы считаем, что категория «незаконный комбатант» не должна оставаться доктринальной фикцией. Необходимо разработать и принять международный договор, который бы чётко определял признаки лиц, не имеющих права на участие в боевых действиях, но фактически в них участвующих; объём минимальных гарантий для захваченных незаконных комбатантов (право на справедливый суд, запрет пыток, возможность обжалования статуса).

В отношении частных военных компаний мы предлагаем не пытаться «втиснуть» их в рамки наёмничества, а создать отдельный международный договор о регистрации, контроле и ответственности ЧВК. Такой договор должен обязать государства вести публичный реестр всех ЧВК, действующих от их имени; требовать от ЧВК наличия внутренних механизмов дисциплинарной ответственности, сравнимых с военными; обеспечить механизм и порядок уголовного преследования сотрудников ЧВК за нарушения МГП в национальных судах либо через передачу в Международный уголовный суд.

Библиографический список

1. Гдалевич И.А. Политико-правовой анализ наемничества / И.А. Гдалевич // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2024. – № 1. – С. 259-263. – EDN SDNNXE.
2. Ибрагимов А.М. Некоторые правовые аспекты участия частных охранных и полувоенных организаций в международных вооруженных конфликтах / А.М. Ибрагимов, А.Р. Хавчаев // Закон и право. – 2022. – № 4. – С. 240-243. – DOI 10.24412/2073-3313-2022-4-240-243. – EDN MCSHRP.
3. Корякин К.Д. Вопросы правового статуса частных военных и охранных компаний в международном праве / К.Д. Корякин, К.Е. Васильев // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 12 (216). – С. 251-253.

4. Соловьева В.В. К вопросу о проблемах правового регулирования деятельности частных военных компаний / В.В. Соловьева // Закон и право. – 2025. – № 12. – С. 110-114.

5. Тауканов Т.А. Правовое регулирование ЧВОК на российском и международном уровне: проблемы и пути решения / Т.А. Тауканов // Юридическая наука. – 2025. – № 5. – С. 469-474.

6. Маккашарипов З.М., Алиева М.Н. Уголовная ответственность комбатантов за нарушение норм международного гуманитарного права / З.М. Маккашарипов, М.Н. Алиева // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 136-137.

7. Модестов С.А. Политико-правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции / С.А. Модестов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2022. – № 2. – С. 52-59.

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF ILLEGAL COMBATANTS

I.M. Grishin, *Student*

A.O. Yerkeev, *Student*

Supervisor: *A.N. Bisyarina, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. *This article discusses issues related to the problems of determining the legal status of illegal combatants (mercenaries). The relationship between the concepts of "illegal combatant", "mercenary" and "employee of a private military company" (PMCs) is considered, the main gaps in regulation are identified, the problems of criminal liability and practical aspects are investigated using the example of a special military operation. The relevance of the study of the legal status of illegal combatants is due to the modern transformations of armed conflicts, accompanied by the increased participation of non-State armed groups, private military structures and persons participating in hostilities outside the framework of the regular armed forces of States. Despite the establishment of the prohibition of mercenary activity in the norms of international humanitarian law, in particular in Additional Protocol I to the Geneva Conventions and the International Convention for the Suppression of the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries, there is still no unified approach to the definition of "mercenary", the limits of criminal liability and the scope of legal protection of such persons. Based on a critical analysis of scientific positions, the authors propose ways to improve international and national norms to eliminate the "gray zone" in the legal status of participants in armed conflicts.*

Keywords: *illegal combatant; international humanitarian law; private military companies; mercenary activities; criminal liability; special military operation.*

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ИНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Н.Е. Гришина, магистрант

О.В. Панкратова, канд. юрид. наук, доцент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-187-192

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения единообразного подхода к определению подсудности дел, возникающих из административных и иных публично-правовых отношений, при отсутствии четких законодательных критериев её установления. В статье анализируются особенности установления родовой и территориальной подсудности данной категории дел, а также выявляются практические трудности, возникающие при разграничении компетенции судов по делам рассматриваемой категории и выборе надлежащей процессуальной формы рассмотрения спора. По результатам исследования обозначены отдельные недостатки правового регулирования и предложены направления их разрешения.

Ключевые слова: административное судопроизводство; подсудность; компетенция; подведомственность; административно-правовые споры.

Особый характер и субъектный состав споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, предопределяют наличие ряда процессуальных особенностей их рассмотрения и разрешения, включая установление подсудности данной категории дел. В отличие от гражданско-правовых споров они характеризуются неравенством участников, один из которых осуществляет властные полномочия по отношению к другому, ограниченному в своей имущественной самостоятельности и автономии воли. Указанная особенность, связывающая публичные правоотношения с императивным началом, находит отражение в процессуальной форме защиты нарушенных прав, включая порядок рассмотрения дел и распределение их между судами.

Обращение к вопросам установления подсудности по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений, требует предварительного уточнения используемого понятийного аппарата, поскольку действующее процессуальное законодательство не отличается терминологической однородностью в регулировании рассматриваемого вопроса. В нормативных актах параллельно используются такие категории, как «подсудность», «компетенция» и «подведом-

ственность», смысловое наполнение каждой из которых связано с определением круга дел, подлежащих рассмотрению тем или иным судом, однако их соотношение не всегда проводится последовательно.

Так, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) оперирует как понятием компетенции (гл. 4, ст. ст. 27-32), так и понятием подсудности (ст. ст. 34039). В свою очередь, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) законодатель в основном обращается к термину «подсудность», лишь в отдельных положениях упоминая понятие компетенции (ст. 5, ч. 3 ст. 22). Наконец, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) сохраняет одновременное использование категорий подведомственности, подсудности и компетенции, однако не всегда придает им самостоятельное смысловое значение. Так, при решении вопроса о разграничении предметов ведения между судами общей юрисдикции, арбитражными судами и иными судебными органами законодатель одновременно использует категорию подведомственности (ст. 17 КАС РФ), компетенции (ч. 4 ст. 1, ст. 17 КАС РФ) и подсудности (ст. 19, ч. 1 ст. 22, ч. 2.1 ст. 27 КАС РФ).

Вопрос о соотношении указанных категорий неоднократно становился предметом научного осмысления и получил широкое освещение в доктрине процессуального права. В рамках же настоящего исследования, не вдаваясь в детальный анализ существующих подходов, представляется возможным исходить из следующего их разграничения.

Категория «подведомственность», несмотря на постепенное вытеснение ее термином «компетенция» в законодательстве, сохраняет самостоятельное значение как межотраслевой процессуальный институт. Под подведомственностью целесообразно понимать разграничение предметов ведения между различными юрисдикционными органами, наделенными полномочиями по разрешению юридических споров (судами, органами исполнительной власти, третейскими судами) [1, с. 49]. Понятием «компетенция», в свою очередь, охватывается разграничение относимости юридических споров к различным звеньям судебной системы, то есть определение того, какой именно суд уполномочен на их рассмотрение в зависимости от его места в системе судебной власти. Наконец, «подсудность», являясь наиболее узкой категорией в рассматриваемом ряду, отражает распределение дел внутри соответствующей подсистемы судов как по вертикали (родовая подсудность), так и по горизонтали (территориальная подсудность) [1, с. 59]. Этот подход к соотношению всех упомянутых категорий можно считать общепризнанным, но в доктрине встречается и иная точка зрения, рассматривающая указанные категории сквозь призму единого понятия подсудности, дифференцируемой на межсистемную (соотносимую с компетенцией) и внутрисистемную (соответствующую подсудности в ее традиционном понимании) [2, с. 151].

Переходя непосредственно к особенностям определения подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, следует прежде всего отметить, что их рассмотрение отнесено к компетенции как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов. Дела, подведомственные судам общей юрисдикции, рассматриваются по правилам КАС РФ, тогда как дела, отнесенные к компетенции арбитражных судов, – по правилам раздела III АПК РФ. Разграничение ком-

петенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами применительно к делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, осуществляется с использованием стандартных критериев, выработанных для определения компетенции арбитражных судов, которые, как известно, рассматривают экономические споры с участием преимущественно юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Иные категории споров, возникающие из административных и иных публичных правоотношений и не основанные на равенстве и автономии воли их участников, при условии участия в них субъекта, наделенного публичными полномочиями, подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции по правилам КАС РФ. К таковым, следуя положениям ст. 17 КАС РФ, законодатель относит, во-первых, дела, возбуждаемые по инициативе граждан и организаций, чьи права, свободы или законные интересы, как они полагают, были нарушены в результате реализации властных полномочий государственным органом или должностным лицом в рамках административных или иных публичных правоотношений, а во-вторых, дела, связанные с судебным контролем за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий, включая, например, дела о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, о прекращении деятельности СМИ и др.

Однако для целей определения подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, наряду с установлением характера спорного материально-правового отношения и его субъектного состава, подлежит учету ряд законодательно установленных исключений, когда при формальном соответствии дела перечисленным критериям законодатель определяет порядок его рассмотрения и подсудность иначе. Так, к числу таких исключений относятся, в частности, дела о внесении исправлений в записи актов гражданского состояния, которые, несмотря на их административно-правовую природу и участие в соответствующих правоотношениях органа государственной власти, отнесены законодателем к делам особого производства и рассматриваются по правилам гл. 36 ГПК РФ. Сюда же относятся дела об

оспаривании нормативных и ненормативных актов, если они привели к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей (например, дела, связанные с социальными выплатами или предоставлением жилья по договору социального найма, разрешаемые в порядке гражданского судопроизводства).

Полагаем, что наличие подобных и иных исключений, а также возникающих в связи с ними проблем в правоприменительной деятельности, связано прежде всего с тем, что сама категория «административные и иные публичные правоотношения», положенная в основу правового регулирования института подсудности, не получает достаточной степени определенности ни на уровне законодательства, ни в судебной практике. Принято считать, что для квалификации правоотношения в качестве публично-правового необходимо установить его характер и субъектный состав, однако даже формальное совпадение обоих критериев в ряде случаев не позволяет признать спор публично-правовым, что, в свою очередь, влечет применение иных правил определения подсудности и процессуальной формы разрешения спора.

Показательным в рассматриваемом контексте является дело, ставшее предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. При рассмотрении дела установлено, что судом первой инстанции было отказано в принятии административного искового заявления о признании незаконным ненормативного правового акта органа местного самоуправления об отказе в предоставлении земельного участка в собственность с ссылкой на неправильное определение подсудности и необходимость рассмотрения спора в порядке гражданского судопроизводства. Не согласившись с выводом суда первой инстанции, Верховный Суд РФ указал, что, несмотря на связь заявленного требования с отношениями собственности, спор вытекает из административных правоотношений, поскольку обусловлен осуществлением органом публичной власти своих полномочий [3].

В связи с изложенным представляется, что критерии определения подсудности и подсудности административных дел нуждаются в более четком разъяснении, особенно в пограничных ситуациях, когда спор может

быть отнесен одновременно к публично- и частноправовому. Обоснованным представляется исходить при разрешении спорных ситуаций из преобладающего характера защищаемого интереса, оценивая, направлен ли спор преимущественно на защиту индивидуально-го права конкретного лица либо затрагивает более широкий круг лиц и публичные интересы.

Определение суда, компетентного для разрешения административного спора по существу, позволяет перейти к установлению конкретного звена судебной системы, полномочного рассматривать это дело в качестве суда первой инстанции. При решении этой задачи необходимо различать, во-первых, родовую подсудность, обеспечивающую распределение дел между звеньями судебной системы по вертикали, и, во-вторых, территориальную подсудность, позволяющую определить полномочный для рассмотрения дела суд в пределах одного и того же звена по горизонтали.

Для определения родовой подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, действует общее правило, универсальное как для административного, так и для гражданского судопроизводства. Законодатель, как известно, производит распределение дел по вертикали по остаточному принципу, относя, по общему правилу, все дела к подсудности районных судов, и методом исключения определяет подсудность мировых судей, судов субъектов РФ и Верховного Суда РФ (ст. 17.1, 20-21 КАС РФ). Интересно заметить, что положения КАС РФ не предусматривали изначально, в отличие от положений ГПК РФ, рассмотрение административных дел мировыми судьями по первой инстанции. Однако в 2016 г. Федеральным законом № 103-ФЗ приняты поправки, устанавливающие упрощенную форму рассмотрения дел о взысканиях обязательных платежей, которые и были отнесены к подсудности мировых судей [4, с. 34].

Особенностью установления родовой подсудности является также отнесение дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, к подсудности военных судов, причем законодатель определяет эту подсудность бланкетным образом, отсылая правоприменителя к Федеральному конституционному закону от 23 июня 1999 г.

№ 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». Следуя положениям ст. 7 названного акта, к подсудности военных судов отнесены те дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в которых сторонами спора являются военнослужащий и орган военного управления или должностное лицо, а спорные правоотношения связаны с прохождением военной службы.

При определении компетенции суда на рассмотрение конкретного административного дела необходимо не только установить его родовую подсудность, то есть определить звено судебной системы, полномочное рассматривать дело в качестве суда первой инстанции, но и выяснить, какому из однородных судов одного уровня оно подсудно по территории. Установление территориальной подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, также подчиняется универсальному для отечественного процессуального законодательства правилу, в котором в качестве стандартной привязки к территории рассмотрения спора выступает место жительства (нахождения) административного ответчика.

Проблемный аспект установления территориальной подсудности рассматриваемой категории дел связан с ситуацией, когда место нахождения должностного лица не совпадает с территорией, на которую распространяются его полномочия. В таком случае законодатель ориентирует правоприменителя на учет не местонахождения административного ответчика, а границ его пространственной компетенции для определения территориально полномочного для рассмотрения спора суда (ч. 2 ст. 22 КАС РФ). В литературе справедливо обращается внимание на то, что используемый в данном случае критерий территориальной подсудности является неконкретным и трудно определяемым на стадии возбуждения производства по делу, что, как следствие, создает искусственные препятствия для реализации принципа доступности правосудия [5, с. 156].

Законодатель предусматривает альтернативное по территории распределение дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, допуская обращение заявителя в суд по месту своего жи-

тельства или нахождения (ч. 3, 3.2 ст. 24 КАС РФ) либо по месту нахождения территориального органа власти, выступающего административным ответчиком (ч. 2 ст. 24 КАС РФ), а по делам о признании информационных материалов экстремистскими – по месту их обнаружения, распространения или местонахождению организации, осуществляющей их производство (ч. 3.1 ст. 24 КАС РФ), что в данном случае представляет собой ряд исключений из общего правила территориальной подсудности, устанавливаемых для частноправовых субъектов в качестве дополнительной гарантии их права на судебную защиту [6, с. 164].

Наконец, особенностью определения территориальной подсудности рассматриваемой категории споров является наличие установленных законом исключений, которые, в отличие от рассмотренных выше альтернативных вариантов территориального распределения дел, подлежат применению не по усмотрению административного истца, а в силу прямого предписания закона, то есть носят императивный характер (исключительная подсудность). В настоящее время законодатель определяет семь разновидностей судебных административно-правовых споров, для которых территориально полномочный на их рассмотрение суд определяется в качестве исключения из общего правила (ст. 23 КАС РФ), причем установление таких исключений обусловлено особенностями соответствующих споров, требующих, как правило, оперативно рассмотрения и территориальной приближенности суда к месту нахождения учреждения, государственного органа или должностного лица, выступающих в качестве административных ответчиков.

Следует отметить, что законодательный подход к установлению правил исключительной подсудности административно-правовых споров представляется наименее удачным во всем институте подсудности, не отличающимся ни системностью, ни последовательностью. Анализ положений КАС РФ позволяет увидеть, что законодатель по не вполне очевидным причинам устанавливает специальные случаи исключительной подсудности в главах, посвященных особенностям рассмотрения отдельных разновидностей споров, причем либо дублирует в них положения, уже

имеющиеся в ст. 23 КАС РФ (например, в ст. 266 КАС РФ), либо формулирует в них новое правило, не корреспондирующее с нормами, содержащимися в Общей части КАС РФ (например, ч. 5 ст. 270 КАС РФ). Можно согласиться с тем, что закрепление в КАС РФ норм об исключительной подсудности отдельных категорий административных дел должно быть единообразным и осуществляться посредством формулирования указанных правил в одной (23-й) статье КАС РФ без дублирования их в главах, посвященных отдельным видам производств, что существенно облегчит правопонимание и правоприменение [7, с. 77-78].

Завершая обзор процессуальных особенностей установления подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, следует указать и на отсутствие в КАС РФ упоминаний о договорной подсудности, известной гражданскому и арбитражному процессуальному законодательству. В силу публичного интереса в их разрешении, а также участия в них субъекта, наделенного властными полномочиями, такие дела не могут быть переданы на рассмотрение другого, отличного от определенного в законе, суда по собственному усмотрению сторон [7, с. 77].

В заключение представляется важным обобщить, что особенности установления подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, обусловлены их особой правовой природой, характеризующейся неравенством участ-

ников спора, наличием властного, императивного начала и предопределяющей специфику процессуальной формы их рассмотрения. Указанная специфика проявляется как на уровне разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, так и при определении родовой и территориальной подсудности данной категории дел, включая установление специальных правил и исключений, отступающих от общих начал процессуального регулирования.

Проведенный анализ показал, что институт подсудности административно-правовых споров, в целом построенный системно и на достаточно высоком уровне правового регулирования, не лишен отдельных недостатков, среди которых можно выделить использование неоднородного понятийно-категориального аппарата, недостаточную определенность критериев разграничения подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дублирование правовых норм и не всегда последовательное их закрепление в тексте КАС РФ. Представляется, что дальнейшее развитие законодательства и судебной практики в данной сфере должно быть направлено на устранение выявленных противоречий и дублирований, а также на уточнение признаков, позволяющих отграничивать административно-правовые споры от смежных категорий дел, что в конечном счете будет способствовать повышению эффективности судебной защиты.

Библиографический список

1. Административное судопроизводство: учебник / отв. ред. В.В. Ярков; Урал. гос. юрид. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2021. – 662 с.
2. Петрова М.Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 148-153.
3. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2017 г. № 20-КГ17-17. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27122017-n-20-kg17-17/>.
4. Боженков М.А. Институт подсудности в административном судопроизводстве РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 12-1(75). – С. 33-37.
5. Любимова Е.В. Территориальная подсудность споров с судебными приставами-исполнителями, рассматриваемых по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 155-161.
6. Коршакова К.В. О некоторых проблемных аспектах разграничения гражданского и административного судопроизводства в отечественной науке // Право и практика. – 2024. – № 2. – С. 163-168.

7. Носова Ю.Б. Некоторые проблемы определения подсудности административных дел // Журнал административного судопроизводства. – 2016. – № 1. – С. 73-78.

SPECIFIC FEATURES OF ESTABLISHING JURISDICTION OVER CASES ARISING FROM ADMINISTRATIVE AND OTHER PUBLIC-LEGAL RELATIONS

N.E. Grishina, *Graduate Student*

O.V. Pankratova, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

**Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, North Caucasus Branch
(Russia, Krasnodar)**

Abstract. *The relevance of the study is driven by the need to ensure a uniform approach to determining the jurisdiction over cases arising from administrative and other public-law relations, in the absence of clear legislative criteria for establishing such jurisdiction. The article analyzes the specific features of determining subject-matter (generic) and territorial jurisdiction over this category of cases, and also identifies practical difficulties arising when distinguishing between the competence of courts with respect to cases of the category in question and when choosing the appropriate procedural form for resolving a dispute. Based on the results of the study, certain shortcomings of legal regulation are identified, and directions for their resolution are proposed.*

Keywords: *administrative procedure; jurisdiction; competence; justiciability; administrative-law disputes.*

ИСПОЛНИМОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ

А.М. Евтушенко, магистрант

Научный руководитель: С.М. Илюшников, канд. юрид. наук, доцент

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-193-197

Аннотация. В статье рассматривается исполнимость судебного решения как самостоятельная процессуально-правовая гарантия защиты прав заинтересованных лиц. Обосновывается, что указанная категория не может быть сведена исключительно к обязательности судебного акта либо к последующей стадии исполнительного производства, поскольку предпосылки реального исполнения формируются уже при разрешении дела судом и зависят от содержания резолютивной части, надлежащего выбора способа судебной защиты и соблюдения процессуальных гарантий участия лиц, права которых могут быть затронуты судебным актом. На основе анализа доктринальных подходов, положений гражданского, арбитражного и административного процессуального законодательства, а также судебной практики выделяются основные дефекты исполнимости судебного решения. Формулируется вывод о том, что исполнимость должна рассматриваться не как техническое последствие законной силы, а как критерий полноты и эффективности судебной защиты.

Ключевые слова: исполнимость судебного решения; обязательность судебного решения; законная сила; судебная защита; резолютивная часть решения; способ судебной защиты; заинтересованные лица; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; административное судопроизводство.

Проблема исполнимости судебного решения имеет не только прикладное, но и самостоятельное процессуально-правовое значение. Судебная защита не исчерпывается вынесением акта, которым требование лица признается обоснованным либо необоснованным; ее действительное назначение состоит в создании юридически определенного и практически реализуемого механизма восстановления нарушенного или оспариваемого права. Поэтому судебное решение, которое формально разрешает спор, но вследствие неопределенности предписания, ошибочного способа защиты либо нарушения процессуального положения заинтересованных лиц не может быть реализовано без дополнительных препятствий, не обеспечивает надлежащего результата правосудия.

Цель выполненного исследования состоит в обосновании исполнимости судебного решения как самостоятельной гарантии защиты прав заинтересованных лиц и в выявлении тех процессуальных дефектов, которые препятствуют превращению судебного акта в реаль-

ный инструмент восстановления нарушенного права. Значимость данной проблемы обусловлена тем, что в правоприменительной практике сохраняются ситуации, при которых судебный акт обладает законной силой и формально является обязательным, однако его исполнение затрудняется либо становится невозможным вследствие недостатков самого судебного предписания.

В процессуальной науке исполнимость традиционно рассматривается в системе свойств судебного решения наряду с его обязательностью, исключительностью, неопровержимостью и преюдициальностью. Такой подход восходит к классическим исследованиям советской и российской процессуальной доктрины, в которых законная сила судебного решения раскрывалась через совокупность правовых последствий судебного акта [1-4]. В современной учебной и научной литературе данная конструкция в целом сохраняется, однако сама исполнимость все чаще нуждается в более самостоятельной характеристике, поскольку она выражает не только юридическое

действие решения, но и его пригодность к фактической реализации [5-7].

Обязательность судебного решения и его исполнимость связаны, но не тождественны. Обязательность указывает на властный характер судебного акта и необходимость его признания всеми субъектами, на которых распространяется действие вступившего в законную силу решения. Исполнимость же характеризует иное качество: способность судебного предписания быть реализованным в предусмотренном законом порядке без изменения существа разрешенного спора. Иначе говоря, обязательное решение может оказаться дефектным с точки зрения исполнения, если из его содержания невозможно достоверно определить обязанное лицо, объем возложенной обязанности, способ исполнения, срок либо адресата исполнения.

Нормативное закрепление обязательности судебных актов содержится в статье 13 ГПК РФ [8], статье 16 АПК РФ [9] и статье 16 КАС РФ [10]. Во всех трех процессуальных кодексах обязательность связывается со вступлением судебного акта в законную силу и распространяется на органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, должностных лиц и граждан. Однако данные нормы не устраняют вопроса о внутреннем качестве судебного решения. Напротив, они позволяют разграничить общеобязательное действие судебного акта и его процессуальную пригодность к исполнению: первое относится к юридической силе решения, второе – к содержательной определенности и практической реализуемости судебного предписания.

Исполнимость формируется не только после возбуждения исполнительного производства, но уже на стадии принятия решения судом. Это подтверждается нормами процессуальных кодексов, предъявляющими специальные требования к резолютивной части судебного акта. Так, статья 204 ГПК РФ предусматривает необходимость указания в резолютивной части на порядок и срок исполнения решения, обращение его к немедленному исполнению либо принятие мер по обеспечению исполнения, если соответствующие вопросы разрешены судом. Статья 174 АПК РФ требует, чтобы в решении, обязывающем ответчика совершить определенные действия,

были указаны лицо, обязанное совершить эти действия, а также место и срок их совершения. В части 6 статьи 180 КАС РФ также закреплена необходимость отражения порядка и срока исполнения решения суда. Следовательно, исполнимость является не внешним по отношению к судебному акту свойством, возникающим исключительно в деятельности органов принудительного исполнения, а характеристикой самого судебного решения.

Особое значение для рассматриваемого вопроса имеют разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» указано, что резолютивная часть решения должна содержать исчерпывающие выводы суда, четко формулировать, что именно постановил суд, кто, какие конкретные действия и в чью пользу должен произвести, а также разрешать иные предусмотренные законом вопросы таким образом, чтобы решение не вызывало затруднений при исполнении [11]. В пункте 16 того же Постановления обращено внимание на пределы разъяснения решения: под видом разъяснения суд не вправе изменить его содержание, а может лишь изложить решение в более полной и ясной форме. Данные положения принципиальны, поскольку они показывают границу между устранимой неясностью судебного акта и таким дефектом резолютивной части, который фактически затрагивает существо разрешенного спора.

Из указанной позиции следует, что требование определенности резолютивной части не является формально-техническим. Оно выполняет гарантийную функцию: обеспечивает возможность адресатам судебного решения, судебному приставу-исполнителю, иным органам и заинтересованным лицам установить содержание предписания без произвольного толкования и без восполнения воли суда за пределами вынесенного решения. Если же резолютивная часть допускает различные варианты понимания, исполнение судебного акта перестает быть продолжением судебной защиты и превращается в самостоятельный источник правовой неопределенности.

Практическое значение данного вывода подтверждается судебной практикой. В Определении Судебной коллегии по гражданским

делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2025 г. № 88-27860/2025 была рассмотрена ситуация, при которой судебное решение о восстановлении утраченного судебного производства, несмотря на формальное вступление в законную силу, оказалось неисполнимым вследствие недостаточной определенности резолютивной части [12]. Существенным в этом примере является не сам факт обращения к процедуре разъяснения решения, а то обстоятельство, что дефект исполнения возник не на стадии принудительного исполнения, а в результате неполного или недостаточно точного формулирования судебного предписания. Иными словами, законная сила судебного акта не компенсировала отсутствие надлежащей определенности его содержания.

Из данного судебного акта можно вывести общий процессуальный критерий: резолютивная часть исполнимого решения должна позволять установить субъект исполнения, содержание обязанности, объем подлежащих совершению действий, лицо, в пользу которого они совершаются, а в необходимых случаях также срок, место и порядок исполнения. При отсутствии таких параметров суд фактически переносит разрешение значимых вопросов за пределы судебного решения, что недопустимо, поскольку исполнительное производство не предназначено для уточнения существа судебного предписания.

Другой существенный аспект исполнимости связан с участием в деле лиц, права и обязанности которых могут быть затронуты судебным актом. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 308-ЭС23-23201 по делу № А63-19323/2022 судебные акты нижестоящих инстанций были отменены, поскольку спор был разрешен без участия арендатора земельного участка, чьи права непосредственно затрагивались принятым судебным актом [13]. Значение приведенной правовой позиции связано не только с вопросом о правильном определении состава лиц, участвующих в деле. Рассмотрение спора без привлечения лица, чье субъективное право или охраняемый законом интерес непосредственно затрагивается судебным актом, влечет нарушение процессуальных гарантий и одновременно создает

препятствия для последующего исполнения решения. В такой ситуации суд разрешает спорное материальное правоотношение без участия одного из его фактических участников. Соответственно, это лицо лишается возможности представить доказательства, заявить возражения, дать объяснения, выразить свою правовую позицию и повлиять на установление обстоятельств, имеющих значение для дела. В дальнейшем исполнение такого судебного акта может вступить в противоречие с правами лица, которое не участвовало в процессе и не было связано выводами суда.

Исполнимость судебного решения зависит не только от определенности резолютивной части. Важное значение имеет и соблюдение процессуальных правил о составе лиц, участвующих в деле. Даже если резолютивная часть сформулирована достаточно ясно, нарушение этих правил может поставить под сомнение возможность нормального исполнения судебного акта. Если исполнение решения предполагает изменение, ограничение или иное затрагивание прав лица, не привлеченного к участию в деле, возникает риск нового спора и конкуренции правовых позиций. В данном случае проблема исполнимости связана не с технической неясностью судебного предписания, а с тем, что спорное правоотношение было рассмотрено судом не в полном субъектном составе.

Отдельное значение для исполнимости имеет правильный выбор способа судебной защиты. Удовлетворение заявленного требования само по себе не всегда означает восстановление нарушенного права. Если избранный способ защиты не соответствует характеру спорного материального правоотношения, содержанию нарушенного права и фактической цели обращения в суд, судебный акт может сохранить преимущественно констатирующее значение. Он подтверждает наличие нарушения или дает правовую оценку поведению сторон, но не всегда создает достаточный механизм для устранения последствий этого нарушения. Для эффективной судебной защиты важно, чтобы решение не только фиксировало правоту заявителя, но и содержало такое предписание, которое может быть исполнено добровольно или принудительно без повторного рассмотрения того же спора.

Наиболее заметно эта проблема проявляется в делах, где заявитель просит признать право, установить юридически значимый факт, признать действие, бездействие или решение незаконными, хотя фактическое восстановление нарушенного положения требует возложения на ответчика конкретной обязанности совершить определенные действия либо воздержаться от их совершения. В таких случаях простое указание на нарушение не всегда устраняет правовой конфликт. Оно может иметь значение для последующего поведения сторон или для доказывания в другом процессе, но само по себе не обеспечивает восстановление нарушенного права. Поэтому при выборе способа защиты суду необходимо учитывать не только его формальную допустимость, но и возможность сформулировать на его основе исполнимое судебное предписание. В этом смысле исполнимость судебного решения является критерием практической состоятельности судебной защиты: судебный акт должен не только завершать рассмотрение дела, но и создавать юридически определенный порядок восстановления нарушенного права.

Таким образом, дефекты исполнимости судебного решения могут быть сведены к нескольким взаимосвязанным группам. Первая группа охватывает содержательные недостатки резолютивной части: неопределенность обязанного лица, объема действий, срока, порядка либо адресата исполнения. Вторая связана с неправильным выбором способа судебной защиты, при котором судебный акт не создает механизма реального восстановления нарушенного права. Третья обусловлена нарушением процессуальных гарантий участия заинтересованных лиц, вследствие чего

исполнение решения затрагивает права субъектов, не связанных надлежащим образом судебным процессом. Общим последствием указанных дефектов является разрыв между формальным разрешением спора и фактическим достижением цели судебной защиты.

С учетом изложенного исполнимость судебного решения следует понимать как процессуально-правовое свойство судебного акта, выражающееся в его пригодности к реальному исполнению без изменения существа решения, без произвольного восполнения содержания судебного предписания и без нарушения прав лиц, не привлеченных к участию в деле. Такое понимание позволяет рассматривать исполнимость не как вторичное следствие обязательности судебного акта, а как самостоятельный критерий качества судебной защиты.

Практическое значение указанного подхода состоит в том, что суд при вынесении решения должен оценивать не только правовую обоснованность заявленного требования, но и возможность последующего исполнения сформулированного предписания. Резолютивная часть судебного решения должна быть построена таким образом, чтобы исключить необходимость дополнительного определения содержания обязанности на стадии исполнения. При этом надлежащая исполнимость предполагает учет круга заинтересованных лиц и соответствие избранного способа защиты характеру нарушенного права. Только при совокупном соблюдении этих условий судебное решение выполняет свое назначение как акт правосудия, обеспечивающий не декларативное признание права, а его действительное восстановление.

Библиографический список

1. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. – М., 1967. – 119 с.
2. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит., 1966. – 192 с.
3. Гурвич М.А. Общеобязательность и законная сила судебного решения. – М.: Юрид. лит., 1976. – 176 с.
4. Завадская Л.Н. Реализация судебных решений. Теоретические аспекты. – М.: Наука, 1982. – 141 с.
5. Гражданский процесс / под ред. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 2020. – 992 с.
6. Сахнова Т.В. Законная сила как атрибут правосудия // Тенденции развития гражданского процессуального права России. – СПб., 2008. – С. 98-113.

7. Липатова Т.Б. Принцип обязательности судебных постановлений в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5. – С. 300-306.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении».
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2025 г. № 88-27860/2025.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 308-ЭС23-23201 по делу № А63-19323/2022.

ENFORCEABILITY OF A COURT DECISION AS A GUARANTEE OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF INTERESTED PERSONS

A.M. Evtushenko, Graduate Student

Supervisor: S.M. Ilyushnikov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

**North-Caucasus Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice
(Russia, Krasnodar)**

Abstract. *The article examines the enforceability of a court decision as an independent procedural guarantee for the protection of the rights of interested persons. It is substantiated that this category cannot be reduced exclusively to the binding force of a judicial act or to the subsequent stage of enforcement proceedings, since the prerequisites for actual enforcement are formed at the stage of adjudication and depend on the content of the operative part, the proper choice of the remedy and compliance with procedural guarantees for the participation of persons whose rights may be affected by the judicial act. Based on the analysis of doctrinal approaches, provisions of civil, commercial and administrative procedural legislation, as well as judicial practice, the main defects of the enforceability of court decisions are identified. The conclusion is made that enforceability should be regarded not as a technical consequence of legal force, but as a criterion of the completeness and effectiveness of judicial protection.*

Keywords: *enforceability of a court decision; binding force of a court decision; legal force; judicial protection; operative part of a decision; remedy; interested persons; civil proceedings; commercial court proceedings; administrative proceedings.*

ВЫЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ БОРЬБЫ С КОНТРАБАНДОЙ НАРКОТИКОВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРАКТИКИ КИТАЯ

Д.В. Жиляев, студент

Научный руководитель: М.В. Непарко, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-198-202

Аннотация. Целью статьи является выявление эффективных административных механизмов борьбы с контрабандой наркотиков на основе анализа практики Китая, а также формулировка предложений по совершенствованию формы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации. Анализ показал, что в Китае доминирует превентивно-ориентированная модель, основанная на управлении рисками, цифровизации таможенных процедур и тесной координации между органами власти. Китайская модель характеризуется сочетанием превентивных мер с жесткой уголовной политикой, активным использованием широких полномочий правоохранительных органов в сочетании с технологической модернизацией таможенной инфраструктуры.

Ключевые слова: административные механизмы; контрабанда; наркотики; психотропные вещества; уголовная политика; инновационные технологии; искусственный интеллект.

Наркотические средства – это вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, которые включены Перечень утвержденный Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [7].

Психотропные вещества – это также вещества, но синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы.

Незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров является ввоз (вывоз) их с территории другого государства на территорию Российской Федерации или с территории Российской Федерации на территорию другого государ-

ства не разрешенные законодательством Российской Федерации.

Федеральная таможенная служба России (ФТС России) осуществляет полномочия по противодействию их незаконному обороту через государственную границу Российской Федерации. Формы таможенного контроля при выявлении контрабанды наркотиков всегда различны, но можно выделить три наиболее распространенные: использование собак, контроль доставки через международные почтовые отправления, а также использование технических средств при проведении таможенного контроля [1].

В 2025 году таможенными органами Российской Федерации выведено из незаконного оборота более 34,5 тонн наркотических средств (далее – НС), психотропных веществ (далее – ПВ) и их прекурсоров, а также сильнодействующих веществ [3, 8].

Таблица 1. Динамика оперативно-розыскных мероприятий и международных операций «контролируемая поставка» межрегионального и международного характера [8]

Показатели	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. в % к:	
				2023 г.	2024 г.
Количество оперативно-розыскных мероприятий и международных операций «контролируемая поставка», ед.	250	269	217	86,8	80,7
Изъято наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также сильнодействующих веществ, тн	2,6	19,4	24,9	В 10 раз ≥	128,4
Выполнено ЦЭКТУ исследований в отношении наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, кол-во	200	220	229	114,5	104,1

В течение 2025 года в оперативно-розыскных мероприятиях привлекались эксперты ЦЭКТУ. Ими выполнено 229 исследований в отношении наркотических средств,

психотропных и сильнодействующих веществ, что на 9 исследований больше по сравнению с 2024 годом и на 29 исследований больше по сравнению с 2023 годом.

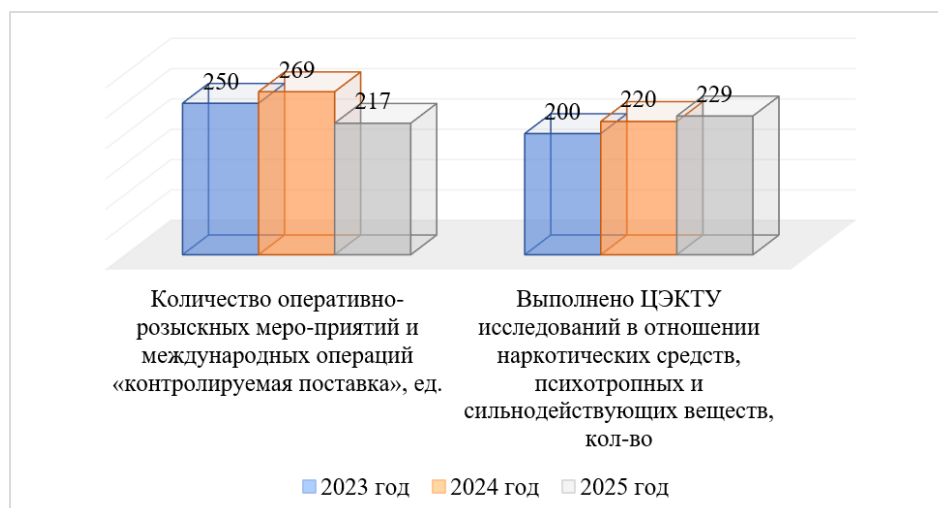

Рис. 1. Динамика оперативно-розыскных мероприятий и выполненных ЦЭКТУ исследование в отношении наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ [8]

Организовано и проведено 217 оперативно-розыскных мероприятий и международных операций «контролируемая поставка», что на 19,3% мероприятий меньше по сравнению с 2024 годом (269 ед.) и на 13,2% меньше по сравнению с 2023 годом (250 ед.) [8].

В рамках проведенных мероприятий выявлено более 24,9 тонны НС, ПВ и их прекурсоров (в 2024 году – более 19,4 тонн, в 2023 год – 2,6 тонн).

В течение 2025 года совместно с экспертами Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления ФТС (далее – ЦЭКТУ) выполнено 229 исследований в отношении НС и ПВ, что на 9

исследований больше по сравнению с 2024 годом и на 29 исследований больше по сравнению с 2023 годом.

По результатам участия специалистов-кинологов в проведении таможенного контроля и оперативно-розыскных мероприятий подтверждено 5 420 фактов выявления незаконного перемещения запрещённых веществ и товаров (в 2024 году – 4 857 случаев, в 2023 году – 4 805 случаев) обнаружено и изъято более 11,1 тыс. кг, 300 мл и 7,6 тыс. таблеток наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ и их прекурсоров (в 2024 году – 15 тыс. кг, в 2023 году – более 3 тыс. кг) (табл. 2) [3, 8].

Таблица 2. Динамика участия специалистов-кинологов в проведении таможенного контроля и оперативно-розыскных мероприятий [8]

Показатели	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. в % к:	
				2023 г.	2024 г.
Количество фактов участия специалистов-кинологов в проведении таможенного контроля и оперативно-розыскных мероприятий, ед.	4 805	4 857	5 420	112,7	111,6
Обнаружено и изъято наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ тыс. кг	3,0	15,0	11,1	В 3 раза ≥	74,0
Обнаружено и изъято наркотических таблеток, тыс ед.	12	50	7,6	63,3	В 4 раза меньше
Количество случаев обнаружений наркотических средств с применением служебных собак	684	687	199	В 3,5 раза меньше	В 3,5 раза меньше

В 2025 году количество случаев обнаружений НС с применением служебных собак составило 199, что в 3,5 раз по сравнению с 2023-2024 гг. Вес обнаруженных веществ составил 18,7 тыс. кг, что по сравнению с 2024 годом в 4 раза меньше).

В рамках межведомственного взаимодействия продолжена работа специалистами-кинологами таможенных органов с территориальными подразделениями МВД России и ФСБ России [2].

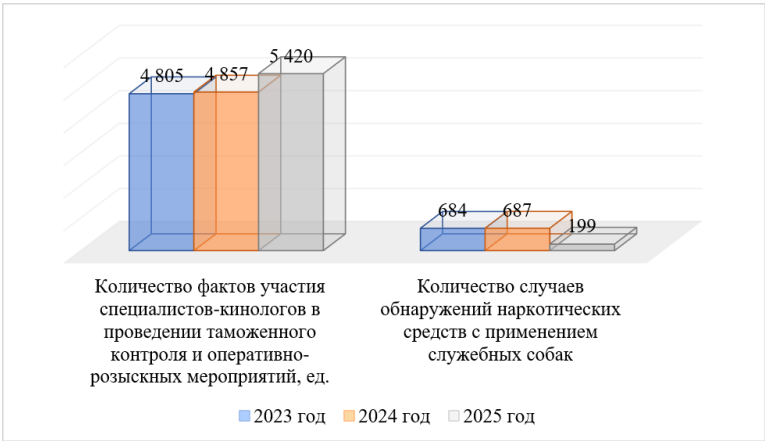

Рис. 2. Динамика оперативно-розыскных мероприятий с применением служебных собак [8]

В 349 случаях межведомственного взаимодействия обнаружено свыше 158 кг НС, сильнодействующих и ПВ и их прекурсоров, что на 13,9% случаев применения собак меньше

по сравнению с 2024 годом и на 77,2% меньше обнаружено и изъято НС и ПВ по сравнению с 2024 годом.

Таблица 3. Динамика межведомственного взаимодействия специалистами-кинологами таможенных органов с применением служебных собак [8]

Показатели	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. в % к:	
				2023 г.	2024 г.
Количество случаев межведомственного взаимодействия, ед.	219	415	349	159,4	84,1
Обнаружено и изъято наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, кг	210	681	158	75,3	23,2

За совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в соответствии со статьей 229.1 УК РФ таможенными орга-

нами возбуждено 125 дел (в 2024 году – 162 дела, в 2023 году – 155 дел) [6, 8].

Таблица 4. Количество возбужденных уголовных дел таможенными органами в 2023-2025 гг., тыс. ед. [8]

Наименование	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. % к	
				2023 г.	2024 г.
Возбуждено уголовных дел	1 822	1 914	1 848	101,4	96,6
Возбуждено уголовных дел в отношении конкретных лиц, в том числе:	1 613	1 649	1 636	99,2	101,4
по статье 229.1 УК РФ	155	162	125	80,6	77,2
по статье 228.1 УК РФ	48	35	25	52,0	71,4

Вносят свой вклад технические средства таможенного контроля, которые используются непосредственно в процессе таможенного контроля. Они позволяют определить химическую природу определенных товаров и

отнести их к определенным группам, перемещение которых запрещено или ограничено. Также помогают выявить наличие тайников и другие места сокрытия товаров.

В тоже время, несмотря на принимаемые меры, продолжают иметь место проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков в России. Наркотоорговцы используют различные каналы транспортировки – коммерческие авиалинии, суда торгового флота, грузовые и пассажирские поезда, грузовики. Они также прибегают к ложному декларированию, использованию поддельных документов или методов таможенной идентификации [2].

Для решения проблем с незаконным оборотом НС и ПВ может включать применение международных практик в области законодательства, правоохранительной деятельности, профилактики и международного сотрудничества.

Так, международное сотрудничество является одним из важнейших инструментов. Конвенция ООН о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (1988 год) предусматривает обмен оперативной информацией, совместные операции, экстрадицию преступников и конфискацию доходов от наркотоорговли. Государства-участники обязуются оказывать взаимную правовую помощь, включая выдачу лиц для судебного преследования. Для международного сотрудничества необходимо создание единой информационной системы для обмена данными между правоохранительными органами [4].

Развитие цифровых технологий предусматривает внедрение современных систем искусственного интеллекта, дронов, нейросетей для анализа данных и выявления аномалий в товарных потоках.

Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) могут использоваться для наблюдения за труднодоступными участками, прибрежными водами и транспортными потоками. Они помогают выявлять подозрительную деятельность, например, незаконное перемещение товаров через границу.

Актуально использование нейросети. Они могут применяться для обработки рентгеновских снимков грузов, контейнеров и багажа. Алгоритмы машинного зрения обучаются распознавать характерные формы, аномалии плотности и другие признаки, указывающие на потенциальную угрозу, например, наличие наркотиков.

Нейросети также могут использоваться для анализа больших данных (Big Data), включая информацию из деклараций, финансовых транзакций, геолокационных данных и других источников. Это помогает выявлять закономерности, связи и тенденции, которые могут указывать на незаконные операции.

Искусственный интеллект применяется для выявления отклонений от нормальных показателей в логистических и торговых данных. Например, алгоритмы могут анализировать:

- соответствие данных в декларациях и результатах сканирования грузов;
- аномалии в ценах, объёмах или маршрутах поставок;
- необычные паттерны в поведении участников внешнеэкономической деятельности.

Так, например, в Китае система на базе ИИ сравнивает информацию из деклараций экспресс- и почтовых отправок с отсканированными изображениями товаров. Это позволяет проверять соответствие заявленных и фактических грузов.

Часто системы объединяют несколько подходов. Например, в Китае в рамках «умного досмотра» нейросети работают совместно с трёхмерными сканирующими системами и данными из деклараций. В России планируется объединить разнородный парк досмотровой техники (американской, европейской, китайской и отечественной) в единую цифровую экосистему с элементами ИИ.

Кроме этого, за рубежом применяются строгие меры наказания за контрабанду. Например, в Китае за контрабанду крупных объёмов наркотиков (например, опиума свыше 1 кг или героина свыше 50 г) предусмотрено наказание вплоть до пожизненного лишения свободы или смертной казни. Во многих странах действует принцип двойной ответственности: наказание как для непосредственных перевозчиков, так и для организаторов преступных схем.

Комплексный подход, сочетающий технические, правовые и организационные меры, позволит повысить эффективность борьбы с незаконным перемещением наркотиков через таможенную границу.

Библиографический список

1. Ахмедов П.Г. Анализ деятельности таможенных органов по осуществлению таможенного контроля наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров / П.Г. Ахмедов, И.А. Дзирун, М.В. Непарко // Дневник науки. – 2025. – № 4(100). – EDN GIOKCE.
2. Волков В.Ф. Деятельность таможенных органов по борьбе с контрабандой наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров / В.Ф. Волков, Е.Н. Рудакова // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности: XXV Международная конференция, XXIII Международный конкурс научных и научно-методических работ, IX Международный конкурс «Научное школьное сообщество», Мытищи, 27-28 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Экон-Информ», 2023. – С. 41-46. – EDN TDIRNO.
3. Непарко М.В. Правоохранительная деятельность ФТС России по противодействию незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров / М.В. Непарко, М.М. Беденков // Дневник науки. – 2025. – № 12(108).
4. «Конвенция о психотропных веществах» (заключена в г. Вене 21.02.1971). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091/e160cc90367552d6fa50ea8214a5232f63a9751d/.
5. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/.
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
7. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.07.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19243/cb12ecf01ddaa0085eef81cc6c2a53a58041336c/#dst100009.
8. Официальный сайт ФТС России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/>.

IDENTIFICATION OF EFFECTIVE ADMINISTRATIVE MECHANISMS FOR COMBATING DRUG SMUGGLING BASED ON AN ANALYSIS OF CHINESE PRACTICE

D.V. Zhilyaev, *Student*

Supervisor: *M.V. Neparko*, *Associate Professor*

**Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)**

Abstract. *The purpose of the article is to identify effective administrative mechanisms for combating drug smuggling based on an analysis of Chinese practice, as well as to formulate proposals for improving the form of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the Russian Federation. The analysis showed that China is dominated by a preventive-oriented model based on risk management, digitalization of customs procedures and close coordination between authorities. The Chinese model is characterized by a combination of preventive measures with a strict criminal policy, the active use of broad powers of law enforcement agencies in combination with the technological modernization of customs infrastructure.*

Keywords: *administrative mechanisms; smuggling; drugs; psychotropic substances; criminal policy; innovative technologies; artificial intelligence.*

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИПФЕЙКОВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТ. 159 УК РФ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Р.Р. Зямилева, студент

А.О. Мартынова, студент

Научный руководитель: Г.З. Ситдикова, д-р юрид. наук, доцент

**Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-203-207

Аннотация. В работе рассматриваются особенности квалификации мошеннических действий, совершаемых с применением технологий дипфейков, в контексте статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются сложности правоприменительной практики, связанные с определением признаков обмана, установлением субъективной стороны преступления, а также выбором способа его совершения. Обосновывается необходимость дальнейшего развития уголовного законодательства, включая возможное закрепление специальных квалифицирующих признаков, учитывающих использование технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: мошенничество; дипфейк; искусственный интеллект; уголовное право; квалификация преступлений; цифровые технологии.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, особенно генеративных моделей, обусловило появление такого явления, как дипфейки – высокореалистичные аудио- и видеоматериалы, имитирующие внешность и голос конкретного человека. Подобные технологии находят применение не только в сфере развлечений, но и используются в противоправной деятельности, в том числе при совершении мошенничества.

В связи с этим возрастает значимость уголовно-правовой оценки таких деяний. Несмотря на технологическую специфику, указанные действия посягают на традиционный объект уголовно-правовой охраны – общественные отношения, связанные с защитой права собственности, что позволяет квалифицировать их по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно части 1 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1].

Ключевыми признаками состава являются:

1) непосредственный объект – общественные отношения по защите права собственности;

2) объективная сторона – хищение или приобретение права на чужое имущество, путем обмана или злоупотребления доверием;

3) субъект – вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в данном случае достигшее 16 лет;

4) субъективная сторона – прямой умысел и корыстная цель, здесь прямой умысел выражается в осознании виновным, что он похищает чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверия, предвидит, что его действия неизбежно приведут к нарушению права собственности и причинят материальный ущерб и желает наступления указанных последствий и целенаправленно стремится к противоправному обогащению за счёт другого лица.

Мошенничество характеризуется тем, что потерпевший самостоятельно передает имущество, находясь под воздействием введения в заблуждение.

Дипфейки являются разновидностью синтетического медиаконтента, формируемого с применением нейросетевых технологий. Их отличительной чертой выступает высокий уровень реалистичности, который существенно осложняет распознавание поддельного характера таких материалов.

Термин «дипфейк» был введен в 2017 г. на платформе Reddit и первоначально обозначал

подмену изображения лица с применением алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) для генерации новых, реалистично выглядящих изображений. Развитие технологий привело к выходу за рамки статичных визуальных манипуляций: современные алгоритмы синтезируют не только изображение, но и голос, создавая аудио- и видеоконтент с использованием внешности или тембра иного лица. Для этого не требуется глубоких технических знаний или дорогостоящего оборудования: ряд мобильных приложений позволяет сформировать дипфейк-ролик за считанные минуты [2].

Дипфейк-мошенничество – это форма хищения, при которой злоумышленники используют технологии синтеза изображения или голоса (так называемые дипфейки), чтобы ввести человека в заблуждение относительно личности говорящего или реальности происходящего.

Жертва убеждается, что взаимодействует с реальным знакомым, родственником или официальным лицом, тогда как на самом деле имеет дело с подделкой. В такой ситуации легко поддаться обману: современные дипфейки очень качественно имитируют не только голос, но и внешность близкого человека.

Очень часто злоумышленники совмещают использование дипфейков со взломом аккаунта в социальных сетях – это делает обман особенно трудно распознаваемым. Кажется, что вам пишет знакомый или даже очень близкий человек, но в итоге оказывается, что это мошенник, который завладел не только аккаунтом, но и, по сути, цифровой «личностью» этого человека.

Как правило, такое мошенничество осуществляется дистанционно: злоумышленник связывается с потерпевшим по телефону или через интернет, нередко имитируя голос близкого человека (например, родственника, якобы попавшего в беду). Под предлогом срочной ситуации он требует перевести деньги или передать их иным способом. При этом потерпевшего обычно не побуждают к личной встрече или перемещению – вся коммуникация происходит удалённо. В контексте мошенничества можно выделить следующие типичные схемы:

1. Имитация голоса руководителя – распоряжение о переводе средств сотруднику бухгалтерии;

2. Подделка видеозвонка – убеждение жертвы в подлинности личности злоумышленника;

3. Фальсификация личности в социальных сетях – создание доверительных отношений и последующее хищение средств.

Рассматривая реальную практику в Ново-Савиновский суд Казани поступило дело курьера кибермошенника. Пожилая жительница Казани рассказала, что мошенникам удалось по телефону подделать голос ее подруги, которую она знает уже больше 60 лет. Женщина, чтобы помочь подруге, отдала курьеру полмиллиона, которые получила от продажи дачи [3, с. 403].

Согласно открытым статистическим данным, около 80% россиян опасаются возможных злоупотреблений технологиями deep fake и краж биометрических данных [4, с. 108].

Несмотря на то, что дипфейк объективно является формой обмана, возникает вопрос: является ли он новым способом или лишь разновидностью уже известных форм введения в заблуждение. Традиционно обман трактуется как сообщение ложных сведений или сокрытие истины. Однако дипфейки создают иллюзию реальности, что затрудняет разграничение:

1) обмана как интеллектуального воздействия;

2) технической подделки как способа воздействия.

Возникает вопрос: следует ли квалифицировать такие действия как обычное мошенничество или как особую форму, требующую отдельного регулирования.

По мнению директора Центра цифровой экономики и финансовых инноваций профессора Ж.Л. Сидоренко, предложение о дополнении уголовного законодательства квалифицированным составом об использовании дипфейков, является обоснованным, но скорее будет логичным использовать термин не «дипфейки», а «цифровые технологии» применительно к мошенничеству, дабы не ограничивать только «дипфейками» сферу применения особо квалифицированного мошенничества [5, с. 30].

Для квалификации мошенничества необходимо доказать прямой умысел и корыстную цель. В случаях с дипфейками усложняется установление:

- 1) личности виновного (анонимность цифровой среды);
- 2) осознания потерпевшим факта обмана;
- 3) связи между созданием дипфейка и наступившими последствиями.

Действующая редакция ст. 159 УК РФ не учитывает использование высокотехнологичных средств как обстоятельство, повышающее общественную опасность деяния. Представляется целесообразным дополнить ст. 159 УК РФ указанием на совершение мошенничества с использованием технологий искусственного интеллекта или цифровой имитации личности.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и их внедрение в повседневную коммуникацию обуславливают необходимость не точечных, а системных изменений в уголовном законодательстве. Использование дипфейков в мошеннических схемах демонстрирует, что традиционные конструкции уголовного права, сформированные в доцифровую эпоху, требуют модернизации. Наиболее эволюционным и практически реализуемым подходом является дополнение действующей редакции нормы о мошенничестве новым квалифицирующим признаком – совершение преступления с использованием технологий искусственного интеллекта, включая дипфейки.

Во-первых, использование дипфейков существенно повышает степень общественной опасности деяния. В отличие от традиционного обмана, здесь задействуются высокотехнологичные средства, создающие практически неотличимую от реальности иллюзию. Это снижает критическое восприятие информации потерпевшим и увеличивает вероятность причинения ущерба.

Во-вторых, подобный способ совершения преступления усложняет его раскрытие и расследование. Следовательно, он должен учитываться при дифференциации уголовной ответственности.

Возможная формулировка:
«...совершенное с использованием технологий искусственного интеллекта, направлен-

ных на имитацию личности (в том числе с применением дипфейков)...».

Помимо вышеуказанного, альтернативной, более радикальной моделью является введение в УК РФ отдельной нормы, предусматривающей ответственность за незаконное создание и использование дипфейков. Аргументы в пользу введения отдельной нормы:

1. Самостоятельная общественная опасность. Дипфейк может причинять вред не только в рамках мошенничества, но и, например, при дискредитации личности, распространении ложной информации, шантаже.

2. Превентивная функция. Криминализация самого факта создания вредоносного дипфейка (при наличии цели причинения вреда) позволит пресекать преступление на ранней стадии.

3. Гибкость регулирования. Возможность дифференцировать ответственность в зависимости от последствий (имущественный ущерб, вред репутации, угрозы безопасности).

Таким образом, мошенничество с использованием дипфейков представляет собой качественно новый вызов для уголовного права, находящегося на стыке традиционных правовых конструкций и стремительно развивающихся технологий искусственного интеллекта.

В современном обществе искусственный интеллект активно проникает во все сферы жизни человека. Наряду с полезными функциями он может быть использован и в преступных целях. В связи с этим возникает необходимость совершенствования законодательства, регулирующего вопросы противодействия преступлениям с применением технологий на базе искусственного интеллекта.

Анализ диспозиции, указанной в статье 159 Уголовного Кодекса РФ на данный момент, относит действия подобного характера к мошенничеству. Но рассматриваемая статья не предусматривает всех особенностей, которые порождает использование искусственного интеллекта в сфере нарушения права собственности, путем хищения с помощью обмана. Это вызывает проблемы при сборе доказательств, их фиксации, а также сложность определения виновного лица. По данным деяниям нет единой практики, что вызывает сложности при их квалификации.

На наш взгляд необходимо усовершенствования законодательства в сфере мошенничества, поскольку наше общество стремительно развивается, законы тоже должны быть динамичными и соответствовать реалиям. Есть несколько решений:

1) Добавить в качестве квалифицирующего признака в состав ст. 159 УК РФ, часть, в которой будет указано применение технологий, позволяющих использовать чужой голос и внешность, то есть дипфейков

2) Введение в Уголовный Кодекс отдельной нормы, посвященной данному преступлению. То есть состава, который будет регулировать именно те преступления, которые связаны с применением технологий на базе искусственного интеллекта, в том числе и мошенничество с дипфейками.

Подводя итог, следует отметить, что такая разновидность мошенничества все чаще встречается в современном обществе. В интернете полно историй, где подобного рода мошенники обманывают население. И, к со-

жалению, наше законодательство пока не в полной мере отрегулировало данную проблему.

С каждым днем общественная опасность мошенничества с использованием технологий, позволяющих менять свою внешность и голос, возрастает. Основная проблема в том, что даже современная молодежь, разбирающаяся в технологиях и активно пользующаяся искусственным интеллектом, не всегда может распознать обман, а пожилое население страны, которое чаще всего и становится жертвой обмана и не разбирающееся в новых технологиях тем более. Поэтому необходимо усовершенствование норм уголовного права, с целью защиты имущественных прав граждан, а также снижение рисков для наиболее уязвимых категорий населения.

Таким образом, предлагаемые нами решения позволят сформировать более четкое регулирование в данной сфере и обеспечит быстрое реагирование на подобного рода преступления.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Асадов Р.Б. Цифровая мимикрия: защита прав личности от противоправного применения дипфейк-технологий // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 16-36. – DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.75462 EDN: MFCNUV.

3. Талан М. В Уголовно-правовая охрана экономических интересов как основа функционирования семьи // Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сб. материалов Междунар. науч. практ. конф., Чебоксары, 18-20 апреля 2024. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2024. – С. 402-408.

4. Малышева Ю.Ю. Мошеннические проявления фейков и дипфейков: проблемы противодействия // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 1.

5. Сидоренко Э.Л. Криптовалюта и будущее цифровых финансов. – М.: МГИМО МИД России, 2023. – 36 с. – EDN WDGHN.

**FRAUD USING DUPES: PROBLEMS OF QUALIFICATION UNDER ARTICLE 159
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PROSPECTS
FOR LEGISLATIVE REGULATION**

R.R. Zyamileva, *Student*

A.O. Martynova, *Student*

Supervisor: *G.Z. Sitdikova, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *The paper examines the features of the qualification of fraudulent actions committed using deepfake technologies in the context of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper analyzes the difficulties of law enforcement practice related to the definition of the signs of deception, the establishment of the subjective aspect of the crime, and the choice of the method of committing the crime. The paper substantiates the need for further development of criminal legislation, including the possible establishment of special qualifying features.*

Keywords: *fraud; deepfake; artificial intelligence; criminal law; qualification of crimes; digital technologies.*

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ

М.К. Исомов, доктор философии (PhD), доцент

Узбекский государственный университет мировых языков
(Узбекистан, г. Ташкент)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-208-212

Аннотация. В данной статье рассматривается защита прав человека в контексте социального государства, международный опыт и инновационные стратегии. Исследование раскрывает сущность социального государства на основе классических и современных научных подходов. Также освещается функциональная роль государства в обеспечении прав человека. Кроме того, проводится сравнительный анализ опыта зарубежных стран с целью выявления эффективных стратегий защиты прав человека.

Ключевые слова: права человека; социально-правовое государство; социальная справедливость; государство всеобщего благосостояния; международный опыт; цифровая трансформация; инновации.

Понимание универсальных принципов, лежащих в основе прав человека, имеет важное значение для их защиты. Права человека основаны на идее, что каждый человек обладает врожденным достоинством независимо от его расы, пола, религии или национальности. В центре концепции прав человека находится убеждение, что каждый человек, просто будучи человеком, должен обладать определенными правами и свободами [1].

Историческое развитие прав человека и их признание на глобальном уровне стали важным этапом в построении справедливого и равноправного общества. Основные международные договоры и декларации сыграли важную роль в формировании системы защиты прав человека. Они служат ориентиром и источником надежды в продвижении социальной справедливости и мира.

На протяжении истории процесс признания и защиты прав человека постоянно развивался. От древних цивилизаций до современных обществ концепция прав человека формировалась под влиянием культурных, философских и правовых изменений. Например, в Древней Греции возникла идея естественного права, согласно которой некоторые права присущи всем людям. Эта идея впоследствии стала основой для современных представлений о правах человека и оказала влияние на формирование современной системы правосудия.

Защита прав человека является одной из центральных категорий правовой теории и системы государственного управления. В современной научной литературе концепция социального государства рассматривается как социально-правовая модель, предполагающая всестороннее обеспечение прав человека [2].

На основе результатов систематизации научно-концептуальных подходов и отраженных в них приоритетных направлений исследовательских проблем, концептуализация прав человека в контексте политической глобализации осуществляется с использованием следующих основных подходов:

- нормативный подход;
- концептуализация прав человека с точки зрения теории международного права;
- определение теоретических и практических основ разработки показателей и критериев измерения в практических исследованиях в области прав человека;
- концептуализация прав человека с точки зрения международных отношений;
- основано на сравнительном подходе и на теории современных правовых и политических наук;
- основано на применении принципов социологии и антропологии;
- применение (или неприменение) идеологических и социальных факторов в контексте глобализации.

Универсализация прав человека, как и другие явления и понятия, напрямую связана с философским термином «universum» (лат. universum) – означающим «все объективные истины во времени и пространстве». Она связана с феноменом прав человека с теоретической и практической точек зрения, а их универсальность – обобщает национальные, культурные, религиозные и другие характеристики индивида или общества в любой «системе гармонизации» времени и пространства.

Универсализация также подразумевает достаточный уровень чуткости к правам человека и их равноправному осуществлению в глобальном масштабе и на каждом региональном уровне. Следует отметить, что до недавнего времени теории права, и тем более практики, уделяли очень мало внимания вопросам универсализации прав человека в историческом смысле. В качестве основы для этого нет особой необходимости, учитывая относительно слабые экономические, финансовые и другие связи и взаимозависимости между различными регионами мира; факторы внедрения в страны Азии, Африки и Латинской Америки, зависимые от «цивилизованного» Запада как колонии, полностью западной концепции «прав и свобод»; необходимость того, чтобы бывшие колонии, впоследствии получившие независимость, следовали примеру своих прежних метрополий в вопросах прав и свобод, альтернативные концепции не предлагались и т. д.

Анализ отечественных и зарубежных источников показывает, что в ходе развития процессов глобализации в современном мире ситуация с вопросами универсальных прав человека существенно изменилась. В научной литературе вопросам универсализации прав человека стали уделять больше внимания, чем раньше. В теории прав человека их универсализация постепенно становится одной из центральных тем современности.

Глобализация прав человека: позитивная или негативная реальность? Этот вопрос напрямую зависит от ответа на вопрос: является ли сама глобализация позитивным или негативным явлением? Сегодня мы не будем указывать на какие-либо подходы к глобализации, объективные и субъективные

факторы, это неизбежное явление, стремительно входящее в нашу общественную жизнь. Это объективная реальность, с которой вынуждены считаться каждый гражданин, общество и государство, и сегодня все проблемы, связанные с реализацией прав человека и улучшением жизни людей, требуют решения как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Как и в любой другой области, принятие четкого национального программного документа имеет огромное значение для обеспечения прав и свобод человека. В частности, основополагающим в этом отношении служит принятие Указа Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан в области прав человека» от 22 июня 2020 года.

Международный опыт показывает, что, несмотря на различия в подходах разных стран, общая цель остается единой – защита достоинства и свобод человека. В европейских странах, особенно в скандинавских, концепция социального государства достигла высокого уровня развития. Здесь государство гарантирует права человека через универсальные социальные услуги, сильную систему социальной защиты и высокий уровень равенства.

Европейская система прав человека, включая механизмы судебного контроля, стала эффективным инструментом международной защиты прав. В странах Северной Америки защита прав человека осуществляется в основном через конституционные нормы и судебную систему, где приоритет отдается индивидуальным свободам, а независимость судебной власти выступает ключевой гарантией прав человека. В странах Азии защита прав человека тесно связана с национальными традициями, уровнем экономического развития и политической системой. Например, в Японии важную роль играют социальная стабильность и коллективизм, тогда как в Южной Корее инновации и цифровые технологии [3].

В условиях глобализации защита прав человека сталкивается с новыми вызовами: ростом социального неравенства, усилением миграционных процессов, экологическими кризисами и цифровым неравенством. Амартия Сен рассматривает развитие через призму че-

ловеческих свобод, подчёркивая, что основная цель социальной политики – расширение возможностей человека. Это требует комплексного подхода к правам человека, включающего как правовые, так и социально-экономические аспекты.

В современных условиях особое значение приобретают инновационные стратегии защиты прав человека. Концепция цифрового государства способствует повышению прозрачности и эффективности государственного управления. Системы электронного правительства позволяют гражданам быстрее и удобнее получать государственные услуги, что повышает уровень реализации их прав.

Кроме того, внедрение технологий искусственного интеллекта в правовую сферу ускоряет судебные процессы, помогает выявлять правонарушения и расширяет возможности юридической помощи. Однако при этом важно сохранять принципы прозрачности, справедливости и человеческого участия.

Социальные инновации также играют важную роль в обеспечении прав человека. Инклюзивные системы образования, программы социальной защиты и поддержка уязвимых групп способствуют достижению социальной справедливости. Расширение участия граждан в управлении, развитие открытого диалога и общественного контроля также являются важными факторами защиты прав человека.

Международное сотрудничество играет ключевую роль в решении глобальных проблем, поскольку универсальность прав человека требует взаимодействия между государствами.

Защита прав человека в условиях социального государства – это сложный и многогранный процесс, требующий согласованности правовых, социальных и технологических факторов. Научные теории и международный опыт показывают, что эффективная система прав человека должна опираться не только на законы, но и на механизмы их практической реализации. Современные инновационные подходы способствуют формированию более справедливого и инклюзивного общества.

Преодоление бедности, обеспечение полной занятости и создание условий для инклюзивного гражданства являются важными целями управления. Однако в развивающихся странах такие факторы, как хроническая бед-

ность, этнические различия и гендерное неравенство, ограничивают возможности инклюзивного развития. Даже в развитых странах отдельные группы населения сталкиваются с бедностью, дискриминацией и неравными условиями.

В научной литературе понятие социального государства раскрывается через различные теоретические подходы. Согласно концепции Т.Х. Маршалла [4], права человека развиваются в три этапа: гражданские, политические и социальные права. Именно развитие социальных прав привело к расширению функций государства.

Г. Эспинг-Андерсен выделяет три модели социального государства: либеральную, консервативную и социально-демократическую, каждая из которых отличается уровнем социальной защиты и ролью государства [5]. Теория справедливости Дж. Ролза подчёркивает важность равенства возможностей и социальной справедливости, что укрепляет нормативные основы социального государства.

Потребность в модели экономического роста, приносящей пользу всем слоям населения, становится особенно актуальной в условиях роста неравенства даже в странах со средним и высоким уровнем дохода [6].

Правозащитники и учёные уже много лет подчёркивают, что подход, основанный на правах человека, является эффективной стратегией для преодоления противоречия между экономическим ростом и снижением неравенства. Интеграция международных стандартов прав человека в национальную политику способствует расширению возможностей населения и его активному участию в развитии.

Создание национальных институтов по правам человека является важным механизмом защиты прав. Эти независимые органы осуществляют мониторинг и продвижение прав человека внутри страны.

Кроме правовых механизмов важную роль играют институциональные структуры, включая специализированные суды, институт омбудсмана и комиссии по правам человека. Международные трибуналы, например, рассматривают тяжёлые преступления, такие как геноцид и военные преступления.

Международное сотрудничество остаётся важным инструментом защиты прав человека. Через договоры и конвенции государства бе-

руг на себя обязательства соблюдать стандарты прав человека. Такие организации, как ООН, контролируют выполнение этих обязательств и обеспечивают платформу для сотрудничества [7].

Инновационные подходы и международное сотрудничество выступают катализатором развития и гарантируют, что никто не останется без внимания в обеспечении достоинства и равенства. Технологии открывают новые возможности для защиты прав человека. Социальные сети позволяют людям делиться своими историями, привлекать внимание и повышать осведомленность о нарушениях прав человека. Онлайн-платформы также дают возможность активистам и организациям взаимодействовать на международном уровне, усиливая своё влияние и развивая глобальную солидарность.

Реформы последних лет направлены на укрепление государственности, формирование гражданского общества, устойчивый экономический рост. Важную роль в этом играет модернизация, ориентированная на создание современного государства. Принцип «Во имя чести и достоинства человека», инициированный Президентом, подчеркивает, что интересы человека должны быть в центре государственной политики, а каждая реформа – способствовать улучшению жизни граждан.

Принятие ключевых стратегий и целевых индикаторов в социально-экономической сфере, направленных на поэтапное развитие страны, стало важным шагом в обеспечении прогресса общества. Среди ста важнейших задач, обозначенных в Стратегии «Узбекистан-2030», приоритетами определены улучшение качества жизни, трансформация образования и здравоохранения, эффективное использование водных ресурсов и развитие цифровой экономики. Основное внимание уделяется развитию человеческого капитала, включая расширение доступа молодежи к образованию, повышение грамотности в IT-сфере, обеспечение гендерного равенства.

В последние годы в стране внедряются индивидуальные методы оценки на основе цифровых систем для выявления наиболее уязвимых слоев населения, используется адресная модель социальной защиты. Прозрачное и адресное распределение государственной помощи конкретным группам населения обеспе-

чивается через «железную», «женскую» и «молодежную» тетради. С помощью этих программ уровень бедности удалось снизить с 17% в 2021 году до 9,4% в 2024-м, значительная часть нуждающегося населения была привлечена к предпринимательству.

Реформы в сфере образования вышли на новый качественный уровень. Открытие университетов, филиалов зарубежных вузов, школ с акцентом на STEM-образование и совместные программы с мировыми университетами способствуют выходу Узбекистана на международный уровень. Охват дошкольным образованием увеличился с 27,7% в 2017 году до 71,8% в 2023-м, высшим образованием – с 9% до 38-46%, что является одним из самых высоких показателей в Центральной Азии. В 2019-2022 годах более 1 миллиона человек получили базовые знания по цифровизации в рамках проекта «Один миллион узбекских программистов».

Поэтапно осуществляется интеграция нашей страны с мировым сообществом и мировой экономикой. Узбекистан сформировался как государство, проводящее стабильную и прагматичную политику в международных отношениях.

Наряду с продвижением национальных интересов страна активно участвует в решении глобальных проблем. Растет влияние Узбекистана в вопросах региональной безопасности, транспортно-коммуникационных проектов и энергетического сотрудничества.

Республика обновляет свою политико-правовую модель, ориентируясь на международную практику. В государственном управлении внедряются цифровые технологии, системы открытых данных, ориентированное на результат управление, что повышает эффективность и прозрачность госуслуг. Реформы, начатые в 2017 году, сформировали обновленный политико-экономический портрет страны, где права человека, политико-правовая модернизация и модель социального государства в приоритете.

Закрепление принципа «социального государства» в новой редакции Конституции Узбекистана (2023 г.) означает приоритет защиты прав человека, обеспечение достойных условий жизни, образования и здравоохранения. Государство гарантирует социальную защиту, поддержку уязвимых слоев населения

и судебную защиту прав, трансформируя систему управления для повышения качества жизни граждан.

Ключевые аспекты социальной государственности в Узбекистане заключаются в следующем:

1. Конституционные основы: в Конституции закреплено, что Узбекистан – социальное государство, основой которого является идея возвеличивания чести и достоинства человека.

2. Социальные права: гарантируются права на достойный уровень жизни, квалифи-

цированное медицинское обслуживание, образование, социальное обеспечение по возрасту или утрате трудоспособности.

3. Институциональные механизмы: действует система, включающая деятельность Омбудсмена (Уполномоченного Олий Мажлиса по правам человека), направленная на парламентский контроль соблюдения прав граждан.

4. Правовая модернизация: осуществляется реформирование законодательства в целях соответствия международным стандартам в области прав человека.

Библиографический список

1. Конституция Республики Узбекистан. – Т.: Узбекистан, 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/uz/docs/-6445145>.
2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. – Т.: Узбекистан, 1996. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://nrm.uz/contentf?doc=9124_fuqarolik_kodeksi_\(6-12_boblar_81-163-moddalar\)&products=1_zakonodatelstvo_ruz&trr](https://nrm.uz/contentf?doc=9124_fuqarolik_kodeksi_(6-12_boblar_81-163-moddalar)&products=1_zakonodatelstvo_ruz&trr).
3. Ёкубов Ж. «Правоведение». – Т.: «Янги аср авлоди», 2006. – 236 с.
4. Marshall T.H. Citizenship and Social Class. – Cambridge: Cambridge University Press, 1965. – 402 p.
5. United Nations. Universal Declaration of Human Rights. – Paris: United Nations, 1948. – 153 p.
6. United Nations. International Covenant on Civil and Political Rights. – New York: United Nations, 1966. – 174 p.
7. Alston P., Goodman R. International Human Rights. 3rd Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 288 p.

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF A WELFARE STATE: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND INNOVATIVE STRATEGIES

M.K. Isomov, *Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor*
Uzbekistan State University of World Languages
(Uzbekistan, Tashkent)

Abstract. *This article examines human rights protection in the context of the welfare state, international experience, and innovative strategies. The study explores the essence of the welfare state based on classical and modern scientific approaches. It also highlights the functional role of the state in ensuring human rights. Furthermore, a comparative analysis of international experience is provided to identify effective strategies for protecting human rights.*

Keywords: *human rights; social and legal state; social justice; welfare state; international experience; digital transformation; innovation.*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРАТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОТИВОПРАВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И РОЛЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

А.А. Кузнецов, канд. юрид. наук, доцент

М.Н. Герасименко, студент

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-213-219

Аннотация. Статья исследует, как конституционные нормы определяют полномочия прокуратуры в борьбе с противоправной информацией в Интернете, и как суд обеспечивает баланс прав. Рассматривается прокуратура как орган исполнительной власти, её надзорные функции и роль в защите общественных и гражданских прав Закон «О прокуратуре Российской Федерации». Исследованы механизмы выявления и блокировки запрещённой информации по нормам закона «Об информации», предоставляющим Генпрокурору право требовать ограничений доступа по экстремистским призывам и «фейкам». Выявлены конституционные ограничения: принцип разделения властей, запрет цензуры и гарантии свободы слова, а также требование судебного характера мер, затрагивающих права. Сегодняшняя практика блокировки интернет-контента, когда этим занимаются в основном Роскомнадзор или прокуроры без участия суда, вызывает серьезные опасения. Это может привести к произвольной цензуре и нарушению законных процедур, на что неоднократно указывали как Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), так и Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ). В работе проводится аргументированная критика нынешней ситуации, например, вызывает вопросы практика повторных блокировок по IP-адресам и отсутствие реальной возможности обжаловать такие решения. Предлагается ряд мер: обязательный судебный контроль всех блокировок, более точное определение критериев "противоправности" контента и усиление прозрачности процедур. Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что Совет Европы также считает недопустимыми произвольные блокировки в интернете. Главная новизна исследования в том, что оно комплексно анализирует, как прокурорский надзор и судебный контроль работают вместе в цифровую эпоху, и на основе этого анализа предлагаются конкретные рекомендации по улучшению действующего законодательства.

Ключевые слова: Конституционный строй; Прокуратура РФ; свобода слова; запрет цензуры; право на информацию; ограничение доступа к информации; судебный контроль; экстремистская информация.

Актуальность данного исследования определяется развитием информационных технологий и быстрым ростом информации в Интернете. Экстремистские сообщения в интернете могут поставить под угрозу общественную безопасность, и государство пытается бороться с «незаконной информацией» различными способами. При этом конституционно закрепленная свобода слова и запрет цензуры требуют регулирования таких мер. Важным является вопрос о том, кто и при каких обстоятельствах имеет право ограничивать доступ к информации, чтобы остановить

злоупотребления и обеспечить защиту прав личности.

Целью работы является выявление конституционно-правовых границ участия прокуратуры в регулировании интернет-контента и анализ главной роли судебной власти как гаранта законности в данной сфере.

Для этого поставлены следующие задачи: проанализировать статус и полномочия прокуратуры, изучить действующие правовые механизмы блокировки контента (особенно положений ФЗ-149) и конституционные ограничения прокурорского надзора; исследовать судебную практику и позиции Верховного и

Конституционного Судов по интернет-блокировкам; рассмотреть проблемы внесудебного ограничения доступа и риски нарушения прав человека (свободы слова, свободы информации); выполнить сравнительный анализ зарубежного опыта и решений ЕСПЧ; сформулировать выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

Методологической основой выступают конституционный и информационно-правовой анализ, правовой позитивизм, анализ судебных решений и международных стандартов.

В литературе тема частично разработана в контексте исследования интернет-цензуры [2], но общая цель на соотношении полномочий прокуратуры и суда в России сохраняет научную новизну.

Прокуратура в РФ занимает особое место в системе публичной власти, она сочетает черты надзорного органа с элементами участия в правосудии, также, прокуратура не вписывается однозначно ни в одну из трёх классических ветвей власти. Тем не менее доктрина конституционного права относит её к исполнительной ветви, а значит, на неё в полной мере распространяется принцип разделения властей, закреплённый в ст. 10 Основного закона. Суть этого принципа состоит в том, что надзорные функции не могут подменять ни законодательное регулирование, ни судебное разрешение споров о праве [3]. Следовательно, прокуратура как часть исполнительной власти не может осуществлять функции судебные или законодательные. По закону № 2202-1 полномочия прокуратуры «определяются Конституцией РФ, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами». В число основных процессуальных полномочий входят: участие в судебном разбирательстве – в тех случаях, когда защита публичного интереса или прав граждан требует прокурорского присутствия; в уголовном судопроизводстве прокурор осуществляет функцию публичного обвинения. Генеральный прокурор вправе обращаться в Конституционный Суд с вопросом нарушения конституционных прав граждан законами. Самостоятельность ведомства обеспечена законодательным запретом любого внешнего давления на его должностных лиц: подобное воздействие образует самостоятельный состав пра-

вонарушения [4]. Совокупность этих норм формирует модель, при которой прокуратура обязана соблюдать законность и не вправе заменять ни суд, ни законодателя.

Главным инструментом в борьбе с незаконным интернет-контентом в российском праве выступает ФЗ-149, сформировавший к 2012 году двухуровневую систему ограничительных мер. Логика этой конструкции такова: менее опасные нарушения устраняются административно без участия суда, в то время как ограничения, затрагивающие конституционно важные права, теоретически должны проходить судебное разбирательство. На практике соотношение уровней оказалось значительно смещённым в пользу внесудебного ответа [1].

Первый уровень охватывает внесудебные меры: при поступлении сведений о запрещённом контенте уполномоченные органы направляют требования об удалении либо инициируют блокировку. Под действие этого механизма попадают материалы о детской порнографии, способах приобретения наркотиков, суицидальная пропаганда и аналогичные категории опасного контента. Если же хостинг-провайдер или владелец ресурса уклоняется от исполнения требования, сайт вносится в Единый реестр запрещённых. В 2013 году наступил принципиально новый этап: поправки к ФЗ-398 дали генеральному прокурору право требовать блокировки напрямую без судебного решения – это применимо к материалам, признанным экстремистскими, содержащими призывы к дестабилизации, а также к информации, которая, как известно, ложна, социально значимый или оскорбительный государственный символизм. Расплывчатость подобных формулировок – оценочный характер понятий «заведомо недостоверная» или «оскорбляющая» – открывает возможность произвольного толкования и применения к материалам, критичным по отношению к власти, но не являющимся незаконными по объективным критериям [1].

Второй уровень – судебный порядок. Для ряда категорий – в частности, признание материалов экстремистскими с внесением в федеральный список – закон требует обязательного судебного решения. Закон против пиратства (ФЗ-187) показывает, как это работает на практике. Если кто-то нарушает ваши автор-

ские права, вы можете обратиться в суд. Суд, рассмотрев ваше дело, может временно заблокировать доступ к нарушающему контенту. Достоинство судебной модели - процессуальная состязательность, временные рамки ограничения и чёткий механизм его снятия после устранения нарушения; всё это принципиально отличает её от бессрочных административных блокировок [1].

Помимо реестрового механизма применяются технические инструменты: фильтрация по IP-адресам, DNS-блокировки, автоматизированный мониторинг. Их главный изъян – неизбежность: блокировка одного ресурса нередко влечёт недоступность множества не связанных с ним сайтов, расположенных на том же IP-адресе или поддомене [1].

Более детальное рассмотрение ФЗ «О прокуратуре» позволяет очертить конкретный инструментарий ведомства применительно к информационной сфере. Нормы закона выстраивают систему сдержек: деятельность прокуратуры жёстко привязана к конституционным и законодательным рамкам, при этом закон устанавливает организационную независимость ведомства: исключается любое внешнее давление на прокурора [4]. В законе учтён механизм прокурорского реагирования на незаконные акты органов власти: прокурор вправе вносить протесты на нормативные правовые акты и представления о даче судебных разъяснений, защищая права общества и личности. Принципиально важна ст. 35, наделяющая прокурора правом вступать в судебный процесс на любой стадии – в тех случаях, когда защита публично значимых интересов этого объективно требует [4]. Применительно к делам о запрещённом контенте это означает, что прокурор вправе выступать полноправной стороной в процессе, доказывая необходимость ограничения и его соответствие конституционным требованиям.

В то же время в конституционно-правовом смысле полномочия прокуратуры ограничены Конституцией РФ (принцип разделения властей, запрет цензуры). Ключевым ограничителем служит запрет осуществления полномочий, прямо не предусмотренных законом (ст. 3 ФЗ «О прокуратуре») [2]. Запрет прокурорского вмешательства в деятельность суда – ещё один конституционно значимый барьер. Прокурор связан законом, а не усмотрением:

в информационной сфере это выражается в том, что он вправе инициировать ограничительные меры, но не вправе подменять суд в квалификации контента как незаконного. Принцип презумпции свободы информации – производный от конституционного запрета цензуры – означает, что любое ограничение доступа без судебного решения или чёткой законодательной нормы по своей природе тяготеет к запрещённой предварительной цензуре [3].

Конституционные нормы формируют систему запретов, не позволяющих государству по своему желанию вмешиваться в информационное пространство. Главное место в ней занимает ст. 29, которая содержит гарантию: свободу слова и прямой запрет цензуры. Конституционный Суд РФ в ряде решений указал, что содержательная проверка информации до её распространения по существу является цензурой – вне зависимости от органа, её осуществляющего. Ограничения информационных свобод конституционно допустимы лишь при соблюдении трёх условий одновременно: наличии законного основания, соразмерности мере и необходимости для защиты конкурирующих конституционных ценностей (ч. 3 ст. 55) [3]. Это показывает, что внесудебная блокировка без чётко определённых оснований или без реального механизма обжалования конституционно уязвима, поскольку воспроизводит модель предварительной цензуры, запрещённой Основным законом.

Во-вторых, Конституция закрепляет принцип судебного характера правосудия (ст. 118), согласно которому «правосудие осуществляется только судом». Следовательно, любые меры, затрагивающие права (в том числе право на распространение информации), должны проходить через судебные процедуры. Однако Генпрокурор и может требовать блокировки, итоговое решение о соблюдении закона принимает уполномоченный исполнительный орган (Роскомнадзор). С позиций конституции такое вмешательство без предварительного судебного решения приближает ситуацию к запрещённой цензуре. Также, ст. 120 Конституции гарантирует независимость судей и обязывает суд применять закон при выявлении незаконных актов. Это означает, что в случае спора о легитимности блокировки, именно суд проверяет соответствие требова-

ниям конституционных норм (законности, необходимости, соразмерности).

Наконец, принцип разделения властей (ст. 10 Конституции) обязывает прокурора оставаться в рамках своей компетенции. Прокурор не вправе сам переqualифицировать ситуацию как «незаконную» без санкции суда. Следовательно, конституционно-правовые ограничения деятельности прокуратуры включают соблюдение процессуальных гарантий (участие субъектов, возможность обжалования), уважение принципа презумпции законности информации и недопущение предварительной цензуры [3].

В этой ситуации суд играет очень важную роль, а не просто присутствует для вида. Только суд может решить, действительно ли какие-то ограничения нужны и не слишком ли они строгие для заявленной цели. Также суд проверяет, не используют ли эти ограничения для преследования людей по политическим мотивам вместо того, чтобы бороться с настоящими проблемами. Пленум Верховного Суда России дал указание судам, которые рассматривают дела, связанные со СМИ: нужно находить баланс между правом людей на информацию и другими общественными интересами [5]. Это означает, что суд не может ограничиться проверкой правильности оформления требования о блокировке - он обязан оценить, являлась ли избранная мера необходимой, существовали ли менее ограничительные альтернативы.

Четкую позицию по процедурным гарантиям сформировал Верховный Суд РФ: он указал, что разбирательства о внесудебной блокировке должны вестись в рамках административного судопроизводства с обязательным участием владельцев ресурсов и авторов материалов [6]. Игнорирование этого требования ведёт к разбирательству без стороны, чьи права затрагиваются, - что несовместимо с конституционным принципом состязательности. Показательна и позиция судов по блокировке «зеркал»: наличие схожего доменного имени само по себе недостаточно - необходимы конкретные доказательства идентичности спорного контента заблокированному оригиналу [1].

Международная практика задаёт ещё более высокую планку. ЕСПЧ признаёт, что автоматические блокировки по IP-адресу, не учиты-

вающие последствий для посторонних ресурсов, не отвечают критерию «предусмотренности законом» и нарушают принцип соразмерности вмешательства [1]. В частности, ЕСПЧ усмотрел нарушение ст. 10 Конвенции о свободе выражения мнения и ст. 6 о судопроизводстве в случаях внесудебной блокировки оппозиционных сайтов [7]. Современный подход (предлагавшийся судами и экспертами) сводится к тому, что именно суд должен выступать «фильтром» незаконных ограничений: проверять, существуют ли менее жёсткие средства, точно ли ограничена противоправная информация и не затрагиваются ли посторонние ресурсы. Пока эта практика реализуется не полностью, что подчёркивается Пленумом ВС РФ и Комиссаром Совета Европы [2]. В итоге судебная власть выполняет главную и четкую функцию гарантии законности: без судебской проверки меры по блокировке рискуют стать формальным исполнением политического заказа.

Практика внесудебных ограничений выявила ряд структурных проблем, не частных, а системных. Первое связано с техническими особенностями блокировки: использование IP-фильтрации в условиях, когда один адрес обслуживает множество сайтов, неизбежно приводит к недоступности ресурсов, не имеющих ничего общего с блокировкой. Европейский суд по правам человека считает такую неосторожность нарушением требования предсказуемости правовых ограничений. Вторая сложность заключается в том, что установленные процедуры не предусматривают адекватного участия всех заинтересованных сторон. Поставщики услуг связи и хостинга (услуга по размещению сайта и его данных в интернете) обязаны выполнять предписания о блокировке в административном порядке. Возможность судебного оспаривания таких решений возникает только после реального прекращения доступа к ресурсу. В результате, гражданин лишается возможности своевременно защитить своё конституционное право на информацию, поскольку судебное разбирательство может быть отложено на неопределённый срок [1].

Третья проблема — терминологическая неопределённость оснований для блокировки. Такие категории, как «заведомо недостоверная общественно значимая информация» или

«оскорбление государственных символов», не имеют устоявшегося судебного толкования, что открывает возможность для расширительного применения закона в политически чувствительных ситуациях [1]. Уголовно-правовые составы, на которые формально опираются подобные блокировки, требуют судебного доказывания вины; внесудебный же порядок этот этап обходит. Итогом становится не просто правовая уязвимость отдельных решений, но и подрыв общественного доверия к самому институту ограничения информации: как отметил Комиссар Совета Европы, «произвольные блокировки интернет-страниц нарушают право на свободу выражения мнения» [2].

Важнейшую роль в оценке рисков представляет международный стандарт. Как подчёркивает Комиссар Совета Европы: «Блокирование контента в интернете – явное посягательство на право на свободу выражения мнения, которое закреплено статьёй 10 ЕКПЧ» [2]. Тем самым, любые ограничения информации должны происходить строго в соответствии с законом и ограничительными средствами. Сегодняшняя практика внесудебных блокировок несёт риск нарушения этого стандарта, если не сопровождается жёстким судебным контролем и прозрачным обоснованием.

В ЕС и Германии регулирование интернета также строится на балансе свободы выражения и защиты общественных интересов. Так, директива ЕС об электронной коммерции ограничивает ответственность провайдеров и запрещает предустановку общего просмотра контента, отдавая предпочтение уведомительной модели и судебному контролю. В Германии действует Закон о сети (NetzDG), который обязывает крупные онлайн-платформы оперативно удалять незаконный контент, однако этот закон предусматривает возможность судебного обжалования удалений и не отменяет принципа презумпции невиновности в выражении мнения. Федеративный конституционный суд Германии известен строгим подходом к свободе слова: любые ограничения должны проходить «строгую» проверку необходимости и пропорциональности и зачастую отменяет нормы, входящие в противоречие с этими требованиями. Ряд решений ЕСПЧ, в том числе по случаям против

России, фиксирует, что отсутствие судебного надзора и процедурных гарантий при блокировке создаёт нарушение ст. 10 Конвенции [7]. Так, в деле *Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary* суд указал на недопустимость избыточных и нечёткого регулированных блокировок. Эти подходы сходны с конституционной традицией РФ: требование предварительного судебного разбора, учёта мнений оппонентов и соразмерности меры.

Таким образом, зарубежный опыт и практика ЕСПЧ подтверждают необходимость судебной защиты при ограничении информации. Хотя конкретные механизмы (как уполномоченные административные органы) могут различаться, смысл везде сохраняется – ограничения должны носить индивидуальный характер и быть основаны на объективных критериях. Из сравнения видно, что Россия могла бы учитывать опыт, например, Германии – обязанность платформ соблюдать сроки и процедуры обжалования, ЕС – принцип «три шага» для удаления контента.

Равновесие между защитой публичных интересов государства и гарантиями конституционных прав граждан в цифровой среде требует усиления судебного контроля и правовых гарантий при ограничении доступа к информации. На основе анализа возможно сделать следующие выводы и предложения:

- уточнение полномочий прокуратуры: Генеральный прокурор имеет право реагировать на «противоправную информацию», и это соответствует его надзорным функциям. Но важно, чтобы было чётко прописано, когда именно он может это делать. Закон «Об информации» нужно подкорректировать, чтобы было понятно, по каким причинам сайты попадают в реестр запрещённых. Вместо общих фраз типа «призывы к беспорядкам», лучше бы опираться на то, как это трактует суд, чтобы не было путаницы с законом.

- необходимо ввести обязательное судебное разрешение на блокировку новых сайтов. Это означает, что перед ограничением доступа к ресурсу потребуются судебное решение, а не только возможность его последующего оспаривания. Подобно механизму, предусмотренному законом о противодействии пиратству (№ 187-ФЗ), Генеральный прокурор сможет подавать запрос в суд, который будет

обязан оперативно рассмотреть дело и вынести решение об ограничении.

Это позволит защитить процессуальный порядок и вовлечь заинтересованных лиц с самого начала.

- расширение участия сторон: требовать обязательного привлечения владельцев и авторов интернет-ресурсов в разбирательство по блокировкам [6]. Это усилит состязательность процесса и соблюдение принципа права быть заслушанным. Суд должен анализировать содержательную сторону выдвигаемых обвинений, а не ограничиваться формальными основаниями.

- повышение прозрачности процедур: обязать Роскомнадзор и прокуратуру публично раскрывать обоснования блокировок, указывать точные спорные материалы и способствовать оперативному разблокированию после устранения нарушений. Использование технических мер (IP- и DNS-фильтрация) должно допускаться только при надлежащих судебных гарантиях, чтобы избежать «массовых переблокировок» [1].

- строгая пропорциональность мер: судебная власть должна строго оценивать, нет ли менее жёстких альтернатив ограничению и соответствует ли мера тяжести предполагаемого нарушения. Законодателю стоит закрепить в законе «Об информации» или в Гражданском процессуальном кодексе принципы «пропорциональности» и «презумпции законности информации», следуя позиции КС РФ и ЕСПЧ [7].

- усиление ответственности за неправомерные блокировки: расширить санкции за неза-

конное внесудебное ограничение информации, предусмотрев жалобу в суд на бездействие или неправомерные действия органов прокуратуры и Роскомнадзора. Ввести институциональные гарантии, например, обязанность прокурора предоставлять постфактум отчёты о принятых мерах в суд или парламент.

Статья доказывает, почему прокурорский надзор и судебный контроль должны работать вместе при регулировании интернет-контента. Предлагаются шаги для приведения законодательства в соответствие с конституционными правами.

Таким образом, обеспечение баланса между публичными интересами и защитой конституционных прав в цифровой среде требует строгого соблюдения принципов Конституции РФ: разделения властей, судебного правосудия и уважения свобод личности [3]. Судебный контроль является гарантией законности: он проверяет, не превращаются ли меры прокуратуры в скрытую цензуру и не нарушают ли права граждан. Актуальность вопроса подчёркивается международными стандартами ЕСПЧ и Совета Европы [7]. На основе анализа предложено совершенствование нормативной базы: переход к обязательным судебным процедурам при ограничении информации, конкретизация категорий «противоправного» контента и усиление прозрачности – всё это должно способствовать укреплению доверия граждан к институтам правосудия и защищённости их прав в информационную эпоху.

Библиографический список

1. Кириллина А.А. Судебный контроль за блокировкой контента: баланс между свободой информации и публичными интересами // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (600). – С. 349-352.
2. Комиссар по правам человека Совета Европы. Произвольные блокировки интернет-страниц нарушают право на свободу выражения мнения. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/arbitrary-internet-blocking-jeopardises-freedom-of-expression>.
3. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-І (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2010.

6. Определение Верховного Суда РФ о недопустимости блокировки интернет-ресурсов без уведомления их владельцев и авторов // Интерфакс. – 01.05.2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/612039>.

7. ЕСПЧ признал незаконной блокировку трёх оппозиционных изданий в России // Радио Свобода. – 23.06.2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/30685892.html>.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL LIMITS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE'S PARTICIPATION IN COUNTERING ILLEGAL INFORMATION ON THE INTERNET AND THE ROLE OF THE JUDICIARY

A.A. Kuznetsov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

M.N. Gerasimenko, *Student*

V.M. Lebedev *Russian State University of Justice, North Caucasus branch (Russia, Krasnodar)*

Abstract. *This article examines how constitutional norms define the powers of the prosecutor's office in combating illegal information online and how the court ensures a balance of rights. It examines the prosecutor's office as an executive body, its oversight functions, and its role in protecting public and civil rights under the Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation." It examines the mechanisms for identifying and blocking prohibited information under the provisions of the Law "On Information," which grant the Prosecutor General the right to demand access restrictions based on extremist calls and "fakes." Constitutional limitations are identified: the principle of separation of powers, the prohibition of censorship and guarantees of freedom of speech, and the requirement for judicial action to affect rights. The current practice of blocking internet content, primarily carried out by Roskomnadzor or prosecutors without judicial involvement, raises serious concerns. This can lead to arbitrary censorship and the violation of legal procedures, as has been repeatedly pointed out by both the European Court of Human Rights (ECHR) and the Supreme Court of the Russian Federation (SCRF). The paper offers a reasoned critique of the current situation, raising questions about the practice of repeated blocking by IP address and the lack of a real opportunity to appeal such decisions. A number of measures are proposed: mandatory judicial review of all blockings, a more precise definition of the criteria for "illegal" content, and increased transparency of procedures. A comparative legal analysis revealed that the Council of Europe also considers arbitrary internet blocking unacceptable. The study's key innovation is its comprehensive analysis of how prosecutorial oversight and judicial review work together in the digital age, and based on this analysis, it offers specific recommendations for improving current legislation.*

Keywords: *Constitutional system; Prosecutor's Office of the Russian Federation; freedom of speech; prohibition of censorship; right to information; restriction of access to information; judicial review; extremist information.*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ

Д.С. Лебедева, магистрант

Научный руководитель: Н.И. Алексеева, канд. юрид. наук, доцент

Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-220-225

Аннотация. Статья посвящена исследованию моделей и правовых механизмов взаимодействия государства и религиозных обществ в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена фрагментарностью существующих доктринальных подходов и необходимостью поиска баланса между коллективными правами верующих, сохранением культурной идентичности и требованиями секулярного правопорядка в условиях нарастающей поликонфессиональности. На основе анализа научных источников и рассмотрена эволюция государственно-конфессиональных отношений от советской модели агрессивной сепарации к современной системе дифференцированной кооперации. В работе показано противоречие между формально-юридическим принципом равенства религиозных объединений перед законом и фактической институционализацией привилегированного партнёрства традиционных конфессий. Проведён анализ коллизий правоприменительной практики, связанных с экстенсивным толкованием антиэкстремистского законодательства, отсутствием легальных базовых понятий и трансформацией института религиозно-экспертной экспертизы. Предложена систематизация уровней нормативного регулирования и разработана периодизация критериев легитимности религиозных объединений. В результате исследования сделан вывод о перманентной правовой модернизации отрасли и выявлены ключевые риски архаизации правового поля, требующие законодательного реагирования.

Ключевые слова: свобода совести; государственно-конфессиональные отношения; светское государство; религиозные объединения; антиэкстремистское законодательство; кооперационная модель; правовое регулирование; традиционные религии; публично-правовой статус.

Динамика правовых связей между институтами публичной власти и религиозными объединениями в России представляет собой один из наиболее сложных объектов правового анализа. Трансформация отечественной государственности на рубеже веков обусловила отказ от атеистической парадигмы и переход к поиску новых форм сотрудничества, что неизбежно породило многочисленные коллизии в законодательстве и споры. Острота рассматриваемой проблемы усиливается процессами глобализации, ростом поликонфессиональности, а также политизацией религиозного фактора, включая использование вероучений в деструктивных целях. Научная значимость темы определяется необходимостью поиска баланса между обеспечением коллективных прав верующих, сохранением культурной идентичности и безусловным выполнением требований секулярного правового порядка.

Состояние современной правовой доктрины характеризуется плюрализмом мнений от-

носительно сущности российской модели государственно-конфессиональных отношений. При этом, диапазон оценок варьируется от констатации завершённого перехода к кооперационной системе до критики архаизации норм и чрезмерной клерикализации публичного пространства [1]. Актуальность настоящего исследования вызвана фрагментарностью существующих работ, часто ограниченных либо отраслевым взглядом на проблему, либо абстрактным политологическим анализом, что требует проведения системного теоретико-правового синтеза.

Цель работы – выявление фундаментальных закономерностей и структурных противоречий в механизме правового регулирования деятельности религиозных обществ в России на современном этапе.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа исследования построены на правопонимании, сочетающем формально-юридический, социолого-правовой и историко-компаративный подходы.

Теоретической основой послужили труды ведущих специалистов в области конституционного и административного права, а также религиоведческой экспертизы.

В качестве материалов исследования использованы источники, сгруппированные по следующим направлениям – работы по теории светскости, исследования антиэкстремистского законодательства и аналитика в сфере социального партнёрства государства и конфессий. Применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции, а также специально-юридические методы – технико-юридический анализ, метод правового моделирования и сравнительное правоведение.

Результаты исследования

Анализ эволюции законодательства свидетельствует о неравномерной смене парадигм регулирования. Советский период характеризовался моделью «агрессивной сепарации», при которой декларируемое отделение церкви от государства на практике оборачивалось административным контролем и репрессиями в отношении религиозных объединений [2]. Институциональный слом 1990-х годов породил короткий период либерализации, закреплённый в Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий», который создал правовой вакуум, заполненный иностранными миссионерскими организациями без формальных механизмов аккредитации [3].

Принятие Федерального закона № 125-ФЗ в 1997 году обозначило переход к селективной

модели. Преамбула закона, признавшая особую роль православия в истории России, стала конституционно-спорной, но функциональной основой для построения иерархической системы, разделившей религиозные объединения на «традиционные» и «новые» [4]. Современный этап, согласно анализу нормативных изменений последних лет, характеризуется углублением связей через механизмы государственно-частного партнёрства в социальной сфере, при этом вектор взаимодействия смещается от формального равенства объединений к дифференцированной поддержке институтов, обладающих высоким кредитом общественного доверия [5].

Ключевая проблема, выявленная в ходе анализа, заключается в отсутствии легальной дефиниции понятий «религиозное объединение» в контексте его отделения от политического или коммерческого субъекта, а также юридической неопределённости термина «традиционная религия». Сравнительный анализ законодательства демонстрирует разнонаправленность подходов, так, в одних субъектах федерации принимаются акты о защите чувств верующих, в других устанавливаются жёсткие административные барьеры для миссионерской деятельности, формально противоречащие принципу единства правового пространства [6]. Уровни нормативного регулирования деятельности религиозных обществ в РФ приведены в таблице 1.

Таблица 1. Уровни нормативного регулирования деятельности религиозных обществ в РФ

Уровень регулирования	Основной предмет регулирования	Доминирующая правовая модель
Конституционный	Основы светского государства, равенство объединений	Нейтралитет с элементами кооперации
Федеральное законодательство	Регистрация, ликвидация, противодействие экстремизму	Селективная кооперация
Региональное нормотворчество	Передача имущества, миссионерская деятельность	Административно-рестриктивная
Муниципальные правовые акты	Выделение земель под культовые здания	Территориально-согласовательная

Исследование практики выявило тенденцию к экстенсивному толкованию норм антиэкстремистского законодательства в отношении религиозных текстов и обрядов. Институт религиоведческой экспертизы, который должен служить объективным фильтром, фактически трансформировался в инструмент формального подтверждения позиции обвинения [7]. Анализ показывает, что правовая не-

определённость критериев «возбуждения розни» и «унижения достоинства» применительно к теологическим диспутам создаёт риски произвольного ограничения свободы совести [8]. Практика ликвидации юридических лиц по искам надзорных органов показывает преобладание претензий формально-документарного характера, но идеологическая основа многих процессов остаётся [9].

Также, отдельным результатом трансформации правовой реальности стало внедрение религиозных обществ в публичные институты образования, здравоохранения и пенитенциарной системы. Фиксируется становление особого «публично-правового присутствия» конфессий, при котором государство делегирует религиозным организациям часть функций по духовной реабилитации без передачи им властных полномочий [10]. Такая модель создаёт коллизию между индивидуализированным правом на свободу вероисповедания и коллективным правом на доступ к социальным благам вне конфессионального давления, что требует детальной проработки административных регламентов.

Обсуждение. Сопоставление полученных данных с описанными в литературе теоретическими конструкциями позволяет обозначить противоречие между формально-юридическим принципом равенства религиозных объединений перед законом и фактической дифференциацией их правового статуса. В то время как часть исследователей интерпретирует эту дифференциацию как протекционистскую модель, обеспечивающую национальную безопасность и культурный суверенитет [11], другие специалисты видят в ней отступление от конституционного принципа светскости в его либеральном понимании [12]. Трансформация критериев легитимности религиозных объединений в российском праве приведена в таблице 2.

Таблица 2. Трансформация критериев легитимности религиозных объединений в российском праве

Исторический период	Критерий легитимности	Характер отношений с государством
1918-1990 гг.	Формальная регистрация и отсутствие контрреволюционности	Административный контроль и репрессии
1990-1997 гг.	Явочный порядок, уведомительная регистрация	Либеральное невмешательство
1997-2015 гг.	Экспертиза вероучения	Селективная поддержка
2016 – наст. вр.	Антиэкстремистская фильтрация, социальная полезность	Дифференцированная кооперация

В рамках проведённого анализа отдельного внимания заслуживает проблема сохранения и практической реализации так называемого «права на религиозную тайну» в условиях необратимо меняющей все общественные институты цифровой эпохи. Применение информационных технологий в деятельность религиозных объединений, цифровизация пожертвований и переход значительной части коммуникаций верующих в онлайн-пространство создают принципиально новые вызовы для традиционного понимания автономии религиозных общин, что требует детального переосмысления устоявшихся правовых подходов и выработки дополнительных нормативных гарантий защиты конфиденциальной информации духовного характера от неправомерного вмешательства и несанкционированного доступа со стороны как государственных органов, так и частных лиц.

Характерная для современного российского законодательства и правоприменительной практики ситуация связана с наличием внутренней коллизии, суть которой заключается в

том, что, с одной стороны, действующее нормативное регулирование формально-юридически признаёт за каноническими установлениями, определяющими внутренний распорядок религиозных организаций, определённую правовую значимость, что выражается в гарантированном Конституцией принципе отделения религиозных объединений от государства и недопустимости произвольного вторжения светской власти в сугубо вероучительную и обрядовую сферы деятельности общин. Однако, с другой стороны, государственный аппарат методично и последовательно наращивает интенсивность финансового надзора и административного контроля за практически всеми аспектами хозяйственной активности религиозных структур, распространяя на них стандарты отчётности, бухгалтерского учёта и требования к прозрачности финансовых операций, которые по своему содержанию, объёму и строгости становятся вполне сопоставимыми с режимом усиленного мониторинга, установленным дей-

ствующим законодательством в отношении ряда некоммерческих организаций [13].

Такая двойственность государственной политики, сочетающей в себе элементы риторического признания религиозной автономии с практическим расширением контрольно-надзорных полномочий, с неизбежностью создаёт в научной литературе и экспертной среде дискуссию относительно правомерных и конституционно допустимых пределов вмешательства светской власти во внутренние, организационно-управленческие и хозяйственные дела религиозных общин и объединений. И главным вопросом выступает поиск сбалансированного юридического критерия, который позволил бы, не подрывая основ светского правового порядка, эффективно разграничить законный государственный интерес в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию экстремизма от необоснованного административного вторжения в сферу исключительной компетенции самих религиозных институтов, включая конфиденциальность пастырского общения и тайну исповеди в её широком, институциональном понимании.

Анализируя направления эволюции отечественного законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений показано, что основной путь развития будет определяться логикой постепенной и более детальной формализации института религиозного стандарта. Под данной категорией понимается формирование целостной и внутренне непротиворечивой системы формально-определённых требований, предъявляемых государством к содержанию, структуре и качеству образовательных программ, реализуемых духовными учебными заведениями различных конфессий, в качестве встречного предоставления и необходимого предварительного условия для получения такими образовательными организациями официальной государственной аккредитации и, соответственно, признания за их выпускниками юридически значимого уровня квалификации [14]. Реализация этого подхода на практике будет означать углубление кооперационной модели взаимодействия, при которой лояльность профессиональных институтов государственному образовательному и правовому пространству обеспечивается через механизмы формально-

го признания и инкорпорации в публичную систему аттестации, что неизбежно повлечёт за собой новую волну академических дискуссий о границах секулярности в цифровом и информационно открытом обществе.

Заключение

Современная модель государственно-конфессиональных отношений в России находится в состоянии постоянной правовой модернизации, направление которого смещается от формального сепарационного принципа к сложносоставной кооперационной структуре с выраженными элементами государственного патронажа. На основе анализа установлено, что эволюционный путь российской модели прошёл через ключевые этапы, каждый из которых характеризовался собственным уникальным критерием легитимности религиозных объединений, что отражает предложенная в исследовании периодизация. Исторический опыт показал несостоятельность как жёсткой административной сепарации советского образца, так и кратковременной абсолютной либерализации, сформировав устойчивый запрос на прагматичный правовой инструментарий, реализуемый преимущественно через институт социального служения.

Ключевой правовой проблемой, выявленной в ходе исследования, выступает сохранение существенной неопределённости в понятийном аппарате действующего законодательства. Отсутствие дефиниций таких базовых категорий, как «религиозное объединение» в его отграничении от коммерческих субъектов, «миссионерская деятельность» и «традиционная религия», легализует широкие дискреционные полномочия органов исполнительной власти при оценке добросовестности верующих, что создаёт риски нарушения принципа единства правового пространства. Анализ показал, что институт религиоведческой экспертизы требует реформирования в направлении повышения объективности и состязательности, поскольку в текущем виде он рискует трансформироваться из научного фильтра в инструмент формального идеологического контроля.

Направлением дальнейшей законотворческой деятельности представляется разработка детализированных юридических критериев разграничения миссионерства и прозелитизма, а также создание сбалансированной си-

стемы государственных гарантий, способной одновременно обеспечить действительную автономию религиозных обществ от внеправового административного давления и сохранить основы государственного суверенитета в аксиологической сфере. Особую значимость приобретает формализация религиозного образовательного стандарта как правового механизма, определяющего пределы вмешатель-

ства светской власти во внутренние дела духовных учебных заведений в обмен на государственную аккредитацию. Без разрешения данных структурных противоречий сохраняется риск дальнейшей архаизации правового поля и нарастания латентной конфликтности в сфере свободы совести, что не отвечает долгосрочным интересам российского общества и государства.

Библиографический список

1. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.
2. Сторчак В.М. Особенности правовой регуляции государственно-конфессиональных отношений в современной России / В.М. Сторчак, Е.М. Токарева, М.В. Сторчак // Миссия конфессий. – 2022. – Т. 11-4, № 61. – С. 35-42.
3. Лункин Р.Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен / Р.Н. Лункин // Современная Европа. – 2014. – № 3 (59). – С. 133-143.
4. Павлюк И.В. Правовые особенности статуса традиционных религий в России / И.В. Павлюк // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 37-42.
5. Мчедлова М.М. Религия в политических конструкциях современности / М.М. Мчедлова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22, № 4. – С. 541-546. – DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-541-546.
6. Бучакова М.А. Право на свободу совести и свободу вероисповедания в Российской Федерации / М.А. Бучакова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 3 (52). – С. 42-46.
7. Воронцов А.В. Методологические проблемы религиоведческой экспертизы / А.В. Воронцов, А.М. Прилуцкий // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 13-18.
8. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. 1 / Е.Г. Балагушкин. – М.: 1999. – 244 с.
9. Дудко И.Г. Проблемы юридической ответственности религиозных объединений в Российской Федерации / И.Г. Дудко // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1 (34). – С. 16-21.
10. Анисовец Я.А. Взаимодействие государства и церкви в сфере социальной политики / Я.А. Анисовец, Ф.А. Гавриков // Политика, экономика и инновации. – 2024. – № 3 (56). – С. 1-7.
11. Коробова О.О. Государственный протекционизм в сфере развития и сохранения традиционной народной культуры / О.О. Коробова, Е.А. Балашова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 9-1 (51). – С. 51-54.
12. Элязян А.Ш. Взаимодействие государства и права в условиях интеграции и глобализации / А.Ш. Элязян // Вестник Российского университета кооперации. – 2025. – № 1 (59). – С. 99-103.
13. Ситников А.В. Религия и национализм / А.В. Ситников // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2024. – № 3 (114). – С. 128-144. – DOI: 10.30570/2078-5089-2024-114-3-128-144.
14. Егоров В.А. Религиозное образование в условиях многообразия религиозных форм современной России / В.А. Егоров // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2023. – Т. 24, № 1. – С. 213-225. – DOI: 10.25991/VRHGA.2023.1.1.020.

RELATIONS BETWEEN THE STATE AND RELIGIOUS SOCIETIES IN RUSSIA

D.S. Lebedeva, Graduate Student

Supervisor: N.I. Alekseeva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Russian State University of Justice, North-Western Branch
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *This article examines the models and legal mechanisms of interaction between the state and religious societies in the Russian Federation. The relevance of this topic stems from the fragmented nature of existing doctrinal approaches and the need to find a balance between the collective rights of believers, the preservation of cultural identity, and the demands of a secular legal order in a context of increasing multi-confessionalism. Based on an analysis of scholarly sources, this article examines the evolution of state-confessional relations from the Soviet model of aggressive separation to a modern system of differentiated cooperation. The article identifies a contradiction between the formal legal principle of equality of religious associations before the law and the de facto institutionalization of a privileged partnership between traditional faiths. An analysis of conflicts in law enforcement practices related to the extensive interpretation of anti-extremist legislation, the lack of legal definitions of basic concepts, and the transformation of the institution of religious studies expertise is conducted. A systematization of regulatory levels is proposed, and a periodization of criteria for the legitimacy of religious associations is developed. The study substantiates the conclusion about the permanent legal modernization of the sector and identifies key risks of archaization of the legal framework that require a legislative response.*

Keywords: *freedom of conscience; state-confessional relations; secular state; religious associations; anti-extremist legislation; cooperative model; legal regulation; traditional religions; public legal status.*

О НЕКОТОРЫХ НОРМАХ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ ДЛЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Е.Н. Лосева, канд. техн. наук

А.В. Хозина, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-226-231

Аннотация. Земельные отношения в Российской Федерации развиваются достаточно динамично, в связи с тем, что совершенствуются технологии и условия землепользования. Это приводит к постоянной актуализации законодательства в представленной области. За последние годы особенно усилился контроль использования земельных участков. Для этого органам власти расширили полномочия по проверке соблюдения норма земельного законодательства, а также ужесточили санкции за выявленные правонарушения. Так, несоблюдение правил землепользования и застройки влечет за собой серьезные правовые последствия, такие как штрафы, снос самовольно построенных объектов, изъятие земли у собственников.

Вопросы соблюдения правовых норм становятся особенно актуальными в условиях интенсивного развития городских территорий и необходимости повышения рационального использования сельскохозяйственных земельных ресурсов. Правообладатели земельных участков должны знать о своих правах и обязанностях, а также о рисках, связанных с нарушением законодательства.

В статье рассматриваются изменения в земельном законодательстве на федеральном и локальном уровне. Представлен краткий разбор содержания новой главы II.1 в Земельном Кодексе с определением понятия и классификация видов разрешенного использования. Рассмотрены формы контроля и ответственности в данной сфере, также представлены рекомендации для владельцев дачных участков.

Ключевые слова: изменение законодательства; земельный участок; виды разрешенного использования земельных участков; изменение категории земель; обязанности правообладателей земельных участков; инвазивные растения; административная ответственность.

В 2026 году в области земельно-имущественных отношений произошли некоторые изменения, которые касаются обычных граждан и их имущества. Нововведения вызвали множество вопросов о новых правах и обязанностях собственников земельных участков. Поэтому актуальным является детальное рассмотрение нововведений, как на локальном, так и на федеральном уровне для лучшего понимания сложившейся ситуации.

Целью данного исследования является проведение анализа изменений в законодательстве о землепользовании, вступившие в силу с 1 марта 2026 года, выявление правовых рисков для владельцев земельных участков на территории Новосибирской области, а также оценка эффективности механизмов контроля за правонарушениями в сфере использования земельных ресурсов.

Актуализация земельного законодательства

1 марта 2026 года вступили в силу положения Федерального закона № 295-ФЗ от 31.07.2025, который внес значительные изменения в Земельный кодекс Российской Федерации (ЗК РФ). Теперь в законодательстве дано четкое понятие вида разрешенного использования земельного участка (ВРИ ЗУ): «вид деятельности, которую с учетом ограничений, установленных в соответствии ЗК РФ, другими федеральными законами, допускается осуществлять на земельном участке, а также над и под его поверхностью, если иное не предусмотрено ЗК РФ, другими федеральными законами» [1].

Добавлена глава II.1 «Виды разрешенного использования земельных участков» [1]. Новая глава ЗК РФ собрала в себя воедино и утвердила порядок установления, изменения и

выбора ВРИ ЗУ. Ранее эти нормы были разрозненны и содержались в земельном, градостроительном законодательстве, а также в локальных Правилах землепользования и застройки [1, 2].

Глава включает в себя 4 статьи со следующим содержанием:

- статья 14.1 содержит в себе определение ВРИ, их виды, необходимость соответствия ВРИ классификатору и Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН);

- статья 14.2 устанавливает, какие регламентирующие документы и управляющие органы уполномочены устанавливать и изменять ВРИ, также прописаны особые случаи для некоторых объектов недвижимости;

- статья 14.3 предоставляет собственнику возможность эксплуатации участка согласно установленному ВРИ без получения каких-либо дополнительных согласований, описывает порядок действий в случаях, если установленный ВРИ более не соответствует градостроительному регламенту, приписаны исключения из правила;

- статья 14.4 регламентирует выбор ВРИ ЗУ в случае наличия прав собственности, а также при аренде государственных или муниципальных земель [1, 2].

В связи с тем, что нормы институтов земельного и градостроительного права неразрывно связаны, дополнительно все же следует обратиться к Градостроительному кодексу Российской Федерации (ГрК РФ), который устанавливает виды ВРИ ЗУ:

- 1) основные ВРИ. Правообладатели земельных участков выбирают их самостоятельно без дополнительных разрешений и согласований, при условии соответствия градостроительному регламенту территориальной зоны;

- 2) условно разрешенные ВРИ собственники могут выбрать только при условии получения специального разрешения в порядке, установленном статьей 39 Градостроительного кодекса;

- 3) вспомогательные ВРИ допустимы только в качестве дополнительных по отношению к основным или условно разрешенным ВРИ и осуществляются совместно с ними для обеспечения лучшего функционирования основного объекта [2, 3].

Немаловажные изменения произошли в вопросах изменения категорий земель. Перевод земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию допускается в исключительных случаях, установленных в статье 7 Федерального закона № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую». При этом в скором времени данный перечень будет ужесточен, так как из него будет исключены возможности смены категории при размещении промышленных объектов, строительства объектов образования, здравоохранения, социального назначения, добычи общераспространенных полезных ископаемых, а также нельзя будет перевести земли в лесной или водный фонд или земли запаса в связи с непригодностью использования земель для сельскохозяйственного производства.

С 1 марта 2026 года вступили в силу положения, которые ужесточили механизм перевода земель сельскохозяйственного значения [4, 5].

На основе изменений в федеральном законодательстве на региональном уровне Новосибирской области так же были внесены изменения в процедуру перевода земель из одной категории в другую. Законом Новосибирской области от 26.02.2026 № 63-ОЗ «О внесении изменений в Закон Новосибирской области «Об отдельных вопросах регулирования земельных отношений на территории Новосибирской области» введена многоступенчатая процедура перевода земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию. Данная процедура теперь осуществляется не просто утверждением постановления органом государственной власти субъекта РФ, а принятием регионального правового акта [6]. Эта процедура требует согласования с федеральными органами власти и препятствует сокращению площадей земель сельскохозяйственного назначения [7].

Новые обязанности собственников

Граждане, имеющие в собственности земельные участки, обязаны соблюдать нормы законодательства, устанавливающие их обязанности по охране и защите земельных ресурсов. Особое внимание в 2026 году уделяется состоянию земли и борьбе с инвазивными растениями. Федеральным законом № 294-ФЗ «О внесении изменений в Земельный ко-

декс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливается, что «в целях охраны земель правообладатели земельных участков, обладатели публичного сервитута обязаны проводить мероприятия по защите земель от распространения опасных видов инвазивных (чужеродных) растений и уничтожению таких растений» [8].

На территории Сибирского Федерального округа, в состав которого входит Новосибирская область, такими растениями, согласно Приказа Минприроды России от 13.02.2026 № 77, являются: Борщевик Сосновского (*Heracleum sosnowskyi*), Золотарник гигантский (*Solidago gigantea*), Золотарник канадский (*Solidago canadensis*), Клён ясенелистный (*Acer negundo*), Люпин многолистный (*Lupinus polyphyllus*), Недотрога железконосная (*Impatiens glandulifera*), Пастернак посевной (*Pastinaca sativa*), Элодея канадская (*Elodea canadensis*), Эхиноцистис лопастный (*Echinocystis lobata*), Ячмень гривастый (*Hordeum jubatum*). Данные растения следует уничтожать до цветения, чтобы не допустить образования семян, скашивать или выкапывать с корнем, применять разрешённые гербициды и соблюдать технику безопасности: защитный костюм, перчатки, респиратор при необходимости. Полезно фиксировать все работы: фото и видео «до» и «после», а также можно вести простой дневник наблюдений за участком [9].

Использование земельного участка, предназначенного для садоводства или огородничества, стало более упрощённым и свободным. Так для возведения дополнительных построек (теплиц, сараев, бань, бытовок на время стройки) не требуется соответствующих разрешений. Провести свет, газ, воду и поставить забор по-прежнему можно. Однако согласно нововведениям, участок нельзя использовать только под вспомогательные цели, например под хранение строительных материалов или техники, и также стоит уделять достаточное внимание состоянию участка и порядка на нем [10].

Правовые риски для правообладателей земельных участков

Контроль и выявление нарушений в сфере землепользования осуществляется Росреестром, Россельхознадзором, Росприроднад-

зором и органами местного самоуправления [11]. Каждый из перечисленных имеет полномочия в своей соответствующей сфере:

1) Росреестр отвечает за контроль и наблюдение за соблюдением земельного законодательства, проверяет соответствие реальной деятельности собственника на участке с заявленной, следит за соблюдением границ, а также за наличием самовольного строительства;

2) Россельхознадзор отвечает за контроль над землями сельскохозяйственного назначения. Этот орган власти призван следить за тем, чтобы сельскохозяйственные угодья не подвергались зарастанию борщевиком и другими сорными растениями, не были загрязнены мусором и применялись в соответствии с их целевым назначением;

3) Росприроднадзор выполняет функции контроля в области охраны окружающей среды. Его задача в том, чтобы убедиться, что использование земельных участков не причиняет вреда природе и соблюдаются все экологические требования;

4) органы местного самоуправления осуществляют муниципальный земельный контроль: проводят проверки земельных участков на закрепленных за ними территориях и выявляют факты нарушения законодательства [12, 13].

Также законодательно предусматривается общественная форма контроля. Общественный земельный контроль осуществляют граждане, общественные объединения и иные некоммерческие организации, которые наблюдают за деятельностью органов власти и анализируют их решения, затрагивающие права землепользователей. Такая деятельность направлена на выявление фактов нецелевого использования земель, самовольного захвата участков и нарушений правил землепользования, а также позволяет обращаться в государственные органы с материалами и предложениями по устранению нарушений [2].

При выявлении нарушений земельного законодательства для правообладателей предусмотрена административная ответственность.

Так в соответствии со статьей 8.7 пунктом 2 за «невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв от ветро-

вой, водной эрозии и предотвращению других процессов и иного негативного воздействия на окружающую среду, ухудшающих качественное состояние земель» налагается штраф в размере от 20 тысяч до 50 тысяч на граждан, от 50 до 100 тысяч на должностных лиц и от 400 до 700 тысяч на юридических лиц [14].

Также в соответствии со статьей 8.8 предусматривает следующие штрафы:

- за «неиспользование участка по целевому назначению в соответствии с видом разрешенного использования налагается штраф в размере 0,5-1% кадастровой стоимости земельного участка (но не менее 10 тысяч) на граждан, на должностных лиц – 1-1,5% кадастровой стоимости (не менее 20 тысяч), на юридических лиц – 1,5-2% (не менее 100 тысяч), если же кадастровая стоимость не определена, на граждан налагается штраф 10-20 тысяч, на должностных лиц – 20-50 тысяч, на юридических лиц – 100-200 тысяч рублей» [14].

- за «неиспользование участка, предназначенного для жилищного или иного строительства, садоводства, огородничества, в указанных целях в случае, если обязанность по использованию такого земельного участка в течение» трех лет налагается штраф «на граждан в размере от 1 до 1,5% кадастровой стоимости земельного участка (но не менее 20 тысяч), на должностных лиц – 1,5-2% (не менее 50 тысяч), на юридических лиц – 3-5% (не менее 400 тысяч). Если кадастровая стоимость не определена, на граждан налагается штраф 20-50 тысяч, на должностных лиц – 50-100 тысяч, на юридических лиц – 400-700 тысяч [14].

- «невыполнение или несвоевременное выполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению – штраф на граждан 20-50 тысяч, на должностных лиц – 100-200 тысяч, на юридических лиц – 200-400 тысяч» [14].

Кроме того, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ), участок может быть изъят у владельца в случае, если:

- участок не использовался по назначению в течение трех лет, без учета времени на освоение и форс-мажора (статья 284 ГК РФ);

- совершено нарушение при использовании земельного участка: «нецелевое использова-

ние, порча сельскохозяйственных земель, вред окружающей среде или наличие самовольной постройки» (статья 285 ГК РФ) [15].

Для того, чтобы избежать штрафов, перед началом любых работ на участке следует проверить его правовой статус: получить выписку из ЕГРН, уточнить категорию земель и вид разрешенного использования (ВРИ), а также сверить их с правилами землепользования и застройки. Это позволяет заранее понять, что именно можно строить и как использовать участок, и не попадать в поле зрения контролирующих органов.

Если все же правообладатель получил предписание или постановление о наложении штрафа, в связи с нарушением правил использования участка, следует устранить нарушение. Для этого необходимо понимать какие именно нормы были не соблюдены и какие предусмотрены сроки для устранения. Необходимо оперативно привести участок в порядок, убрать свалки, демонтировать несоответствующие постройки, провести работы по уничтожению инвазивных растений и т.п.

Важно зафиксировать факт выполнения работ: сделать фото- и видеофиксацию, оформить акты, сохранить договоры и платежные документы. После этого целесообразно уведомить контролирующий орган о том, что нарушение устранено, и приложить подтверждающие материалы. Если правообладатель не согласен с постановлением, он может обжаловать его в вышестоящий орган или в суд, представив доказательства об отсутствии правонарушения: документы о проделанных работах, экспертные заключения, показания свидетелей.

Выводы

Внесение изменений в Земельный кодекс РФ, включая закрепление понятия вида разрешенного использования земельного участка, имеет важное значение для правового регулирования землепользования и застройки населенных пунктов. Теперь правообладатели знают о допустимых видах деятельности на своем земельном участке, что способствует более грамотному планированию и управлению землей. Знание конкретных ВРИ облегчает получение разрешительной документации. Закрепленные понятия помогут предотвратить незаконное использование земли, а также позволят более эффективно проводить

контроль за соблюдением законодательства. Кроме того, это позволит избежать хаотичной застройки и беспорядочного использования участков, что является важным для сохранения экологического баланса и рационального использования природных ресурсов.

Изменение порядка перевода земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию делает эту процедуру более прозрачной и публичной. Исключается возможность принятия произвольных и необоснованных решений со стороны должностных лиц, что способствует защите прав землепользователей и землевладельцев. Процедура становится более

формализованной и снижает коррупционные риски.

Новые нормы землепользования 2026 года ужесточили требования к правообладателям участков: расширили основания для штрафов, изъятия земли и проверок. В этой ситуации важно грамотно владеть информацией, знать категорию земли, ВРИ, ограничения по застройке и экологические требования. Знание и соблюдение норм законодательства по использованию и охране земельных ресурсов помогают снизить правовые риски и сохранить свой участок.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511107/?ysclid=mp8bq55jxe938208481.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=mp8btujb6g961554482.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=mp8buinspe894837086.
4. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: федер. закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50874/?ysclid=mp8by3o8dl373997722.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450392/?ysclid=mp8bykfjk9178171036.
6. О внесении изменений в Закон Новосибирской области «Об отдельных вопросах регулирования земельных отношений на территории Новосибирской области»: Закон Новосибирской области от 26.02.2026 № 63-ОЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/465778699?ysclid=mp8bzb5u4b131019682>.
7. Лукьянченко, С.Ю. Изменение порядка перевода земель сельскохозяйственного назначения в земли иных категорий / С.Ю. Лукьянченко, А.Е. Логиневская // Основные принципы развития землеустройства и кадастров: Материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции, Новочеркасск, 14-16 апреля 2025 года. – Новочеркасск: Лик, 2025. – С. 185-190.
8. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 294-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511089/?ysclid=mp8c0twtkq908871604.
9. Об утверждении перечня опасных видов инвазивных (чужеродных) растений, которые не отнесены к карантинным объектам и в отношении которых должны приниматься меры по их выявлению, предотвращению их распространения и их уничтожению на особо охраняемых природных территориях федерального значения: приказ Минприроды России от 13.02.2026 № 77. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413673024/?ysclid=mp8c2wpfon814629832>.
10. Об объектах вспомогательного использования : письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 13.04.2020 № 3215-АБ/20. – [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73837701/?ysclid=mp8c6ixe9077896337>.

11. Федоров А.И. Роль государственного мониторинга земель в управлении земельными ресурсами (опыт города Искитима) / А.И. Федоров, Н.О. Митрофанова, Е.Н. Лосева // Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения. – 2020. – Т. 1. – С. 11-21.

12. Аминов Р.Р. Порядок установления вида разрешенного использования земельного участка / Р. Р. Аминов // Аллея науки. – 2025. – Т. 1, № 11(110). – С. 865-870.

13. Лосева Е.Н. Анализ основных функций органов местного самоуправления в области управления земельно-имущественным комплексом / Е.Н. Лосева // Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения. – 2020. – Т. 1. – С. 22-28.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0ae5f877871ee503898135223e9e80e2d0532ef2/?ysclid=mp8c7h1afj168383421.

15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/4734407fbf4d5eec5306840f8b75b994e5d57090/?ysclid=mp8c9akkti485634473.

ABOUT SOME LAND USE REGULATIONS: LEGAL RISKS FOR LAND RIGHTS HOLDERS

E.N. Loseva, *Candidate of Technical Sciences*

A.V. Khozina, *Student*

**Novosibirsk State University of Economics and Management
(Russia, Novosibirsk)**

Abstract. *Land relations in the Russian Federation are developing quite dynamically, due to the fact that technologies and conditions for land use are being improved. This leads to the constant updating of legislation in this area. In recent years, control over the use of land plots has become particularly tight. To achieve this, the authorities have expanded their powers to monitor compliance with land legislation, and have also tightened sanctions for violations. Failure to comply with land use and development regulations can result in serious legal consequences, such as fines, demolition of unauthorized structures, and seizure of land from owners.*

Compliance with legal regulations is becoming increasingly important in the context of urban development and the need to improve the rational use of agricultural land resources. Landowners should be aware of their rights and obligations, as well as the risks associated with violations of the law.

The article discusses changes in land legislation at the federal and local levels. It provides a brief analysis of the content of the new Chapter II.1 in the Land Code, defining the concept and classifying the types of permitted use. The article also discusses forms of control and responsibility in this area, and provides recommendations for owners of suburban plots.

Keywords: *changing legislation; land plot; types of permitted use of land plots; change of land category; obligations of land plot owners; invasive plants; administrative liability.*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРАТУРЫ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

А.С. Маатов, магистрант

Д.Ж. Асанбекова, д-р юрид. наук, профессор

Ошский государственный университет

(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-232-239

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия прокуратуры Кыргызской Республики с правоохранительными органами в сфере противодействия коррупции. Исследованы положения национального законодательства, регулирующего координационную деятельность прокуратуры, а также практика межведомственного сотрудничества при предупреждении коррупционных правонарушений. Проанализированы статистические данные Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, характеризующие состояние прокурорского надзора в антикоррупционной сфере. Особое внимание уделено вопросам цифровизации государственного управления, межведомственного информационного обмена и выявления коррупционных рисков. Сделан вывод о необходимости совершенствования координационной деятельности прокуратуры, развития цифрового антикоррупционного мониторинга и усиления аналитического сопровождения деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: коррупция; прокуратура; прокурорский надзор; межведомственное взаимодействие; правоохранительные органы; цифровизация; государственный контроль.

Проблема коррупции продолжает оставаться одной из наиболее сложных для системы государственного управления Кыргызской Республики. Коррупционные правонарушения затрагивают деятельность органов власти, оказывают влияние на эффективность реализации государственных программ и снижают уровень общественного доверия к публичным институтам. Наиболее уязвимыми направлениями остаются сферы распределения бюджетных средств, государственных закупок, земельных отношений и разрешительной деятельности.

Противодействие коррупции невозможно рассматривать исключительно как задачу отдельных правоохранительных органов. Практика показывает, что выявление коррупционных схем требует участия нескольких государственных структур одновременно. В исследовании подобных преступлений участвуют органы внутренних дел, Государственный комитет национальной безопасности, органы финансового контроля и прокуратура Кыргызской Республики. При отсутствии согласованных действий между государственными органами существенно осложняется выявление финансовых нарушений, установление

круга причастных лиц и обеспечение полноценного процессуального сопровождения уголовных дел.

Ключевое место в системе межведомственного взаимодействия занимает прокуратура Кыргызской Республики. Закон Кыргызской Республики «О противодействии коррупции» от 13 февраля 2026 года №14 относит к полномочиям прокуратуры координацию деятельности государственных органов в сфере предупреждения, выявления и пресечения коррупционных правонарушений [3]. Координационная функция прокуратуры получила закрепление и в Конституционном Законе Кыргызской Республики «О прокуратуре Кыргызской Республики» от 10 сентября 2021 года №114 [2].

Важным этапом развития антикоррупционной политики стало принятие Указа Президента Кыргызской Республики от 25 марта 2025 года №100 «О мерах по совершенствованию государственной системы предупреждения коррупции» [4]. Указанным нормативным актом Генеральная прокуратура Кыргызской Республики определена уполномоченным государственным органом по предупреждению коррупции. Тем самым была уси-

лена роль прокуратуры в организации межведомственного взаимодействия и антикоррупционного мониторинга.

Статистические данные Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики свидетельствуют о сохранении значительного количества нарушений законодательства в сфере противодействия коррупции, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия и прокурорского надзора [15].

Приведенные статистические показатели свидетельствуют о сохранении высокой латентности коррупционных правонарушений. Значительное количество выявленных нарушений не всегда получает дальнейшую уголовно-правовую оценку. Подобная ситуация связана как со сложностью доказывания коррупционных преступлений, так и с недостаточной эффективностью отдельных механизмов межведомственного информационного обмена.

Международные оценки также подтверждают наличие системных проблем в сфере противодействия коррупции. Согласно данным Transparency International, в 2023 году Кыргызстан получил 26 баллов по Индексу восприятия коррупции и занял 141 место среди 180 государств мира [14]. Низкие показатели Индекса восприятия коррупции указывают на сохраняющиеся проблемы прозрачности государственного управления и недостаточную эффективность отдельных механизмов государственного контроля.

Целью исследования является анализ правовых и организационных проблем взаимодействия прокуратуры Кыргызской Республики с правоохранительными органами в сфере противодействия коррупции, а также определение направлений совершенствования межведомственной координации.

Результаты исследования. Противодействие коррупции в Кыргызской Республике осуществляется посредством деятельности системы государственных органов, наделенных контрольными, правоохранительными и надзорными полномочиями. Центральное место в указанной системе занимает прокуратура Кыргызской Республики, осуществляющая координацию деятельности государственных органов в сфере предупреждения, выявления

и пресечения коррупционных правонарушений [2].

Правовую основу деятельности прокуратуры в рассматриваемой сфере составляют Конституция Кыргызской Республики [1], Конституционный Закон Кыргызской Республики «О прокуратуре Кыргызской Республики» [2], Закон Кыргызской Республики «О противодействии коррупции» [3], а также иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы государственного контроля и антикоррупционной политики.

Закон Кыргызской Республики «О противодействии коррупции» от 13 февраля 2026 года № 14 определяет основные направления государственной политики в сфере предупреждения коррупции, систему субъектов противодействия коррупции и механизмы межведомственного взаимодействия [3]. Согласно положениям указанного Закона прокуратура координирует деятельность правоохранительных, фискальных и иных государственных органов в сфере противодействия коррупции.

Принятие Указа Президента Кыргызской Республики от 25 марта 2025 года №100 «О мерах по совершенствованию государственной системы предупреждения коррупции» [4] существенно усилило роль прокуратуры в реализации государственной антикоррупционной политики. Генеральная прокуратура Кыргызской Республики была определена уполномоченным государственным органом по предупреждению коррупции, что расширило ее координационные и аналитические функции.

Коррупционные преступления все чаще приобретают сложный многоэтапный характер и сопровождаются использованием посреднических схем, аффилированных организаций и фиктивных финансовых операций. Коррупционные схемы нередко связаны с незаконным использованием бюджетных средств, нарушениями в сфере государственных закупок, злоупотреблением должностными полномочиями и использованием аффилированных структур. Особенно высокий уровень коррупционных рисков продолжает сохраняться в сфере государственных закупок. В Кыргызстане неоднократно общественный резонанс вызывали случаи заключения государственных контрактов с аффилированными организациями, закупок товаров по завышен-

ной стоимости и ограничения конкуренции при проведении тендерных процедур. Такие нарушения создают условия для неэффективного расходования бюджетных средств и существенно осложняют последующий финансовый контроль. Расследование подобных преступлений фактически невозможно без постоянного взаимодействия прокуратуры, органов внутренних дел, финансового контроля и специальных служб.

В научной литературе координационная деятельность прокуратуры рассматривается как один из ключевых факторов эффективности противодействия коррупции. С.Г. Бывальцева отмечает, что деятельность прокуратуры в сфере противодействия коррупции включает не только надзорные полномочия, но и организацию межведомственного взаимодействия, проведение профилактических

мероприятий и координацию деятельности правоохранительных органов [8].

А.М. Хлус обоснованно указывает, что эффективность противодействия коррупции во многом зависит от качества межведомственного обмена информацией и согласованности действий государственных органов [12]. Данный вывод имеет особое значение для Кыргызской Республики, поскольку значительная часть коррупционных правонарушений выявляется именно в процессе совместной деятельности прокуратуры, органов внутренних дел и иных правоохранительных структур.

Анализ статистических данных Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики позволяет оценить масштабы нарушений законодательства, выявляемых органами прокуратуры в сфере противодействия коррупции, а также определить эффективность применяемых мер прокурорского реагирования.

Таблица 1. Основные показатели деятельности органов прокуратуры Кыргызской Республики в сфере противодействия коррупции [15]

Показатели	2025 год	I квартал 2026 года
Проведено проверок	8433	2154
Выявлено нарушений законодательства	24776	6003
Внесено актов прокурорского реагирования	12083	2795
Привлечено к дисциплинарной ответственности	6932	1422
Привлечено к административной ответственности	3227	452
Возбуждено уголовных дел	570	129

Приведенные статистические показатели свидетельствуют о значительном количестве нарушений законодательства в деятельности государственных органов. Особого внимания заслуживает соотношение между числом выявленных нарушений и количеством возбужденных уголовных дел коррупционной направленности. Подобная диспропорция особенно заметна при выявлении нарушений в сфере распределения бюджетных средств, земельных отношений и государственных за-

купок, где значительная часть выявленных фактов первоначально получает дисциплинарно-правовую либо административную оценку. Между тем именно в данных сферах наиболее часто формируются устойчивые коррупционные механизмы, связанные с аффилированностью участников закупок и незаконным лоббированием коммерческих интересов.

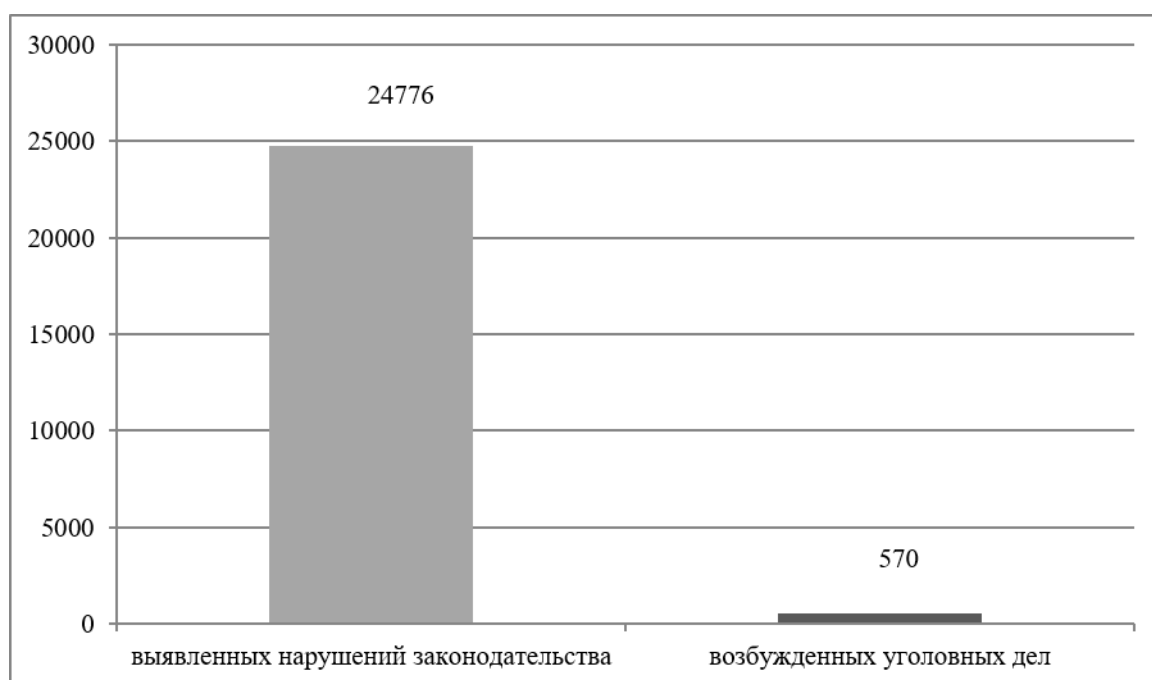

Рис. 1. Соотношение количества выявленных нарушений законодательства и возбужденных уголовных дел коррупционной направленности в Кыргызской Республике [15]

Статистические данные свидетельствуют о сохранении устойчивых коррупционных рисков в деятельности отдельных государственных органов. Несмотря на значительный объем проводимых проверок и применение мер прокурорского реагирования, количество выявляемых нарушений остается высоким.

Определенные изменения в систему противодействия коррупции внесла цифровизация государственного управления. Использование электронных государственных услуг и развитие межведомственных информационных систем позволили сократить объем бумажного документооборота и повысить оперативность обмена отдельными категориями информации. Вместе с тем государственные органы продолжают использовать разрозненные информационные базы. Информационная разобщенность существенно осложняет своевременное выявление взаимосвязанных финансовых операций, проверку аффилированности участников государственных контрактов и проведение комплексного финансового анализа. В результате отдельные коррупционные схемы выявляются уже после перечисления бюджетных средств либо завершения закупочных процедур.

Д.Р. Усманова указывает, что эффективность прокурорского надзора во многом зависит от качества аналитического сопровождения проверочной деятельности и уровня вза-

имодействия территориальных подразделений правоохранительных органов [10]. Анализ практики показывает, что отсутствие полноценной интеграции информационных систем нередко приводит к увеличению сроков проведения проверок и снижению оперативности реагирования на выявленные нарушения.

Отдельную роль в предупреждении коррупционных правонарушений имеет антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. Е.Г. Михина отмечает, что выявление коррупциогенных факторов на стадии подготовки нормативных актов позволяет предупреждать формирование условий, способствующих злоупотреблению должностными полномочиями [9]. Аналогичную позицию занимает А.М. Яшенкова, рассматривающая антикоррупционную экспертизу как самостоятельное направление прокурорского надзора [11].

Дальнейшее развитие системы прокурорского надзора требует совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия, цифрового обмена информацией и аналитического сопровождения проверочной деятельности.

Отдельного внимания заслуживает международный аспект противодействия коррупции. Коррупционные правонарушения все чаще сопровождаются использованием иностранных финансовых инструментов, реги-

страцией имущества в зарубежных юрисдикциях и выводом денежных средств за пределы государства. В подобных условиях эффективность национальной антикоррупционной политики во многом зависит от уровня международного сотрудничества правоохранительных органов и способности государства обеспечивать межгосударственный обмен информацией.

Правовую основу международного взаимодействия в рассматриваемой сфере формирует Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года [5]. Указанный международный документ предусматривает необходимость развития механизмов международной правовой помощи, обмена информацией, возврата незаконно полученных активов и координации деятельности компетентных органов различных государств.

Для Кыргызской Республики международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции становится необходимым элементом эффективного финансового контроля. Анализ практики показывает, что отдельные коррупционные схемы связаны с использованием иностранных компаний, офшорных юрисдикций и фиктивных посреднических структур. Использование подобных механизмов существенно осложняет выявление конечных выгодоприобретателей и проведение финансового анализа. Использование иностранных посреднических структур и регистрация активов в зарубежных юрисдикциях значительно осложняют установление конечных выгодоприобретателей, проведение финансового анализа и процедуру возврата неза-

конно выведенных денежных средств. В подобных ситуациях возрастает значение международного обмена финансовой и правовой информацией.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что современная коррупция выходит за рамки исключительно внутренней юрисдикции государства. Ю.Е. Винокуров указывает, что прокурорский надзор в сфере противодействия коррупции требует постоянного совершенствования механизмов международного сотрудничества и обмена правовой информацией [7].

Определенный интерес представляет оценка антикоррупционной политики Кыргызской Республики международными организациями. В отчете OECD «Istanbul Anti-Corruption Action Plan: Fourth Round of Monitoring of Kyrgyzstan» отмечается необходимость дальнейшего совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия, повышения прозрачности государственного управления и развития цифровых инструментов предупреждения коррупции [13].

Согласно Индексу восприятия коррупции Transparency International, Кыргызстан в 2023 году набрал 26 баллов и занял 141 место среди 180 государств мира [14]. Низкие показатели Кыргызстана в международных рейтингах отражают сохраняющиеся проблемы прозрачности государственного управления, недостаточную эффективность отдельных механизмов финансового контроля и высокий уровень коррупционных рисков в сфере распределения государственных ресурсов.

Таблица 2. Показатели Индекса восприятия коррупции (CPI) отдельных государств Центральной Азии за 2023 год [14]

Государство	Баллы CPI	Место в рейтинге
Казахстан	39	93
Узбекистан	33	121
Кыргызстан	26	141

Сопоставление международных показателей показывает, что Кыргызская Республика продолжает сталкиваться с серьезными проблемами в сфере обеспечения прозрачности государственного управления. Повышение эффективности деятельности прокуратуры невозможно без развития цифровых механизмов государственного контроля и усиления

аналитической составляющей прокурорского надзора.

Значительный потенциал в сфере предупреждения коррупции связан с развитием цифровизации государственного управления. Использование автоматизированных информационных систем позволяет снижать уровень прямого контакта граждан с должност-

ными лицами, повышать прозрачность административных процедур и обеспечивать оперативный обмен информацией между государственными органами.

Существующий уровень цифровой интеграции государственных органов пока не обеспечивает полноценного автоматизированного анализа коррупционных рисков. Отдельные государственные органы продолжают использовать автономные информационные системы, функционирующие без достаточной межведомственной интеграции. Сохранение автономных информационных систем усложняет выявление аффилированности участников государственных закупок, проведение финансового анализа и своевременное выявление коррупционных схем. Дальнейшее развитие цифровых механизмов государственного контроля должно быть связано не только с автоматизацией документооборота, но и с внедрением аналитических систем, позволяющих выявлять коррупционные риски на ранних стадиях принятия управленческих решений.

С.Г. Бывальцева справедливо отмечает, что деятельность прокуратуры в сфере противодействия коррупции должна включать не только применение мер прокурорского реагирования, но и развитие профилактических механизмов предупреждения коррупционных правонарушений [8]. В данном случае особое значение приобретает использование аналитических инструментов, позволяющих выявлять коррупционные риски еще на стадии подготовки управленческих решений.

Изучение действующих механизмов межведомственного взаимодействия свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования системы противодействия коррупции в Кыргызской Республике. Дальнейшее развитие антикоррупционной политики должно быть связано с расширением цифровых механизмов государственного контроля, совершенствованием антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и усилением аналитической роли прокуратуры.

Заключение. Противодействие коррупции продолжает оставаться одним из ключевых направлений деятельности прокуратуры и иных правоохранительных органов Кыргызской Республики. Современные коррупционные правонарушения характеризуются слож-

ным организационным и финансовым механизмом, что требует постоянного совершенствования системы межведомственного взаимодействия и повышения эффективности прокурорского надзора.

Анализ законодательства Кыргызской Республики свидетельствует о постепенном укреплении координационной роли прокуратуры в системе противодействия коррупции. Важную роль в данном процессе сыграло принятие Закона Кыргызской Республики «О противодействии коррупции» от 13 февраля 2026 года № 14, а также Указа Президента Кыргызской Республики от 25 марта 2025 года № 100, определившего Генеральную прокуратуру Кыргызской Республики уполномоченным государственным органом по предупреждению коррупции [3; 4].

Исследование статистических данных Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики показывает сохранение значительного количества нарушений законодательства в сфере государственного управления [15]. Высокий уровень выявляемых нарушений свидетельствует о наличии устойчивых коррупционных рисков в деятельности отдельных государственных органов. При этом значительная разница между количеством выявленных нарушений и числом возбужденных уголовных дел указывает на сохранение высокой латентности коррупционных правонарушений и сложность их процессуального доказывания.

Существующие механизмы межведомственного взаимодействия пока не обеспечивают полноценного и своевременного выявления сложных коррупционных схем. На практике существенные трудности связаны с недостаточной интеграцией государственных информационных систем, ограниченными возможностями автоматизированного анализа данных и сохранением разрозненного характера отдельных ведомственных информационных ресурсов. Дополнительным фактором, снижающим эффективность межведомственного взаимодействия, является ведомственная закрытость отдельных информационных ресурсов, что затрудняет оперативный обмен сведениями между правоохранительными и контрольными органами.

Особое значение в предупреждении коррупции приобретает развитие цифровизации государственного управления. Использование

электронных государственных услуг и автоматизированных механизмов контроля позволяет снижать уровень коррупционных рисков и повышать прозрачность административных процедур. Вместе с тем дальнейшее совершенствование антикоррупционной деятельности требует формирования единой цифровой системы межведомственного обмена информацией и расширения аналитических возможностей правоохранительных органов.

Исследование также показало возрастающее значение международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции. Распространение трансграничных финансовых операций, использование иностранных юрисдикций и механизмов вывода незаконно полученных средств требуют активизации взаимодействия с компетентными органами

и иностранных государств и международными организациями.

Повышение эффективности деятельности прокуратуры Кыргызской Республики невозможно без развития профилактических механизмов предупреждения коррупции, совершенствования антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, расширения цифрового мониторинга и укрепления межведомственного взаимодействия.

Перспективным направлением дальнейшего развития системы противодействия коррупции представляется создание единого цифрового механизма антикоррупционного анализа, обеспечивающего оперативный обмен информацией между государственными органами, автоматизированное выявление коррупционных рисков и повышение эффективности прокурорского надзора.

Библиографический список

1. Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом 11 апреля 2021 г. – Бишкек, 2021.
2. О прокуратуре Кыргызской Республики: Конституционный Закон Кыргызской Республики от 10 сентября 2021 г. № 114. – Бишкек, 2021.
3. О противодействии коррупции: Закон Кыргызской Республики от 13 февраля 2026 года № 14. – Бишкек, 2026.
4. О мерах по совершенствованию государственной системы предупреждения коррупции: Указ Президента Кыргызской Республики от 25 марта 2025 г. № 100.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г.
6. Асанбеков Т.Ж. Проблемы и перспективы реализации антикоррупционной политики в Кыргызской Республике / Т.Ж. Асанбеков, С.Н. Маматов, Д.Ж. Асанбекова // Вестник Ошского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 178-192. – DOI: 10.52754/16948610_2024_4_18.
7. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов / Ю.Е. Винокуров, А.Ю. Винокуров; под редакцией Ю.Е. Винокурова. – 18-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 498 с.
8. Бывальцева С.Г. Правовое регулирование деятельности прокуратуры по противодействию коррупции // Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – Т. 12. № 4. – С. 122-127.
9. Михина Е.Г. Антикоррупционная экспертиза региональных и муниципальных нормативных актов в системе мер предупреждения коррупции органами прокуратуры // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 6 (118). – С. 92-100.
10. Усманова Д.Р. Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в территориальных органах прокуратуры // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 182-183.
11. Яшенкова А.М. Антикоррупционная экспертиза как средство прокурорского надзора при противодействии коррупции // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35. – С. 554-560.
12. Хлус А.М. Направления деятельности прокуратуры по противодействию коррупции и раскрытию взяточничества // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2018. – № 2 (7). – С. 113-118.
13. OECD Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia. Istanbul Anti-Corruption Action Plan: Fourth Round of Monitoring of Kyrgyzstan. – Paris: OECD Publishing, 2024.

14. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023>.

15. Генеральная прокуратура Кыргызской Республики. Правовая статистика Кыргызской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prokuror.kg/statistics/ru>.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERACTION BETWEEN THE PROSECUTOR'S OFFICE AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION IN THE KYRGYZ REPUBLIC

A.S. Maatov, *Graduate Student*

D.Zh. Asanbekova, *Doctor of Legal Sciences, Professor*

Osh State University

(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article examines the problems of interaction between the Prosecutor's Office of the Kyrgyz Republic and law enforcement agencies in the field of anti-corruption. The provisions of national legislation regulating the coordination activities of the prosecutor's office, as well as the practice of interagency cooperation in preventing corruption offenses, are analyzed. Statistical data from the Prosecutor General's Office of the Kyrgyz Republic characterizing the current state of prosecutorial supervision in the anti-corruption sphere are examined. Particular attention is paid to issues of digitalization of public administration, interagency information exchange, and identification of corruption risks. The authors conclude that it is necessary to improve the coordination activities of the prosecutor's office, develop digital anti-corruption monitoring mechanisms, and strengthen analytical support for law enforcement agencies.*

Keywords: *corruption; prosecutor's office; prosecutorial supervision; interdepartmental interaction; law enforcement agencies; digitalization; state control.*

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ПРЕДЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ

Р.А. Манташян, магистрант

Научный руководитель: В.А. Биляев, д-р юрид. наук, доцент

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Крымский филиал
(Россия, г. Симферополь)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-240-244

Аннотация. Цифровизация российского судопроизводства, ускоренная пандемией, успешно решает проблемы доступности правосудия. Интенсивное внедрение цифровых технологий требует анализа их качества, эффективности и влияния на защиту прав участников. Цифровые технологии рассматриваются как прогрессивные процессуальные средства, требующие дифференцированного подхода и оценки допустимости их использования в уголовном судопроизводстве. Результаты исследования показывают, что цифровизация обусловлена научно-техническим потенциалом и стремлением государства повысить качество правосудия. Однако, процесс должен учитывать сохранение гарантий прав граждан, невозможность полного автоматического правосудия и необходимость нравственных основ. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве должны: 1) обеспечивать назначение процесса и права участников; 2) иметь завершённый механизм и национальное правовое регулирование; 3) технически реализовываться в форме, установленной законом; 4) носить альтернативный характер, не исключая традиционные средства. Автоматизация этапов уголовного судопроизводства ограничена его процессуально-правовой и нравственной природой. Существующая фрагментарная регламентация требует создания целостного нормативно-процессуального механизма для каждой цифровой технологии.

Ключевые слова: суд; уголовное судопроизводство; правосудие; цифровые технологии; доступ к правосудию; видеоконференц-связь.

Проблемы внедрения и реализации цифровых технологий в российское судопроизводство в последние годы стали предметом пристального внимания ученых-процессуалистов и правоприменителей. Это в полной мере отвечает насущной потребности осмысления и анализа значения активного внедрения процесса цифровизации во все сферы жизнедеятельности человека, включая и деятельность по осуществлению правосудия. Процесс цифровизации судопроизводства не только вносит существенные коррективы в отдельные процессуальные действия, но и влияет на форму судопроизводства, его новые характеристики, позволяющие обсуждать потенциальную возможность формирования «онлайн-правосудия», «виртуальных судов», «онлайн-судейства» и т. п. Именно с развитием электронного правосудия судебный корпус страны связывает, по словам Председателя Совета судей России В.В. Момотова, дальнейшее развитие доступности судопроизводства [7].

Активное проникновение цифровых технологий в судопроизводство наблюдается не только в России, этот процесс имеет место во всех мировых судебных системах. В связи с этим актуализируются вопросы относительно пределов цифровизации судопроизводства и тех критериев, которым она должна отвечать, чтобы сохранить накопленный веками ценный опыт осуществления правосудия по канонам законности и справедливости. Необходима оценка качественно-технических характеристик коммуникативно-цифровых технологий, фактически трансформируемых в новые процессуальные средства, с позиции гарантированности защиты прав лиц, вовлечённых в сферу судопроизводства. Требуется особый подход к решению вопроса о включении цифровых технологий в систему уголовно-процессуального регулирования, обладающего, помимо правовой, серьёзной моральной составляющей.

Современные шаги по активному внедрению инновационных технологий в сферу судопроизводства Российской Федерации носят целенаправленный характер, следующий из государственных целевых установок на повышение качества осуществления правосудия, эффективности рассмотрения судебных дел, обеспечение доступности и открытости правосудия. Об этом свидетельствует последовательно проводимая государством стратегия развития и совершенствования судебной системы России, отраженная в федеральных целевых программах¹, которые ориентированы на разрешение проблем, связанных с недостаточно высоким качеством правосудия, выражающимся в несоблюдении сроков судопроизводства, недостаточном уровне информированности населения о судебной деятельности, неудовлетворительной работе судов и др. В качестве одного из важных средств разрешения названных проблем на государственном уровне предлагается скорейшее внедрение в организацию функционирования судебной системы современных цифровых технологий. Как можно видеть, по отношению к цели – повышению качества правосудия – цифровые технологии выступают одним из прогрессивных средств ее достижения. Следует заметить, что в сфере судопроизводства в последние два года наблюдается «прорыв» цифровизации. Вынужденным катализатором этого явления стала чрезвычайная ситуация, связанная с мерами профилактики распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Наглядно это можно увидеть на представленном ниже рисунке, демонстрирующем существенно возросшее количество обращений граждан в суды общей юрисдикции в электронном формате. Все большую популярность у населения приобретают специализированный интернет-портал государственной автоматизированной системы «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие») и официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации.

В 2021 году в суды в электронном формате было подано более трех миллионов процессуальных документов, количество обращений пользователей к ГАС «Правосудие» превысило 2,5 млрд. Было проведено около 300 тыс. судебных заседаний с использованием видеоконференц-связи. Активизировалось смс-

оповещение участников процесса: их число превысило 23 млн [5, с. 3-4]. Приведенная статистика свидетельствует о повышении востребованности в процессе судопроизводства цифровых технологий. И, полагаем, этот высокий уровень не будет снижаться в силу очевидных преимуществ их применения, во всяком случае с точки зрения расширения открытости правосудия, ускорения и удешевления процедур рассмотрения судебных дел.

Как и любой процесс, процесс цифровизации судопроизводства не может быть безграничным. В данном случае он должен выстраиваться с учётом сохранения гарантий прав граждан на полноценную судебную защиту, которую невозможно осуществлять исключительно автоматическим путем. Категорично это утверждение относится к уголовному судопроизводству, которое «на протяжении тысячелетий... было традиционной сферой человеческой деятельности» [3, с. 93] и сегодня продолжает оставаться таковой в силу природы уголовно-процессуальных отношений, включающих весомую нравственную составляющую, которую учесть и воплотить в судопроизводстве под силу лишь человеку. Как известно, в основу уголовно-процессуальной деятельности помимо правовых заложены базовые нравственные ориентиры: гуманизм, справедливость, равенство, которые не поддаются алгоритмизации и «оцифровыванию». Кроме того, наличие в содержании уголовно-процессуального регулирования существенно значимых эмоционально-моральных и оценочных компонентов («внутреннее убеждение» «судейское усмотрение», «совесть судьи») не позволяет допускать такого уровня цифровизации уголовного судопроизводства, который оправдан в рамках иных видов судопроизводства. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода к определению границ использования цифровизации в правосудии. Унификация процессуальных отраслей в данном случае неприемлема. Эта позиция ясно демонстрируется Правительством России в представленном Государственной Думе Российской Федерации в апреле 2021 г. проекте федерального закона о регулировании дистанционного участия в судебном процессе, который касается арбитражного, гражданско-процессуального и административного судопроизводства и не за-

трагивает вопросы функционирования электронного правосудия в уголовном процессе.

В науке уголовного процесса также обращается внимание на необходимость особого подхода к введению инновационных технологий в уголовное судопроизводство, требующее тщательного обсуждения рисков цифровизации и определяющих критериев, «которые стоит руководствоваться при принятии решения о возможности и необходимости разработки и внедрения таких технологий в уголовное судопроизводство...» [3, с. 97]. Восприятие правосудия в сознании россиян исторически нераздельно связано не только с правом, но и с совестью [8, с. 171]. В настоящее время закрепленный в ст. 17 УПК РФ принцип свободы оценки доказательств включает положение о том, что судья, присяжные заседатели в ходе судебного разбирательства уголовного дела должны оценивать предлагаемую совокупность доказательств по их внутреннему убеждению, основывающемуся не только на законе, но и на совести. Под совестью в науке уголовного процесса предлагается понимать индивидуальную «способность судьи к самоконтролю в рамках уголовно-процессуального закона и к справедливости в праве» [12]. И совесть, и внутреннее убеждение, и справедливость – сугубо субъективные категории, верно применить которые к «нешаблонным» обстоятельствам конкретного уголовного дела способен только человек. Формально постановить приговор «по шаблону» для судьи, возможно, значительно проще, но это прямой путь к выхолащиванию самой идеи справедливого, гуманного правосудия по уголовным делам. Очевидно, что внедрение «электронного правосудия» в уголовное судопроизводство нуждается в дополнительном осмыслении и в отдельном регулировании с учетом его специфики.

Как показывает мировой опыт, процесс информатизации судебной системы ведется в двух основных направлениях:

- 1) оптимизации (автоматизации) процедур;
- 2) трансформации процедур.

И если первое направление выглядит вполне приемлемым, поскольку оно, предположительно, направлено на оптимизацию существующих, преимущественно организационных и статично-информационных аспектов уголовно-процессуальной деятельности, то

второе направление по «трансформации» процедур вызывает определенную настороженность. Это связано с тем, что далеко не все процессуальные инструменты уголовного судопроизводства способны трансформироваться посредством автоматизации. Например, это касается автоматизированных механизмов принятия решений в процессе правосудия по уголовному делу. На это обращается внимание зарубежными исследователями цифровизации права. По их мнению, включение автоматизированных инструментов принятия решений в судопроизводство несет риск нарушения надлежащей правовой процедуры, гарантированной конституциями и уголовно-процессуальными кодексами, конституционных прав участников процесса, подрыва гарантии надлежащей правовой процедуры, встроенной в традиционную модель уголовного правосудия. Не исключаются риски непредвиденных последствий применения компьютерных технологий в вопросах, касающихся конфиденциальности, остаются нерешенными проблемы соотносительности алгоритмов со справедливостью, этикой. В качестве аргумента в пользу необходимости внедрения в судопроизводство инструментов искусственного интеллекта часто можно слышать утверждение о том, что они устраняют предубеждения и субъективность, свойственные человеческим суждениям и выводам. Этому можно противопоставить суждение о том, что именно и только свойства человеческого разума позволяют на основе синтезированного подхода к праву и нравственности выносить разумные, объективные и справедливые решения по уголовным делам. И в настоящее время у нас нет веских оснований утверждать, что решения наших судей носят субъективный и «пристрастный» характер. Наоборот: вся система организации судебной деятельности выстроена в границах принципов объективности и беспристрастности, в случае выхода за которые предусмотрены правовые гарантии.

Автоматизация уголовного процесса ведет не только к его «сжиманию» во времени, но и к изменению некоторых процедур, что неизбежно повлечет изменение традиционной формы уголовного судопроизводства. Полагаем, что в основу концептуального подхода к цифровизации уголовного судопроизводства

должно быть заложено положение о том, что «при любых новых явлениях, основанных на современных информационных технологиях, в сфере уголовного судопроизводства следует не разрушать принципиальную основу уголовного судопроизводства...» [6, с. 311]. Исключительное содержание уголовного судопроизводства требует особого подхода к выбору его формы, в том числе и «трансформи-

рованной» с помощью цифровых технологий. Процессуальная форма уголовного судопроизводства складывалась не одну сотню лет, она сформирована с учетом правовой культуры нашего общества, которая должна оставаться в своей основе неизменной. Какой бы прогрессивной ни представлялась новая процессуальная форма, она не должна искажать базовое содержание уголовного процесса.

Библиографический список

1. Беляева Г.С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки и виды // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – № 3. – С. 19-27.
2. Бородинова Т.Г. Видео-конференц-связь как телекоммуникационная технология обеспечения судебного разбирательства // Теоретические и прикладные аспекты формирования информационного и правового пространства в современном мире / отв. ред. Г.Ф. Гараева, М.Е. Бегларян, С.А. Сарина. – Краснодар: Изд. Дом – Юг, 2020. – С. 87-90. – ISBN: 978-5-91718-592-7.
3. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 5. – С. 91-104. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104.
4. Капустин О.А. Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 129-134. – DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10027.
5. Лебедев В.М. Выступление на Совещании председателей Верховных Судов государств – членов ШОС // Судья. – 2021. – № 10. – С. 3-5.
6. Масленникова Л.Н. К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 309-312.
7. Момотов В.В. Качество, оперативность, доступность. О критериях социальной эффективности судебной власти. Выступление на парламентских слушаниях Совета Федерации 21 ноября 2018 // Адвокатская газета. 2018. 16-31 дек.
8. Панкова О.В. Развитие доктринальных основ правосудия в дореволюционной России // Вестник ВГУ. Сер.: Право. – 2018. – № 3. – С. 170-189.
9. Решетняк В.И. Применение видеоконференцсвязи в арбитражном судопроизводстве // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 154-159.
10. Сбоева Е.Н. К вопросу обеспечения доступа к информации о деятельности судов // Интеграция наук. – 2018. – № 8. – С. 357-359.
11. Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. – 2018. – № 6. – С. 57-62.
12. Якушева Т.В., Стародубцева М.А. Совесть судьи при оценке доказательств для постановления приговора как конституционная гарантия государственной защиты прав подсудимого // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. – 2019. – № 1. – С. 144-149. – DOI: 10.24411/2304-120X2019-13008.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: LIMITS AND CHALLENGES

R.A. Mantashyan, *Graduate Student*

Supervisor: *V.A. Bilyayev, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor*

**Russian State University of Justice, Crimean branch
(Russia, Simferopol)**

Abstract. *The digitalization of Russian legal proceedings, accelerated by the pandemic, successfully solves the problems of accessibility of justice. The intensive introduction of digital technologies requires an analysis of their quality, efficiency, and impact on the protection of the rights of participants. Digital technologies are considered as progressive procedural means that require a differentiated approach and assessment of the permissibility of their use in criminal proceedings. The results of the study show that digitalization is driven by scientific and technological potential and the state's desire to improve the quality of justice. However, the process must take into account the preservation of citizens' rights, the impossibility of fully automated justice, and the need for moral foundations. Digital technologies in criminal proceedings should: 1) ensure the purpose of the process and the rights of its participants; 2) have a complete mechanism and national legal regulation; 3) be technically implemented in the form established by law; 4) be alternative in nature, without excluding traditional means. The automation of criminal proceedings is limited by its procedural, legal, and moral nature. The existing fragmented regulation requires the creation of a holistic regulatory and procedural mechanism for each digital technology.*

Keywords: *court; criminal proceedings; justice; digital technologies; access to justice; video conferencing.*

ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДЕЯНИЙ: ЛОГИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В.В. Пекарева, магистрант

Научный руководитель: С.Д. Цэнгэл, канд. юрид. наук, доцент

**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Россия, г. Санкт-Петербург)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-245-249

Аннотация. *Квалификация преступлений по объекту представляет собой не только сугубо правовую, но и логико-аналитическую задачу, требующую от правоприменителя системного мышления и строгого соблюдения законодательных критериев. Изучение данной темы актуально также в контексте совершенствования правоприменительной деятельности: выработка единых логико-правовых алгоритмов разграничения преступлений по объекту позволяет минимизировать субъективизм при квалификации, обеспечить единообразие судебной практики и повысить качество предварительного расследования. Таким образом, исследование данной проблематики имеет как теоретическое значение для науки уголовного права, так и выраженный прикладной характер для практики правоохранительных органов и судов, в частности в эпоху цифровизации и колоссальных масштабов компьютерных преступлений.*

Ключевые слова: *объект преступлений; уголовно-правовая охрана; общественные отношения; состав преступлений; цифровизация; интернет; преступление; общественная безопасность.*

Важное место в логико-правовом разграничении преступлений по объекту занимает проблема так называемых конкурирующих норм, когда одно и то же деяние формально подпадает под признаки нескольких статей Особенной части, охраняющих различные, но смежные общественные отношения. В подобных ситуациях установление приоритетного объекта посягательства осуществляется посредством применения правил конкуренции общей и специальной нормы: специальная норма, закрепляющая более узкий и конкретный объект охраны, вытесняет общую. Логическое основание этого правила состоит в том, что специальная норма с большей степенью точности отражает характер нарушаемого общественного отношения, а следовательно, квалификационный вывод, построенный на её основе, обладает более высокой степенью правовой достоверности. Игнорирование данного правила неизбежно порождает ошибки, при которых деяние квалифицируется по норме с более широким объектом, что влечёт либо необоснованное смягчение, либо неправомерное усиление ответственности.

Необходимо также учитывать динамический аспект объекта преступления: содержание охраняемых общественных отношений не остаётся неизменным и трансформируется

вместе с развитием общества, экономики и правовой системы. Это обстоятельство порождает ситуации, при которых прежние квалификационные ориентиры, выработанные судебной практикой, утрачивают актуальность применительно к новым формам общественно опасного поведения. В частности, цифровизация экономики обусловила появление деяний, объект которых с трудом поддаётся однозначной идентификации в рамках традиционной вертикальной классификации: посягательства в сфере оборота цифровых активов одновременно затрагивают отношения собственности, информационной безопасности и установленного порядка осуществления экономической деятельности. Объект преступления трансформируется в области уголовно-правовой охраны по сути из-за цифровизации общественных отношений: появление инноваций, принципы работы искусственного интеллекта и их совершенствование, сущность информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», цифровые взаимодействия в ней способствуют новым формам противоправных деяний. Поэтому необходимо своевременно и верно гарантировать правовую регламентацию взаимодействий в информационной среде на принципе равноправия субъектов и конституционной свободы

(ст. 29 Конституции РФ) поиска, получения, создания и распространения сведений законными способами, защита права граждан, и организовать конструктивное взаимодействие госорганов, организаций и граждан разрабатываемыми нормами для информационной безопасности. Важнейшая функция уголовного права в охране «Интернета» – соразмерное равновесие между беспрепятственным обменом информацией и ограничениями для сохранения суверенитета и обеспечения национальной безопасности. Таким образом, трансформация объекта преступления в условиях цифровизации и развития информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» приводит к значительным трудностям его разграничения. Это связано с техническими нюансами, масштабностью и распределённым характером цифровых взаимодействий, а также с тем, что границы между правомерными и противоправными реализациями одних и тех же технологий становятся размытыми, что требует более тонкого и дифференцированного подхода к определению объекта в уголовно-правовой охране информационной среды. В таких случаях логический инструментарий разграничения по объекту должен применяться с учётом актуального нормативного содержания охраняемых отношений, а не только исходя из исторически сложившихся доктринальных категорий [2].

Таким образом, логико-правовые основы разграничения преступлений по объекту посяательства включают в себя: иерархическую классификацию объектов с движением от общего к непосредственному; анализ структуры охраняемого общественного отношения; разграничение основного и дополнительного объектов в многообъектных составах; корректное соотношение объекта с предметом преступления и потерпевшим. Соблюдение данных логических операций является необходимым условием точной уголовно-правовой квалификации.

Несмотря на разработанность теоретических оснований разграничения преступлений по объекту, правоприменительная практика демонстрирует устойчивый массив квалификационных ошибок, обусловленных именно неверным установлением объекта посяательства. Данные ошибки не носят случайного характера – они системно воспроизводятся в определённых категориях дел, где смежные

составы имеют схожую объективную сторону, но различаются по содержанию охраняемого общественного отношения. Анализ таких ситуаций позволяет выявить типичные трудности и наметить пути их преодоления [3].

Первую группу проблем составляет разграничение составов, у которых совпадают родовой и видовой объекты, однако различаются непосредственные объекты посяательства. Наиболее показательным примером служит соотношение убийства (статья 105 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего (часть 4 статьи 111 УК РФ). Оба состава расположены в главе 16 Особенной части УК РФ, оба имеют видовым объектом жизнь и здоровье человека. Вместе с тем их непосредственные объекты принципиально различаются: в первом случае – это жизнь человека как таковая, во втором – здоровье человека, тогда как смерть выступает лишь последствием, не охватываемым умыслом виновного. Разграничение по объекту здесь неотделимо от разграничения по субъективной стороне, что нередко порождает квалификационные ошибки: суды ошибочно квалифицируют умышленное убийство как причинение тяжкого вреда здоровью или, напротив, вменяют убийство там, где умысел виновного охватывал лишь причинение вреда здоровью [8].

Вторую группу составляют проблемы разграничения преступлений против собственности между собой и их отграничения от иных составов. Здесь типичной является ошибка при квалификации разбоя (статья 162 УК РФ) и грабежа, соединённого с насилием (часть 2 статьи 161 УК РФ). Оба состава имеют единый родовой объект – экономические отношения, единый видовой объект – отношения собственности. Разграничение проходит по содержанию дополнительного объекта: при разбое дополнительным обязательным объектом выступает здоровье или жизнь потерпевшего (насилие, опасное для жизни или здоровья), тогда как при насильственном грабеже насилие не представляет опасности для жизни или здоровья, что означает отсутствие посяательства на соответствующее дополнительное отношение [7]. Таким образом, различие в дополнительном объекте напрямую определяет квалификацию, однако на практике оценка характера насилия нередко производится без

должного анализа объектной структуры состава.

А.В. Наумов справедливо отмечает, что ошибочное разграничение смежных составов по объекту зачастую является следствием того, что правоприменитель сосредотачивается на внешних признаках деяния – способе, оружии, последствиях, – не уделяя достаточного внимания анализу того, какое именно общественное отношение подверглось нарушению [5]. Данная позиция подтверждается и обзорами судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, в которых систематически фиксируются ошибки именно такого рода.

Третью группу проблем образует разграничение преступлений, посягающих на честь, достоинство и деловую репутацию (статьи 128.1, 129, 130 в прежней редакции УК РФ, а также статья 152 ГК РФ) и иных составов, связанных с распространением ложных сведений. Особую сложность представляет разграничение клеветы (статья 128.1 УК РФ) и заведомо ложного доноса (статья 306 УК РФ): при внешнем сходстве – распространение заведомо ложных сведений – объекты этих преступлений принципиально различны. Объектом клеветы являются честь, достоинство и репутация конкретного лица, тогда как объектом заведомо ложного доноса – нормальная деятельность органов правосудия и предварительного расследования. Неверная оценка объекта ведёт к полной смене квалификации, что недопустимо как с точки зрения законности, так и справедливости уголовного преследования.

Четвёртую группу составляют проблемы разграничения преступлений, где объект посягательства сам по себе является дискуссионным в доктрине. Показательна в этом отношении продолжающаяся научная дискуссия об объекте хулиганства (статья 213 УК РФ). Уголовно-правовая наука не пришла к единому мнению о том, что именно является непосредственным объектом этого преступления: общественный порядок в широком смысле, общественная безопасность или конкретные личные блага потерпевших. От решения этого вопроса зависит разграничение хулиганства с умышленным причинением вреда здоровью, уничтожением имущества и рядом других составов. А.В. Бриллиантов указывал, что неопределённость в понимании объекта хули-

ганства порождает «квалификационный произвол», когда одно и то же деяние в зависимости от позиции конкретного правоприменителя квалифицируется принципиально по-разному. С этим суждением следует согласиться лишь частично: проблема состоит не столько в произволе, сколько в объективной сложности законодательной конструкции, требующей доктринального уточнения [1].

Отдельной проблемой является разграничение уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений, где критерием разграничения нередко служит именно объект посягательства. Например, мелкое хищение (статья 7.27 КоАП РФ) и уголовно наказуемое хищение (статьи 158-160 УК РФ) имеют единый объект — отношения собственности, – однако степень причинённого вреда и, соответственно, характер нарушения охраняемого отношения определяют принципиально различные правовые последствия. Смещение административного и уголовного запрета на практике влечёт либо необоснованное уголовное преследование, либо уклонение виновного от должной ответственности.

Помимо перечисленных типичных проблем, в правоприменительной практике встречаются трудности, обусловленные изменением законодательства. Декриминализация ряда деяний и введение новых составов нередко приводят к тому, что сложившиеся квалификационные стереотипы вступают в противоречие с обновлённой нормативной базой. В таких ситуациях ориентация на объект посягательства приобретает особое значение как устойчивый критерий, не зависящий от конкретного текстуального оформления нормы.

Необходимо также учитывать, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, будучи важнейшим инструментом унификации правоприменения, не всегда дают исчерпывающий ответ на вопросы разграничения смежных составов по объекту. Так, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о хищениях, о преступлениях против личности, о преступлениях против правосудия формулируют ориентиры, однако оставляют за правоприменителем значительное усмотрение, реализация которого без должного логико-правового анализа объекта неизбежно порождает ошибки [6].

Актуальность и масштаб упомянутой ранее ошибки в виде некорректной квалификации объекта преступления при смещении правовых режимов в условиях цифровизации достигает значительного уровня, поскольку подобные квалификационные сдвиги всё чаще встречаются в судебной практике по делам, связанным с компьютерной информацией, интеллектуальной собственностью, искусственным интеллектом, сетью «Интернет» и иными инновациями, что создаёт риск необоснованной уголовной ответственности и подрывает единообразие правоприменения. Показательным примером является случай, который встречается в приговоре Советского районного суда г. Липецка от 5 апреля 2022 г. по делу Складчикова К.В., осуждённого по ч. 1 ст. 272 УК РФ, где допущена ошибка в определении объекта преступления, которая была замечена лишь при кассационном рассмотрении (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2025 N 77-УД25-1-К1[4]), а именно, в определении суда было отмечено, что судом первой инстанции в приговоре в нарушение требований ст. 299 УПК РФ при описании преступного деяния допущены противоречия в объекте посягательства, поскольку общим объектом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие правомерный доступ, создание, хранение, модификацию, использование компьютерной информации самим создателем, потребление ее иными пользователями, тогда как суд при описании преступления указал иной объект преступного посягательства – отношения, возникающие в связи с использованием изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, регулирующие гражданским законодательством РФ – объектов авторского права (программы), иными словами, суд первой инстанции фактически подменил уголовно-охраняемый объект ст. 272 УК РФ объектом авторского права, что противоречит действующей диспозиции и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, а также правовому режиму правомерного доступа к компьютерной информации. Ошибка иллюстрирует проблему дифференциации объектов в информа-

тизированных составах, где компьютерная информация (ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») требует бинарного подхода: фактический (данные) и идеальный (права) режим.

Таким образом, проблемы разграничения смежных составов преступлений по объекту в правоприменительной практике носят системный характер и обусловлены как объективной сложностью законодательных конструкций, так и недостаточным вниманием правоприменителя к анализу содержания охраняемого общественного отношения. Преодоление этих проблем требует последовательного применения логико-правового инструментария, включая иерархический анализ объектов, разграничение основного и дополнительного объектов и корректное соотношение объекта с иными элементами состава преступления.

Несмотря на длительную историю доктринального осмысления, данный институт по-прежнему не утратил своей теоретической и практической актуальности: в условиях динамичного развития общественных отношений и непрекращающегося совершенствования уголовного законодательства вопросы правильного установления объекта преступления приобретают всё большую значимость. Проведённое исследование позволяет констатировать, что современное состояние данного института характеризуется сочетанием устойчивых теоретических основ, выработанных отечественной уголовно-правовой доктриной, и существенных прикладных проблем, проявляющихся в правоприменительной практике. С одной стороны, категория объекта преступления обладает разработанным понятийным аппаратом и чётко определённым местом в структуре состава преступления; с другой – искусственное создание новых норм права и практика квалификации смежных составов обнаруживает системные трудности, связанные с неоднозначностью законодательных конструкций и недостаточно последовательным применением логико-правового инструментария при анализе охраняемых общественных отношений.

Библиографический список

1. Бриллиантова А.В. Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Седьмой Международной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Склярова. – М.: РГУП, 2020. – С. 203.
2. Ефимцева Т.В. Государственно-частное партнерство: проблемы теории и практики // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 399.
3. Игнатенко И.И. Проблемы разграничения смежных составов преступлений / И.И. Игнатенко // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. – 2021. – № 8. – С. 176.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2025 N 77-УД25-1-К1 // Консультант.Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853856#UkphQIVoLXCVB4xn>.
5. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – С. 324.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Таркинский А.И. Проблемы разграничения грабежа и разбоя от смежных составов преступлений // Право и управление. – 2025. – № 1. – С. 230.
8. Ткаченко В.В. Уголовная ответственность за убийство: монография / В.В. Ткаченко, С.В. Ткаченко. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – С. 97.

THE SIGNIFICANCE OF THE OBJECT OF THE CRIME FOR THE CLASSIFICATION OF CRIMINAL OFFENCES: A LOGICAL AND LEGAL PERSPECTIVE AND PRACTICAL ISSUES

V.V. Pekareva, Graduate Student

Supervisor: S.D. Tsengel, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Herzen Russian State Pedagogical University

(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The classification of offences by object is not merely a legal task, but also a logical and analytical one, requiring law enforcement officials to adopt a systematic approach and strictly adhere to statutory criteria. The study of this topic is also relevant in the context of improving law enforcement activities: the development of uniform logical and legal algorithms for distinguishing crimes by object makes it possible to minimise subjectivity in classification, ensure consistency in judicial practice and improve the quality of preliminary investigations. Thus, research into this issue has both theoretical significance for the science of criminal law and a distinct practical application for the work of law enforcement agencies and courts, particularly in the era of digitalisation and the colossal scale of computer crime.*

Keywords: *object of offences; criminal law protection; social relations; elements of offences; digitalisation; the internet; crime; public safety.*

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Н.С. Пономарева, канд. юрид. наук, доцент

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-250-255

Аннотация. Статья посвящена исследованию аспектов профилактической деятельности следователей при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. В ней рассматриваются различные формы работы следователя по профилактике таких преступлений. В ходе анализа правоприменительной практики выявлены проблемные моменты в профилактической деятельности следователя, а также сформулированы соответствующие рекомендации. Внедрение рассмотренных предложений будет способствовать повышению эффективности работы следователя и улучшению качества расследования преступлений.

Ключевые слова: расследование преступлений; несовершеннолетний; профилактическая деятельность следователя; представление о принятии мер; этапы профилактической деятельности.

Обеспечение прав и свобод несовершеннолетних, защита детей от преступных посягательств является одним из приоритетных направлений деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации. Профилактическая деятельность следователя при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних представляет собой неотъемлемую часть процесса, направленного на предупреждение рецидива, защиту прав ребенка и устранение причин преступности. Ее реализация носит комплексный характер и регламентирована федеральным законодательством Российской Федерации [1].

На практике данная деятельность осуществляется в двух основных формах – процессуальной, которая включает внесение представлений в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 158 УПК РФ, и непроцессуальной (например, индивидуальные профилактические беседы с несовершеннолетними, использование коммуникационных возможностей средств массовой информации и т.д.).

Процессуальная форма профилактической деятельности следователя заключается в выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступления, в ходе расследования уголовного дела, и в принятии соответствующих мер для их устранения. В случаях, касающихся преступлений, совершенных несовершеннолетними, к таким обстоятельствам относятся условия и причины, способ-

ствующие формированию у несовершеннолетнего антиобщественных взглядов и привычек, а также возникновению и реализации преступного намерения, включая факторы, содействующие совершению преступления.

Можно выделить три ключевых этапа профилактической деятельности следователя при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними:

1. Выявление причин и условий преступления в ходе расследования. Это происходит параллельно с установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

2. Принятие мер к устранению выявленных обстоятельств соответствующими должностными лицами или организациями.

3. Контроль за выполнением этих мер со стороны следственных органов.

Необходимо отметить, что предмет доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних значительно шире общего предмета доказывания и требует установления дополнительных социально-психологических, физиологических, правовых и иных данных, что обусловлено особым порядком судопроизводства по делам этой категории, его регламентацией как общими, так и специальными правилами.

Судебная практика по делам данной категории проанализирована и разъяснена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1

«О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Судом указано, что по делам несовершеннолетних предъявляются повышенные требования к качеству предварительного следствия и судебного разбирательства, к соблюдению всех специальных правил производства следственных и судебных действий с участием подростков, обеспечения в разумные сроки качественного рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних [2]. Правовая защита несовершеннолетних требует установления обстоятельств, касающихся их жизненных условий и воспитания, состояния здоровья, а также других фактических данных и причин совершения преступных деяний. Это необходимо для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора, а также для принятия других мер, предусмотренных законом, с целью достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних.

С учетом изложенного, в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, совершённых несовершеннолетними, необходимо выявить причины и условия, способствующие их совершению. В частности, следует установить:

1. Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития, а также другие индивидуальные особенности его личности – факторы, оказавшие влияние на формирование склонностей к антисоциальному поведению. Начинать указанную работу следователю целесообразно с изучения и анализа биографии несовершеннолетнего обвиняемого (воспитание, условия быта, учеба, круг общения, привычки, увлечения, наклонности и т.д.).

2. Фактические сведения о воздействии на несовершеннолетнего со стороны старших по возрасту лиц, которые включают в себя характер взаимоотношений между взрослыми и подростком, наличие материальной, служебной или иной зависимости, а также случаи физического или психического принуждения, оказавших влияние на его волю и мировоззрение.

3. Мотивы и причины совершения общественно-опасного деяния, обусловленного

внутренними побуждениями, возникающими из потребностей и интересов человека, которые побуждают его к решению совершить преступление. Ими могут быть внешняя легкость, простота достижения преступного результата, возможность скрыться либо скрыть следы преступления, отсутствие моральных барьеров к совершению противоправных поступков в силу возрастных особенностей не сформировавшейся психики, негативное влияние средств массовой информации (СМИ), порой откровенно пропагандирующих преступный образ жизни с элементами псевдоромантики. Это может побудить подростка подражать противоправным действиям взрослых с криминальным прошлым.

4. Объективные условия, способствовавшие реализации подростком преступных намерений:

- безнадзорность, то есть отсутствие надлежащего контроля за подростком со стороны родителей или опекунов. Это может быть вызвано занятостью родителей, их антисоциальным поведением или пренебрежительным отношением к судьбе ребёнка и т.д. В таких случаях необходимо направление в подразделение по делам несовершеннолетних органов внутренних дел информации обо всех, ставших известными в ходе расследования, случаях ненадлежащего исполнения родителями своих обязанностей с целью последующего принятия к ним определенных законом мер;

- безнаказанность, то есть отсутствие должного реагирования со стороны взрослого окружения на антиобщественное поведение, что способствует формированию у подростка ощущения вседозволенности. Например, когда до привлечения к уголовной ответственности подростки уже совершили ряд правонарушений, которые ранее остались незамеченными, нераскрытыми, то есть им не дана надлежащая оценка со стороны взрослых либо общества. В результате несовершеннолетние, оценивая свою безнаказанность, совершают ещё более тяжкие преступления или их серию.

- вовлечение в совершение преступлений взрослыми лицами и подстрекательство со стороны несовершеннолетних сверстников;

- длительная незанятость подростков и неприятие необходимых по её обеспечению

мер лицами, в чьи обязанности входит решение вопроса об определении подростка на учебу либо его трудоустройство. Как правило, неработающие и необучающиеся подростки чаще совершают преступления.

Анализ этих и других установленных по делу обстоятельств является предметом внесения представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ по уголовным делам указанной категории. Согласно данной норме, следователь, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. В свою очередь, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, подчеркивая значимость профилактической работы с несовершеннолетними, обращает внимание на то, что данное полномочие следователя необходимо рассматривать прежде всего, как его служебную обязанность [3]. Как свидетельствуют статистические данные, в 2025 году следственными органами СК России передано в суд 5,5 тысяч уголовных дел в отношении подростков, что на 8% больше, чем в 2024 году. По внесенным следователями ведомства представлениям в органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, иные учреждения привлечены к дисциплинарной ответственности почти 5 тысяч должностных лиц [3].

Представление, как ключевой процессуальный документ, содержит выводы следователя о конкретных обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, и мерах по их устранению, и по своей юридической природе является процессуальным решением, обязательным к исполнению, лицами, которым оно адресовано.

Необходимо констатировать, что УПК РФ не устанавливает определенное количество представлений, которые могут быть направлены в соответствующие учреждения или должностным лицам в рамках расследования уголовного дела. Следовательно, практика внесения по одному делу нескольких представлений различным адресатам является

вполне обоснованной и в достаточной степени эффективной.

Каждое представление следователя должно быть индивидуальным по своему содержанию, с правовой точки зрения безупречным, аргументированным, логичным и понятным. При этом вызывает сомнение распространение практики использования стандартных шаблонов для данного процессуального документа.

При внесении представлений, а также при направлении других сопроводительных документов в различные государственные органы и учреждения, следователю предписывается неукоснительно соблюдать положения ст. 161 УПК РФ, касающиеся недопустимости разглашения сведений, полученных в ходе предварительного расследования. Публичное обнародование такой информации допускается исключительно при условии, что это не противоречит интересам предварительного следствия и не влечет за собой нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Представление о принятии мер по устранению причин и условий совершения преступления имеет властный характер и обязательно для исполнения всеми без исключения должностными лицами и гражданами, вовлеченными в орбиту уголовного процесса. Вместе с тем внесенное следователем представление может не достичь своей цели, если лица, в адрес которых оно направлено, формально подойдут к его исполнению. Эффективность во многом зависит от организации контроля за своевременным рассмотрением представлений и принятием по ним необходимых мер [4].

Представление считается исполненным с момента официального уведомления следователя соответствующей организацией или должностным лицом о результатах принятых мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Контроль за исполнением представления осуществляется тем должностным лицом, которое его вынесло, а также руководителем следственного органа.

Ключевыми причинами неисполнения или ненадлежащего исполнения должностными лицами законных требований, изложенных во

вносимых следователями представлениях, являются:

- незнание уголовно-процессуального законодательства должностными лицами и руководителями организаций;
- недостаточный контроль за исполнением представлений со стороны следователей и их непосредственных руководителей;
- преднамеренное игнорирование требований следователя о принятии мер, указанных в представлении.

Необходимо принимать меры к вручению представления адресату в возможно короткий срок. В случае неисполнения представления в установленный законом срок, следователю следует организовать направление соответствующему лицу напоминания о необходимости исполнения представления.

Профилактическая деятельность следователя не ограничивается только внесением представления. Профилактическое воздействие на несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) имеет особое значение. Эффективность этого воздействия зависит от способности учитывать индивидуальные особенности каждого подростка, а также его окружение и условия воспитания. Успех следователя в достижении целей индивидуальной беседы во многом определяется его умением выявлять и устранять причины и условия, способствующие попаданию несовершеннолетних в неблагоприятные обстоятельства.

Эффективность рассматриваемой формы профилактики зависит от выполнения ряда требований, среди которых основными являются:

- знание личности подростка, причин его поступков, семейного положения и других условий воспитания, влияния окружающей среды;
- умение установить с ним в процессе беседы психологический контакт;
- учет возраста несовершеннолетних, таких как: повышенная внушаемость, недостаточно развитая способность к обобщению и критической оценке ситуации, иногда неумение разобраться в своей собственной позиции, понять и объяснить мотивы своего неправильного поведения;
- проводимое общение должно иметь четкую цель – разъяснение правовой нормы по-

ведения подростка и последствия этого, критическая оценка поступка, осознание его антиобщественной направленности, отвлечение подростка от источников отрицательного влияния [5].

К иным направлениям профилактической деятельности следователя при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними также необходимо отнести:

- взаимодействие с другими органами и учреждениями системы профилактики (например, комиссиями по делам несовершеннолетних, органами опеки, образовательными учреждениями и другими субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних);

- проведение разъяснительных бесед. Разъяснительная работа следователя включает беседы с родителями, педагогами, другими несовершеннолетними, чтобы повысить правовую осведомленность и предотвратить подобные преступления в будущем. Акцент делается на таких аспектах, как ответственность за соучастие в преступлениях, незаконное обращение с оружием, хулиганство, преступления в состоянии алкогольного опьянения и др.

Также правовое просвещение содержит проведение профилактических бесед в образовательных учреждениях и участие в мероприятиях по правовой социализации подростков. Немаловажную роль играет работа с семьей несовершеннолетних, в частности, выявление неблагополучной семейной обстановки, рекомендации родителям по улучшению условий воспитания, а при необходимости – инициирование вопроса о лишении или ограничении родительских прав.

Одной из форм профилактической работы следователя может являться взаимодействие со СМИ, публикация информации в печати. Это позволяет информировать население о состоянии преступности среди несовершеннолетних, итогах расследования и результатах рассмотрения уголовных дел в суде. Публикация информации в печати может быть эффективным инструментом профилактики и играть важную роль в расследовании преступлений. СМИ позволяют в сжатые сроки обеспечить розыск несовершеннолетних лиц, причастных к совершению преступления; оказать профилактическое воздействие на отдельных руководителей, должностных лиц, а

также донести информацию до граждан, потенциально являющихся свидетелями, и побудить их к обращению в следственные органы или непосредственно к следователю; способствовать сообщению дополнительных сведений об обстоятельствах совершения преступления. Вместе с тем такая форма работы следователя требует тщательного подхода к выбору темы, формы подачи и соблюдения правовых норм. При принятии решения о публикации какой-либо информации, следователю следует руководствоваться индивидуальными особенностями, установленными по каждому конкретному делу.

Прямое взаимодействие с общественностью, включая работу с подростковой аудиторией, содействует решению профилактических задач посредством непосредственного контакта, что обеспечивает более эффективное воздействие, поскольку данный формат реагирования на обстоятельства, приведшие к совершению преступления, обладает не только информационно-управленческим, но и воспитательным, просветительским, психологическим и коммуникативным потенциалом. В связи с этим важной мерой профилактической работы выступают публичные выступления, доклады и лекции, проводимые в образовательных учреждениях и на предприятиях. При подготовке таких материалов рекомендуется использовать: анализ статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений, включая сведения по определенной территории (или коллективу) с указанием причин и условий, способствующих их совершению; соответствующую информацию

из материалов уголовных дел, научные публикации, касающиеся предупреждения виктимного поведения несовершеннолетних, а также личный опыт, полученный в ходе расследования уголовных дел, следователем.

Как показывает практика, среди проблем, снижающих эффективность профилактической деятельности, выделяют: отсутствие в представлениях конкретных причин и условий, способствовавших преступлению; ограниченный круг организаций, в которые направляются представления. В связи с этим для повышения эффективности рекомендуется: детально анализировать выявленные обстоятельства и четко формулировать рекомендации в представлениях; направлять представления в широкий круг организаций, учитывая специфику каждого случая; регулярно проводить обучение следователей, включая психологическую подготовку и изучение законодательства о профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, подводя итоги, следует констатировать, что профилактическая деятельность следователя включает комплекс мер, направленных не только на расследование конкретного преступления, но и на решение системных проблем, способствующих преступлениям среди несовершеннолетних. Проведение профилактической работы следователем при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, должно осуществляться в тесном взаимодействии с органами дознания и учреждениями, занимающимися профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
3. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sledcom.ru/>.
4. Гуменова Р.Р. О роли следственных подразделений в профилактике преступлений // Российский следователь. – 2023. – № 9. – С. 50-52.
5. Профилактическая деятельность следователей органов внутренних дел Российской Федерации по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и с их участием: методические рекомендации / Н.С. Пономарева, А.Н. Малышев, А.В. Шушминцев, Н.А. Моругина, У.Н. Ахмедов. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2016. – С. 20-21.

PREVENTIVE ACTIVITIES OF AN INVESTIGATOR IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY MINORS

N.S. Ponomareva, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the study of the aspects of preventive activities of investigators in the investigation of crimes committed by minors. It examines various forms of the investigator's work on the prevention of such crimes. During the analysis of law enforcement practice, problematic aspects in the preventive activities of the investigator were identified, and appropriate recommendations were formulated. The implementation of the proposals discussed will contribute to increasing the efficiency of the investigator's work and improving the quality of crime investigations.*

Keywords: *crime investigation; juvenile; investigator's preventive activities; proposal for taking measures; stages of preventive activities.*

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОРМЫ ПРАВА

М.Г. Потапов^{1,2}, канд. юрид. наук, канд. ист. наук, доцент

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

²Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-256-266

Аннотация. Определение понятия нормы права является одним из основных вопросов юридической науки, поскольку является значимым правовым средством регулирования общественных отношений. Однако предлагаемые учёными определения нормы права неоднозначны не только по их ключевым словам, но и по характеристикам (свойствам) данного явления. Попытки учёных сформулировать чёткое определение нормы права по-прежнему остаются актуальными и дискуссионными среди исследователей. В статье показаны неоднозначные подходы авторов к определению понятия нормы права. Основная задача настоящей работы заключается в анализе существующих подходов к определению нормы права, выявлении его смыслового содержания. Показано, что исследователи определяют норму права по главным членам предложений неоднозначно: правило поведения; предписание; веление; установление, что не может не осложнять правовое регулирование общественных отношений. При всех различиях в суждениях авторов о понимании нормы права они касаются закреплённого порядка действий и поступков людей, и потому в содержании данных терминов не может не идти речь о их правах и обязанностях, поскольку именно последние составляют или образуют так называемое «ядро», «зерно» этих правил поведения, предписаний, велений и установлений. В этой связи весьма важным являются вопросы понимания прав и обязанностей субъекта, которые представляют собой соответственно меру дозволенного, возможного или должного, необходимого поведения, и которые в свою очередь также имеют смысловую нагрузку. Сделан вывод о том, что норма права представляет собой правило поведения, означающее установленный порядок действий и поступков субъекта, которые основываются на его юридических правах, свободах и обязанностях, проявляющиеся в мере возможных, дозволенных, должных или необходимых деяний, имеющие пределы, границы своей реализации и закреплённые в предложении, совокупность которых составляет текст нормативного правового акта.

Ключевые слова: норма права; правило поведения; предписание; веление; установление; права и обязанности; мера возможного; дозволенного; должного и необходимого поведения.

Актуальность темы обусловлена значением норм права во многих сферах жизнедеятельности общества и государства, поскольку, являясь правовыми средствами (инструментами), позволяют субъектам: 1) регулировать и упорядочивать общественные отношения; 2) удовлетворять законные их потребности и интересы; 3) устранять противоречия «... между естественными ожиданиями людей, фактическими условиями жизни и целевыми установками законодателя» [24]; 4) обеспечивать правовой порядок, государственную и общественную безопасность. Вместе с тем понимание нормы права в юридической литературе определяется авторами неоднозначно.

Если обратить внимание на главные члены предложений в приведённых определениях понятия нормы права, то можно увидеть, что норма права это: 1) правило поведения [1, с. 286; 9, с. 804; 25, с. 159]; 2) предписание [5; 30]; 3) веление [4, с. 369; 7; 15, с. 110; 21, с. 28]; 4) установление [13; 18; 33]. Однако, что понимать под этими терминами, какую они имеют смысловую нагрузку?

Исследователь А.В. Краснов рассматривает термин «правило поведения» в двух основных значениях. В первом, «узком» смысле, правило поведения трактуется им как определённый масштаб, образец поведения, который находит своё отражение в диспозиции и, ча-

стично, в санкции нормы права, будучи закреплённым в различных элементах правовой нормы. Во втором, «широком» значении, правило поведения, по мысли автора, предстаёт как модель действий субъекта, которая учитывает не только условия осуществления этих действий, но и правовые последствия, наступающие как при их совершении, так и при несовершении (нарушении) [21, с. 15]. В этих своих суждениях А.В. Краснов, во-первых, не раскрывает смысловое содержание (понимание) правила поведения, его «масштаб», «образец» или «модель действий», во-вторых, соотносит эти правила, «масштабы», «образцы», «модели» с элементами нормы права, что представляется некорректным, поскольку гипотеза, диспозиция и санкция являются логической структурой нормы права, а сама норма внешне, как словесная структура, выражается в тех либо иных видах предложений совокупность которых составляет текст нормативного документа. Видимо именно поэтому А.В. Краснов пришёл к выводу, что «.. при рассмотрении нормы права как правила поведения мы сталкиваемся с некоторой терминологической неопределённостью, вызванной многоаспектностью используемых понятий» [21, с. 16].

По мнению В.М. Шафирова, «.. норма права складывается из двух разновидностей правил: 1) норма предписание (обязывающие и запрещающие нормы), 2) норма предложение (управомочивающие нормы)» [41]. Однако В.М. Шафиров не раскрывает смысловое содержание этих правил – нормы предписание, обозначая их обязывающими и запрещающими, и нормы предложения, обозначая их управомочивающими нормами. Здесь, с одной стороны, просматривается тавтология: норма – правило, правило – норма, с другой стороны, речь идёт о норме предписании и норме предложении, которые являются не правилами, а видами норм: обязывающие, запрещающие и управомочивающие [41], или способами правового регулирования [2; 17, с. 138].

Рассматривая термин «правило поведения» очевидно, что он состоит из двух слов «правило» и «поведение», каждое из которых имеет своё смысловое содержание. Слово «правило» имеет несколько значений: 1) «.. отправное положение, установка (курсив – П.М.), лежащее в основе чего-либо;

принцип, служащий руководством в чём-либо»; 2) «норма поведения», принятый кем-либо образ мыслей, *действий* (курсив – П.М.); обыкновение, привычка» [6, с. 952; 11]; 3) «.. постановление, предписание, устанавливающее *порядок* (курсив – П.М.) чего-либо» [12, 34, с. 614]. В философии под установкой понимается «.. состояние готовности, предрасположенности субъекта к определённой активности в определённой ситуации» [36], а порядок означает ясную и чёткую организацию «.. какой-либо сферы действительности (в отношении человеческого существования, например, его позитивные нравственные свойства» [14].

Порядок – это состояние организованности, дисциплины и последовательности действий людей в обществе. Это система, структура или метод организации вещей таким образом, чтобы обеспечить стабильность, эффективность и предсказуемость социальных процессов. Порядок в отношениях между людьми – это совокупность норм и правил, обеспечивающих гармоничное взаимодействие, взаимопонимание и уважение друг друга. Это состояние, при котором отношения между людьми характеризуются предсказуемостью, стабильностью и ясностью ожиданий сторон. Учитывая обозначенные трактовки, полагаем, что под словом «правило» можно понимать установленный порядок в отношениях между людьми и соответствующая ему последовательность действий субъекта.

Между тем нет однозначных суждений и по смыслу слова «поведение»: 1) «.. присущее живым существам *взаимодействие* (курсив – П.М.) с окружающей средой, включающее их двигательную активность и ориентацию по отношению к этой среде» [20]; 2) «.. *процесс взаимодействия живых существ* (курсив – П.М.) со средой с целью приспособления к ней и (у человека) её активного изменения» [28]; 3) «.. имеющая природные предпосылки, но в основе своей социально обусловленная *деятельность* (курсив – П.М.), типичной формой которой является труд, придающий психические регуляции человека» [36, с. 504]; 4) «.. *совокупность* внешне наблюдаемых *поступков и действий* (курсив – П.М.) отдельных индивидов и их групп, их определённую направленность и последовательность, так или иначе затрагивающих ин-

тересы других людей, социальных групп, социальных общностей или всего общества» [29]. На наш взгляд поведение – это действия и поступки человека в процессе своей жизнедеятельности.

Таким образом, под правилом поведения понимается установленный порядок действий и поступков человека, которые основываются на его правах и обязанностях. Следовательно, правило поведения – это установленные права и обязанности, которые определяют пределы действий и поступков человека. Правило поведения состоит из соотношения, корреляции взаимных прав и обязанностей субъектов, поскольку сами по себе права и обязанности в «отрыве» друг от друга реально существовать не могут, иначе они декларативны, фиктивны. Необходимо учитывать, что «.. субъективные права и юридические обязанности, установленные в правовой норме, корреспондируются: выполнение обязанностей одной стороной влечёт использование прав другой стороной. Вот почему можно назвать благими пожеланиями те права, которые не обеспечены реальными обязанностями соответствующих лиц» [17, с. 133].

Авторы определения нормы права по его ключевому слову «предписание» пишут, что это вид правила поведения или «отправного» установления, регулирующее общественные отношения; имеет свойство нормативности; рассчитанное на многократное применение [5; 10]. Иного мнения придерживается исследователь С.В. Фомина, которая определяет «предписание» как одно из средств (методов) правового регулирования общественных отношений, заключающееся в возложении на субъекта юридической обязанности по совершению им определённых действий, предусмотренных нормой права [37].

Таким образом, предписание может иметь нормативное и правоприменительное значение. В первом случае оно будет правилом поведения, включающим права и обязанности должностного лица по составлению и оформлению правоприменительного акта, в другом – документом уполномоченного субъекта, предписывающим контрагенту исполнения его обязанностей по устранению выявленных нарушений.

Определяя норму права по его главному члену предложения «веление», исследователи

говорят, что это предписание, регулирующее общественные отношения [4], а об «установлении» как о виде «особых» правил поведения и иных средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [33]. В этой связи можно согласиться с мнением А.А. Васечко о том, что многие так называемые ею «внутригосударственные» нормы права представляют собой правила поведения, являющиеся властными предписаниями, велениями, устанавливающие «.. определённый образ действия субъектов» [8].

Таким образом, при всех различиях в суждениях авторов о понимании нормы права в части её ключевых слов: «правило поведения», «предписание», «веление», «установление» по своему смысловому значению касаются закреплённого порядка действий и поступков людей, и потому в содержании данных терминов не может не идти речь о их правах и обязанностях, поскольку именно они составляют или образуют так называемое «ядро», «зерно» этих правил поведения, предписаний, велений и установлений. В этой связи весьма важным является вопрос понимания прав и обязанностей субъекта.

Исследователи в общем однозначно определяют понятие субъективного юридического права как установленной в норме права меры возможного, дозволенного поведения субъекта [3, с. 114; 17; 32; 40]. Проф. Р.О. Халфина обозначает две точки зрения в понимании сущности субъективного права. Одна из них определяет его сквозь призму возможности требования уполномоченным лицом от обязанных лиц определённых действий или воздержания от действий. Однако проф. Р.О. Халфина при этом замечает, что такое понимание не учитывает особенностей поведения самого обладателя права. Другая точка зрения, по мнению автора, фокусируется именно на положении субъекта права, подчёркивая, что субъективное право представляет собой гарантированную законом меру возможных действий данного лица. Согласно этому взгляду, субъективное право становится основой для реального поведения индивида, превращаясь из потенциального (абстрактного) в фактическое (реальное) поведение согласно его собственной воле. Несмотря на кажущееся расхождение этих точек зрения,

проф. Халфина утверждает, что оба подхода дополняют друг друга, отображая различные грани субъективного права как социального феномена [38, с. 226-227]. В этих своих суждениях автор не раскрывает смысловое значение меры дозволенного, возможного поведения субъекта.

По мнению проф. В.Д. Перевалова: «Мера означает границу, предел проявления чего-нибудь» [32].

Вместе с тем, применительно к субъективному юридическому праву, мера возможного, дозволенного поведения может означать: 1) допустимый предел свободных деяний (действий, бездействий) человека по его собственному усмотрению. Проф. С.С. Алексеев полагал, что: «Слово «мера» при определении субъективного права означает, что закреплённые за лицом юридические возможности не безграничны, они чётко обозначены по содержанию, в этих границах лицо может строить своё поведение» [3, с. 114]; 2) «.. вид и размер возможного поведения» [32].

На наш взгляд, термин «мера» применительно к дозволенному, возможному, допустимому, разрешённому поведению субъекта может быть раскрыт в трёх значениях:

1) мера как соотношение потребностей и возможностей субъекта. В данном контексте мера отражает связь между желаемым интересом и реально допустимым поведением субъекта, и наоборот. Иллюстрацией служит ситуация, когда субъект желает приобрести дом, но он не располагает необходимыми средствами, либо он имеет средства на покупку козы, но такое приобретение не входит в сферу его интересов. Здесь материальные возможности субъекта корректируют его желания. Мера возможного, дозволенного поведения субъекта можно также представить в качестве диалектического единства и противоречия в его потребностях и возможностях. В этом случае мера фиксирует корреляцию между интересом (стремлением, желанием) субъекта и объективно обусловленными его возможностями, границами поведения, и наоборот. Примером выступает ситуация, когда стремление субъекта к обладанию определённым материальным благом ограничено его экономическими ресурсами или их отсутствие не порождает у субъекта соответствующего интереса. В иных правоотношениях, напри-

мер, при создании произведений литературы, науки или искусства, на первый план выходят интеллектуальные устремления и способности субъекта в создании творческого продукта, который может иметь положительные и отрицательные качества, характеристики. В сферах, связанных с интеллектуальной или творческой деятельностью (например, научное или художественное творчество), доминирующим становится соотношение внутренних способностей, мотивации и ценностных ориентаций субъекта, которые и выступают в качестве определяющих возможностей;

2) мера как качественная и количественная характеристика дозволенного. Здесь «мера» определяет, во-первых, вид дозволенного действия (например, право работника на получение зарплаты или на оформление отпуска), а во-вторых, его размер (конкретная сумма денежного вознаграждения за труд или установленное количество дней отдыха). Мера возможного поведения субъекта можно также представить в качестве интегральной характеристики дозволенного, включающую качественные и количественные параметры. Здесь «мера» определяет: а) качественный аспект: вид субъективных прав или дозволенных действий субъекта (например, право на труд, на отдых, на создание результата интеллектуальной деятельности); б) количественный аспект: конкретные пределы или объём такого дозволения (размер оплаты труда, продолжительность отпуска, объём выделяемых ресурсов);

3) мера как степень свободы собственного усмотрения (самоопределения) субъекта. В этом значении мера представляет собой определённый уровень автономности, самостоятельности субъекта при выборе им варианта правомерного поведения (действия или бездействия). К примеру, покупатель вправе по своему усмотрению выбрать и приобрести понравившуюся вещь в магазине, но может и отказаться от покупки. Решение в данном случае принимается исключительно на основе его собственной воли.

Таким образом, применительно к субъективному праву термин «мера» выполняет инструментальную роль в конкретизации правовых возможностей и дозволений, выступая неким «медиатором» между абстрактной нормой, её «моделью», «образцом» и индивидуальным поведением субъекта, и отражает

динамическое соотношение между интересами, стремлениями, желаниями субъекта, объективными условиями их реализации и параметрами, критериями правового регулирования общественных отношений.

В соответствующих источниках информации также прослеживается консенсус авторов относительно дефиниции юридической обязанности, которая традиционно трактуется как предусмотренная нормой права мера должного (необходимого, требуемого) поведения субъекта [3, с. 125-126; 17, с. 191; 39]. Тем не менее, исследователи не раскрывают смыслового значения и содержательное наполнение категории «меры должного поведения», что требует дополнительного анализа и уточнения. Концептуально мера должного поведения субъекта может быть определена в трёх основных аспектах:

1) мера как релятивный (сравнительный, сопоставительный) критерий в соотношении между требуемым и фактическим исполнением должного, между требуемым стандартом (нормой) и реальным исполненным действием. Иными словами, это степень соответствия результата деятельности предъявляемым требованиям. В данном контексте мера должного поведения выступает в качестве критерия соответствия между предписанными нормами (стандартами качества, сроками) и реальными действиями субъекта. Например, оценка выполнения работником трудовых функций с точки зрения соблюдения стандартов качества и установленных сроков;

2) мера как количественно-видовой критерий должного поведения субъекта, который конкретизируется через: а) вид (форму) должного поведения – характер предписанного действия. Например, обязанность работодателя выплатить заработную плату или предоставить отпуск; б) размер (объём) должного поведения – его количественное выражение. Например, конкретный размер денежного вознаграждения или установленное количество дней отдыха, подлежащих предоставлению;

3) мера как функционально-ограничительный критерий, как степень социально полезной активности субъекта и предел допустимого ограничения его свободы. Данный аспект характеризуется двойственной природой: с одной стороны, это степень необходимой ак-

тивности, выражающаяся в совершении социально полезных и правомерных действий (например, своевременная уплата налогов, внесение коммунальных платежей, целевое использование жилого помещения, оплата проезда), с другой стороны, это мера ограничения свободы выбора, определяющая границы допустимого поведения. Она проявляется в необходимости соблюдения установленных запретов и воздержания от действий, способных причинить вред. Например, обязанность участника дорожного движения подчиняться сигналам светофора, недопустимость сквернословия или причинения морального и материального вреда иным субъектам правоотношений.

Норма права, закреплённая в нормативном правовом акте, представляет собой предложение, содержащее абстрактную структуру правового отношения, включая его субъектный состав, объект и содержание по субъективным юридическим правам и обязанностям, и потому является «моделью», «образцом» таких отношений. В реальном, практическом правовом отношении эта модель конкретизируется и реализуется. По мнению проф. Р.О. Халфиной, общая юридическая норма обретает своё действительное существование лишь тогда, когда она реализуется в конкретной ситуации, определяющей поведение участников правовых отношений [38, с. 217]. Эти субъекты либо проявляют собственную волевую активность, обусловленную нормами, либо испытывают последствия своих действий. Таким образом, норма права, изначально имеющая общий характер, превращается в элемент конкретного правоотношения посредством юридических фактов. Это соотношение абстрактной конструкции субъективных прав и обязанностей с их реальной юридической реализацией в рамках конкретных общественных отношений помогает выявить уровень правовой регламентации данных отношений. Важно отметить, что такая модель не предполагает априорной точности соответствия теоретической конструкции реальности. Напротив, исследование практических последствий применения правовых норм позволяет выявлять дефекты и видеть направления дальнейшего их совершенства в тексте правового документа и его эффективной реализации в отношениях между субъектами [38,

с. 259]. Следовательно, субъективные юридические права и обязанности, и в «абстрактной модели» (норме права), и в реальных, фактических условиях правового отношения, являются так называемыми его «двумя полюсами» «.. как взаимной юридической связи», в которой управомоченный «носитель возможности» может совершать «известные» дозволенные действия, а правообязанный должен их исполнять. Если субъективное юридическое право не обеспечено юридической обязанностью, и по «модели», и реально, фактически, то в этом случае оно (это право) будет фикцией, декларацией, и по сути, не будет являться субъективным правом, а составлять «простую» «.. дозволенность (разрешённость, незапрещённость), которая вытекает из действующего в обществе правопорядка по принципу «что не запрещено, то разрешено» [17, с. 191], т.е. определённую меру свободы действий.

Термин «свобода» также определяется исследователями неоднозначно: 1) «.. личная *независимость* (курсив – П.М.) людей в сфере действия общеобязательной нормы» [19]; 2) «.. отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению ..; *возможность действовать* (курсив – П.М.) в какой-либо области без ограничений, запретов, беспрепятственно ..» [6, с. 1161]; 3) «.. *способность человека действовать* (курсив – П.М.) в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости» [36, с. 595]; 4) «.. возможность *проявления субъектом воли* (курсив – П.М.) в условиях осознания законов развития природы и общества» [34, с. 614]. Однако, независимость человека; его возможность проявлять волю и действовать по своему усмотрению, исходя из требований норм права, являются не абсолютными, а ограниченными дозволениями поскольку они должны не нарушать прав и свобод других субъектов. Действительно свобода одного человека размахивать руками кончается, ограничивается, «останавливается» у кончика носа другого субъекта; свобода слова одного человека должна заканчиваться его мыслью об оскорблении, унижении другого субъекта или там, где она начинает причинять или с высокой вероятностью может причинить конкретный, значительный

вред правам, безопасности, чести, достоинству или репутации другого человека или общества в целом, в противном случае речь может идти о свободе совершать правонарушения, что исключается в цивилизованном обществе.

В рамках анализа антропологических и политико-правовых концепций отмечается, что в условиях демократического устройства общества неограниченная реализация прав и свобод, лишённая сдерживающих духовно-нравственных оснований, может приводить к последствиям, противоположным их гуманистическому предназначению. Как подчёркивается в научной литературе, подобная ситуация «.. не только не возвышает человека в его достоинстве, но часто служит одним из эффективных средств его духовно-нравственного разложения и унижения» [27]. Данный тезис находит своё развитие в работах проф. А.И. Осипова, который акцентирует внимание на ценностном измерении свободы. По мнению исследователя, свобода деятельности, вероисповедания, «.. слова, печати и проч., не подчинённые идее любви к человеку», утрачивает свой конструктивный потенциал. В результате она «оказалась большей частью в плену порока, «золотого тельца» и других идолов», трансформируясь из общественного блага в деструктивный инструмент. Отсутствие духовно-нравственных императивов, таким образом, создаёт предпосылки для использования правовых дозволений в качестве «узаконенного орудия зла», инструмента пропаганды девиантных, извращённых форм поведения и насилия [22].

Необходимо проводить грань различий между добром и злом, хорошим и плохим, правдой и ложью (обманом, кривдой), нравственностью и безнравственностью, справедливостью и несправедливостью, благодушием и ненавистью, свободой и рабством, оскорблением и допустимой критикой, честью и бесчестьем, разжиганием ненависти и допустимым высказыванием, правом и бесправием, правами и обязанностями, личным и публичным, долгом и желанием, ответственностью и безответственностью. В нормах права должны быть отражены терминологические различия и смысловая нагрузка приведённых терминов. Есть ли в нормах права определения понятий этим терминам, которые бы поз-

воляли проводить грань различий между ними?

В названных независимостях, возможностях и дозволениях весьма важное значение имеют не только нормы права, но и разум, рассуждения и совесть человека, уровень его сознания, воспитания и культуры. Так, с одной стороны, по мнению В.И. Ленина: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя... В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной» [16]. С другой стороны: «Свобода, которая не ограничена любовью, пишет проф. А.И. Осипов, страшна... Она закономерно превращается в свободу страстей, в произвол, поскольку жизнь без любви и тем более вопреки ей есть ненормальность, беззаконие или грех» [23].

В процессе правового регулирования общественных отношений необходимо разграничивать пределы допустимого (мера возможного поведения) и должного (мера необходимого поведения). Ключевым условием эффективной реализации правовых норм выступает гармоничная корреляция данных категорий. Отсутствие их чёткой дифференциации нивелирует возможность разграничения прав и обязанностей, что на практике детерминирует принятие ошибочных решений в ходе межсубъектных взаимодействий. Указанная проблематика приобретает особую актуальность применительно к регламентации общих, должностных и специальных прав и обязанностей военнослужащих.

Проблема конвергенции (совмещения) прав и обязанностей у одного и того же субъекта, по одному и тому же вопросу уже обозначалась автором в одной из своих публикаций [26]. В частности, в рамках исследования дисциплинарно-правовых отношений между военнослужащими особое внимания заслуживает анализ положений Дисциплинарного устава Вооружённых Сил Российской Федерации (далее – ДУ), регламентирующих полномочия командира (начальника) по вопросу поощрения личного состава. Изучение текста ДУ выявляет определённую нормативную бинарность (двойственность) в определении природы данных полномочий. С одной стороны, в статьях 21-25 ДУ закреплены меры по-

ощрения как субъективное право командира, реализуемое по его собственному усмотрению (дискреционные полномочия). С другой стороны, в статье 17 ДУ указана обязанность командира использовать поощрительные меры по отношению к подчинённым военнослужащим, поскольку своевременное и обоснованное поощрение рассматривается как элемент его воспитательной и дисциплинарной функции. Подобная дуалистическая регламентация порождает научно-правовую неопределённость в правах и обязанностях: является ли поощрение подчинённых правом командира или это его обязанность? Если поощрение – это право командира, то его реализация зависит от его усмотрения. Если же поощрение подчинённых – это обязанность командира, то её невыполнение при наличии законных оснований должно квалифицироваться как дисциплинарный проступок, влекущий установленную законом юридическую ответственность. Представляется, что разрешение обозначенной коллизии требует исключения правовой двойственности. Для обеспечения единообразия правоприменительной практики и чёткого понимания пределов должностных полномочий необходимо однозначное нормативное закрепление данного института: поощрение подчинённых должно быть определено либо как дискреционное право командира, либо как его безусловная юридическая обязанность.

В соответствии со ст. 13 Устава внутренней службы (далее – УВС) военнослужащие в соответствии с законодательством *могут* (курсив – П.М.) применять оружие лично, а командиры (начальники) *приказать* (курсив – П.М.) подчинённым применить оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости для отражения вооружённого нападения на охраняемые государственные и военные объекты, а также на расположения воинских частей. В этом предложении слово «могут» означает не обязанность, а право применять оружие, т.е. допускается вариант его неприменения. И если в данном случае оружие не применено, то возникает ряд вопросов – почему оружие не применено и наступит ли юридическая ответственность за нереализацию, неиспользование такого права, поскольку обязанности применения оружия

нет? Иначе обстоит с правом командира отдать приказ подчинённым применить оружие. Здесь, с одной стороны, приказ это распоряжение командира (начальника), обращённое к подчинённым, требующее *обязательного* (курсив – П.М.) выполнения определённых действий; исполнения военным служащим обязанности беспрекословно его выполнять (абзац 4 ст. 16, статьи 34, 39 УВС), с другой, ст. 332 Уголовного кодекса РФ (далее – УК) установлена уголовная ответственность за неисполнение подчинённым приказа начальника. При этом приказ признаётся таковым, если судом будет установлено, что он соответствует законам и другим нормативным правовым актам (по содержанию, цели и средствам исполнения), требования, содержащиеся в нем, связаны с военной службой, а также соблюдены форма, условия и порядок (процедура) его отдачи в письменном виде, устно или по техническим средствам связи одному или группе военным служащих, что предусмотрено п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

Необходимо также учитывать, что лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несёт уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность (ч. 2 ст. 42 УК). Заведомо незаконным приказом начальника считается приказ, направленный на совершение преступления или нарушение законодательства Российской Федерации либо не имеющий отношения к исполнению обязанностей военной службы при условии осознания этих обстоятельств подчинённым, что закреплено в абз. 4 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

В действующем законодательстве просматривается неопределённость в дифференциации прав и обязанностей в структуре полномочий должностных лиц. Фактически права в данном контексте одновременно выступают в качестве обязанностей, а обязанности — в качестве прав, что создаёт предпосылки для

их неоднозначного (произвольного) толкования. Подобная нормативная неопределённость предоставляет самим должностным лицам возможность интерпретировать объем собственных полномочий на основе субъективного усмотрения: в зависимости от личного понимания и конкретной ситуации одни и те же предписания могут расцениваться либо как субъективные права, либо как юридические обязанности. Указанное обстоятельство оказывает непосредственное влияние на процесс принятия решений и может выступать фактором, способствующим нарушению как общего принципа юридического равенства, так и специфики военно-правовых отношений, в особенности касающейся баланса прав и обязанностей между командирами (начальниками) и их подчинёнными.

В нормативных правовых актах существуют также и другие правовые неопределённости в правах и обязанностях субъектов. Так, по ч. 1 ст. 7 Конституции РФ политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Создание таких условий — это право или обязанность государства, и что понимать под этими условиями? Если это право государства по созданию обозначенных условий, то его органы могут создавать либо не создавать этих условий, если это их обязанность, то должна быть установлена юридическая ответственность за её невыполнение либо ненадлежащее выполнение.

В качестве примера неопределённости в правах и обязанностях субъектов можно также привести раздел третий Семейного кодекса РФ, который называется права и обязанности супругов, но его главы и статьи касаются равенства супругов, права выбора их фамилии при заключении брака, «режима» имущества и ответственности по их имущественным обязательствам. Здесь о правах и обязанностях супругов речь не идёт.

Следует констатировать, что правовая неопределённость в разграничении прав и обязанностей субъектов, а также одновременное закрепление за одним и тем же лицом и прав, и обязанностей в отношении одного и того же предмета правового регулирования, по своей сути нивелирует саму юридическую конструкцию правоотношения, построенную по принципу «управомоченный – обязанный». В

подобной ситуации правоотношение не возникает и не может возникнуть, поскольку, с одной стороны, исключается возможность дозволенного поведения в отношении самого себя, а с другой – утрачивается исполнимость должностования, обращённого к себе же. Фактически реализация соответствующих прав и обязанностей ставится в исключительную зависимость от субъективного усмотрения, что порождает состояние правовой неопределённости.

Учитывая изложенное полагаем что, норма права представляет собой правило поведения, означающее установленный порядок действий и поступков субъекта, которые основываются на его юридических правах, свободах и обязанностях, проявляющиеся в мере соответственно возможных, дозволенных или должных, необходимых деяний, имеющие пределы, границы своей реализации и закреплённые в предложениях, совокупность которых составляет текст нормативного правового акта.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах, Т I. – М.: Юрид. Лит., 1982.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. 2. – М.: Юрид. Лит., 1982.
4. Бабаев В.К. Глава 20. Нормы права / Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 1999.
5. Байтин М.И. Лекция 13. Нормы права / Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997.
6. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000.
7. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. – 2014. – № 4.
8. Васечко А.А. Норма права как юридическая, логическая и грамматическая конструкция // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1.
9. Варламова Н.В. Правовая норма / Юридическая энциклопедия. Под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: «Юрист», 2001.
10. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novosibirsk.izbirkom.ru/upload/iblock/5bc/glossariy_yuridicheskikh_terminov.pdf.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. Т. 3. – М.: «ТЕРРА», 1994.
12. Добрынин Н.М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. – Новосибирск: Наука, 2012.
13. Илалутдинов А.И. Современное понимание нормы права и её структуры в контексте обеспечения единства судебной практики // Научный Татарстан. – 2010. – № 1.
14. Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Энциклопедия», 1994.
15. Красников Н.И., Шишкина Н.В. Теория государства и права: учеб, пособие. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014.
16. Ленин В.И. С чего начать? Партийная организация и партийная литература. О характере наших газет. – М.: Политиздат, 1972.
17. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрист, 2004.
18. Миронов В.О., Зин Н.В. Понятие и структура нормы права // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 6(162).
19. Нерсесянц В.С. Свобода / Юридическая энциклопедия. Под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: «Юрист», 2001.
20. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, РИПОЛ КЛАССИК, 2004.

21. Нормы права: теоретико-правовое исследование: Монография / отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов; Рос. акад. правосудия. — М.: РАП, 2014.
22. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
23. Осипов А.И. Свобода христианина, свобода Церкви и религиозная свобода // Журнал Московской Патриархии. — 2001. — № 7.
24. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Журнал «Российское право: образование, практика, наука». — 2017. — № 5.
25. Перевалов В.Д. Глава 15. Нормы и формы (источники) права. Система права и система законодательства / Теория государства и права: Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. — М.: Норма, 2006.
26. Потапов М.Г. Проблемы кодификации военного права // Военное право. — 2025. — № 2 (90). — С. 64-65.
27. Потапов М.Г. Научно-теоретические проблемы правового регулирования защиты чести и достоинства человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 3-1 (54).
28. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Сов. Энциклопедия, 1986.
29. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов и др. — Минск: Книжный дом, 2003. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/1157/povedenie-socialnoe.htm>.
30. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001.
31. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / под ред. проф. Р.Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020.
32. Теория государства и права: Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. — М.: Норма, 2006.
33. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / под ред. Р.Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020.
34. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. — М.: «Аделант», 2013.
35. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.И. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — С. 708. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book140184/#page/840/mode/1up>.
36. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичёв. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
37. Фомина С.В. Предписание / Юридическая энциклопедия. Под ред. Б.Н. Топорнина. — М.: «Юрист», 2001.
38. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. — М.: Юридическая литература, 1974.
39. Четвернин В.А. Обязанность юридическая / Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. — М.: Юрист, 2001.
40. Четвернин В.А. Субъективное право / Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. — М.: Юрист, 2001.
41. Шафиров В.М. Общее учение о норме права и современное (интегративное) правопонимание // Вопросы правоведения. — 2013. — № 2(18).

PROBLEMS OF DETERMINING LEGAL RULES

M.G. Potapov^{1,2}, *Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*

¹**Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation**

²**Novosibirsk Law Institute (branch) Tomsk State University
(Russia, Novosibirsk)**

Abstract. *The definition of the concept of a legal norm is one of the main issues in legal science, as it is a significant legal means of regulating social relations. However, the definitions of a legal norm proposed by scholars are ambiguous not only in terms of their keywords, but also in terms of the characteristics (properties) of this phenomenon. Attempts by scholars to formulate a clear definition of a legal norm remain relevant and controversial among researchers. This article explores the diverse approaches of authors to defining the concept of a legal norm. The main objective of this work is to analyze existing approaches to defining a legal norm and identify its semantic content. It has been shown that researchers define the rule of law ambiguously in terms of the main members of sentences: a rule of conduct; an instruction; a command; and an establishment, which cannot but complicate the legal regulation of social relations. Despite the differences in the authors' opinions on the understanding of the rule of law, they all refer to the established order of people's actions and deeds, and therefore the content of these terms cannot help but include their rights and obligations, as these are the very things that make up or form the so-called "core" or "essence" of these rules of conduct, regulations, commands, and establishments. In this context, it is crucial to understand the rights and obligations of the subject, which represent the measure of permissible, possible, or necessary behavior, and which also carry a significant meaning. It is concluded that a legal norm is a rule of conduct that means the established order of actions and deeds of a subject, which are based on his legal rights, freedoms, and obligations, manifested in the extent of possible, permitted, due, or necessary actions, which have limits and boundaries of their implementation and are enshrined in a proposal, the totality of which constitutes the text of a regulatory legal act.*

Keywords: *legal norm; a rule of conduct; a prescription; an order; an establishment; rights and obligations; and a measure of possible; permitted; proper; and necessary behavior.*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА УЧАСТНИКОВ СВО

С.А. Саетгареева, студент

Л.Б. Еникеева, старший преподаватель

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-267-271

Аннотация. Предметом исследования являются проблемы наследования имущества участников специальной военной операции. В работе применялись формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод анализа судебной практики. Рассматриваются такие аспекты, как трансформация института открытия наследства, состав наследственной массы и раздел наследственного имущества. Основными выводами являются: необходимость законодательного закрепления специальных правил определения места открытия наследства для участников СВО; целесообразность расширения наследственного правопреимства на все неполученные при жизни выплаты; обоснованность судебной практики, распространяющей режим совместной собственности супругов на имущество, предоставленное ветеранам боевых действий.

Ключевые слова: наследование; специальная военная операция; участник СВО; наследственное право; открытие наследства; срок принятия наследства; наследственная масса.

Одной из проблем современной юриспруденции является правовое регулирование наследования имущества участников Специальной военной операции (далее – СВО). Особенности правового режима наследования в данном случае обусловлена экстраординарными обстоятельствами: нередкой невозможностью достоверно установить дату смерти, спецификой документооборота, неопределенностью правовой природы отдельных выплат, предоставленных государством. Законодатель предпринял шаги по упрощению наследственных процедур для данной категории наследодателей с учетом этих обстоятельств, однако судебная практика выявила ряд пробелов и коллизий, требующих научного анализа.

1. Трансформация института открытия наследства для участников СВО

Статья 1114 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] закрепляет, что «временем открытия наследства является момент смерти гражданина», а местом открытия – его последнее место жительства (ст. 1115 ГК РФ). Применительно к участникам СВО применение этих общих норм на практике породило существенные трудности.

Во-первых, факт гибели военнослужащего в условиях боевых действий не всегда может быть зафиксирован немедленно; известны ситуации, когда лицо числилось пропавшим без вести длительное время, а запись акта о смер-

ти вносилась в реестр ЗАГС спустя месяцы. В результате наследники пропускали установленный шестимесячный срок для принятия наследства и были вынуждены обращаться в суд для восстановления своих прав [5]. А.А. Клишас верно отметил, что «документы, извещающие о смерти участника СВО, нередко приходят гораздо позднее дня гибели, и наследникам должен быть предоставлен внесудебный механизм восстановления срока» [7, с. 1]. Для устранения указанной проблемы законодатель ввел специальное правило: наследство указанных категорий лиц открывается с даты составления записи акта гражданского состояния о смерти, если в соответствии с документами установленной формы дата смерти неизвестна либо отличается от даты составления этих документов более чем на три месяца [11].

Данная законодательная новелла закрепляет юридическую фикцию момента открытия наследства, привязывая его не к фактическому дню наступления смерти, а к дате ее государственной регистрации. Такое отступление от общего правила продиктовано необходимостью обеспечить социальную защиту наследников участников специальной военной операции.

Во-вторых, нерешенным остается вопрос об определении места открытия наследства участников СВО, поскольку в подобных

условиях установить его по классическому критерию последнего места жительства становится затруднительным: де-юре наследодатель мог быть зарегистрирован по адресу в одном субъекте федерации, де-факто – проживать на территории воинской части в другом регионе либо погибнуть в месте, точные координаты которого не зафиксированы документально. Данное обстоятельство вынуждает наследников обращаться в суд для установления юридического факта места открытия наследства. Примером служит дело, рассмотренное в августе 2025 г. в Челябинской области: нотариус отказал матери погибшего участника СВО в выдаче свидетельства, сославшись на то, что в деле нет сведений о постоянном месте жительства ее сына, погибшего в зоне специальной военной операции. После вмешательства прокуратуры суд установил место открытия наследства, определив его по адресу, где военнослужащий фактически проживал на момент заключения контракта [4]. Мы считаем, что целесообразно законодательно закрепить специальное правило определения места открытия наследства для участников СВО: при отсутствии документально подтвержденного постоянного места жительства таковым предлагается считать последнее место жительства, указанное в заявлении наследника, либо место дислокации воинской части, где погибший проходил службу.

2. Проблемы состава наследственной массы: «специальные выплаты» и их правовая природа

Одним из дискуссионных вопросов является определение состава наследственной массы участника СВО. Речь идет прежде всего о единовременных выплатах, назначенных военнослужащему при жизни, но не полученных им, а также о выплатах, полагающихся членам семьи в связи с его гибелью. Согласно ст. 1112 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Однако права, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты и право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, в состав наследства не входят.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев дело № 88-8207/2025, пришел к однозначному выводу: единовременная выплата за ранение в размере 3 млн руб., предусмотренная Указом Президента Российской Федерации [9], не включается в состав наследственной массы, поскольку данная выплата носит строго личный характер, предназначена исключительно для самого военнослужащего и подлежит назначению на основании его личного рапорта. Суд указал, что погибший не обращался за выплатой при жизни, приказ о ее назначении не издавался, следовательно, право на такую выплату не может быть передано по наследству [3].

Данная позиция суда представляется логичной и соответствует классическим представлениям о наследовании прав, неразрывно связанных с личностью. Однако нельзя не отметить, что в юридической литературе высказываются и иные мнения. Мы полагаем, что буквальное толкование закона в данной ситуации противоречит самому духу социального законодательства, призванного защищать семьи погибших военнослужащих. Именно на это обстоятельство обращает внимание и Комитет семей воинов Отечества, который под руководством Ю.А. Белеховой на постоянной основе ведет работу по обобщению правоприменительной практики и выявлению системных проблем в сфере защиты прав наследников [12]. В рамках этой деятельности Комитет формулирует и вносит в Государственную Думу предложения по дополнению и изменению законодательства РФ, в том числе касающиеся расширения наследственного правопреемства на все неполученные при жизни выплаты, за исключением случаев, прямо оговоренных в законе.

Особый интерес представляет проблема выплат, полагающихся членам семьи погибшего в силу специальных нормативных актов. В апреле 2024 г. Президент России своим указом уточнил категории родственников, имеющих право на единовременную выплату в случае гибели участника СВО: первоочередное право получили совершеннолетние дети, а при их отсутствии – братья и сестры [10]. Депутатами от «Справедливой России» во главе с С.М. Мироновым в Государственную Думу внесен законопроект о «резервном» порядке выплат страховой суммы и единовременного

пособия наследникам погибших военнослужащих. Как указано в пояснительной записке, действующее законодательство ограничивает круг получателей выплат узким перечнем лиц, и при отсутствии супругов, родителей и несовершеннолетних детей выплаты не производятся, несмотря на наличие других родственников. Законопроект предусматривает установление механизма, при котором средства будут направляться наследникам в порядке очередности, установленной Гражданским кодексом, в равных долях [8].

Представляется, что принятие данного законопроекта позволило бы устранить существующую несправедливость и обеспечить переход неполученных наследодателем сумм к его наследникам по закону, что в большей степени соответствовало бы принципу универсального правопреемства.

3. Проблемы раздела наследственного имущества между наследниками

Анализ судебной практики по спорам между наследниками участников СВО позволяет выявить несколько типичных правовых коллизий. Одна из них связана с выделом супружеской доли в имуществе, приобретенном наследодателем в статусе ветерана боевых действий.

Примером является дело, рассмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан. Супруга участника СВО, объявленного умершим в судебном порядке, обратилась с иском к дочерям наследодателя от первого брака о признании за ней права собственности на 1/2 доли земельного участка. Нотариус отказал в выделе супружеской доли, мотивировав это тем, что участок приобретен наследодателем на безвозмездной основе как ветераном боевых действий. Суд не согласился с такой квалификацией и удовлетворил иск, указав, что «предоставление земельного участка ветерану боевых действий как лицу, обладающему таким статусом, не меняет правовой природы имущественных отношений, сложившихся между супругами, и не свидетельствует о безвозмездности сделки, исключающей участок из состава совместно нажитого имущества. Земельный участок, полученный в собственность на основании административного акта, подчиняется общему правилу статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации и по-

ступает в совместную собственность супругов, если не доказано иное» [1].

Данная правовая позиция суда заслуживает внимания, поскольку она распространяет общий режим совместной собственности супругов на земельные участки, предоставленные ветеранам боевых действий. Это имеет особое значение для семей участников СВО, где имущество зачастую приобреталось именно на основании льгот, предоставленных государством.

Другая острая проблема – признание наследника недостойным (ст. 1117 ГК РФ). Изучение судебной практики позволяет сделать вывод о том, что иски такого рода нередко встречаются в делах о наследовании имущества погибших участников СВО. Третий кассационный суд общей юрисдикции отменил апелляционное определение по делу о признании недостойным наследником отца погибшего военнослужащего, указав, что при новом рассмотрении необходимо выяснить, исполнял ли ответчик обязанности родителя, участвовал ли в материальном обеспечении сына до достижения им совершеннолетия [6]. Таким образом, кассационная инстанция ориентировала нижестоящие суды на более тщательное исследование обстоятельств дела, что способствует формированию справедливой правоприменительной практики.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет констатировать наличие ряда существенных проблем в сфере наследования имущества участников Специальной военной операции, каждая из которых требует правовых средств разрешения. Следует отметить, что рассматриваемая сфера правового регулирования находится в стадии активного становления: нормативная база начала формироваться сравнительно недавно, процесс внесения законодательных изменений далек от завершения, и законодателю предстоит значительный объем работы по устранению выявленных пробелов и коллизий.

Введение законодателем момента открытия наследства, привязанного к дате государственной регистрации смерти, стало своевременным и социально оправданным шагом, позволившим наследникам избежать пропуска шестимесячного срока принятия наследства. Вместе с тем вопрос об определении ме-

ста открытия наследства остается неурегулированным и порождает многочисленные судебные споры, вынуждая наследников доказывать юридический факт в исковом порядке. Целесообразно на законодательном уровне закрепить специальное правило определения места открытия наследства для участников СВО: при отсутствии документально подтвержденного постоянного места жительства таковым предлагается считать последнее место жительства, указанное в заявлении наследника, либо место дислокации воинской части, где погибший проходил службу.

Перспективным направлением развития законодательства видится распространение наследственного правопреемства на все полученные при жизни выплаты, за исключением прямо оговоренных законом случаев. Кроме того, нуждается в принятии законопроект о «резервном» порядке выплат страховой суммы и единовременного пособия наследникам погибших военнослужащих. Данный механизм, устанавливающий очередность выплат по правилам наследственного права, позволит

устранить существующую несправедливость и обеспечить переход выплат к наследникам по закону, когда круг получателей, прямо указанных в специальных нормативных актах, отсутствует.

Судебная практика справедливо распространила общий режим совместной собственности супругов на земельные участки, полученные ветеранами боевых действий. Данный подход, признающий приоритет семейно-правовой природы имущества над административным основанием его предоставления, следует признать обоснованным и рекомендовать к единообразному применению всеми судебными инстанциями.

Следует признать, что дальнейшее совершенствование наследственного законодательства в рассмотренной сфере должно идти по пути гармоничного сочетания универсальных цивилистических конструкций со специальными нормами, учитывающими особый характер обстоятельств, в которых оказываются участники СВО и их семьи.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 02 ноября 2023 года по делу № 33-18902/2023 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06 мая 2025 г. по делу № 88-8207/2025 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
4. Решение Коркинского городского суда Челябинской области от 11 августа 2025 г. по делу № 2-866/2025 // ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudrf.ru>.
5. Решение Фроловского городского суда Волгоградской области от 19 марта 2025 по делу № 2-313/2025 // ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudrf.ru>.
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 марта 2026 года по делу № 88-5123/2026 // ГАС «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudrf.ru>.
7. Сенатор Андрей Клишас разъяснил суть поправок о наследстве бойцов СВО // Официальный сайт Ассоциации юристов России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alrf.ru/news/senator-andrey-klisshas-razyasnil-sut-popravok-o-nasledstve-boytsov-svo>.
8. «Справедливая Россия» предложила выплачивать пособия взрослым детям погибших участников СВО // Официальный новостной портал Государственной Думы Российской Федерации «Дума ТВ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dumatv.ru/news/spravedlivaya-rossiya-predlozhila-viplachivat-posobiya-vzroslim-detyam-pogibshih-uchastnikov-svo>.
9. Указ Президента Российской Федерации от 05 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной

гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

10. Указ Президента Российской Федерации от 08.04.2024 № 245 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 972... и Указ Президента Российской Федерации от 3 января 2023 г. № 8...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

11. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 2025 г. № 164-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

12. Официальный сайт Комитета семей воинов Отечества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ксво.рф>.

ABOUT SOME PROBLEMS OF INHERITANCE OF PROPERTY OF PARTICIPANTS OF SMO

S.A. Sayetgareeva, *Student*

L.B. Enikeeva, *Senior Lecturer*

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *The subject of the study is the problems of inheritance of property of participants of the special military operation. The research uses formal-legal, comparative-legal methods and the method of judicial practice analysis. Such aspects as transformation of the institution of opening of inheritance, composition of the inherited estate and division of inherited property are considered. The main conclusions are: the need for legislative consolidation of special rules for determining the place of opening of inheritance for participants of the special military operation; the expediency of extending inheritance succession to all unpaid benefits; the validity of judicial practice extending the regime of common joint property of spouses to property provided to combat veterans.*

Keywords: *inheritance; special military operation; participant of the special military operation; inheritance law; opening of inheritance; term of acceptance of inheritance; inherited estate.*

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Г.И. Смелов, студент

О.С. Афонина, старший преподаватель

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-272-277

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовой природы цифрового рубля как нового объекта гражданских прав в Российской Федерации. Рассматриваются доктринальные подходы к пониманию сущности национальной цифровой валюты, её место в системе имущественных прав согласно обновленной редакции статьи 128 Гражданского кодекса РФ. Особое внимание уделяется специфике договора счета цифрового рубля, функционированию смарт-контрактов, а также выявлению пробелов правоприменительной практики в сферах семейного, наследственного права и в процедурах банкротства. Авторы формулируют предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: цифровой рубль; имущественные права; Банк России; смарт-контракт; гражданско-правовая ответственность; наследование цифровых прав; раздел имущества; цифровизация экономики.

Вопрос включения цифровых категорий в структуру объектов гражданских прав выступает в качестве одной из наиболее востребованных и неоднозначных тем в актуальной отечественной цивилистике. Глубокое реформирование мировых экономических процессов, переход ведущих стран к прогрессивным технологическим форматам, а также обоснованный запрос на усиление прозрачности и защищенности денежных оборотов предопределили неотвратимость обновления национальной платежной инфраструктуры Российской Федерации.

Классические доктрины финансового и частного права, складывавшиеся десятилетиями, столкнулись с масштабной проверкой на прочность. Долгое время в правовом поле доминировали исключительно фиатные средства: наличные, трактуемые как телесные вещи, и безналичные, выступающие в форме прав требования к кредитным организациям. Тем не менее, внедрение блокчейн-технологий и популяризация виртуальных валют доказали реальность прямых расчетов, исключающих участие традиционных банковских структур. В то же время частные криптоактивы, характеризующиеся нестабильностью курса и отсутствием государственного контроля, создают значительные угрозы для безопасности сделок и не рассматриваются вла-

стями как полноценный законный платежный инструмент [8].

Концепция цифровых валют центральных банков (CBDC) стала симметричным ответом суверенных государств, включая Российскую Федерацию, на современные технологические вызовы. Запуск цифрового рубля Банком России представляет собой не просто техническую модернизацию расчетной среды, а фундаментальную трансформацию парадигмы финансового и гражданско-правового контроля, потребовавшую глубокой переработки существующих юридических стандартов [3].

Как обоснованно указывает В.К. Андреев, цифровизация объектов гражданских прав ставит перед правоведами сложные задачи по юридической квалификации новых категорий, которые не вписываются в традиционную триаду (вещи, права требования, результаты интеллектуального труда) без соответствующей теоретической адаптации [5]. Законодатель столкнулся с беспрецедентной необходимостью: сформировать правовой режим для актива, существующего исключительно в формате программного кода на платформе регулятора, но при этом наделенного всеми признаками полноценной национальной валюты.

С принятием нормативного пакета летом 2023 года (ключевым из которых стал Феде-

ральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ) процесс легитимизации цифрового рубля в российском правовом поле был завершен. Данная форма денег была официально инкорпорирована в статью 128 Гражданского кодекса РФ, устанавливающую закрытый перечень объектов гражданских прав [1; 4].

Интеграция данной категории предсказуемо спровоцировала масштабные теоретические дискуссии относительно её юридической сути. В отечественной доктрине долгое время отсутствовала консолидированная позиция по вопросу частноправовой квалификации цифрового рубля. Ряд исследователей, опираясь на экономическое назначение актива, предлагал трактовать его в рамках вещно-правовых конструкций, видя в нём виртуальный аналог наличных денежных знаков. Другая часть экспертного сообщества склонялась к определению цифрового рубля как особого типа бездокументарных ценных бумаг либо разновидности утилитарных цифровых прав. Также выдвигались гипотезы о концептуальном родстве правового режима новой валюты с цифровыми финансовыми активами (ЦФА) [10].

Тем не менее, законодатель избрал иной, более последовательный с точки зрения догматики вариант. В актуальной редакции статьи 128 ГК РФ цифровые рубли включены в состав понятия «имущество» и прямо отнесены к категории «имущественные права», заняв место в одном системном ряду с безналичными денежными средствами и ценными бумагами бездокументарной формы.

Изучение нормативного массива позволяет констатировать, что государство пошло по пути признания цифрового рубля специфическим имущественным правом. Такое решение представляется наиболее обоснованным в контексте сложившейся правовой доктрины. Поскольку цифровой рубль лишен признака материальности (осязаемости), на него невозможно распространить классическое право собственности в его вещном понимании. Полномочия владельца цифровых рублей реализуются сугубо через обязательственные механизмы – в формате права требования к оператору цифровой платформы [7].

Для исчерпывающего понимания юридической природы цифрового рубля принципиально важно провести его глубокую теоретическую дифференциацию от смежных право-

вых категорий, уже интегрированных в гражданский оборот. В первую очередь это касается безналичных денежных средств. Несмотря на то, что в силу статьи 128 ГК РФ обе дефиниции признаются безналичными формами платежа и имущественными правами, их разделяет фундаментальная юридическая граница. При использовании классических безналичных денег в качестве должника по обязательству выступает конкретное кредитное учреждение (коммерческий банк). Подобная конструкция неизбежно влечет за собой кредитные риски для клиента, связанные с потенциальным банкротством финансовой организации или отзывом её лицензии. В то же время в обязательствах, объектом которых является цифровой рубль, единственным должником признается государство в лице Центрального банка РФ. Как обоснованно указывает Л.Ю. Василевская, данное обстоятельство трансформирует цифровой рубль в прямое, безусловное и безрисковое обязательство мегарегулятора, обеспечивающее предельную сохранность средств частных и публичных субъектов [6].

Во-вторых, необходимо четко разграничивать цифровой рубль и цифровые права (в частности, утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы – ЦФА). Согласно нормам Федерального закона № 259-ФЗ, ЦФА определяются как цифровые права, включающие денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам и права участия в капитале непубличных обществ. ЦФА по своей природе являются инвестиционными инструментами, эмитируемыми частными лицами, а их стоимость детерминирована рыночной волатильностью. Цифровой рубль, напротив, обладает абсолютной ликвидностью, выполняет роль законного платежного средства (всеобщего эквивалента), а его номинал жестко фиксирован: один цифровой рубль математически и экономически всегда тождественен одному рублю в наличном или безналичном формате [10].

В-третьих, принципиальным является отличие цифрового рубля от частных децентрализованных криптовалют. Если последние базируются на принципах отсутствия единого эмитента, анонимности и отсутствия обеспеченности активами, то цифровой рубль полностью централизован. Его эмиссия и оборот

строго контролируются государством, что исключает возможность его использования в теневом секторе экономики и для легализации доходов, полученных преступным путем.

Таким образом, сущность цифрового рубля раскрывается через его двойственную правовую природу. С позиций макроэкономики и финансового права он выступает полноправной национальной валютой, официальным средством платежа, эмитируемым государством для снижения транзакционных издержек. Однако с позиций частного (гражданского) права — это строго регламентированное имущественное право, оборот которого осуществляется по уникальным правилам.

Данная двойственность обусловила необходимость создания специфической институциональной среды для оборота нового актива. Фундамент публично-правового регулирования был заложен Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ, который наделил Банк России статусом единственного оператора платформы цифрового рубля. Концентрация полномочий в руках мегарегулятора продиктована стратегической задачей государства — обеспечением финансового суверенитета страны [8].

Центральный банк РФ внедрил двухуровневую розничную модель функционирования (two-tier retail CBDC). На верхнем эшелоне находится непосредственно регулятор, который осуществляет эмиссию, администрирует работу платформы, ведет учетный реестр и открывает цифровые кошельки. Нижний (промежуточный) сегмент занимают коммерческие банковские организации, выступающие участниками системы. Их роль сводится к сервисному сопровождению: они обеспечивают технологический доступ пользователей к инфраструктуре через свои мобильные сервисы, проводят процедуры идентификации (KYC) и выполняют требования по противодействию легализации доходов. Такая конфигурация позволяет государству делегировать функции массового клиентского обслуживания частному сектору, сохраняя при этом исключительный надзор за движением активов [9].

Для реализации имущественных прав пользователей на платформе законодатель предусмотрел специальную договорную конструк-

цию, которая требует отдельного научного анализа.

Основой взаимодействия участников гражданского оборота на платформе выступает договор счета цифрового рубля, легализованный законодателем в новом параграфе 5 главы 45 Гражданского кодекса РФ (статьи 860.11-860.15). Данная договорная конструкция представляет собой уникальное явление для отечественной правовой системы, поскольку она объединяет классические черты банковского счета и жесткие правила функционирования высокотехнологичной информационной инфраструктуры. Специфика данного договора заключается, прежде всего, в его субъектном составе: одной из сторон (оператором) императивно выступает Банк России, тогда как другой (пользователем) — физическое или юридическое лицо. Как подчеркивает Л.Г. Ефимова, такая прямая юридическая связь обеспечивает единообразие правового режима и гарантирует устойчивость национальной платежной системы [9].

С точки зрения юридической квалификации, договор счета цифрового рубля обладает всеми признаками договора присоединения (ст. 428 ГК РФ). Пользователь не наделен правом индивидуально согласовывать или изменять отдельные условия договора; он осуществляет присоединение к Правилам платформы цифрового рубля, централизованно утвержденным Советом директоров Банка России. Кроме того, договор носит ярко выраженный публичный характер: оператор платформы обязан заключить его с каждым обратившимся лицом при условии успешного прохождения последним процедуры идентификации.

Особое научное внимание следует уделить жестким нормативным запретам, установленным статьей 860.16 ГК РФ. Законодатель прямо исключил возможность кредитования счетов цифрового рубля (предоставления овердрафта) и императивно запретил начисление процентов на остаток средств. По мнению Л.Ю. Василевской, данные ограничения имеют фундаментальное значение: они четко маркируют функциональное назначение цифрового рубля исключительно как средства платежа и расчетов, полностью отсекая возможность его использования участниками

оборота в качестве инвестиционного или сберегательного инструмента [6].

Ключевым новаторским компонентом правового режима цифрового рубля, качественно выделяющим его на фоне классических безналичных расчетов, выступает опция алгоритмического программирования условий транзакций посредством смарт-контрактов. Юридический фундамент для автоматизированной реализации обязательств в Российской Федерации был заложен еще в 2019 году путем внесения дополнений в статью 309 ГК РФ. Законодатель подтвердил допустимость исполнения гражданско-правовых договоренностей при наступлении определенных обстоятельств без необходимости формирования отдельного, дополнительно выраженного волеизъявления сторон в момент совершения платежа, благодаря применению информационных технологий [1].

В рамках функционирования системы цифрового рубля смарт-контракт представляет собой автономный программный код, интегрированный непосредственно в инфраструктуру платформы Банка России. Ведущим вектором его практического внедрения становится так называемое «окрашивание» – установление программных ограничений на направления расходования активов. Например, при распределении бюджетных субсидий, средств материнского капитала или авансировании государственных контрактов смарт-контракт на техническом уровне блокирует возможность вывода средств на цели, не зафиксированные в исходном соглашении. Как указывает А.И. Савельев, данный механизм радикально минимизирует риски нецелевого использования финансов и беспрецедентно оптимизирует процедуры государственного надзора [11].

Вместе с тем, интеграция смарт-контрактов в ткань имущественного оборота порождает сложные цивилистические коллизии. В частности, в отечественной доктрине остается неразрешенным вопрос о распределении гражданско-правовой ответственности в случае программного сбоя. Поскольку транзакции в распределенном реестре Банка России по своей технологической природе носят необратимый характер, ошибочное списание средств в результате некорректной работы алгоритма требует выработки принципиально новых ме-

ханизмов применения института возврата неосновательного обогащения (глава 60 ГК РФ) и четкой нормативной регламентации порядка оспаривания автоматизированных операций.

Несмотря на детальную теоретическую проработку базовых норм, первые этапы внедрения цифрового рубля в гражданский оборот обнажили ряд серьезных проблем в правоприменительной практике. Наиболее острые коллизии возникают на стыке обязательственного, семейного и наследственного права, а также в рамках процедур принудительного исполнения.

Начальный блок фундаментальных вопросов затрагивает семейно-правовую сферу и, в частности, механизм раздела активов, нажитых в браке. В соответствии с положениями статьи 34 Семейного кодекса РФ, всё имущество, приобретенное супругами в период брачного союза (в том числе имущественные права), признается их совместной собственностью, если иное распределение не зафиксировано в брачном контракте [2]. Ввиду того, что цифровой рубль законодательно квалифицирован как имущественное право, он безусловно подлежит учету при разделе общей собственности супругов.

Однако реализация данного принципа наталкивается на жесткие технологические и нормативные ограничения самой платформы. Статья 860.16 ГК РФ устанавливает императивный запрет на заключение договора счета цифрового рубля в качестве совместного счета. Соответственно, любой цифровой кошелек является строго персонифицированным. В случае расторжения брака и раздела имущества суд сталкивается с проблемой исполнения решения: если у супруга-истца (претендующего на долю в цифровых активах) отсутствует открытый цифровой счет, суд не вправе понудить его к заключению договора с Банком России. О.С. Лабабуева справедливо указывает, что правоприменителю в таких ситуациях придется использовать механизмы принудительной конвертации: обязывать ответчика переводить часть цифровых рублей в классическую безналичную форму с последующим перечислением на банковский счет истца, либо применять правила о выплате соразмерной денежной компенсации [10]. Выработка единообразного подхода по данной категории споров требует скорейшего приня-

тия соответствующих разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ.

Вторая проблема касается механизмов универсального правопреемства (наследования). Законодатель предпринял попытку заблаговременно урегулировать данный аспект, внося изменения в статьи 1128 и 1174 ГК РФ [4]. Новеллы позволили гражданам завещать права на цифровые рубли не только путем составления традиционного нотариального документа, но и посредством совершения электронного завещательного распоряжения непосредственно с использованием платформы Банка России. Как отмечает Ю.С. Харитонов, такое распоряжение имеет силу нотариально удостоверенного завещания, что существенно упрощает фиксацию последней воли наследодателя в цифровой среде [12]. Вместе с тем, на практике возникают сложности с реализацией положений ст. 1174 ГК РФ о возмещении расходов на достойные похороны наследодателя (до 100 тысяч рублей), которые должны выдаваться до истечения шестимесячного срока на принятие наследства. Механизм экстренного оперативного выделения таких средств со счета цифрового рубля требует безупречной технической интеграции Единой информационной системы нотариата с защищенными контурами Банка России, что в настоящий момент находится на стадии технологической апробации.

Третий комплекс вопросов относится к сфере исполнительного производства и процедурам несостоятельности (банкротства). Отнесение цифрового рубля к имуществу делает его легитимным объектом взыскания. Концентрация учета средств у единого оператора несет неоспоримое преимущество для органов принудительного исполнения: недобросовестные должники лишаются возможности скрывать активы, рассредотачивая их по счетам в региональных кредитных организациях. Однако в рамках процедур банкротства граждан и юридических лиц арбитражные

(финансовые) управляющие сталкиваются с серьезными препятствиями. А.В. Габов подчеркивает, что поскольку авторизация на платформе осуществляется через сложные биометрические или криптографические алгоритмы клиентских банковских приложений, получение управляющим контроля над цифровым кошельком должника без его прямого содействия технически крайне затруднительно [7]. Необходима разработка специальных законодательных механизмов, предоставляющих арбитражным управляющим право прямого электронного взаимодействия с Банком России для блокировки и перевода средств в конкурсную массу в обход клиентских интерфейсов.

Подводя итог проведенному исследованию, следует заключить, что введение цифрового рубля не является разрушением сложившихся цивилистических институтов, а представляет собой их закономерную эволюцию, продиктованную требованиями цифровой экономики. Законодателю удалось органично вписать этот инновационный инструмент в систему объектов гражданских прав Российской Федерации, определив его как специфическое имущественное право требования к мегарегулятору.

Вместе с тем, успешное и безопасное функционирование национальной цифровой валюты в гражданском обороте невозможно без дальнейшего совершенствования нормативной базы. В частности, требуется детальная регламентация вопросов распределения ответственности при сбоях смарт-контрактов, адаптация норм семейного и наследственного права к техническим особенностям платформы, а также расширение инструментария арбитражных управляющих. Только комплексное разрешение выявленных коллизий позволит обеспечить справедливый баланс между публично-правовыми интересами государства в сфере финансового контроля и гарантиями защиты частных имущественных прав граждан и бизнеса.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
4. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (Часть III). – Ст. 5774.
5. Андреев В.К. Защита прав юридического лица в условиях применения цифровых технологий : монография / В.К. Андреев, В.А. Лаптев; Верхов. суд Рос. Федерации, Рос. гос. ун-т правосудия. – М.: Проспект, 2024. – 208 с.
6. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. – 2023. – Т. 76, № 1. – С. 9-19. – DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019.
7. Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 55-65. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/2763>.
8. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 48-55.
9. Цифровое банковское право: учебник / под ред. Л.Г. Ефимовой. – Москва: Проспект, 2025. – 672 с.
10. Мифтяхетдинов А.Т. Цифровой рубль как инструмент исполнения смарт-контракта // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 34. – С. 175-181.
11. Руденко В.В. Правовая природа цифрового рубля: доктринальные подходы и проблемы квалификации // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 39. – С. 531-541.
12. Харитонов Ю.С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 74-95. – DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.74.95.

DIGITAL RUBLE: CONCEPT, ESSENCE AND PROBLEMATIC ISSUES OF LEGAL REGULATION

G.I. Smelov, *Student*

O.S. Afonina, *Senior Lecturer*

Tsiolkovsky Kaluga State University
(Russia, Kaluga)

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the legal nature of the digital ruble as a new object of civil rights in the Russian Federation. Doctrinal approaches to understanding the essence of the national digital currency, its place in the system of property rights according to the updated wording of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation are considered. Special attention is paid to the specifics of the digital ruble account agreement, the functioning of smart contracts, as well as the identification of gaps in law enforcement practice in the areas of family, inheritance law and bankruptcy procedures. The authors formulate proposals for improving the current legislation.*

Keywords: *digital ruble; property rights; Bank of Russia; smart contract; civil liability; inheritance of digital rights; division of property; digitalization of the economy.*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО, СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ И ЛЕГКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е.Е. Степень, студент

Научный руководитель: С.В. Баринов, канд. юрид. наук, доцент

Московский университет имени С.Ю. Витте

(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-278-282

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем квалификации преступлений против здоровья человека. Рассматриваются сложности разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 111, 112 и 115 УК РФ. Особое внимание уделяется роли судебно-медицинской экспертизы и проблемам установления направленности умысла виновного. Сделан вывод о необходимости совершенствования нормативных критериев оценки вреда для минимизации следственных ошибок и обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: вред здоровью; квалификация преступлений; уголовная ответственность; судебно-медицинская экспертиза; права личности; умысел.

В последние годы вопросы охраны здоровья граждан как высшей конституционной ценности приобретают особую значимость в доктрине уголовного права России. Несмотря на стабильную законодательную базу, правоприменительная практика по делам о причинении вреда здоровью (ст. 111-115 УК РФ) продолжает сталкиваться с многочисленными сложностями, связанными с неоднозначностью трактовки медицинских критериев и установлением субъективной стороны деяния [5, с. 178-181].

Статистические данные показывают, что преступления против здоровья составляют существенную долю в структуре насильственной преступности. Однако, как отмечает ряд исследователей, значительное количество приговоров по данной категории дел впоследствии пересматривается в связи с неверной квалификацией степени тяжести вреда [8, с. 200]. Основная проблема заключается в том, что юридическая оценка вреда зачастую полностью делегируется судебно-медицинскому эксперту, в то время как квалификация деяния является исключительной прерогативой следственных и судебных органов [7, с. 140-142, 10, р. 3].

К степени научной разработанности проблемы. Вопросы квалификации преступлений против здоровья и оценки медицинских критериев вреда глубоко исследовались в трудах таких ведущих отечественных правоведов и

судебных медиков, как В.А. Клевно, Р.Д. Шарапов, Т.Г. Терещенко и др. В их работах детально разобраны проблемы субъективного вменения и медицинской оценки травм. Однако, анализ научной литературы показывает, что специфика разграничения составов при атипичном развитии травматологического процесса или наличии скрытых патологий у потерпевшего исследована недостаточно и требует актуализации с учетом судебно-следственной практики 2023-2025 гг. В связи с этим проблема исследования заключается в наличии непреодоленных противоречий между нормативно-правовыми установками ст. 111-115 УК РФ и современными медицинскими критериями оценки тяжести вреда здоровью. Цель исследования – комплексный анализ проблем квалификации умышленного причинения вреда здоровью и выработка конкретных научно-практических рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Теоретическую основу исследования составили труды специалистов в области уголовного права, уголовного процесса и судебной медицины. Методологическую базу исследования формирует всеобщий диалектический метод научного познания. В ходе работы применялись общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, системный подход), а также частнонаучные методы юридической науки:

формально-юридический (для толкования норм УК РФ и Приказа Минздравсоцразвития РФ № 194н) и метод правового моделирования (при разработке предложений по изменению законодательства). Эмпирическую базу составили материалы опубликованной судебной практики судов общей юрисдикции и разъяснения Верховного Суда РФ».

Одной из наиболее острых проблем остается разграничение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и вреда средней тяжести. В практике нередко встречаются случаи, когда последствия деяния проявляются не сразу или требуют длительного лечения, что ставит под сомнение первоначальную квалификацию [1, с. 35]. Отсутствие четкого разграничения между прямым и косвенным умыслом при неопределенном характере последствий также ведет к нарушению прав участников процесса – как потерпевшего, так и обвиняемого.

Основополагающим элементом квалификации преступлений, предусмотренных статьями 111, 112 и 115 УК РФ, является установление тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

Одной из наиболее острых проблем является разграничение «опасности для жизни» (признак тяжкого вреда) и последствий, которые лишь формально могут быть отнесены к средней тяжести. В судебно-следственной практике нередко возникают ситуации, когда травма, изначально оцененная как тяжкая по признаку опасности для жизни, в процессе лечения не приводит к летальному исходу или инвалидизации [7, с. 119-121]. В этом случае правоприменитель сталкивается с вопросом: квалифицировать ли деяние по фактически наступившим последствиям или по потенциальной угрозе, которую оно несло в момент совершения [9, с. 42]? Такая «бифуркация» экспертных оценок напрямую влияет на реализацию прав личности на справедливое судебное разбирательство.

Особую категорию в структуре статьи 111 УК РФ занимает признак «неизгладимого обезображивания лица». Это уникальный состав, где квалификация носит смешанный медицинско-правовой характер:

1. Медицинский аспект: эксперт устанавливает только факт неизгладимости (невоз-

можности исчезновения повреждения без хирургического вмешательства).

2. Правовой аспект: суд самостоятельно определяет, является ли данная неизгладимость обезображиванием.

Данная ситуация порождает высокую степень субъективизма. Оценочный характер понятия «обезображивание» вступает в противоречие с принципом определенности правовых норм. В рамках исследования обосновывается позиция, что отсутствие четких эстетических и функциональных критериев в законе позволяет суду расширительно толковать данную норму, что не всегда отвечает интересам защиты прав личности и принципу равенства всех перед законом [4, с. 220-225].

Разграничение составов по признаку длительности расстройства здоровья (порог в 21 день) остается одной из самых частотных причин следственных ошибок. Системный анализ показывает, что современные методы высокотехнологичной медицинской помощи позволяют значительно сократить сроки стационарного лечения [11, р. 567].

В результате возникает правовой парадокс: одно и то же по тяжести повреждение в условиях современной частной клиники может быть излечено за 18 дней (квалификация по ст. 115 УК РФ), а в условиях районной больницы с традиционными методами лечения – за 25 дней (квалификация по ст. 112 УК РФ). Таким образом, уголовно-правовой статус обвиняемого начинает зависеть не от тяжести его деяния, а от уровня медицинского обеспечения, доступного потерпевшему. Данная коллизия требует пересмотра жестких временных рамок и перехода к оценке стойкой утраты трудоспособности как более объективному критерию.

Субъективная сторона преступлений против здоровья характеризуется многообразием форм вины. Наибольшую сложность вызывает квалификация деяний, совершенных с неопределенным (альтернативным) умыслом, особенно когда фактически наступившие тяжкие последствия, такие как сложно доказуемое психическое расстройство, могли не охватываться сознанием виновного [2, с. 15]. Также крайне сложным остается отграничение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть, от покушения на убийство [8, с. 205].

В ситуации, когда виновный наносит удары, осознавая возможность причинения любого вреда здоровью (от легкого до тяжкого), но не конкретизирует свои желания, практика идет по пути вменения фактически наступивших последствий. Однако, такой подход допустим только в том случае, если наступившие последствия охватывались предвидением виновного.

Одним из наиболее сложных аспектов квалификации умышленного причинения вреда здоровью является установление прямой причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими медицинскими последствиями в случаях, когда потерпевший страдает скрытыми или хроническими заболеваниями [4, с. 220-225]. Если виновный не знал и не должен был знать о наличии у потерпевшего тяжелой патологии (например, гемофилии), вменение ему тяжкого вреда здоровью недопустимо [3, с. 14-17]. Игнорирование этого правила ведет к объективному вменению.

В подобных случаях судебно-медицинская экспертиза констатирует, что тяжкий вред здоровью наступил в результате совокупности факторов: травматического воздействия и индивидуальных особенностей организма. Однако уголовно-правовая оценка требует жесткого соблюдения принципа субъективного вменения. Как справедливо отмечается в юридической литературе, если виновный не знал и не должен был знать о наличии у потерпевшего тяжелого заболевания, вменение ему тяжкого вреда здоровью недопустимо, так как наступившие последствия не охватывались ни прямым, ни косвенным умыслом [3, с. 14-17]. Игнорирование этого правила следственными органами ведет к объективному вменению, что является грубейшим нарушением конституционных прав личности на справедливое правосудие и защиту от необоснованного обвинения.

Еще одним пробелом является применение критерия «значительной стойкой утраты общей трудоспособности» к малолетним детям и пенсионерам. Возникает юридическая фикция: эксперт оценивает процент утраты того, чего у потерпевшего де-факто нет в силу возраста [5, с. 220-225]. Представляется целесообразным заменить данный термин на «степень ограничения жизнедеятельности».

Сложности возникают при оценке данного критерия у лиц, которые фактически не обладают общей трудоспособностью в силу возраста или социального статуса – малолетних детей, глубоких инвалидов и пенсионеров.

Приказ Минздравсоцразвития № 194н содержит унифицированные таблицы процентов утраты трудоспособности в зависимости от потери конкретных органов или их функций. Однако применение термина «трудоспособность» к младенцу или лицу старческого возраста вызывает обоснованную критику в научном сообществе.

Возникает юридическая фикция: эксперт оценивает процент утраты того, чего у потерпевшего де-факто нет или еще не сформировалось [5, с. 220-225]. Это создает почву для оспаривания заключений в суде со стороны защиты, что затягивает процесс и нарушает права потерпевшего на разумные сроки уголовного судопроизводства. Представляется целесообразным заменить термин «утрата общей трудоспособности» на более универсальный медицинский критерий, например, «степень ограничения жизнедеятельности», что позволит исключить терминологические противоречия и защитить права социально уязвимых категорий граждан.

В данной статье также рассматривается процессуальный статус экспертного заключения. Нередко следователи воспринимают выводы эксперта как «предустановленное доказательство», не подлежащее критической оценке.

Однако анализ практики 2025 года показывает, что ошибки в первичных экспертизах составляют до 15% от общего объема идентификационных исследований по делам о вреде здоровью. В статье предлагается внедрение обязательного механизма ознакомления потерпевшего и подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы до её начала, что позволит сторонам своевременно заявить ходатайства о постановке дополнительных вопросов эксперту и тем самым обеспечит реализацию состязательности сторон на этапе предварительного расследования.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что существующая система квалификации преступлений против здоровья (ст. 111-115 УК РФ) требует качественной доработки в части синхронизации

юридических и медицинских критериев. Проведенный анализ показал, что формальный подход к определению тяжести вреда, основанный исключительно на сроках лечения (правило «21 дня»), в современных реалиях развития медицины зачастую не отражает реальную степень общественной опасности деяния. Это создает риски нарушения принципов справедливости и равенства граждан перед законом.

Особое значение для обеспечения прав личности имеет усиление судебного контроля за оценкой субъективной стороны преступления, в частности – при квалификации деяний с неопределенным умыслом. Это позволит исключить случаи объективного вменения и предотвратить необоснованное привлечение граждан к ответственности за последствия, не охваченные их сознанием.

На основе проведенного теоретико-правового анализа можно сформулировать следующие основные выводы и практические рекомендации:

Существующая правоприменительная практика демонстрирует острую проблему объективного вменения при квалификации деяний с неопределенным умыслом, а также при наличии у потерпевшего скрытых сопутствующих заболеваний. Вывод исследования: квалификация тяжести вреда в таких случаях должна опираться исключительно на те последствия, которые охватывались предвидением виновного, а не на медицинский исход, осложненный патологиями потерпевшего.

Библиографический список

1. Боровиков В.Б. Уголовное право. Общая и Особенная части. Практикум: учебник для вузов / В.Б. Боровиков. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 375 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18191-3.
2. Васильева Н.В. Психическое расстройство как вид причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 467-473.
3. Гарвард А.А. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ): понятие и актуальные проблемы квалификации в Российской Федерации // Вестник магистратуры. – 2024. – № 12-1 (159). – С. 14-17.
4. Куликов С.Н. Два компонента судебно-экспертного процесса оценки степени тяжести локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни: рецензия на статью «спорные вопросы применения медицинского критерия «стойкая утрата общей трудоспособности» при определении тяжести вреда, причинённого здоровью человека» // Судебная медицина. – 2023. – № 2. – С. 220-225.
5. Куликов С.Н., Клевно В.А., Пузин С.Н., Хлудеева Т.А. Вред, причинённый здоровью человека. медицинские критерии. постулаты классификации // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2018. – № 1. – С. 178-181.

Для решения выявленных проблем предлагаются следующие практические рекомендации:

1) Во-первых, необходимо дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в части разграничения со ст. 111 УК РФ) специальным пунктом: «При неопределенном умысле виновного ответственность наступает за фактически причиненный вред лишь при условии, что этот вред находился в прямой причинно-следственной связи с действиями виновного и не был обусловлен индивидуальными особенностями организма потерпевшего, о которых виновный не знал и не должен был знать».

2) Во-вторых, рекомендуется инициировать внесение изменений в Приказ Минздрава РФ № 194н, исключив термин «утрата общей трудоспособности» применительно к малолетним и пенсионерам, заменив его на категорию «степень ограничения жизнедеятельности», что позволит исключить юридические фикции при проведении судебно-медицинских экспертиз.

Предложенные в статье рекомендации по уточнению Постановлений Пленума Верховного Суда РФ и оптимизации процессуального взаимодействия следователя с судебно-медицинским экспертом направлены на повышение качества уголовного судопроизводства.

6. Михайлов А.Е., Семенов С.А., Тараканов И.А. Насильственная преступность: состояние и тенденции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 140-142.

7. Роднищева Е.Н. Понятие и актуальные проблемы квалификации в российской федерации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в российской федерации (ст. 111 УК РФ) // Вестник магистратуры. – 2025. – № 2-2 (161). – С. 119-121.

8. Терещенко Т.Г. Уголовно-правовая оценка умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего и отграничение от смежных составов // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 202-205.

9. Шарапов Р.Д. Преступления против жизни: уголовно-правовые традиции и законодательные новации // Криминалистика. – 2019. – № 4 (29). – С. 41-45.

10. Anna Smędra, Rafał Kubiak, Jarosław Berent. The notion of grievous bodily harm and the legal obligation to notify law enforcement authorities // Anaesthesiology Intensive Therapy. – 2020. – Vol. 52. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33327701/>.

11. Simon Britten. Treating the injured: a privilege conferred by both patient and wider society: the medical exception and consent in trauma // Bone & Joint Open. – 2024. – Vol. 5. № 7. – P. 565-569. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11231759/>.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF INTENTIONAL INFLICTION OF SERIOUS, MODERATE AND LIGHT HARM TO HEALTH: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

E.E. Stepen, *Student*

Supervisor: *S.V. Barinov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Witte Moscow University

(Russia, Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of topical problems of qualification of crimes against human health. The complexities of distinguishing the elements of crimes provided for in Articles 111, 112 and 115 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. Special attention is paid to the role of forensic medical examination and the problems of establishing the direction of the offender's intent. The conclusion is made about the need to improve the normative criteria for assessing harm to minimize investigative errors and ensure the rights of individuals in criminal proceedings.*

Keywords: *harm to health; qualification of crimes; criminal liability; forensic medical examination; personal rights; intent.*

ПРИГОВОРЫ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА: ОСОБЕННОСТИ ВЫНЕСЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА

И.В. Упоров¹, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор

А.А. Пачков, канд. юрид. наук

¹Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-283-288

Аннотация. Рассматриваются процессуальные аспекты, связанные с привлечением к уголовной ответственности совершавших преступления против государства в XVIII в. (при этом, имея в виду хронологию, годам правления Петра I уделяется минимальное внимание, учитывая, что этот период в данном контексте исследован достаточно подробно). Акцент делается на завершающем этапе следственно-судебных действий, когда преступник изобличен и решается вопрос о назначении ему наказания и особенностях его исполнения. Соответственно анализируются правовые акты, в которых находились отражение как следственные действия, так и конкретные приговоры, архивные документы, научные труды разных эпох, в которых затрагивается данная проблематика. Приводятся примеры приговоров по ряду уголовно-политических дел. Отмечается, что принципиальной разницы в процессуальном подходе к формированию и формулированию приговоров в отношении политических преступников в рассматриваемый период не было, равно как не вырабатывалось строгих правовых процессуальных норм. Практически во всех случаях такие дела рассматривались органами политического сыска, которые предлагали варианты приговоров и окончательное решение оставалось за монархом, в некоторых случаях делегируя это полномочия доверенным чиновникам; при следствии зачастую применялись пытки. Ситуация стала меняться лишь в самом конце XVIII в., когда принцип гуманизма стал проникать и в такого рода сферу.

Ключевые слова: приговор; следствие; преступления против государства; экстракты; каторга; телесные наказания; пытки; абсолютизм.

XVIII столетие в контексте развития российского уголовно-процессуального права характерно начавшимся обособлением судебных органов. В самом общем виде это заключалось в том, что при Петре I появляется корпус профессиональных судей, а к концу века, уже при Екатерине II, происходит разделение уголовного и гражданского процесса. При этом, однако, суд так и не был отделен от администрации, и при всех изменениях монарх оставался верховным судьей, хотя в повседневной практике он, разумеется, не мог участвовать как судья во всех делах и делегировал эти полномочия чиновникам по иерархии вниз в зависимости от важности дела и статуса обвиняемых [1]. При этом руководитель органа политического сыска как правило совмещал обязанности администратора и судьи, имел право выносить приговоры по многим видам политических дел. Приговоры эти записывались как решения самого главы органа политического сыска или его замести-

телей. Кроме того, политические дела решали и высшие органы исполнительной власти. Например, в 1727-1729 гг. приговоры по делам политического сыска выносил Верховный тайный совет, а при императрице Анне Иоанновне – Кабинет министров. Докладчиком по делам перед кабинет-министрами по политическим делам выступал А.И. Ушаков, который представлял проект приговора. Он сам часто и участвовал в обсуждении меры наказания преступникам. После этого в протокол заседания Кабинета вносилась запись такого рода: «1736 года июня 9-го дня, по указу Ея и.в. присутствующие министры, слушав поданных ... из Тайной канцелярии экстрактов с объявлением определения о содержавшемся в Тайной канцелярии ссыльном Егоре Строеве ... рассуждая о злодейственных изменнических винах, о которых явно в экстрактах, за которые его вины в Тайной канцелярии определено ему учинить смертную казнь, соглас-

ны в том с определением Тайной канцелярии» [2, с. 8].

По значимым политическим делам в XVIII в. (равно как и в XIX в.) решением монархов для проведения следствия и вынесения приговора создавались специальные временные судебные комиссии (суды), состав которых определялся исключительно также императором. Так, в деле государственных преступников П.А. Толстого, А.М. Девьера и других специально созданная под руководством Г.И. Головкина судебная комиссия должна была, согласно указу Екатерины I, спешно, в течение 5-6 мая 1727 г. подготовить приговор («сентенцию») и доложить ее императрице. Судей при этом торопили: «А буде что еще из оных же действий, которые уже приличились следованием, не окончено, и то за краткостию времени, оставить», то есть предписывалось прекратить следствием на тех эпизодах, оценка по которым была уже дана на основе проведенных следственных действий [3, с. 196]. Как видно, для определения приговора созывалась коллегия из чиновников, а затем этот приговор предстояло утвердить императрице.

Между тем при этом в период абсолютистской власти, характерной для всего XVIII в., император (императрица) как глава государства вполне имел полномочия решить вопрос о степени наказания единолично, не прибегая «к услугам» своего ближайшего политического окружения – закон не ограничивал монарха. Однако этого не происходило, причем не только в послепетровский период, но и в период правления самого Петра I. Как нам представляется, несмотря на безграничные полномочия, император все же опасался возможных оппозиционных выступлений политического истеблишмента, вплоть до заговоров против собственной персоны, и история показывает, что такие опасения не были напрасными. И вот для того, чтобы в какой-то степени еще больше связать руки своим политическим сподвижникам, российские монархи привлекали их для определения приговора по государственным преступникам. Кроме того, коллегии нужны были монархам и для того, чтобы показать поданным свою гуманность – вот, дескать, коллегия определила смертную казнь, а монарх, проявляя человеколюбие и доброту, смягчает наказания, допустим, ссылкой в каторгу.

Указанные коллегии по результатам следствия обычно представляли отмеченные выше «экстракты» (краткое изложение дела, во многом сходное на обвинительное заключение), которые представлялись судебной коллегии или непосредственно монарху как правило руководителями сыскных ведомств. Так, в указе Екатерины I от 8 декабря 1726 г. по делу Родышевского и Прокоповича сказано, что императрица, «слушав сей выписки, по докладу тайного действительного советника и кавалера князя Ивана Федоровича Рамодановского, указала....» и далее следовал сам приговор. В конце же документа написано: «Сей Ея и.в. имянной указ сказал и записать приказал... Рамодановский» [4, с. 51]. Такого рода экстракты приносил императрице Екатерине I из Тайной канцелярии и А.И. Ушаков. Так, по одному из дел «1725 году июля в 30 день Ея величество... изволила слушать три экстракта, сочиненные в Тайной розыскных дел канцелярии. . из оных по первому Ея и.в. указала учинить: Выморокова – казнить, Антипу Щеглова, Захария Игнатьева – по наказанью кнутом, с выниманием ноздрей послать в вечную каторжную работу в Рогервик; Ивана Щеглова – в старцы и в крепкий монастырь» [5, с. 231]. В упомянутом выше деле Погуляева сохранилась копия протокольной записи о приговоре императрицы Анны Иоанновны по этому делу «1733 г., генваря 31. В Канцелярию тайных розыскных дел генерал ... Андрей Иванович Ушаков объявил, что по учиненной в Тайной канцелярии выписке и по объявленному под тою выпискою Тайной канцелярии определению ... докладывал он, генерал и ковалер, Ея и.в. и Ея и.в., слушав оной выписки и определения, соизволила указать в учинении оному Погуляеву за показанную ево вину смертной казни» [6, л. 19].

Такого рода примеры показывают тот объем влияния на судьбы обвиняемых в совершении преступлений против государства, впоследствии подсудимых, который оказывали на окончательные решения руководители и другие высокопоставленные чиновники органов политического сыска. Нередко не только достаточно было их краткого доклада верховному судье (монарху) для вынесения окончательного приговора, но и они сами нередко получали делегированные полномочия выно-

силье окончательные приговоры. Так, в отмеченном примере одной лишь резолюцией государыни, записанной со слов Ушакова, преступник был приговорен ни много ни мало к смертной казни. В деле Вестенгарт и Петровой (1735 г.) приговор был оформлен несколько иначе. Все тот же А.И. Ушаков подал императрице Анне Иоанновне экстракт дела и свое предложение: «Не благоугодно ли будет по милосердию Вашего величества вместо пытки и смертной казни учиненной Яганне жестокое наказание кнутом и сослать в Сибирь в дальний монастырь и содержать там ее в том монастыре неисходно и пищу давать против того монастыря монахинь». В тот же день он получил собственноручную краткую резолюцию государыни: «Вместо кнута бить плетьюми, а в прочем быть по вашему мнению» [7, с. 556].

Но в принятии окончательного решения не было какого-либо единого установленного порядка. Так, известны случаи, когда императрица налагала опалу, даже не ставя в известность сыскное ведомство о составе преступления человека, за которое определялась опала, о причинах опалы и других обстоятельствах дела. Например, 4 февраля 1732 г. императрица Анна Иоанновна послала главнокомандующему Москвы С.А. Салтыкову именной указ, в котором говорилось: ««Указали мы обретающагося в Москве иноземца Еядиуса Наундорфа, которой стоит в Немецкой слободе на квартире у капитана Траутсмана, сыскав его, вам послать за караулом в Колский острог, где его отдать под тамошний караул и велеть употребить в работу, в какую годен будет и на пропитание давать ему по пятнадцать копеек на день из тамошних доходов и повелевает нашему генералу и обер-гофмейстеру Салтыкову учинить по сему указу». 13 февраля арестованный в Немецкой слободе иностранец Наундорф в сопровождении подпоручика Ивана Хрущева и четырех солдат уже ехал на берег Ледовитого океана, и никто так и не узнал, за что его сослали по личному указу императрицы, поскольку документов об этом деле не найдено [8, с. 4]. Такого рода приговоры состоялись, вероятно, без проведения предварительного следствия, выяснения мотивов действий того или иного лица, причин, степени виновности и других обстоятельств, и основыва-

лись, очевидно, на причинах личного характера.

Практика свидетельствует также о том, что следствие хотя и велось, но могло по велению монарха внезапно прерваться без объяснения причин. К таким приговорам не раз прибегала и Екатерина II. Так, в 1775 г. она письмом-приговором к князю Голицыну прервала расследование дела княжны Таракановой еще до завершения его: «Не допрашивайте более распутную лгунью, объявите ей, что она за свое упорство и бесстыдство осуждается на вечное заключение» [9, с. 254]. В другом случае решение по делу Н.И. Новикова в 1792 г. имело вид пространной резолюции Екатерины II, которую она вынесла на основе материалов допросов Новикова в Тайной экспедиции: «Рассматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы...». Далее следовал подробный перечень преступлений Новикова и его сообщников, после состоялся следующий вывод: «Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако ж и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость». От сообщников Новикова (князя Трубецкого, Лопухина и Тургенева, которые, по мнению Екатерины II, были обличены «в соучастии ему во всех законопротивных его деяниях») императрица потребовала публичного раскаяния, после чего постановила отправить «в отдаленные от столиц деревни их» [10, с. 477].

В приговорах по делам о государственных преступлениях присутствовал традиционный для XVIII в. перечень уголовных наказаний, а именно смертная казнь, телесные наказания, ссылка в каторжные работы, ссылка на жительство, конфискация имущества. В этом смысле ответственность за политические преступления не отличалась от ответственности за общеуголовные преступления. Вместе с тем по политическим делам наказание зачастую приобретало свою специфику в виде так называемых

мой «политической смерти». В докладе Сена-та, одобренном Елизаветой в марте 1753 г., уточнялось, что политическая смерть – это «ежели кто положен будет на плаху или взведен на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей, или хотя и без всякого наказания, токмо вечной ссылке». Простым же наказанием признавалось кнutowание, вырывание ноздрей, но без объявления помилования [11].

При этом в приговорах по политическим делам нередко значилась ссылка в каторжные работы. В этой связи следует заметить, что данное наказание достаточно активно развивалось в послепетровский период XVIII в. Государство также по-прежнему эксплуатировало труд осужденных преступников, хотя и в несколько меньших масштабах [12, с. 7]. Что касается телесных наказаний, что они в истории российского уголовного права как вид уголовного наказания за совершенное государственное преступление применялись, если сравнивать с развитыми европейскими странами, довольно долго. А.Г. Тимофеев, исследовавший историю телесных наказаний, объяснял их развитие и распространение в России быстрым процессом закрепощения крестьян, принижением положения личности, отсутствием уважения к ее правам, грубостью нравов, подражанием «образцам татарской юстиции». Он писал, что до татарского нашествия (до середины XIII в.) Россия развивалась так же, как и другие страны, владычество же татар «гибельно отразилось на народной нравственности» [13, с. 86]. Таким образом, до половины XVIII в. «русское общество основывалось на страхе и битье в разнообразных формах». Все это привело к тому, что телесные наказания не воспринимались населением как позорящие или лишающие чести [13, с. 195]. Такое положение объясняет противоречивую ситуацию начала XIX в., когда при производстве следственных действий была, наконец, отменена пытка как средство добывания показаний обвиняемых, но вместе с этим сохранялись телесные наказания, которые по своим объективным признакам (особенно битье кнутом), по существу, не отличались от пыток. При этом изувечивающие наказания преследовали цели возмездия и устрашения; и все же в XVIII в. сфера применения кнута все же постепенно суживается

путем введения относительно менее жестоких орудий наказания. Телесные наказания перестают применяться в отношении преступников из среды высших сословий.

Такое положение отражает гуманитарное направление в развитии уголовной политики государства. Так, Указом 1757 г. было запрещено клеймить и рвать ноздри у осужденных женщин [14]. Здесь же следует заметить, что при Елизавете Петровне предпринимались некоторые попытки улучшить положение содержащихся в местах лишения свободы [15, с. 94]. 15 декабря 1741 г. Елизаветой Петровной был издан указ, согласно которому осужденным к смертной казни даруется жизнь заменой казни ссылкой в каторжные работы [16]. Вообще физическая (не политическая) казнь к государственным преступникам применяется все реже, хотя и не отменяется. Положение с приговорами по политическим делам по сравнению с Московским государством значительно смягчается. Это хорошо видно по эпохе Екатерины II, которая в своем знаменитом «Наказе» отразила эти изменения в государственно-правовой стратегии власти, в том числе в части уголовного процесса, где имело место влияние права европейских стран [17].

Тогда же начинается целенаправленное теоретическое осмысление уголовного наказания. Так, государственный деятель, современник императрицы И.В. Лопухин, в частности, отмечал, что «предмет наказаний должен быть исправление наказуемых, и удержание от преступлений. Жестокость в наказаниях есть только плод злобного презрения человечества и одно, всегда бесполезное, тиранство» [18, с. 5]. В другом месте, говоря о политических преступниках, он писал: «Тесным и тягостным в темницах содержанием угнетать таких людей, которые иногда и по основательным причинам осуждаются на заключение под стражу тайную, было бы единственно презрение человечества, или месть, не терпимая не только правилами Христианства, но и самого великодушия» [18, с. 76]. В практике вынесения и исполнения приговоров по политическим делам такая политика выражалась не только в общем расширении гуманности к преступникам, но и в более четко выраженной индивидуализации наказания виновным. Причем, действовавшие уголовные

законы не содержали соответствующих норм (и как раз складывающаяся правоприменительная практика по этим делам давала возможность в последующем обобщить их в Своде законов уголовных при создании Свода законов Российской империи).

Постепенно в течение XVIII в. становится заметно стремление даже в групповых делах определить меру наказания не только в зависимости от оценки умысла, мотивов действия группы преступников, но и с учетом различных обстоятельств дела. Например, учитывалась степень участия каждого в преступлении, перенесенные на следствии пытки и др. Для примера приведем соответствующие характеристики вины государственных преступников Хрущова и Гурьевых (1762 г.), совершивших «богомерзкое и злодейское дело» – именно так была расценена их попытка организовать заговор. Поручик Петр Хрущов. Его вина: «Обличен и винулся в изблевании оскорбления величества и что он старался других привлекать к умышляемому им возмущению противу нас и общего покоя, затеявая якобы уже он и многих людей имел в своем согласии». Поручик Семен Гурьев. Его вина: «Яко сообщник с первым, не токмо в злодейском его умысл соглашался, но и сам других к тому подговаривал с прибавлением от себя разных лживых внушений, из чего во многом в первом допросе, а по обличении от свидетелей и во всем сам признался». Капитан-поручик Иван Гурьев. Его вина: «Сделал себя им соучастником тем, что, зная их умысел, об оном нигде не донес и сам, яко сведущий другому о том внушал, о чем в первом своем допросе утаил, а во вторичном и на очных ставках, по избличении, винулся». Соответствующими были и наказания, которые вынес преступникам суд. Приговор Петру Хрущову и Семену Гурьеву гласил: «Лиша чинов, исключая из

звания их фамилий и из числа благородных людей ... ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкой острог на вечное житье и имение их отдать ближним в родстве» [19, с. 172]. Здесь уже прослеживается градация преступного поведения – зачинщик, сообщник, соучастник, неизветчик, подозреваемый и т.д. В дальнейшем эта тенденция будет усиливаться.

Как видно, в послепетровский период XVIII в. приговоры по делам о политических преступлениях формировались коллегиально – либо специально создаваемыми судебными коллегиями, либо постоянно действующими органами управления (Сенат, Верховный тайный совет, Кабинет министров). Окончательное решение выносил император, который в течение всего XVIII в. выполнял функции верховного судьи, что отражало общественно-политические условия абсолютизма. В практике император (императрица) нередко смягчал наказание осужденным преступникам. Приговоры как правило определялись после устного выслушивания докладов руководителей органов политического сыска, для чего готовились «экстракты» – документы, представляющие собой прообраз будущих приговоров по уголовным делам. Эти экстракты писали в сыскных ведомствах, и в них включались те сведения, которые отражали монаршую волю по отношению к преступникам. В целом руководители органов политического сыска в силу своего служебного положения имели возможности сильного влияния на судьбы обвиняемых в государственных преступлениях. Во второй половине XVIII в. наблюдается тенденция расширения принципа гуманности в назначаемых наказаниях политическим преступникам, которая стала находить системное отражение во внутренней политике Екатерины II.

Библиографический список

1. Рассказов Л.П., Петручак Л.А., Упоров И.В. История уголовного процесса в России: учебное пособие. – Краснодар, 2001.
2. Семевский М.И. Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны. 1741-1761 гг. // Русская старина. – 1875. – Т. 12. – С. 3-12.
3. Судные процессы ХVIII-ХУIII в. по делам церкви // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. – 1882. – Кн. 3. – С. 191-197.
4. Дело о Феофане Прокоповиче // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1862. Кн. 1. – С. 48-56.
5. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
6. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 299.

7. Есипов Г.В. Яганна Петрова, камер-медхен Екатерины 1-й // Исторический вестник. – 1880. – № 3. – С. 549-558.
8. Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732-1742 гг. // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1878. Кн. 1. С. 2-9.
9. Мельников-Печерский П.И. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Русский вестник. – 1867. – № 5. – С. 204-257.
10. Н.И. Новиков и его современники: Избр. соч. – М., 1961.
11. Указ от 29.03.1753 г. «О именовании политическою смертию: взведение на виселицу, или положение головы на плах, и о представлении в Сенат экстрактов их дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговора в исполнение» // ПСЗ-1. № 10087.
12. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. – СПб., 1880.
13. Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904.
14. Указ Сенатский от 22.01.1757 г. «О ссылке преступниц, по наказанию кнутом, в Сибирь, не вырывая у них ноздрей и не ставя на лице знаков» // ПСЗ-1. № 10686.
15. Толкаченко А. Толкаченко А. Из истории военных тюрем в России // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 92-96.
16. Указ от 15.12.1741 г. «О всемилостивейшем прощении преступников и о сложении штрафов, недоборов и начетов с 1719 по 1730 год» // ПСЗ-1. Т. 11. № 8481.
17. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Карнаушенко Л.В. История государства и права зарубежных стран / курс лекций. – Краснодар, 2004.
18. Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. – Лондон, 1860. – С. 5.
19. Рюльер К-К. История и анекдоты революции в России // Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Л., 1989.

SENTENCES FOR CRIMES AGAINST THE STATE: FEATURES OF THEIR PASSING AND EXECUTION IN RUSSIA IN THE 18TH CENTURY

I.V. Uporov¹, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*

A.A. Pachkov, *Candidate of Legal Sciences*

¹**Russian Academy of Natural Sciences**
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *This article examines procedural aspects related to the prosecution of those who committed crimes against the state in the 18th century (however, given the chronology, the reign of Peter the Great receives minimal attention, given that this period has been studied in sufficient detail in this context). Emphasis is placed on the final stage of investigative and judicial proceedings, when the criminal is convicted and the issue of sentencing and the specifics of its execution are decided. The article analyzes legal acts reflecting both investigative actions and specific verdicts, as well as archival documents and scholarly works from various eras that address this issue. Examples of verdicts in a number of criminal-political cases are provided. It is noted that there was no fundamental difference in the procedural approach to formulating and formulating sentences for political offenders during the period under review, nor were strict legal procedural norms developed. In virtually all cases, such cases were heard by political investigation agencies, which proposed sentences. The final decision was made by the empress, in some cases delegating this authority to trusted officials; torture was often used during the investigation. The situation began to change only at the very end of the 18th century, when the principle of humanism began to permeate this sphere.*

Keywords: *verdict; investigation; crimes against the state; extracts; penal servitude; corporal punishment; torture; absolutism.*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОГО ЭТАПА РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (1990-1993 ГОДЫ)

И.В. Упоров, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор
Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-289-295

Аннотация. В статье освещаются особенности первого этапа реформирования института местного самоуправления России, который начался с 1990 г., то есть, ближе к окончанию горбачевской «перестройки». Этот этап можно расценивать как переходный период, поскольку он непосредственно предшествовал принятию Конституции России 1993 г. и ФЗ «Общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.), на основе которых стала формироваться современная российская система местного самоуправления. Соответственно анализируются конституционные нормы, законы РСФСР в сфере местного самоуправления, среди которых ключевым был Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991 г.), другие документы, а также научные труды по данной теме. Отмечается, что указанный переходный период связывался с упразднением бывших при СССР местных Советов народных депутатов и трансформацией их в обновленные органы местного самоуправления после распада СССР, и проходил сложно, противоречиво, а в некоторых случаях драматично, когда прежним «советским» депутатам приходилось принимать решения о самороспуске. Как бы ни было, но последующее время показало, что предложенный федеральной властью вариант развития института местного самоуправления был принят обществом, и соответствующие органы местного самоуправления созданы во всех без исключения субъектах Федерации.

Ключевые слова: местные Советы; депутаты; местное самоуправление; закон; местная администрация; президентские указы; реформа; демократия.

Российская государственность в период распада СССР (с 1990 г.) и до принятия Конституции России в декабре 1993 г. развивалась весьма противоречиво, это относилось и к институту местного самоуправления, основа которого изначально базировалась на советских законах, которые, в свою очередь, эволюционируя в период горбачевской «перестройки» в демократическом направлении, так и не смогли выйти из пределов советской доктрины местных Советов. На завершающем этапе «перестройки», начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР (1990 г.) [1], российский законодатель, в отличие от союзного законодателя, очень активно двигался по пути формирования государственности в контексте развития в обществе рыночных отношений, причем вначале это делалось путем принятия поправок к действующим правовым актам [2, с. 79]. Затем стали приниматься отдельные специализированные законы, и в середине 1991 г. был принят формально еще «советский» Закон

РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» [3], на основе которого начался процесс реформирования местных органов власти, формирования системы местного самоуправления в России.

В отличие принятого чуть меньше года раньше союзного закона («Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [4]), российский законодатель ввел в понятие местного самоуправления такой важный признак, как ответственность населения, берущего на себя право самостоятельного решения вопросов местного значения. Закон использовал также понятие «муниципальная собственность», в то время как союзный закон – понятие «коммунальная собственность». В соответствии законом местное самоуправление осуществлялось в границах районов, городов, районов в городах, поселков, сельсоветов, сельских населенных пунктах. Новеллой было то, что вместо коллегиальных исполкомов местных Советов в качестве исполнительного органа определялась

местная администрация, управляемая, что очень важно подчеркнуть, единолично главой местной администрации, который, и это случилось впервые, избираемого непосредственно населением (ранее население избирало только депутатов, которые на сессии Совета формировали исполком, куда также входили депутаты. Закон предусматривал принятие республиками в составе России собственных законов о местном самоуправлении, а также принятие районными и городскими Советами положений (уставов) о местном самоуправлении на подведомственной им территории. Советы и соответствующие органы управления наделялись собственной компетенцией, которая могла быть изменена только законом. Так, согласно ст. 5 «в пределах, установленных законодательством, районный, городской Советы принимают, а поселковый, сельский Советы могут принимать положение (устав) о местном самоуправлении на подведомственной территории. В положении (уставе) о местном самоуправлении конкретизируются функции, порядок работы, система и структура местных органов власти и управления, разграничение полномочий между ними, организация территориального общественного самоуправления населения. Положение (устав) о местном самоуправлении регистрируется органами государственной власти соответствующих края, области, автономной области, автономного округа» [3].

Еще одной новеллой Закона 1991 г. было включение норм, регулирующих взаимоотношения представительных и исполнительных органов местного самоуправления в случае возникновения конфликтных ситуаций, причем речь шла о механизме разрешения спорных вопросов во внесудебном порядке. Так, в ст. 34 определялось право главы местной администрации опротестовывать решения Совета. Протест считался отклоненным, если проголосовало не менее половины от числа депутатов, установленного для данного Совета. В свою очередь, и представительный орган мог выразить недоверие главе местной администрации. Такого рода нормы для законодательства о местном самоуправлении в правовой истории России были уникальными, их не было в отмеченном выше союзном законе. Вместе с тем в российском законе сохранялось положение о том, что решения Совета,

не соответствующие законодательству, могут быть отменены вышестоящим Советом народных депутатов (ст. 18). Данная норма входила вразрез с принципом самостоятельности органов местного самоуправления, их ответственности за принимаемые решения, содержащимся в этом же законе. Такое положение показывает внутреннюю противоречивость рассматриваемого закона.

В целом же Закон 1991 г. определял формирование местного самоуправления на основе сложившейся структуры местной советской власти, сохраняя при этом главенствующую роль местного Совета в системе местного самоуправления, двойное подчинение местных органов управления, право вышестоящих Советов отменять противоречащие законодательству решения местных Советов. Однако реализация норм Закона 1991 г. осуществлялась с большими сложностями, и основные причины этого состояли в отсутствии идеологии государственного строительства, утрате традиции российской научной муниципальной школы, широком распространении иждивенческих настроений, сформированных длительным периодом подавления местной инициативы посредством государственной власти, носившей всеобщий характер; кроме того, местные Советы не были обеспечены материально-финансово [5, с. 2]. И все же в целом в начале 1990-х гг. превалировала точка зрения, согласно которой Закон от 1991 г. открыл двери для «муниципальной революции», позволил перестроить местную жизнь и создать механизм территориального самоуправления [6, с. 27]. Но была и точка зрения, согласно которой до 1992 г. местные органы управления, несмотря на принятие закона, оставались государственными [7, с. 38]. И действительно, на этом этапе негосударственная природа органов местного самоуправления прямо не провозглашалась, однако демократические преобразования в России привели к тому, что стала оживать существовавшая в дореволюционный период идея выделения местного самоуправления из системы государственной власти [2, с. 94].

В любом случае можно говорить о том, что была обозначена соответствующая тенденция. Следующий шаг по официальному исключению местного самоуправления из системы органов государственной власти был сделан в

процессе конституционной реформы, когда 21 апреля 1992 г. в Основной закон страны были внесены изменения, согласно которым Съезд и Верховный Совет РФ, представительные органы республик, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга «образуют систему представительных органов государственной власти в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ). Реформа закрепила новую природу Российской Федерации, полноценными субъектами которой были официально признаны все перечисленные выше административно-территориальные единицы (до этого области и края не относились к субъектам Федерации, и там функционировали органы местной власти, как и в городах, районах, селах). Соответственно только на двух уровнях (федеральном уровне и уровне субъектов Федерации) стала функционировать «государственная власть». В ст. 85 Конституции России [8] (с апреля 1992 г. Конституция РСФСР стала именоваться Конституцией Российской Федерации-России) была включена ч. 2 следующего содержания: «Местные Советы народных депутатов – районные, городские, районные в городах, поселковые, сельские – входят в систему местного самоуправления». Раздел VII стал именоваться «Местное самоуправление в Российской Федерации».

В литературе отмечается, что именно этим решением на конституционном уровне состоялось разделение государственной власти и местного самоуправления [2, с. 93]. В российской реальности, однако, в результате известных событий в Москве осенью 1993 г. (непримиримый конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти на федеральном уровне) был резко прерван процесс планомерного реформирования института местного самоуправления, поскольку были упразднены представительные органы на местах и внесены существенные изменения в Закон 1991 г., которые сводились к концентрации всей власти на местах в руках местных администраций, в результате чего продекларированная в ранее принятых актах система местного самоуправления, по сути дела, перестала некоторое время функционировать, замененная рядом президентских указов по вопросам, касающимся местного самоуправле-

ния: «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 г.; «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» от 9 октября 1993 г.; «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» от 26 октября 1993 г.; «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» от 22 декабря 1993 г.

Так, согласно Указу «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливалось, что «деятельность районных в городах, городских в районах, поселковых, сельских Советов народных депутатов прекращается, их функции выполняет соответствующая администрация» [9]. В соответствии с п. 2 устанавливалось, что Закон Российской Федерации «О местном самоуправлении в Российской Федерации», другие законодательные акты применяются в части, не противоречащей настоящему Указу. И далее следовал важнейший п. 4: «Деятельность городских и районных Советов народных депутатов прекращается, их функции выполняет соответствующая местная администрация» [9]. Органам государственной власти субъектов Федерации было рекомендовано осуществлять реформу местного самоуправления в соответствии с положениями данного Указа, в том числе сформировать новые представительные органы, которые, как и исполнительные органы, должны были функционировать два года – на переходный период в рамках конституционной реформы.

Как отмечает Ю.А. Калинин, тем самым стала проявляться тенденция, направленная на усиление административно-бюрократической централизации по линии исполнительной власти [10, с. 159]. Подобные решения Президента РФ нашли весьма противоречивую, но все же как, представляется, в целом отрицательную оценку в отечественной правовой литературе (публикации Н.В. Щербаковой, В.М. Козлова, Е.В. Ревы и др.). Видимо, предполагая критику и понимая, что период отсутствия представительных органов местного самоуправления затягивается, Президент РФ 29 октября 1993 г. издал Указ «Об утверждении Основных положений о выборах в органы местного самоуправления» [11]. В

этом акте органам государственной власти субъектов Федерации рекомендовалось принять положения о выборах в органы местного самоуправления с учетом основных положений, утвержденных настоящим Указом, а также предписывалось провести предусмотренные Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г. N 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» выборы в представительные органы местного самоуправления. В Указе отмечалось, в частности, что органы местного самоуправления может быть избран гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий на соответствующей территории, достигший 18-летнего возраста и обладающий избирательным правом. Кандидаты в представительные органы местного самоуправления выдвигаются избирательными объединениями и группами избирателей. Финансирование мероприятий, связанных с организацией и проведением выборов в органы местного самоуправления, осуществляется за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации. Для финансирования избирательной кампании кандидаты и избирательные объединения вправе использовать собственные средства и добровольные денежные взносы».

Как видно, в целом этот документ был поддержан во вполне демократическом духе. Однако в литературе отмечалось, что режим, сложившийся в России после осенних (1993 г.) президентских указов, был не демократический, не авторитарный, не реформаторский и не реакционный, а новая российская политическая структура определялась как «олигархическая» или «клановая»; постсоветское общество было аморфно в своем социальном отношении, что проявляло себя в отсутствии ярко выраженных и «осознающих себя» классов, которых заменяли разрозненные политические группировки, группы интересов, лобби или «кланы», к характерным чертам которых можно отнести: формирование вокруг какого-либо яркого лидера; отсутствие индивидуального сознания внутри группы; инструментальное отношение к демократии, сохранение которой необходимо не потому, что это соответствует убеждениям, а потому, что в данных условиях демократические процедуры (в частности выборы) можно

использовать для укрепления своей власти [12].

Приведенные позиции показывают, насколько противоречивым был тот период как в социально-экономическом, так и в общественно-политическом плане. Об этом свидетельствует и практика реализации президентских указов. Так, несмотря на эти указы, местные Советы, например, в Башкирии и ряде других субъектов Федерации продолжали свою деятельность [2, с. 106]. Тем не менее объективно президентские указы все способствовали продвижению вперед института местного самоуправления в России. Так, в целях дальнейшего осуществления реформы местного самоуправления и обеспечения его государственной поддержки 9 октября 1993 г. в Указе Президента России «О некоторых мерах по оказанию государственной поддержки местного самоуправления» содержалось поручение Правительству РФ разработать проект Федеральной программы государственной поддержки местного самоуправления.

Приведенные выше президентские указы значительно активизировали, и прежде всего в практическом плане, процесс реформирования в России местного самоуправления, при этом еще сочетались как совершенно новые, так и прежние концептуальные положения. Так, изменился характер представительного органа местного самоуправления и главы администрации, который стал именоваться главой местного самоуправления. По факту утвердился приоритет местной администрации в ее взаимоотношениях с представительным органом местного самоуправления, и такое соотношение по-прежнему имеет место в практике деятельности муниципальных образований. Кроме того, указы Президента РФ послужили правовой базой для принятия субъектами Федерации соответствующих правовых актов по вопросам местного самоуправления.

При этом нужно иметь в виду, что указы Президента России по вопросам местного самоуправления были изданы до вступления в силу новой Конституции России 1993 г., поэтому в них содержались положения, которые стали не соответствовать Конституции, например, в них не обеспечивались конституционные права населения на самостоятельное определение структуры органов местного са-

моуправления, на участие населения в управлении муниципальной собственностью. В последующих после принятия Конституции России законах эти несоответствия постепенно устранялись. А до Конституции России 1993 г. и принятого на ее основе ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.) на местах шли непростые и нередко болезненные процессы упразднения местных Советов и формирования обновленной системы местного самоуправления, при этом во многих (вероятно, в большинстве) городов и районов главы местных администраций назначались руководителями субъектов Федерации, которые, в свою очередь, назначались Президентом России. И только потом, после переходного периода, после принятия Конституции России 1993 г. введения в действие указанного выше федерального муниципального закона 1995 г. в системе местного самоуправления начались выборы как глав местных администраций, так и депутатов представительных органов муниципальных образований. О сложности этого процесса является тот факт, что в ряде регионов новую структуру местного самоуправления удалось внедрить значительно позже [13].

«Прощание» с местными Советами времен СССР в некоторых регионах имел даже некоторый драматический оттенок. Так, в Краснодаре сначала 8 октября 1993 г. была сделана попытка созвать сессию Ленинского райсовета г. Краснодара (по инициативе 43 депутатов) с повесткой о самороспуске. Однако собравшихся депутатов не хватило для правомочности работы сессии райсовета. Очевидно, что многие депутаты не сочли нужным прибыть на сессию, поскольку вопрос в принципе был уже решен, оставалось лишь придать ему необходимую легитимность. Но желающих «похоронить» самих себя набралось лишь 51 депутат из 100, чего было недостаточно. И тогда собравшиеся депутаты решили сочли возможным придать заседанию статус собрания депутатов. Был принят документ – решение собрания депутатов Ленинского районного Совета г. Краснодара. Это довольно любопытный документ, благодаря которому, собственно, и удалось избежать ситуации банального разгона избранного населением представительного органа местного само-

управления, что никак не вязалось бы с провозглашенными принципами народовластия (ведь решение о разгоне *избранного* органа пришлось бы принимать *назначенному* должностному лицу, что при любых обстоятельствах недемократично). В решении, в частности, указывалось: «учитывая, что многие депутаты из числа не явившихся в течение длительного времени не принимали участия в работе Совета, не являлись на сессии, давно потеряли связи с избирателями, было решено провести депутатское собрание, где было принято решение о роспуске Ленинского районного Совета народных депутатов г. Краснодара, прекращении полномочий его депутатов ... рекомендуем депутатам Краснодарского горсовета и Краснодарского краевого Совета народных депутатов принять незамедлительные меры по самороспуску. Просим глав администрации г. Краснодара и Краснодарского края принять постановления о роспуске Советов всех уровней. Мы считаем, что данное решение будет способствовать стабилизации социальной обстановки и установлению гражданского мира в обществе» [14]. Сложными были трансформации местной власти и в других регионах – Рязанской области, Приморском крае, Ростовской области и др. [15; 16; 17 и др.].

Как видно, продвижение реформы местного самоуправления на местах в самом начале 1990-х гг. проходило очень противоречиво, и юридической чистоты, конечно, явно не хватало. Но иного трудно было ожидать. Ведь распад СССР и появление Российской Федерации как самостоятельного суверенного государства можно расценивать как социально-политическую революцию [18; 19 и др.], а такие революции, как показывает история, не совершаются «в белых перчатках». Как бы ни было, но последующее время показало, что предложенный федеральной властью вариант развития института местного самоуправления был принят обществом, и соответствующие органы местного самоуправления созданы во всех без исключения субъектах Федерации. Другое дело, и последующие годы, вплоть до настоящего времени, в российской системе местного самоуправления остается немало нерешенных проблем, решения которых заведомо непростые.

Библиографический список

1. Декларация I Съезда народных депутатов РСФСР от 12.06.1990 г. №22-I «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
2. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: Теоретико-правовые основы взаимодействия. – М.: Норма, 2002.
3. Закон РСФСР от 06.07.1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР 1991. № 29. Ст. 1010.
4. Закон СССР от 09.04.1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Свод законов СССР. Т. 1. Ст. 267. 1990 г.
5. Дмитриев Ю.Л., Пылин В.В. Закон о местном самоуправлении // Ленинградская панорама. – 1990. – № 3. – С. 2-6.
6. Народный депутат. – 1992. – № 3.
7. Мокрый В.С. Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра // Местное самоуправление в России. – М., 2003.
8. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации - России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) (ред. от 10.12.1992) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2026 г.)
9. Указ Президента Российской Федерации «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» от 09.10.1993 г. // Российская газета. 1993. 29 окт.
10. Калинин А.Ю. Историко-теоретические основы организации местного самоуправления в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 2004.
11. Указ Президента РФ «Об утверждении основных положений о выборах в органы местного самоуправления» от 29.10.1993 г. // Российская газета. 1993. 3 ноября.
12. Грехм Т. Новый российский режим // Независимая газета. 1995. 23 ноября.
13. Город в теории и практике: правовые и урбанонологические аспекты / Астафичев П.А., Бялкина Т.М., Дусаев Р.Н., Зайцева-Савкович Е.В., Ирхин И.В., Карцев Б.В., Касаткина С.С., Кожевников О.А., Комарова В.В., Корабельникова Ю.Л., Костюков А.Н., Ларичев А.А., Ливеровский А.А., Мартынова С.Э., Мархгейм М.В., Питрюк А.В., Пешин Н.Л., Расихина Л.Ф., Соколова А.И., Сюнберг К.К. и др. – Москва, 2020.
14. Краснодарские известия. 1993. 9 октября.
15. Модин В.И. Деятельность органов местного самоуправления в Рязани на фоне нарастания кризисных явлений в экономике в 1990-1991 году // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2023. – № 1. – С. 70-80.
16. Воронцов Н.С. Становление местного самоуправления во Владивостоке в начале 1990-х гг.: анализ предложений и попыток их воплощения // Известия Восточного института. – 2023. – № 4. – С. 39-51.
17. Никитина А.А. Становление местного самоуправления в Ростовской области в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2022. – № 1. – С. 137-157.
18. Латов Ю.В. Финал фальстарта (о катастрофической революции 1991 г.) // Социологические исследования. – 2021. – № 12. – С. 67-75.
19. Алябьева Т.К. Социально-политическая революция в России на рубеже XX-XXI веков // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 5. – С. 8-19.

POLITICAL AND LEGAL FEATURES OF THE FIRST STAGE OF REFORMING THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM IN RUSSIA (1990-1993)

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *This article highlights the characteristics of the first stage of local government reform in Russia, which began near the end of Gorbachev's perestroika (from 1990). This stage can be regarded as a transitional period, as it immediately preceded the adoption of the 1993 Constitution of Russia and the Federal Law "General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" (1995), which laid the foundation for the formation of the modern Russian system of local government. Accordingly, the article analyzes constitutional norms and laws of the RSFSR in the area of local self-government, including the key Law of the RSFSR "On Local Self-Government in the RSFSR" (1991), other documents, and scholarly works on this topic. It notes that this transitional period, associated with the abolition of the former local Soviets of People's Deputies and their transformation into updated local self-government bodies after the collapse of the USSR, was complex, contradictory, and in some cases dramatic, with former "Soviet" deputies forced to decide to dissolve themselves. Regardless, subsequent developments have shown that the federal government's proposed development of local self-government was accepted by society, and corresponding local self-government bodies were established in all constituent entities of the Federation without exception.*

Keywords: *local Soviets; deputies; local self-government; law; local administration; presidential decrees; reform; democracy.*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ И ПРЕВЕНЦИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н.С. Чимаров, канд. юрид. наук, доцент

П.М. Калинин, магистрант

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-296-300

Аннотация. В настоящей статье исследуется вопрос о единстве правового регулирования сферы кибербезопасности, как специфического и динамично развивающегося направления, в рамках которого осуществляются новые «наработки», касающиеся превенции киберпреступлений. На основе анализа действующих международно-правовых источников и отдельных положений зарубежного национального права определяются некоторые особенности национального и регионального регулирования информационного пространства, и актуальность его правовой защиты от различного рода противоправного кибервоздействия криминального характера.

Ключевые слова: международное право; кибербезопасность; превенция киберпреступлений; цифровая среда; цифровые технологии; правовые стандарты.

Вопрос обеспечения кибербезопасности представляет исключительный интерес ввиду общей зависимости политических, экономических, социальных и иных процессов от сферы развития информационных технологий цифрового характера. Сама же тенденция к тотальной цифровизации многообразия общественных отношений и сопутствующая ей современная модель различного рода преступных действий в цифровой среде, относящихся к разряду киберпреступлений, подтверждают актуальность рассмотрения вопросов, касающихся учета зарубежного опыта по ряду проблем исследуемой нами предметной области.

По оценке отдельных зарубежных специалистов, современные международные отношения находятся в фазе конкурентной глобализации. Подобный контекст определяет смену ориентиров, где высокий уровень развития технологий становится атрибутом сильного государства. Подобный формат межгосударственной интеракции, безусловно влияет и на сферу разрешения международных споров, в которой приоритет отдается ненасильственным мерам и методам скрытого воздействия [1, р. 438]. Упрощение доступа к информации, равно как и обеспечение связи различных территорий посредством цифровой коммуникации, закономерно приводит к росту киберпреступности. Исходя из природы данного явления, речь изначально идет о вызовах, понятных в интернациональном измерении. С

течением времени и в связи с постепенной адаптацией технологических возможностей к совершению киберпреступлений, кратно возрастает степень связанных с ними угроз.

Исследуя динамику содержания дефиниции «киберпреступление», зарубежные ученые констатируют о том, что период первого десятилетия XXI в. характеризуется небывалым всплеском хакерской активности, что обусловлено спонсорской деятельностью ряда государств, в части их заинтересованности в совершении мощных атак на критические объекты инфраструктуры отдельных стран. При этом, особого внимания заслуживают мошеннические схемы атак, порожденных уязвимостью цифрового инструментария в сферах банковской деятельности и международной системы расчетов. Последующий по времени характер проявления более изощренных по своему функционалу генеративных технологий, облачных решений и иных более устойчивых типов соединений на основе искусственного интеллекта (далее – ИИ) и квантовых компьютеров, предопределяет более пристальное к осмыслению исследуемого вопроса [2, р. 19]. Отмеченный вывод подкрепляется формированием в настоящее время самостоятельного направления «квантовой цифровой криминалистики, вызванного проявлением возможностей технологии квантового обмена, нивелирующей «традиционные» ме-

тоды проведения криминального расследования [3].

Применительно к области международной безопасности, разработка универсального механизма противодействия киберпреступности представляется непростой задачей, решение которой усложняется кризисом прежней системы миропорядка и обострением отношений между многими государствами, втянутыми в состояние гибридной войны. Данное обстоятельство предопределяет необходимость укрепления национальных и региональных систем противодействия современной парадигме киберугроз. Нацеленность на укрепление миропорядка при одновременном построении барьеров в локальных масштабах – примечательный парадокс системы международных отношений. Область кибербезопасности, именуемая также цифровой или информационной безопасностью (контекстуально близкие понятия), в данном отношении не является исключением.

К примеру, на основе анализа положений Приказа РЈС/522/2025, изданного Министерством при Председателе Правительства, юстиции и по связям с Генеральными кортесами (Королевство Испания), мы выясняем однозначную ориентацию Национальной доктрины кибербезопасности на соответствующие программные документы ЕС. Несмотря на декларативный тезис разработчиков данного документа, сводимого к тому, что политика интеграции не предполагает вмешательство в дела национальной обороны, руководящие органы ЕС предпринимают необходимые шаги по укреплению коллективной системы обороны и «консолидации киберпространства как сферы военных операций» [4, р. 69038], – осуществляемой под эгидой защиты европейских ценностей. В тоже время, отмеченный псевдооборонительный аспект подкрепляется суждением экс-чиновника ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля о том, что «Европе необходимо выучить язык силы» [5]. По стечению обстоятельств эти слова на тот момент совпали с ревизией системы безопасности в самом ЕС, а следовательно, и в государствах-членах этой интеграции.

Впрочем, сфера безопасности определяется далеко не только через вопросы военной деятельности. Так, согласно Регламенту

ЕС 2025/38 (2024), в целях успешного реагирования на возможные киберугрозы и предупреждения соответствующих рисков необходимо учитывать принципы, которые европейская интеграция разделяет с «партнерами-единомышленниками». Такие условия взаимодействия основаны на универсальных ценностях солидарности и гуманизма, однако они в любом случае должны соответствовать интересам ЕС в области обеспечения безопасности [6].

Упомянутые примеры из практики ЕС не являются эксклюзивными. Условные понимание «технологического» и «цифрового» суверенитета известно и пространству ЕАЭС. Существующие программы по развитию информационно-коммуникационных технологий, цифровизации экономики, а также автоматизации транспортной системы способствуют снижению зависимости государственных участников от влияния третьих стран [7, с. 30]. Существующее международно-правовое регулирование направления кибербезопасности (в т.ч. с учетом превенции киберпреступлений) представлено вариативным набором источников. Ввиду локализации данного направления, речь преимущественно идет об актах регионального уровня, что не отрицает наличие документов универсального значения.

Собственное видение основ правового регулирования киберпространства представлено в актах Совета Европы. Так, в 2001 г. был разработан первый международный договор в означенной области – Будапештская конвенция о компьютерных преступлениях № 185. Указанный Генеральный документ был уточнен в 2003 г. Протоколом № 1 (криминализация деяний расистского и ксенофобного характера, совершаемых с использованием компьютерных систем) и в 2022 г. Протоколом № 2 (расширение сотрудничества и раскрытие электронных доказательств). Примечательно, что Россия отказалась от участия Будапештской конвенции 2001 г. по причине наличия формулировок, угрожающих национальному суверенитету.

Важно заметить, что имеющиеся трактовки дефиниций «кибербезопасность» и «киберпреступления» ввиду высокого темпа развития технологий, а также избирательного следования государств международным предписаниям, являются пространными. В наиболее

широком понимании речь идет об особенностях взаимодействия субъекта с элементами цифровой среды. В этой связи, необходимо указать на то, что правовые основы регламентации актуальных вопросов кибербезопасности, к примеру в европейском регионе, получили закрепление в Рамочной конвенции об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (2024) (далее – Рамочная конвенция) [8]. Определяя принципы ответственного управления ИИ-технологиями в контексте функционирования демократического общества, Рамочная Конвенция тем не менее допускает неприменение правовых положений, если отдельные ИИ-инструменты используются в целях обеспечения национальной безопасности (ст. 3).

Среди иных региональных подходов возможно выделить Конвенцию Африканского Союза о кибербезопасности и защите персональных данных от 2014 г. [9], закрепляющую режим правового регулирования коммерческих операций в цифровой среде и борьбы с киберпреступлениями. Применительно к деятельности государств, координирующих свои усилия по вопросам противодействия киберпреступности на пространстве СНГ, несомненного внимания заслуживает Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (2018) [10]. В рамках ШОС действует Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2009 г. [11], устанавливающее самобытные принципы сотрудничества, а также перечни вероятных угроз и составов преступлений. Наибольший интерес вызывает наличие таких понятий как «информационная война» и «информационное оружие».

Применительно к универсальному порядку регулирования сферы кибербезопасности определенный интерес представляют Правила ЕЭК ООН, в формате которых начиная с 2021 г., издается ряд положений, посвященных вопросам кибербезопасности при эксплуатации транспортных средств. К примеру, Правила № 155 определяют обязанности изготовителя транспортного средства, требования к его сертификации, а также перечень возможных уязвимостей (прослушивание, несанкционированный доступ к файлам программного обеспечения, манипулирование от-

дельными параметрами транспортного средства и т.п.) [12]. Технический характер документа не делает сам источник менее значимым с юридической точки зрения, поскольку сами правила принимаются в формате наднациональных обязательств. В дальнейшем и в контексте форсированного применения ИИ, тема кибербезопасности получает новое развитие, а с 2024 г. Правила ЕЭК ООН касаются перспективы регулирования отдельных вопросов кибербезопасности, с учетом противоправного применения ИИ [13]. Многочисленные попытки выработки единых юридически значимых ориентиров в области обеспечения глобальной кибербезопасности способствовали принятию в 2024 г. Конвенции против киберпреступности [14], положения которой позволяют конкретизировать ряд наиболее значимых аспектов, касающихся вопросов криминализации отдельных составов преступлений [15, с. 114-116].

Подводя итог изложенному, представляется необходимым заключить следующее:

1. Фактор обращения в отмеченных документах к проблеме правового регулирования киберпространства, свидетельствует о широком употреблении дефиниций «кибернетический» и «информационный», подлинное содержание которых способствует особенностям трансформации нормативных положений различного рода региональных и национальных источников права, регламентирующих вопросы противодействия киберпреступности. При этом, использование указанных лексем свидетельствует о специфике национального и регионального правопонимания, что безусловно необходимо учитывать при построении конструктивного международного диалога по проблеме борьбы с преступлениями в цифровой среде.

2. Акцентируя внимание на «кибернетическом» подходе к оценке преступных действий в современном информационном пространстве, важно учитывать в историческом плане первенство данного подхода именно в странах, относящихся к Совету Европы и характеризующихся высокой концентрацией IT-индустрии, опыт которых во многом предвосхитил тенденции развития цифрового пространства и способствовал разработке соответствующих принципов правового регулирования цифровой среды, в части создания не-

обходимых правовых барьеров для различных видов киберпреступности, востребованных в настоящее время и в других регионах мира.

3. Особенности функционирования информационного пространства XXI в. не позволяют в полной мере обеспечить необходимый контроль за действиями акторов социального взаимодействия на глобальном уровне, что: во-первых, создает благотворную почву для различного рода преступных действий с опорой на потенциал новых технологий; во-вторых, повышает уровень ответственности государства за обеспечение национальных интересов в сфере информационного суверени-

тета и принятие на национальном уровне эффективных мер по обеспечению кибербезопасности и превенции киберпреступлений.

4. Динамичный характер развития цифровых технологий и вооружение ими различного рода преступных элементов, позиционирующих себя на глобальном и национальном уровнях, подтверждает целесообразность консолидации международных усилий по противодействию киберпреступности и необходимость учета передовых зарубежных практик, касающихся правовой регламентации наиболее эффективных мер по борьбе с киберпреступлениями.

Библиографический список

1. Sumadinata W.S. Cybercrime and Global Security Threats: A Challenge in International Law // Russian Law Journal. – 2023. – Vol. 11 № 3. – P. 438-444.
2. Abdullah M., Nawaz M.M., Saleem B., Zahra M., Ashfaq E.b., Muhammad Z. Evolution Cybercrime – Key Trends, Cybersecurity Threats, and Mitigation Strategies from Historical Data // Analytics. – 2025. – № 25 (4). – 44 p.
3. Alhazmi S., Elleithy K., Elleithy A. Digital Forensics of Quantum Computing: The Role of Quantum Entanglement in Digital Forensics – Current Status and Future Directions // Quantum Reports. – 2025. – № 44 (7). – 22 p.
4. Orden PJC/522/2025, de 23 de mayo, por la que se publica el Acuerdo del Consejo de Seguridad Nacional de 24 de abril de 2025, por el que se aprueba el procedimiento para la elaboración de una nueva Estrategia Nacional de Ciberseguridad // Boletín Oficial del Estado. – 2025. – № 126. – P. 69037-69040.
5. Weiler J. Europe Must Learn Quickly to Speak the Language of Power: Part I // EJIL: Talk!. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ejiltalk.org/europe-must-learn-quickly-to-speak-the-language-of-power-part-i/>.
6. Regulation (EU) 2025/38 of the European Parliament and of the Council «Cyber Solidarity Act». 19.12.2024. // Официальный сайт EUR-Lex. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2025/38/oj/eng>.
7. Давыденко Е.В. Научно-технологическое сотрудничество в Евразийском экономическом союзе в контексте обеспечения технологического суверенитета // Вопросы инновационной экономики. – 2025. – № 1 (15). – С. 25-38.
8. On 5 September 2024, the first-ever, international, legally-binding instrument on Artificial Intelligence (AI) was opened for signature by the Council of Europe (CoE). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eucrim-eu.translate.google.com/news/council-of-europe-convention-on-artificial-intelligence/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sge.
9. African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection. June 27, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-cyber-security-and-personal-data-protection>.
10. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. 28.09.2018 // Бюллетень международных договоров. № 9. Сентябрь 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/351210645?section=text>.
11. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 16.09.2009 // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902289626?section=text>.

12. UN Regulation № 155 – Uniform provisions concerning the approval of vehicles with regards to cyber security and cyber security management system. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drupal-main-staging.unece.org/sites/default/files/2023-02/R155e%20%282%29.pdf>.

13. Соображения по искусственному интеллекту в контексте дорожных транспортных средств // Комитет по внутреннему транспорту ЕЭК ООН.ECE/TRANS/WP.29/1182. – 7.11.2024. – 10 с.

14. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята 24.12.2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>.

15. Штодина Д.Д. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года – итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. – 2025. – № 1. – Р. 110-124.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR CYBERSECURITY AND PREVENTION OF CYBERCRIME

N.S. Chimarov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

P.M. Kalinin, *Graduate Student*

St. Petersburg State Marine Technical University

(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article examines the unification of legal regulation in the field of cybersecurity, a specific and dynamically developing area where new developments are being made in the prevention of cybercrime. Based on an analysis of current international legal sources and specific provisions of foreign national law, certain features of national and regional regulation of the information space are identified, as well as the relevance of its legal protection from various types of illegal cybercriminal activity.*

Keywords: *international law; cybersecurity; cybercrime prevention; digital environment; digital technologies; legal standards.*

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

М.Д. Шепляков, студент

О.В. Натроби́на, канд. экон. наук, доцент

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-301-306

Аннотация. Статья посвящена проблеме преступности и криминальной активности в Калужской области. Для изучения проблемы была проанализирована преступность в Калужской области и проведён статистический анализ криминальной активности за период с 2014 по 2024 гг. по абсолютным и относительным показателям, были рассмотрены такие пункты как количество потерпевших, темпы роста потерпевших, самые распространённые преступления, особенность киберпреступлений, характеристика граждан, совершивших преступления. Оценены значимость мер правительства Калужской области по уменьшению преступности в регионе, а также значимость регионального проекта «Профилактика правонарушений в Калужской области».

Ключевые слова: преступность в Калужской области; криминальная активность; киберпреступления; потерпевшие; профилактика правонарушений.

В современной литературе преступность рассматривается как минимум с двух сторон. Во-первых, уровень преступности, то есть вероятность стать жертвой, выступает индикатором безопасности жизни в конкретном регионе. Во-вторых, она отражает принятые в обществе и закреплённые в законодательстве нормы о том, какие деяния считаются уголовно наказуемыми, а какие – нет. При этом не все преступления попадают в официальную статистику: например, часть инцидентов разрешается сторонами без участия полиции, тогда как другие, напротив, могут регистрироваться избыточно.

В целом приведённые данные позволяют оценить прежде всего уровень безопасности жизни в регионе России с точки зрения рисков для местных жителей понести ущерб здоровью, жизни или имуществу.

Анализ преступности в данном исследовании строится на последовательном применении системы показателей, которые условно делятся на две большие группы: абсолютные и относительные. Абсолютные показатели – это первичные статистические данные, характеризующие количественные масштабы преступности. В криминальной практике к ним относятся, например: общее число зарегистрированных преступлений за год, количество выявленных лиц, совершивших преступ-

ления, число потерпевших, количество краж, разбоев или убийств. На основе абсолютных показателей рассчитываются такие производные величины, как абсолютный естественный прирост (или убыль) числа преступлений по сравнению с предыдущим периодом.

Относительные показатели (коэффициенты) позволяют измерить интенсивность преступности и корректно сравнивать её уровень в разных регионах или за разные периоды, устраняя влияние численности и структуры населения. Они делятся на три уровня. Общие показатели дают первое, самое укрупнённое представление – например, общий коэффициент преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения) или коэффициент виктимизации (число потерпевших на 100 тыс. жителей). Специальные показатели позволяют элиминировать влияние возрастной структуры населения и показывать истинный уровень преступности в отдельных группах – например, коэффициент преступности среди несовершеннолетних, коэффициент судимости среди мужчин трудоспособного возраста или коэффициент уличной преступности на 10 тыс. городского населения. Стандартизованные показатели используются для максимально точных межрегиональных или межстрановых сопоставлений: они искусственно приводят возрастную или половую состав населения

к единому стандарту, чтобы различия в демографической структуре не искажали реальное соотношение уровней преступности.

Ниже в таблице 1 представлены абсолютные показатели количества пострадавших в Калужской области за период с 2014 по 2024 гг. В целом, из этой таблицы мы можем видеть, что за 11 лет общее число пострадав-

ших от преступлений в Калужской области сократилось на 5 275 человек, что свидетельствует о повышении защищённости населения при сохраняющихся вызовах в виде киберпреступности и преступности против несовершеннолетних. Подробно влияние киберпреступности мы рассматриваем позднее в статье.

Таблица 1. Абсолютные показатели (чел.) и темпы прироста (%) количества пострадавших в Калужской области за период с 2014 по 2024 гг. [7]

Год	Общее число пострадавших от преступлений	Темп прироста	Мужчины	Темп прироста	Женщины	Темп прироста	Несовершеннолетние	Темп прироста
2014	12784		6999		5785		1205	
2015	13658	6,40%	7548	-7,84%	6110	-5,62%	1184	1,74%
2016	11206	-21,88%	6063	19,67%	5143	15,83%	534	54,90%
2017	9923	-12,93%	5406	10,84%	4517	12,17%	781	-46,25%
2018	9986	0,63%	5473	-1,24%	4513	0,09%	920	-17,80%
2019	9938	-0,48%	5282	3,49%	4656	-3,17%	780	15,22%
2020	10442	4,83%	5396	-2,16%	5046	-8,38%	620	20,51%
2021	9374	-11,39%	4901	9,17%	4473	11,36%	663	-6,94%
2022	9390	0,17%	4884	0,35%	4506	-0,74%	760	-14,63%
2023	7955	-18,04%	3925	19,64%	4030	10,56%	561	26,18%
2024	7509	-5,94%	3730	4,97%	3779	6,23%	629	-12,12%

По данным таблицы 1 прослеживается устойчивая положительная динамика снижения криминальной виктимизации населения. Общее число потерпевших сократилось с 12 784 человек в 2014 году до 7 509 человек в 2024 году – почти на 41% (абсолютное снижение – 5 275 человек). Наибольший темп прироста числа пострадавших зафиксирован в 2015 году (+6,4%), что может быть связано с повышением выявляемости преступлений и ростом обращаемости граждан в правоохранительные органы. Однако уже с 2016 года началось последовательное снижение: самый значительный спад наблюдался в 2016 году (-21,88%), затем в 2017 году (-2,93%), а также рекордное падение в 2023 году (-18,04%) и в 2024 году (-5,94%). Исключением стал небольшой рост в 2020 году (+4,83%), вероятно, обусловленный криминогенными последствиями пандемии COVID-19 (включая дистанционные мошенничества). В 2021-2022 годах показатели стабилизировались с незначительными колебаниями, а с 2023 года вновь уверенно снижаются – что во многом является результатом реализации региональной программы «Профилактика правонарушений в Калужской области».

Гендерная структура пострадавших показывает, что на протяжении всего периода мужчины стабильно преобладали над женщинами, однако разрыв постепенно сокращается. В 2014 году мужчин-потерпевших было на 1 214 больше, чем женщин, в 2024 году – уже всего на 49 человек меньше (мужчин 3 730, женщин 3 779). Более того, в 2023-2024 годах число женщин-потерпевших впервые превысило число мужчин. Это связано с резким ростом доли киберпреступлений (свыше 35% от общего массива в 2023 году), жертвами которых чаще становятся женщины вследствие методов социальной инженерии. Число пострадавших мужчин сократилось почти вдвое (с 6 999 до 3 730), женщин – на треть (с 5 785 до 3 779).

Отдельного внимания заслуживают несовершеннолетние потерпевшие. Их абсолютное число снизилось с 1 205 в 2014 году до 629 в 2024 году (практически в два раза). Однако динамика крайне неравномерна: пик падения пришёлся на 2016 год, когда число несовершеннолетних пострадавших сократилось на 54,9% (с 1 184 до 534), а затем последовали разнонаправленные колебания (рост в 2017 г. на 46,25%, в 2019 г. – на 15,22%, в 2020 г. – на 20,51%, в 2023 г. – на 26,18%).

Это указывает на сохраняющуюся уязвимость возрастной группы, несмотря на общее снижение. Положительная динамика в отдельные годы (например, 2016, 2018, 2022, 2024) достигнута в том числе благодаря специализированным профилактическим акциям в отношении несовершеннолетних («Ночной патруль», «Подросток и Закон»).

Проведённый анализ динамики числа потерпевших, их гендерно-возрастной структуры и временных колебаний позволяет не только оценить общий уровень криминальной безопасности в регионе, но и точно выявить наиболее уязвимые группы населения (как правило женщины и несовершеннолетние) а также периоды, требующие усиления профилактики. Допустим на примере Калужской

области была выявлена нетипичная уязвимость мужского населения в качестве пострадавших, несмотря на их условно равное количество среди населения общего населения по данным Росстата. Именно через призму потерпевших становится видна реальная эффективность мер правительства - там, где статистика улучшается, и там, где возникают «болевые точки». Однако для понимания истинных причин происходящих изменений необходимо обратиться к структуре самой преступности: какие именно противоправные деяния совершаются чаще всего и как их доля менялась на протяжении 2014-2024 гг. Перейдём к анализу трёх самых распространённых видов преступлений в Калужской области (рис. 1).

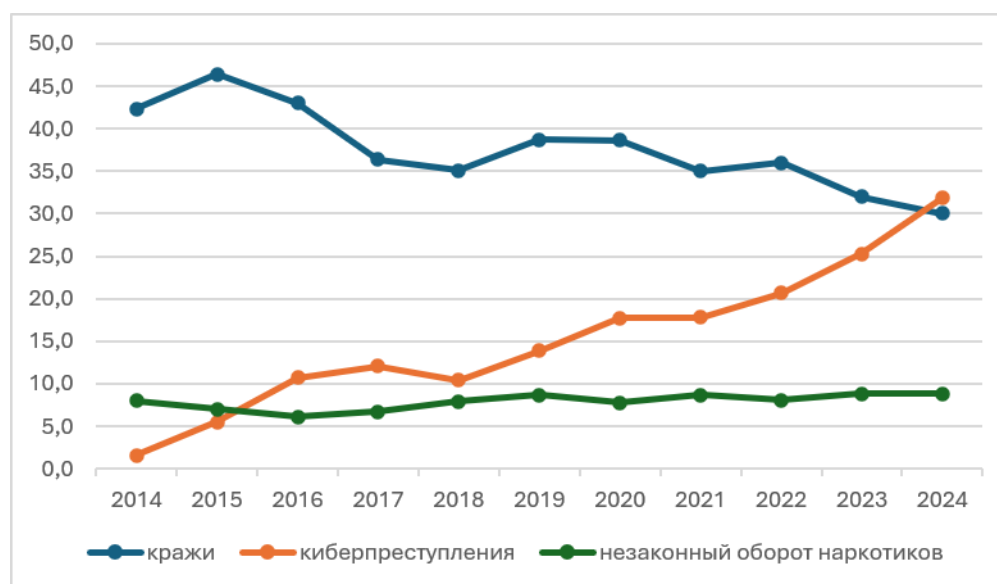

Рис. 1. Статистика трех самых распространенных видов преступлений в Калужской области за период с 2014 по 2024 гг.

За рассматриваемый период наблюдается кардинальная трансформация структуры преступности: если в 2014 году безусловным лидером были кражи (42,3% от всех преступлений), то к 2024 году их доля сократилась до 30,0%, что является историческим минимумом. Снижение происходило неравномерно, но устойчиво: после пика в 2015 году (46,4%) последовало постепенное уменьшение с отдельными всплесками (2019 – 38,7%, 2020 – 38,6%). Основная причина – переориентация преступников на дистанционные хищения, а также эффективная работа региональных подразделений по раскрытию краж и меры профилактики имущественных преступлений

(установка видеонаблюдения, развитие системы «Безопасный город»).

Наиболее драматичный рост демонстрируют киберпреступления. Их доля увеличилась с символических 1,6% в 2014 году до 31,8% в 2024 году, то есть почти в 20 раз. Особенно резкий скачок произошёл в 2020-2022 годах: с 17,7% до 20,7%, а к 2024 году киберпреступления практически догнали кражи по распространённости (31,8% против 30,0%). Этот тренд объясняется повсеместной цифровизацией, переходом многих услуг в онлайн, а также активным использованием преступниками методов социальной инженерии и фишинга. Рост в 2020 году также связан с пан-

демийным локдауном, когда граждане больше времени проводили в интернете. Правительство Калужской области в ответ усилило информирование населения о схемах мошенничества и запустило совместно с УМВД профилактические кампании.

Доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, колебалась в диапазоне 6-9%, без ярко выраженного тренда. Минимальное значение зафиксировано в 2015 году (7%), 2014 – 8%, 2015 – 7%, 2016 – 6,1% (самый низкий показатель), затем постепенный рост до 8,8% в 2023–2024 годах. Относительная стабильность этой доли (в среднем около 8%) указывает на то, что наркопреступность остаётся устойчивым сегментом криминального ландшафта, несмотря на регулярные оперативно-профилактические мероприятия («Сообща, где торгуют смертью», ликвидация интернет-магазинов). Отсутствие резких скачков говорит о системной работе правоохранителей, но и о сохранении спроса на наркотики среди населения.

Таким образом, главный вывод анализа топ-3 преступлений – смена лидера: кражи уступают место киберпреступлениям, которые к 2024 году практически сравнялись с ними. Это требует пересмотра приоритетов в профилактике – усиления цифровой грамотности населения и технической защиты граждан от дистанционных хищений. Наркотическая преступность остаётся стабильной проблемой, требующей постоянного контроля.

Для полного анализа криминальной ситуации в Калужской области, требуется рассмотреть не только преступления, пострадавших от этих преступлений, но и самих преступников. Ведь правительство должно всеми ресурсами снижать их количество и работать над адаптацией людей, уже отбывших заключение, чтобы они не совершали преступления повторно. Определённая тенденция среди преступников, хорошо прослеживается на рисунке 2.

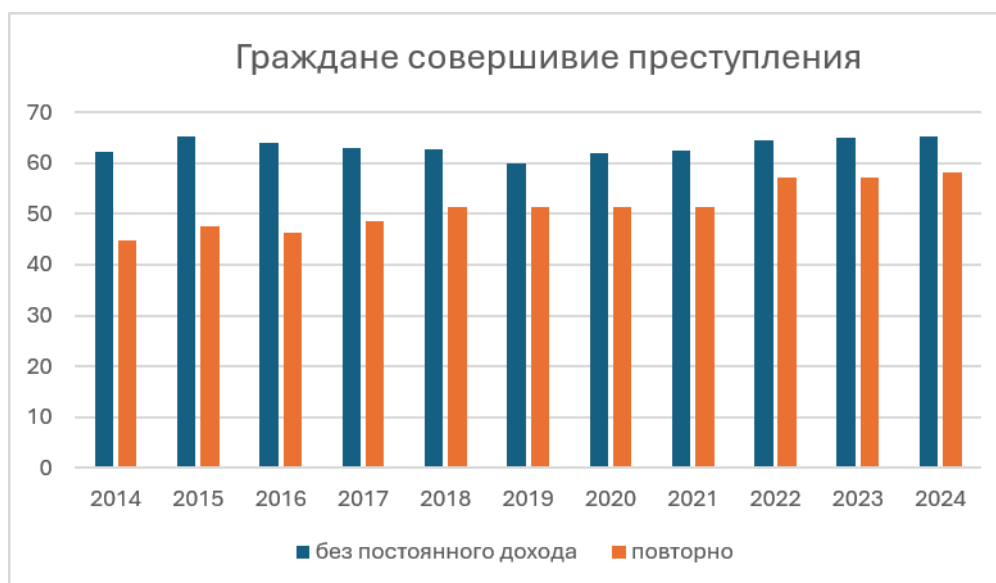

Рис. 2. Динамика граждан, совершивших преступления (без постоянного дохода и повторно) в Калужской области за период с 2014-2024 год в % от общего числа граждан, совершивших преступление

Доля преступников, не имеющих постоянного дохода, на протяжении всего периода оставалась на высоком уровне – от 59,9% до 65,3%. Минимальное значение зафиксировано в 2019 году (59,9%), после чего показатель вновь начал расти и к 2024 году достиг максимума (65,3%). В первые годы (2014-2018) доля колебалась в диапазоне 62-65%, а с 2022

года уверенно превысила 64%, составив в 2022 году 64,5%, в 2023 – 65%, в 2024 – 65,3%. Это свидетельствует о том, что материальная нестабильность и отсутствие легального заработка остаются ключевыми криминогенными факторами в регионе. Ухудшение ситуации после 2020 года может быть связано с экономическими последствия-

ми пандемии и санкционным давлением, затронувшим рынок труда. Частично это компенсировалось мерами социальной поддержки, однако полностью проблему не решило.

Более тревожной выглядит динамика рецидивной преступности (доля ранее судимых среди всех совершивших преступления). Если в 2014 году повторно преступления совершали 44,8%, то к 2024 году этот показатель вырос до 58,2% – плюс 13,4 процентных пункта. Особенно заметен скачок после 2020 года: с 51,4% в 2020-2021 до 57,1% в 2022 году, а затем до 57,3% и 58,2% в 2023-2024 годах. Рост рецидива указывает на недостаточную эффективность системы ресоциализации и контроля за лицами, ранее отбывавшими наказание. Вероятные причины: сокращение программ трудовой адаптации бывших заключённых, отсутствие достаточного количества рабочих мест с достойной оплатой, а также возможное ужесточение учёта и регистрации повторных преступлений.

Таким образом, портрет типичного преступника в Калужской области к 2024 году – это человек без постоянного дохода (почти две трети – 65,3%) и с высокой вероятностью ранее судимый (58,2%). Сочетание этих двух факторов создаёт устойчивое криминальное «ядро», требующее системных мер по социальной интеграции и созданию рабочих мест для уязвимых категорий граждан.

Именно на эту комплексную проблему была направлена государственная программа Калужской области «Профилактика правонарушений в Калужской области», утверждённая постановлением Правительства региона от 29 декабря 2020 года № 1012.

Анализ общего числа потерпевших показывает положительную динамику. Среднегодовое число пострадавших от преступлений в 2014-2020 гг. составляло около 11 134 человек, тогда как в 2021-2024 гг. оно снизилось до 8 557 человек. Абсолютное значение сократилось с 12 784 в 2014 году до 7 509 в 2024 году – почти на 41%. Это свидетельствует о повышении защищённости населения в период действия программы. Однако структура преступности демонстрирует разнонаправленные тренды. Доля краж, которая в 2014-2020 гг. составляла в среднем 40,1%, в 2021-2024 гг. снизилась до 33,3% (с 42,3% в 2014 году до 30,0% в 2024 году), что говорит об успехах профилактики имущественных пре-

ступлений. В то же время доля киберпреступлений за те же периоды выросла с 10,3% до 23,9% (с 1,6% в 2014 году до 31,8% в 2024 году), и программа не смогла сдержать этот рост. Доля незаконного оборота наркотиков оставалась стабильной на уровне 7-9% как до, так и после 2021 года, без заметного снижения.

Что касается характеристик самих преступников, то здесь эффективность программы выглядит ограниченной. Доля лиц без постоянного дохода среди совершивших преступления в 2014-2020 гг. составляла в среднем 62,7%, а в 2021-2024 гг. – 64,3%, то есть незначительно выросла. Самый тревожный сигнал – динамика рецидивной преступности. Средний уровень повторно совершивших преступления увеличился с 48,8% в 2014-2020 гг. до 56,0% в 2021-2024 гг., а к 2024 году достиг 58,2%. Это прямо противоречит заявленной цели программы по снижению уровня преступности, включая повторные правонарушения. Таким образом, политика «Профилактика правонарушений в Калужской области» продемонстрировала частичную эффективность: она помогла сократить общее число потерпевших и долю краж, но не смогла переломить рост киберпреступности и, главное, рецидива.

Проведённое исследование преступности в Калужской области за 2014-2024 гг. показало, что общее число потерпевших сократилось на 41% (с 12 784 до 7 509 человек), что свидетельствует о повышении защищённости населения. Однако структура преступности кардинально изменилась: доля краж снизилась с 42,3% до 30,0%, а доля киберпреступлений выросла почти в 20 раз – до 31,8%, практически сравнявшись с кражами. Незаконный оборот наркотиков оставался стабильным на уровне 7-9%. Характеристика преступников выявила тревожные тенденции: доля лиц без постоянного дохода достигла 65,3%, а рецидивная преступность выросла с 44,8% до 58,2%. Оценка региональной программы «Профилактика правонарушений» показала её частичную эффективность – она способствовала снижению числа потерпевших и краж, но не смогла сдержать рост киберпреступности и рецидива, что требует дополнительных мер по социальной интеграции и борьбе с IT-преступлениями.

Библиографический список

1. Алиев Р.Х. Общая характеристика преступности // Общество: политика, экономика, право. – 2009. – № 2. – С. 5-14.
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>.
3. Натробина О.В., Никитин М.А. Взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов // Дневник науки. – 2025. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/3/economy/Natrobina_Nikitin.pdf.
4. Постановление Правительства Калужской области от 29 декабря 2020 г. № 1012 «Об утверждении государственной программы Калужской области «Профилактика правонарушений в Калужской области»» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/571066119>.
5. Преступность в Калужской области // Точно.ру: проект по борьбе с преступностью. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tochno.st/problems/crime/regions/kaluzhskaya_oblast.
6. Терехов А.М., Кувычков С.И., Смирнов С.А. Особенности статистического моделирования и прогнозирования преступности: теоретический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2 (54). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-statisticheskogo-modelirovaniya-i-prognozirovaniya-prestupnosti-teoreticheskiiy-aspekt>.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калужской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://40.rosstat.gov.ru/>.

STATISTICAL STUDY OF CRIME AND CRIMINAL ACTIVITY IN THE KALUGA REGION

M.D. Sheplyakov, *Student*

O.V. Natrobina, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor*

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

(Russia, Kaluga)

Abstract. *This article examines crime and criminal activity in the Kaluga Region. To examine this issue, we analyzed crime in the Kaluga Region and conducted a statistical analysis of criminal activity for the period from 2014 to 2024 using absolute and relative indicators. We examined factors such as the number of victims, the rate of growth of victims, the most common crimes, the characteristics of cybercrime, and the characteristics of individuals who committed crimes. We also assessed the significance of the Kaluga Region government's crime reduction measures in the region, as well as the regional project "Crime Prevention in the Kaluga Region" and the federal project "Ensuring Public Order and Combating Crime".*

Keywords: *crime in the Kaluga Region; criminal activity; cybercrime; victims; crime prevention.*

ИННОВАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.Ю. Якушева, студент

В.И. Мионов, канд. экон. наук

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-307-311

Аннотация. Данная работа направлена на анализ процессов цифровизации в рамках административно-правового регулирования, а также на оценку их воздействия на эволюцию институтов административного права. В центре внимания основные векторы цифровой трансформации: электронное правительство, автоматизация надзорных и контрольных функций, цифровизация исполнительного производства, внедрение систем искусственного интеллекта. Проводится анализ нормативной правовой базы, формирующей цифровую повестку в системе публичного управления России. Ключевое место отведено проблемам, сопровождающим цифровую трансформацию административного права: вопросам информационной безопасности, цифровому неравенству, дефициту квалифицированных кадров, а также новым вызовам для принципов административной юстиции.

Ключевые слова: цифровизация; административное право; электронное правительство; административные процедуры; контрольно-надзорная деятельность; цифровое неравенство.

В течение последних десяти лет цифровая трансформация публичного управления эволюционировала от технологического эксперимента до стратегического вектора государственной политики. Факт признания цифровизации в качестве одной из пяти национальных целей развития России до 2030 года указывает на системный характер данных преобразований. Переосмысление традиционных институтов административного права в контексте цифровой среды порождает новые, не имевшие ранее аналогов задачи для административно правовой науки и теории государственного управления.

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных административных реформ, следует конкретизировать содержание термина «цифровизация» в контексте публичного права. Согласно подходу, принятому в науке административного права, под цифровизацией государственного управления понимается интеграция цифровых технологий в работу органов государственной власти, имеющая целью повышение результативности, открытости и доступности государственных услуг.

Необходимо четко различать такие понятия, как «информатизация», «электронное правительство» и «цифровая трансформация». Если первые два термина характеризуют пе-

ренос сложившихся процессов в цифровую среду, то цифровая трансформация влечет за собой фундаментальное изменение самой сути административных процедур. Информатизация – это этап создания технической инфраструктуры и перевода документооборота в электронный вид. Электронное правительство – это организация предоставления государственных услуг через цифровые каналы при сохранении традиционной бюрократической структуры. Цифровая трансформация – это качественное изменение способов осуществления государственных функций, основанное на интеграции цифровых технологий в самую суть административных процессов.

В научной литературе цифровую трансформацию государственного управления принято понимать как поэтапный процесс, состоящий из нескольких взаимосвязанных уровней. На начальном этапе базовые процедуры переводятся в цифровой формат без изменения их сущности. Далее формируется модель «электронного правительства», где услуги предоставляются через цифровые каналы, однако бюрократическая структура сохраняется. Следующая, более развитая стадия связана с созданием «умного правительства»: управленческие решения принимаются на основе анализа данных, а взаимодействие с гражда-

нами становится проактивным [1, с. 257]. Российская практика демонстрирует переходное состояние между цифровым предоставлением услуг и подлинной трансформацией, причем уровень цифровой зрелости существенно варьируется между различными ведомствами.

При этом цифровизация административно-го права не является статичным явлением, а находится в состоянии непрерывного развития. В перспективе прогнозируется еще более широкое внедрение технологий искусственного интеллекта, инструментов анализа больших данных и иных передовых решений, направленных на оптимизацию административных процедур. Речь идет, в частности, об использовании чат-ботов для оперативного консультирования граждан, применении систем распознавания текста и изображений для автоматизации обработки входящей документации, а также внедрении алгоритмов машинного обучения для своевременного выявления и профилактики правонарушений. Эти инновации позволяют значительно повысить эффективность работы государственного аппарата и одновременно снизить текущую нагрузку на сотрудников.

Административно-правовое регулирование внедрения цифровых технологий в систему государственного управления представляет собой важный этап на пути к формированию информационного общества [2, с. 122]. В России нормативная база цифровизации государственного управления представляет собой разветвленную систему актов, которая складывалась на протяжении нескольких лет. Ключевая роль в этой системе отведена национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», принятой в 2018 году. Данный документ установил целевые индикаторы и финансовые параметры цифровой трансформации на среднесрочный период, определив задачи по развитию цифровой инфраструктуры, переводу государственных услуг в электронный вид созданию единых цифровых платформ для межведомственного взаимодействия.

Одновременно с программными документами в России были приняты правовые акты, закрепляющие конкретные инструменты цифрового преобразования административных процессов. В Федеральный закон от 27.07.2021 № 210-ФЗ «Об организации

предоставления государственных и муниципальных услуг» внесен ряд существенных изменений, которые обязывают государственные органы переходить к проактивному формату предоставления услуг и устранять излишние требования к заявителю. Принцип «одного окна», воплощенный в деятельности многофункциональных центров, получил свое дальнейшее развитие в концепции «суперсервисов» – комплексных цифровых решений, объединяющих несколько связанных между собой административных процедур в рамках единого пользовательского маршрута.

Важным этапом развития нормативной базы стало внесение изменений в Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». С 1 января 2026 года вступили в силу новые требования о цифровизации контрольно-надзорной деятельности, устанавливающие обязательность использования информационных систем при проведении проверок и оформлении их результатов.

Наиболее ярким примером цифровой трансформации административных процедур служит портал «Госуслуги», который к 2020-х годов объединил более ста миллионов зарегистрированных пользователей. Ключевым стратегическим шагом в развитии данной платформы стало объединение платежных систем с государственными информационными ресурсами. Это, наряду с повсеместным распространением мобильных устройств, заложило основу для предоставления в цифровом виде практически всех государственных услуг, наиболее востребованных населением.

Одним из значимых направлений цифровой трансформации административного права стала автоматизация контрольно-надзорной деятельности. С 1 января 2026 года все федеральные контрольные органы обязаны работать в специализированной подсистеме в составе государственной информационной системы «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности» (далее – ГИС ТОР КНД). Это фактически означает переход на полный цикл электронного документооборота по административным делам: от проведения контрольного мероприятия до документального отчета о привлечении к ответственности.

Все данные по делам об административных правонарушениях, связанным с несоблюдением обязательных требований, аккумулируются в единой цифровой системе, формируя тем самым полный реестр таких дел. Указанные сведения из реестра направляются в государственную автоматизированную систему «Управление», на основе которой функционирует информационно-аналитическая панель для мониторинга контрольно-надзорной деятельности.

Мобильное приложение «Инспектор» разработано Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на базе ГИС ТОР КНД. Оно предназначено для проведения профилактических и контрольных мероприятий в дистанционном формате с использованием видеоконференц-связи.

Приложение позволяет осуществлять оценку соблюдения обязательных требований, проводить профилактические визиты, консультирование и контрольные мероприятия без необходимости очного визита инспектора. По итогам мероприятия в личном кабинете портала «Госуслуги» хозяйствующий субъект получает результаты.

Правовое положение приложения закреплено проектом постановления правительства, уточняющим его статус в составе ГИС ТОР КНД. Применять его в пробном режиме начали в мае 2024 года, а в конце 2025 года премьер-министр Михаил Мишустин подписал ряд постановлений правительства, согласно которым фотосъемку и видеозапись во время проверок и профилактических визитов инспекторы должны осуществлять только с использованием этого инструмента.

По итогам VI Всероссийского форума контрольных (надзорных) органов, прошедшего в Красноярске в ноябре 2025 года, были определены ключевые направления цифровой трансформации контрольной деятельности на период до 2026 года. Установлено требование о видеофиксации проверок: не менее 80% проверок должны сопровождаться съемкой через приложение «Инспектор» для повышения прозрачности и объективности контрольных мероприятий.

Ключевым нормативным актом, определившим вектор развития контрольно-надзорной деятельности на современном эта-

пе, стал Федеральный закон от 29.12.2025 года № 567-ФЗ, внесший изменения в Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». С января 2026 года вступили в силу положения, кардинально меняющие порядок осуществления контрольных мероприятий.

Центральное нововведение – отказ от оформления бумажных документов. Все решения о проведении проверок, акты, предписания и профилактические визиты оформляются исключительно в электронном виде путем внесения сведений в Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (далее – ЕРКНМ). Самостоятельно формировать документ на бумажном носителе более не требуется. Вся необходимая информация из ЕРКНМ направляется контролируемому лицу в личный кабинет портала «Госуслуги».

Важным изменением стало расширение оснований для принятия решения о проведении контрольного мероприятия. Теперь такое решение может быть принято при выявлении признаков нарушений обязательных требований, полученных с использованием средств, работающих в автоматическом режиме, имеющих функции фотосъемки и видеозаписи.

Цифровая трансформация затронула и сферу принудительного исполнения судебных решений. Как сообщает официальный сайт Госуслуг, стороны судебного процесса теперь могут ходатайствовать о направлении исполнительного листа в формате электронного документа непосредственно в подразделение Территориальных органов ФССП России для возбуждения исполнительного производства.

Не менее актуальной сохраняется и проблема обеспечения информационной безопасности. Сосредоточение огромных объемов персональных данных граждан, а также сведений о работе государственных органов на единых централизованных цифровых платформах значительно увеличивает угрозы, связанные с несанкционированным проникновением в системы, утечкой конфиденциальной информации и совершением кибератак деструктивного характера. Ужесточение требований к защите персональных данных вступает в определенное противоречие с необходимостью обеспечения эффективного межведомственного обмена информацией.

Правовое регулирование в этой сфере должно найти баланс между двумя ценностями: с одной стороны, эффективность государственного управления требует максимально полного и оперативного обмена данными между ведомствами; с другой стороны, конституционное право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных требует установления надежных барьеров, предотвращающих злоупотребления и утечки информации.

В числе ключевых проблем, с которыми сталкивается российская система цифровизации государственного управления, отдельного упоминания заслуживает нехватка квалифицированных кадров. Согласно оценкам экспертов, государственные органы остро нуждаются в специалистах, которые одновременно владеют ИТ-компетенциями и разбираются в специфике публичного администрирования. При этом традиционная модель государственной службы, характеризующаяся жесткими должностными регламентами и ограниченными возможностями карьерного роста, с трудом выдерживает конкуренцию с коммерческими технологическими компаниями на рынке труда.

Также остается не решенным вопрос об ответственности за ошибки автоматизированных систем. В условиях цифровой трансформации государственного управления и внедрения искусственного интеллекта в государственном контроле возникают серьезные проблемы с реализацией всех принципов административной ответственности, что нивелирует правовое значение публично-правовой ответственности в целом [4, с. 132]. Если решение, затрагивающее права граждан, принято искусственным интеллектом, кто несет за него ответственность – разработчик системы, орган власти, его использующий, или сама система?

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы о роли технологий и цифровизации в развитии административного права.

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой качественно новый этап развития административных процедур, отличающийся от предшествующих этапов информатизации и формирования электронного правительства глубиной преоб-

разований [5]. В отличие от простого перевода существующих процессов в электронную форму, цифровая трансформация предполагает изменение самой логики административных процедур и принципов организации.

Нормативно-правовая база цифровизации в России в целом сформирована, однако темпы ее практической реализации варьируются в зависимости от уровня цифровой зрелости конкретных ведомств и регионов. Принятые за последние годы нормативные акты закрепляют ключевые инструменты цифровой трансформации: проактивное предоставление услуг, суперсервисы, единые цифровые платформы межведомственного взаимодействия, экспериментальные правовые режимы.

Наиболее значимые институциональные преобразования происходят в сфере предоставления государственных услуг (платформа «Госуслуги»), контрольно-надзорной деятельности (ГИС ТОР КНД, подсистема производства по делам об административных правонарушениях, мобильное приложение «Инспектор»), а также в исполнительном производстве (электронный документооборот исполнительных листов). Эти преобразования демонстрируют существенное повышение эффективности административных процедур.

Цифровая трансформация административного права сопровождается рядом системных проблем, требующих решения: цифровое неравенство, угрожающее принципу равного доступа к публичным услугам; риски информационной безопасности при централизации данных; кадровый дефицит специалистов, сочетающих ИТ-компетенции и знание публичного управления; необходимость пересмотра традиционных правовых институтов [3].

Перспективы дальнейшего развития административного права в условиях цифровой трансформации связаны с формированием новых правовых институтов, обеспечивающих баланс между эффективностью государственного управления и защитой прав граждан. К таким институтам можно отнести: правовое регулирование алгоритмических решений; механизмы обеспечения «проверяемости» автоматизированных систем; стандарты ответственности за ущерб, причиненный в результате ошибок искусственного интеллекта.

Дальнейшее исследование в этой области должны быть направлены на разработку кон-

кретных правовых механизмов, обеспечивающих реализацию принципов верховенства права в условиях цифрового государственно-

го управления, а также на эмпирическое изучение эффективности внедряемых цифровых инструментов.

Библиографический список

1. Насиров Э.З. Роль цифровых технологий в административном праве / Э.З. Насиров // Форум. – 2024. – № 1(31). – С. 256-259.
2. Койбаев Б.Г., Золоева З.Т. Некоторые аспекты административно-правового регулирования деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровой реальности // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 1. – С. 119-124.
3. Котиков Е.А., Щербенко И.А., Павлов Н.В. Цифровая трансформация системы административного управления города Краснодара в контексте развития электронного государства // Бюллетень науки и практики. – 2026. – Т. 12, № 2. – С. 553-556.
4. Овчарова Е.В. Влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения и на развитие института административной ответственности (на примере налогового администрирования) // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 129-136.
5. Хохлов Р.Р., Танов М., Карпецов Р., Старков Д., Павлов Н.В. Цифровизация деятельности исполнительной власти в российской федерации: проблемы и перспективы // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 2(175). – С. 447-451.

INNOVATIONS IN ADMINISTRATIVE LAW: THE ROLE OF TECHNOLOGY AND DIGITALIZATION

E.Yu. Yakusheva, *Student*

V.I. Mironov, *Candidate of Economic Sciences*

I.T. Trubilin **Kuban State Agrarian University**
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *This paper analyzes digitalization processes within administrative-legal regulation and assesses their impact on the evolution of administrative law institutions. It focuses on the main vectors of digital transformation: e-government, automation of supervisory and control functions, digitalization of enforcement proceedings, and the implementation of artificial intelligence systems. It also analyzes the regulatory framework shaping the digital agenda in Russia's public administration system. Key attention is given to the challenges associated with the digital transformation of administrative law: information security, digital inequality, shortages of qualified personnel, and new challenges to the principles of administrative justice.*

Keywords: *digitalization; administrative law; e-government; administrative procedures; control and supervisory activities; digital inequality.*

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ГИБРИДНЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАО «ЯНДЕКС»)

О.Н. Антимонова, старший преподаватель

И.И. Скачкова, д-р филол. наук, профессор

Д.А. Антонова, студент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-312-315

Аннотация. В статье проанализированы современные модели и методы управления инновационными проектами, выявлены их ограничения в условиях цифровой трансформации и санкционных барьеров. На основе диагностики инновационного потенциала ПАО «Яндекс» выработаны актуальные методы, позволяющие преодолеть типичные разрывы между разработкой и коммерциализацией новшеств. Предложен комплекс из пяти организационно-управленческих и технологических мероприятий, включающий внедрение гибридной методологии Stage-Gate + Agile и программу технологического суверенитета. Совокупный ожидаемый экономический эффект от предложенных мер оценён в 8,9-11,8 млрд руб. ежегодно.

Ключевые слова: управление инновациями; инновационный потенциал; гибридные методологии; Agile; Stage-Gate; технологический суверенитет.

Современные экономические условия, отличающиеся высокой скоростью устаревания технологий и усилением конкуренции, превращают способность организаций к системным обновлениям в ключевое условие выживания. Несмотря на значительный объем исследований в области инновационного менеджмента, многие компании сталкиваются с трудностями при трансформации научно-технических заделов в коммерчески успешные продукты. Эти трудности выражаются в низкой отдаче подразделений, ответственных за исследования и разработки (R&D), дублировании функций и отсутствии целостной системы управления портфелем инновационных проектов [1]. Наличие этих факторов обуславливает актуальность выбранной нами темы.

Целью настоящей работы является формирование комплекса практически применимых мер, направленных на повышение результативности инновационной деятельности, с опорой на диагностику инновационного потенциала и оценку эффективности реализуемых проектов на примере ПАО «Яндекс».

Для достижения поставленной задачи были поставлены следующие задачи:

1. Провести сравнительный анализ существующих моделей и методов управления ин-

новационными разработками, определить их достоинства и ограничения применительно к современным условиям.

2. Выработать актуальные методы повышения эффективности инновационной деятельности, позволяющие преодолеть выявленные разрывы на основе диагностики инновационного потенциала компании.

3. Разработать и экономически обосновать комплекс практических рекомендаций, включающий организационные, цифровые и технологические мероприятия, дать оценку их ожидаемого эффекта.

Исследование выполнено на материалах ведущей российской технологической корпорации, чья бизнес-модель построена на интенсивном использовании искусственного интеллекта, облачных технологий и беспилотных систем. В основе технологической платформы компании лежат нейронные сети и большие языковые модели, эволюция которых прослеживается с 2014 года [2], когда свёрточные архитектуры были впервые применены для улучшения поиска изображений, а к 2024 году достигла уровня мультимодальных моделей, сочетающих текст и изображения. Приведенные данные подтверждены результатами исследования, опубликованными на сайте *Yandex. 10 Years of Neural Network Evolution in*

Yandex Search: From Image Search to Multi-modal Neuro [3]. Выбор компании обусловлен не только высокой интенсивностью R&D-расходов, но и публичной доступностью отчетных данных, позволившей провести количественный анализ. Авторами проанализированы показатели за 2023-2025 гг. Установлено, что расходы на НИОКР выросли с 92,4 млрд руб. в 2023 г. до 156,2 млрд руб. в 2025 г. (прирост 69%), а их доля в выручке увеличилась с 18,2 до 21,3%. Численность персонала, занятого в исследованиях и разработках, достигла 12,4 тыс. человек. Эти данные демонстрируют масштабное наращивание ресурсной базы. Количество патентных заявок выросло со 187 до 342%. Большинство из них связаны с генеративными нейросетями, рекомендательными системами, а также беспилотным транспортом. Доля выручки от продуктов, запущенных менее трех лет назад, поднялась с 25,3 до 36,5%. Это говорит о быстром внедрении новых улучшений в уже существующие сервисы, такие как Поиск, Карты и Почта [4].

Одновременно с ресурсной диагностикой была оценена финансовая эффективность двух значимых проектов: облачной платформы Yandex Cloud и внедрения технологии YandexGPT в рекламные и коммерческие сервисы. Расчеты показали, что внутренняя норма доходности (IRR) по проекту Yandex Cloud составила 34,2%, а по YandexGPT – 41,5%. Эти показатели значительно превышают средневзвешенную стоимость капитала компании, которая оценивается примерно в 12-15%. Дисконтированные сроки окупаемости проектов составляют 2,8 года для Yandex Cloud и 2,1 года для YandexGPT. Более того, интеграция ИИ-решений увеличила конверсию в рекламных кампаниях на 15-20% в 2025 году по сравнению с предыдущим годом [5]. Эти цифры подтверждают высокую инвестиционную привлекательность реализуемых разработок.

Вместе с тем исследование вскрыло ряд проблем, сдерживающих полное использование накопленного инновационного потенциала. Во-первых, наблюдается неравномерность коммерциализации радикальных инноваций: проекты в сфере беспилотного транспорта и генеративного ИИ для промышленности требуют значительных капиталовложений при

отложенной монетизации. Так, из числа радикальных инициатив в 2023-2025 гг. лишь четыре были доведены до стадии устойчивой коммерциализации, в то время как остальные оставались в инвестиционной фазе [5]. Это создает давление на показатели операционной рентабельности: скорректированная EBITDA снизилась с 16,7 до 14,3%. Во-вторых, децентрализованная структура R&D-подразделений, интегрированных непосредственно в бизнес-вертикали (Поиск, Такси, Облака и др.), хотя и обеспечивает высокую гибкость, приводит к дублированию разработок и затрудняет межпроектный трансфер знаний. В-третьих, в аппаратных направлениях (беспилотные автомобили, умные устройства) сохраняется высокая зависимость от импортных компонентов, что формирует стратегический риск в условиях санкционных ограничений [6].

Для устранения выявленных ограничений авторами разработан комплекс из пяти взаимосвязанных управленческих мероприятий, переход от фрагментированного управления к единой системе, сочетающей адаптивные и стратегические инструменты.

1. Создание Центра управления инновационным портфелем (ЦУИП) – кросс-функционального органа, ответственного за координацию R&D-активности, унификацию критериев оценки инициатив и сбалансированное распределение инвестиций между инкрементальными улучшениями и радикальными разработками. Ожидаемый эффект от снижения дублирования функций оценивается в 2,4-3,2 млрд руб. ежегодно при затратах на организационные изменения около 0,8 млрд руб.

2. Внедрение гибридной модели управления проектами, интегрирующей методологии Agile и Stage-Gate. На этапах поиска и прототипирования применяются итеративные спринты с регулярной обратной связью, а при переходе к масштабированию вводятся формализованные контрольные точки (гейты), предполагающие жесткие решения о продолжении, приостановке или реформатировании проекта. По прогнозам, это позволит сократить количество преждевременно прекращенных проектов на 15 процентных пунктов и ускорить вывод новых продуктов на рынок в среднем на 25%, а годовой экономический эффект составит 1,8-2,5 млрд руб. при инве-

стициях в обучение и адаптацию методологии на уровне 0,5 млрд руб.

3. Разработка единой цифровой платформы управления инновациями на базе Yandex Cloud, объединяющей модули портфельного менеджмента, учета интеллектуальной собственности и ресурсного планирования. Платформа призвана сократить транзакционные издержки межпроектного взаимодействия и высвободить до 15% рабочего времени R&D-менеджеров за счет автоматизации отчетности и внедрения аналитических дашбордов. Оценка затрат на создание и внедрение платформы – 2,1 млрд руб., ожидаемый годовой эффект от снижения непроизводительных расходов – 1,2-1,6 млрд руб.

4. Запуск корпоративного акселератора «Yandex.Innovate» и венчурного фонда с совокупным капиталом до 10 млрд руб. Данный механизм позволит привлекать внешние технологические решения (стартапы, университетские исследовательские группы) в стратегически значимых областях – новых материалах, специализированных ИИ-чипах, квантовых вычислениях, – не перегружая собственный бюджет фундаментальных исследований. Ожидается, что акселератор обеспечит ежегодный приток не менее 15 внешних проектов, а доход от инвестиционной деятельности в сочетании с экономией на внутренних R&D составит 2,5-3,0 млрд руб. в год.

5. Реализация двухлетней программы «Технологический суверенитет» в аппаратных проектах. Ключевые цели: создание совместного предприятия по выпуску микроэлектроники, формирование страховых запасов критических компонентов на 12-18 месяцев с диверсификацией поставщиков и доведение доли компонентов из дружественных юрисдикций до 70% к концу 2027 г. Инвестиции в программу запланированы на уровне 4,5 млрд руб., а прогнозируемый годовой эффект от сокращения простоев и снижения премии за риск оценивается в 1,0-1,5 млрд руб.

Совокупные инвестиционные затраты на реализацию предложенного пакета мер (без учета средств венчурного фонда, которые но-

сят возвратный характер) составляют около 7,9 млрд руб. Суммарный ожидаемый экономический эффект от снижения дублирования, роста доходов новых продуктов и сокращения потерь по неэффективным проектам прогнозируется в диапазоне 8,9-11,8 млрд руб. ежегодно, что обеспечивает средневзвешенный срок окупаемости на уровне 1,8 года. Прогноз ключевых результирующих показателей на 2028 г. демонстрирует, что доля выручки от продуктов моложе трех лет возрастет до 43,5% (против 36,5% в 2025 г.), рентабельность по скорректированной EBITDA повысится с 14,3 до 15,4%, а количество успешно коммерциализированных радикальных проектов увеличится более чем вдвое – с четырех до одиннадцати [5]. Помимо финансовых выгод, реализация предложенных решений формирует стратегические преимущества: снижение зависимости от импорта, повышение прозрачности портфеля и создание устойчивой экосистемы генерации инноваций.

Таким образом, в ходе исследования решена задача разработки комплекса организационно-управленческих мер, направленных на повышение эффективности инновационной деятельности крупной технологической компании. На основе диагностики инновационного потенциала ПАО «Яндекс» и выявленных проблемных зон (фрагментация R&D, зависимость от импорта, неравномерность коммерциализации) обоснованы пять взаимосвязанных мероприятий: создание Центра управления инновационным портфелем, внедрение гибридной модели Stage-Gate + Agile, цифровая платформа, корпоративный акселератор с венчурным фондом и программа технологического суверенитета. Прогнозные расчеты подтверждают их экономическую целесообразность: совокупный годовой эффект оценивается в 8,9-11,8 млрд руб., а срок окупаемости не превышает двух лет. Полученные результаты могут быть использованы менеджментом технологических компаний для обоснования инвестиционных решений и совершенствования систем управления инновациями.

Библиографический список

1. Гришин В.Н., Семенова М.А. Управление портфелем инновационных проектов в крупных корпорациях // Корпоративное управление и инновационное развитие. – 2025. – № 2. – С. 56-69.
2. Антимонова Е.Е. К вопросу о современных концепциях стратегического менеджмента / Е.Е. Антимонова, О.Н. Антимонова // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 4 (61). – С. 82-85. – DOI 10.25683/VOLBI.2022.61.439. – EDN CVVOZY.
3. Yandex. 10 Years of Neural Network Evolution in Yandex Search: From Image Search to Multi-modal Neuro // Yandex Investor Relations. 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ir.yandex/press-releases?year=2024&id=5-12-2024>.
4. ПАО «Яндекс». Консолидированная финансовая отчетность по МСФО за 2023-2025 годы: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ir.yandex.ru/financial-reports>.
5. ТАСС. Яндекс представил финансовые результаты за 2025 год: рост выручки на 19,6% // ТАСС. 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/26467895>.
6. Чесбро Г. Открытые инновации: создание прибыльных технологий / пер. с англ. – М.: Полколение, 2025. – 336 с.

IMPROVING THE EFFICIENCY OF ORGANIZATIONAL INNOVATION ACTIVITY THROUGH HYBRID MANAGEMENT METHODS: A CASE STUDY OF PJSC YANDEX

O.N. Antimonova, *Senior Lecturer*

I.I. Skachkova, *Doctor of Philological Sciences, Professor*

D.A. Antonova, *Student*

**Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA
(Russia, Volgograd)**

Abstract. *The article analyzes contemporary models and methods of innovation project management and identifies their limitations under conditions of digital transformation and sanctions-related barriers. Based on an assessment of the innovation potential of PJSC Yandex, relevant methods are developed to overcome typical gaps between the development and commercialization of innovations. The study proposes a set of five organizational, managerial, and technological measures, including the implementation of a hybrid Stage-Gate + Agile methodology and a technological sovereignty program. The total expected economic effect of the proposed measures is estimated at RUB 8.9-11.8 billion annually.*

Keywords: *innovation management; innovation potential; hybrid methodologies; Agile; Stage-Gate; technological sovereignty.*

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА КАПИТАЛИЗАЦИЮ БРЕНДА КАК НЕМАТЕРИАЛЬНОГО АКТИВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ СБЕРА И X5 RETAIL GROUP

Д.Д. Дежинова, студент

Е.Г. Гущина, д-р экон. наук, доцент

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-316-320

Аннотация. В представленной работе проводится анализ зависимости между объемами финансирования рекламной деятельности организаций и рыночной стоимостью принадлежащих им брендов, рассматриваемых в качестве ключевых нематериальных активов. На основе эмпирического исследования практических кейсов ПАО «Сбербанк» и X5 Retail Group выявлены различия в применяемых подходах к рекламным коммуникациям, а также оценено их влияние на динамику финансовых результатов и капитализацию брендов. Цель исследования заключается в совершенствовании методического инструментария количественной оценки вклада рекламных мероприятий в рост стоимости бренда. По итогам работы предложена циклическая модель планирования рекламных бюджетов, ориентированная на достижение долгосрочного экономического эффекта и минимизацию рисков.

Ключевые слова: рекламные инвестиции; стоимость бренда; нематериальный актив; сравнительный анализ; Сбербанк; X5 Retail Group.

В современной экономике доля нематериальных активов в структуре стоимости компании достигает 50-80%, при этом бренд выступает ключевым элементом [1; 2]. Бренд представляет собой сложный многоуровневый актив, объединяющий экономические и психологические составляющие. Согласно методологии МСФО, признание бренда нематериальным активом возможно при одновременном соблюдении условий идентифицируемости, контролируемости со стороны организации и способности приносить будущие экономические выгоды.

Особенностью бренда как экономического феномена выступает синергетический эффект: интегральная ценность сформированного бренда превышает арифметическую сумму стоимостей его отдельных элементов (логотипа, узнаваемости, лояльности), поскольку взаимодействие данных компонентов генерирует дополнительную потребительскую ценность, не достижимую при их изолированном использовании [3]. Под нематериальным активом (НМА) понимаются объекты, не имеющие физической формы, но способные генерировать доход для компании. В основном это исключительные права на результаты интел-

лектуальной деятельности, соответствующие критериям ПБУ 14/2007.

Цель исследования заключается в совершенствовании методического инструментария количественной оценки вклада рекламных мероприятий в рост стоимости бренда. По итогам работы предложена циклическая модель планирования рекламных бюджетов, ориентированная на достижение долгосрочного экономического эффекта и минимизацию рисков.

Результаты исследования

1. Методики оценки стоимости бренда как нематериального актива

В теории и практике бренд-менеджмента сложились четыре основных подхода к оценке стоимости бренда [4-6].

Затратный подход (Cost-Based Approach) фокусируется на исторических затратах, связанных с созданием и развитием бренда или компании. Он суммирует все расходы на разработку логотипа, регистрацию товарного знака, рекламные и PR-кампании за весь период существования бренда.

Сравнительный подход основан на анализе сделок купли-продажи аналогичных брендов на открытом рынке. Стоимость оцениваемого бренда определяется через сопоставле-

ние с ценами сделок по брендам-аналогам с учётом корректировок на масштаб, отрасль и географию.

Доходный подход определяет стоимость бренда как текущую стоимость будущих экономических выгод от его использования. Данный метод предполагает прогнозирование денежных потоков, генерируемых брендом, и их дисконтирование с учётом рыночной ставки доходности.

Методы консалтинговых компаний (Interbrand, Brand Finance, BrandZ) рассчитывают стоимость бренда как дисконтированную стоимость будущей прибыли, обусловленной именно брендом, с применением специализированных мультипликаторов и отраслевых коэффициентов [5; 6].

2. Методики использования рекламы для увеличения стоимости бренда как НМА

Анализ практик ведущих компаний позволяет выделить три ключевых направления использования рекламы для укрепления бренда [7; 8].

Стратегическое позиционирование и дифференциация. Формирование устойчивых ассоциаций и создание прочных связей между брендом и потребителем используется для укрепления ценной позиции в сознании целевой аудитории. Оценка эффективности проводится через регулярные количественные исследования показателей: лояльность, охват и частота контакта, узнаваемость, CTR (Click-Through Rate), стоимость привлечения лида (CPL) [9; 10].

Мультиканальный маркетинг с акцентом на digital, контент-маркетинг и storytelling. Интеграция офлайн- и онлайн-каналов с использованием социальных сетей, мобильных приложений и перформанс-маркетинга, а также использование историй, отражающих ценность бренда, увеличивает охват и вовлеченность, укрепляя репутацию [2; 8].

Построение репутации через PR-рекламу и отзывы. Укрепление доверия через кейсы клиентов, отзывы известных личностей и коллаборации с другими компаниями. согласо-

вание визуального стиля повышает доверие к бренду, укрепляет рыночные позиции и повышает репутацию [2].

3. Анализ практических кейсов российских компаний

3.1. ПАО «Сбербанк» («Сбер»)

ПАО «Сбербанк» применяет комплексный маркетинговый микс, пользуясь сквозной аналитикой на основе Big Data и отслеживая потребителя от просмотра рекламы до совершения операции [11]. Компания активно использует интегрированные медиакоммуникации (мультиканальные рекламные кампании – телевидение, онлайн, офлайн) с целью повышения охвата и узнаваемости, что формирует позитивный имидж; цифровой таргетинг на базе аналитики данных; нейросети для создания персонализированных предложений и коммуникаций; контент-маркетинг и PR-стратегии; массированные инвестиции в ТВ, наружную и цифровую рекламу.

Банк создаёт запоминающиеся ролики, представляющие новые digital-сервисы (СберБанк Онлайн, СберСпасибо). Результатом стал рост узнаваемости и лояльности. Согласно рейтингу Brand Finance, бренд «Сбер» стабильно занимает 1-е место в России с существенным отрывом, его стоимость исчисляется миллиардами долларов [12]. Разработка стратегии проведения рекламной кампании сыграла ключевую роль в изменении восприятия и закреплении нового позиционирования бренда [11].

По данным годовых отчетов и исследований SimilarWeb / Яндекс Метрика [9-11]:

- рекламный бюджет: $\approx$ 25-30 млрд руб. ежегодно;
- CPT (Cost Per Thousand): 450-600 руб. для видеоформатов;
- охват целевой аудитории: 65-70 млн человек ежемесячно;
- количество показов: 1,2-1,5 млрд в квартал;
- новые клиенты: 3-4 млн в год через цифровые каналы.

Эффективность данного подхода: высокий охват компенсирует относительно высокий CPT за счёт массовости аудитории.

Таблица 1. Данные для построения рисунка 1 (динамика показателей Сбера, 2019-2024 гг.) [11; 12]

Год	Рекламный бюджет (млрд руб.)	Стоимость бренда (млрд руб.)	Активные клиенты (млн)	Чистая прибыль (млрд руб.)
2019	18,5	850	65	845
2020	20,1	890	68	760
2021	22,3	950	72	1 236
2022	24,0	1 050	76	300
2023	26,5	1 150	80	1 508
2024	29,0	1 250	85	1 580

3.2. X5 Retail Group

X5 Retail Group использует следующие коммуникационные подходы: мультиканальный маркетинг с фокусом на локальные рынки, адаптируясь под особенности региональных рынков, что способствует формированию локального бренда; персонализацию предложения с помощью CRM и аналитики больших данных; систему программ лояльности; контент-маркетинг и социальную ответственность; цифровую трансформацию коммуникаций; акцент на цифровые каналы продвижения, а также интеграцию с онлайн-магазином [13].

Долгосрочная рекламная кампания с юмористическими роликами про «Пятерочку» с участием известных актёров делает фокус на ценность и эмоции, что создаёт сильное эмоциональное поле вокруг бренда, отличающего его от конкурентов, таких как «Магнит» или

«Перекрёсток». Эффективность рекламной стратегии подтверждается ростом трафика в магазинах и активацией программы лояльности, что положительно сказывается на финансовых результатах и стоимости бренда в целом [13].

По данным годовых отчетов компании [13]:

- рекламный бюджет: 15-18 млрд руб. ежегодно;
- СРТ: 300-400 руб. для ТВ-роликов;
- охват целевой аудитории: 50-55 млн человек;
- количество показов: 800-900 млн в квартал;
- новые клиенты: 5-6 млн через программы лояльности.

Эффективность данного подхода: более низкий СРТ при целевом охвате массового потребителя.

Таблица 2. Данные для построения рисунка 2 (динамика показателей X5 Retail Group, 2019-2024 гг.) [13]

Год	Рекламный бюджет (млрд руб.)	Стоимость бренда (млрд руб.)	Выручка (млрд руб.)	Чистая прибыль (млрд руб.)
2019	11,0	320	1 735	44
2020	12,5	350	1 945	48
2021	14,0	390	2 186	52
2022	15,0	420	2 523	56
2023	16,5	460	2 917	61
2024	18,0	500	3 250	65

4. Сравнительный анализ и выводы

Как показал проведённый анализ, существует прямая зависимость между рекламными инвестициями и стоимостью бренда. Сбер демонстрирует более высокую эффективность за счёт интегрального подхода к коммуникациям (сочетание Big Data, ИИ, сквозной аналитики и мультиканальных кампаний), тогда как группа X5 Retail Group достигает результатов через фокус на массового потребителя и

эмоциональную связь через юмор и локальную адаптацию.

5. Предлагаемый усовершенствованный метод использования рекламы

На основе проведённого анализа авторами предлагается усовершенствованный комплексный метод использования рекламы, который базируется на интеграции маркетингового анализа целевой аудитории, сегментации и позиционирования с современными концепциями бренд-менеджмента.

Реклама рассматривается как инструмент формирования эмоциональной и когнитивной связи с потребителем, что способствует росту нематериальных активов бренда. Метод включает в себя циклический процесс:

1. Анализ текущего состояния бренда – оценка текущих показателей узнаваемости, лояльности, репутации.

2. Разработка таргетированного рекламного сообщения – создание креатива с учётом особенностей целевой аудитории.

3. Запуск кампании с интеграцией онлайн- и офлайн-каналов – использование всех доступных каналов коммуникации в единой стратегии.

4. Мониторинг результатов – сбор и анализ данных по ключевым метрикам.

5. Адаптация стратегии – корректировка бюджета, креатива или каналов на основе полученных данных.

Ключевые метрики для оценки эффективности: уровень узнаваемости бренда (опросы, цифровые метрики) [9; 10]; индекс лояльности клиентов (NPS, повторные покупки); вовлечённость аудитории (взаимодействия с рекламой); динамика репутации (мониторинг СМИ и соцсетей) [2]; возврат инвестиций в рекламу (ROI).

В отличие от традиционных методов, где реклама часто рассматривается как разовое мероприятие, данный метод предполагает циклический процесс постоянного анализа, адаптации и оптимизации на основе данных. Он акцентирует внимание на долгосрочном формировании бренда с использованием комплексных метрик, а использование как офлайн-, так и онлайн-каналов в единой стратегии способствует более широкому охвату и вовлечённости аудитории [8].

Таблица 3.

Год	Сбер (рекламный бюджет, млрд руб.)	Сбер (стоимость бренда, млрд руб.)	X5 (рекламный бюджет, млрд руб.)	X5 (стоимость бренда, млрд руб.)
2019	18,5	850	11,0	320
2020	20,1	890	12,5	350
2021	22,3	950	14,0	390
2022	24,0	1 050	15,0	420
2023	26,5	1 150	16,5	460
2024	29,0	1 250	18,0	500

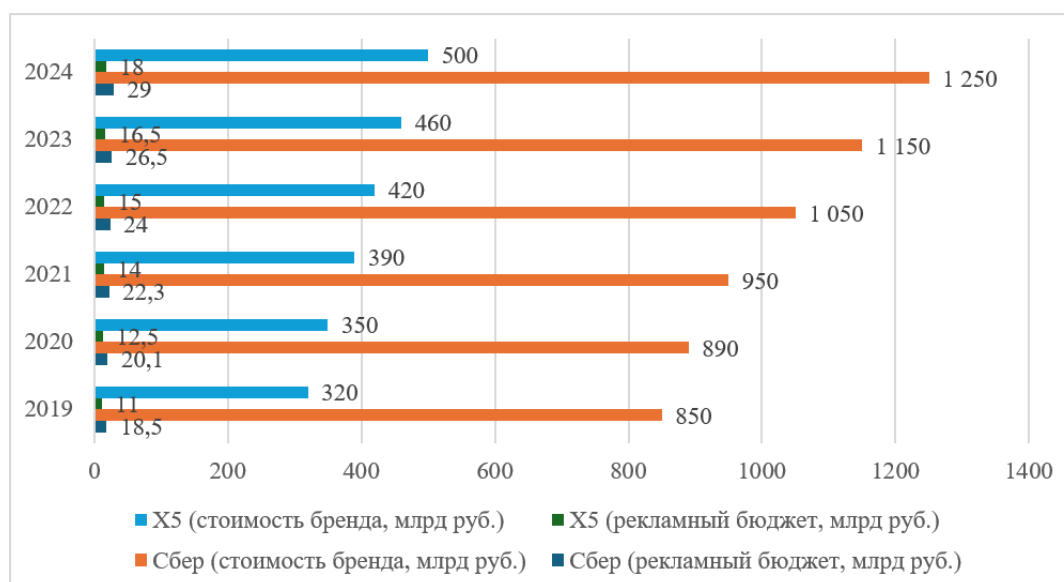

Рисунок.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Существует прямая корреляция между объёмами рекламных ин-

вестиций и стоимостью бренда как нематериального актива. Сбер достигает высокой эффективности за счёт интегрального цифрового подхода и использования Big Data, тогда как

X5 Retail Group делает ставку на эмоциональную связь с массовым потребителем. Предложенная циклическая модель планирования

рекламных бюджетов позволяет минимизировать риски и обеспечить долгосрочный экономический эффект.

Библиографический список

1. Келер К.Л. Стратегический бренд-менеджмент. – М.: Вильямс, 2020. – 704 с.
2. Райс Э., Райс Л. Расцвет пиара и упадок рекламы. – М.: Стокгольмская школа экономики, 2017. – 212 с.
3. Aaker D.A. Managing Brand Equity: Capitalizing on the Value of a Brand Name. – New York: Free Press, 1991. – 299 p.
4. Романова К.В. Оценка стоимости бренда: сравнительный анализ методов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2021. – № 5. – С. 45-58.
5. Interbrand. Methodology. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interbrand.com/best-brands/best-global-brands/methodology/>.
6. BrandZ Top 100 Most Valuable Global Brands 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kantar.com/campaigns/brandz/rankings-and-reports>.
7. Ассэль Г.Н. Маркетинговые принципы и стратегии. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 480 с.
8. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. – 15-е изд. – СПб.: Питер, 2022. – 816 с.
9. Яндекс Метрика: возможности аналитики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/support/metrika/>.
10. SimilarWeb: Traffic Analytics & Market Intelligence. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.similarweb.com/>.
11. Годовой отчёт Сбербанка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults?tab=annual>.
12. Рейтинг стоимости российских брендов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brandfinance.com/insights/russia-100-2023>.
13. Годовой отчёт X5 Retail Group. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://x5-finance.ru/information/annual-reports>.

THE IMPACT OF ADVERTISING INVESTMENTS ON BRAND CAPITALIZATION AS AN INTANGIBLE ASSET: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SBER AND X5 RETAIL GROUP STRATEGIES

D.D. Dezhinova, *Student*

E.G. Gushchina, *Doctor of Economic Sciences, Associate Professor*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *This paper analyzes the relationship between the volume of advertising investment and the market value of brands, considered as key intangible assets. Based on an empirical study of the practical cases of Sberbank and X5 Retail Group, the differences in the approaches to advertising communications are identified, and their impact on financial performance and brand capitalization is assessed. The aim of the study is to improve the methodological tools for quantifying the contribution of advertising activities to brand value growth. As a result, a cyclical model for advertising budget planning is proposed, focused on achieving long-term economic efficiency and minimizing risks.*

Keywords: *advertising investments; brand value; intangible asset; comparative analysis; Sberbank; X5 Retail Group.*

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В БРЕНДИНГЕ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КАМПАНИЙ)

Д.Д. Дежинова, студент

Т.И. Мельник, канд. экон. наук, доцент

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-321-325

Аннотация. В условиях трансформации потребительских ожиданий и усиления роли общественного диалога в цифровой среде компании всё чаще обращаются к социальной повестке как к инструменту дифференциации и укрепления доверия к бренду. В статье систематизированы основные функции социальной рекламы, проанализированы ключевые направления её применения в корпоративных коммуникациях. На основе разбора успешных зарубежных (Coca-Cola) и неудачных российских («Белая Дача») кейсов, а также региональных практик Волгоградской области (ВзТЗ, «Волгоградский продукт») выявлены факторы, определяющие результативность социально ориентированных кампаний. Сформулированы рекомендации по минимизации репутационных рисков при интеграции социальной тематики в рекламные стратегии. Приведены статистические данные об эффективности социальной рекламы и результаты опросов потребительских предпочтений.

Ключевые слова: социальная реклама; корпоративные коммуникации; репутационные риски; брендинг; социальная ответственность; потребительское поведение; этика рекламы.

Современные потребители всё чаще оценивают бренды не только по качеству товаров или услуг, но и по их вкладу в решение общественных проблем. Согласно исследованию Nielsen, 66% потребителей во всём мире готовы платить больше за товары и услуги компаний, которые демонстрируют социальную ответственность [1]. В России этот показатель также демонстрирует устойчивый рост: по данным опросов ВЦИОМ, доля граждан, обращающих внимание на социальную активность брендов, за период 2020-2024 годов увеличилась с 38% до 54% [4].

Данная тенденция усиливается под влиянием цифровизации, когда информация о действиях компаний мгновенно распространяется через социальные сети и средства массовой информации. В этих условиях реклама становится не просто каналом информирования, а полноценным инструментом формирования ценностных установок и социальных стереотипов [1]. Компании, которые используют социальную повестку ситуативно, без реальных действий, рискуют столкнуться с обвинениями в «социальном оппортунизме» и получить значительный репутационный ущерб.

Цель работы – выявление факторов успеха и рисков социально ориентированных рекламных кампаний, а также разработка рекомендаций по снижению репутационных потерь на основе анализа российских и международных кейсов.

Результаты исследования

1. Функции и направления социальной рекламы в бизнес-коммуникациях

Социальная реклама представляет собой вид некоммерческой коммуникации, направленной на привлечение внимания к острым общественным проблемам и изменение поведенческих моделей аудитории. В отличие от коммерческой рекламы, её приоритетом является не прямое увеличение продаж, а укрепление репутации через демонстрацию социальной ответственности.

В современной маркетинговой практике социальная реклама выполняет четыре ключевые функции:

1) **имиджевая функция** – позволяет сформировать образ социально ответственного бизнеса, что повышает доверие со стороны потребителей, партнёров и государственных структур.

2) дифференцирующая функция – помогает компании выделиться среди конкурентов за счёт демонстрации уникальных ценностей и миссии.

3) коммуникативная функция – создаёт дополнительные точки контакта с аудиторией, способствуя развитию диалога между компанией и потребителями.

4) воспитательная функция – участвует в формировании общественных норм и ценностей, что особенно значимо для брендов, работающих с детской и молодёжной аудиторией.

Анализ практики позволяет выделить четыре основных направления применения социальной рекламы в интересах бизнеса и общества (табл. 1).

Таблица 1. Направления применения социальной рекламы в бизнесе [1-3]

Направление	Механизм реализации	Результат
Повышение узнаваемости бренда через социальную повестку	Привязка бренда к социально значимой проблеме	Формирование долгосрочных позитивных ассоциаций
Формирование открытой коммуникационной среды	Использование социальных сетей для двустороннего диалога	Эффект соучастия и вовлечённости аудитории
Активное взаимодействие с клиентами	Вовлечение потребителей в благотворительные и экологические акции	Превращение клиентов в соавторов социальных изменений
Повышение конверсии маркетинговых действий	Социально значимые сообщения как мотиватор покупки	Рост продаж и увеличение доходов

2. Два подхода к интеграции социальной тематики в рекламные стратегии

При интеграции социальной повестки в рекламные стратегии можно выделить два принципиально различных подхода, которые определяют успех или провал кампании.

Первый подход – искренняя интеграция. В этом случае компания на протяжении длительного времени системно реализует социальные проекты, а реклама выступает лишь инструментом информирования об этих инициативах. Социальная тематика органично вписана в миссию и ценности бренда, а действия компании подкрепляют заявленные обещания. Такой подход формирует устойчивое доверие и долгосрочную лояльность аудитории.

Второй подход – ситуативное использование социальной повестки. Компания обращается к социальной тематике эпизодически, исключительно для получения краткосрочных маркетинговых выгод. При этом отсутствуют реальные действия или системная работа в заявленном направлении. Такой подход часто приводит к обвинениям в «социальном оппортунизме» и использовании социальных проблем в коммерческих целях, что влечёт за собой значительные репутационные потери.

3. Анализ практических кейсов социально ориентированных рекламных кампаний

Для выявления факторов успеха и типичных ошибок был проведён анализ трёх типов кейсов: успешная международная кампания (Coca-Cola), неудачная российская кампания («Белая Дача»), а также региональные практики Волгоградской области (BGT3 и «Волгоградский продукт»).

3.1. Успешный международный опыт: кампания Coca-Cola «Мы вместе»

Одним из наиболее показательных примеров эффективной интеграции социальной тематики является глобальная программа Coca-Cola «Мы вместе» (We Are Together), реализуемая с 2015 года в различных странах мира. Программа направлена на поддержку социальных проектов и инициатив в сферах защиты окружающей среды, развития местных сообществ, образования и здорового образа жизни.

В России кампания получила широкое распространение в 2020-2022 годах, когда компания сосредоточилась на поддержке волонтерского движения и благотворительных организаций. Рекламные ролики транслировались на федеральных телеканалах, в социальных сетях и наружной рекламе, выстраивая визуальный ряд вокруг образов людей, объединяющихся для решения общих проблем.

Эффективность кампании подтверждается несколькими факторами. Во-первых, компания продемонстрировала последовательность: социальная тематика стала частью долгосроч-

ной стратегии, а не разовой акцией. Во-вторых, реклама была подкреплена реальными действиями - выделением средств на социальные проекты, поддержкой волонтеров, развитием программ по разделному сбору отходов. В-третьих, коммуникация строилась на универсальных ценностях (единство, взаимопомощь, забота об общем будущем), что позволило избежать политизации и раскола аудитории. В результате кампания способствовала укреплению рыночных позиций бренда и повышению лояльности потребителей, особенно среди молодежи [2].

3.2. Неудачный российский опыт: компания «Белая Дача»

Обратным примером служит ситуация с компанией «Белая Дача», крупным производителем овощей и зелени. В 2020 году в социальных сетях компании был опубликован видеоролик, в котором афроамериканский персонаж был показан с использованием утрированных стереотипов. Это вызвало волну возмущения как в России, так и за рубежом. Компанию обвинили в расизме и культурной нечувствительности, последовали призывы к бойкоту продукции, тысячи негативных комментариев и освещение ситуации в федеральных и международных СМИ.

Причины провала можно свести к трём основным ошибкам. Во-первых, компания не провела предварительную экспертизу рекламных материалов на соответствие современным этическим нормам и не учла культурный контекст. Во-вторых, использованные образы не соответствовали заявленным ценностям бренда. В-третьих, реакция компании на критику была недостаточно оперативной и содержательной, что лишь усилило негативный эффект.

Этот кейс демонстрирует, что недостаточная проработка этических аспектов может привести к серьёзным репутационным потерям. По оценкам экспертов, ущерб для бренда «Белая Дача» составил несколько миллионов рублей упущенной выручки, а восстановление доверия потребовало многолетних усилий [2].

3.3. Региональные практики Волгоградской области

Среди волгоградских компаний также можно выделить примеры социально ориентированных инициатив, которые демонстри-

руют как успешные подходы, так и потенциал для дальнейшего развития.

ПАО «Волгоградский тракторный завод» (ВГТЗ) – одно из старейших промышленных предприятий Волгоградской области – реализовало социальную рекламную кампанию, акцентирующую внимание на важности безопасности на производстве. Кампания включала серию видеороликов, наружных плакатов и материалов для внутреннего корпоративного информирования, подчёркивающих важность соблюдения правил техники безопасности и заботы о здоровье сотрудников.

Особенность кампании – ориентация на внутреннюю аудиторию (сотрудников и их семьи). Использование реальных историй работников создало эффект доверия. Результаты: снижение травматизма на 23% за год, рост вовлечённости персонала и укрепление образа социально ответственного работодателя. Для внешней аудитории кампания продемонстрировала заботу о сотрудниках, что важно для градообразующих предприятий [3; 4].

Сеть магазинов «Волгоградский продукт» провела социальную рекламную кампанию в поддержку местных производителей, стимулируя покупателей к выбору отечественной продукции. Кампания включала серию рекламных материалов с лозунгом «Выбирай своё – поддерживай родной край!», в которых рассказывалось о местных фермерских хозяйствах, производителях молочной продукции, хлебобулочных изделий и овощей.

Успех кампании обеспечили три фактора: соответствие тренду на импортозамещение, использование реальных историй производителей (эмоциональная связь с аудиторией) и подкрепление рекламы конкретными действиями (специальные стеллажи, дегустации, встречи). Результат – рост продаж местной продукции на 18-25% и укрепление репутации сети как социально ответственного бизнеса [3; 4].

4. Статистические данные об эффективности социальной рекламы

Для количественной оценки эффективности социальной рекламы были проанализированы данные опросов потребителей и отраслевых исследований.

Таблица 2. Отношение потребителей к социально ответственным брендам [1; 4]

Показатель	Россия (2024)	Мир (2024)
Готовы платить больше за товары социально ответственных брендов	54%	66%
Обращают внимание на социальную активность брендов	54%	-
Доверяют брендам, которые заявляют о своей социальной позиции	47%	58%
Бойкотировали бренд из-за неэтичного поведения	32%	41%

Таблица 3. Эффективность социальной рекламы по каналам коммуникации [2; 3]

Канал коммуникации	Рост узнаваемости	Рост доверия	Рост лояльности
Телевидение	+18%	+12%	+10%
Социальные сети	+32%	+24%	+28%
Наружная реклама	+12%	+8%	+6%
Интегрированная кампания (все каналы)	+41%	+31%	+35%

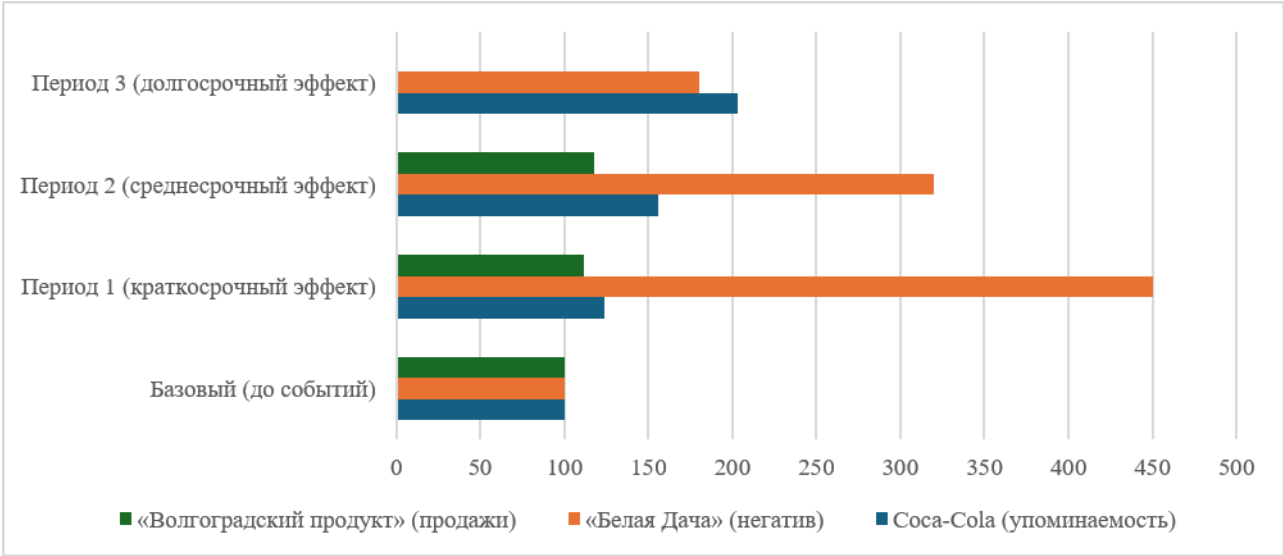

Рис. 1. Сравнительная динамика ключевых показателей эффективности социальной рекламы в трёх кейсах (в % от базового уровня)

Заключение

Приведенные примеры демонстрируют, что социальная ответственность, участие в благотворительных и образовательных проектах способны оказывать положительное влияние на репутацию компании и уровень ее популярности среди потребителей. Однако ключевым условием успеха выступает искренность и последовательность: потребители легко распознают попытки «социального оппортунизма» и реагируют на них негативно.

На основе проведенного анализа можно выделить следующие факторы успеха социальной рекламы:

- 1. Аутентичность.** Социальная тематика должна органично вписываться в миссию и ценности бренда, а не использоваться как разовый инструмент.
- 2. Последовательность.** Социальные инициативы должны реализовываться системно,

на протяжении длительного времени, а не в рамках одной кампании.

3. Прозрачность. Компания должна открыто сообщать о своих социальных проектах, их целях и результатах.

4. Этичность. Используемые образы и сообщения должны соответствовать современным этическим нормам и учитывать культурный контекст.

5. Вовлеченность. Успешные кампании предполагают участие аудитории, превращая потребителей из пассивных наблюдателей в активных участников.

Внедрение подобных практик может быть рекомендовано организациям, стремящимся к укреплению рыночных позиций и расширению клиентской базы, однако требует тщательной проработки и учета потенциальных рисков.

Таким образом, социальная проблематика становится важным фактором рекламных

стратегий. Успех кампаний зависит от этичности, последовательности и адекватности подхода компании к социальным вопросам. Бренды, выстраивающие коммуникацию на основе реальных социальных ценностей,

формируют устойчивую эмоциональную связь с аудиторией и укрепляют рыночные позиции. При этом выбор темы требует учёта культурного контекста и репутационных рисков.

Библиографический список

1. Андреева А.А. Механизм организации взаимодействия рекламы и потребителя с учетом потребительского поведения / А.А. Андреева, С.В. Волкова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – № 3(27).
2. Самые успешные PR-кампании в мировой практике / пер. с англ. Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт». – Москва: ИНФРА-М, 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parksgt.tsu.ru/upload/iblock/901/901abcea22bd8d05c187d96a10063a82.pdf>.
3. 30 лет вперед: юбилейный проект РБК о будущем. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/story/64b7be629a794777d22adfa9>.
4. Национальные проекты: официальный сайт. – Москва, 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф>.

SOCIAL-ORIENTED COMMUNICATIONS IN BRANDING: ANALYSIS OF EFFECTIVE STRATEGIES AND RISKS (CASE STUDIES OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL CAMPAIGNS)

D.D. Dezhinova, *Student*

T.I. Melnik, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor*

Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *In the context of transforming consumer expectations and strengthening the role of public dialogue in the digital environment, companies are increasingly turning to social issues as a tool for differentiation and strengthening brand trust. The article systematizes the main functions of social advertising and analyzes key areas of its application in corporate communications. Based on the analysis of successful international (Coca-Cola) and unsuccessful Russian (Belaya Dacha) cases, as well as regional practices of the Volgograd region (VgTZ, Volgogradsky Produkt), the factors determining the effectiveness of socially oriented campaigns are identified. Recommendations for minimizing reputational risks when integrating social issues into advertising strategies are formulated. Statistical data on the effectiveness of social advertising and the results of consumer preference surveys are presented.*

Keywords: *social advertising; corporate communications; reputational risks; branding; social responsibility; consumer behavior; advertising ethics.*

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РАСТЕНИЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКОЙ И ЦЕНОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА)

Д.Ш. Джужбаев, директор
ТОО «Ассо»
(Казахстан, г. Астана)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-326-331

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования модели устойчивого функционирования растениеводческих хозяйств в условиях климатической и ценовой неопределенности. В работе раскрываются основные элементы устойчивости растениеводческого хозяйства, включая производственную, технологическую, экономическую, экологическую и управленческую составляющие. Особое внимание уделено климатическим рискам, связанным с засухами, избыточными осадками, высокими температурами, заморозками и нестабильностью сезонов. Также рассмотрены ценовые риски, возникающие вследствие колебаний стоимости продукции и производственных ресурсов. На основе анализа долгосрочного практического опыта обоснована необходимость системного подхода к управлению растениеводческим хозяйством. Сделан вывод о том, что устойчивое функционирование возможно при сочетании рационального севооборота, диверсификации посевов, контроля затрат, сохранения плодородия почв, мониторинга рисков и регулярной корректировки управленческих решений.

Ключевые слова: растениеводство; устойчивое функционирование; климатическая неопределенность; ценовая неопределенность; сельскохозяйственные риски; севооборот; плодородие почв; управление затратами; устойчивость хозяйства.

Актуальность исследования формирования модели устойчивого функционирования растениеводческих хозяйств в условиях климатической и ценовой неопределенности обусловлена тем, что современное растениеводство всё чаще развивается под влиянием нестабильных природных и рыночных факторов. Урожайность сельскохозяйственных культур, качество продукции, себестоимость производства и финансовый результат хозяйств напрямую зависят от погодных условий, состояния почв, доступности производственных ресурсов и уровня рыночных цен.

Климатическая неопределенность проявляется в изменении температурного режима, неравномерном распределении осадков, учащении засух, периодов переувлажнения, резких погодных колебаний и других неблагоприятных явлений. Эти факторы усложняют планирование посевной структуры, выбор агротехнологий, организацию полевых работ и прогнозирование урожайности. В результате растениеводческие хозяйства вынуждены искать более гибкие подходы к управлению производством, чтобы сохранять стабильность даже при неблагоприятных погодных условиях.

Не менее значимым вызовом является ценовая неопределенность. Растениеводческие хозяйства зависят не только от цен на зерновые, зернобобовые, масличные и другие культуры, но и от стоимости семян, удобрений, средств защиты растений, топлива, техники, хранения и логистики. Колебания цен могут существенно влиять на рентабельность производства, особенно в тех случаях, когда рост затрат не компенсируется увеличением доходов от реализации продукции.

В этих условиях традиционные подходы к ведению растениеводства оказываются недостаточными. Хозяйствам необходимо не только обеспечивать получение урожая, но и формировать систему управления, способную учитывать климатические, производственные и рыночные риски. Особую роль приобретают диверсификация посевов, рациональный севооборот, применение ресурсосберегающих технологий, сохранение плодородия почв, управление затратами, анализ рыночной конъюнктуры и планирование финансовых резервов.

Целью данного исследования является обоснование модели устойчивого функцио-

рования растениеводческих хозяйств в условиях климатической и ценовой неопределенности на основе анализа теоретических подходов, основных рисков и долгосрочного практического опыта ведения растениеводства.

Материалами исследования послужили научные и аналитические данные по вопросам устойчивого растениеводства, климатических и ценовых рисков, а также сведения открытых международных источников.

В процессе исследования использовались **методы** анализа и обобщения научной информации, сравнительный метод, системный подход, а также метод структурирования факторов, влияющих на устойчивость растениеводческих хозяйств.

Результаты исследования

Устойчивое функционирование растениеводческого хозяйства означает его способность сохранять производственную, экономическую и экологическую стабильность при изменении внешних условий. В растениеводстве это особенно важно, поскольку результаты зависят от состояния почвы, влагообеспеченности, температурного режима, доступности ресурсов и рыночной ситуации. Поэтому устойчивость включает не только прибыль-

ность, но и стабильность урожайности, сохранение плодородия земель, рациональное использование ресурсов и способность адаптироваться к неблагоприятным изменениям [2].

Согласно подходу ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), устойчивая интенсификация растениеводства предполагает увеличение производства с единицы площади при одновременном учете экономических, социальных и экологических последствий. Это достигается за счет эффективного использования имеющихся земель, сохранения здоровья почв, рационального внесения удобрений, применения точного орошения и экосистемного подхода.

В теоретическом плане устойчивость растениеводческого хозяйства формируется через сочетание агротехнологической, экономической, организационной и экологической устойчивости. Она обеспечивается правильным подбором культур, соблюдением севооборота, контролем себестоимости, учетом ценовых рисков, гибким управлением производством и сохранением природной основы сельскохозяйственного производства.

Основные элементы устойчивого функционирования растениеводческого хозяйства представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные элементы устойчивого функционирования растениеводческого хозяйства

Элемент устойчивости	Содержание	Практическое значение
Производственная устойчивость	Стабильное получение урожая при изменении погодных условий	Снижает риск резкого падения объемов продукции
Технологическая устойчивость	Рациональный севооборот, подбор культур, точное внесение удобрений, сохранение структуры почвы	Повышает эффективность использования земли и ресурсов
Экономическая устойчивость	Контроль затрат, планирование доходов, учет колебаний цен	Позволяет сохранять рентабельность даже при нестабильном рынке
Экологическая устойчивость	Сохранение плодородия почв, рациональное использование воды, снижение деградации земель	Обеспечивает долгосрочную пригодность земель для производства
Управленческая устойчивость	Мониторинг рисков, гибкое планирование, своевременное изменение структуры посевов	Повышает адаптивность хозяйства к неопределенности

Климатический фактор является одним из ключевых теоретических оснований анализа устойчивости растениеводства. Отмечается, что изменение климата уже оказывает давление на сельское хозяйство, а потепление влияет на качество культур, стабильность урожая и сроки биологических процессов, включая цветение и развитие растений. Также указы-

вается, что долгосрочное изменение климата может снижать урожайность и повышать мировые цены на сельскохозяйственную продукцию.

Логика устойчивого функционирования растениеводческого хозяйства представлена на рисунке ниже.

Рис. Логика устойчивого функционирования растениеводческого хозяйства

Климатические риски в растениеводстве связаны с тем, что производство сельскохозяйственных культур зависит от погодных условий в течение всего вегетационного периода. На урожай влияют температура воздуха, количество и распределение осадков, сроки наступления заморозков, продолжительность засушливых периодов, состояние почвенной влаги и частота экстремальных погодных явлений. Изменение климата уже оказывает давление на сельское хозяйство, а потепление отрицательно влияет на качество культур и стабильность урожая. Также отмечается, что антропогенное потепление замедлило рост сельскохозяйственной продуктивности за последние 50 лет в средних и низких широтах [1, с. 5].

Для растениеводческих хозяйств особую опасность представляет сочетание нескольких факторов: засуха снижает влагообеспеченность растений, высокие температуры ускоряют испарение влаги, а резкие погодные колебания затрудняют планирование сроков сева, обработки почвы и уборки урожая. При этом климатический риск влияет не только на физический объем продукции, но и на ее качество, сроки реализации и потребность в дополнительных затратах на агротехнические мероприятия.

Основные климатические риски в растениеводстве и их последствия приведены в таблице 2.

Таблица 2. Основные климатические риски в растениеводстве и их последствия

Климатический риск	Возможное проявление	Последствия для хозяйства
Засуха	Дефицит влаги в почве, снижение водообеспеченности растений	Снижение урожайности, ухудшение качества зерна, рост затрат на влагосберегающие технологии
Избыточные осадки	Переувлажнение почвы, нарушение сроков полевых работ	Задержка сева или уборки, уплотнение почвы, потери урожая
Высокие температуры	Тепловой стресс растений, ускоренное созревание	Снижение массы зерна, ухудшение качества продукции
Весенние и осенние заморозки	Повреждение всходов или созревающих культур	Частичная гибель посевов, необходимость пересева
Нестабильность сезонов	Смещение сроков вегетации и уборки	Сложность планирования структуры посевов и загрузки техники

Ценовые риски в растениеводстве формируются из-за нестабильности рынков сельскохозяйственной продукции и производственных ресурсов. Хозяйство может получить высокий урожай, но столкнуться со снижением закупочных цен. Возможна и обратная ситуация: цена на продукцию растет, но одновременно увеличиваются расходы на удобрения,

топливо, семена, средства защиты растений, хранение и перевозку. Поэтому экономическая устойчивость хозяйства зависит не только от урожайности, но и от соотношения между доходами и затратами [3, с. 111].

ФАО определяет индекс продовольственных цен как показатель ежемесячного изменения международных цен на корзину продо-

вольственных товаров. В марте 2026 года индекс продовольственных цен ФАО составил 128,5 пункта, что на 2,4% выше пересмотренного февральского уровня. Индекс цен на зерновые в марте 2026 года составил 110,4 пункта, увеличившись на 1,5% к февралю; рост был связан, в том числе, с повышением международных цен на пшеницу.

По данным Всемирного банка, в марте 2026 года цены на удобрения выросли на 26,2% за месяц. Это важно для растениеводства, потому что удобрения входят в число основных элементов себестоимости, а их подорожание может снижать прибыльность даже при сохранении урожайности.

Долгосрочный практический опыт имеет особое значение для растениеводства, потому что устойчивость хозяйства невозможно оценить только по одному сезону. Урожайность и прибыльность могут резко меняться по годам, поэтому для анализа нужны данные за длительный период. Такой подход позволяет увидеть, какие технологии и управленческие решения работают не только в благоприятные годы, но и в условиях засухи, изменения цен, роста затрат и нестабильности урожая.

В качестве проверяемого долгосрочного опыта можно использовать данные классического полевого эксперимента Broadbalk в Ротамстеде. Он был начат в 1843 году и считается одним из самых продолжительных сельскохозяйственных экспериментов в мире. Его цель – изучение влияния органических удобрений и минерального питания на урожайность озимой пшеницы. В эксперименте сохраняется контрольный участок, который с 1843 года не получает ни удобрений, ни органических удобрений, что позволяет сравнивать разные варианты ведения растениеводства в длительной перспективе [5].

Практическая ценность такого опыта состоит в том, что он показывает: устойчивость растениеводства зависит не от одного приема, а от системы. Значение имеют плодородие почвы, питание растений, севооборот, контроль сорной растительности, адаптация технологий и постоянное наблюдение за результатами. Длительный период наблюдений позволяет учитывать погодные колебания и оценивать не случайный результат отдельного года, а общую устойчивость производственной системы.

Отдельное значение имеет опыт долгосрочных исследований по экологической интенсификации сельского хозяйства. В годовом отчете CIMMYT за 2022 год указано, что долгосрочные эксперименты продолжительностью 10 лет и более в Африке и Европе показывают: урожайность кукурузы и других культур может повышаться при применении экологически обоснованных практик, включая разнообразие культур, чередование культур, использование бобовых и внесение органических удобрений. Там же отмечается, что долгосрочные опыты необходимы, потому что разрушить здоровье почвы можно за несколько лет, а восстановление требует гораздо большего времени [4].

Для растениеводческого хозяйства долгосрочный практический опыт должен включать регулярный учет урожайности, структуры посевов, затрат, цен реализации, состояния почвы, погодных условий и применяемых технологий. Только при наличии таких данных можно понять, какие культуры являются более устойчивыми, какие агроприемы уменьшают риск потерь, какие затраты дают реальный производственный эффект, а какие снижают рентабельность (табл. 3).

Таблица 3. Какие данные необходимо учитывать в хозяйстве для анализа устойчивости

Группа данных	Что фиксируется	Для чего используется
Производственные данные	Урожайность, площадь посевов, структура культур	Оценка стабильности производства
Климатические данные	Осадки, температура, засушливые периоды, заморозки	Связь погодных условий с результатами урожая
Почвенные данные	Содержание органического вещества, состояние плодородия, эрозионные процессы	Оценка долгосрочной сохранности земель
Экономические данные	Себестоимость, цены реализации, затраты на ресурсы	Расчет рентабельности и финансовой устойчивости
Управленческие данные	Сроки сева, уборки, внесения удобрений, обработки почвы	Анализ эффективности принятых решений

Формирование модели устойчивого функционирования растениеводческого хозяйства должно основываться на системном подходе. Это означает, что производственные, экономические, экологические и управленческие решения необходимо рассматривать во взаимосвязи. Такая модель позволяет хозяйству сохранять стабильность работы при неблагоприятных погодных условиях, колебании цен, росте затрат и изменении доступности ресурсов.

Основу модели составляет переход от краткосрочного реагирования к долгосрочному управлению рисками. Хозяйство должно заранее учитывать возможные угрозы, оценивать их влияние на урожайность и финансовые результаты, а затем выбирать меры, которые снижают вероятность потерь. Важными элементами модели являются анализ погодных условий, учет урожайности и затрат, рациональная структура посевов, севооборот, контроль себестоимости, сохранение плодородия почв и корректировка решений с учетом фактической ситуации.

Практическое значение такой модели заключается в том, что она помогает определить наиболее устойчивые культуры, обоснованно распределять ресурсы, снижать зависимость от одного направления производства и своевременно менять управленческие решения. Модель должна регулярно уточняться на основе данных конкретного хозяйства, поскольку устойчивость зависит от природных условий, структуры затрат, состояния земель и рыночной ситуации.

Оценка эффективности предлагаемой модели должна проводиться комплексно. Недостаточно учитывать только урожайность, так как высокий валовой сбор не всегда означает высокий экономический результат. При росте затрат на семена, удобрения, топливо, хранение и перевозку прибыльность может снижаться даже при сохранении объемов производства.

Эффективность модели следует оценивать по производственным, экономическим, эко-

логическим и управленческим показателям. Производственные показатели отражают стабильность урожайности и качество продукции. Экономические показатели показывают уровень себестоимости, прибыли, рентабельности и устойчивости доходов. Экологические показатели позволяют оценить сохранение плодородия почв, рациональность использования воды и снижение деградиационных процессов. Управленческие показатели характеризуют способность хозяйства своевременно реагировать на изменения климата, цен и ресурсных условий.

Положительный эффект модели проявляется в снижении зависимости от одной культуры, более точном контроле затрат, уменьшении потерь от неблагоприятных погодных факторов и повышении предсказуемости финансового результата. Следовательно, эффективность модели определяется не только текущей прибылью, но и способностью хозяйства сохранять устойчивость и развиваться в долгосрочной перспективе.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что устойчивое функционирование растениеводческого хозяйства должно рассматриваться как комплексная система, объединяющая производственные, технологические, экономические, экологические и управленческие решения. В условиях климатической и ценовой неопределенности хозяйствам недостаточно ориентироваться только на получение урожая: необходимо учитывать состояние почв, структуру посевов, себестоимость, рыночные колебания и возможные природные риски. Предлагаемая модель устойчивого функционирования должна основываться на долгосрочном учете данных, диверсификации производства, рациональном использовании ресурсов, сохранении плодородия земель и гибком управлении. Ее эффективность определяется не только текущей прибылью, но и способностью хозяйства сохранять стабильность, снижать потери и развиваться в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Жилияков Д.И. Управление рисками в аграрной отрасли в условиях санкционной политики // Роль аграрной науки в устойчивом развитии АПК: материалы II Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 3-8.
2. Кадомцева М.Е. Методология оценки влияния климатических изменений на устойчивое развитие агропродовольственного комплекса. – 2024. – 294 с.

3. Семиколонова М.Н., Семина Л.А., Землякова С.Н. Управление рисками в сельском хозяйстве: учетно-аналитический аспект // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2022. – № 2. – С. 107-113. – DOI 10.14258/epb202228.
4. CIMMYT Annual Report 2022: From agrifood systems to food and nutrition security: Global research for development / International Maize and Wheat Improvement Center (CIMMYT). – Mexico: CIMMYT, 2023. – 68 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://farm-d.org/wp-content/uploads/2024/03/CIMMYT-2022-Annual-Report.pdf>.
5. Rothamsted Broadbalk Wheat Experiment / Global Long-Term Experiments Network (GLTEN). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.glten.org/experiments/1>.
6. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО). Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2023. Ориентирование агропродовольственных систем на путь к устойчивости. – Рим: ФАО, 2023.
7. Белокопытов А.В., Лазько О.В. Устойчивый рост и инновационное развитие аграрного сектора в условиях пандемии и санкций // Продовольственная политика и безопасность. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 141-152. – DOI 10.18334/ppib.9.2.114650.
8. World Bank. Commodity Markets Outlook: Under the Shadow of Geopolitical Risks. – Washington, DC: World Bank, 2024.
9. Кузнецова Н.А. Концептуальные положения развития циркулярной экономики в сельском хозяйстве // Продовольственная политика и безопасность. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 109-120. – DOI 10.18334/ppib.10.1.116923.
10. Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). Climate Change and Land: Special Report on climate change, desertification, land degradation, sustainable land management, food security, and greenhouse gas fluxes in terrestrial ecosystems. – Geneva: IPCC, 2020.
11. FAO. Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. – Rome: FAO, May 2026.

FORMATION OF A MODEL OF SUSTAINABLE FUNCTIONING OF CROP FARMS IN CONDITIONS OF CLIMATIC AND PRICE UNCERTAINTY (ON THE EXAMPLE OF LONG-TERM PRACTICAL EXPERIENCE)

D.Sh. Juzbayev, *Director*
Asso LLP
(Kazakhstan, Astana)

Abstract. *This paper addresses the issue of developing a model for the sustainable functioning of crop farming enterprises under conditions of climate and price uncertainty. The study outlines the key elements of crop farming resilience, including its production, technological, economic, environmental, and managerial components. Particular attention is paid to climate risks associated with droughts, excessive precipitation, high temperatures, frosts, and seasonal instability. Price risks arising from fluctuations in the cost of products and production resources are also examined. Based on an analysis of long-term practical experience, the necessity of a systemic approach to managing crop farming enterprises is substantiated. It is concluded that sustainable operation is achievable through a combination of rational crop rotation, crop diversification, cost control, soil fertility preservation, risk monitoring, and the regular adjustment of management decisions.*

Keywords: *crop farming; sustainable functioning; climate uncertainty; price uncertainty; agricultural risks; crop rotation; soil fertility; cost management; farm resilience.*

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ КАК ОСНОВА ДЛЯ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.Ю. Ершова, студент

Научный руководитель: Н.О. Зарбалиева, доцент

Волгоградский государственный университет

(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-332-336

Аннотация. В статье представлен теоретико-обзорный анализ классификаций экономико-географических карт применительно к задачам исследования демографической нагрузки на региональном уровне. Рассмотрены основные признаки классификации карт: масштаб, территориальный охват, содержание, степень обобщения, назначение. Особое внимание уделено делению карт на аналитические, комплексные и синтетические как наиболее значимому для демографического картографирования. На основе обобщения отечественной и зарубежной литературы показано, что каждому уровню картографического обобщения соответствуют свои методы изображения и свои исследовательские задачи. Теоретические положения проиллюстрированы на примере опубликованных картографических работ по демографической ситуации в Волгоградской области. Сделан вывод, что классификация карт является не вспомогательным, а системообразующим элементом методики пространственного демографического анализа.

Ключевые слова: классификация карт; экономико-географические карты; демографическая нагрузка; Волгоградская область; аналитические карты; комплексные карты; синтетические карты; картографический метод; ГИС-технологии.

Демографическая нагрузка – один из наиболее информативных интегральных показателей, характеризующих возрастную структуру населения и косвенно – экономическую нагрузку на трудоспособное население. Пространственный анализ этого показателя традиционно опирается на картографический метод. Однако, как справедливо отмечается в специальной литературе [1, 2], эффективность картографического анализа определяется не столько наличием карт как таковых, сколько умением исследователя правильно выбрать тип карты, соответствующий решаемой задаче, и корректно интерпретировать картографическое изображение.

Именно здесь возникает необходимость в классификации карт – системе соподчинённых понятий, позволяющей упорядочить многообразие картографических произведений и выявить их функциональные возможности применительно к конкретному объекту исследования [3]. Для демографической тематики, где объекты (население, рождаемость, смертность, миграции, возрастная структура) имеют сложную пространственно-временную динамику и измеряются преимущественно ста-

тистическими показателями, проблема выбора адекватного типа карты стоит особенно остро.

В отечественной картографической науке сложилась традиция классифицировать карты по нескольким независимым признакам. Для социально-экономической и, в частности, демографической картографии наибольшее значение имеют следующие классификационные критерии.

По масштабу карты делятся на крупномасштабные (1:200 000 и крупнее), среднемасштабные (1:200 000 – 1:1 000 000) и мелкомасштабные (мельче 1:1 000 000). Масштаб определяет степень генерализации: чем мельче масштаб, тем сильнее обобщаются демографические показатели, и тем более крупные территориальные единицы (регионы, страны) становятся объектами анализа. Для муниципального уровня демографических исследований, как правило, используются среднемасштабные карты, для межрегиональных сравнений – мелкомасштабные.

По территориальному охвату выделяют карты мира, материков, государств, регионов, муниципальных образований, населённых пунктов. Для Волгоградской области как объ-

екта демографического анализа наиболее актуальны карты регионального и муниципального уровней, позволяющие выявить внутрирегиональную дифференциацию демографических процессов.

По содержанию все карты делятся на общегеографические (топографическая основа) и тематические. Демографические карты относятся к классу тематических карт общественных явлений. Внутри этого класса по отраслевому принципу выделяются карты населения, которые, в свою очередь, подразделяются на карты размещения, карты демографической структуры, карты движения населения (естественного и механического), карты социальной структуры и качества жизни.

По назначению различают научно-справочные карты (для углублённого анализа), учебные карты (для образовательных целей), информационно-рекламные карты, а также оперативные карты мониторинга. Для демографических исследований первостепенное значение имеют научно-справочные карты, позволяющие выявлять закономерности и причинно-следственные связи. Однако в последние годы, в связи с цифровизацией, всё более востребованными становятся карты мониторинга, обновляемые в режиме, близком к реальному времени.

По степени обобщения и синтеза информации – этот признак является ключевым для данной работы. Именно он лёг в основу деления карт на аналитические, комплексные и синтетические, которое мы рассмотрим подробно в следующем разделе.

Деление карт по степени обобщения информации имеет давнюю традицию в отечественной картографии. Позднее в классификацию было добавлено промежуточное звено – комплексные карты.

Аналитические карты представляют собой наиболее простой (в смысле степени обобщения) тип картографических произведений. Они показывают один показатель или одно свойство явления. В демографическом картографировании к аналитическим картам относятся:

- карты плотности населения (один показатель – число жителей на единицу площади);
- карты доли городского или сельского населения;

- карты рождаемости (число родившихся на 1000 человек);
- карты смертности;
- карты доли населения моложе или старше трудоспособного возраста;
- карты сальдо миграции.

Методы изображения на аналитических картах разнообразны: картограмма (количественный фон), точечный способ (для плотности), значки (для миграционных потоков). Главное достоинство аналитических карт – их высокая информативность по конкретному показателю и близость к исходным статистическим данным. Главный недостаток – они не показывают связей между явлениями и не дают целостной картины.

В литературе подчёркивается, что аналитические карты – это «фактологические произведения, главная цель которых – тщательный и по возможности полный свод базовых материалов по определённому показателю». Они незаменимы на начальных этапах исследования, когда необходимо «увидеть» пространственное распределение каждого отдельного демографического показателя.

Комплексные карты занимают промежуточное положение. Они совмещают изображение нескольких взаимосвязанных показателей. Комплексное картографирование может реализовываться в трёх формах:

1. Изготовление набора различных по тематике, но взаимосвязанных карт на одну территорию (например, серия аналитических демографических карт в атласе региона).

2. Создание серии программно-координированных карт (например, карты рождаемости, смертности и естественного прироста, которые вместе дают картину воспроизводства населения).

3. Составление собственно комплексной карты, где на одном изображении совмещены несколько явлений (например, на одной карте показаны и плотность населения, и доля пожилых, и уровень миграционного прироста).

В демографических исследованиях комплексные карты часто реализуются через интегральные индексы – показатели, обобщающие несколько частных характеристик. Классический пример – индекс демографической нагрузки, объединяющий долю детей и долю пожилых. Другой пример – индекс демографического старения (отношение числа пожи-

лых к числу детей). Комплексные карты позволяют сравнивать территории по обобщённому показателю, но не дают содержательной типологии.

Синтетические карты представляют собой высший уровень картографического обобщения. Они дают целостное представление об объекте в единых интегральных показателях, чаще всего через районирование – деление территории на однородные участки по совокупности признаков. Как отмечается в учебной литературе, «синтетические карты дают целостное изображение объекта или явления в единых интегральных показателях. Эти карты не содержат характеристик отдельных компонентов объекта, но зато дают о нём целостное представление».

В демографическом контексте синтетические карты – это карты типологии территорий по демографической ситуации. Например, районы могут быть классифицированы на:

- территории с прогрессивным типом возрастной структуры (много детей, мало пожилых);
- территории со стационарным типом (сбалансированная структура);
- территории с регрессивным типом (много пожилых, мало детей).

На синтетической карте каждый тип закрашивается своим цветом или штриховкой (метод качественного фона). Важно понимать, что границы таких выделов не заданы административно – они проводятся исследователем на основе анализа множества показателей, что делает синтетическую карту не простым отображением данных, а результатом научного анализа и авторской интерпретации.

Методическая роль классификации заключается в следующем. Классификация задаёт логику исследования: исследователь движется от аналитических карт (узнать, «что где есть») через комплексные карты (сравнить территории по обобщённому показателю) к синтетическим картам (понять, «какие типы территорий выделяются»). Пропуск какого-либо этапа ведёт к упрощениям или неверным выводам.

Для иллюстрации теоретических положений обратимся к опубликованным работам по демографической ситуации в Волгоградской области, выполненным с использованием ГИС-технологий и картографического метода.

В серии статей М.Н. Кузнецовой [4-6] представлены результаты картографирования демографических показателей Волгоградского региона. Автор использует разные типы карт, что наглядно демонстрирует возможности классификационного подхода.

В работе [4] построены карты динамики индекса старения населения Волгоградской области за период 2002-2020 гг. (рис. 3 в оригинальной публикации). Индекс старения рассчитывался как отношение численности населения старше трудоспособного возраста к численности населения моложе трудоспособного возраста. Это чисто аналитическая карта – один показатель, метод картограммы, муниципальные районы как территориальные единицы. Карта позволила выявить устойчивый тренд старения практически во всех районах области, а также зоны наиболее интенсивного старения (северо-западные и западные районы).

В работе [5] построена карта демографической нагрузки населения Южного федерального округа, где Волгоградская область рассматривается как одна из территориальных единиц (наряду с другими регионами). Здесь использован комплексный подход – индекс демографической нагрузки (отношение суммы детей и пожилых к трудоспособному населению). Карта позволила сравнить Волгоградскую область с соседними регионами и выявить, что область относится к группе с высокой и средней нагрузкой.

В работе [6] предпринята попытка типологии муниципальных районов Волгоградской области по демографической ситуации на основе нескольких показателей: доля детей, доля пожилых, коэффициент демографической нагрузки, индекс старения. Хотя в чистом виде синтетическая карта районирования в публикации не приведена, анализ данных позволяет выделить три типа районов: (1) «глубоко старые» аграрные районы с высокой долей пожилых и низкой долей детей; (2) «промежуточные» районы со средними показателями; (3) «относительно молодые» пригородные районы и районы с полиэтническим составом населения.

Таким образом, уже существующие публикации по Волгоградской области дают материал для иллюстрации всех трёх уровней картографического обобщения. При этом, как

справедливо отмечает сама автор, наиболее сложным и пока наименее разработанным остаётся синтетический уровень – создание целостной типологической карты, где районы группируются не по одному или двум показателям, а по их совокупности с весовыми коэффициентами.

Проведённый теоретический обзор и его иллюстрация на примере Волгоградской области позволяют сформулировать несколько положений о значении классификации карт для прикладных демографических исследований.

Во-первых, классификация карт является не вспомогательным, а системообразующим элементом методики исследования. Без чёткого понимания, на каком уровне обобщения (аналитическом, комплексном или синтетическом) находится исследователь, невозможно корректно интерпретировать картографическое изображение и тем более делать управленческие выводы.

Во-вторых, выбор типа карты должен определяться исследовательской задачей. Если задача – зафиксировать пространственное распределение одного показателя (например, доли пожилых), достаточно аналитической карты. Если задача – сравнить территории по обобщённому показателю (например, ранжировать районы по демографической нагрузке), необходима комплексная карта с интегральным индексом. Если задача – выделить типы территорий для адресной социальной полити-

ки, необходима синтетическая карта районирования.

В-третьих, современные ГИС-технологии существенно расширяют возможности реализации всех трёх типов карт. В среде ГИС аналитические карты строятся практически автоматически по любому статистическому показателю; комплексные карты – через вычисление новых полей (интегральных индексов) в атрибутивной таблице; синтетические карты – через инструменты многомерной классификации (например, кластерный анализ с визуализацией результатов на карте). Однако технологическая доступность не отменяет необходимости теоретического обоснования классификации: автоматически построенная карта может быть статистически корректной, но содержательно бессмысленной, если не учтена природа демографических процессов.

В-четвёртых, для Волгоградской области, как и для многих других регионов России с выраженным демографическим старением, наиболее актуальным является переход от аналитических и комплексных карт к синтетическим картам типологии. Такой переход позволит не только констатировать высокую демографическую нагрузку в тех или иных районах, но и понять её природу (старение, высокая рождаемость, миграционный отток молодёжи), а следовательно – выбирать адекватные меры социально-экономической политики.

Библиографический список

1. Берлянт А.М. Картография: учебник для вузов. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 336 с.
2. Салищев К.А. Картоведение : учебник. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – 400 с.
3. Картавцева Е.Н. Тематическая картография: учебное пособие. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2023. – 119 с.
4. Кузнецова М.Н. Исследование демографического старения населения Волгоградской области с использованием ГИС-технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 4-2(79). – С. 33-36.
5. Кузнецова М.Н. Применение геоинформационных систем в исследование демографической нагрузки населения Южного федерального округа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-3(80). – С. 132-136.
6. Кузнецова М.Н. Исследование демографической ситуации в Волгоградской области // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5-2(92). – С. 201-204.

**CLASSIFICATION OF ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL MAPS AS A BASIS
FOR ANALYZING THE DEMOGRAPHIC PRESSURE OF A REGION
(ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)**

A.Yu. Ershova, *Student*

Supervisor: *N.O. Zarbalieva, Associate Professor*

Volgograd State University

(Russia, Volgograd)

Abstract. *The article presents a theoretical and review analysis of the classifications of economic and geographical maps in relation to the tasks of studying the demographic load at the regional level. The main features of the classification of maps are considered: scale, territorial coverage, content, degree of generalization, and purpose. Special attention is paid to the division of maps into analytical, complex, and synthetic maps, which is the most significant for demographic mapping. Based on a review of domestic and foreign literature, it is shown that each level of cartographic generalization has its own methods of representation and research objectives. The theoretical provisions are illustrated by the example of published cartographic works on the demographic situation in the Volgograd region. It is concluded that the classification of maps is not an auxiliary, but a system-forming element of the methodology of spatial demographic analysis.*

Keywords: *map classification; economic and geographical maps; demographic load; Volgograd region; analytical maps; complex maps; synthetic maps; cartographic method; GIS technologies.*

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЯПОНИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ

Д.В. Ильяшенко, студент

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-337-345

Аннотация. В статье исследуются существующие демографические проблемы Японии, влияющие на экономическое развитие и финансовый рынок страны. Эмпирические результаты данной статьи показывают, что увеличение предложения рабочей силы на рынке страны является маловероятным. Учитывая масштабы современного демографического кризиса, вызванного низким уровнем рождаемости и старением населения, в работе обоснована, необходимость комплексных государственных мер, устраняющих препятствия по предложению рабочей силы и способствующих более эффективному распределению работников. Делается вывод, что внедрение искусственного интеллекта и автоматизации в различных сферах деятельности страны могут оказать существенное влияние на рынок труда и решение демографических проблем.

Ключевые слова: демографический кризис; Япония; старение населения; экономический рост; финансовые рынки.

Демографический кризис представляет собой один из наиболее серьезных внутренних вызовов для развитых экономик XXI века, пересекающихся с глобальными проблемами неравенства и геополитической напряженности. Большинство развитых стран в настоящее время характеризуются крайне низким уровнем рождаемости, особенно критична ситуация в Японии. Япония, население которой достигло пика в 2008 году, одной из первых стран вошла в эпоху демографического кризиса. В настоящий момент страна сталкивается с комплексом демографических проблем, большинство из которых связаны с численностью населения, его структурой, старением населения, неравномерным соотношением населения в городах, сельской местности и

дефицитом трудоспособного населения, которые оказывают комплексное негативное влияние на экономику Японии и потенциал ее развития.

Демографический кризис представляет собой взаимосвязь ряда проблем, одной из наиболее важных является депопуляция, критически низкая рождаемость и устойчивый рост доли населения старше 65 лет. По состоянию на 2024 год, общая численность населения составила 123,95 миллиона человек. Данное количество населения в Японии последний раз фиксировалось в 1991 году, что говорит об устойчивом снижении численности населения государства на протяжении трех десятилетий (рис. 1).

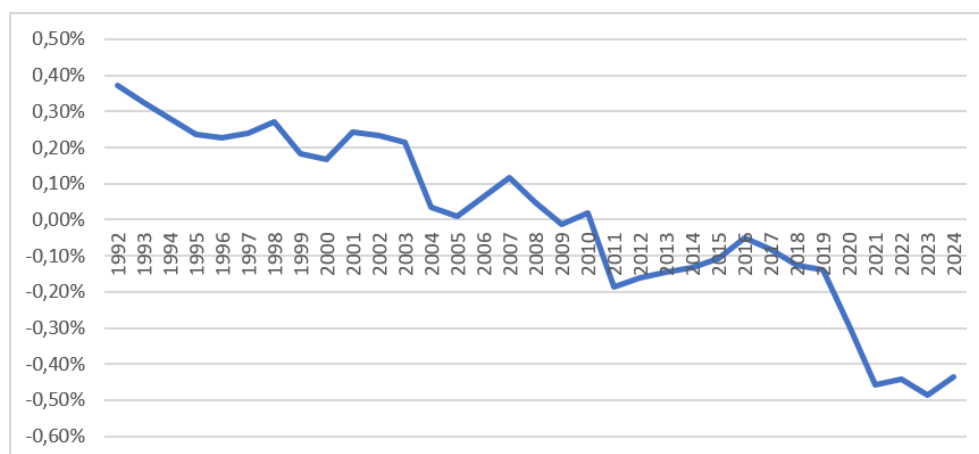

Рис. 1. Динамика темпов изменения численности населения Японии 1990-2024 гг., % [5]

Рассматривая темпы изменения численности населения, необходимо отметить устойчивый тренд к отрицательным темпам с 2011 года, что говорит о продолжении снижения численности населения. Согласно прогнозам Национального института исследований населения и социального обеспечения, к 2070 году население Японии сократится до 77,61 миллионов при условии среднего уровня фертильности.

Критическим фактором выступает сильное и устойчивое снижение рождаемости. В 2024 году в стране родилось лишь 686 тыс. детей, при этом впервые данный показатель опустился ниже 700 тысяч. Коэффициент фертильности 1,148 является одним из самых низких в мире. По данному показателю только Республика Корея имеет коэффициент фертильности ниже единицы, что является критически низким для воспроизводства

населения и дальнейшего развития государства в целом.

Кроме сокращения численности населения и сохранения снижающегося коэффициента рождаемости Япония также фиксирует проблемы связанные со снижением численности трудоспособного населения и увеличением доли пожилого населения старше 65 лет в стране. По состоянию на 2024 год Япония является вторым государством в мире с самой большой долей пожилого населения, которая составляет 30% и уступает по этому показателю только особому административному району Китая Макао. Начиная с 1990 года наблюдается постоянный рост доли населения старше 65 лет более чем в два раза (рис. 2). К 2070 году в Японии прогнозируется увеличение доли населения старше 65 лет до 40,9-42%.

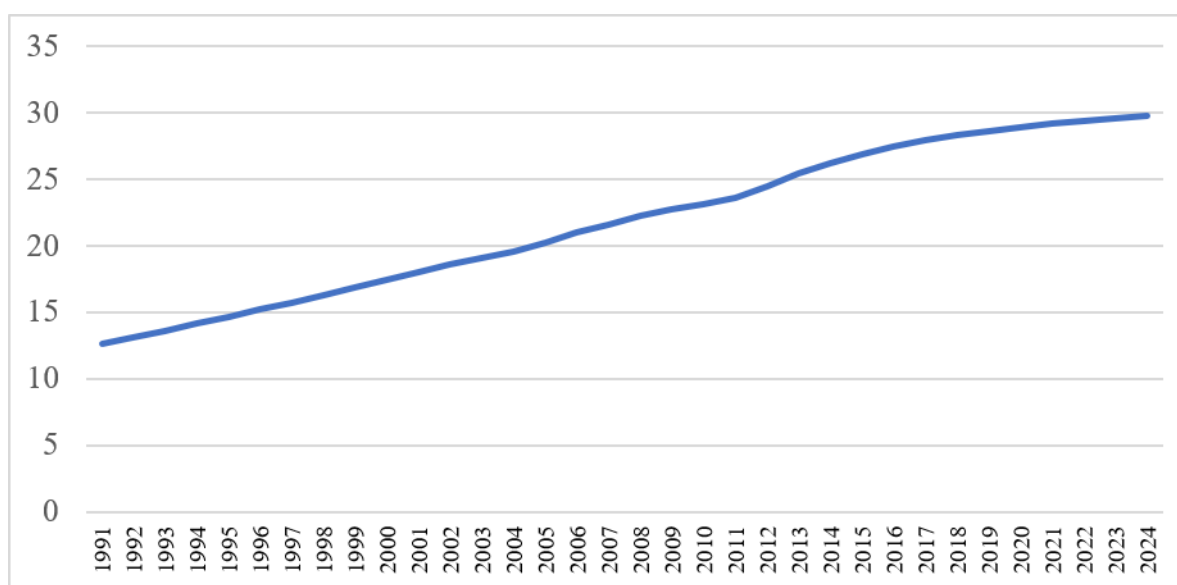

Рис. 2. Численность населения Японии старше 65 лет 1990-2024 гг., % [5]

Основной причиной демографического кризиса является изменение экономической структуры государства и длительное ухудшение материального положения населения. В условиях нынешнего развития стоимость воспитания ребенка достигла критически высокого уровня. Японская система образования требует значительных инвестиций, начиная от дошкольных учреждений и заканчивая высшим образованием. Экономическая нестабильность, на которую дополнительное влияние оказывают последствия пандемии COVID-19, увеличила проблемы в сфере заня-

тости и материального обеспечения населения.

Отличительной особенностью японской демографической политики является отказ от массовой иммиграции как инструмента решения проблем рождаемости и численности населения, который активно используется большим количеством других развитых стран [4, с. 101].

В тоже время отметим, что миграционная политика Японии эволюционирует в ответ на дефицит рабочей силы, хотя и остается выборочной и ограниченной. Численность ино-

иностранных работников выросла с 686 тыс. в 2011 году до 1,727 млн в 2021 году, почти утроившись за десятилетие. В 2024 году в стране насчитывалось около 2,3 млн иностранных работников, прирост почти на 300 тыс. за год.

Программа Specified Skilled Workers (SSW), введенная в 2019 году, позволяет иностранным работникам заполнять нехватку в 16 отраслях, включая уход за пожилыми, строительство и сельское хозяйство. В отличие от более ранней Программы технических стажеров, где участники могли работать максимум пять лет на низкоквалифицированных позициях, путь SSW предлагает возможность более длительного пребывания для квалифицированных работников.

Тем не менее, оценки показывают, что Японии может потребоваться дополнительно 6,7-11 млн работников к 2040 году для заполнения вакансий и поддержания умеренных темпов роста. Программа Specified Skilled Worker получила менее 3 тыс. заявок при годовой цели 40 тыс., что указывает на серьезные вызовы в привлечении мигрантов по сравнению с другими развитыми странами независимо от либерализации иммиграционной политики.

Правительство Японии предпринимает активные, но малоэффективные попытки ре-

шить проблему, связанную с нарастающим демографическим кризисом [2, с. 22]. В 2021 году был создан пост министра по борьбе с одиночеством, увеличивается число детских садов, вводятся субсидии молодоженам до 40 лет. С апреля 2025 года для госслужащих вводится четырехдневная рабочая неделя. Однако, несмотря на большое количество мер, принятых со стороны государства ситуация в сфере демографии остается неизменной, так как не затрагивает основных причин, которые влияют на состояние японского общества.

Демографический кризис оказывает существенное негативное влияние на экономический рост Японии. По данным МВФ, реальный ВВП страны в 2024 году вырос всего на 0,1%, что является минимальным показателем среди развитых экономик. ОЭСР прогнозирует сохранение низких темпов роста: 0,7% в 2025 году и 0,4% в 2026 году. По оценкам экспертов демографический кризис оказывает негативное влияние на экономику страны и эксперты предполагают его дальнейшее развитие без принятия комплекса мер эффективной социально-экономической политики со стороны государства. Например, прогнозируется дальнейшее снижение ВВП на душу населения, при условии роста населения старше 65 лет (рис. 3).

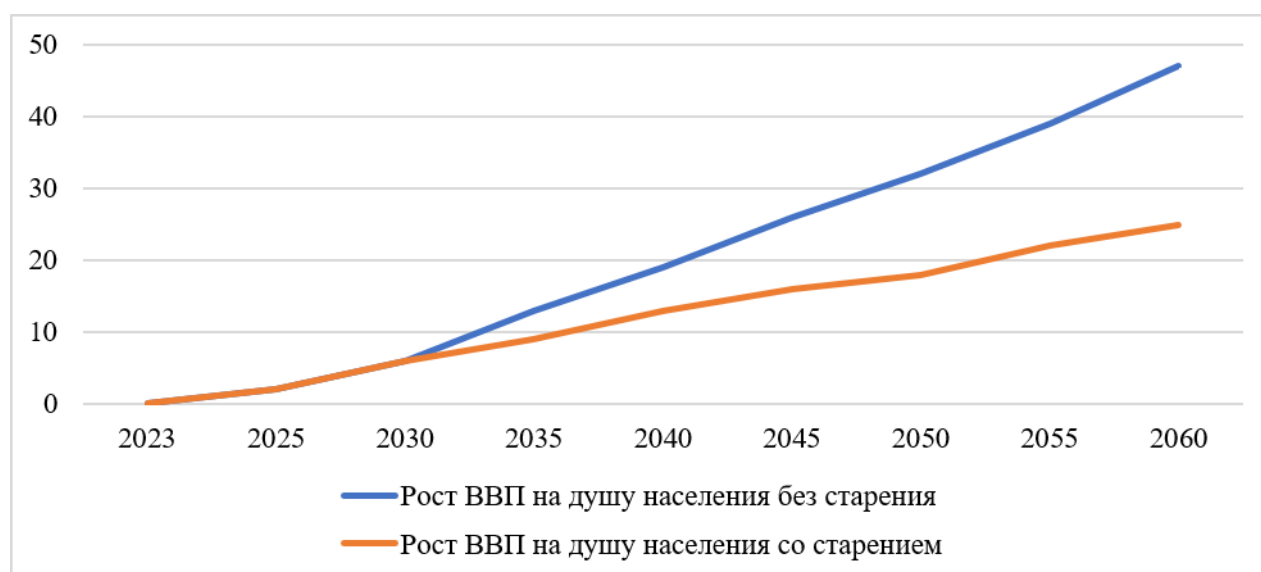

Рис. 3. Прогнозируемый совокупный рост ВВП на душу населения в странах ОЭСР без учета и с учетом старением, % [6]

Рынок труда Японии на протяжении длительного времени характеризуется дефицитом рабочей силы. Данная ситуация обусловлена

как старением населения, так и снижением рождаемости. В настоящее время безработица в Японии находится на уровне 2,5%, что явля-

ется низким уровнем в сравнении с общемировым, а также в сравнении с другими развитыми странами, но это показывает не столько высокую эффективность трудоустройства, сколько крайне сильную нехватку рабочей силы. Последствия дефицита работников приводит к высокому уровню занятости среди населения старше 65 лет, а также увеличением возраста выхода на пенсию. Законодательство обязывает компании обеспечивать занятость до 65 лет, а также предпринимать усилия по трудоустройству населения в возрасте до 70 лет. Однако этих мер недостаточно для компенсации убыли более молодой рабочей силы.

Кроме того, Япония сталкивается с явлением на рынке труда, суть которого заключается в том, что многие люди возраста до 30 лет предпочитают временную работу постоянным контрактам, избегая социальных обяза-

тельств, которые традиционно требуют японские работодатели. Это явление еще больше усиливает дефицит квалифицированной рабочей силы и устойчивости систем социального страхования, рассчитанных на работников, которые на протяжении всей жизни работают на одного и того же работодателя. Кроме того, значительная часть пожилых работников, особенно в сельских регионах, не обладает достаточными навыками цифровизации и адаптации к новым технологиям, что делает их переквалификацию длительной и дорогостоящей.

Для дальнейшего рассмотрения влияния демографической ситуации на рынок труда в Японии и других развитых странах необходимо проанализировать изменение численности занятого населения к общей численности населения (рис. 4).

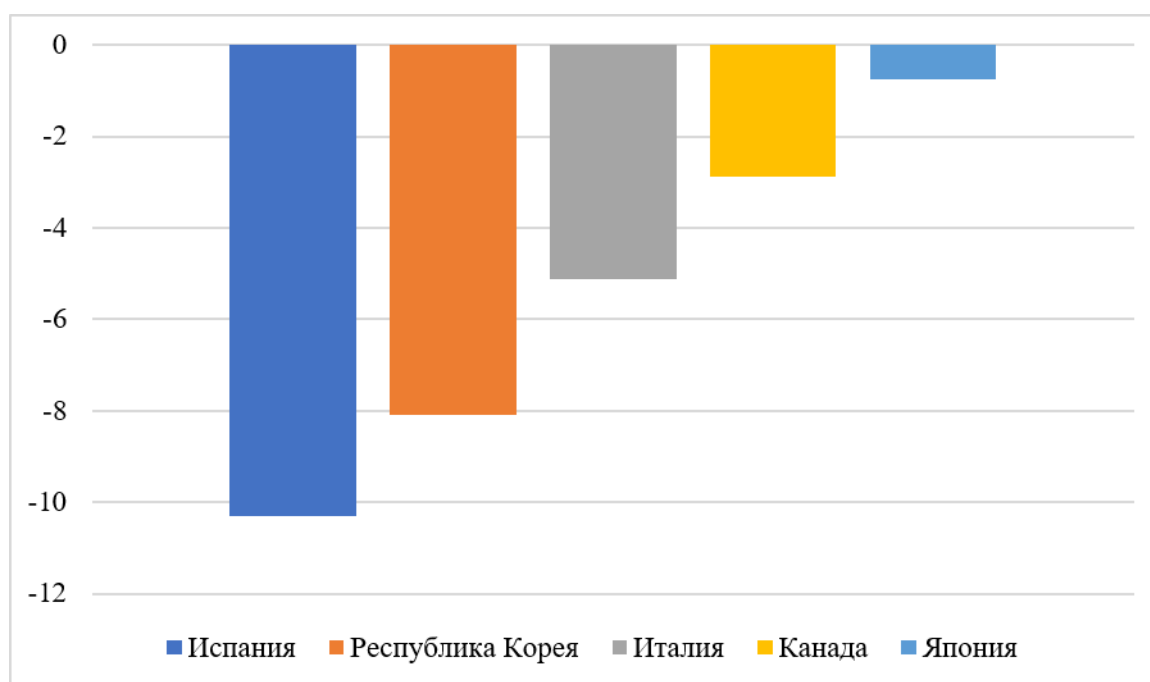

Рис. 4. Прогноз изменения соотношения численности занятого населения к общей численности населения 2023-2060 гг., % [6]

По результатам проведенного анализа необходимо отметить наибольшее падение занятого населения в Испании, что объясняется высоким уровнем безработицы в рассматриваемом государстве и тенденцией к дальнейшему снижению занятости. Похожая ситуация наблюдается в Республике Корея, что объясняется в большей степени низким уровнем рождаемости на протяжении нескольких десятилетий и впоследствии низкой числен-

ностью трудоспособного и занятого населения. В Италии ситуация имеет схожие черты с Испанией, так как в данном государстве безработица находится на высоком уровне и снижается на протяжении долгого времени, такая же ситуация наблюдается в Канаде, но в меньшей степени, так как безработица в данном государстве находится на низком уровне и коэффициент рождаемости снизился до

крайне низких значений позже, чем в Японии и Республике Кореи.

На основе прогноза, в Японии к 2060 году соотношение численности занятого населения к общей численности снизится, но в меньшей степени, чем в других рассматриваемых странах, так как уже в настоящее время в Японии наблюдается низкая безработица, снижение рождаемости и последующее снижение доли трудоспособного населения, и рост доли пожилого населения старше 65 лет. В совокупности данные факторы оказывают различное влияние на ситуацию с занятостью, при этом к 2060 году под влиянием рассматриваемых факторов соотношение численности занятого населения к общей численности снизится незначительно.

В результате сложившейся ситуации с нехваткой трудоспособного населения, Япония активно развивает автоматизацию и робототехнику. В настоящее время Япония является одним из мировых лидеров по темпам и объемам внедрения роботов, как в промышленности и производство, так и в сферу здравоохранения и ухода за пожилыми людьми. Данная ситуация приводит к тому, что с одной стороны страна стремится к цифровизации и роботизации, которые являются одними из главных трендов в мире в настоящее время, но с другой стороны снижается потребность в трудоспособном населении, что приводит к углублению и увеличению влияния демографических проблем. В настоящее время Япония определяет внедрение искусственного интеллекта в сектор ухода за пожилыми как стратегический приоритет, учитывая демографические тренды и необходимость снижения нагрузки на бюджет.

Демографические процессы создают кризисную ситуацию, в том числе и на рынке недвижимости. В крупных городах, таких как Токио, Осака, Фукуока наблюдается рост цен из-за концентрации спроса и ограниченного предложения, тогда как сельские регионы сталкиваются с обвалом цен и накоплением пустующих домов. На данную ситуацию влияет ограниченность площади застройки недвижимости и крайне высокая плотность населения в крупнейших агломерациях страны [2, с. 95].

В настоящий момент в Японии широко распространена оставленная недвижимость в

сельских районах, на которую почти полностью отсутствует спрос. Данная ситуация приводит к диспропорции, связанной с перенаселенными городами и опустевшей сельской местностью, которая имеет высокий экономический потенциал, в особенности учитывая фактор ограниченности территорий в Японии. Также снижение численности населения в сельских районах создает избыточное предложение жилья вследствие продаж пожилыми владельцами, что создает дополнительное снижение цен. Миграция молодежи в города для поиска работы усиливает снижение численности населения в сельской местности, негативно влияя на производительность и экономический потенциал многих территорий.

В настоящее время Правительство предлагает субсидии и гранты для реновации пустующих домов в рамках проектов по оживлению сельских территорий, но в настоящее время данные программы не приносят ожидаемого результата, так как в условиях нынешней экономической ситуации трудоспособное население вынуждено осуществлять миграцию в города для увеличения дохода и улучшения материального положения.

Следует отметить, что кризис на рынке недвижимости в Японии имеет еще более глубокие причины, связанные с культурными особенностями японского общества. В Японии существует традиция, когда каждое поколение строит собственный дом, а не наследует имущество от родителей. Данная практика, сложившаяся в условиях экономического роста XX века, теперь становится серьезной проблемой, так как оставляет рынок насыщенным старой недвижимостью, которая не соответствует современным стандартам. Местные органы власти в сельских регионах уже столкнулись с ситуацией, когда пустующие дома занимают большую часть жилищного фонда. Также, традиционная японская архитектура деревянных домов требует постоянного обслуживания, что делает их привлекательность еще ниже для молодого поколения, которые имеют альтернативу в виде квартир. Попытки правительства стимулировать миграцию молодежи в сельские регионы путем дистанционной работы показали ограниченные результаты, так как инфраструктура

и сервисы в сельской Японии остаются недостаточно развитыми.

Старение населения также оказывает влияние на рост расходов, связанных с социальным обеспечением. В 2024 году затраты в социальной сфере достигли 37,7 трлн иен (33,5% общих расходов бюджета). В 2025 финансовом году расходы на эту сферу составили 38,3 трлн иен, что составило треть национального бюджета и показывает степень влияния старения населения на все сферы экономики государства. В результате нынешней ситуации треть бюджета Японии направлена на социальное обеспечение, четверть на обслуживание государственного долга.

Финансирование дефицита социального обеспечения преимущественно осуществляется через заимствования, что привело к накоплению крупнейшего среди развитых стран государственного долга. В 2024 году соотношение государственного долга к ВВП составило 236%, что является вторым значением среди всех стран мира после Судана и показывает необходимость решения демографических проблем для всех стран.

Кроме влияния нынешней ситуации в Японии на государственный бюджет, также данное влияние прослеживается на налоговую сферу. Структура налоговой нагрузки показывает то, как старение населения в государстве оказывает влияние на все слои общества. Для трудоспособного населения взносы на социальное страхование превышают налог на потребление, составляют около трети заработной платы и являются значительно частью доходов. При этом пожилые пенсионеры, имея низкие доходы, располагают крупными сбережениями, которые оказывают свое влияние на экономическую ситуацию в государстве. Данное обстоятельство создает сложную ситуацию в экономической политике. С одной стороны, высокие сбережения пожилого населения поддерживают спрос на государственные облигации, позволяя государству финансировать дефицит при относительно низких процентных ставках. С другой стороны, эти сбережения не направляются в реальный сектор экономики, так как пожилые люди предпочитают консервативные и безопасные активы.

Ситуацию дополнительно усложняет то, что трудоспособное население, которое тра-

диционно должно накапливать капитал, наоборот, имеет низкий уровень сбережений из-за высокого налогообложения и необходимости содержания как своих детей, так и пожилых родителей. В этих условиях семьи часто используют собственные накопления, чтобы обеспечить базовые потребности. Кроме того, инфляция в последние годы существенно повлияла на реальную стоимость накопленных сбережений пожилых граждан, но они все еще остаются крупнейшими держателями государственного долга через различные пенсионные фонды и страховые компании, что отличает структуру государственного долга Японии от других стран.

Демографические процессы оказывают влияние на монетарную политику, снижая естественную процентную ставку до отрицательных значений вследствие избыточных сбережений пожилого населения и слабого инвестиционного спроса, а также влияния мировых кризисов [3, с. 9]. Только в марте 2024 года Банк Японии впервые за 17 лет повысил процентную ставку, выведя ее из отрицательной зоны в диапазон 0-0,1%.

Вопреки демографическим вызовам, японский фондовый рынок демонстрирует сильный рост на протяжении длительного периода. Индекс Nikkei 225 за 10 лет в период с 2016 по 2026 года вырос более чем в 3 раза, на 311%. В феврале индекс впервые за 34 года превысил исторический максимум 1989 года, а в январе 2026 года индекс обновил исторический максимум и впервые преодолел 54 тысячи пунктов. Ключевыми драйверами роста выступили ослабление иены, повышающее конкурентоспособность японских экспортеров (Toyota, Sony, Panasonic), корпоративные реформы управления и активный приток иностранного капитала.

Правительственный пенсионный инвестиционный фонд Японии (GPIF), управляющий активами в \$1,73 трлн, демонстрирует успешную стратегию диверсификации в акции для компенсации дефицита пенсионной системы. В фискальном 2023 году фонд показал доходность 22,67% благодаря сильным результатам портфеля акций, при этом активы составили 246 трлн иен (\$1,68 трлн). Стратегия GPIF основана на инвестировании резервов социального страхования в высокодоходные рискованные активы вместо использования их для

покрытия текущего дефицита. Это позволило резервам вырасти с 36% ВВП в 1997 году до около 60% в 2023 году, несмотря на дефицит.

В результате сложившейся ситуации с нехваткой трудоспособного населения, Япония активно развивает автоматизацию и робототехнику. В настоящее время Япония является одним из мировых лидеров по темпам и объемам внедрения роботов, как в промышленность и производство, так и в сферу здравоохранения и ухода за пожилыми людьми. В Японии было создано агентство цифровизации, которое координирует развитие цифрового общества и анализирует результаты внедрения мер в сфере цифровизации. Одним из направлений деятельности данного агентства является решение проблем, вызванных демографической ситуацией, так планируется цифровизация здравоохранения, которое является одной из сфер, которые в наибольшей степени подвержены влиянию демографии. Другим способом решения рассматриваемых проблем является цифровизация всех сфер экономики для повышения производительности и снижения потребности в трудоспособном населении.

Одним из элементов цифровизации является искусственный интеллект (ИИ). В настоящее время в экономиках всех стран происходят изменения в следствии внедрения искусственного интеллекта, так как данный инструмент позволяет повышать производительность труда и экономики, но также вызывает риск потери рабочих мест сотрудниками различных сфер из-за более высокой эффективности. В Японии ситуация с внедрением искусственного интеллекта отличается от многих других стран, так как меньшее количество населения потеряло работу в следствии внедрения искусственного интеллекта. Данная ситуация объясняется особой системой рынка труда в Японии, в которой сотрудники трудоустраиваются в компании, а не на конкретные должности и далее меняют свои позиции внутри компании в рамках долгосрочного трудоустройства, во многих случаях пожизненного.

В данном случае экономика Японии формирует ситуацию, в которой искусственный интеллект является инструментом повышения эффективности труда, но формирует меньший риск увольнений и коренных изменений тру-

доустройства из-за замены людей искусственным интеллектом. В тоже время, использование ИИ японскими малыми и средними предприятиями отстает от крупного бизнеса, в то время как именно малые и средние предприятия сталкиваются с серьезной нехваткой рабочей силы. Решением данной проблемы может стать оценка возможностей малого и среднего бизнеса и регулярное обновление предоставления субсидий, грантов и льгот.

Для решения проблем, вызванных демографическим кризисом, необходимо разработать перечень мер, которые сформируют общую систему демографической политики Японии.

Первостепенно необходимо увеличить эффективность мер по поддержке семей, с помощью увеличения пособий на рождение детей, а также расширения налоговых льгот для семей с детьми. Данные меры позволят решить проблему высокой стоимости воспитания детей, что является одним из основных факторов снижения рождаемости по всему миру. Также важным для преодоления демографического кризиса является расширение образовательной системы, с помощью увеличения количество детских садов и школ, что позволит снизить уровень загруженности образовательных учреждений, а также позволит увеличить участие родителей в трудовой деятельности, что позволит частично решить проблему дефицита трудоспособного населения в Японии.

Следующим способом решения рассматриваемых проблем является изменение системы трудоустройства, которая в Японии отличается коренным образом от остального мира, так как в рассматриваемом государстве сформирована система пожизненного найма, а также устойчивая практика переработок и сверхурочной занятости, что ухудшает положение населения в стране и является фактором, снижающим рождаемость. Также государству необходимо формировать меры поддержки населения в сфере недвижимости и жилья, так как высокие цены на недвижимость являются причиной снижения рождаемости, в связи с тем, что ухудшают положение населения, увеличивают долговую нагрузку и снижают реальные доходы населения. Одним из вариантов в рассматриваемой ситуации является формирование системы мер по поддержке

молодых семей в переезде в малонаселенные регионы Японии, где жилье отличается низкими ценами в связи с общей тенденцией к урбанизации.

Меры по снижению негативного эффекта от демографического кризиса также должны включать поддержку пожилого населения, в которую необходимо включать программы расширения занятости пожилого населения, увеличить возраст выхода на пенсию, а также увеличивать качество здравоохранения, что позволит пожилому населению активно участвовать в экономике страны. Следующим важным элементом решения проблем демографического кризиса является увеличение миграционных потоков в Японию с дальнейшим трудоустройством в наиболее нуждающихся отраслях. Данная мера активно используется в других развитых странах, например в Канаде, куда активно привлекаются мигранты, что позволяет сохранять стабильность рынка труда и численности населения страны. Также рассматриваемая мера позволит снизить отрицательное влияние низкой численности трудоспособного населения на экономический рост и развитие Японии.

В результате, данные меры позволят увеличить рождаемость, изменить политику государства в сфере демографии и снизить негативное влияние демографического кризиса на экономику Японии, что в результате может привести к выходу Японии из длительного периода стагнации экономики.

Заключение

Библиографический список

1. Письменная Е.Е., Рязанцев Н.С., Молчанова Н.П. Демографические сдвиги в Японии как фактор трансформации миграционной политики // Народонаселение. – 2023. – № 1. – С. 97-109.
2. Zhang T.-T. The Effect of Family Fertility Support Policies on Fertility, Their Contribution, and Policy Pathways to Fertility Improvement in OECD Countries / T.-T. Zhang, X.-Y. Cai, X.-H. Shi, W. Zhu, S.-N. Shan // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2023. – P. 21-24.
3. Негуч Н.А. Оценка и перспективы развития рынка недвижимости Японии // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2023. – Т. 13, № 4 (44). – С. 92-101.
4. Дементьев В.Е., Устюжанин В.Л., Устюжанина Е.В. Социально-экономическая политика государства в кризисные периоды: исторический экскурс и некоторые выводы // Пространство экономики. – 2024. – № 1. – С. 6-19.
5. World Bank. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.65UP.TO.ZS?most_recent_value_desc=true&locations=JP.
6. OECD. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2025_194a947b-en.html.

Продолжающийся демографический кризис в Японии, связанный со старением населения и снижением рождаемости, сокращением рабочей силы и возрастающей фискальной нагрузкой на финансирование расходов на социальное обеспечение, может препятствовать экономическому росту страны в течение длительного периода. Опыт Японии показывает, что даже развитая экономика с высоким уровнем технологического развития неспособна эффективно решить проблему снижения трудоспособного населения с помощью только внутренних экономических стимулов, таких как пенсионные реформы и трансформация финансовых рынков.

Важнейшими направлениями решения проблем нехватки рабочей силы в стране должны стать:

- привлечение рабочей силы из других стран, которое будет зависеть от трансграничных экономических условий, демографических изменений в странах-донорах трудовой миграции и глобальных структур управления;
- укрепление инфраструктуры и развитие услуг в городах, для обеспечения добровольной миграции, при развитии систем ухода за пожилыми людьми, остающимися в сельской местности;
- использование инноваций, цифровизации и роботизации, что обеспечит сбалансировать распределения как трудовых, так и финансовых ресурсов страны.

THE CURRENT DEMOGRAPHIC CRISIS IN JAPAN AND ITS IMPACT ON THE COUNTRY'S ECONOMY

D.V. Iliashenko, Student

**Financial University under the Government of the Russian Federation
(Russia, Moscow)**

Abstract. *The article examines Japan's existing demographic problems affecting the country's economic development and financial market. The empirical results of this article show that an increase in the labor supply in the country's market is unlikely. Given the scale of the current demographic crisis caused by low birth rates and the aging of the population, the paper substantiates the need for comprehensive government measures to eliminate barriers to the supply of labor and promote a more efficient allocation of workers. It is concluded that the introduction of artificial intelligence and automation in various fields of activity in the country can have a significant impact on the labor market and the solution of demographic problems.*

Keywords: *demographic crisis; Japan; population aging; economic growth; financial markets.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.С. Омельченко, магистрант¹, инженер-картограф/геодезист²

Ш.С. Зарбали¹, магистрант

Н.О. Зарбалиева¹, доцент

¹Волгоградский государственный университет

²ООО «ВолгоградНИИгипрозем»

(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-346-352

Аннотация. Статья посвящена анализу эффективности механизмов государственного и муниципального экологического контроля за использованием земель в Волгоградской области. Рассматривается эволюция природоохранного законодательства, структура контрольно-надзорных органов федерального, регионального и муниципального уровней, а также пространственно-временная динамика нарушений земельного законодательства за 2019-2024 гг. Особое внимание уделено роли муниципального земельного контроля, его проблемам (кадровый дефицит, слабое межведомственное взаимодействие) и ограниченному влиянию на реальное состояние земельных ресурсов.

Ключевые слова: экологический контроль; землепользование; Волгоградская область; муниципальный контроль; деградация земель; законодательство; охрана окружающей среды.

Проблема эффективного управления земельными ресурсами в современной России приобретает особую значимость в контексте обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития территорий. Земля как природный ресурс выполняет множество жизненно важных функций – она является основой для ведения сельского и лесного хозяйства, пространственным базисом для размещения объектов экономики и инфраструктуры, а также важнейшим компонентом окружающей среды, обеспечивающим сохранение биологического разнообразия и поддержание экологического равновесия. В связи с этим вопросы организации действенного контроля за использованием и охраной земель находятся в центре внимания как федеральных органов государственной власти, так и региональных администраций, и органов местного самоуправления.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в последние годы в Российской Федерации происходит существенное обновление законодательства в сфере государственного и муниципального контроля. Вступление в силу Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном кон-

троле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» повлекло за собой изменение подходов к организации контрольно-надзорной деятельности, введение риск-ориентированного подхода, пересмотр перечня полномочий различных уровней власти. Эти изменения требуют осмысления и оценки их практической реализации на региональном уровне, в том числе применительно к специфике Волгоградской области.

Во-вторых, Волгоградская область относится к числу регионов с высокой антропогенной нагрузкой на земельные ресурсы. Территория области характеризуется развитым промышленным производством, интенсивным ведением сельского хозяйства, наличием крупных городских агломераций. При этом природно-климатические условия региона, такие как засушливый климат, распространение эрозионно-опасных земель, подверженность ветровой и водной эрозии, создают предпосылки для деградации почвенного покрова при отсутствии надлежащего контроля за использованием земель. По данным различных источников, значительные площади сельскохозяйственных угодий в области подвержены процессам опустынивания, деградации, засоления и водной эрозии. В таких

условиях эффективность экологического контроля приобретает значение ключевого фактора сохранения почвенного плодородия и предотвращения необратимых изменений земельных ресурсов.

В-третьих, существующая в регионе система управления в сфере экологического контроля за использованием земель характеризуется разграничением полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. На практике такое разграничение не всегда обеспечивает должный уровень скоординированности действий, что порождает проблемы дублирования функций либо, напротив, наличие «пробелов» в контрольной деятельности. Сравнительный анализ механизмов государственного и муниципального управления в данной сфере позволяет выявить существующие дисбалансы и определить пути оптимизации межведомственного взаимодействия.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется необходимостью научного осмысления современных процессов реформирования контрольно-надзорной деятельности в сфере экологического контроля за использованием земель, потребностью в выявлении региональных особенностей реализации контрольных полномочий в Волгоградской области и важностью выработки практических рекомендаций по совершенствованию механизмов управления на основе сравнительного анализа государственного и муниципального уровней власти.

Целью исследования является проведение сравнительного анализа механизмов государственного и муниципального управления в сфере экологического контроля за использованием земель на территории Волгоградской области для выявления их эффективности, проблемных аспектов и направлений совершенствования.

Материалы и методы исследования. В ходе исследования были использованы данные территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, включая Управление Росреестра по Волгоградской области, Межрегиональное управление Росприроднадзора по Астраханской и Волгоградской областям, Управление Россельхознадзора по Ростовской, Волгоградской и Астраханской областям и Республике Калмыкия. Также

проанализированы материалы ежегодных докладов о состоянии окружающей среды Комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области. Исследованием охвачен период с 2019 по 2024 год, что позволяет выявить как устойчивые тенденции, так и изменения, связанные с реформой контрольно-надзорной деятельности.

Для анализа пространственно-временной динамики нарушений земельного законодательства применялись методы статистической обработки данных, картографический метод для выявления территориальной дифференциации нарушений, а также сравнительно-правовой анализ нормативной базы. Особое внимание уделено оценке геоэкологической эффективности контрольных мероприятий, что подразумевает анализ не только количества выявленных нарушений, но и реального состояния земельных ресурсов после применения мер воздействия.

Результаты исследования и их обсуждение.

Эволюция законодательства и структура органов контроля. Формирование законодательства в сфере охраны земель и окружающей среды представляет собой длительный исторический процесс. Истоки правового регулирования охраны земель в России восходят к периоду формирования централизованного государства. Уже в тот период государство нуждалось в сведениях о землевладельцах для сбора налогов. С развитием земельных отношений появляются писцовые книги, в которых фиксировались размеры владений, качество земель. Принципиально новый этап в развитии законодательства об охране земель и окружающей среды начинается после Октябрьской революции 1917 года, когда земля стала принадлежать государству.

Современное законодательство в рассматриваемой сфере представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую конституционные нормы, федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты. Центральное место в этой системе занимают Земельный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об охране окружающей среды», Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Основными тенденция-

ми развития законодательства являются его экологизация, унификация контрольных процедур, внедрение риск-ориентированного подхода и цифровизация контрольной деятельности.

Эффективность экологического контроля за использованием земель на территории любого субъекта Российской Федерации во многом определяется тем, насколько рационально выстроена система органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции. Волгоградская область характеризуется сложной и многоуровневой системой органов экологического и земельного контроля. В соответствии с действующим законодательством, экологический контроль за использованием земель на территории Волгоградской области осуществляется на трех уровнях публичной власти: федеральном, региональном и муниципальном.

На федеральном уровне ключевую роль играют Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) и Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор). Росприроднадзор осуществляет контроль за соблюдением требований в области охраны окружающей среды, включая требования по охране земель от загрязнения. Россельхознадзор является ключевым органом, осуществляющим государственный земельный надзор на землях сельскохозяйственного назначения. Основными направлениями деятельности Россельхознадзора являются контроль за сохранением плодородия земель, защита земель от эрозии и контроль за рекультивацией нарушенных земель.

На региональном уровне основным органом является Комитет природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области. В структуре Комитета создано Управление государственного экологического надзора. Региональные органы сталкиваются с проблемами недостаточного финансирования, кадрового дефицита и сложности взаимодействия с федеральными структурами. Эти проблемы в полной мере характерны и для Комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области.

Особое место в системе органов экологического контроля за использованием земель занимают органы местного самоуправления, осуществляющие муниципальный земельный

контроль. В Волгоградской области муниципальный земельный контроль осуществляется во всех муниципальных образованиях. Организационная структура органов, осуществляющих муниципальный земельный контроль, может различаться в зависимости от типа муниципального образования.

Пространственно-временная динамика нарушений земельного законодательства.

Анализ динамики общего количества выявленных нарушений земельного законодательства на территории Волгоградской области за рассматриваемый период позволяет сделать ряд наблюдений. В период с 2019 по 2021 год наблюдалась тенденция к увеличению количества выявляемых нарушений, что может быть связано как с активизацией контрольной деятельности, так и с реальным ростом числа правонарушений. В 2019 году на территории области было выявлено порядка 2,5 тысяч нарушений земельного законодательства, в 2020 году – около 2,7 тысяч, а в 2021 году этот показатель достиг максимального значения за рассматриваемый период – примерно 2,9 тысяч нарушений.

Начиная с 2022 года наблюдается существенное снижение количества выявляемых нарушений. В 2022 году было зафиксировано около 2,4 тысяч нарушений, в 2023 году – примерно 2,2 тысячи, а в 2024 году – порядка 2,1 тысячи. Такое снижение, по мнению специалистов, связано не столько с реальным уменьшением количества правонарушений, сколько с изменением подходов к организации контрольной деятельности. Введение мораториев на проведение плановых проверок в 2022-2023 годах, а также переход на риск-ориентированную модель контроля объективно привели к сокращению количества проводимых контрольных мероприятий.

Более информативным показателем является структура нарушений по их видам. Анализ структуры нарушений за 2024 год показывает, что наиболее распространенными являются три группы нарушений: невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв (около 32% от общего количества нарушений); самовольное занятие земельных участков (около 28%); порча земель, включая загрязнение и захламление (около 22%). Использование земельных участков не по целе-

вому назначению составляет примерно 12% от общего числа нарушений.

Преобладание нарушений, связанных с невыполнением обязательных мероприятий по улучшению и защите земель, является характерной особенностью Волгоградской области, что обусловлено спецификой региона как территории с развитым сельскохозяйственным производством. Собственники и арендаторы земельных участков сельскохозяйственного назначения зачастую пренебрегают выполнением агротехнических, агрохимических, мелиоративных, фитосанитарных и противоэрозийных мероприятий, что ведет к снижению плодородия почв, их деградации и зарастанию сорной растительностью.

Самовольное занятие земельных участков традиционно занимает значительную долю в структуре нарушений. Эта проблема особенно актуальна для пригородных территорий, зон рекреации, береговых линий водных объектов. На территории Волгоградской области наиболее остро эта проблема стоит в пригородной зоне Волгограда и Волжского. Порча земель, включая загрязнение и захламление, является нарушением, представляющим наибольшую экологическую опасность. В Волгоградской области основными причинами порчи земель являются несанкционированное размещение отходов производства и потребления, загрязнение земель нефтепродуктами и нарушение земель при проведении строительных работ без последующей рекультивации.

Переходя к пространственному анализу нарушений земельного законодательства, необходимо отметить, что территория Волгоградской области характеризуется значительной дифференциацией природно-климатических условий. Для пригородных районов Волгоградской агломерации характерна повышенная доля нарушений, связанных с самовольным занятием земельных участков и нецелевым использованием земель. Для городских округов характерна повышенная доля нарушений, связанных с порчей земель, включая несанкционированное размещение отходов. Для сельскохозяйственных районов северо-западной части области характерно преобладание нарушений, связанных с невыполнением обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране

почв. Для юго-восточных районов области характерны специфические нарушения, связанные с деградацией пастбищных угодий, перевыпасом скота, развитием процессов опустынивания.

Особого внимания заслуживает ситуация в Волго-Ахтубинской пойме, которая является уникальным природным комплексом. Территория поймы характеризуется высокой антропогенной нагрузкой и множественными нарушениями земельного законодательства, включая самовольное занятие земель в водоохранной зоне и нецелевое использование земель.

Роль и эффективность муниципального земельного контроля. Муниципальный земельный контроль занимает особое место в системе охраны окружающей среды, выступая тем уровнем публичного управления, который максимально приближен к конкретным земельным участкам. В отличие от государственного земельного надзора, муниципальный контроль реализуется органами местного самоуправления непосредственно в городских округах, муниципальных районах, городских и сельских поселениях. Такая приближенность к объектам контроля создает потенциальные преимущества в части оперативности выявления нарушений. Вместе с тем, реализация этих потенциальных преимуществ сталкивается с рядом объективных трудностей, связанных с ограниченностью полномочий и недостаточным ресурсным обеспечением.

Важной характеристикой эффективности муниципального земельного контроля является соотношение количества выявленных нарушений и количества материалов, направленных в государственные органы для принятия мер административного воздействия. Анализ показывает, что доля материалов, по которым государственными органами принимаются решения о привлечении к административной ответственности, составляет в среднем по Волгоградской области около 60-65%. Остальные материалы либо возвращаются на доработку, либо по ним выносятся решения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Основные причины отказов связаны с недостаточной доказательственной базой и неправильной квалификацией нарушений.

Проблема взаимодействия органов муниципального земельного контроля с государственными надзорными органами является одной из ключевых для повышения эффективности всей системы контроля за использованием земель. На практике реализация форм взаимодействия сталкивается с определенными трудностями. Информационный обмен зачастую носит несистемный характер, отсутствуют единые форматы передачи данных. Совместные проверки проводятся редко, что связано с различиями в планах проверок и ограниченностью ресурсов.

Особого внимания заслуживает вопрос о роли муниципального земельного контроля в выявлении и пресечении нарушений, связанных с несанкционированным размещением отходов. Эта проблема приобретает особую остроту в связи с реализацией национального проекта «Экология». Несмотря на создание региональных операторов, проблема несанкционированных свалок остается чрезвычайно актуальной для Волгоградской области. В ряде муниципальных образований реализуются программы по выявлению и ликвидации несанкционированных свалок, однако масштабы проблемы по-прежнему остаются значительными.

Важным аспектом оценки эффективности муниципального земельного контроля является его влияние на реальное состояние земельных ресурсов и окружающей среды. Косвенными показателями могут служить динамика количества нарушений, динамика площадей нарушенных земель, количество ликвидированных свалок. Анализ этих показателей применительно к Волгоградской области позволяет сделать вывод о том, что влияние муниципального земельного контроля на состояние земельных ресурсов остается ограниченным. Несмотря на высокую результативность проверок, количество повторных нарушений на одних и тех же участках остается значительным.

Территориальное планирование и экологический контроль. Эффективность экологического контроля неразрывно связана с качеством территориального планирования. Правильное зонирование территорий, учет экологических ограничений при разработке документации по планировке территории позволяют предотвратить многие виды нарушений

на стадии проектирования. В этом контексте особое значение приобретает анализ генеральных планов городов и схем территориального планирования муниципальных районов.

Исследования, посвященные территориальному анализу современных тенденций экономического развития города, показывают, что учет экологических факторов в градостроительной документации является необходимым условием устойчивого развития. Например, в работе Зарбалиевой Н.О. проводится территориальный анализ современных тенденций экономического развития города на примере Генерального плана г. Волгограда [1]. Такой подход позволяет выявить зоны потенциального экологического конфликта и заранее предусмотреть механизмы контроля за использованием земель в этих зонах. Интеграция данных экологического мониторинга в системы территориального планирования позволяет повысить превентивную эффективность контроля.

В Волгоградской области предпринимаются определенные шаги по повышению эффективности муниципального земельного контроля в сфере противодействия несанкционированному размещению отходов. Однако для достижения значимых результатов необходимо укрепление кадрового потенциала органов местного самоуправления и внедрение современных информационных технологий. Важно также усиление экологической составляющей контроля, обеспечение не только формального соблюдения земельного законодательства, но и реального улучшения состояния земельных ресурсов.

Заключение. В ходе исследования была рассмотрена эволюция законодательства в сфере охраны земель и окружающей среды, которая показала, что формирование правовых основ экологического контроля прошло длительный исторический путь. Современное законодательство представляет собой сложную многоуровневую систему. Основными тенденциями развития законодательства являются его экологизация, унификация контрольных процедур, внедрение риск-ориентированного подхода и цифровизация контрольных мероприятий.

Анализ организационно-функциональной характеристики органов контроля в Волго-

градской области позволил выявить сложную, многоуровневую систему, включающую федеральные, региональные и муниципальные органы. Исследование показало, что эффективность функционирования этой системы зависит от четкости разграничения полномочий, достаточности кадровых и материально-технических ресурсов, налаженности межведомственного взаимодействия. Выявлены проблемные аспекты, включающие кадровый дефицит, недостаточное материально-техническое обеспечение, сложности межведомственного взаимодействия, ограниченность полномочий муниципального уровня.

Изучение пространственно-временной динамики нарушений земельного законодательства на территории Волгоградской области позволило установить, что за период 2019-2024 годов наблюдалась определенная динамика количества выявляемых нарушений. В структуре нарушений преобладают три основные группы: невыполнение обязательных мероприятий по улучшению и защите земель, самовольное занятие земельных участков и порча земель. Пространственное распределение нарушений характеризуется значительной неравномерностью, обусловленной хозяйственной специализацией и природными условиями муниципальных образований.

Анализ деятельности органов государственного экологического надзора на территории Волгоградской области показал, что федеральные и региональные органы обладают широкими полномочиями. Анализ резуль-

тативности деятельности государственных органов выявил определенные проблемы, включая высокую нагрузку на инспекторский состав и сложность доказывания отдельных видов нарушений. Исследование роли и эффективности муниципального земельного контроля в системе охраны окружающей среды региона показало, что этот уровень контроля является важным элементом системы управления земельными ресурсами, обеспечивающим выявление и пресечение нарушений земельного законодательства на местном уровне.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать общий вывод о том, что существующая в Волгоградской области система государственного и муниципального экологического контроля за использованием земель в целом обеспечивает выполнение возложенных на нее функций, однако ее эффективность может быть существенно повышена за счет оптимизации взаимодействия между различными уровнями публичной власти, укрепления ресурсной базы органов контроля, прежде всего муниципального уровня, и внедрения современных информационных технологий. Особого внимания требует усиление экологической составляющей контроля, обеспечение не только формального соблюдения земельного законодательства, но и реального улучшения состояния земельных ресурсов, предотвращение их деградации, сохранение и восстановление плодородия почв.

Библиографический список

1. Зарбалиева Н.О. Генеральный план г. Волгограда: территориальный анализ современных тенденций экономического развития города / Н.О. Зарбалиева // Природные системы и ресурсы. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 34-43.
2. Ибрагимов К.Х. Исторические закономерности становления и развития административно-правовых основ режима охраны и использования земель сельскохозяйственного назначения / К.Х. Ибрагимов, Ф.К. Ибрагимова // Правовая охрана окружающей среды. Аграрное и земельное право. – 2014. – № 9. – С. 100-106.
3. Кичигин Н.В. Разграничение объектов государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля как способ устранения правовой неопределенности / Н.В. Кичигин // Экологическое право. – 2024. – № 1. – С. 17-22.
4. Коняшин М.С. Климат Волгоградской области и особенности его формирования / М.С. Коняшин, Н.О. Рябина // Вопросы степеведения. – 2011. – № 9.
5. Круглов В.В. О некоторых организационно-правовых мерах обеспечения экологической безопасности в России / В.В. Круглов, Е.Ю. Гаевская // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 5. – С. 65-70.

6. Сухарькова, А.В. Основные проблемы экологии Волгоградской области / А.В. Сухарькова // Актуальные проблемы строительства, ЖКХ и техносферной безопасности: материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-технической конференции молодых исследователей, Волгоград, 22-27 апреля 2019 года. – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2019. – С. 318-320.

7. Черных С.А. Усиление роли органов муниципального земельного контроля в сфере противодействия несанкционированному размещению отходов на земельных участках / С.А. Черных, Т.П. Ладыженская // Journal of monetary economics and management. – 2024. – № 7. – С. 56-62.

EFFICIENCY OF STATE AND MUNICIPAL CONTROL MECHANISMS IN THE SPHERE OF ECOLOGICAL LAND USE IN THE VOLGOGRAD REGION

A.S. Omelchenko, Graduate Student¹, Cartographer/geodesist engineer²

Sh.S. Zarbali¹, Graduate Student

N.O. Zarbalieva¹, Associate Professor

¹Volgograd State University

²Volgogradnigiprozem LLC

(Russia, Volgograd)

Abstract. The article analyzes the effectiveness of state and municipal environmental control mechanisms for land use in the Volgograd Region. It examines the evolution of environmental legislation, the structure of control and supervisory bodies at the federal, regional, and municipal levels, as well as the spatial and temporal dynamics of land legislation violations from 2019 to 2024. Special attention is paid to the role of municipal land control, its challenges (staff shortages, weak interagency cooperation), and its limited impact on the actual condition of land resources.

Keywords: environmental control; land use; Volgograd Region; municipal control; land degradation; legislation; environmental protection.

ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Д.З. Сабирова, студент

Научный руководитель: Т.А. Даутова, канд. социол. наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-353-357

Аннотация. Статья рассматривает гендерные и возрастные аспекты управления персоналом в российских организациях. Исследование основано на анализе статистических данных. Раскрывается влияние гендерных и возрастных аспектов на подбор, адаптацию, мотивацию, обучение, оценку и карьерный рост сотрудников. Обосновывается необходимость прозрачных процедур, оценки деловых качеств, профилактики дискриминации и развития межпоколенческого взаимодействия. Учёт этих различий повышает устойчивость организации, вовлечённость персонала и качество управленческих решений.

Ключевые слова: управление персоналом; гендер; возраст; многообразие; дискриминация; кадровая политика; мотивация; адаптация; корпоративная культура; равные возможности.

Современное управление персоналом в российских организациях развивается в условиях цифровизации, демографических изменений и растущих требований к человеческому капиталу. Сегодня важно смотреть на работника шире, чем просто как на исполнителя должностных обязанностей. Для организации имеют значение его компетенции, опыт, ценности и способность к обучению. Поэтому гендерные и возрастные аспекты напрямую влияют на эффективность найма, адаптации, мотивации, развития и удержания сотрудников.

Актуальность темы в том, что различия между людьми могут усиливать организацию, если руководитель грамотно использует их как ресурс. Но если кадровые решения принимаются под влиянием стереотипов, это создаёт риски: снижается мотивация, ограничивается конкуренция и появляются правовые последствия для работодателя.

Цель выполненного исследования – показать роль гендерного и возрастного аспектов в управлении персоналом в российских организациях.

Под гендерными аспектами понимается не просто разделение сотрудников на мужчин и женщин, а учёт социальных ролей, возможностей и ограничений, которые проявляются в трудовой деятельности. Такой подход не должен закреплять стереотипы о «мужских» и «женских» профессиях. Главная задача –

обеспечить каждому сотруднику равный доступ к развитию, справедливой оплате, участию в принятии решений и карьерному продвижению.

Возрастные аспекты связаны с тем, что в одной организации работают представители разных поколений. Молодые специалисты быстрее осваивают цифровые инструменты, сотрудники среднего возраста обладают устойчивыми компетенциями и опытом, а работники старшего возраста сохраняют профессиональную память компании и часто выступают хорошими наставниками. Эффективный руководитель использует сильные стороны каждой группы, не сводя человека к его возрасту.

Согласно Трудовому кодексу РФ, кадровые решения должны основываться исключительно на деловых качествах работника. Запрещена дискриминация по полу, возрасту, семейному положению и другим признакам, не связанным с профессиональной деятельностью [1].

Актуальность подтверждается данными Росстата за 2025 год. Численность занятых в экономике России составляет около 74-75 млн человек. Мужчины составляют примерно 51% занятых, женщины – около 49%. Средний возраст работника в России достиг 42-43 лет [2]. Ниже представлена структура занятости населения России по полу, отраслям и возрасту.

Таблица 1. Общая занятость мужчин и женщин в РФ [3]

Категория	Численность	Доля
Мужчины	38 млн	51-52%
Женщины	36 млн	48-49%

По данным Росстата (табл. 1), мужчины незначительно преобладают в структуре занятости населения России.

Таблица 2. Отрасли с преобладанием мужчин и женщин [3]

Отрасль	Преобладающий пол	Доля
Образование	Женщины	80-83%
Здравоохранение	Женщины	78-80%
Финансы и страхование	Женщины	65-70%
Строительство	Мужчины	85-88%
Добыча полезных ископаемых	Мужчины	80-85%
Транспорт и логистика	Мужчины	75-80%

Согласно данным таблицы 2, женщины чаще заняты в образовании (80-83%), здравоохранении (78-80%) и финансах и страховании (65-70%), а мужчины преобладают в строительстве (85-88%), добыче полезных ископаемых (80-85%) и транспортной сфере (75-80%).

Таблица 3. Возрастная структура занятости и уровень заработной платы [3]

Возраст	Основные сферы	Особенности	Средняя зарплата
16-35 лет	IT, торговля, сервис	Высокая мобильность	45-70 тыс. руб.
36-54 года	Промышленность, управление	Максимальный опыт	70-110 тыс. руб.
55+ лет	Образование, медицина	Наставническая роль	45-75 тыс. руб.

Анализ возрастной структуры занятости (табл. 3) показывает, что работники в возрасте 16-35 лет заняты в основном в IT, торговле, сервисе. В промышленности и управлении преобладают работники в возрасте 36-54 лет. в сфере медицины и образования задействованы в основном работники в возрасте старше 55 лет.

Наиболее высокий уровень заработной платы характерен для работников среднего возраста, обладающих профессиональным опытом и устойчивыми компетенциями.

Рассмотрим гендерные ограничения по профессиям. В России действует запрет дискриминации по полу и возрасту, однако гендерный фактор заметен при подборе персонала. Часто работодатели используют неформальные критерии: возраст, наличие детей, семейное положение или представления о «подходящем» поле для должности. Похожие скрытые барьеры существуют и в карьерном продвижении [4]. Как отмечают исследователи, для женщин во многих сферах деятельности существует т.н. «стеклянный потолок». Женщины реже рассматриваются на руководящие позиции [5], в то время как мужчины реже продвигаются по карьерной лестнице в

сферах, традиционно считающихся «женскими».

Чтобы избежать этого, нужны прозрачные критерии повышения, регулярная оценка результатов, открытые конкурсы и анализ оплаты труда по сопоставимым должностям.

Возрастной фактор тоже требует внимания. Молодых иногда считают недостаточно ответственными, а сотрудников старшего возраста – менее гибкими и обучаемыми [6]. Такие стереотипы приводят к потере ценных кадров. Грамотный менеджер оценивает конкретные результаты, мотивацию и готовность к развитию.

Важным инструментом работы с возрастным разнообразием является система адаптации. Молодым сотрудникам нужна помощь в понимании корпоративных правил, опытные нуждаются в освоении новых внутренних процессов. На наш взгляд адаптацию нужно строить поэтапно:

- 1) на первом этапе нужно организовать знакомство с организацией и должностными требованиями;
- 2) на втором этапе закрепить наставника;
- 3) на третьем этапе оценить первые результаты;

4) далее, в случае необходимости, корректировать индивидуальный план развития;

5) установить обратную связь от руководителя и сотрудника.

Мотивация сотрудников тоже имеет гендерные и возрастные особенности, но универсальных схем лучше избегать. Более эффективен индивидуальный подход: сочетание достойной оплаты, признания достижений, обучения, гибкого графика и комфортного психологического климата, и доброжелательной атмосферы в коллективе.

Для эффективной работы коллектива важно налаживать межпоколенческое взаимодействие. Разные поколения по-разному воспринимают коммуникацию, скорость изменений и баланс работы и жизни. Чтобы снизить конфликты, полезно: формировать смешанные проектные команды; использовать наставничество с учетом задач; организовывать совместное обучение; развивать уважительную коммуникацию и культуру обратной связи; оценивать сотрудников исключительно по результатам.

Например, российская компания «Техно-николь» при подборе руководителей подразделений активно использует матрицу компетенций. Компания отказалась от субъективных оценок и внедрила четкие критерии оценки кандидатов (управленческий опыт, знание технологических процессов, результаты реализованных проектов, способность работать с разновозрастной командой, скорость обучения). Собеседование проводится по единым стандартизированным вопросам, а результаты фиксируются в оценочном листе. После назначения нового руководителя часто организуется взаимный обмен опытом: более опытные сотрудники передают знания о внутренних процедурах и корпоративной культуре, а молодые специалисты помогают с цифровизацией и современными инструментами. Такой подход позволил существенно снизить влияние стереотипов и повысить объективность кадровых решений [7].

Обучение и развитие персонала тоже должно строиться по реальным потребностям, а не по возрасту: молодым предложить наставничество, среднему возрасту – проектное и управленческое обучение, старшим – цифровая грамотность и передача опыта.

Ключевую роль в управлении трудовыми отношениями играет организационная (корпоративная) культура [8]. Этический кодекс, политика равных возможностей, прозрачные процедуры рассмотрения жалоб и обучение руководителей помогают предотвращать дискриминацию. Эффективность можно оценивать по структуре персонала, доле разных групп работников в обучении и продвижении, уровню текучести и результатам опросов вовлеченности.

Проведенное исследование гендерных и возрастных аспектов управления персоналом в российских организациях позволило выявить сложную систему взаимосвязей между демографическими характеристиками сотрудников и эффективностью управленческих практик. На основе анализа теоретических подходов и эмпирических данных можно сделать вывод, что игнорирование гендерных и возрастных особенностей в HR-менеджменте ведёт к снижению вовлеченности персонала, росту текучести кадров и упущенным возможностям для развития организации.

В отношении гендерных аспектов было установлено, что, несмотря на формально равные права, в российских компаниях сохраняются скрытые барьеры для карьерного роста женщин, особенно на руководящих позициях. Анализ статистических данных и корпоративных кейсов демонстрирует, что женщины чаще занимают должности в сферах HR, бухгалтерии, административной поддержки, тогда как мужчины доминируют в технических и стратегических направлениях. Это связано не столько с профессиональными компетенциями, сколько с устойчивыми стереотипами и организационной культурой. Вместе с тем организации, внедряющие политику гендерного равенства (прозрачные критерии продвижения, менторские программы для женщин, гибкий график), демонстрируют более высокую инновационную активность и лояльность сотрудников. Особого внимания заслуживает феномен «стеклянного потолка» и «липкого пола», который требует целенаправленных мер со стороны HR-служб: от аудита кадровой политики до тренингов по осознанному управлению разнообразием.

Что касается возрастных аспектов, исследование подтвердило наличие существенных различий в мотивационных профилях, стилях

коммуникации и предпочтениях в обучении у представителей разных поколений. Так, сотрудники предпенсионного и пенсионного возраста демонстрируют высокую лояльность, глубокие отраслевые знания и приверженность традициям, но испытывают трудности с адаптацией к цифровым технологиям. Представители поколения Y (миллениалы) ориентированы на баланс работы и личной жизни, регулярную обратную связь и возможности для самореализации, тогда как поколение Z уже на старте карьеры предъявляет повышенные требования к корпоративной этике, социальной ответственности бизнеса и прозрачности управленческих решений. Эти различия создают как риски (конфликты в командах, недопонимание), так и возможности (обмен опытом, синергия компетенций), которые могут быть реализованы через практики межпоколенческого наставничества и гибкие HR-инструменты.

Особую специфику в контексте российской действительности приобретает проблема возрастной дискриминации (эйджизма), которая часто носит латентный характер. В условиях дефицита квалифицированных кадров и демографических вызовов (старение населения, отток молодёжи из ряда отраслей) неиспользование потенциала опытных сотрудников и отсутствие систем преемственности становятся критическими факторами риска для устойчивости бизнеса. Одновременно наблюдается тенденция к омоложению управленческих команд в высокотехнологичных секторах, что требует разработки механизмов интеграции молодых лидеров в сложившиеся корпоративные иерархии.

На основе полученных результатов сформулированы ключевые рекомендации для российских организаций. Во-первых, необходимо внедрять дифференцированные подходы к управлению персоналом с учётом гендерных и возрастных характеристик: персонализированные программы обучения, гибкие форматы занятости, целевые карьерные треки. Во-вторых, целесообразно развивать культуру инклюзии через обучение руководителей,

формирование кросс-функциональных команд и прозрачные системы оценки эффективности. В-третьих, важно актуализировать локальные нормативные акты, исключая формулировки, потенциально ведущие к дискриминации, и закрепляя принципы равных возможностей. Наконец, перспективным направлением видится использование цифровых HR-платформ для анализа демографического профиля организации и прогнозирования кадровых рисков.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийного аппарата (в частности, взаимосвязи категорий «гендер», «возраст» и «организационное поведение») и расширении эмпирической базы за счёт данных по российскому рынку труда. Практическая ценность работы состоит в возможности применения предложенных рекомендаций для повышения эффективности HR-менеджмента, снижения конфликтности в коллективах и формирования устойчивой кадровой стратегии в условиях социально-демографических изменений.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углублённым изучением поколенческой динамики в контексте цифровой трансформации, анализом влияния гендерно-возрастных факторов на инновационную активность компаний и разработкой отраслевых моделей инклюзивного управления персоналом. Особое внимание следует уделить мониторингу изменений, вызванных внешними шоками (экономическими, технологическими, социальными), и их воздействию на гендерно-возрастную структуру трудовых коллективов.

Таким образом, учёт гендерных и возрастных аспектов в управлении персоналом перестаёт быть вопросом социальной справедливости и становится стратегическим императивом для российских организаций, нацеленных на долгосрочный успех в условиях глобальной конкуренции. Реализация принципов разнообразия и инклюзивности открывает новые возможности для раскрытия человеческого потенциала и устойчивого развития бизнеса.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации. Ст. 3 «Запрещение дискриминации в сфере труда» // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

2. Росстат. Женщины и мужчины России. 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215>.
3. Росстат. Труд и занятость в России. 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>.
4. Сытник А.А. Гендерные особенности управления персоналом организации / А.А. Сытник, А.В. Храмова // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2023. – № 1(49). – С. 192-202. – EDN GWGYJK.
5. Даутова Т.А. Гендерное представительство в органах государственной власти Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5 (168). – С. 462-464.
6. Селезнева Е.В. Половые и возрастные особенности в структуре управленческих ролей / Е.В. Селезнева, А.В. Трифонова, Е.Г. Чирковская // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 85. – С. 142-166. – DOI 10.24412/2070-1381-2021-85-142-166. – EDN QXXXVI.
7. Пример заполнения матрицы компетенций персонала // Директор по персоналу, 2024-2025 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hr-director.ru/article/67445-matritsa-kompetentsiy-kak-sostavit-19-m8>.
8. Даутова Т.А. Социология управления: учебное пособие. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – 228 с.

GENDER AND AGE ASPECTS OF PERSONNEL MANAGEMENT IN RUSSIAN ORGANIZATIONS

D.Z. Sabirova, *Student*

Supervisor: *T.A. Dautova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *The article examines gender and age aspects of personnel management in Russian organizations. The study is based on the analysis of statistical data. The impact of gender and age aspects on the selection, adaptation, motivation, training, assessment and career growth of employees is disclosed. The need for transparent procedures, assessment of business qualities, prevention of discrimination and the development of intergenerational interaction is justified. Taking into account these differences increases the stability of the organization, staff involvement and the quality of management decisions.*

Keywords: *personnel management; gender; age; diversity; discrimination; personnel policy; motivation; adaptation; corporate culture; equal opportunities.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 5-2 (116), май 2026 г.

Редактор: Д.М. Матвеев
Верстка: Ю.А. Матвеева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Подписано в печать 07.06.2026 г.

Дата выхода в свет 20.06.2026 г.

Усл. печ. л. 22,37. Уч.-изд. л. 17,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Капитал»
г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1
Тел. 8(905)951-51-63, info@intjournal.ru

Цена печатного экземпляра: 590 руб.